

Московский государственный институт
международных отношений
(Университет)

ВОСТОК/ЗАПАД

Региональные подсистемы и региональные проблемы
международных отношений

Учебное пособие

Под редакцией А.Д. Воскресенского

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов
Российской Федерации по образованию в области
международных отношений в качестве учебного пособия
для студентов, обучающихся по специальности
и направлениям «Международные отношения»
и «Регионоведение»*

Редакционный совет:

Л.В. Торкунов (председатель), М.В. Ильин, Ю.М. Колосов,
Н.Н. Ливенцев, А.Ю. Мельвиль, А.К. Сорокин,
И.Г. Тюлин, О.Г. Ульциферов

Рецензенты: И.Г. Тюлин, Е.Д. Халевинская,
С.Г. Лузянин

Научные редакторы: А.Д. Воскресенский, Н.П.
Малетин

В 78 Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные

проблемы международных отношений. Учебное пособие / Под редакцией А.Д. Воскресенского. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 528 с. В учебном пособии, подготовленном международным коллективом авторов из России, Китая, Индии, рассматриваются дискуссионные геополитические вопросы, связанные с функционированием региональных подсистем международных отношений. Книга представляет собой учебную литературу нового типа — с многомерным взглядом на дискуссионные проблемы, с большой долей аналитического компонента и ориентированную как на студентов, так и на исследователей и широкий круг читателей, интересующихся мировыми и региональными проблемами. ISBN 5 - 8243 - 0261 – 8 Московский государственный институт международных отношений (Университет), 2002. Коллектив авторов, 2002. «Российская политическая энциклопедия», 2002.

Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений
Объект познания как система функционирует в среде и взаимодействует с другими системами. Из этого положения вытекает целый ряд важных выводов. Во-первых, в основе системы должен лежать материальный объект. Во-вторых, так как человек вырабатывает свой способ отношения к действительности и собственному бытию посредством определенных психических процессов, то появляются нематериальные духовные системы, ориентированные на человека и взаимосвязанные с материальными. В-третьих, структура системы определяется сформулированной целью, так как каждая система состоит из ряда специфичных по решаемым задачам элементов. Таким образом, под системой можно понимать особую организацию специализированных элементов, объединенных (или объединяемых) в единое целое для решения конкретной задачи или выполнения определенной функции. Основное качество системы (целостность) заключается в не сводимости ее свойств к свойствам элементов, и наоборот. Иными словами, система — аналитически созданный объект анализа, характеризующийся рядом переменных факторов, не теряющих идентичности с течением времени, т.е. система — это общность элементов, отличающаяся от составляющих ее единиц.

Системе присуще свойство развиваться, адаптироваться к новым условиям путем создания новых связей между элементами системы, а также элементов системы (подсистемы) со своими локальными (частными) целями и средствами достижения. Отношения между составляющими системы или ее внешним окружением категоризируются по степени различия, амбивалентности и являются отношениями тождества, различия, противоположности (или противоречия). Любое из несовпадений между составляющими системы на качественном уровне может вылиться в нечто новое (новое качество или новый элемент), не присущее изначальной системе. Организуясь как самостоятельное, это образование несет в себе категорию отрицания. Цикл завершается сосуществованием двух образований — старой системы и нового образования, приобретающего законченную форму и, быть может, становящегося новой самостоятельной системой. Источником нового в системе могут быть как внутренние противоречия между элементами системы, так и внешние — между системой и средой.

В теории систем термин противоречия часто заменяют понятием конфликт. Именно поэтому проблематика конфликтов и безопасности выделена в настоящей работе в отдельный, заключительный отдел. Некоторые исследователи рассматривают конфликт как частный случай взаимодействия динамических систем, включающих также единство, содружество, содействие, симбиоз. Теория систем позволяет рассматривать всю систему как совокупность участников со своими взаимоотношениями, а взаимодействующие стороны интерпретировать как элементы этой системы со сложными связями между собой.

Основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы); целостность, определяющая ее внутренние свойства (характеристики), т.е. внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств

системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз, т.е. соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информационность, т.е. методы воплощения информационной сущности сигналов и способов кодировки передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы).

При применении теории систем нам также понадобится определить следующие понятия: состояние системы — совокупность параметров, характеризующих функционирование системы, которая однозначно определяет ее последующие изменения;

структура — совокупность функциональных элементов системы, объединенных определенными связями;

модель — специально синтезированный для удобства исследования объект, который обладает необходимой степенью подобия исходному, адекватной целям исследования;

движение системы — изменение состояния системы, обусловленное внешними и внутренними причинами;

управление системой — особым образом ориентированное воздействие на систему, которое обеспечивает придание ей требуемых свойств или состояний.

Еще одним важным свойством системы является ее безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны — внешнюю, т.е. определяющую воздействие объекта на среду, и внутреннюю, т.е. характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность — это способность системы взаимодействовать со средой так, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, характеризующих допустимое состояние среды. Внутренняя безопасность — характеристика целостности системы, т.е. способность системы поддерживать свое нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Следовательно задачей безопасности является определение угрозы распада системы в целях своевременного принятия мер по недопущению этого процесса.

Вне зависимости от того, является ли система естественной или искусственной, планируемой или существующей, она отражает некоторую объективную реальность. Иными словами, функционирующая система обладает свойствами, носителями которых является существующая реальность. Однако оценивать эти свойства может только над системная структура, т.е. для вынесения суждения о системе (подсистеме) надо выйти из нее (показатель качества системы есть мера субъективной оценки объективной действительности).

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 50-х годов XX в., хотя многие из положений теории международных отношений были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики. Исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику — по характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в них сложно провести четкую границу и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Подсистемы Европы или Азиатско-Тихоокеанского региона хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, часто весьма условные. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они представляют собой не просто аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельные

индивиды), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения.

Общая теория систем, разработанная в общественных науках, рассматривалась в наиболее радикальной форме применительно к международным отношениям американским исследователем М. Капланом в классической книге «Systems and Process of International Relations» (N.Y., 1964). Впоследствии с резкой критикой этого подхода выступил другой классик теории международных отношений К. Уолтц в своих работах «Theory of International Relations» (L., 1975) и «Theory of International Politics» (Reading, 1979). После того как подход К. Уолтца стал фактически общепринятым в науке о международных отношениях (пусть в некоторых странах он напрямую и не ассоциировался с его именем), подход М. Каплана был подвергнут критике практически всеми западными авторами, которые сколько-нибудь серьезно занимались теорией международных отношений. Однако без краткого анализа концепции М. Каплана непонятно, что из системной теории может применяться и успешно применяется в сегодняшнем теоретическом анализе международной и региональной систем отношений. Согласно теории М. Каплана и в соответствии с классической теорией систем, система представляет собой некий аналитически созданный объект анализа, который характеризуется рядом переменных факторов, не теряющих идентичности с течением времени. Эта предпосылка позволяет применять системный подход к анализу исторического процесса. Используя свой набор переменных факторов, М. Каплан вычленяет шесть типов международных систем: баланс сил; мягкую биполярную систему; жесткую биполярную систему; систему, состоящую из объектов, обладающих правом вето («unit veto» system); а также иерархическую и универсальную системы, часть из которых не поддается подтверждению историческими примерами, а является простыми аналитическими моделями. Основная посылка М. Каплана в отношении всех систем состоит в том, что система есть явление, которое в определенном смысле отличается от составляющих ее обособленных единиц. «Чистый» системный подход и его слабые стороны в плане объяснения явлений международных отношений были проанализированы К. Уолтцем и рядом других, в том числе и отечественных, авторов (см. литературу в приложении к книге).

М. Каплан в своих работах, применив функциональный метод анализа социальных явлений Т. Парсонса (Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997), также выявил различие между функциями в системе, определив некоторые из них как позитивные, другие — как негативные, а третьи — как функции «иного уровня» (в его терминологии «ступенчатого уровня» (step-level, т.е. уровня, повышающего на ступень). Согласно такой классификации, при одних отношениях между объектами международных отношений сохраняется статус-кво, другие отношения частично его изменяют, а третьи (на «уровне другой ступени») влияют на систему в целом (скажем, на уровне подсистем или элементов системы) и трансформируют ее в новую систему. В концепции М. Каплана важна также идея о том, что единица анализа представляет собой и систему, и подсистему одновременно. В то же время модель баланса сил (или баланса мощи) в системе М. Каплана является некоей международной системой без политических подсистем с пятью или более участниками (другие аналитики говорят о двух-трех участниках), а также определенными правилами, по которым играют эти участники. Правила состоят в следующем: участники стремятся увеличить свои возможности и, не желая потерять это преимущество, предпочитают вести борьбу; они прекращают борьбу, если появляется опасность уничтожения всех участников; любое государство будет препятствовать чрезмерному усилению другого государства или коалиции государств; любое государство будет препятствовать объединению других государств в целях создания наднациональной организации; потерпевшим поражение государствам разрешается вновь вступить в систему. На практике некоторые из этих посылок не подтверждаются на эмпирическом уровне; кроме того, правила зависят от таких вспомогательных понятий, как возможности и мощь, которые трудно поддаются количественному измерению. В то же время определенные важные предположения, сформулированные в рамках этого подхода, при

должной модификации хорошо применяются при анализе международных отношений, а значит, продолжают активно использоваться практиками.

Существуют и другие подходы к международным отношениям как системе, из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурный (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как (под)системы), структурно-дипломатический (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности). Общим или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (планетарной) системы международных отношений, т.е. самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 90-е годы некоторые теоретики международных отношений заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и региональной фрагментации, с другой.

Под глобализацией здесь и далее понимается возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени либерализации движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении регионов и стран, возникновении межнациональных социальных движений, интернализации образования, сопровождающаяся стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражающаяся в параллельно идущих процессах регионализации и фрагментации мира. Некоторые аналитики (В. Федотова, к примеру) вообще понимают глобализацию как новый процесс социальной трансформации, который вытесняет выбор путей отдельных обществ в их локальные пространства.

Под регионализацией понимается формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств, а под регионализмом — формирование экономических сообществ близко расположенных государств посредством торговых соглашений преференционного типа. Некоторые аналитики под регионализмом (точнее международным регионализмом) понимают взаимозависимость стран и выход интересов национальных субъектов за их границы, но в региональных рамках. В главе 6, раздел III предложено и другое, более узкое, понимание регионализации как региональной экономической интеграции.

Как уже отмечалось, и в самой теории систем была заложена возможность рассмотрения частей «большой системы» в качестве подсистем — несмотря на определенную целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны онтологические разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее и обладает определенной автономией, а также и тем, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной,

культурной, этнопсихологической) функционирования частей системы, т.е. подсистем. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т.е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая и культурно-цивилизационная принадлежность. Так проблематика теории систем была воспринята регионоведением, во всяком случае теми представителями этой дисциплины, которые исходят из определения регионоведения как комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-

правовых, при-родно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть отграничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.

Некоторые исследователи (к примеру, А.С. Мальгин), опираясь на ранее разработанные в отечественной науке о международных отношениях подходы, посчитали продуктивным использовать понятие международно-политический регион и соответственно понимать под регионом в международных отношениях (или международно-политическим регионом) совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными. Предлагаемое ниже и частично отраженное в данной книге условное членение мира на региональные подсистемы и регионы исходит из широкого определения понятия регион: географические макрорегионы — Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию; мезорегионы (средние регионы): Центральную, Северную, Южную Америку, Европу, Австралию и Океанию, Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную Азию, Северную (арабскую) Африку и Африку южнее Сахары, а также регионы (субрегионы) с подразделением Америки на Центральную, Северную и Южную, Европы на Северную, Восточную, Центральную и Южную (в другом членении — Западную, Центральную и Восточную, причем в разных классификациях в состав региона Европа в целом и в ее части включают разное число стран), а Западную, точнее Юго-Западную, Азию — на Ближний и Средний Восток. Однако понятие Ближний и Средний Восток шире, чем Юго-Западная Азия, так как в него включают не только шестнадцать государств последней, но также и Египет и Судан. Такое понимание региона опирается на его определение как обширной территории, охватывающей главные подразделения континентов или их целостные части.

Кроме того, выделяются историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский (состоящий из шести государств), арабский (состоящий из семнадцати государств), российский (Россия, Украина, Беларусь или, в другой интерпретации, двенадцать стран СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран).

Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство.

Можно также говорить и о культурно-религиозных макрорегионах или цивилизационных комплексах, где под цивилизационным комплексом понимается социокультурная система, а под локальной цивилизацией предложенное Б.С. Ерасовым понятие социокультурной общности, формируемой на основе универсальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусстве. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский, латиноамериканский, африканский, тихоокеанский. Такая классификация опирается на понимание региона как некоей части, характеризующейся общностью исторического развития территории, географического положения (в большей степени), природных и трудовых ресурсов, специализацией хозяйства (в меньшей степени).

Ясно, что по этим классификациям отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности, и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными

проблемами, традиционной враждой, т.е. правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы. К ним относят сообщества соразвития — американское, европейское и азиатско-тихоокеанское. Интересно, что такое членение соответствует делению на торговые блоки.

Некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические очертания, к примеру, Юго-Восточная Азия, страны арабского Магриба, страны Персидского (Арабского) залива, страны Бенгальского залива. Такое членение, как правило, опирается на более узкое определение региона как сложного культурно-территориально-экономического комплекса, имеющего ограниченные внутренние ресурсы, свою структуру производства и социальных отношений, определенные (специфические) потребности в связях с внешней средой. Таким образом, кроме широкого и узкого определения региона можно говорить также и о расширительном понимании региона как территории шире, чем территория национального государства и об узком понимании региона как определенной территории в составе национального государства.

Возможно и другое членение мира на регионы и субрегионы, поскольку не существует общепринятого определения понятия регион. В частности, иногда говорят о географо-политическом субрегионе Юго-Западная Азия, выделяя в нем Присредиземноморье (Левант), Двуречье и Аравию; в Африке также можно выделить три (Северная и Северо-Восточная Африка и весь остальной континент) и пять регионов (субрегионов) — восточный, средний, северный, южный и западный, а три государства северо-востока Африки образуют регион Африканского Рога. Часто в Северо-Восточной Азии выделяют Дальний Восток.

Иногда исследователи делят Азию на Южную, Юго-Восточную и Восточную, таким образом исключая из нее Океанию и Австралию, Ближний и Средний Восток и государства Центральной Азии. При этом некоторые исследователи считают, что Афганистан принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока, чем Южной Азии, в которую объединяют семь государств Южно-азиатской ассоциации регионального сотрудничества (SAARC — South Asian Association for Regional Cooperation) — Бангладеш, Бутан, Индию, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланку. Внутри этой ассоциации Бангладеш, Индия и Шри-Ланка образовали объединение стран Бенгальского залива. Десять стран Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма (Бирма), Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) образовали ассоциацию государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН (ASEAN — Association of Southeast Asian Nations).

В Восточную Азию обычно включают Китай (КНР), Японию, Северную и Южную Корею, Монголию и Тайвань. Однако в последнее время все большее распространение получает и расширительное понимание Восточной Азии как геоэкономического ареала, в который входят Япония, Китай (КНР), Южная Корея, Тайвань, Гонконг (сегодня он снова часть КНР), Малайзия, Сингапур, Таиланд и Индонезия. С некоторыми оговорками в это геоэкономическое образование также включают Вьетнам, Камбоджу, Лаос и Мьянму, а в самое последнее время — и Монголию, российский Дальний Восток, некоторые из государств на Тихоокеанских островах, Австралию и Новую Зеландию, но не Северную Корею. Все эти государства (плюс Антарктика) входят в Восточное полушарие (в противовес государствам Западного полушария).

По-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международных отношений, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах — западноевропейской (как части европейской), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской), Ближнем Востоке, Среднем Востоке, Восточной Азии, Южной Азии, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (как частях азиатской (под)системы международных отношений), в которых Ближний и Средний Восток, АТР, Южная Азия группируются в субрегиональные подсистемы (регионально-субрегиональные подсистемы).

Вопрос о региональных и субрегиональных подсистемах международных отношений, как и о регионах вообще, является крайне дискуссионным. Когда мир описывался в категориях биполярного взаимодействия или в категориях взаимодействия двух центров

и двух типов периферий, наличие региональных и субрегиональных подсистем не вызывало сомнений и оживленных дискуссий, поскольку закономерности их функционирования связывались прежде всего со спецификой функционирования планетарной международной системы, основанной на биполярноеTM, сам механизм функционирования которой не подвергался сомнению. С момента распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло очень много вопросов, на которые пока или нет ответа, или эти ответы представляются крайне неоднозначными и дискуссионными: если биполярная система исчезла, то что пришло ей на смену? Если мы пока не можем сказать, что пришло ей на смену, то, может быть, мир вообще распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, а значит, нет и не будет общих закономерностей функционирования международной системы, а есть только сочетание взаимодействия региональных и субрегиональных подсистем? Если, так, то как каким подсистемам относятся Россия, Китай, Индия? Составляет ли Южная Азия региональную подсистему или же это субрегиональная подсистема? Каково взаимоотношение между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Восточной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией не в географическом смысле, а с точки зрения образования региональных и субрегиональных подсистем международных отношений? Как соотносятся региональные подсистемы и цивилизационные миры, в частности, в связи с нашумевшей теорией С. Хантингтона о конфликте цивилизаций? Каково соотношение между процессом глобализации и регионализации, и не является ли процесс регионализации отражением того, что планетарная международная система фактически распалась на региональные (субрегиональные) подсистемы, каждая из которых является фактически независимой системой? Или же все-таки не системой, а лишь подсистемой, т.е. существует лишь модификация неких общих закономерностей (общих параметров), связанная с географической и культурно-цивилизационной спецификой?

На большинство из поставленных вопросов сегодня пока нет однозначного ответа, и именно этим объясняется аналитическая размытость многих параметров понятия региональная подсистема, географический, экономический и геополитический срезы которых не всегда совпадают, а часто и накладываются друг на друга либо достаточно быстро видоизменяются с течением времени. В этом смысле в самом системном подходе заложена гносеологическая ограниченность — ни одна система, достигшая определенного уровня сложности не может быть познана полностью, т.е. как только аналитик выходит за рамки относительно простых систем, уменьшаются основания для правильности делаемых им выводов. Системный подход вкупе с другими подходами дает исследователю богатый теоретический и методологический материал для поиска адекватного ответа на многие вопросы.

Если обратиться к современной отечественной литературе, то становится ясно, что книг по международным отношениям не так уж и много, а большинство изданий обобщающего страноведческого, и особенно регионоведческого характера, откровенно устарело. Значительная часть проблем, о которых пишут авторы соответствующих глав, пока обсуждается в отечественной аналитике лишь на уровне круглых столов и конференций либо в малотиражных изданиях, практически не достигающих студенческой аудитории. К тому же мир развивается так стремительно и многие работы устаревают так быстро, что накопленный материал не позволяет сформулировать обобщения долгосрочного характера. Авторы полностью отдают отчет о всех сложностях, которые их подстерегают. Но учебный процесс настоятельно требует новой учебной литературы, поэтому цель данного пособия ввести в систематизированном и концентрированном виде дискуссионную проблематику, связанную с функционированием восточных подсистем международных отношений (в сравнении с западными), в учебный процесс по международным отношениям регионоведческого профиля.

Учебное пособие представляет собой литературу нового типа — с многомерным взглядом на дискуссионные проблемы, с большой долей аналитического компонента, ориентированную как на студентов и магистрантов, обучающихся по курсам «Региональные подсистемы международных отношений», «Региональные проблемы современных международных отношений», «Актуальные проблемы стран Азии и Африки» по специальностям: международные отношения, регионоведение, история, так и широкий круг читателей, интересующихся мировыми проблемами.

В нем рассмотрены закономерности (в том числе — исторические) функционирования региональных подсистем и межрегионального взаимодействия, представлен анализ региональных проблем международных отношений на Востоке через призму проблем глобализации, интеграции, регионализации, а также исследованы проблемы региональной безопасности. Конечно же, такое членение условно, оно отвечает прежде всего задачам более доходчивой подачи эмпирического материала.

Книга подготовлена кафедрой Востоковедения факультета Международных отношений при участии кафедр Истории международных отношений и внешней политики, Истории и политики стран Европы и Америки факультета Международных отношений, а также факультета Политологии МГИМО (У) МИД России, дипломатов МИД России, исследователей Дипломатической академии МИД России, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Китайского института международных проблем МИД КНР и Хайдарабадского университета (Индия).

Раздел I. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ

Глава 1.

Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай

В мире существует множество трактовок глобализации как явления. Интересно, что отношение к глобализации — положительное, негативное, осторожное — зависит от уровня социально-экономического и политического развития стран. Однако зависимость эта не столь однозначная. В развитых странах, в наибольшей степени, как принято считать, извлекающих выгоду из глобализации, существуют и, если так позволительно сказать, «глобал-скептики». Тогда как в отсталых странах, в которых наиболее распространено настороженное и даже враждебное отношение к глобализации, есть люди, видящие именно в этом процессе шанс на преодоление экономической отсталости и социальное выравнивание.

Ниже мы рассмотрим подходы к глобализации, преобладающие в развитых рыночных демократиях, в азиатских новых индустриальных и демократизирующихся странах (НИДС), в развивающихся государствах и Китае.

Развитые рыночные демократии (США, Евросоюз, Япония)

Наиболее интересные дискуссии среди представителей развитых государств, в основном США и Великобритании, развернулись вокруг определений глобализации. Здесь можно выделить несколько фундаментальных базовых подходов:

культурологический, рассматривающий глобализацию в широком цивилизационном аспекте;

экономический, трактующий глобализацию в контексте развития мировых рынков товаров, услуг, капитала и труда;

экологический, связывающий глобализацию с ухудшением экологической ситуации на нашей планете;

комплексный, рассматривающий глобализацию как в экономическом, так и в политическом, информационном, экологическом контексте, а также в контексте борьбы с международной преступностью и мировой бедностью.

Данные подходы к понятию глобализация отражают разные ракурсы видения этой проблемы, характерные для исследователей — специалистов в разных областях науки об обществе: экономике, политологии, философии, истории и т.д. По образному выражению Ф. Джеймсона (США), понятие глобализации

сродни «описанию слона, сделанному несколькими слепцами разными способами».

Сторонники культурологического подхода к глобализации рассматривают этот феномен как лежащий вне сферы известных академических дисциплин, носящий

междисциплинарный характер и находящийся на пересечении интересов экономики, права, международных отношений, политологии, культурологии, информатики и т.д. Они полагают, что не существует и не может существовать всеобъемлющего определения глобализации. И что невозможно дать такое определение до того, как явление глобализации будет изучено всесторонне.

Один из первых теоретиков концепции глобализации Р. Робертсон определил развитие глобализации как «двуединный процесс превращения всеобщего в особенное и превращения особенного во всеобщее».

Ф. Джеймсон предлагает трактовать глобализацию как противоречивый процесс, как «не превращающуюся во всеобщее всеобщность («untotalizable totality»), которая интенсифицирует бинарные отношения между своими частями — в основном нациями, но также регионами и группами, которые, однако, продолжают самоопределяться на основе модели «национальной идентичности» (а не в понятиях социальных классов, например)». Рассматривая глобализацию в философском контексте, Джеймсон выделяет четыре логически мыслимые позиции. Первая сводится к утверждению, что такого явления, как глобализация, в природе вовсе не существует, поскольку мир остается разделенным на национальные государства: «ничто не ново под солнцем». Сторонники второй точки зрения также считают, что глобализация не является новым явлением, потому, что «глобализация существовала всегда, как только люди стали мигрировать по планете и торговать друг с другом». Третий подход к глобализации связывает этот процесс с созданием мирового рынка — конечной целью капитализма. Четвертый подход, к которому склонен сам Джеймсон, трактует глобализацию как новую, или третью (после частного и монополистического капитализма), стадию развития капитализма — стадию «многонационального капитализма».

Джеймсон также ставит вопросы о взаимоотношениях между ведущими и ведомыми нациями в контексте глобализации и о том, ведет ли глобализация к транснациональному доминированию нации-лидера или, напротив, освобождает локальную культуру от национально-государственной ограниченности. При этом автор отмечает весьма очевидный факт, что глобализация по сути означает американизацию и стандартизацию сфер производства и потребления, что рассматривается им в качестве антитезиса национально-хозяйственным условиям. Однако именно философский подход к глобализации, основанный на гегелевской диалектической триаде «тезис — антитезис — синтез», по мнению ученого, позволяет правильно понять содержание этого «третьего этапа развития капитализма». Глобализация выступает в форме снятия противоречия между американизацией и стандартизацией производства и потребления, с одной стороны, и национальными экономическими особенностями, с другой.

Другой американский ученый У.Д. Мигноло, специалист по истории литературы и антропологии, рассматривает проблему глобализации в широком историческом аспекте. Мигноло трактует глобализацию как третий заключительный этап «глобальной трансформации, начиная с 1945 г.». Первыми двумя он считает крушение соответственно колониальной и социалистической системы. Ученый проводит параллель между современной глобализацией и начавшейся с 1500 г. политикой Европы по «охристианиванию и цивилизовыванию» мира. «Любая концепция «цивилизации» приобретала общемировой характер, как только Европа начала свою экспансию по планете и тем самым подавляла уже существовавшие, самоопределившиеся и весьма развитые социальные организации (такие, как, например, Китай, исламский мир, мир инков, Мексика)», — пишет Мигноло. В современном мире глобализация развивается, прежде всего, транснациональными корпорациями, которые, подобно средневековым распространителям христианства, изменяют жизнь других народов, приобщая их к достижениям цивилизации. Применяя гегелевскую терминологию, Мигноло называет глобализацию «отрицанием отрицания современной действительности» менее развитых государств, — что, по его мнению, и отражает процесс мирового развития.

Многие американские ученые связывают глобализацию с возможностью распространения по миру принципов свободы слова, прав человека и демократии, априори полагая их свидетельствами более высокого уровня развития человечества, чем политическая или коммерческая цензура, авторитаризм и тоталитаризм.

Среди западных ученых существует и более критическое отношение к глобализации как этапу развития человечества. Так, японский исследователь Масао Миёши полагает, что

«глобализирующаяся экономика есть развитие, или продолжение, колониализма». Миёши рассматривает историю экономического и культурного развития человечества в последнее столетие через призму смены экономического и политического лидера. На место английских, французских, японских, немецких колониальных империй после Второй мировой войны пришел американский капитализм. За время Второй мировой войны американский капитализм превратился в мирового лидера, тогда как Германия и Япония потеряли свои колонии как страны, проигравшие войну, а Россия оказалась сильно разрушенной боевыми действиями на ее территории. В годы «холодной войны» и деколонизации английских и французских владений США находили источники экономического роста в локальных войнах в Корее, во Вьетнаме через механизм развития военно-промышленного комплекса, дававшего в свою очередь стимулы к развитию гражданской экономики. Однако в 80-е годы американский капитализм вступил в новый этап своего процветания, связанный с расширением международной деятельности транснациональных корпораций. С этого момента, по мнению Миёши, для США стало важным не извлекать выгоды из разделения мира на склонные к конфликту национальные государства, а искать пути расчистки поля деятельности для своих ТНК. Последнее и нашло отражение в концепции глобализации.

Английский ученый Л. Склэр рассматривает глобализацию в социологическом аспекте. По его мнению, главной отличительной чертой идеи глобализации является то, что «многие современные проблемы не могут быть адекватно изучены на уровне национальных государств, т.е. в терминах международных отношений, и требуют глобальных (транснациональных) подходов». Ученый отмечает, что современные исследователи глобализации фокусируют внимание на двух ключевых аспектах: во-первых, на количественных и качественных изменениях в работе транснациональных корпораций в результате «глобализации капитала и производства» и трансформации технологической базы и, во-вторых, на широте охвата населения воздействием средств массовой информации. К этому Склэр добавляет собственную теорию «глобальной системы». Основными ее блоками являются «транснациональные корпорации, представляющие собой институциональную форму транснациональной хозяйственной деятельности», класс транснациональных капиталистов в политической сфере и «культурно-идеологическая концепция потребления». Рассматривая тенденцию укрепления мировых (глобальных) позиций глобального (транснационального) капитализма, Склэр отмечает, что этот процесс встречает сопротивление со стороны социальных движений на локальных уровнях. Выход из этого противоречия Склэр видит в глобальной демократической институализации локального социального протеста против глобального капитализма, приводящего в конечном счете к прогрессивной трансформации самого глобального капитализма. Склэр пишет: «Для того чтобы быть эффективными, социальные движения против глобального капитализма... должны подрывать капитализм локально и находить пути глобализации этих локальных подрывов, одновременно используя предоставляемые демократией возможности позитивной трансформации капитализма». Большинство приверженцев экономического подхода к глобализации рассматривают этот процесс в качестве новой стадии развития интернационализации экономической жизни. М. Интрилигейтор, отмечая рыночный характер глобализации, считает, что «источником глобализации стала конвергенция идей в направлении признания ценностей рыночной экономики и свободной торговли». Ученый полагает, что глобализация в перспективе ведет к слому национальных границ и формированию единой всемирной рыночной экономики. Результат глобализации, по Интрилигейтору, «будет состоять в дальнейшем продвижении к более открытому и интегрированному миру, все ближе и ближе к земному шару без границ и к более интегрированной, открытой и взаимозависимой мировой экономике».

Ряд ученых связывает глобализацию хозяйственной жизни с ее универсализацией, причем под универсализацией понимается приведение национальных условий хозяйствования в соответствие с нормами передовых стран. Так, немецкий ученый П. Вельфенс выступает за перестройку европейских финансовых рынков на англосаксонский манер, имея в виду акцентирование роли рынков ценных бумаг, а не банков в развитии финансовой системы Евросоюза.

М. Шимаи предлагает различать в экономической глобализации интернационализацию, транснационализацию и универсализацию. Под последней он понимает «растущее

сходство систем национального экономического регулирования, а также сближение (экономических) политик различных государств на основе... новой технологии, стандартизации производства и потребления». При этом Шимаи отмечает, что в глобализирующейся экономике не все страны занимают одинаковое место, здесь есть лидеры и аутсайдеры. Ведущую роль играют страны «семерки», которые контролируют мировые рынки и международные организации — МВФ, Всемирный банк, ВТО, и, по существу, выступают в роли тех, кто диктует мировые цены («price-makers»). Тогда как малые и средние государства, число которых в последние десятилетия возросло в результате распада колониальных империй и крушения многонациональных государств (СССР, Югославия, Чехословакия), выступают в глобальной экономике в роли «price-takers», т.е. тех, кто вынужден приспосабливаться к мировым ценам. В широком понимании Шимаи трактует экономическую глобализацию как совокупность таких процессов, как «трансграничные потоки товаров, услуг, капитала, технологий, информации и международное передвижение людей, господство мирового рынка в определении направлений торговли, инвестиций и другой деятельности частных фирм, территориальная и институциональная интеграция рынков, возникновение таких глобальных проблем, как деградация окружающей среды и рост народонаселения, которые требуют глобального сотрудничества». По мнению ученого, «на острие процесса глобализации находятся такие международные потоки денежного капитала и информации, в отношении которых национальное законодательство имеет небольшую силу».

Ч. Моррисон рассматривает экономическую глобализацию в двух измерениях — на микро- и на макроэкономических уровнях. Рассматривая глобализацию с микроэкономического уровня, Моррисон определяет ее как «особую стратегию компаний, направленную на преодоление ограничений, связанных с существованием национальных политических границ, посредством переноса производства в другие страны и расширения рынков сбыта». На макроуровне ученый характеризует глобализацию как «единство сил, интегрирующих национальные экономики в мировое сообщество». К таковым силам Моррисон относит «потоки спекулятивного капитала, прямые иностранные инвестиции, передачу технологий, рост торговли товарами и услугами, движение капитала и легальной и нелегальной рабочей силы, туризм и даже распространение в мире идей, норм поведения и жизненных ценностей».

Участники проекта «Планета Земля 21», организованного по инициативе влиятельной японской газеты «Асахи Симбун», рассматривают глобализацию как стратегию фирмы, разрабатываемую с учетом как возможностей международной экономической интеграции, так и внутренних хозяйственных условий зарубежной страны, в которой данная фирма вкладывает капитал и имеет деловые интересы. Последнее понятие определяется как локализация и означает, что фирма-инвестор должна строить свою политику в отношении собственных зарубежных филиалов таким образом, чтобы данные филиалы стали глубоко интегрированной в местную экономику частью «локального сообщества». При этом размер фирмы не имеет значения — главное, чтобы деятельность фирмы распространялась за рубеж. Исходя из такого подхода, участники проекта вводят новое понятие экономической глокализации (glocalization), которое определяется как «стратегия развития бизнеса, интегрирующая глобализацию и локализацию».

Рассматривая факторы развития экономической глобализации, западные ученые особо выделяют роль научно-технического прогресса. Так, например, Л. Кляйн указывает на следующие «технические основы глобализации»: «компьютерную технику, средства и инфраструктуру коммуникаций, распространение знаний посредством интеллектуального обмена». Достижения в этих областях, по мнению американского ученого, создали «решающие условия для организации эффективного управления производством и обменом в планетарных масштабах».

Т. Фридман полагает, что глобализация заставляет правительства, частные компании и людей во всех странах мира вести себя в соответствии с принципами свободного рынка или погибнуть в изоляции. Основную роль в развитии глобализации Фридман отводит финансовым центрам, которые перемещают международный капитал по различным направлениям через электронные сети, что и «заставляет всех актеров (мирового рынка. — Прим. авт.) вести себя одинаково». «Дарвинистская борьба за лидерство в процессе глобализации, — пишет Т. Фридман, — создает в мире жесткую иерархическую структуру,

в основу которой положен принцип: кто проводит лучшую политику в контексте глобализации». Несколько утрируя взаимосвязь между глобализацией и международной безопасностью и процветанием, Фридман предлагает собственную теорию разрешения международных конфликтов через призму происходящего расширения по миру сети ресторанов быстрого питания Макдоналдс и Пицца-Хат. По его мнению, страны, в которых наличествует представительный средний класс, пользующийся услугами Макдоналдс и Пицца-Хат, будут стараться избегать вооруженных конфликтов, с тем чтобы сохранить устоявшийся стиль жизни. Приводя примеры в подтверждение своей идеи, Фридман ссылается, с одной стороны, на продолжающиеся военные провокации в отношении Южной Кореи со стороны Северной Кореи, остающейся вне действия процессов глобализации (до начала 2000 г., когда ситуация в Корее стала меняться, в том числе под воздействием глобализации. — Прим. авт.), а с другой стороны, на мирные, хотя и напряженные отношения между Китаем, в котором насчитывается 225 Макдоналдсов, и Тайванем с его 303 ресторанами Макдоналдс.

В западных исследованиях существует и более скептическое или более сдержанное отношение к глобализации. Так, Д. Пи-зано ставит под сомнение тезис о том, что интернационализация хозяйственной жизни охватила сегодня почти весь мир. Ученый предупреждает об опасности преувеличения значения глобализации, ставя вопрос: «Действительно ли этот процесс (интернационализация хозяйственной деятельности. — Прим. авт.) является глобальным?» И сам же отвечает на него: «Мой ответ — пока нет. По крайней мере половина развивающихся стран не ощутила роста торговли и инвестиций, ассоциируемых с глобализацией».

Британские экономисты П. Хирст и Г. Томпсон вообще ставят под сомнение правомерность постановки вопроса о глобализации как уникальном явлении наших дней. Их аргументация сводится к следующим трем постулатам. Во-первых, капитализм всегда был интернациональным. Глобализация же мировой экономики, по их мнению, означает создание идеальной модели всемирного хозяйства на основе деятельности транснациональных корпораций, теряющих свою страновую принадлежность. Однако сегодня, весьма справедливо отмечают английские ученые, мир еще очень далек от такого идеала. «Лишь несколько транснациональных корпораций, — пишут они, — могут считаться многонациональными, или наднациональными». Во-вторых, международная торговля сегодня носит больше региональный, а не всеобщий характер. В качестве аргумента Хирст и Томпсон ссылаются на то, что 80% мировой торговли осуществляется внутри ОЭСР (ОECD) между главными странами-членами ОЭСР (Организация по экономическому сотрудничеству) — США, Евросоюзом и Японией. В-третьих, международная торговля составляет пока лишь около 20% ВВП мировых экономических лидеров — США, Японии, ЕС.

Большое внимание западные исследователи уделяют вопросам адаптации различных стран к экономической глобализации. При этом выделяются два аспекта адаптации: во-первых, открытие общества для воздействия процессов глобализации и, во-вторых, приспособление к существующей экономической жизни тех внутренних изменений, которые происходят вследствие открытия общества процессам глобализации. В первом случае имеется в виду либерализация национальной экономической жизни и придание ей большей открытости, тогда как во втором — преодоление негативных последствий глобализации.

Среди негативных последствий, или издержек, глобализации выделяются следующие: увеличение разрыва в уровнях экономического и социального развития между бедными и богатыми странами;

негативные последствия экономической глобализации для окружающей среды; осложнение проблемы занятости в развитых странах в связи с переносом транснациональными корпорациями своих производств в развивающиеся государства; социальные проблемы, связанные с притоком рабочей силы из развивающихся стран в развитые;

ослабление экономических функций национальных государств и сокращение национальной автономии в макросфере под давлением процессов транснационализации производства и сбыта продукции;

усиление уязвимости национальных экономик вследствие повышения степени их открытости и роста их взаимозависимости. Это обстоятельство стало особенно

выделяться зарубежными исследователями после азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., затронувшего и финансовые рынки в Америке и Европе. В этой связи Ч. Моррисон пишет: «Глобализация, принявшая опасную форму во время азиатского финансового кризиса, создала угрозы управлению экономикой на национальном и глобальном уровнях, которые раньше не учитывались идеологами глобализации. Мир столкнулся с новым вопросом: а не развивается ли глобализация слишком быстрыми темпами, не оставляющими время многим национальным экономикам на адекватное приспособление к вызовам глобализации»; возрастающая неопределенность спроса — по мере того, как все большая доля в совокупном внутреннем спросе приходится на быстро и непредсказуемо (с точки зрения внутреннего производителя) изменяющийся спрос со стороны внешних потребителей и внешних рынков;

возрастающая конкуренция между экономическими лидерами по поводу размещения производства на относительно свободных сегментах мирового рынка, втягивающего в себя менее развитые страны;

усиливающееся расслоение внутри государств между теми сегментами национальной экономики, которые успели приспособиться к глобализации, и теми, которые не смогли; неготовность стран приспособиться к политическим и идеологическим аспектам экономической глобализации, таким, как новые требования к образованию, необходимость большего политического и идеологического плюрализма, усиление позиций гражданского общества и т.д.

Западные ученые по-разному подходят к проблемам адаптации к издержкам глобализации. В Европе акцент делается на поиск путей борьбы с безработицей и углубление западноевропейской экономической и финансовой интеграции как на вариант ответа на вызовы глобализации мировой экономики. Упомянутый нами выше Шимаи полагает, что «вместо железного занавеса, разделявшего в прошлом Восток и Запад, теперь между Севером и Югом опустится золотой занавес... Промышленные страны должны будут защищать собственные рынки труда... Вопрос гармонизации усилий по использованию сравнительных преимуществ в социальных целях стал ключевой дилеммой для всех промышленно развитых стран».

Японские ученые связывают с глобализацией японской экономики надежды на преодоление продолжительного экономического застоя конца 90-х годов. Такенака Хейдзо и Шида Рёкичи отмечают, что в Японии существует двойной подход к глобализации. С одной стороны, в Японии понимают, что глобализацию нельзя игнорировать, поскольку нельзя отказаться от сотрудничества с мировыми рынками, а с другой — «панически опасаются той цены, которую придется заплатить за глобализацию». Ученые увязывают это с двойной структурой японской экономики, одна (индустриальная) часть которой открыта для внешнего мира, а другая (сельское хозяйство, финансовая сфера, социальная система) остается закрытой. С этой двойственностью японской экономики связано торможение реформ и в конечном счете длительная стагнация. Хейдзо и Рёкичи полагают, что эффективная адаптация Японии к глобализации требует серьезной структурной перестройки экономики, которая сделает японскую экономику более открытой и в конечном счете более динамичной.

«Глобализация экономики, — пишут они, — не самоцель. Глобализацию надо воспринимать в контексте того, как она помогает стабилизировать экономику и повысить жизненный уровень... До сих пор глобализация означала для японской экономики расширение экспорта, импорта и японских инвестиций за рубежом. Глобализация будущего будет означать увеличение присутствия в японской экономике фирм других стран». Именно с этим обстоятельством авторы связывают надежды на эффективные структурные сдвиги в японской экономике и финансах.

В США основное внимание обращается на следующие проблемы:

как добиться либерализации рынков других стран и при этом сохранить защищенными собственные рынки. Известные скандалы конца 90-х годов по поводу ограничений импорта стали из России, Японии, Южной Кореи, или «банановая» война с Евросоюзом, вызваны неспособностью США найти оптимальный вариант адаптации к глобализации. В результате вместо перегруппировки производительных сил на глобальном уровне и корректировки сложившегося мирового разделения труда США защищают интересы своих производителей локальными и при том жесткими запретительными методами;

как сохранить лидерство в научно-технической сфере. В этих целях США используют концепции глобализации для «привлечения мозгов» из всех других стран мира. Английский язык стал по существу монопольным языком научного общения, что позволяет американской науке отслеживать и в определенной степени направлять развитие научной мысли в других странах;

как избежать безработицы и падения жизненного уровня менее квалифицированных американских рабочих. Многие американские ученые считают растущую конкуренцию со стороны иммигрантов на американском рынке труда главным негативным последствием экономической глобализации. Вместе с тем не все согласны с такой позицией. Так, С. Коллинс отмечает, что «эмпирические исследования показали, что фактор внешней торговли и иммиграции обусловил лишь четверть от величины падения реальных заработков менее квалифицированной рабочей силы (Америки в 90-е годы. — Прим. авт.), тогда как остальные три четверти приходятся на два других фактора — технологические изменения в производстве и развитие внутреннего рынка. Более того, в отраслях промышленности с большой долей присутствия импортных товаров и капитала не наблюдалось более высокой степени сокращения рабочих мест или большего падения заработков».

Исходя из логики изучения глобализации в развитых странах, можно предположить, что в ближайшие годы возрастет внимание ученых к практической стороне исследований проблем адаптации национальных экономик к экономической глобализации. Одной из причин этого может оказаться увеличение спроса на подобные исследования и вытекающие из них рекомендации со стороны национальных правительств.

Сторонники экологического понимания глобализации рассматривают это явление в контексте негативных последствий экономического развития для окружающей среды. Так, например, испанский профессор Дж. Мартинес-Альер, рассматривая взаимоотношения между экономическим ростом и состоянием окружающей среды, вводит понятие экологического распределения и политической экологии. Термин экологическое распределение отражает неравномерность использования человечеством природных ресурсов. А политическая экология рассматривает экологические конфликты, вызванные таким неравномерным использованием природных ресурсов. Например, неравномерное распределение ограниченных земельных ресурсов между равниной и горными склонами при форсированном развитии экспорта сельхозпродукции может вызвать деградацию земельных угодий в результате агрессивной обработки земли на горных склонах крестьянами, ориентированными на максимальный результат и не удовлетворенными теми возможностями, которые дают лишь равнинные земли. Однако, считает испанский ученый, проблема восстановления «экологической справедливости» состоит в том, что в эпоху глобализации большинство проблем защиты окружающей среды приобретают глобальный характер, тогда как деятельность экологических движений носит локальный характер. Рассматривая отдельные экологические конфликты, испанский профессор считает необходимым поднятие экологических движений до глобального уровня, т.е. до уровня работы транснациональных корпораций. Наиболее рельефно позиция сторонников комплексного подхода отражена в работах американского ученого Р. Кадрля. Кадрль рассматривает глобализацию в трех вариантах: как рыночную глобализацию, непосредственную (прямую) глобализацию и коммуникационную глобализацию.

Под коммуникационной глобализацией автор понимает распространение в мире новых современных средств связи, которые оказали революционное воздействие на все стороны жизни человечества. Кадрль полагает, что именно коммуникационная глобализация, ускорившая и упростившая процессы общения людей, ускорила рыночную и прямую глобализацию. И именно коммуникационная глобализация отличает современную «эру глобализации» от предыдущих этапов развития человечества, на которых также происходило постепенное усиление взаимозависимости между народами и странами. Кадрль выделяет экономический, культурный и демонстрационный эффекты коммуникационной глобализации. Под последним понимается предоставление людям возможности при помощи современных средств связи сравнивать свои условия жизни с жизнью других людей. «Коммуникационная глобализация, — считает Кадрль, — увеличит спрос на демократию и тем самым, посредством незнающих границ средств телекоммуникаций, создаст угрозу некоторым государствам, например, Китаю».

Под рыночной глобализацией Кадрль понимает возросшую под воздействием коммуникационной глобализации степень мобильности перемещаемых по миру товаров и услуг, капитала и рабочей силы. Понятие прямая глобализация используется для того, чтобы охарактеризовать нерыночные последствия коммуникационной и рыночной глобализации, которые оказывают трансграничное воздействие на людей в разных странах мира. К ним американский ученый относит проблемы защиты окружающей среды, гарантии прав человека, включая и право на труд.

Главным тезисом Кадрля является утверждение, что развитие глобализации в трех ее вариантах, или видах, «требует более жесткого управления как на национальном, так и на международном уровне». Кадрль приходит к выводу, что глобализация, ставя многие проблемы на глобальный уровень, объективно ведет к размыванию национального суверенитета в его традиционном понимании «и, следовательно, создает угрозы самим основам современной государственной системы». В этом как раз и заложено главное противоречие современной «эпохи глобализации».

Обобщая западные подходы к изучению явления глобализации, можно заключить, что для них характерно глубокое и всестороннее как теоретическое с философских, политических, социальных, экологических точек зрения, так и практическое — в плане отслеживания конкретных последствий глобализации для национальной экономики и политики — исследование темы.

Новые индустриальные и демократизирующиеся страны Азии

В азиатских новых индустриальных и демократизирующихся странах (НИДС) исследователи глобализации больший акцент делают на тех возможностях, которые глобализация открывает перед ними, и тех вызовах, которые она создает для национальной стабильности и национального процветания.

Ключевой темой прикладных по своему содержанию исследований выступает адаптация национальной экономики и общества к глобализации. В теоретическом плане ученые НИДС главным образом ссылаются на уже существующие в американской литературе определения глобализации.

Южнокорейские профессора Чва Сен Хи и Ким Ин Гю, фиксируя отсутствие в западной литературе сложившейся теории глобализации с четкими определениями, трактуют глобализацию как «расширение экономической активности за пределы национальных и региональных политических границ посредством перемещения капиталов, товаров и услуг, рабочей силы, технологии и информации». Вслед за уже упоминавшимися американскими учеными их корейские коллеги связывают развитие глобализации с распространением информационных технологий. Переходя к исследованию проблем влияния экономической глобализации на южнокорейскую экономику, Чва Сен Хи и Ким Ин Гю исходят из той посылки, что «глобализирование южнокорейской экономики необходимо для обеспечения стабильного и здорового экономического роста» и что «экономическая политика Сеула и средства ее реализации должны непременно отвечать международным правилам и рыночным законам». Проблемы адаптации южнокорейской экономики к требованиям глобализации исследуются учеными по следующим направлениям:

Роль внешнего фактора в обеспечении устойчивого многолетнего роста южнокорейской экономики. Профессоры Чва и Ким отмечают, что главным фактором экономического успеха Южной Кореи стала направляемая государством экспорт-ориентированная модель хозяйственного развития. Из этого тезиса делается вывод о перманентной глобализации южнокорейской экономики на протяжении всего ее развития и о необходимости ее «дальнейшей глобализации».

Макроэкономические рычаги регулирования, такие, как либерализация условий привлечения иностранного капитала, монетарная и фискальная политика, политика в отношении установления валютного курса. По мнению ученых, макроэкономическая политика отдавала приоритет задачам ускоренного роста, но не экономической стабилизации, причем ускоренного роста через форсирование экспортных производств. Экспортная стратегия развития заставляла Южную Корею приводить свою монетарную, фискальную и валютную политику в соответствии с основными тенденциями глобализации мировой экономики.

Проблема взаимоотношений бизнеса и политики. Чва и Ким полагают, что пагубное воздействие на экономику традиционных патерналистских и лоббистских

взаимоотношений между политической властью, в руках которой находятся рычаги экономического регулирования, и крупным бизнесом амортизируется такими приемами, как предоставление независимости центральному банку, осуществление долгосрочного стратегического планирования, принятие политических решений на основе прозрачных законов и правил, т.е. теми приемами, которые одновременно и являются требованиями экономической глобализации, и позволяют адаптироваться к ней.

Микроэкономическая политика. Южнокорейские исследователи, отмечая традиционный «интервенционистский» характер индустриальной политики Сеула, нацеленной на содействие развитию национальной индустрии и ее защиту от жесткой конкуренции со стороны более крупных корпораций из развитых стран, полагают, что такая политика больше не отвечает требованиям глобализации. Чва и Ким выступают в пользу дерегулирования корейской экономики, ее реструктуризации и приспособления к требованиям современного мирового рынка.

Трудовые отношения. Ученые считают, что изменение в конце 90-х годов трудового законодательства, ломающего традиционную систему пожизненного найма и тем самым придающего трудовым ресурсам большую мобильность, также стало одним из шагов Южной Кореи по приспособлению к веяниям экономической глобализации.

Южнокорейские ученые, как и их коллеги из менее развитых стран, большее внимание, чем западные ученые, уделяют проблеме взаимосвязи глобализации и регионализма. Чва и Ким считают, что регионализм и глобализация являются «двумя движущими силами мировой экономики». При этом «происходит усиление регионализма в ответ на доминирование США в процессах экономической глобализации на современном этапе ее развития».

Таиландский ученый Чантана Банпасиричоте не считает глобализацию чем-то новым для Таиланда: «С середины XIX в. Таиланд вынужден адаптироваться к международной капиталистической экономике». Отмечая, что исследование глобализации в Таиланде «носит больше утилитарный, чем концептуальный характер», Банпасиричоте определяет глобализацию как «катализируемую информационной технологией либерализацию экономик, придание им большей открытости и развитие региональной интеграции». Ученый полагает, что для Таиланда первоочередное практическое значение — в контексте проблем экономической глобализации — имеет деятельность таких международных организаций, как ВТО, АТЭС и АФТА. Банпасиричоте считает, что Таиланд еще только подходит к серьезному обсуждению проблем глобализации. Особое внимание в грядущих дискуссиях предполагается уделить «конкретной практической политике государства по адаптации к глобализации».

Таиландские критики глобализации указывают на то, что процветание нации, как следствие более активного втягивания страны в мировой рынок, не всегда «означает, — как считает Рангсан Танапорнпун, — улучшение жизненных стандартов для среднего гражданина». Санех Чамарик полагает, что в наибольшем проигрыше от глобализации оказываются сельские жители и что вызванная глобализацией зависимость от внешнего рынка «подрывает собственные основы развития экономики» и предлагает таиландским властям проводить особую экономическую политику, которая бы ограничивала зависимость тайской экономики от «внешних сил и международного разделения труда». Представители тайских неправительственных организаций, видят в глобализации угрозу распространения в тайском обществе «индустриалистских и потребительских ценностей», которые ведут к подрыву тайской самобытности, усилению контроля транснациональных корпораций за национальными ресурсами, новым видам протекционизма, связанным с начатой Западом кампанией по защите авторских прав, и т.д.

Индонезийские ученые отмечают, что в Индонезии проблема глобализации носит больше риторический характер. «Это больше вопрос веры, — пишут С. Ринакит и Х. Соесастро, — те, кто верит в глобализацию, считают, что она открывает новые возможности и сулит большие преимущества. Те, кто не верит, видят теневые стороны глобализации». Ученые отмечают большой разброс мнений, который существует в Индонезии по поводу глобализации в диапазоне между этими двумя крайними позициями. Несмотря на этот разброс, и сторонники, и критики глобализации «едины в том, что данный процесс неизбежен, и в том, что страны не могут отгородиться от него». Ученые выступают активными сторонниками вынашиваемой в индонезийских верхах идеи о создании

специальной правительственной команды по проблемам глобализации, «Team Globalisasi», в состав которой входили бы эксперты из различных областей науки и практики, задачей которой было бы «управлять глобализацией, чтобы обеспечить ее соответствие национальным интересам и содействовать соразвитию индонезийской и мировой экономики».

Филиппинский ученый М.С. Гочоко-Баутиста, разделяя утилитарный подход к глобализации, полагает, что для Филиппин — в контексте глобализации — первоочередное значение имеют: 1) разработка стратегии экономического роста, которая бы соответствовала таким требованиям глобализации, как либерализация, дерегулирование, приватизация; 2) отслеживание того, как и в какой степени глобализация влияет на различные стороны экономической и политической жизни Филиппин и на различные социальные слои и регионы страны; 3) изменение роли государства в управлении экономикой страны, с тем чтобы дать больше свободы частному сектору; 4) формулирование политики регионального поведения Филиппин, имея в виду региональное экономическое сотрудничество и планы индивидуальной либерализации филиппинского рынка в рамках договоренностей между странами АСЕАН и странами — членами АТЭС.

Новый импульс дискуссиям по проблемам глобализации в НИДС был дан азиатским финансовым кризисом, охватившим в 1997—1998 гг. Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Южную Корею. Попавшие в бедственное положение страны сразу же столкнулись с двумя вопросами: кто виновен в финансовом кризисе и как его преодолеть? Все они были едины в том, что кризис стал следствием глобализации мировых финансов, происходящей в спонтанной неконтролируемой форме. Однако дальше мнения разошлись. В Южной Корее, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах было признано, что не глобализация мировых финансов сама по себе несет ответственность за обвал национальных фондовых и валютных рынков, а слабые национальные банковские и финансовые системы. Практическим результатом-следствием такого понимания ситуации стало активное сотрудничество этих четырех стран с МВФ в вопросах преодоления кризиса методами, находящимися в согласии с механизмами глобализации — открытие рынка, обеспечение прозрачности работы национальных финансовых институтов, реструктуризация экономики и т.п.

В Малайзии, напротив, ответственность за кризис была возложена на международных финансовых спекулянтов, использовавших финансовую глобализацию «в своих корыстных интересах за счет национальных интересов» азиатских НИДС. Методы выхода из кризиса в Малайзии были противоположными тем, что использовались другими НИДС. Они включали отказ от сотрудничества с МВФ, закрытие на время финансового и валютного рынка, опору на философию неприятия глобализации. Вместе с тем и в Малайзии понимают, что длительная изоляция не может быть альтернативой глобализации. В качестве таковой здесь видят установление международного контроля над свободными потоками «горячих» капиталов.

В целом можно сказать, что азиатский финансовый кризис заставил ученых и политиков в азиатских НИДС более активно приступить к исследованию экономической глобализации и ее последствий, придав интеллектуальным поискам новую направленность — нахождение варианта контроля над глобализацией, с тем чтобы защитить слабые национальные финансовые системы от ее негативных последствий.

Развивающиеся страны

Так же как и в НИДС, в развивающихся странах акцент делается на исследование практических последствий глобализации для национальных экономик и обществ. Отличительными чертами таких исследований выступают, во-первых, больший акцент, в отличие от западных исследований и работ авторов из НИДС, на негативные аспекты глобализации. Во-вторых, присутствие выраженной антиимпериалистической риторики, базирующейся на трактовке глобализации как новой формы неокOLONIALИЗМА. В-третьих, обвинение Запада в нежелании «справедливо» делиться плодами глобализации. Индийский ученый и критик-искусствовед Г. Капур полагает, что термин глобализация «отражает идеологию рынка, правила работы которого диктуются МВФ, Всемирным банком, лидерами «большой семерки», причем США играют на этом глобализирующемся рынке роль морального дирижера — победителя в «холодной войне». По мнению Капура, успехи мирового капитализма сильно преувеличены. Несмотря на пропагандистскую

риторику сторонников глобализации и либерализации, в странах богатого Севера, считает Капур, падают зарплаты и растет безработица. Что же касается бедного Юга, то его население в максимальной мере страдает от глобализации: привносимые новые западные ценности разрушают традиционные социальные структуры, не успевая создавать взамен им работающие альтернативы. «Поскольку большая часть населения мира не получает благ от глобалистов, то идея «единого мира» является не более чем потребительской утопией... Единственное, что действительно глобализируется, это капитализм американского типа», — заключает Капур.

Другой индийский ученый Б.П. Саха, понимая глобализацию как «интенсификацию и расширение сферы международного взаимодействия», полагает, что для Индии ее начало связано с колонизацией страны. «Империализм или колониальное правление, — пишет Саха, — без сомнений, открыли дорогу глобализации... хотя и в далеком от сегодняшнего понимании этого слова». Оппонируя своим коллегам, считающим глобализацию субпродуктом «вестернизации» либо результатом общемирового соразвития (своего рода «баланса сил»), Саха полагает, что глобализация отражает особый вид баланса сил в международных делах — «баланса сил при доминировании одной из них в рамках этого баланса». Связывая глобализацию с распространением в мире современных средств связи и коммуникаций, ученый считает этот процесс необратимым и приносящим пользу, однако только в том случае, если он не вступает в противоречие с «моралью, этикой и фундаментальными ценностями индийского общества». В противном случае информационная глобализация несет в себе угрозу индийскому обществу и традициям.

Профессор С. Пандит рассматривает глобализацию в контексте нового передела «международной силы» после окончания «холодной войны» и развала Советского Союза. На место конфронтации между СССР и США, считает Пандит, приходит противостояние «глобализирующегося Севера» и «глобализируемого Юга» на мировом уровне, противостояние крупных сил, таких, как Индия и Китай, на региональном уровне и противостояние цивилизаций, в частности индийской и западно-христианской. В условиях отсутствия глобальных средств обеспечения безопасности и отстаивания интересов Юга в целом, Индии и индийской цивилизации в частности, считает Пандит, приходится самостоятельно искать такие средства. К последним Пандит относит создание и испытание Индией ядерного оружия.

О. Мишра, предлагая трактовать глобализацию как процесс интеграции и взаимодействия государств, обращает внимание на существование в реальном мире другой тенденции — к дезинтеграции, автаркии, изоляционизму, которую ученый определяет как «фрагментацию» мирового развития. «Глобализация и фрагментация, — пишет Мишра, — не просто являются интернациональными процессами, но и влияют на региональную ситуацию и даже на целостность самих государств». Именно явлением фрагментации Мишра объясняет продолжающийся военно-политический конфликт между Индией и Пакистаном и другие локальные конфликты. «Вследствие относительной автономности конфликтов в Южной Азии, — отмечает индийский ученый, — окончание «холодной войны» не дало никакого позитивного эффекта для региона». Отсюда Мишра делает вывод о недостаточности использования одной лишь концепции глобализации без учета происходящей фрагментации международных отношений для понимания существа продолжающихся этнических и региональных конфликтов.

Пакистанский ученый Ф.Х. Сайед обращает внимание на то, что в вопросах изучения таких новых явлений, как глобализация, ученые из развивающихся стран «не имеют достаточно возможностей, таких, как научное образование, критическое мышление и финансирование, для глубокого исследования новых идей и понимания их истинного воздействия на менее развитые страны». Усматривая возможность для развивающихся стран оказаться в стороне от выгод глобализации, Сайед выступает в поддержку идеи разработки развитыми странами («большой семеркой») «механизмов, которые бы не заставили бедные страны страдать от глобализации и не допустили бы снижения уровня экономического развития развивающихся стран как вероятного следствия глобализации». Министр иностранных дел Бангладеш (в 1999 г.), профессор Т. Али, определяя глобализацию как «объединяющий страны единый экономический зонтик», считает, что это явление несет с собой не только возможности, но и ловушки. К последним он относит пагубное влияние мировых потоков финансового капитала на развивающиеся страны,

возлагая ответственность за правильное (т.е. позволяющее избежать кризиса) управление иностранными инвестициями как на международные корпорации, так и на правительства развивающихся государств. В глобализации Али усматривает также прямое влияние экономической ситуации в США и Японии на все развивающиеся страны. Другой бангладешский исследователь А.М. Али, комментируя утверждение о связи глобализации с информационной революцией, ставит под сомнение сам позитивный смысл понятия «информационная революция». По мнению Али, «информационная революция — это миф... это по сути контроль над людьми и манипулирование сознанием людей при помощи современных информационных средств и технологий». Ответственность за это Али возлагает на США — главного проводника мирового «культурного империализма».

Египетский ученый Ш. Хетата трактует глобализацию как господство транснациональных корпораций, контролирующих 8(%) мировой торговли и 75% мировых инвестиций, не приносящих

выгод развивающимся странам. По его мнению, предлагаемые Всемирным банком и МВФ программы структурной перестройки национальных экономик в соответствии с требованиями глобализации являются «потенциальным экономическим геноцидом», новый экономический порядок ведет к усилению политического влияния Запада в развивающихся странах, а сама глобализация лишь усиливает противостояние богатого Севера и бедного Юга в рамках «биполярного по схеме Север— Юг мира». Рассматривая отношение к глобализации на африканском континенте, американец африканского происхождения М. Диавара обращает внимание на единое негативное восприятие глобализации, которое объединяет африканских интеллектуалов, представителей политических элит и бизнесменов. Ученый видит корни этого протеста в противоречии между длинной борьбой африканских лидеров и народов за обретение государственности и национального суверенитета, с одной с одной, и размыванием суверенитета и независимости как следствия глобализации, с другой. Вместе с тем Диавара полагает, что принципы глобализации, будучи положенными в основу создания новой политической карты Африки, которая бы укрепила государства и лишила смысла этнические и приграничные войны, могут принести мир Черному континенту.

Китай

Китайский подход к глобализации основывается на известном принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации Китай усматривает угрозу вмешательства Запада в его внутренние дела по таким вопросам, как независимость Тибета и Тайваня, права человека, реформирование политической системы, обеспечивающей власть компартии Китая. В таком контексте Китай трактует глобализацию не иначе как опасный и неприемлемый для Китая новый вариант гегемонизма, или, говоря словами председателя КНР Цзян Цзэ-миня, как «неоинтервенционизм».

В подходах китайского руководства к экономической глобализации прослеживается определенная двойственность. С одной стороны, Китай стремится использовать экономическую глобализацию для решения внутренних народнохозяйственных и финансовых задач, вытекающих из курса реформ. Прежде всего — получить выход на товарные рынки развитых стран, доступ к их капиталам и современным технологиям. Практической целью номер один в политике Пекина в отношении экономической глобализации на рубеже веков является скорейшее вступление в ВТО. Серьезным стимулом, подтолкнувшим Китай к позитивному восприятию экономической глобализации и к более активному участию в ней, стал азиатский финансовый кризис. Пекин увидел в событиях 1997—1998 гг. угрозу распространения финансового кризиса на китайскую экономику и опасность его повторения в будущем. Увидел и поспешил объявить о своей готовности к международному сотрудничеству, направленному на предотвращение подобных явлений.

С другой стороны, Китай, как и многие менее развитые страны, втягиваемые сегодня в экономическую глобализацию, рассматривает глобализацию прежде всего как возможность получить от развитых стран дополнительные резервы для национального развития, возможность «справедливо» перераспределить финансовые и

интеллектуальные ресурсы развитых стран в пользу развивающихся. При этом вопрос об обратной стороне глобализации — необходимости «делиться» суверенитетом, остается пока без адекватного решения. Китай пока далек от обсуждения внутри китайского общества и с участием международных оппонентов тех пределов, тех рамок, в которых он был бы готов делегировать международным экономическим институтам часть национальных полномочий, чего объективно требуют процессы глобализации. В этом, пожалуй, состоит главный вызов экономической глобализации, на который Китай должен будет дать ответ уже в ближайшее время.

В работах китайских ученых, занимающихся разработкой проблематики глобализации, доминирует больше утилитарный, нежели теоретический, подход, который скорее ближе к подходам азиатских НИДС, нежели развитых или развивающихся государств. Однако существенным отличием китайских исследований глобализации является присутствие в них темы взаимоотношений китайского социализма и глобальной экономики.

Профессор Лю Кан, отмечая, что «Китай остается пока социалистической страной и при этом демонстрирует высокие темпы экономического роста», считает, что Китай представляет собой «вызов глобализации», трактуемой как «результат развала социализма советского типа». «Китайский вызов глобализации, — пишет Лю Кан, — может быть истолкован в двух аспектах: пер-кое, как вызов глобальному капитализму как идеологии и затем как вызов новому мировому порядку. Китай, будучи глубоко интегрированным в глобальную экономическую систему, сохраняет свою идеологическую и политическую самоидентификацию как страна третьего мира и как социалистическая страна». Рассматривая глобализацию в ее понимании на Западе, как «стратегию узаконивания идеологической гегемонии тонального капитализма», Лю Кан находит именно в китайском опыте возможность постановки вопроса о «некапиталистических альтернативах капиталистической глобализации». По мнению китайского ученого, такая постановка вопроса может задать новое направление теоретическим исследованиям в Китае.

Профессор Дин Цзиньпинь связывает участие Китая в экономической глобализации с началом проведения политики «открытости» в 1978 г. Ученый полагает, что более активное участие Китая в процессах глобализации относится к 90-м годам и обусловлено возрастанием доли внешней торговли в ВВП страны (до 30%), притоком иностранного капитала, увеличением числа поездок китайских граждан за рубеж и числа иностранных граждан, посещающих Китай, вовлечением Китая в обмен международной информацией. Дин Цзиньпинь считает, что глобализация несет Китаю плюсы и минусы, содержит преимущества и недостатки, с точки зрения развития китайской экономики. К преимуществам глобализации ученый относит рост объемов внешней торговли Китая, увеличение национального ВВП, создание новых рабочих мест, приток в бюджет страны налоговых платежей, осуществляемых иностранными компаниями (около 10% всех налоговых поступлений в бюджет). В качестве негативных последствий глобализации Дин Цзиньпинь рассматривает: 1) особое, «экстранациональное», отношение к иностранным компаниям, которое создает у китайцев ощущение, что иностранцы более желанны для страны, чем свои люди; 2) завышение иностранными компаниями стоимости ввозимого в Китай оборудования, которое составляет до 70% всего объема иностранных инвестиций, в результате чего китайский экспорт за рубеж, более половины которого приходится на компании с иностранным участием, оказывается недооцененным, и китайские предприниматели несут убытки; 3) захват иностранцами большей доли собственности в совместных предприятиях, что, по мнению многих китайцев, несет в себе стратегические угрозы; 4) загрязнение окружающей среды вследствие того, что иностранные инвесторы меньше внимания обращают на проблемы защиты окружающей среды в Китае, чем в своих странах; 5) обострение торговых противоречий с США и другими развитыми странами вследствие переноса в Китай трудоемкого производства из Гонконга и Тайваня, уменьшившего в свою очередь торговые трения Между Гонконгом и Тайванем, с одной стороны, и США, с другой, по поводу дешевой трудоемкой продукции; 6) увеличивающийся разрыв в уровне социально-экономического развития между прибрежными и внутренними (более отсталыми) районами Китая. В целом, однако, по мнению Дин Цзиньпиня, «Китай больше извлек выгод из глобализации, чем понес потерь, благодаря правильной политике адаптации к глобализации». «Местная культура и традиции, — считает ученый, — не противоречат глобализации, в случае если между ними обес-

печивается баланс, хорошим примером чего служит опыт Японии и Южной Кореи». Ван Хэсинь, признавая, что «глобализация является тенденцией развития современного мира», вместе с тем отмечает, что «люди из разных стран мира, прежде всего из развивающихся государств, не обладают на сегодня достаточными знаниями и представлениями о глобализации». Ван Хэсинь также обращает внимание на преимущества и негативные последствия глобализации. К первым он относит открываемую глобализацией возможность для развивающихся стран осуществить индустриальную перестройку экономики, получить доступ к современным технологиям и богатым рынкам, не выпасть из руслу основных тенденций развития мировой экономики. К негативным последствиям автор относит, в частности, распространение начавшегося в Таиланде азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. на другие страны Азии и его косвенное влияние на китайскую экономику. В этом контексте Ван Хэсинь призывает с осторожностью относиться к таким компонентам экономической политики Китая, связанным с экономической глобализацией, как финансовая либерализация и дерегулирование банковской сферы. «Несмотря на необратимый характер глобализации, — пишет китайский ученый, — необходимо проводить экономическую политику в соответствии с конкретными обстоятельствами и не забывать о тех приемах, которые могут уменьшить риски глобализации».

Юань Цзянь, ссылаясь на высказывание Дж. Сакса о том, что «краеугольным камнем политических вызовов глобализации является влияние торговли на распределение доходов», приходит к выводу о том, что либерализация мировой торговли наряду с преимуществами создает реальные угрозы для американской экономики. В зависимости от того, насколько США удастся справиться с негативными социально-экономическими последствиями глобализации... будет зависеть общий подход США к проблеме дальнейшей либерализации мировой торговли», — пишет автор.

Как уже следует из только что изложенного, так же, как и в новых индустриальных и демократизирующихся странах Азии, и Китае появлению новых подходов к практическим аспектам глобализации способствовал азиатский финансовый кризис 1997—1998 гг. Китайские ученые, задумываясь о его причинах и экономических последствиях, стали больше говорить о необходимости корректировки китайской политики открытости. В частности, о необходимости поддержания баланса между открытостью и либерализацией внутренних рынков, с одной стороны, и темпами осуществления реформы промышленности и реформы китайского банковского сектора, с другой. Известный китайский экономист Фань Ган пишет в этой связи: «Многие сторонники глобализации считают, что глобализация путем притока капиталов и передачи технологий предоставляет развивающимся странам шанс. Это не вызывает сомнений теоретически... Однако в реальной жизни такое утверждение не совсем точно. Перед нами встает вопрос: почему экономика большей части развивающихся стран не получает должных выгод от глобализации, а, напротив, испытывает бедность, социальную нестабильность, финансовые потрясения и экономические кризисы? Почему большая часть прежних колоний, где степень либерализации была высокой, оказалась в рядах отсталых стран? Почему такое хорошее дело, как глобализация, всегда высоко ценится правительствами и международными организациями развитых стран, а развивающиеся страны относятся к ней с подозрением или принимают ее не без колебаний?» Фань Ган вводит понятие неравное положение в глобализации, под которым он понимает то, что развитые страны получают больше дивидендов от глобализации, чем развивающиеся. Однако в отличие от ряда авторов из развивающихся государств, возлагающих ответственность за неравенство в глобализации на развитые страны, Фань Ган полагает, что менее развитые экономики, в том числе и китайская, сами должны искать пути преодоления такого неравенства и прежде всего обратить внимание на соответствие степени открытости экономики, требуемой глобализацией, внутренним возможностям страны успешно участвовать в глобальной конкуренции.

При этом, по мнению китайского ученого, необходимо исходить из того, что «вся экономическая теория построена на основе ограничения условий конкуренции ...любые чрезмерные изменения приводят к нарушению равновесия... иногда при прочих равных условиях (в случае полных изменений. — Прим. авт.) возможен даже худший результат, чем при неполных изменениях». Фань Ган в качестве разумного ответа на вызовы глобализации со стороны Китая предлагает «сбалансировать реформу и открытость»,

добиваться «скоординированной открытости» посредством «искусства экономической политики». «Ты должен, — пишет Фань Ган, — открываться, однако думать при этом о реформе внутри страны и развитии экономики в целом, нельзя действовать слишком быстро, нельзя чрезмерно открываться».

Еще один китайский ученый Е Цзян предлагает свое понимание глобализации как «воздействия экономической деятельности на глобальные политические системы». Отмечая, что «самое большое воздействие глобализации заключается в снижении возможностей государств осуществлять свой суверенитет в отношениях с другими государствами», Е Цзян идет дальше своих коллег, отмечая, что, хотя «глобализация экономики дает возможностям государствам надеяться на достижение прогресса в экономике путем регионализации», вместе с тем она «меняет их самодостаточное положение, объективно приводя к тому, что государственный суверенитет перестает быть, как раньше, священным и неприкосновенным».

Современный китайский подход к проблеме глобализации нашел рельефное отражение в четырех китайских принципах нового миропорядка в условиях глобализации, сформулированных Председателем КНР Цзянь Цзэмином на китайско-африканском саммите в Пекине в октябре 2000 г. Первый принцип состоит в том, что развивающиеся страны «должны усилить солидарность и развивать сотрудничество Юг—Юг, с тем чтобы максимально использовать собственные ресурсы роста и тем самым ответить на вызовы глобализации». Второй принцип состоит в развитии диалога и улучшении отношений по направлению Север—Юг. При этом китайский лидер считает, что повышение благосостояния в бедных странах является заботой и стран развитых. Третий принцип предполагает «участие всех стран в международных делах на основе равенства и в духе конкуренции». Четвертый принцип нацеливает все страны на то, чтобы смотреть в будущее и установить долгосрочные отношения стабильного партнерства в интересах равенства и взаимной выгоды».

Как следует из приведенных высказываний, Китай все определеннее встает на ту точку зрения, что именно диалог и сотрудничество стран, а не постоянные упреки в адрес мировых

лидеров являются оптимальным путем к повышению социальных и экономических стандартов всех государств мира. Китайским ученым в осмыслении явления глобализации еще предстоит преодолеть узко-государственный взгляд на международные отношения и увидеть, что субъектами последних все активнее становятся частные компании и частные лица, имеющие свои, не всегда совпадающие с государственными, интересы для которых проблема государственного суверенитета имеет гораздо меньшее значение по сравнению с возможностью отстоять свои права и реализовать свои индивидуальные международные интересы.

Международные организации (МВФ, ООН) и глобализация

МВФ и Всемирный банк выступают наиболее активными и последовательными сторонниками финансовой глобализации как составной и наиболее уязвимой составляющей мировой экономической глобализации в целом. МВФ связывает с глобализацией возможность повысить эффективность работы национальных финансовых систем в менее развитых странах и тем самым всей мировой финансовой системы в целом путем введения единых правил функционирования национальных финансовых институтов и придания последним большей прозрачности, предсказуемости, а в итоге — надежности.

ООН стремится занять более объективную позицию в оценке явления глобализации на мировое развитие. В своем докладе «Проблемам развития человека «Глобализация благоприятствует богатым нациям» (12 июля 1999 г.) эксперты ООН отмечают, что глобализация имеет свои негативные стороны и не приносит равные дивиденды всем странам, народам, людям. В странах мира (из 174 обследованных) люди по показателям индекса человеческого развития (human development index) хуже, чем они жили 10 лет назад, тогда как пятерка тех стран — Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия — улучшила свои показатели человеческого развития. Как показана в докладе, в мире существуют следующие главные диспропорции в социально-экономическом развитии:

к концу 90-х годов 20% людей, живущих в богатых странах, контролирует 82% мирового экспорта, 68% прямых инвестиций, 75% телефонных линий. На 20% людей из наименее

разимых стран мира приходится по 1,5% и менее того по указанным трем показателям индекса человеческого развития; 200 наиболее богатых людей мира в 1994—1998 гг. удвоили свое богатство, доведя его до 1 трлн долл. (2,5% мирового ВВП). Эксперты ООН считают, что прокатившаяся по миру волна

слияний крупных корпораций разрушает принципы свободной конкуренции на глобальных рынках и ведет к концентрации промышленной власти в руках «мега корпораций». Например, в 1998 г., иллюстрируют свою мысль эксперты, 86% мирового рынка телекоммуникаций объемом в 262 млрд долл. контролировалось 10 крупнейшими мировыми монополиями. ООН выступает за «более равное распределение доходов от глобализации».

Однако вывод экспертов ООН состоит не в том, чтобы отвергнуть или «прервать» глобализацию. Да это и невозможно было бы сделать с объективной мировой тенденцией. ООН выступает за «более равное распределение доходов от глобализации».

К этому можно добавить и задачу содействия международных организаций и богатых стран более адекватной и эффективной адаптации стран бедных к вызовам, угрозам и возможностям глобализации. Глобализация дает шанс на развитие, однако его реализация зависит от каждого — международного, государственного, корпоративного, частного — участника этого процесса.

В докладе ЮНКТАД «Глобализация и стратегия развития», указывающем на плюсы и минусы глобализации, на возможности и угрозы, которая она несет, на неравномерность распределения дивидендов от глобализации между богатыми и бедными и т.п., содержится весьма конструктивная идея о создании новой модели управления мировой экономикой, исходя из методологии глобализации. Авторы доклада пишут: «Сегодня настало время обдумать новую стратегию развития... соображения эффективности надо уравновесить соображениями равенства... забота об экономическом росте должна уравновешиваться заботой о социальном прогрессе... настало время сформировать новый консенсус по вопросам развития, в центре которого стоял бы человек. Такой консенсус должен быть построен на чувстве соразмерности, нежелании вновь вступать в прежние идеологические битвы в плане выбора или-или». И далее в докладе прослеживается переход от экономической к политической глобализации: «Такое осмысление не должно ограничиваться сферой экономики. Оно должно охватывать и сферу политики. Реальная демократия должна стать составной частью нового консенсуса по проблемам развития».

Литература

Глобализация и стратегия развития. ЮНКТАД, 2000. С. 28—29,

Е Цзян. О влиянии глобализации на международные отношения // Гонцзи гуанча. 1998. № 1. С. 12.

Фань Ган. Цюньцюхуа чжун дэ бу пиндэн вэньти (Проблема неравенства в процессе глобализации) // Синьхуа вэньчжай. 1999. № 7.

Ali A.M. The Myth of Information Revolution. Dhaka, 1999.

Ali T. Globalization and Private Financial Flows: the Dilemma for Developing Countries. Dhaka, 1999.

Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. L., 1999.

Hirst P., Thompson G. The Problem of 'Globalization': International Economic Relations, National Economic Management and the Formation of Trading Blocks // Economy and Society 21. № 4 (November 1992).

Mishra O. Globalization and Low Intensity Security Issues in South Asia. Calcutta, 1999.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L., 1992.

Saha B.P. Globalization and Global Information Society: Threat to Indian Society and Cultural Ethos. Calcutta, 1999.

Syed F.H. Dynamics of Globalization and Security Concern in the South Asian Region. Islamabad, 1999.

Thanapornpun R. The Thai Economy in the 2010: Development Strategy in the Process of Globalization. Bangkok, 1995.

Thai Way. Special Issue in Globalization and Global Disaster. Bangkok, 1994.

The Cultures of Globalization. Durham, 1998.

Wang Hexing. Perspectives on the Economic Globalization in Light of Asian Financial Turmoil.

International Studies, China Institute for International Studies, China Foreign Ministry // Beijing. 1998. № 8—9.

Yuan Jian. The Challenge of Globalization. Debating the Impact of Trade on Income Distribution in the United States. International Studies, China Institute for International Studies, China Foreign Ministry // Beijing. 1999. № 3-4.

Глава 2.

Глобализация и процесс изменения границ в международных отношениях

По завершении «холодной войны» и особенно после дезинтеграции Советского Союза в 1991 г. мир вступил в новую фазу в развитии международных отношений, которую — возможно, из-за отсутствия более удачного термина — часто называют глобализацией. Столь общее определение, по-видимому, является корректным в силу двух обстоятельств. Во-первых, оно подразумевает открытие пространства, ранее занятого миром социализма, который бросал вызов самим основам и функционированию капитализма во всем мире. Во-вторых, оно одновременно открывает дорогу капитализму как модели развития и как мировой системе к дальнейшему продвижению и охвату пространств, которые в силу политики «холодной войны» находились за пределами его контроля. Таким образом, глобализация начала постепенно изменять привычные операционные границы различных акторов международных отношений. Тем временем главные акторы, в том числе национальные государства, а также различные региональные и международные организации и движения, приспосабливаются к подвижным переходным ситуациям, создаваемым глобализацией. Глобализация неизбежно ставит новые теоретические и концептуальные параметры в разных школах науки о международных отношениях (НМО). «Подгонять» быстро меняющуюся реальность под существующие теоретические рамки науки о международных отношениях — задача не из легких, ибо процесс глобализации, ведет к формированию новых, свойственных только ей идеологических, экономических и политических границ. Эти границы видны еще не очень четко, поскольку сама глобализация пока находится на начальном этапе. Тем не менее появление новых границ (в философско-политологическом смысле) свидетельствует о потенциале и глубине глобализации. На

данной стадии, легче определять не границы как таковые, а изменение понятий границ, и именно в этом смысле в данной главе мы попытаемся высветить изменение понятий границ в процессе глобализации. Прежде всего, следует обратить внимание на политико-юридические границы, ибо они проще поддаются конкретному физическому определению. В данной главе термин границы обозначает отграничение социально сконструированных географических пространств. Четко определенные географические области

служат стабильной и понятной основой для установления местоположения меняющихся границ. Кроме того, в большинстве случаев именно географические границы (между регионами, странами и государствами) являются социально сконструированными. В свою очередь, такие социально сконструированные границы есть результат сложных социальных процессов, включающих в себя разнообразные комбинации согласия и принуждения. Учитывая сложности процессов, происходящих в ходе формирования границ различных типов на разных уровнях, попытаемся рассмотреть понятия границ в период глобализации. В начале рассмотрим новые идеологические границы, сложившиеся после распада Советского Союза, затем — запутанный клубок взаимосвязей между капитализмом и глобализацией. Далее попытаемся определить местоположение источников, способствующих установлению границ при капитализме как мировой системе, главным образом, посредством рассмотрения роли капиталистических стран — уяснить понятие гегемонии в глобализующемся мире. Анализ понятия и содержания гегемонии требует обсудить, хотя бы и кратко, роль основных транснациональных субъектов, режимов и движений, которые, расширяя границы своих действий, доминируют в процессе глобализации. Процесс формирования гегемонии имеет диалектический характер, т.е. силы противодействия гегемонии тоже участвуют в формировании содержания и контуров гегемонии. Поэтому для воссоздания полной картины современного гегемонизма рассмотрим несколько движений противодействия гегемонии. Вслед за анализом последствий глобализации на мировом уровне определим подъем регионов и их возможности в проведении границ в мировой политике, а в заключение представим критический обзор меняющейся роли национального государства в формировании границ.

Капитализм после «холодной войны»

Крах СССР существенно сказался на мировой системе капитализма и на международной политике в последнее десятилетие XX в. По всей вероятности, значение этого события можно предельно на данной стадии с помощью ретроспективного подхода. После большевистской революции 1917 г. появился Советский Союз — крупное и могущественное многонациональное социалистическое государство. По сути, отстаивая социалистическую идеологию, СССР преследовал цель бросить идеологический вызов капитализму как направлению развития. В большинстве случаев любая идеология фактически представляет собой самоориентированную и самооправдывающую систему верований, которая содержит общее мировоззрение служит основой для объяснения всей реальности. В случае же с СССР предполагалось, что в своей внутренней и внешней политике он будет открыто руководствоваться марксистско-ленинской идеологией и двигать вперед освободительные силы посредством строительства общества равных, основанного на свободных от эксплуатации производственных отношениях. Более того, предполагалось, что советским гражданам будут обеспечены гораздо более благоприятные, по сравнению с любой капиталистической экономикой, условия в сфере производства, потребления, распределения и обмена. В сущности, бывший СССР на протяжении ряда лет проводил разграничение по идеологическим линиям и одновременно инкорпорировал государства и народы Восточной Европы. Порой для сохранения идеологических границ применялось прямая военная интервенция (например, в 1956 г. в Венгрии и в 1968 г. в Чехословакии). Таким образом, могущество и гегемонистские тенденции СССР служили источником разграничения в контексте «холодной войны». Однако на уровне практики эта великая мечта об установлении и расширении границ с течением времени стала рассыпаться в прах. Настал момент, когда М. Горбачев, в то время (1985—1991 гг.) президент СССР,

всколыхнул свою страну магическими словами «перестройка» и «гласность». Первое стимулировало процесс реструктуризации целого ряда самых разнообразных организаций, а второе вдохновило живших в условиях советского режима граждан и национальные группы на громкие требования ранее недоступных им прав на свободу и самовыражение. Народ совершенно очевидно подверг сомнению саму систему, которая действовала в Советской России. В ходе разбирательства в фокусе пристального и сурового внимания оказались различные институты, в том числе гражданский сектор, бюрократический аппарат, армия, коммунистическая партия и федеральные структуры. На деле к середине 1980-х годов СССР начал рекомендовать своим союзникам в «третьем мире» пройти капиталистическую стадию и только потом приступать к развитию по социалистической модели. Впоследствии, после распада СССР, государства-члены пришедшего ему на смену Содружества Независимых Государств безоговорочно восприняли тенденции либерализации и приватизации. Эти государства фактически проголосовали за то, чтобы стать неотъемлемой частью мировой капиталистической экономики. Таким образом, идеологический рубеж между Востоком и Западом, который сказывался на определении границ между государствами, перестал служить главным источником разграничения.

Бывший мир социализма, включая СССР и его восточноевропейских союзников, пережил подлинные потрясения, прежде чем ему удалось избавиться от авторитарного и сталинист-

ского влияния на экономику и политическую жизнь. Вследствие распада СССР социалистические страны «третьего мира» — в частности, афро-марксистские режимы в Африке (в том числе в Анголе и Мозамбике) и Вьетнам — лишились своего главного сторонника и источника поддержки. Из всех стран «третьего мира» только Куба продолжала изъясняться на языке ортодоксального коммунизма. Более того, Китай, жонглируя понятием рыночного социализма, также начал свое методичное шествие по пути капиталистического развития. На мир, где некогда сиял светоч социалистической идеологии, надвигалась тень капитализма.

Относительное снижение привлекательности социалистической альтернативы после «холодной войны» не должно подводить нас к выводу, подобному выводу Ф. Фукуямы, о том, что мы приблизились к концу истории. События на грани катаклизма в бывшем социалистическом мире делают более, чем очевидным, что соперничество идеологий, определявшее границы в системе «холодной войны», утратило свою прежнюю значимость. Явное тому свидетельство — крах Берлинской стены и объединение Германии в 1990 г. Прием в НАТО бывших союзников-сателлитов СССР — Польши, Венгрии и Чехословакии, который состоялся в 1999 г., указывает на ослабление роли России в бывшем «восточном» мире. Как это ни парадоксально, но пост-советская Россия, которая как лидер восточного мира в свое время стремилась проводить границы в системе «холодной войны», сама решила объединить усилия со своими бывшими противниками в стремлении к укреплению мира и партнерских отношений. С началом фазы глобализации после «холодной войны» высветилась еще одна странная реальность нынешней конфигурации сил в международных отношениях: страны, проигравшие Вторую мировую войну, а именно Германия и Япония, оказались победителями в «холодной войне» благодаря своей экономической мощи и способности играть ведущую роль соответственно в Европе и АТР.

Тем не менее, изменение в идеологических границах по окончании «холодной войны» не следует толковать как триумф Запада или капитализма как идеологии. Фаза, в которую вступил мир после «холодной войны», достаточно сложна и потому требует более тонкой оценки мировой политики со всеми ее нюансами.

Капитализм и глобализация

После «холодной войны» капитализм стал господствующей мировой парадигмой развития. На протяжении своей более, чем 400-летней истории капитализм постоянно эволюционировал, кооптируя в систему своих оппонентов и действуя через различные институты государственного управления. Даже при всех трудностях четкого определения капитализма соответственно различным фазам его эволюции существуют определенные основные черты капитализма: а) частная (корпоративная) собственность на средства производства; б) рост и развитие наемного труда; в) конфликтные отношения и сотрудничество между наемным трудом и капиталом; и г) имманентное стремление сти-

мулировать процесс накопления и воспроизводства капитала.

Капитализм и процесс глобализации неразрывно связаны между собой, ибо глобализация включает, помимо прочего, постепенное развитие мирового сознания в целом. Весь процесс подразумевает свободное перемещение идей, товаров, услуг, капиталов, технологий, информации, ценностей, оружия и людей по всему миру. На данном же этапе капитализм как система стал явлением достаточно интернациональным для того, чтобы в долгосрочной перспективе стать явлением глобальным. Именно поэтому глобализацию также можно понимать как определенную фазу в развитии капитализма как мировой системы. Будучи глобальной по устремлению и содержанию, тяга капитализма к экспансии использует нынешнюю фазу глобализации для расширения и углубления капитализма как мировой системы. Если учесть тягу капитализма к экспансии через пространство и время, то некоторые наблюдения касательно его природы могут оказаться на данной стадии полезными при оценке возможностей капитализма в плане проведения границ в условиях глобализации.

Во-первых, не существует монолитной структуры капитализма как системы. На протяжении последних четырехсот лет развитие и эволюция капитализма характеризовались неравномерностью, которая вполне четко выражена в различиях между развитыми и развивающимися странами Севера и Юга. Во-вторых, будучи поляризующей по своей сути, такая неравномерность проявляется в различиях между секторами, регионами, странами и континентами, о чем красноречиво писали теоретики зависимости в 1970-х и 1980-х годах. В-третьих, на развитие капитализма в разных частях мира оказали влияние несколько сложных социальных реалий. Например, для понимания развития капитализма в соответствующих странах необходимо знать, какую роль играли классы в Европе, семья в Индии, община в Японии, раса в Южной Африке и иммигрантские общины в США. В-четвертых, формы государственного управления, приемлемые для капиталистических формаций, варьируют от обычной либеральной демократии (Англия, США) до авторитарных (Южная Корея) и тоталитарных (нацистская Германия) режимов. В формировании капитализма участвовали различные политические, исторические, культурные и институциональные комплексы. Капитализм как система является интернациональным,

он несет на себе печать той или иной национальности, поэтому тонкое понимание капитализма возможно только при должном учете его национальных вариаций. Таким образом, необходимо глубже проникнуть в суть понимания того, как под общим «зонтиком» капитализма национальные системы создают собственные виды капиталистического развития и, следовательно, устанавливают различные границы. И самое главное — диалектические траектории, которые обусловили эволюцию капитализма как системы, усилили его имманентную сопротивляемость. Капитализм на уровне идеологии обладает сверхъестественной способностью к самосозданию, саморазрушению и самовоссозданию. Наглядной иллюстрацией тому служит один из недавних примеров в эволюции капитализма. По мере того, как набирает силу фаза глобализации, среди ученых отмечается общая тенденция рассматривать ее как триумф неолиберализма. Неолиберальная идеология действительно царил в нескольких капиталистических странах, когда Рейган и Тэтчер приступили к реализации программ приватизации, либерализации и глобализации. Как следствие, государственный сектор в целом оказался дискредитированным, а ассигнования на программы социального обеспечения подверглись серьезным сокращениям. Однако наступление неолиберализма столкнулось с жесткой оппозицией в самих капиталистических странах. Например, один из величайших финансовых магнатов современности Дж. Сорос выступил с резкой критикой безудержной эксплуатации масс в капиталистическом обществе, которая обусловлена страстью к наживе под прикрытием неолиберализма. Будучи твердым сторонником капитализма, Сорос в полный голос высказался за необходимость усовершенствовать процесс функционирования капитализма в условиях свободы и открытого общества посредством реализации пакетов адекватных мер по социальному обеспечению. Точно так же и институты типа Всемирного банка, где ведущую роль играют передовые капиталистические страны, в настоящее время разрабатывают программы развития, которые могут быть частично приемлемыми для самых ярых левых критиков капитализма, хотя последние, несомненно, станут предлагать различные методы

реализации подобных программ. Капитализм способен к постоянному самореформированию путем сопротивления наиболее ярким оппонентам или кооптирования оных в систему-

В силу сопротивляемости и чрезвычайной способности капитализма абсорбировать социальные сложности его природа не приемлет точности. Поэтому в процессе разграничения при капитализме после «холодной войны» могут возникать определенные трудности. Тем не менее, вполне реально вычертить общую конфигурацию ведущих сил и тенденций, что поможет определить контуры границ в различных сферах. Капитализм как мировая система имеет свои активно действующие центры в сообществе наций и в различных международных организациях. Например, после Второй мировой войны США выступали как гегемонистская цитадель мирового капитализма. Однако в свете сложностей, характеризующих эволюцию капитализма, само понятие гегемонии также подвергается изменениям.

Гегемония: адекватность и параметры терминологии

Беспроblemное функционирование капитализма в определенные периоды обеспечивалось наличием государства-гегемона. В частности, можно обратиться к примеру статуса США в международных отношениях. В течение почти двадцати лет после Второй мировой войны США занимали позицию гегемона в мировой капиталистической экономике. Они господствовали в большей части Латинской Америки и выступали в качестве лидера для европейских государств и Японии. Через европейские государства США также получили доступ к афро-азиатскому миру, который ранее являлся частью бывших империй. Будучи государством-гегемоном, они обладали полномочиями и властью для установления норм и правил управления в тех регионах, где превалировала их гегемония. На одном уровне термин гегемония подразумевал господство, на другом же уровне такая гегемония действовала в том смысле, как это понимал Грамши, т.е. США последовательно использовали различные комбинации механизмов согласия и принуждения в процессе организации своей гегемонии и своей лидирующей роли по отношению к основным капиталистическим государствам и их гражданским обществам, действовавшим в орбите мировой капиталистической экономики. Начиная с 1980-х годов, гегемонистское положение США стало ослабевать по мере того, как Германия и Япония выступали в качестве серьезнейших соперников США в торговой и банковской сферах. Не смотря на заявления президента Буша о «новом мировом порядке», США после «холодной войны» так и не сумели восстановить свою прежнюю ведущую роль в мировой капиталистической экономике. Один из известных финансистов-аналитиков Ф. Клэрмон утверждает, что ослабление экономической мощи США к началу XXI в. непосредственно связано с ростом на протяжении последнего десятилетия непогашенных долгов США. Тем не менее, в американской мощи наблюдается структурная преемственность, т.е. в таких сферах как производство, финансы, технологии, комплексы по обеспечению безопасности и механизмы по производству знаний США по-прежнему занимают ведущие позиции. Исходя из этого, С. Гилл и некоторые другие ученые начали дискуссию о гегемонии США в контексте трехсторонней комиссии.

По окончании «холодной войны» США внезапно оказались фактически единственной военной сверхдержавой, в силу чего термин однополярный мир приобрел необоснованную актуальность. Использование этого термина несколько преждевременно, ибо США не обладают той гегемонией, которая была у них в первые послевоенные годы. На деле в мире наблюдается постепенный рост трех центров силы — США, Германии и Японии. Эти же три страны занимают лидирующие позиции в трех далеких друг от друга, но имеющих равный статус мощных макро-региональных торговых организациях, т.е. соответственно в НАФТА, ЕС и АТЭС. Несмотря на военную мощь США, было бы более уместно квалифицировать мир после «холодной войны» как мир многополярный или многодержавный.

В истории капитализма в XIX в. зафиксированы всего две гегемонистские державы глобального уровня: Великобритания и США. Если говорить о капитализме как о системе, то в его истории периоды гегемонии той или иной державы значительно уступают по длительности историческим периодам, отмеченным межимпериалистическим соперничеством, которое регулировалось механизмами баланса сил. Следовательно,

есть основания полагать, что наличие какого-либо единственного государства-гегемона не является необходимым для реализации нормативных, технологических и политико-экономических режимов при капитализме. Любой политико-экономический режим соотносится с рядом институтов, которые регулируют социальное поведение, добиваются консенсуса, достигают компромиссов и управляют конфликтами в национальных государствах (нациях-государствах) и между ними. Если какое-то одно государство неспособно действовать как гегемон, то вовсе не обязательно вести поиск гегемонии в каком-то одном государстве. На деле генезис гегемонизма можно ощутить в господствующей социальной практике, которая

имманентно подпитывает любую систему изнутри. Очевидно, что главные капиталистические страны Запада и Япония, а также транснациональные альянсы совместно поддерживали и продолжают поддерживать так называемую «рыночную цивилизацию», которая является краеугольным камнем мирового капитализма. Эта рыночная цивилизация в свою очередь базируется на едином комплексе таких современных центральных институтов, как система образования, нация-государство, фирма и рынок, равно как и на их повседневной практике. Заложенные в такой практике социальные процессы также открывают всемирный простор для рыночной конкуренции или конкуренции между государствами и между компаниями. Как отмечает Ф. Борншер, общественные модели становятся источником гегемонистской социальной практики.

Передовые капиталистические страны Запада и Япония по-прежнему составляют ядро мировой капиталистической экономики. Благодаря своему господству в сферах производства, технологий, финансов, торговли, природных ресурсов, информации, коммуникаций, средств массовой информации и оружия массового уничтожения, все эти страны играют ведущую роль в процессе глобализации. Данную центральную группу капиталистических стран не следует воспринимать однозначно, ибо между ними существуют внутренние противоречия и соперничество. Так, помимо противоречий в вопросе о сельскохозяйственных субсидиях, между США и Францией имеются крупные политические разногласия по функционированию НАТО и политике в проблемных регионах, в том числе в Восточной Европе, Западной Азии и Африке. Так называемая «автомобильная война» привела к напряженности в экономических отношениях между США и Японией, а функционирование ЕС обусловлено соперничеством за лидерство между Францией и Германией. Однако до сих пор на форумах типа «большой семерки» удавалось достаточно компетентно регулировать соперничество между странами «ядра» и отстаивать общие интересы мирового капитализма. Одним из интересных примеров единства между странами «ядра» явилась война в Персидском заливе в 1991 г., когда США обеспечили военную кампанию против Ирака оружием, а Германия и Япония — финансами. Демонстрация единства подобного масштаба также указывает на глубоко укоренившуюся растущую взаимозависимость между странами «ядра» в различных областях. Под руководством США эти страны фактически определили суть политики ООН в Персидском заливе. Естественно, они стали основным источником разграничения сил и мощи в условиях глобализации.

Мощь и силу стран «ядра» обеспечивают операции транснациональных компаний, конгломератов и банков, ибо штаб-квартиры всех этих организаций находятся главным образом в данных странах. В условиях глобализации транснациональные компании и конгломераты стали главными действующими лицами. Сеть многонациональных компаний по-своему определяет экономические пространства и раздвигает свои географические границы. Мощь подобных компаний в смысле капиталов, технологий и торговых возможностей трудно переоценить. Рост торговых операций между компаниями снизил прежнее значение международной торговли, а операции транснациональных фирм на мировом уровне способствовали росту прямых иностранных инвестиций и сделали финансовую сферу самым глобализованным компонентом капитала. В период глобализации отмечаются беспрецедентные мобилизация валютных рынков и мобильность капитала в целом. Интеграция финансовых рынков ведет к заметным изменениям в масштабе и структуре потоков капитала. Порой движение капитала отрицательно сказывалось на странах, где были зафиксированы стабильно высокие

темпы роста. Например, отток капиталов из Южной Кореи, Таиланда, Малайзии, Филиппин и Индонезии после 1997 г. отрицательно сказался на экономике этих стран. Фактически кризисы в Восточной Азии в драматичных тонах показали способность потоков капитала к разграничению в условиях глобализации.

Помимо компаний, банков и потоков капитала, определенного внимания в процессе разграничения также заслуживает роль транснациональных структур. Страны «ядра» по-прежнему беспрепятственно господствуют в ряде международных структур, в том числе во Всемирном банке, Международном валютном фонде (МВФ) и ООН. В условиях глобализации эти международные структуры более, чем когда-либо, нацелены на формирование границ в экономических сферах. Манера их действий стирает прежде четкие различия между внутренним и международным или между локальным и глобальным.

Данное явление можно проиллюстрировать несколькими примерами. Так, по причине бедственного экономического положения несколько государств центральной и южной Африки попали в зависимость от внешних источников помощи. Некоторые бедные страны Африки — Мозамбик, Танзания, Бурунди, Руанда, Нигер, Буркина Фасо, Сьерра-Леоне, Мавритания и ряд

других — получают помощь из внешних источников в размере более 25% их ВВП.

Основными источниками помощи служат многонациональные международные финансовые институты типа Всемирного банка и МВФ. Такая помощь неизменно увязывается с условиями реформирования экономического управления (программами экономической коррекции) и методов политического руководства. Таким образом, политическая и экономическая структура экономического развития в странах-реципиентах формируется организациями-донорами. Аналогичным образом ООН до конца 1980-х годов чаще всего занималась разрешением спорных вопросов между государствами. Однако затем ООН стала расширять масштаб своей деятельности — в Намибии и Эритрее были организованы референдумы под эгидой ООН, и механизм ООН был задействован для разрешения ситуаций гражданской войны в Анголе, Сомали и Мозамбике. Положение о внутренней юрисдикции, которое применялось этими государствами для контроля над своими суверенными территориальными пространствами и защиты их от вмешательства извне, при участии ООН утратило прежнее значение. Имеются и другие доказательства того, что транснациональные структуры находятся в руках стран «ядра». Однако, любой анализ гегемонии был бы неполным без учета роли проектов, нацеленных на противодействие гегемонии.

Проекты противодействия гегемонии

Отношения между странами «ядра» и транснациональными структурами, с одной стороны, и развивающимися странами — с другой, не следует воспринимать как нечто статичное и стереотипное. На самом деле транснациональные формирования не обязательно воспринимать как инструменты для создания новых структур господства стран Севера над Югом. Например, на третьей конференции министров стран-членов Всемирной торговой организации (ВТО), состоявшейся в Сиэтле 30 ноября — 3 декабря 1999 г., так и не удалось принять согласованное решение о проведении в новом тысячелетии очередного раунда переговоров о дальнейшей либерализации мировой торговли. В ходе обсуждений возник конфликт между представителями правительственных ведомств и неправительственных организаций (НПО) развитых и развивающихся стран, ибо последние почувствовали, что решение планируется принимать без них. Отстаивая свой проект противодействия гегемонии, большинство недовольных выступало за демократизацию процесса глобализации посредством расширения участия гражданских групп и правительств. Сам факт появления оппозиции, ставящей целью узаконить решения ВТО, говорит о значимости новой борьбы за демократизацию новых международных структур типа ВТО. ВТО и впредь будет международным форумом для достижения консенсуса по вопросам торговли практически между всеми странами. Придя на смену Международному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), ВТО уже имеет в своем составе 148 членом, а такие страны, как Китай, добиваются права вступить в члены ВТО и стать участником многосторонних торговых соглашений. Международные структуры типа ВТО станут важными источниками проведения торговых границ в условиях глобализации. Благодаря своему практически всеохватному характеру, ВТО будет не просто регулировать торговлю посредством

многосторонних соглашений, но и превратится в арену соперничества между различными державами. Такое соперничество будет проявляться в формировании новых альянсов и контр-альянсов, которые под эгидой ВТО станут источником разграничения и проведения границ.

Фаза глобализации будет способствовать развитию асимметричных и симметричных форм взаимозависимости между регионами, странами, классами и движениями на глобальном

уровне. Это можно объяснить тем, что глобализация высвободила более широкое пространство для оперирования мощью методами, которые будут наращивать как конфликтность, так и возможные формы сотрудничества с участием государств и гражданских обществ. Как и в случае с международными структурами, в процессе глобализации также возникают международные движения. Например, проблемы прав человека, охраны окружающей среды и трудовых стандартов (в том числе недопустимость детского труда) уже оказались в фокусе внимания на глобальном уровне. Именно такими вопросами и занимаются международные движения на уровне глобального международного гражданского общества. Очевидно, что данная фаза вызовет к жизни новые альянсы и контр-альянсы в более широком пространственном масштабе. Формированию таких альянсов будут способствовать прогресс в сфере информации вообще и кибер-пространство в частности.

В условиях господства передовых индустриализованных стран мира (или стран «ядра») крупные зоны так называемого «третьего мира» и Восточной Европы также попадут в сеть связей между господствующими и зависимыми субъектами, которые диктуются асимметричными отношениями взаимозависимости. Тем не менее, термин третий мир не следует применять в качестве однородного понятия, ибо в самом третьем мире существуют крупные диспропорции мощи и ресурсов. Воздействие инновационных технологий и наукоемких отраслей на процесс глобализации пока не поддается измерению, но развивающиеся страны, применяя новые подходы, могут найти в этих сферах определенные преимущества. Примером тому служит растущая мощь Ирландии, Израиля и Индии в области создания и производства программного обеспечения. Однако возможности стран «ядра» в импорте подготовленных программистов могут дать этим странам конкурентные преимущества даже в данной отрасли. Мобильность капитала и соответствующее отсутствие мобильности неквалифицированной рабочей силы в условиях глобализации будет и далее обеспечивать передовым странам лидирующие позиции. Поэтому на глобальном уровне влияние передовых стран на процесс формирования границ гораздо более очевидно, чем влияние стран развивающихся. Проекты противодействия гегемонии со стороны правительств и движений развивающихся стран на данном этапе могут лишь изменить, но не радикально заменить структуры господства, действующие в условиях гегемонии стран «ядра». По всей видимости, влияние определенных развивающихся стран сильнее ощущается не на глобальном уровне, а на уровне регионов.

Появление регионов

Одним из заметных явлений глобализации стали подъем и конституционализация регионов во всех частях мира. Регионализация стала одним из главных инструментов общения с реалиями глобализации. Как следствие, такие организации прошлого как Европейское сообщество были преобразованы в макро-региональные структуры типа Европейского союза (ЕС), а на сцене в то же время стали появляться новые организации политической, экономической, торговой, военной и культурной направленности. С течением времени мир стал подразделяться на различные сети региональных группировок, которые практически поглотили все суверенные государства. Политически и юридически оформленные экономические регионы в основном конструируются на основе четко определенных смежных географических пространств. Генезис и логика формирования региональных организаций различаются по регионам. Так, во-первых, как только США выступили с инициативой создания Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), ведущие американские политики, начиная с Картера (1976—1978 гг.), приступили к лепке панамериканского имиджа своей страны. Со временем, путем достижения компромисса в вопросе о единых трудовых и экологических стандартах с учетом мексиканских реалий, была сформирована НАФТА. Достижение компромисса

было ускорено опасениями США потерять мексиканский рынок в пользу японцев или немцев. Аналогичным образом транснациональные компании и предприниматели Европы, стремясь укрепить свои возможности в конкуренции с японскими или американскими производителями, решили выйти на передовые позиции и подтолкнуть европейские государства к разработке проекта интеграции в рамках ЕС. Это позволило увеличить ассигнования на НИОКР и обеспечило более гибкие подходы к слиянию и объединению компаний (особенно в ключевых высокотехнологичных отраслях) в рамках ЕС. На едином рыночном пространстве ЕС поощрялись операции инвесторов из стран ЮВА и Америки. На деле, как отмечает Р. Хадсон, в промышленной политике ЕС коренится момент напряженности, который проявляется с одной стороны, в стремлении ЕС развивать конкурентноспособные (в глобальном масштабе) отрасли, и с другой — в политике ЕС в сфере конкуренции, посредством которой создан единый общий рынок, подразумевающий единообразие социальных, политических и экономических условий на пространстве ЕС. Таким образом, ЕС одновременно и поощряет глобализацию, и является одним из очагов сопротивления глобализации.

Ведущие державы развивающихся регионов мира — Нигерия, Иран, Индия, Южная Африка и ряд других — стремятся играть главную роль в налаживании сотрудничества на уровне регионов и региональных движений. Так, на юге Африке появился Южно-Африканский совет по координации развития, в состав которого вошли девять африканских стран, выступавших за изоляцию режима апартеида. Избавившись от апартеида, ЮАР стала наиболее активным сторонником развития регионального сотрудничества в Южно-Африканском сообществе развития. В центре процесса конституционализации регионов стоят главные региональные державы, которые активизируют укрепление связей и структур сотрудничества при опоре на крупные экономические системы, нацелив их на то, чтобы соответствующая группа государств имела в своем распоряжении больше козырей при обсуждении условий торговли. В то же время ведущие региональные державы имеют тенденцию контролировать более слабые государства в рамках своих регионов. Характер реакции регионов на феномен глобализации, т.е. их содействие или противодействие, зависит и будет зависеть от конкретных обстоятельств в данном регионе и от его дальнейшего взаимодействия с глобализующимся миром. Одним словом, регионы стали одним из источников разграничения в условиях глобализации. Находясь в гуще множества перекрестно действующих сил, которые постоянно участвуют в проведении новых границ, нация-государство испытывает массивное экзистенциальное давление и сталкивается с некоторыми трудностями.

Нация-государство и границы

Даже в условиях глобализации национальное государство (нация-государство) является одним из главных источников разграничения. Глобализации подверглись потоки капитала, технологии и производство в экономической сфере, но она не затронула социальные и политические организации за пределами нации-государства. Однако в настоящее время в центре внимания встал вопрос о проблематичности термина нация-государство. Нация есть психо-культурное сообщество, а государство — юридическая реальность. Нации часто исторически укореняются в массовом воображении и в привычных понятиях коллективных настроений. Именно поэтому не все нации имеют свои государства и не все государства являются нациями. Есть государства, стремящиеся стать нациями, и есть поли-(Т)нические многонациональные государства. Говоря о нации-государстве, мы фактически говорим о роли государства, а современное государство в условиях глобализации находится в парадоксально-трудном положении. С одной стороны, государство есть основной агент, законно осуществляющий функционирование различных национальных и международных организаций посредством своего участия в необходимых соглашениях и договорах. С другой стороны, государство делегирует важные полномочия наднациональным органам, теряя элементы своего суверенитета в процессе подписания таких договоров. Как следствие, региональные организации закономерно обретают возможность обходить государственные полномочия в интересах общего блага. Понятие внутренней юрисдикции утратило свое прежнее значение во взаимодействии суверенных государств. Например, ЕС функционирует на основе демократии и рас-

смачивает свободу в качестве главного организующего принципа всей своей деятельности. Поэтому когда про-нацистская партия после выборов 1999 г. в Австрии вошла в правящую коалицию, члены ЕС приняли решение о применении санкций против Австрии до тех пор, пока она не восстановит такие основные демократические ценности, как терпимость к различиям и свобода. Точно так же члены международных структур типа Всемирного банка и МВФ, действуя через Южно-Африканский парламент, в прямом смысле оказывают давление на современные африканские государства, добиваясь от них соблюдения норм демократического государственного управления.

Помимо давления сверху, государства сталкиваются и с множеством внутренних вызовов. Так, самые разные государства в различных регионах мира — Индия, Нигерия, Мексика, Южная Африка, Шри-Ланка, Сомали, Ирак, Иран, Турция, Канада, Великобритания и Испания — заняты решением проблем этнонационализма на своих территориях. Требования этнических движений варьируют от автономии до выхода из состава данного государства. Как показали действия тамильских сепаратистов в Шри-Ланке, подобные движения способны к интернационализации своей борьбы. В условиях глобализации такая борьба ведется на гораздо более широком пространстве, причем по всему миру создается сеть отдаленных друг от друга альянсов. Фактически, в последнее десятилетие глобализация расширила масштаб операций международного терроризма, определенных форм фундаментализма и преступности вообще. Подрывные силы и их транснациональные альянсы несомненно угрожают самому существованию ряда современных государств в их нынешней форме. Если говорить более точно, современное государство слишком мало для решения проблем, связанных с "деградацией природной среды, международной преступностью и терроризмом, а также с правами человека. В то же время оно слишком велико для того, чтобы воспринять и должным образом реагировать на проблемы ряда субнациональных сил типа этнических сообществ. Несмотря на все это, современное государство отнюдь не является устаревшим организмом. Оно постепенно приспосабливается к меняющимся условиям и, что бы там ни говорилось, по-прежнему являет

собой стабильное и социально сконструированное географическое пространство для разграничения в условиях глобализации. Даже стремящиеся к самоопределению этнические движения в конце концов приходят к созданию государства для своих этнических групп, примером чему служит образование Эритреи в 1993 г. Хотя, Эритрея с другой стороны составляет исключение из правил, ибо в большинстве случаев современным государствам удастся, хотя и с некоторыми трудностями, сдерживать сепаратистские силы и защищать свое суверенное существование.

Итак, с окончанием «холодной войны» идеологические границы в мире оказались практически стертыми, и высвободились новые пространства для экспансии мирового капитализма. Обладающая хорошей сопротивляемостью и тяготеющая к экспансии сложная система капитализма неразрывно связана с нынешней фазой глобализации. Поэтому без учета многослойных и тонких нюансов капитализма как мировой системы любые споры об изменении понятий границ в условиях глобализации будут совершенно бесплодными. На деле международные субъекты, режимы и движения по-своему формируют границы капитализма в условиях глобализации. Понятие гегемонии при отсутствии государства-гегемона можно соотносить с регулярной практикой, глубоко укорененной в социальных практиках и в процессах, происходящих при капитализме. Такая практика обеспечивает гегемонию капитализма и установление границ капитализма. Не следует недооценивать роль капиталистических стран «ядра» в таком разграничении, хотя границы капитализма и исходящие от них импульсы гегемонизма могут быть частично нейтрализованы усилиями по противодействию гегемонии, предпринимаемыми правительствами и движениями международного гражданского общества. Новые понятия регионов и конституирование регионов также служат источниками разграничения. Несмотря на наличие всех этих новых процессов, современное государство по-прежнему остается главным источником формирования границ в современных международных отношениях.

Литература

Amin S. *Capitalism in the Age of Globalisation*. L., 1997.

Bornschier V. *Hegemonic Transition, West European Unification and the Future Structure of the Core* / V. Bornschier and D.C. Chase (eds.) / *The Future of Global Conflict*. Thousand Oaks,

- 1999.
- Clairmont F. Making of the Crash // Economic and Political Weekly. Vol. XXXVI. № 41. December 16-22, 2001.
- Fukuyama F. The End of History (National Interest, 1989), reprinted / P. Routledge, S. Dalby and O Tuathail Gearoid (eds.) / The Geopolitics Reader. L., 1998.
- Geske M.B. Sovereignty and citizenship in contemporary economic policy // Alternatives. Vol. XXI. Me 2. April—June 1996.
- Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. N.Y., 1990.
- Hudson R. The New Economy of the New Europe / R. Hudson and A.M. Williams (eds.) / Divided Europe Society and Territory. L., 1999.
- Kaldor M. 'Civilising' Globalisation? The Implications of the Battle in Seattle // Millennium, 2000. Vol. 129. Nq 1.
- Lerche Ch. and Said A. Concepts of International Politics. Englewood Cliffs. N.Y., 1978.
- Petras J. and Morley M. Contesting hegemony: US-French relations in the 'New World Order' // Review of International Studies. 2000. Vol. 26.
- Rangarajan C. Capital Flows: Another Look // Economic and Political Weekly, 2000. Vol. XXXV. Ne 50. December 8-16.
- Robertson R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. L., 1992.
- Soros G. The Capitalist Threat // Atlantic Monthly. February 1998.
- Williams D. Aid and Sovereignty: Quasi-states and the International Financial Institutions // Review of International Studies. 2000. Vol. 26.

Глава 3. Глобализация, регионализация и региональная интеграция

Уже сам по себе факт постановки вопроса о глобализации мирового экономического и политического развития представляет собой интеллектуальный вызов Человечеству. И очень важно своевременно и точно на него отреагировать. В современном компьютеризированном мире тот, кто обладает интеллектуальной инициативой, получает возможность направлять развитие мировой политэкономической мысли в нужном ему направлении. И, в конечном счете, получает возможность править миром, — хотя и не напрямую, не директивно. Плохо, если при решении концептуальных и фундаментальных проблем мирового общественного развития и мировой безопасности интеллектуальная инициатива окажется монополизированной какой-либо одной страной или одной

интеллектуальной группой. Плохо — не только для общемирового процесса со-развития или для других стран, но и для самой страны-монополиста. Плохо — потому, что развивать исторически значимую теорию без доброжелательных и заинтересованных в конечном успехе оппонентов означает привносить риск загубить даже самую великую идею.

Подходы различных научных школ, разных исследователей к проблемам глобализации существенно расходятся. Одни видят в глобализации исключительно экономические преимущества. Другие говорят о тяжелых экономических и социальных последствиях глобализации: как распространение финансового кризиса из одной страны в другую или утеря национального суверенитета в результате глобализации экономики.

В России широкие научные обсуждения проблем глобализации только лишь начинаются, может быть, с некоторым опозданием по сравнению со многими другими странами.

В дискуссиях на тему глобализации присутствует одна спорная, но базовая тема. Это вопрос о том, считать ли глобализацию новым явлением. Или это явление существует уже давно и мы сейчас наблюдаем лишь очередную стадию его развития. Исходной посылкой автора данной работы в этой связи является следующий тезис.

В широком цивилизационном смысле глобализацию можно рассматривать как стратегическое направление развития всего человечества с начала его зарождения. Ведь до момента открытия Америки то, что происходило на Американском континенте, никак не влияло на развитие общественной жизни в Европе. В концепции классовой борьбы Маркса, отстаивающей интернационализацию интересов пролетариата и класса капиталистов, также отражен процесс глобализации, хотя и через призму классовой борьбы. Современный же этап развития глобализации в широком смысле связан с новой информационно-технологической революцией и окончанием «холодной войны».

В узком смысле под глобализацией предлагается понимать нынешний этап развития человечества, который пришел на смену периоду «холодной войны», базируется на достижениях современной информационно-коммуникационной и технологической,

революции и сопровождается распространением в мире модели безопасности, основанной на компромиссном мышлении. Причем на таком варианте компромиссного мышления, который характеризуется переходом от компромиссного мышления на балансе силы к компромиссному мышлению на основе закона.

По сути оба понимания глобализации близки и даже едины в том, что выделяют новый этап мирового развития, называемый глобализацией (в узком смысле) или современным этапом глобализации (в широком смысле). И в том и в другом случае речь идет о новом явлении, заставляющем по-новому взглянуть на наш мир и попытаться переосмыслить известные традиционные подходы к разработке, к примеру, национальной экономической политики или политики демократизации страны, к проблемам международного сотрудничества и концепциям национальной, региональной и всеобщей безопасности. Это явление, расширяющее пределы ответственности национальных лидеров, делая их ответственными не только за свою страну и свой народ, но и за весь мир. Наконец, это явление, открывающее перспективу сотворения Единого Мира -- как объективно наиболее рационального субъекта управления со стороны Человека и наиболее удобного места для жизни Человека.

Глобализация мировой экономики представляется возможной в трех измерениях:

как объективная тенденция мирового экономического развития;

как цель, выдвигаемая политическим руководством государств мира;

как методология анализа экономического развития стран и международных отношений — и не только анализа, но и выработки экономической стратегии как на государственном уровне, так и на уровне предприятий, имеющих стабильные интересы за пределами национальной экономики.

Как объективная тенденция мирового развития экономическая глобализация отражает растущую взаимозависимость различных секторов мировой экономики. Растущую и вырастающую до такой степени, что развитие и стабильность одной экономики становятся невозможными без развития и стабильности других экономик. Как цель, глобализация представляет собой сознательную политику государств, направленную на укрепление интеграционной экономической сплоченности мира и, в конечном счете, на создание единой мировой экономики. Пока в такой плоскости вопрос ставится лишь в научных дискуссиях, а не на государственном уровне. И тем не менее перед мировым сообществом уже возникает задача выработать разумный подход к глобализации, создать взаимовыгодные механизмы управления этой тенденцией, сформулировать свои национальные интересы и понять место своей страны в этом процессе.

Как методология концепция глобализации дает аналитикам, хозяйственникам и политикам новую методологическую базу, опираясь на которую можно лучше понять, в каком направлении развиваются международные отношения, в каком состоянии находится экономика страны или хозяйство того или иного предприятия, «что такое хорошо» и «что такое плохо» для международной безопасности, для экономического развития государства или для работы корпорации, и что надо сделать, чтобы хорошего стало больше, а плохого — меньше.

Глобализация мировой экономики означает, во-первых, выход интересов национальных хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки, создание и расширение сферы деятельности транснациональных экономических и финансовых структур. Во-вторых, поднятие «частных», национальных экономических проблем на глобальный, мировой уровень видения, требующий — для решения этих проблем — учета мировых хозяйственных интересов и мобилизации мировых ресурсов. Иными словами — требующий смотреть на мир как на единое экономическое пространство. В-третьих, глобализация означает, что развитие экономической ситуации в ведущих странах оказывает влияние на другие государства, которые, на первый взгляд, не непосредственно зависят от благополучия мировых экономических лидеров. Наконец, в-четвертых, глобализация требует координации в общемировых масштабах национальных экономических и финансовых политик и диктует необходимость создания единого мирового правопорядка как условия стабильного мирового экономического развития.

Глобализация мировой экономики отражает достигнутый мировым сообществом критический уровень экономической взаимозависимости на основе:

экономической интеграции и нарастающего перемещения по миру капитала, товаров, рабочей силы;

становления экономики знаний и технологической интеграции, подталкиваемой мировым научно-техническим прогрессом;

современной информационно-коммуникационной революции, связанной с созданием сверхскоростных транспортных средств и ультрасовременных средств связи, распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет.

За этим критическим уровнем ни одна из стран не может уже самостоятельно и при этом успешно решать задачи социально-экономического развития.

Глобализация мировой экономики представляется более широким понятием, чем интеграция, именно потому, что экономическая глобализация обуславливает взаимозависимость даже напрямую интеграционно не связанных друг с другом частей мирового хозяйства. Например, несмотря на минимальные объемы экономического сотрудничества России с Юго-Восточной Азией, обвал на азиатских валютных и фондовых рынках в 1997—1998 гг. косвенно — через поведение международного спекулятивного капитала — повлиял на финансовую ситуацию в России, ускорив банкротство (в августе 1998 г.) финансовой политики, основывавшейся на спекулятивной пирамиде ГКО.

Экономическая глобализация имеет немало общего с таким понятием как интернационализация хозяйственной жизни. И то, и другое отражают рост экономической взаимозависимости мира. Интернационализация больше означает то, что национальные экономики обретают международные интересы, реализация которых требует многостороннего международного сотрудничества. Глобализация же делает акцент на

том, что проблемы любой экономики, любого рынка имеют статус мировых, глобальных проблем и требуют для своего решения приложения не просто многосторонних, но всеобщих усилий. Интернационализация позволяет национальной экономике извлекать дивиденды из мирохозяйственных связей, тогда как глобализация говорит о невозможности успешно развивать национальное хозяйство без координации с мировой экономикой.

Формами проявления глобализации могут служить такие показатели, как доля внешней торговли страны в ее ВВП, объемы иностранных инвестиций, показатели, характеризующие движение по миру спекулятивного капитала, показатели деятельности международных транснациональных корпораций, в результате которой внутрикорпорационное разделение труда сразу же принимает характер международного разделения труда, данные о миграции рабочей силы и обмене технологическими ноу-хау, различные показатели процессов экономической интернационализации, как, например, разработанный Всемирным банком показатель, представляющий собой разность между темпами роста международной торговли и мирового производства, и т.п.

В практическом плане глобализация (в используемом нами узком смысле) проходит в своем развитии через несколько тшпов. На первом, нынешнем, этапе экономической глобализации происходит такое критическое усиление зависимости практически всех национальных экономик от международного рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы, технологий, знаний и ноу-хау, что поступательное и эффективное развитие национальных экономик, как мы только что отмечали, становится невозможным без тесного сотрудничества с мировой экономикой. На втором этапе, к которому мир вплотную приблизился, возникает и решается задача выравнивания экономико-правовых условий хозяйствования в различных странах и осуществляется координация финансовой и экономической политики государств. Можно предположить, что такого рода выравнивание и координация будут осуществляться через развитие региональной, например, европейской или азиатско-тихоокеанской интеграции. На следующем этапе, как это видится с позиций сегодняшнего дня, произойдет создание единой мировой экономики при едином управлении экономическими процессами на макроуровне и едиными «правилами игры» на микроуровне мировой экономики.

Глобализация мировой экономики приводит в действие еще одну новую тенденцию современности — тенденцию персонификации международных отношений. Выход интересов хозяйственных субъектов за национальные рамки и их растущая взаимозависимость обуславливают становление дополнительных, наряду с национальными государствами и международными организациями, источников внешнеполитической инициативы — частных корпораций, неправительственных организаций (NGO) и самого Человека, конечного потребителя создаваемых экономикой товаров и услуг. Эти интересы могут не совпадать или вступать в противоречие с национально-государственными интересами в трактовке тех политических сил, тех политических деятелей и поддерживающих их бюрократических структур, которые в данный момент находятся у власти в данной стране.

Персонификация международных отношений, означая появление новых субъектов международной жизни — корпораций, неправительственных организаций и Человека, — формирует новые вызовы мировому сообществу и требует создания надлежащей политико-правовой инфраструктуры учета интересов новых самостоятельных участников внешнеполитической деятельности. Не случайно сегодня тема теории и практики внешней политики международных и национальных корпораций находится в числе приоритетных тем мировых научных изысканий.

С другой стороны, персонификация международных отношений позволяет частным лицам, не связанным с правительствами и не работающим на политические партии, выражать свою озабоченность международной безопасностью, формировать, формулировать и отстаивать собственные внешнеполитические интересы. Это относится и к полуграмотной жительнице Южно-Курильских островов, заинтересованной в безвизовом режиме поездок в Японию, и к московскому интеллектуалу, имеющему свой личный взгляд на международную безопасность и сотрудничество. Именно такая личная обеспокоенность судьбами мира открывает возможность инициировать и проводить

международные неправительственные обсуждения многих острых мировых проблем, подготавливая тем самым и последующие межгосударственные решения, в том числе и в отношении рассматриваемых нами проблем экономической глобализации и регионализма.

Персонификация международных отношений требует, наконец, большей прозрачности во внешней политике, более широкого участия граждан в ее разработке и обсуждении.

Глобализация мировой экономики и персонификация международных отношений приводят к политической глобализации. Последняя означает, что политические события в той или иной стране, которые, согласно распространенным представлениям о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств, являются ее внутренним делом, приобретают глобальное значение, т.е. оказывают воздействие на политическую ситуацию в других странах, либо влияют на такие всемирные интересы, как обеспечение прав человека и всеобщей политической стабильности, необходимой для успешного мирового развития. Политическая глобализация сопровождается введением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира, таких как миротворческие операции или международные санкции против «плохих» режимов.

Глобализации мировой экономики предшествует или, напротив, противостоит регионализм. Регионализм также означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы — однако ограничивает сферу действия этих тенденций региональными рамками. Регионализм тоже существует как тенденция регионального развития и как сознательно формулируемая цель.

Открытый регионализм, рассматривающий экономическое развитие и интеграционное взаимодействие стран данного региона в контексте развития мировой экономики, находится в русле экономической глобализации. Служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики. ЕС и НАФТА представляют собой примеры такого открытого регионализма. Открытый регионализм, как методология анализа и выработки решений, является составной частью методологии глобализации.

Регионализм закрытый, напротив, противодействует глобализации. Нацелен на защиту исключительно данного региона от негативных последствий глобализации. Представляет собой с широкую до региональных пределов политику «опоры на собственные силы».

Примером закрытого регионализма может служить деятельность бывшего Совета экономической взаимопомощи. Возможно, что именно стратегия закрытого регионализма стала, наряду с другими известными факторами и обстоятельствами, причиной краха мировой социалистической системы — оказавшейся неспособной адаптироваться к растущей мировой взаимозависимости. Методология закрытого регионализма по существу есть методология протекционизма. Понимание различий между открытым и закрытым регионализмом, прежде всего в контексте использования их в качестве методологической основы анализа и проводимой экономической политики, чрезвычайно важно для того, чтобы отличать стремление стран того или иного региона к более тесному региональному сотрудничеству, как составной части глобализации от стремления обособить данный регион от глобальной либерализации и сотрудничества.

Особенность ситуации в сегодняшней Азии — в отличие от европейского открытого регионализма — состоит в том, что здесь отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Политико-институциональный вакуум стимулирует поиск вариантов направлений развития азиатского регионализма. Мощный толчок этому поиску был дан на Куала-Лумпурском саммите форума АТЭС (ноябрь 1998 г.). На саммите все страны-участницы АТЭС признали необходимость проведения синхронизированной «стратегии роста через сотрудничество». Ближайшие цели такого сотрудничества состоят в преодолении последствий азиатского финансового кризиса, недопущении его повторения и предотвращении глобальной и региональной экономической рецессии. Вместе с тем при переходе к рассмотрению конкретных сценариев углубления региональной интеграции азиатские государства проявляют скорее сдержанность и осторожность чем стремительность и инициативу. В появившихся в конце 90-х годов под воздействием азиатского финансового кризиса концепциях азиатского регионализма прослеживаются три основных подхода к проблеме. Первый рассматривает общеазиатскую экономическую и финансовую интеграцию в качестве альтернативы американскому и западноевропейскому доминированию на мировых и азиатских рынках. Переход ряда стран Евросоюза на единую валюту и закончившаяся финансовым крахом, как считают многие в АСЕАН,

чрезмерная зависимость азиатских экономик от американского доллара, подтолкнули сторонников «азиатизации Азии», в основном из стран ЮВА, к разработке различных концепций создания единой азиатской валюты и единого азиатского рынка.

Второй подход, разделяемый японскими экономистами, также рассматривает азиатско-тихоокеанскую экономику как в перспективе единое экономическое и финансовое пространство, однако не противостоящее североамериканской или западноевропейской интеграции, а способное в будущем составить своего рода азиатскую альтернативу ЕС и НАФТА. Альтернативу, позволяющую в еще более отдаленной перспективе перейти к единому мировому рынку. В качестве первого шага на пути реализации этой модели азиатского регионализма Токио предлагает создание Азиатского валютного фонда — регионального аналога МВФ.

Третий подход исходит из поэтапного развития азиатской экономической интеграции на субрегиональном уровне. Руководители АСЕАН — до последнего финансового кризиса — видели именно свою ассоциацию в качестве первопроходца азиатского регионализма. Однако, азиатский финансовый кризис, подорвавший экономику стран Юго-Восточной Азии, и сохраняющаяся и в начале нового столетия социально-политическая нестабильность в Индонезии делают проблематичными надежды стран АСЕАН стать региональным эпицентром экономической интеграции. С другой стороны, обозначается движение к налаживанию интеграционного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Стержнем создания в перспективе азиатского северо-восточного рынка, как это видится с позиций сегодняшнего дня, реально может стать японо-южнокорейское экономическое взаимодействие. Важный импульс экономическому сближению Сеула и Токио был дан в 1999 г., когда обе стороны договорились забыть старые исторические обиды и сконцентрироваться на проблемах сегодняшнего и завтрашнего дня.

В последнее время и Китай начинает проявлять все больший интерес к такого рода сотрудничеству, открыто претендуя на роль его интеллектуального лидера. На встрече лидеров Китая, Японии и Южной Кореи во время проходившего в ноябре 2000 г. саммита по схеме АСЕАН плюс три (Япония, Южная Корея, Китай) китайская сторона выдвинула конкретную идею преобразования подобного трехстороннего саммита в постоянно действующую политическую группировку «Восточно-азиатский форум». В качестве первого шага Пекин предложил создать в 2001 г. специальную группу из представителей этих трех стран для выработки совместных экономических рекомендаций правительствам Китая, Южной Кореи и Японии.

На практике азиатский регионализм сталкивается сегодня с двумя дилеммами: как правильно увязать интеграционные внутререгиональные связи с традиционным жизненно важным сотрудничеством с США, во-первых. И как обеспечить безболезненное сочетание самоидентификации азиатских наций с при-признанием ключевой роли Японии в развитии азиатского регионализма, во-вторых. В среднесрочной и долгосрочной перспективе азиатский регионализм будет, по всей видимости, развиваться по четырем основным направлениям или в четырех вариантах, или измерениях, которые мы более, детально рассмотрим в настоящей главе

Первое — развитие и институализация АТЭС. Ключевым здесь является вопрос: сможет ли АТЭС, и если да, то когда, взять на себя роль международного регионального института, способного привести регион к азиатскому варианту Евросоюза.

Второе — развитие интеграции в рамках уже существующих субрегиональных объединений: АСЕАН и Австралийско-новозеландский экономический союз. Главная дилемма для АСЕАН состоит в том, сможет ли данная группировка в одиночку, без ярко выраженного лидера стать дееспособной единой субрегиональной ЭКОНОМИКОЙ.

Третье — становление единой экономики в северо-восточной Азии с участием Японии, Южной Кореи и Китая, и его последующее объединение с асеановской группировкой — о чем впервые пошла речь на саммите АСЕАН+3 в Маниле в ноябре 1999г. и что на следующем саммите этих государств в Сингапуре в 2000 г. вырисовалось в идею

создания единой зоны свободной торговли в юго-восточной и северо-восточной Азии.

Четвертое — реализация различных концепций, так или иначе связанных с развитием экономической интеграции в АТР, контролем над товарными и финансовыми потоками и т.п., не попавших в три выше указанных направления развития азиатского регионализма. Основой региональной интеграции в АТР должен стать Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Форум АТЭС, объединяющий 21 экономику (не страну, поскольку Тайвань и Гонконг не являются суверенными государствами), появился после десятилетий безуспешных попыток институализировать экономические процессы в АТР. Странам АСЕАН, создавшим свою организацию в 60-е годы, потребовалось время, чтобы избавиться от страха, что участие в региональной многосторонней интеграции мировых лидеров — США, Японии, Китая — может привести к доминированию больших стран в азиатском союзе. Другим странам Азии нужны были десятилетия ускоренного экономического роста, чтобы убедиться в необходимости создания именно такой организации.

АТЭС взял своего рода фальстарт в 1980 г., когда страны АСЕАН не поддержали австралийскую и японскую идею о создании большой региональной организации в АТР. В качестве промежуточного шага был создан Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), в который входили и входят представители правительств, деловых и академических кругов. Работа СТЭС способствовала росту интереса к идее создания азиатской межгосударственной организации со стороны региональных правительств. Среди последовавших затем разного рода предложений о создании региональной интеграционной организации в жизнь, в 1989 г., было воплощено предложение австралийского премьера Р.

Хоука о создании АТЭС. Главными причинами успеха австралийской инициативы, наряду с ростом экономического могущества азиатских государств и их взаимной зависимости, стали опасения протекционистских тенденций в АТР как «естественной» реакции на новые вызовы глобализации, а также отход мировых лидеров от дипломатических и политических приоритетов «холодной войны». Последнее позволило региональным политическим элитам отказаться от стереотипной трактовки любого экономического альянса той или иной азиатской страны с США в контексте конфронтации

Москвы и Вашингтона и тем самым расширило поле для экономического маневра. После окончания «холодной войны» азиатские страны ощутили потребность в создании международных институтов, которые бы анализировали основные тенденции и острые проблемы современности, находили пути адаптации к ним и их решения, способствовали бы либерализации «закрытых» экономик и усилению открытости экономик, уже достаточно либерализованных. При этом часть азиатских государств усматривала в АТЭС возможность как-то ослабить давление, оказывавшееся на них США в плане придания их экономикам большей открытости. Другие государства, напротив, рассматривали АТЭС как защиту от протекционистских устремлений ряда стран Азии, которые вступали в противоречие с интеграционными тенденциями в Западной Европе и Северной Америке.

США и Канада, в свою очередь, связывали с созданием АТЭС надежды ускорить собственный экономический рост за счет более глубокого сотрудничества с быстро развивавшимися азиатскими экономиками — на фоне торговых трений с Западной Европой, а также рассчитывали добиться большей открытости японского рынка, используя для этого многостороннее давление на Токио. Кроме того, отдельные

политические силы в США и Азии увидели в АТЭС возможность создания механизма особых отношений с США, которые способны были бы обеспечить их безопасность перед лицом новых угроз — этни-

ческих конфликтов, территориальных споров, китайского фактора и т.д.

На начальной стадии создания АТЭС аналитики и политики остро дискутировали модели экономической интеграции в АТР. Их многообразие можно свести к трем концептуальным подходам к тому, в какой форме должен был существовать АТЭС.

Первая, своего рода «модель-минимум», вырисовывалась из опыта АСЕАН. Она нацеливала АТЭС на формирование скорее азиатского сообщества, нежели организации с жесткой структурой. Саммиты АТЭС (в этом контексте реализации данной модели) должны были служить лишь весьма ограниченной цели — «лучше узнавать друг друга». Наиболее последовательным сторонником этого подхода был, и в известной мере остается, премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад. С точки зрения «минималистов», создание сообщества и лучшее узнавание друг друга и являются сами по себе главной целью деятельности АТЭС.

Вторая модель, разработанная австралийцами, предполагала развитие АТЭС по образцу ОЭСР (Организаций по экономическому сотрудничеству и развитию). Первоначальное название АТЭС даже было задумано в варианте «Организация тихоокеанской торговли и развития» (ОТТР). Данная модель рассматривала АТЭС как своего рода площадку для выявления и обсуждения международных экономических проблем, тогда как их решение передавалось бы другим институтам. ОТТР должна была стать своего рода азиатским вариантом ОЭСР в условиях, когда не все азиатские страны являлись или могли в обозримой перспективе стать членами ОЭСР.

Третья модель исходила из необходимости превратить АТЭС в торговый блок типа НАФТА, работающий в общем русле усилий ВТО по либерализации торговли на мировом фоне. (Хотя сам термин торговый блок, появившийся применительно к Азии в 1965 г., на практике не используется отцами-основателями АТЭС). Первое десятилетие функционирования АТЭС показало, что все эти три модели в той или иной степени осуществлялись на практике. При этом противоречие между «минималистами» и сторонниками институализации АТЭС выступает сегодня одним из основных внутренних противоречий этой квази-организации при обсуждении вопросов либерализации торговли и развития региональной кооперации.

Подводя итоги первому десятилетию развития АТЭС, можно выделить следующие основные тенденции или направления эволюции этого форума:

расширение числа стран-членов АТЭС;

проведение встреч высших руководителей стран-членов;

создание институциональных образований с участием не обязательно всех стран-членов АТЭС;

принятие так называемой «повестки действий» (action agenda), фокусирующей внимание на либерализации региональной торговли.

Пополнение АТЭС новыми членами приходится на первую половину 90-х годов, когда к 12 странам-инициаторам форума (6 стран АСЕАН, США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Корея) присоединились сначала КНР, Тайвань и Гонконг (1991 г.), а чуть позже Мексика и Папуа Новая Гвинея (1993 г.) и Чили (1994 г.). После вступления в АТЭС России, Перу и Вьетнама (1998 г.) было объявлено о временном (на 10 лет, начиная с 1997 г., когда было принято принципиальное решение по последним трем странам) моратории на принятие новых членов.

Встречи на высшем уровне были включены в практику АТЭС с 1993 г. «с подачи» Б. Клинтона, организовавшего первый саммит АТЭС и тем самым продемонстрировавшего свой интерес к интеграционным процессам в АТР. Малайзия оказалась единственной страной, отказавшейся от участия в первом саммите на высшем уровне. Вопрос об участии Гонконга и Тайваня, под нажимом Китая, был решен таким образом, что их представляли не первые лица. Оценивая роль саммитов в развитии АТЭС, многие аналитики отмечают, что они не только способствовали «лучшему узнаванию» лидерами стран друг друга, но и повысили степень доверия к этому форуму и положили начало институализации АТЭС.

Примерами создания в рамках АТЭС субрегиональных группировок могут служить НАФТА

(North America Free Trade Agreement), включающее США, Канаду и Мексику, и АФТА (ASEAN Free Trade Agreement). Другим направлением эволюции АТЭС стало сотрудничество между странами-членами и не членами АТЭС: ФТАА (Free Trade Agreement of the Americas) — соглашение, предполагающее создание к 2005 г. единой зоны свободной торговли в Северной и Латинской Америке, и АСЕМ (Asia Europe Meeting) — встреча в верхах с участием лидеров Евросоюза и ряда стран-членов АТЭС. В АТЭС просматривается двойственное отношение к данной тенденции. Скептики видят в ней угрозу ухода США из Азии (имея в виду ФТАА) или усиление закрытого регионализма (АФТА). Однако преобладающим является все же мнение, что трансрегиональное сотрудничество тех или иных стран АТЭС или мини-группировок стран-членов АТЭС идет на пользу мировой и азиатской экономике.

Последнему нововведению (принятие «повестки действий») был дан старт на саммите в Богоре (1994 г.). Именно там страны-члены АТЭС поставили вопрос о проведении скоординированной триединой политики либерализации торговли, облегчения условий для инвестиций (отмена таможенных барьеров к 2010 г. для развитых и к 2020 г. для развивающихся стран) и развития научно-технического сотрудничества. Начиная с последующего саммита АТЭС в Осаке в 1995 г., на котором страны договорились о принятии планов добровольной либерализации торговли и о совместной либерализации в 15 оговоренных областях, началось постепенное воплощение на практике Богорских договоренностей, или, как говорят в АТЭС, Богорской декларации. Вопрос о том будет ли либерализация распространяться на страны — не члены АТЭС остался открытым. Понятие добровольное появилось как компромисс между несостыкованными интересами разных стран в вопросах либерализации (например, нежелание Японии и Южной Кореи открывать свои сельскохозяйственные рынки).

Азиатский финансовый кризис 1998—1999 гг. добавил к проблемам либерализации торговли, облегчения условий инвестирования и осуществления научно-технического сотрудничества новые: как скоординировать финансовую политику стран региона и каким образом и в каких пределах и формах контролировать на национальном и региональном уровнях перемещение спекулятивных капиталов с тем, чтобы избежать повторения финансового кризиса. Трагические политические события 1999 г. в Восточном Тиморе впервые выдвинули на первый план в дискуссиях на саммитах АТЭС проблемы политического урегулирования региональных конфликтов. Саммит АТЭС в Брунее в 2000 г. сконцентрировал внимание на развитии электронной торговли и преодолении различий между странами-членами АТЭС по уровню распространения интернет и персональных компьютеров.

Расширение повестки дня саммитов АТЭС и, соответственно, сферы их коллективного интереса, в том числе выход на проблемы финансового и макроэкономического координирования и взаимодействия по политическим проблемам, объективно требуют дальнейшей институализации этой региональной, но пока еще не в полной мере сформировавшейся, организации.

Среди четырех факторов производства — товаров, капитала, «идей труда» и рабочей силы — страны АТЭС первостепенное внимание уделяют первым трем. Проблема формирования Азиатско-тихоокеанского рынка труда пока лишь только начинает обсуждаться.

В центре внимания АТЭС проблемы торговли. Собственно, сама идея создания общерегиональной группировки стала следствием бурного роста внешней торговли азиатских государств в 70—90-е годы. Торговли, ставшей главным фактором роста и поддержания высоких темпов экономического развития Японии, НИДС, а затем и пошедших по их стопам АСЕАН и Китая.

Доля стран Азии в мировом экспорте увеличилась с 11% в начале 70-х до почти 30% в конце 90-х, при этом в наибольшей степени возросла доля азиатских НИДС (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур) с 2 до 12%, Китая — с 0,5 до 3, Японии — с 7 до 10%. Доля стран АСЕАН увеличилась с 1,5 до 4%. При этом возросло значение собственно азиатского рынка для азиатских экспортеров. Доля Азии составляет в начале нового тысячелетия более 50% в азиатском экспорте и импорте (против 30% в начале 70-х). Без учета Японии — около 40% (против 25%). На страны АТЭС приходится сегодня более трех четвертей внешнеторгового оборота азиатских государств.

Усиление торговой взаимозависимости в АТР не могло не оказать воздействия на

стратегии экономического роста стран региона, подталкивая их к более тесному взаимодействию, интеграции и институализации своей взаимозависимости в виде АТЭС и субрегиональных группировок. Причем либерализация торговли стала сразу же главной темой обсуждений и главной сферой принимаемых решений.

Однако до сих пор остается неясным по какому пути будет развиваться в дальнейшем торговая либерализация в рамках процессов институализации АТЭС. Здесь вырисовываются три сценария.

Первый — изоляционистский, основанный на идее, что блок является самодостаточным для развития АТР, требует ограждения АТЭС от мировой экономики. Этот сценарий скорее гипотетический. Дело в том, что для ведущих экономик АТЭС — американской и японской, а также для таких стран как НИС, Россия, страны-члены АТЭС из Латинской Америки — огромное значение имеет торговля с другими мировыми рынками: европейским, американским и т.д. Поэтому замкнутость в рамках АТЭС, приобретение своего рода торговой исключительности, может серьезно повредить их долгосрочным и краткосрочным экономическим интересам.

Второй сценарий, активно поддерживаемый США, предполагает формализацию переговорного процесса в рамках АТЭС и превращение АТЭС в форум со строгими торговыми правилами и жесткими взаимно-обязывающими процедурами. Данный сценарий институализации АТЭС может превратить эту организацию в мощный торговый блок с долгосрочной повесткой переговоров о всеобъемлющей торговой либерализации на азиатско-тихоокеанском рынке. Критики данного варианта институализации АТЭС указывают на то, что, идя таким путем, АТЭС может «сползти» до дискриминационных мер в отношении других государств, находящихся вне данной группировки, и тем самым создать серьезную угрозу глобальным торговым переговорам в рамках ВТО.

Наиболее вероятным представляется третий сценарий развития торговой институализации АТЭС. Он исходит из того, что в Азии еще долго будут сохраняться различия между странами как с точки зрения динамики их экономического развития и роста экспорта, так и с точки зрения особенностей национальных торговых режимов, особенностей — непреодолимых в одночасье. Эти различия будут препятствовать быстрой институализации АТЭС. Эволюция АТЭС в направлении принятия обязывающих торговых режимов будет, по данному сценарию, проходить медленно. Сторонники данного сценария подчеркивают, что он не соответствует еще слишком большой межстрановой разобщенности Азии — реальности сегодняшнего дня. При этом можно предположить, еще долгое время двусторонние торговые связи стран АТЭС, прежде всего с мировыми лидерами — США и Японией, будут играть ключевую роль в формировании азиатско-тихоокеанского общего рынка. А субрегиональная интеграция будет строиться на и вырастать из именно этих двусторонних отношений.

Впрочем, ситуация может развиваться и более стремительно. Условием для этого может быть появление, примерно в одно и то же «экономическое время», нового для стран АТЭС явления. Таковым представляется электронная торговля. Нося по сути своей трансграничный характер, электронная торговля требует и трансграничного тарифного и правового регулирования. Тем самым уже сам ход экономической истории тех стран АТЭС, в которых электронная торговля быстро завоевывает свое уже вполне различимое место (в США — 10%, в Японии — 5, в НИС — 1—2% общего объема торговли), подталкивает АТЭС к форсированию формализации и институализации данного, пусть хотя и не ведущего, но быстроразвивающегося, сегмента азиатско-тихоокеанского рынка.

Прямые иностранные инвестиции. Иностранный капитал в виде прямых инвестиций, способствующих как созданию новых рабочих мест в странах-реципиентах и налаживанию производства новой конкурентно-способной продукции, так и передачи технологий в менее развитые экономики, сыграл, как известно, ключевую роль в формировании экспортного сектора азиатской экономики. При этом, однако, в азиатских странах до сих пор сохраняются серьезные ограничения и препятствия на пути иностранных инвестиций. Прежде всего, эти ограничения связаны с такими «сверхчувствительными» секторами национальных экономик как транспорт, коммуникации, финансовые услуги.

Этим объясняется двойственность политики национальных правительств по отношению к иностранному капиталу: с одной стороны, это предоставление ему льгот и преференций, особенно в сфере экспорт-ориентированной продукции, а с другой — регламентирование

деятельности иностранного капитала с тем, чтобы уберечь внутреннего производителя от потерь вследствие конкуренции с более конкурентоспособными инвесторами. Именно эта двойственность предопределила отношение азиатских стран к процессам либерализации движения капитала в регионе. При этом большинство идеологов АТЭС рассматривает этот процесс в контексте глобальной либерализации движения прямых иностранных инвестиций в рамках ВТО (Agreement on Trade Related Investment Measures) и ОЭСР (Multilateral Accord on Investment), полагая, что многосторонняя или региональная либерализация прямых иностранных инвестиций имеет больше преимуществ, чем индивидуальная.

Действуя в духе многостороннего, но не жестко-обязывающего сотрудничества, страны АТЭС заключили в 1994 г. соглашение о «Несвязывающих принципах инвестирования» (Non-Binding Investment Principles agreement). Свою роль здесь сыграло и то, что многие страны региона, прежде всего НИДС, к этому моменту превратились из чистых импортеров в одновременно импортеров и экспортеров капитала и, следовательно, нуждались в либерализации инвестиционных режимов в менее развитых экономиках АТР. Данное соглашение провозглашает своей задачей либерализацию политики по привлечению прямых иностранных инвестиций в целях ускорения экономического развития АТР. Соглашение состоит из четырех частей:

Принципы управления международными отношениями, которые подразумевают открытость и недискриминационность.

Кодекс поведения правительств, включающий меры по стимулированию притока иностранных инвестиций, преференции иностранным инвесторам, обслуживанию движения капитала, компенсации потерь в случае экспроприации и т.п.

Кодекс поведения инвесторов, призванный уравновесить Кодекс поведения правительств и обязывающий инвесторов уважать законы страны-реципиента, ее политику, бюрократические правила и т.п., как это делают национальные инвесторы данной страны.

Система разрешения споров, которая сформулирована лишь в самом общем виде и предлагает урегулировать споры через переговоры и консультации между конфликтующими сторонами, либо через арбитражные органы, с выбором которых согласны обе стороны. Система разрешения споров указывает на необходимость соблюдения действующих двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, в том числе в рамках ВТО.

Конечной целью институализации и либерализации режима прямых иностранных инвестиций является встраивание этого процесса в аналогичные процессы в рамках ВТО. Причем наиболее жесткие сторонники либерализации инвестиционной деятельности в рамках АТЭС настаивают на принятии со временем более жестких и обязывающих правил. Они мотивируют это тем, что, хотя в условиях экономического подъема иностранные инвесторы и так, без единых и жестких правил «приходят» в АТР, тем не менее, подобные правила предотвратили бы появление протекционистских настроений и действий, вероятных в случае экономического кризиса в Азии.

В сфере торговли и защиты интеллектуальной собственности перед АТЭС стоит задача сообща или каждой из стран индивидуально приспособиться к требованиям, по существу, глобального характера, выработанным наиболее развитыми странами. Речь идет, прежде всего, о заключенном по итогам Уругвайского раунда (1994 г.) переговоров в рамках ГАТТ/ВТО Соглашении о Связанных с торговлей аспектах прав интеллектуальной собственности (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights Agreement), Соглашении, содержащем требование ко всем странам-членам ВТО привести свое внутреннее законодательство в области защиты интеллектуальной собственности в соответствие со стандартами большинства стран-членов ОЭСР и, с другой стороны, разработать частные и государственные механизмы реализации прав интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, многие страны-члены АТЭС весьма неохотно идут на гармонизацию внутреннего законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности с международными нормами. Их многостороннее сотрудничество фокусируется в основном на вопросах технического содействия в данной области.

Проблема здесь в том, что международное право в области защиты интеллектуальной собственности носит транснациональный характер и, соответственно, требует транснациональных механизмов разрешения спорных вопросов. В АТЭС же пока не

существует, и это даже не ставится как задача, какого-либо соответствующего института типа, например, Суда справедливости АТЭС. Отсюда, по всей видимости, можно предположить, что основной центр тяжести по синхронизации национальных режимов защиты прав интеллектуальной собственности в АТЭС будет приходиться на переговорный процесс в рамках ВТО, членами которого является большинство стран-членов АТЭС.

Литература

- Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация — истоки, тенденции, перспективы // Полис. 1999. № 5.
- Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития // Международная жизнь. 2000. № 11.
- Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., 1999.
- Глобальное сообщество — новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.
- Иванов Н. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 2, 3.
- Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. М., 1995.
- Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. № 1.
- Михеев В. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм — вызовы для России? // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №2.
- Михеев В. Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. 1999. № 3.
- Оболенский В.П., Поспелов В.А. Глобализация мировой экономики — проблемы и риски российского предпринимательства. М., 2001.
- Пефтиев В., Черновская В. Развивающийся мир: глобализация или регионализация? // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7.
- Си Чан Р. Будущее Азии в глобализованном мире // Internationale Politik. 1999. № 12.
- Фридман Л., Кузнецов С. Глобализация: Развитые и развивающиеся страны // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10.
- Чешков М. Глобализация — сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra. 1999. № 4.

Раздел II.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ: ОТ ГЕНЕЗИСА К ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Глава 1.

Россия в современной мировой системе и региональных подсистемах международных отношений

Человечество вступило в XXI столетие в условиях коренной ломки прежней системы миропорядка и нарастания различных, порой взаимоисключающих явлений и тенденций в международных отношениях, внутри государств, в жизни людей. Нынешние хаотичность и нестабильность, расплывчатость перспектив вынуждают все без исключения государства задумываться о своей роли и месте в мировом сообществе, искать пути и методы приспособления к действительности, обеспечения собственного выживания и других базовых интересов.

Эта задача особенно остро стоит перед Россией, которая вошла в последнее десятилетие XX в. полная оптимизма по поводу судеб человечества и своего будущего, а выходит из него разочарованная, ослабленная и униженная. Радужные надежды на то, что после окончания «холодной войны» народы заживут дружной семьей и на земле возобладают мир, стабильность, порядок и добрососедство, оказались утопией. Развеялись иллюзии относительно того, что Запад является для новой России самым надежным идеологическим и политическим союзником, щедрым и бескорыстным донором, идеальным образцом для подражания в вопросах социально-экономического развития. С высоты сегодняшнего дня выглядят беспочвенными первоначальные представления российских демократов о том, что бывшие союзные республики, благодарные Москве за предоставленную свободу и разделяющие с ней общие идеалы, будут стремиться к сохранению «братских уз» с преобразившейся метрополией. Шоком для россиян явилось то, что экс-партнеры Кремля по Варшавскому договору и СЭВ дистанцировались от России и буквально «ринулись» в НАТО. Одновременно выяснилось, что идеалистически прозападная внешнеполитическая ориентация поставила под угрозу позиции Москвы в важнейших для нее регионах, в частности, на Ближнем и Дальнем Востоке.

Наивная внешняя политика вкупе с неудачей «шоковой терапии» во внутренних реформах, с нарастанием социальноэкономических трудностей в стране уже успели привести к значительному ослаблению позиций России на мировой арене. А это не только чревато издержками престижно-статусного характера, но наносит нашему государству и ее гражданам конкретный и нарастающий ущерб в политической, правовой, экономической и социальной сферах.

Нет сомнений, что негативную тенденцию необходимо пресечь. Вопрос заключается в том, чтобы, решая одни проблемы, мы одновременно не порождали другие. Чтобы в погоне за престижем мы не ставили под угрозу свою безопасность и экономические интересы. Чтобы в стремлении добиться доверительного партнерства с каким-то влиятельным государством, Россия не подтачивала фундамент сотрудничества на других азимутах.

Правильный ответ на волнующие нас вопросы зависит от трезвого взгляда на современный мир, от выбора оптимальной внешнеполитической стратегии, от разумных подходов как к глобальным вызовам, так и к взаимоотношениям с различными регионами и странами.

Современный мир

Современный мир, действительно, противоречив. С одной стороны — налицо позитивные явления и тенденции. Покончено с ракетно-ядерным противостоянием великих держав и разделением землян на два антагонистических лагеря. На путь демократии и рыночных преобразований вступили многие нации Евразии, Латинской Америки и других районов, которые до этого жили в условиях несвободы.

Нарастающими темпами формируется постиндустриальное общество, которое кардинально перестраивает весь уклад жизни человечества: постоянно обновляются передовые технологии, нарождается единое общемировое информационное пространство, человек с его высоким образовательным и профессиональным уровнем становится главной пружиной прогресса. Углубляются и диверсифицируются международные экономические связи.

Интеграционные объединения в различных частях света приобретают все больший вес, превращаются в существенный фактор не только мировой экономики, но и военной безопасности, политической стабильности, миротворчества. Растет число и множатся функции международных институтов и механизмов в системе ООН, стягивающих человечество в одно целое, способствующих взаимозависимости государств, наций, людей. Происходит глобализация экономической, а вслед за этим политической жизни

человечества.

Но столь же очевидны явления и тенденции совершенно иного порядка, провоцирующие разобщенность, противоречия и конфликты. Все постсоветское пространство переживает мучительный процесс приспособления к новым геополитическим, идеологическим и экономическим реалиям. Взорвалась после десятилетий спокойствия ситуация на Балканах, болезненно

напомнив о событиях, приведших к развязыванию Первой мировой войны. Конфликты вспыхивают на других континентах. Имеют место попытки дробления международного сообщества а замкнутые военно-политические блоки, конкурирующие экономические группировки, соперничающие религиозные и националистические движения.

Планетарных масштабов достигли явления терроризма, сепаратизма, наркоторговли, оргпреступности. Продолжается распространение оружия массового уничтожения, во весь рост встают экологические угрозы.

Глобализация, наряду с новыми возможностями социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов, порождает и новые опасности, особенно для отстающих государств. Растет риск зависимости их экономики и информационной системы от воздействия извне. Усиливается вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Глобальный характер приобретают катастрофы природного и техногенного характера, усугубляется экологический дисбаланс. Многие проблемы вырываются из-под контроля, опережая способность мирового сообщества своевременно и действенно реагировать на них.

То, что новая, устойчивая система международных отношений до сих пор не сложилась, усугубляет трения и противоречия. В этой связи в научно-политической среде рождаются и получают широкое распространение алармистские сценарии развития мировой политики — предрекаются, в частности, столкновения между цивилизациями (западной, китайской, исламской, восточно-славянской и т.д.), регионами, богатым Севером и бедным Югом, прогнозируется даже тотальный распад государств и возвращение человечества в первобытное состояние.

Есть, однако, основания полагать, что в XXI в. главными действующими «лицами» на мировой арене останутся суверенные государства, и жизнь на земле будет и впредь определяться взаимоотношениями между ними. Государства продолжают сотрудничать или соперничать в соответствии со своими интересами, которые комплексны, многогранны, разнообразны и далеко не всегда совпадают с цивилизационными, региональными и прочими векторами. В конечном счете, возможности и позиции государств будут по-прежнему зиждиться на их совокупной мощи.

К сегодняшнему дню уцелела лишь одна сверхдержава: Соединенные Штаты, и многим начинает казаться, что наступает эра беспредельного американского господства «Паке Америка-на». США, несомненно, имеют основания претендовать на роль мощнейшего центра силы на длительную перспективу. Они накопили внушительный экономический, военный, научно-технический и информационно-культурный потенциал, который проецируется на все главные сферы жизни современного мира. При этом у Америки растет тяга руководить другими. Американская официальная доктрина провозглашает наличие в мире зоны влияния США (так называемой стержневой зоны), в которую предполагается включить в конечном счете подавляющее число государств. Соединенным Штатам благоприятствует в этой политике то, что альтернативные общественные модели (социализм, некапиталистический путь развития) на данном этапе обесценены, потеряли привлекательность, и многие страны добровольно копируют США и принимают их лидерство.

Тем не менее мир не станет однополюсным. Во-первых, у США не хватит на это финансовых и технических ресурсов. Тем более, что беспрецедентно затянувшийся подъем американской экономики не будет все-таки вечным, он рано или поздно прервется депрессией, а это неизбежно поубавит амбиции Вашингтона на мировой арене. Во-вторых, в США нет единства в вопросах внешней стратегии, отчетливо звучат голоса против перегрузки США международными обязательствами, вмешательства во все и вся. В-третьих, есть государства, которые не просто сопротивляются американскому влиянию, но сами способны быть лидерами. Это прежде всего Китай, стремительно набирающий совокупную государственную мощь, в более отдаленной перспективе — Индия, возможно, объединенная Европа, Япония. Заявку на лидерство в

региональном масштабе могут на каком-то этапе сделать АСЕАН, Турция, Иран, ЮАР, Бразилия и т.д.

Что касается России, то и она, несмотря на переживаемые трудности, не намерена входить в зону чужого влияния. Более того, наше государство обладает необходимым потенциалом для постепенного превращения в процветающий и уважаемый центр силы в многополярном мире — это и огромная территория, и колоссальные природные, научно-технические и человеческие ресурсы, и выгодное географическое положение, и военная мощь, и традиции, и воля к лидерству, и, наконец, востребованность России в качестве влиятельной державы в различных регионах земного шара (СНГ, Ближний Восток, АТР, Латинская Америка).

Движение к многополярности — реальный и естественный процесс, ибо он отражает волю сложившихся или перспективных центров силы. Вместе с тем переходный период, будучи связан с борьбой за влияние, с изменением соотношения сил, чреват конфликтами. Нет гарантий -и того, что соперничество между крупными державами и объединениями государств автоматически исчезнет после формирования новой системы международных отношений. Из истории известно, что многополярная система, созданная в итоге Первой мировой войны, не предотвратила развязывание нового, еще более разрушительного конфликта через два десятилетия.

Никто не знает, как поведут себя новые центры силы в XXI в., ощутив собственное превосходство. Их отношения со средними и малыми странами вполне могут продолжать нести заряд конфликтности из-за нежелания последних подчиняться чужой воле. Это видно на примере нынешних взаимоотношений США с КНДР, Кубой, Ираком, Ираном и т.д. Характерно и то, что даже те страны, которые по собственной воле входят в зоны влияния центров силы, гораздо энергичнее отстаивают свои права, чем в эпоху «холодной войны». Так, европейцы по-прежнему готовы сотрудничать с США, но одновременно крепят региональные институты, подумывают о чисто континентальных оборонных усилиях, отказываются во всех вопросах «маршировать под американские барабаны». Немало различий и разногласий существует между Вашингтоном и его партнерами в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии. Есть проблемы в отношениях Китая, России, Японии, Индии с их меньшими соседями. Еще одна реальность современного мира, которая сохранится, очевидно, в XXI в., — противоречия между самими средними и малыми государствами. После окончания «холодной войны» их количество даже возросло из-за ликвидации прежней блоковой дисциплины, когда сверхдержавы держали подопечных «в узде», отсутствия региональных лидеров в ряде районов земного шара (прежде всего в Африке и на Ближнем Востоке), распада СССР и Югославии.

Человечество вступает в новое тысячелетие с грузом многочисленных территориальных, религиозно-этнических, идеологических споров. Конфликты, как и прежде, могут порождать такие мотивы, как борьба за ресурсы, экология, миграция, беженцы, терроризм, обладание ядерным оружием и т.п.

Отличительной чертой нынешней эпохи является наличие значительного числа государств, которые испытывают серьезные внутренние трудности. Причем, как показал недавний финансовый кризис в Азии, от срывов не застрахованы и динамичные экономические системы. Угроза стабильности в государстве может исходить от политической системы — как тоталитарной, рано или поздно обреченной на крах, так и демократической. Бурная демократизация дала волю различным деструктивным процессам: от сепаратизма до расизма, от терроризма до прорыва мафиозных структур к рычагам государственной власти. Очевидно и то, что даже в наиболее развитых странах сохраняются узлы религиозно-этнических противоречий. При этом внутренние проблемы все стремительнее вырываются за государственные границы, вторгаются в сферу международных отношений. Несмотря, однако, на сохраняющийся в современном мире высокий потенциал конфликтности, есть все-таки основания смотреть в XXI в. с определенным оптимизмом. Внушает его, в первую очередь, уже упоминавшаяся растущая взаимозависимость государств. Ушли в прошлое времена, когда крупные страны изо всех сил стремились обескровить друг друга. Россия не желает, чтобы рухнула американская экономика или разлилась смута по Китаю. В обоих случаях наши интересы пострадают. Хаос в России или в Китае в равной степени ударит по Америке. Взаимозависимость современного мира будет и дальше возрастать под воздействием

таких факторов, как:

ускоряющаяся революция в средствах транспорта, связи и коммуникаций, в микроэлектронике;

все более полное включение в мировые связи бывших коммунистических стран, а также КНР, государств «третьего мира», отказавшихся от некапиталистического пути развития; беспрецедентная либерализация мирохозяйственных связей и, как следствие, углубление взаимодействия национальных экономик большинства государств; интернационализация финансового и производственного капитала (уже сейчас транснациональные корпорации контролируют 1/3 активов всех частных компаний); общие задачи человечества по противостоянию возрастающим угрозам глобального характера: терроризму, наркоторговле, организованной преступности, распространению ядерного оружия, голоду, экологическим катастрофам.

Внутреннее развитие любого государства зависит сейчас от внешнего окружения, поддержки и помощи других «игроков» на мировой арене, поэтому глобализация, при всех ее изъянах, «подводных камнях», опасностях, предпочтительнее полной разъединенности государств.

Смягчению противоречий на международной арене должна способствовать демократизация, которая охватила значительную часть планеты. У государств, придерживающихся схожих идеологических установок, меньше оснований для взаимных противоречий и больше возможностей их мирного преодоления.

Прекращение гонки вооружений между «сверхдержавами» и их блоками, осознание опасности безоглядного наращивания ракетно-ядерного потенциала способствуют демилитаризации мирового сообщества. А это фактор, также работающий на гармонизацию международных отношений.

Основания для оптимизма дает и то, что в эпоху глобализации совершенствуется система международного права, его нормы находят все большее признание.

Большинство современных государств подписывается под такими понятиями как отказ от агрессии, мирное разрешение конфликтов, подчинение решениям СБ ООН и других международных институтов, борьба с расизмом, уважение прав народов и прав человека, избираемость правительств, их подотчетность населению и т.д.

Наконец, еще одно достояние человечества на пороге XXI в. — это уже упоминавшийся рост системы глобальных и региональных организаций, которые имеют мандат на углубление взаимодействия между государствами, предотвращение и улаживание конфликтов, осуществление коллективных действий по политическим и экономическим вопросам и т.п. ООН — это универсальный форум, который постепенно способен эволюционировать в сторону превращения в своего рода мировое правительство.

Если такая тенденция будет развиваться, то остается надежда, что силовая политика и безудержное соперничество государств начнут отходить на задний план.

Стратегия России в современном мире

На протяжении всего последнего десятилетия XX в. Россия в целом сохраняла приверженность курсу на преодоление самоизоляции и обособленности, на вхождение в мировую экономику, расширение политических, военных, культурных и других связей со всеми без исключения странами мира, на использование иностранного опыта и ресурсов для своего внутреннего развития. Процесс этот отличался и продолжает отличаться противоречивостью, болезненностью, медленными темпами. Причин тому несколько.

Во-первых, современное мировое сообщество оказалось не столь идеальным, каким оно виделось на заре реформ. Как выяснилось, не все беды порождались «холодной войной», коммунистической идеологией и политикой. Многие государства, как развитые, так и развивающиеся, создают проблемы и угрозы в международных отношениях, в том числе и для России.

Во-вторых, возродившаяся после непродолжительной паузы тяга России к независимой и наступательной внешнеполитической линии встречает противодействие со стороны Вашингтона, уже выработавшего вкус к единоличному лидерству в глобальных масштабах. Откорректированный курс Москвы провоцирует подозрения и страхи в Европе, особенно в Восточной, в ряде стран СНГ, которые опасаются рецидивов нашей имперской политики.

В-третьих, исторический синдром неприязни к России усиливается из-за нынешнего состояния нашего общества — криминализация, рост оргпреступности, социально-

экономический кризис, этнические конфликты, терроризм и сепаратизм, выплескивающиеся во внешний мир, — отпугивают от России потенциальных партнеров, ведут к потере у них веры в наше нормальное будущее. Линия федерального центра на наведение порядка на Северном Кавказе силовыми методами вызывает еще большее отторжение.

В-четвертых, заметно сузилась ресурсная база российской внешней политики: экономическая, военная, информационно-культурная. Нам все труднее отстаивать свои интересы на мировой арене.

Тем не менее, благодаря ориентации на демократизацию общества и рыночную экономику, а также за счет прагматичной дипломатии, ослабевающей России все же удастся добиваться определенных успехов во внешней сфере: Москва сохраняет неконфронтационные отношения с Западом; она принята в «большую восьмерку», в основные экономические и финансовые институты современного мира; Россия получает помощь по линии международных организаций; у нас нет открыто враждебных отношений ни с одним правительством и т.д.

Вместе с тем к концу истекшего столетия возник и расширился целый «букет» угроз безопасности России как спровоцированных нашими ошибками и слабостью, так и имеющими независимое происхождение. Это следующие угрозы.

В политической сфере:

действия, угрожающие территориальной целостности Российской Федерации, в первую очередь — через поощрение сепаратистских сил на этнонациональной или конфессиональной основе;

расшатывание наших позиций в ключевых институтах в области международной безопасности, а также подрыв или обход компетенции таких институтов, как Совет безопасности ООН;

попытки реализации доктрины «гуманитарного вмешательства» при игнорировании суверенитета России;

противодействие интеграционным процессам в СНГ; создание на пространстве СНГ замкнутых объединений государств, действующих вразрез с российскими интересами.

В экономической сфере:

дискриминационные меры против российских экспортеров;

блокирование кредитного сотрудничества России с международными финансовыми организациями по политическим мотивам;

незаконный вывоз капитала за пределы РФ;

хронические крупномасштабные неплатежи за поставляемые в страны СНГ топливно-энергетические ресурсы.

В военной сфере:

действия США, подрывающие нашу способность к ядерному сдерживанию (создание национальной системы противоракетной обороны (ПРО));

укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток и принятие этим альянсом новой военной доктрины;

возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов;

распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки;

конфликты и очаги напряженности, особенно в прилегающих к РФ районах.

В гуманитарной сфере:

нарушения законных прав российских граждан и русскоязычной диаспоры за рубежом.

В криминальной сфере:

международный терроризм, в первую очередь — в Северокавказском регионе;

деятельность международных преступных группировок, вовлеченных в наркобизнес, торговлю людьми, крупномасштабные экономические преступления.

В экологической сфере:

использование территории РФ для захоронения ввозимых из-за рубежа отходов вредных производств и размещения таких производств;

последствия экологических катастроф в сопредельных государствах.

Нейтрализация и устранение перечисленных и всех других возможных угроз является важнейшей задачей. Другая масштабная задача — создание оптимальных внешних

условий для социально-экономического развития страны, демократических преобразований, соблюдения прав и свобод человека. Третья задача заключается в превращении нашего государства в авторитетный центр влияния в мировом сообществе, в его участии в формировании справедливого и стабильного миропорядка.

Для решения перечисленных основополагающих задач Россия должна и может проводить открытую, прагматичную, маневренную, многовекторную и сбалансированную политику.

Только такая политика способна противостоять упоминавшимся угрозам национальной безопасности, поскольку эти угрозы многообразны и возникают на самых различных направлениях.

Ни военный потенциал, ни нынешнее геостратегическое и экономическое положение не позволяют России допустить новую «холодную войну» с Западом. На Юге и Востоке возникают и могут возникать в будущем угрозы, которые придется отражать вместе с Западом. Кремль должен быть заинтересован в тесном взаимодействии с КНР для блокирования натовского диктата в международных делах и противодействия исламскому экстремизму на Юге. Необходима сбалансированность в рамках СНГ: любое сближение России с одной из конфликтующих сторон в ущерб другой ставит под удар стабильность на всем постсоветском пространстве.

Такая же линия необходима для успешного решения внутренних проблем. Страна нуждается в больших количествах современных технологий, инвестиций, товаров. Без внешнего фактора экономика будет пробуксовывать. Даже в разгар бомбардировок Югославии Москва, с одной стороны, объявила о приостановлении всех контактов с НАТО, а с другой — провела переговоры с МВФ и получила от него очередную порцию финансовой помощи.

Итак, у России нет иного выхода, как продолжать курс на связи с Западом в интересах своего внутреннего развития. Но одновременно надо расширять связи с партнерами на восточном и южном направлениях. Срыв в отношениях с ближайшими соседями — странами СНГ — может лишить нас доступа к транспортным магистралям, природным ресурсам, полигонам и т.д. Так, разлад с Азербайджаном затруднит доступ к каспийской нефти, недоразумения с Казахстаном помешают использованию космодрома в Байконуре и центров по испытанию вооружений. Раскол с Беларусью поставит под угрозу коммуникации, соединяющие Россию с Европой, — железнодорожные, авиационные, электрические и прочие. Чрезвычайно важны для российской экономики связи со странами АТР, Ближнего Востока и т.д.

Ту же логику можно применить к линии на возрастание роли России в мире. Поскольку мы не в состоянии, как прежде, соперничать с Вашингтоном за мировое лидерство, то нам выгодно пропагандировать идею многополярности в международных отношениях, которая требует сбалансированного подхода к различным блокам и странам, невзирая на их идеологическую расцветку (в отличие от периода 1991—1992 гг., когда Россия активно подыгрывала Западу в распространении в мире демократического «евангелия»).

При этом России следует ратовать за такую многополярную систему, которая будет создана совместными усилиями государств и которая исключит традиционное противоборство отдельных центров силы.

Позиции России по глобальным проблемам

Внешнеэкономическое сотрудничество

Перспективы российского государства, в том числе его безопасность, будут определяться нашими успехами в социально-экономическом развитии. Эти успехи, в свою очередь, напрямую зависят от эффективного использования внешнего фактора. Россия должна в кратчайшие сроки полноправно интегрироваться в мировую хозяйственную систему, обеспечить себе

надежные и устойчивые каналы получения финансовых и технологических ресурсов, рынки сбыта собственных товаров. Конкретные задачи на данном направлении в порядке приоритетности следующие:

привлечение в национальную экономику иностранных инвестиций, прежде всего, в современные, наукоемкие, технологические отрасли;

подключение российских компаний к крупным транснациональным проектам, в том числе по разработке и передаче энергоносителей;

всемерная поддержка российского экспорта за счет создания, в частности, соответствующего федерального агентства, продвижения на мировые рынки конкурентоспособной продукции, решительного противодействия дискриминации отечественного производителя за рубежом;
приостановление бегства из России капиталов и бесконтрольного вывоза ценных ресурсов;

защита отечественных производителей;

вступление России в ВТО и другие ведущие организации, наше участие в регулировании международных экономических отношений, в преодолении негативных побочных последствий глобализации — растущего разрыва между «богатыми» и «бедными» нациями, интернационализации локальных политических, финансово-экономических, техногенных и других кризисов и т.д. Решая упомянутые задачи, необходимо осознавать и учитывать, что никто ни на Западе, ни где бы то ни было еще не собирается «нянчиться» с Россией, никто не горит желанием «выкормить» нового супергиганта. Но по-иному и быть не может. Ни одно государство не стремится создать себе конкурента и соперника. Смешно думать, что французы не спят ночами, озабоченные тем, как бы усилить Германию. Или что испанцы трудятся в поте лица, чтобы вернуть былое величие Англии, а китайцы грезят о превращении Японии в сверхдержаву.

Конкуренция — неизбежное и естественное явление. Поэтому России, как и другим странам, придется бороться за место под солнцем. При этом борьба вполне сочетается с сотрудничеством и сотрудничество может преобладать, как это происходит в послевоенной Западной Европе (несмотря на то, что на протяжении веков нынешние партнеры почти беспрерывно воевали между собой).

Формирование устойчивой системы международных отношений в XXI веке

В условиях глобализации, углубляющейся взаимозависимости государств формирование устойчивой системы международных отношений является неотложной потребностью.

Устойчивой же может быть лишь многополярная система, базирующаяся на равноправии, взаимном уважении и взаимовыгодном сотрудничестве, способная обеспечить всестороннюю безопасность каждого государства. Мировое сообщество должно научиться совместно, на основе кооперативных механизмов, управлять процессами глобализации и всеми другими аспектами современного бытия.

Решающее значение имеет здесь ООН — это проверенный временем, закаленный в баталиях «холодной войны» универсальный институт по обеспечению мира и безопасности на нашей планете. Другого нет, и изобрести его невозможно. Именно ООН должна стать «краеугольным камнем» многополярности в международных отношениях, коренным образом отличной от прежней системы баланса сил, которые неоднократно приводили к войнам, в том числе в XX в.: ООН будет сотрудничать с региональными организациями, сливая их в многоярусные, разноцелевые механизмы обеспечения безопасности, координации усилий в политической, экономической и других областях. Насущная задача ООН — всемерно укреплять ее роль на международной арене, в частности:

сохранить главную ответственность СБ ООН за поддержание мира, усиливая его контрольные функции за возникновением и урегулированием конфликтов;

добиваться всеобщего признания того, что только этот орган правомочен санкционировать применение силы в целях принуждения к миру;

повышать эффективность Совета безопасности за счет расширения состава, наращивания и модернизации его потенциала антикризисного реагирования, осуществления миротворческой деятельности;

отстаивать нерушимость основополагающих принципов ООН и универсальный характер их применения.

Упрочение всей международно-правовой основы миропорядка, обеспечение верховенства права должны постоянно находиться в центре внимания мирового сообщества. Это предполагает:

неуклонное соблюдение общепризнанных принципов международного права и международных обязательств, выработка их согласованного и целостного толкования в общечеловеческих интересах, прогрессивное развитие международного права;

недопустимость военных акций в обход СБ ООН, в т. ч. для предотвращения гуманитарных катастроф, необходима выработка ясного толкования этих катастроф;

мировое сообщество вправе и даже обязано реагировать на массовые нарушения прав человека, но делать это исключительно от имени СБ ООН и в строгом соответствии с нормами международного права, в адекватных размерах; следует исключить использование лозунгов самоопределения для подрыва территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств, для поощрения и поддержки сепаратистских движений; более широкое использование контрольно-имплементационных и судебных механизмов и процедур для дополнительных гарантий против обхода международного права; совершенствование и активное применение методов мирного разрешения споров, включая повышение роли Международного суда, а также всемерное поощрение практики «добрых услуг» Генерального секретаря ООН, посреднических усилий его представителей.

В интересах России самым энергичным образом участвовать в ООН, «большой восьмерке», других международных организациях и форумах, отстаивая там и продвигая в жизнь наше видение новой международной системы.

Военная безопасность

Проблема распространения оружия массового уничтожения, ракетных средств его доставки и обычных вооружений имеет самое непосредственное отношение к обеспечению военной безопасности России, а также глобальной и региональной стабильности. Наши усилия следует сосредоточить на целом ряде аспектов этой проблемы: всемерно укреплять режим, базирующийся на Договоре 1968 г. о нераспространении ядерного оружия и Договоре 1996 г. о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний; оказывать соответствующее воздействие на все страны, ставящие своими действиями под угрозу упомянутый режим (США, Индия, Пакистан, Израиль, Ирак, КНДР и т. д.); идти дальше по пути сокращения своего ядерного потенциала на основе двусторонних договоренностей с США (СНВ-2, СНВ-3) и в многостороннем формате с участием других ядерных держав при условии, что стратегическая стабильность не будет нарушена; Россия должна добиваться соблюдения духа и буквы Договора по ПРО — основы такой стабильности;

уделять первостепенное внимание контролю за распространением обычных вооружений, в частности, незаконных передач легкого и стрелкового оружия (ЛСО), всячески поддерживать инициативы, направленные на предотвращение этой практики; участвовать в режимах сокращения и ограничения обычных вооруженных сил и мер доверия в военной области; добиваться адаптации существующих соглашений по контролю над вооружениями и по разоружению к изменившимся условиям, а также разработки при необходимости новых соглашений, в первую очередь, по мерам укрепления доверия и безопасности;

содействовать созданию зон, свободных от оружия массового уничтожения.

Одновременно Россия должна поддерживать на высоком уровне свой оборонный потенциал, в том числе обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору.

Вооруженные силы РФ обязаны обеспечить решение задач по отражению агрессии в локальной, а также крупномасштабной войнах, осуществление миротворческой деятельности. России целесообразно сохранять за собой право на применение всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, для отражения агрессии, если все другие меры исчерпаны или оказались неэффективными.

Интересы обеспечения национальной безопасности России определяют при соответствующих обстоятельствах необходимость военного присутствия России в некоторых стратегически важных регионах мира. Размещение в них на договорной и международно-правовой основе, а также на принципах партнерства ограниченных воинских контингентов (военных баз, сил военно-морского флота) должно содействовать формированию устойчивого военно-стратегического баланса сил и давать возможность реагировать на кризисную ситуацию в ее начальной стадии, способствовать реализации внешнеполитических целей государства.

Борьба с международным терроризмом, наркомафией и организованной преступностью
Во многих странах, в том числе в Российской Федерации, резко обострилась проблема терроризма, имеющего транснациональный характер и угрожающего стабильности в мире, что обуславливает необходимость объединения усилий международного

сообщества, повышения эффективности борьбы с этой угрозой, принятия безотлагательных мер по ее нейтрализации.

Основываясь на международных соглашениях, следует сотрудничать с иностранными государствами, их правоохранными органами и специальными службами, а также международными организациями. Необходимо создать скоординированный механизм противодействия терроризму, надежно перекрыть каналы незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ внутри страны, а также их поступления из-за рубежа.

Рост угрозы России со стороны наркомафии и организованной преступности связан с открытостью границ со странами СНГ, притоком значительного числа иммигрантов, наличием в прилегающих регионах крупных очагов экстремизма. Незаконная утечка капиталов с территории нашей страны провоцируется социально-экономическим кризисом и вялостью правоохранных органов.

Перед российской внешней политикой встает задача целенаправленного противодействия всем этим опасным явлениям в двустороннем и многостороннем форматах, прежде всего в рамках специализированных международных органов.

Гуманитарные вызовы

Будучи приверженной ценностям демократического общества, включая уважение прав и свобод человека, Россия видит свои задачи в гуманитарной сфере международных отношений в том, чтобы:

защищать интересы российских граждан и соотечественников за рубежом; выступая за урегулирование проблем на основе международного права и двусторонних соглашений, РФ готова в случае необходимости принять тех из соотечественников, кто пожелает вернуться на Родину, оказав им необходимое содействие;

расширять участие в международных конвенциях и соглашениях в области прав человека;

продолжать приведение внутреннего законодательства в соответствие с нормами международного права и международными обязательствами России.

Информационно-технологическая безопасность

Новым направлением является обеспечение информационно-технологической безопасности, прежде всего, за счет предотвращения использования достижений научно-технического прогресса и информационных технологий в военных целях.

Очевидны также попытки достижения глобального информационного доминирования. В этих условиях приобретает актуальность задача сформировать эффективные российские информационно-пропагандистские средства для своевременного и точного доведения наших позиций до широких кругов мировой общественности, продвижения достижений российской культуры и науки на внешний информационный рынок.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, а также противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров.

Экологические угрозы

С учетом повышения риска глобальных катастроф природного и техногенного характера Россия должна выступать за расширение международного сотрудничества в целях обеспечения экологической безопасности, в том числе с привлечением новейших технологий.

К числу приоритетных направлений сотрудничества в экологической сфере относятся: рациональное использование природных ресурсов, воспитание экологической культуры населения;

предотвращение загрязнения природной среды за счет повышения степени безопасности технологий, связанных с захоронением и утилизацией токсичных промышленных и бытовых отходов;

предотвращение радиоактивного загрязнения окружающей среды, минимизация последствия произошедших радиационных аварий и катастроф;

экологически безопасное хранение и утилизация выведенного из боевого состава вооружения;

создание и внедрение безопасных производств, поиск способов практического использования экологически чистых источников энергии.

Региональные приоритеты

У России нет ни ресурсов, ни потребности проявлять высокую активность везде и всюду. Предпочтительнее определить шкалу приоритетов и соразмерять с ней уровень нашей вовлеченности в те или иные региональные процессы.

Главным для России региональным приоритетом является постсоветское пространство — в силу исторических, геополитических, экономических, гуманитарных и иных соображений. Есть механизм для упрочения наших позиций на упомянутом пространстве — СНГ, и его надо крепить, превращая в динамичное интеграционное объединение.

Члены СНГ в неодинаковой степени готовы к сближению, поэтому оправдана линия на многоуровневую и разностороннюю интеграцию. Учитывая европейский опыт, а равно интересы и позиции наших соседей на постсоветском пространстве, наиболее достижимо на нынешнем этапе экономическое взаимодействие. В зависимости от ситуации следует выбирать формы взаимодействия: в общих рамках СНГ или в более узких объединениях, таких, как Таможенный союз, в структуре Договора о коллективной безопасности. Высшая на сегодняшний день форма интеграции — создающийся Союз России и Беларуси.

Успех политики на постсоветском пространстве зависит от соблюдения определенных принципов и учета ряда моментов:

1. Интеграция может осуществляться исключительно на принципах добровольности и равноправия.

Молодые государства, переживая пору становления, озабочены упрочением своего суверенитета. Проявления менторства с нашей стороны воспринимаются ими весьма болезненно, как рецидивы имперских амбиций, отталкивают партнеров от России, побуждают их искать моральную и политическую опору на других направлениях, прежде всего у США.

Попытки поставить под сомнение существующие границы, муссировать территориальные вопросы и иные споры политического характера, предвзятость в конфликтах между постсоветскими государствами тем более отдаляют обиженных от России и бросают их в объятия других центров силы.

Проявляя взвешенность, сдержанность и гибкость в упомянутых вопросах, мы вместе с тем должны отдавать себе отчет в том, что страны ближнего зарубежья будут стремиться к диверсификации внешних связей. Это естественно для независимых молодых и испытывающих социально-экономические трудности государств, ищущих признания и надежные источники финансовых и технологических ресурсов. Да и Россия сама добивается углубления партнерства с развитыми и богатыми партнерами.

Наше влияние на постсоветском пространстве должно обеспечиваться следующими мерами:

отчетливо выраженным пониманием стремления молодых государств к укреплению суверенитета и территориальной целостности, расширению внешних связей;

преодолением наслоений и стереотипов, оставшихся в наследство от прошлого;

сотрудничеством с властями и общественностью постсоветских государств в обеспечении законных прав наших диаспор;

разработкой и внедрением в жизнь комплексной программы по всемирному развитию торгово-экономических контактов с ближними соседями;

беспристрастностью в отношении споров между постсоветскими государствами, посредничеством в урегулировании этих споров;

искренней заинтересованностью, воплощаемой в конкретных делах, в поступательном развитии и процветании всего постсоветского пространства;

объединением усилий с соседями в противодействии общим вызовам: терроризм, наркомафия, техногенные катастрофы, болезни и т.д.

Традиционный приоритет внешней политики России — Европа. Мы неразрывно связаны с этим континентом географически, исторически, цивилизационно; от ситуации в Европе и наших отношений с европейскими странами напрямую зависят безопасность России и перспективы ее политического и экономического реформирования. Наш стратегический, долгосрочный интерес заключается в полном интегрировании в Европу. На пути реализации этого интереса у демократической России нет непреодолимых преград, имеются лишь разного рода трудности, которые предстоит постепенно преодолевать.

Жизнь континента развивается на нынешнем этапе под знаком ускоряющейся интеграции. Евросоюз продолжает расширять свои ряды, переходит к единой валюте —

евро, осуществляет институциональную реформу, формирует «оборонную идентичность». Укрепление ЕС способствует миру, стабильности и процветанию на многострадальном континенте.

Отношения с упомянутой организацией имеют для России ключевое значение. Надо стремиться к достижению такого уровня сближения с ЕС, чтобы можно было на равных сотрудничать в области обеспечения безопасности и экономики и действовать в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС 1994 г., которое еще не заработало в полную силу. Конкретные проблемы (прежде всего — учет наших интересов в процессе расширения и реформирования ЕС) можно решать на основе одобренной в 1999 г. Стратегии развития отношений РФ с Европейским Союзом.

Аналогичным образом России выгодно продолжать участвовать в Совете Европы и продвигать вперед двусторонние отношения со всеми европейскими государствами, особенно ведущими — Германией, Францией, Англией, Италией.

Отдельного внимания заслуживает НАТО. Эта организация является реальностью, отражающей волю многих европейских государств, с которой необходимо считаться, как и с тем объективным фактом, что ликвидация американского военного присутствия в Европе может привести к разбалансировке взаимоотношений между европейскими державами (например, Германией и Францией). Осознавая это, Россия подписала с НАТО в 1997 г. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. Он должен был снять российскую озабоченность расширением альянса, заложить основы партнерских отношений. Однако балканский кризис 1999 г. вновь поставил на повестку дня ряд беспокоящих Россию проблем.

Во-первых, НАТО осуществило силовое вмешательство во внутреннюю жизнь суверенного государства без санкции СБ ООН, по собственному решению.

Во-вторых, очевидна растущая готовность НАТО использовать военную силу на различных уровнях и в различных ситуациях.

В-третьих, новая стратегическая концепция альянса предусматривает расширение географии применения силы далеко за пределы «зоны ответственности» НАТО. При этом настораживает не только усиление активности на потсоветском пространстве, но и заявки на объявление его части сферой «интересов безопасности» НАТО (в частности, бассейна Каспийского моря).

Особый смысл приобретают усилия натовцев по разработке новейших, военных технологий, отработка приемов их использования в новых условиях, планы по дальнейшему расширению рядов альянса. Напрашивается вывод, что НАТО стремится утвердиться в качестве доминирующей силы во вновь выстраиваемой системе европейской и даже международной безопасности.

Но альтернативы сотрудничеству с НАТО по-прежнему нет, и надо неуклонно вести дело к формированию равноправных и конструктивных взаимоотношений с альянсом в рамках упоминавшегося основополагающего акта 1997 г.

Одновременно Россия не должна отказываться от задачи создания единой общеевропейской системы безопасности. Добиться этого можно лишь на базе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), объединяющей практически все государства континента и связывающей их разветвленной системой обязательств. Следует вести дело к тесному взаимодействию ОБСЕ, с одной стороны, с ООН, а, с другой, — с ведущими европейскими союзами, включая НАТО. Здесь важно максимально использовать потенциал принятых в ноябре 1999 г. на Стамбульском саммите документов — Хартии европейской безопасности и адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе. При этом необходимо всячески препятствовать попыткам подчинить ОБСЕ Североатлантическому альянсу и перепрофилировать ее исключительно на контроль за ситуацией на пространстве бывшего СССР.

Не требует доказательств приоритетность отношений с США. Между нами уже нет идеологических противоречий: Россия сама желает стать демократическим государством с рыночной экономикой, и Соединенные Штаты не могут не приветствовать такой курс, но проблема заключается в том, что США, оставшись единственной сверхдержавой, увлеклись расширением зоны своего влияния и фактически ведут дело к подчинению собственному контролю остального мира, включая Россию.

Нельзя не учитывать, что мир перестал быть биполярным и что у России нет ни потенциала, ни союзников для сохранения баланса сил с США. Но Москва не может

согласиться и на роль младшего, послушного партнера Вашингтона: нам предпочтительно проводить маневренную политику.

Необходимо крепить инфраструктуру российско-американского взаимодействия как в целом, так и по конкретным вопросам — ограничение и сокращение стратегических ядерных вооружений, безопасность в Европе, ближневосточное урегулирование, терроризм и т.д. Важно предупредить образование пауз в контактах, не допуская сбоев в переговорах на актуальные темы. Мы должны, как и прежде, доводить до американцев свои принципиальные позиции, противодействовать негативным аспектам американской политики, в том числе вместе с заинтересованными сторонами (Китай, Индия, Иран, Палестина, Франция и т.д.), не пытаясь, однако, превращать координацию в перманентный альянс.

Россия не может обеспечить национальные интересы в полном объеме, не укрепив своего положения в Азии. Наши основные цели в регионе: обеспечение безопасности границ; сохранение стабильности в прилегающих к ним районах, характеризующихся достаточно высоким конфликтным потенциалом; использование экономического сотрудничества с азиатскими государствами для модернизации национальной экономики, прежде всего в восточной части России.

Ситуация в АТР отличается противоречивым сочетанием партнерства и соперничества. С одной стороны, там сохраняется общая стабильность, постепенно набирают обороты интеграционные процессы. Участие России в основных региональных структурах — в Форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», в Асеановском региональном форуме по безопасности, в созданной при российской инициативной роли «Шанхайской пятёрке», дает полезные инструменты в области многосторонней дипломатии.

Успешно развиваются отношения с большинством государств региона. Важнейший наш ресурс — взаимопонимание с Китаем и Индией. Совпадение взглядов с этими странами по многим вопросам мировой политики способствует региональной и глобальной стабильности. В обоих случаях задачей является подтягивание экономических контактов до уровня политического взаимодействия.

Существует возможность достижения подлинного добрососедства с Японией, отвечающего интересам обеих сторон. В рамках существующих переговорных механизмов следует продолжать поиск взаимоприемлемого оформления государственной границы. Перспективен курс на расширение сотрудничества с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которую следует рассматривать как один из важных центров складывающейся системы международных отношений.

С другой стороны, в Азии сохраняются, а на ряде направлений усиливаются опасные тенденции. Из региональных очагов напряженности наибольшую озабоченность вызывает Корейский полуостров. Нельзя допустить развития обстановки по кризисному сценарию, усилия должны сосредоточиваться на обеспечении нашего полного участия в урегулировании корейской проблемы, на поддержании сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами.

Хроническую напряженность в Центральную Азию привносит кризис в Афганистане.

Взаимодействуя с заинтересованными государствами, Россия должна прилагать усилия для политического урегулирования проблемы.

Необходимо последовательно вести дело к подписанию Индией и Пакистаном Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и их присоединению к Договору о нераспространении ядерного оружия, поддерживать линию на создание в Азии зон, свободных от ядерного оружия.

Нельзя не обратить внимания и на нарастание геополитических противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе между США и КНР. Поднимающийся китайский исполин бросает вызов доминированию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и провоцирует со стороны последних все новые контрмеры. Не менее нервно реагирует на усиление Пекина Токио, который в ответ интенсифицирует оборонное сотрудничество с Вашингтоном.

Параллельно у японцев растут собственные политические амбиции. Разворачивающееся соперничество гигантов подстегивает военные приготовления средних и малых стран.

При этом многие из них, несмотря на всевозможные трения с Вашингтоном, предпочитают сохранение в АТР статус-кво, т.е. лидерства США. Их пугает перспектива милитаризации Китая и в несколько меньшей степени, — Японии.

В наших интересах не провоцировать обострение противоречий между США, КНР и Японией, не стремиться к созданию антиамериканских военно-политических альянсов с Китаем, а также с Индией. На них никто не согласится, а если такое вдруг и произойдет, то Россия ничего не выиграет: мы станем заложниками чужих интересов, позиций и взглядов, окажемся втянуты в не относящиеся к России конфликты и подорвем всю глобальную систему взаимоотношений с США и их союзниками.

Разумнее сделать акцент в АТР на созидательной работе, посредничая (в осторожном и сдержанном ключе) в распутивании «узлов» напряженности, активно добиваясь укрепления режима нераспространения ОМУ, обуздания гонки обычных вооружений, упорядочения международной торговли оружием и т.д. Особое значение следовало бы придавать формированию многоярусной сети многосторонних диалогов и форумов безопасности на региональном и субрегиональном уровнях, выработке мер доверия, механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов. В свете растущей взаимозависимости государств, а также ограниченности наших финансовых ресурсов именно такая линия обеспечения национальной безопасности России в АТР предпочтительна (в противовес подключению к новому витку гонки вооружений).

При этом нецелесообразно пытаться возглавить процессы становления коллективной системы безопасности. Лучше уступить пальму первенства средним и малым государствам и учитывать предрасположенность большинства участников международных отношений в АТР к постепенным, неспешным действиям, к неформальным договоренностям.

Необходимо исходить также из того, что безотлагательное преодоление отсталости восточных районов РФ является не только первоочередной внутренней социально-экономической задачей, но и проблемой, напрямую связанной с обеспечением нашей национальной безопасности и территориальной целостности. При этом попытки закрыть Сибирь и Дальний Восток от Китая из-за опасений демографической экспансии с его стороны чреваты лишь тем, что наши восточные районы окончательно превратятся в «задворки» АТР и рано или поздно непременно станут объектом экспансии соседних держав, и, прежде всего Китая. Напротив, широкое открытие Сибири и Дальнего Востока для КНР и других зарубежных партнеров позволит преодолеть отсталость и одновременно приведет к тесной взаимозависимости стран региона, их заинтересованности в благополучии друг друга, проложит путь к глубокой интеграции наподобие той, которая имеет сейчас место в Европе или в Юго-Восточной Азии. Целесообразно добиваться разработки комплексной программы привлечения на Дальний Восток и в Сибирь китайских и других зарубежных капиталов, рабочей силы, технологий. Использовать привлекательность для Китая и всех соседних государств российской ресурсной базы (нефть, газ, уголь, лес, металлы и т.д.). Влиять на потенциальных партнеров через АТЭС и другие международные форумы, договариваться с ними на двусторонней основе.

Не может Россия уйти из еще одного региона — Ближнего и Среднего Востока. Благодаря своим богатым человеческим и естественным ресурсам, а также географическому положению этот регион имеет стратегическое значение для всеобщего мира и мировой экономики и России, в частности.

В сфере безопасности очевидно, что нарушение мира и стабильности на Ближнем и Среднем Востоке создаст угрозу и может втянуть Россию в разрушительные конфликты, подорвать российские экономические интересы, вывести из строя транспортные и коммуникационные артерии. Москве необходимо также следить за тем, чтобы государства, движения и граждане региона сохраняли позитивное отношение к Российской Федерации и не предпринимали действий, угрожающих нашей территориальной целостности, суверенитету и внутреннему миру в целом.

В политической области Россия заинтересована в тесных контактах со всеми государствами региона в решении глобальных проблем и создании стабильной многополярной системы международных отношений.

Экономический аспект нашей политики на Ближнем и Среднем Востоке должен включать в себя полноценное участие в разработке и транспортировке каспийских нефти и газа, беспрепятственный доступ к энергоресурсам Персидского залива, быстрый рост взаимной торговли, привлечение из региона инвестиций в российскую экономику, возвращение нам долгов такими государствами, как Ирак, Сирия, Ливия.

В культурном плане регион важен, учитывая религиозный фактор. Необходимо способствовать контактам мусульман РФ с единоверцами на Ближнем и Среднем Востоке, следя за тем, чтобы они не приводили к негативным политическим последствиям. Ресурс нашей политики — наличие большого числа выходцев из России в Израиле.

Требуется внимания Африка — с учетом как исходящих с этого континента рисков для глобальной стабильности, так и его значительных резервов для наращивания сотрудничества. России следует способствовать урегулированию региональных конфликтов на африканском континенте, используя для этого свой статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, расширять сферу политического взаимодействия с этими странами в международных организациях.

Стабильно развиваются отношения со странами Латинской Америки. Привлекательность этих стран как партнеров связана с их заинтересованностью в сотрудничестве с Россией, емкостью и динамичностью их рынков, увеличением роли Латинской Америки в международных делах.

Для реализации изложенной выше внешнеполитической стратегии от России потребуются немалые усилия. Важнейший залог успехов — укрепление государства и его обороноспособности, оздоровление национальной экономики, повышение благосостояния и социальной защищенности граждан. От этого, в конечном итоге, будет зависеть упрочение международных позиций России, ее веса и влияния в мире.

Литература

Внешняя политика России 1991—2000 // Pro et Contra. 2001. № 1—2.

Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—1998. В 2-х томах. М., 1999.

Внешняя политика Российской Федерации. 1992—1999. М., 2000.

Военная доктрина России (Официальный сайт МИД России — www.mid.ru)-

Иванов И.С. Внешняя политика России и мир. М., 2000.

Концепция внешней политики России (Официальный сайт МИД России — www.mid.ru).

Концепция национальной безопасности РФ (Официальный сайт МИД России — www.mid.ru).

Орешкин В.А. Внешнеэкономический комплекс России — проблемы и перспективы. М., 2000.

Отношения между великими державами в Восточной Азии после окончания холодной войны. М., 2000.

Расстановка сил в Азии // Internationale Politik. 2001. № 4.

Россия, Китай и новый миропорядок XXI века. М., 2001.

Современные международные отношения / Под ред. А.В.Торкунова. М., 2000.

Глава 2.

Генезис и эволюция межамериканской (панамериканской) системы во второй половине XX века

Формирование системы отношений между американскими государствами заняло фактически всю первую половину XX в. Политическая традиция межамериканского (панамериканского) взаимодействия складывалась в чрезвычайно насыщенной историческими событиями среде под прямым воздействием целого ряда факторов, обусловивших появление феномена «асимметричная взаимозависимость».

Асимметрия мощи и влияния, экономического потенциала и политического веса — это та данность, которая была изначально заложена в систему отношений между США и государствами Латинской Америки. Она, эта асимметрия, естественно, эволюционировала во времени, в одни периоды достигая редкого в практике международных отношений уровня, в другие — выравниваясь за счет действия целого ряда факторов как внутреннего развития, так и изменений глобального и регионального характера.

Выпукло выступала и страновая специфика. Очевидно, что в сформировавшемся в XX в. комплексе отношений между США и странами Центральной Америки это была не просто асимметрия, а несопоставимость мощи и влияния. Совсем иные измерения она имела в отношениях с южноамериканскими гигантами: Бразилией и Аргентиной.

Созданию Организации американских государств (1948 г.) предшествовали десятилетия «панамериканизации» межгосударственных отношений в Западном полушарии. Это был крайне сложный и противоречивый процесс.

Прямые вооруженные интервенции на Кубе, в Мексике, Гаити, Доминиканской Республике, Никарагуа, Панаме в первые десятилетия XX в. отчетливо обозначили склонность США к «праву силы». Право на вмешательство США в деятельность региона в течение почти всего XX в. не подвергалось сомнению и в той или иной форме реализовывалось практически всеми американскими администрациями. Лежавшая в основе этого подхода «Доктрина Монро» в течение полутора столетий неоднократно «переписывалась», интерпретировалась все более широко. То, что у президента США Джеймса Монро в 1823 г. подразумевало недопущение использования западноевропейскими державами хаоса и внутренних конфликтов, царивших в регионе после завоевания независимости, с целью наращивания собственного присутствия, уже к концу XIX в. преобразовалось в прочно устоявшийся взгляд на Латинскую Америку и Карибский бассейн как на пространство, которое Соединенные Штаты должны «по определению» контролировать.

Это, с одной стороны, позволяло периодически объявлять либо весь регион, либо близлежащий Карибский бассейн зоной «жизненно важных интересов» США. А с другой — рассматривать Латинскую Америку как удобную площадку для экспериментов, которые Вашингтон не мог себе позволить в других, более приоритетных районах мира. Соответственно, считалось, что в этой «серой зоне» ошибки и просчеты обходились

Соединенным Штатам относительно дешевле, да и последствия их казались куда более подконтрольными.

Трудно представить более губительный для долгосрочных интересов центра системы подход к отношениям с другими ее членами. И сама, описанная выше, гегемонистская заданность подхода к региону, и именно ошибки и просчеты политики США в этом районе заложили устойчивый заряд недоверия и конфликтности в отношении двух Америк, который и привел к системному кризису в 80-е годы.

Именно в первые десятилетия XX в. в политической культуре правящих кругов США закрепился и другой принципиальный компонент, от которого вплоть до нынешнего времени те так и не смогли отказаться. Речь идет об односторонней стратегии и практике принятия решений в отношении этого региона, в соответствии с которыми Латинская Америка рассматривалась, главным образом, как объект проекции американских интересов. Решения, касающиеся этого региона, в том числе и такие, которые существенно влияли на его положение в мировой экономике и политике, как бы «спускались сверху вниз».

Традиции односторонних акций оказались чрезвычайно устойчивыми. Еще на начальном этапе перехода США сначала к региональной, а затем и к глобальной стратегии они прочно закрепились в политическом мышлении правящих элит, стали своеобразной визитной карточкой американской дипломатии в XX в., причем не только в Латинской Америке, но и в других регионах мира. Но зародились эти традиции именно в политике в отношении южных соседей и здесь на протяжении целого века проявились особенно рельефно.

Односторонняя силовая дипломатия, естественно, вызывала резкое неприятие политических элит стран региона, будь то традиционные олигархические семейства, военно-диктаторские режимы или национал-реформистские круги. Поэтому даже инициативы США, направленные «во благо» Латинской Америке, как, например, политика «новых рубежей» Дж. Кеннеди в начале 60-х годов или политика «прав человека» Дж. Картера второй половины 70-х годов, именно в силу своего, по сути, одностороннего характера, оказались не столь результативными, чем первоначально ожидалось.

Поэтому максимальное укрепление собственного суверенитета, выдвигание на первый план принципа невмешательства во внутренние дела, обостренное восприятие силовых приемов в политике США и других великих держав и стремление противопоставить им силу права, т.е. международно-правовые нормы, на многие десятилетия определили лицо внешней политики подавляющего большинства государств региона.

Однако в основе этого явления лежали не только интервенционизм США в начале века, а также изначально заложенная в модель отношений разница в «весовых категориях». Фундаментальное значение имела и разнофазовость процессов социально-экономического и политического развития США и государств Латинской Америки. Если первые вступили в XX в. уже пройдя фазу становления и укрепления национального государства, а потребности экономического развития требовали внешней экспансии в поисках доступа к природным ресурсам и дешевой рабочей силе стран региона, то большинство последних надолго застряли именно в этой фазе формирования национального государства или, как его еще именуют в политологии, «государства-нации» («estado-nacion»).

Причем оборонительные, защитные функции, свойственные молодому, формирующемуся национальному государству, тормозили объединительные процессы в регионе, предопределив не слишком успешную судьбу латиноамериканской интеграции, лишь к концу нынешнего столетия ставшей, наконец, реальностью.

Соперничество за более привилегированные отношения с центром системы (в данном случае США) — еще одна характерная черта формирования «государства-нации», также отчетливо просматривалась во внешнеполитической деятельности латиноамериканских республик в XIX в., а в начале столетия нашедшая выражение в концепции «негласного союза» с США, авторство которой принадлежало барону Рио Бранко, министру иностранных дел Бразилии в 1902—1910 годах.

Рассмотренная выше столь своеобразная «заданность» отношений между США и латиноамериканскими государствами отчетливо проявилась в деятельности межамериканских форумов, предшествовавших формированию системы. Начиная с первой Панамериканской конференции (1889—1890 гг., Вашингтон) и на протяжении

четырёх десятилетий в условиях, порой, ожесточенной дипломатической борьбы, происходило формирование единого правового поля американских государств. Несмотря на изначальные трудности и в ряде случаев просто несовместимые подходы, Панамериканские форумы стали важным механизмом состыковки несовпадающих интересов и выработки совместных подходов. Это, в первую очередь, касалось разработки единого политико-правового пространства, на котором действовали общие нормы поведения государств.

По мере продвижения в этом направлении заметно развивалась и организационная структура континентального сотрудничества. На IV Международной американской конференции (1910 г., Буэнос-Айрес) был создан Панамериканский союз (ПАС), который на последующих конференциях неоднократно реорганизовывался, обрастая все новыми функциями. Так, в ходе работы VI Панамериканской конференции (1928 г., Гавана) в качестве основного органа ПАС была признана Панамериканская конференция, а в качестве постоянно действующего органа утверждался Руководящий совет Панамериканского союза. О существенно расширившихся масштабах панамериканского сотрудничества свидетельствует то, что в общей сложности на Гаванской конференции было принято 56 резолюций и 10 конвенций, в том числе и знаменитый «Кодекс Бустаман-те», введший в международное право институт дипломатического убежища. Немалое значение отводилось проблематике обеспечения мира на континенте. Безусловно, именно в этом, одном из ключевых вопросов региональных отношений, формирующаяся межамериканская система как раз и не преуспела. Действительно, потерпела фиаско выдвинутая президентом США Дж. Вильсоном в 1914 г. идея заключения Панамериканского договора о взаимных гарантиях территориальной целостности и политической независимости и разрешении пограничных споров, применяя процедуры арбитража. Эту идею дружно провалили латиноамериканские страны, и, в первую очередь, в силу рассмотренного выше «суверенно-защитного» рефлекса, который срабатывал у молодого «государства-нации» каждый раз, как только речь шла о том, чтобы хоть малая доля «суверенных прав» была делегирована какому-либо многостороннему органу.

Оказались малореализованными разоруженческие инициативы в регионе, хотя, на наш взгляд, не меньшего внимания заслуживает и то, что и в XIX в., и в первой половине XX в. они вообще выдвигались, в то время как ведущие страны мира активно вооружались. Не вступил в действие и известный «Пакт Гондры» — Договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами, подписанный пятнадцатью странами Латинской Америки и США на V Панамериканской конференции в Сантьяго (Чили, 1923 г.) по инициативе министра иностранных дел Парагвая Мануэля Гондры.

Действительно, «Пакт Гондры» не предотвратил Чакскую войну между Боливией и Парагваем (1932—1935 гг.), кровопролитные вооруженные конфликты Перу с Колумбией (1932—1934 гг.) и Эквадором (1941 г.). В условиях, когда конфликтность отношений латиноамериканских республик была высока, а международная обстановка в 30-е годы, не способствовала миротворчеству, любые, даже самые совершенные, международно-правовые механизмы конфликто разрешения оказывались малоэффективными. Однако, несмотря на отдельные сбои, международно-правовая активность государств полушария в 20—30-е годы шла по нарастающей. Ряд форумов внес существенный вклад в укрепление правовых основ отношений стран полушария. Так, например на VII Панамериканской конференции (Монтевидео, 1933 г.) была принята конвенция «О правах и обязанностях государств», в которой в качестве одного из основных зафиксирован принцип невмешательства одних государств во внутренние дела других. Среди документов, принятых на конференции в Монтевидео фигурировали и такие, как: «О гражданстве женщин», «О выдаче преступников», «О праве политического убежища». Несмотря на прослеживавшуюся тенденцию к расширению областей сотрудничества и созданию все новых и новых «конструкций» формирующейся межамериканской системы, было бы ошибочным утверждать, что это — поступательное движение. В отношениях США и государств Латинской Америки уже тогда стала просматриваться цикличность, в рамках которой периоды взаимного отчуждения и нарастания конфликтного потенциала сменялись этапами гармонизации отношений и укрепления континентального сотрудничества. Целая группа факторов как внутреннего политического и экономического развития стран региона, так и изменения в международной обстановке воздействовали

на этот процесс. Но одним из главных, безусловно, являлись перемены в политике центра системы — Соединенных Штатов.

Принципиальное значение имело соотношение силовых, включая военные, и политико-дипломатических методов политики в регионе. Естественно, что присутствие морской пехоты в ряде стран Центральной Америки и Карибского бассейна (так, лишь в Гаити американские войска находились почти двадцать лет — с 1915 по 1934 г.) существенно усиливало центробежные устремления латиноамериканских государств. Переход же к политике «добраго соседа» в период первой администрации Ф. Рузвельта положил начало новому циклу межамериканских отношений, в котором заметно преобладала тенденция к сотрудничеству.

При этом отказ от силового давления на страны региона, во-первых, был достаточно условным, а во-вторых, не являлся результатом признания правящей элитой США его неэффективности. США больше других ведущих держав мира пострадали от великой депрессии 1929—1933 гг. Никогда еще их позиции в Латинской Америке не были столь уязвимы. И речь идет не только об экономических потерях (инвестиции США сократились почти вдвое, в 4 раза уменьшился товарооборот). Ослаблением влияния Вашингтона незамедлительно воспользовались Германия, Великобритания и Япония.

В 30-е годы США столкнулись с мощной волной национализма в регионе, который все больше приобретал антиамериканскую направленность. В основе этого лежало широко распространеное в регионе мнение, что США, несмотря на все заверения о панамериканской солидарности, не только фактически бросили Латинскую Америку на произвол судьбы в период мирового экономического кризиса, но и приняли ряд протекционистских мер, существенно усугубив ее положение.

Заметно окрепли внешнеполитические позиции ведущих латиноамериканских государств и, в первую очередь, Аргентины, превратившейся в 30-е годы в своеобразного соперника Вашингтона в борьбе за влияние в регионе. Эта страна, например, могла себе позволить в 1934—1935 гг. объявить настоящую торговую войну Соединенным Штатам. Более того, Аргентина, по существу, возглавила движение стран региона против изоляционистских тенденций в Западном полушарии, которое США пытались замкнуть на себе, предотвратив расширение связей с внерегиональными державами. В начале 30-х годов появились радикальные проекты формирования латиноамериканских союзов, как, например, идея создания «южно-американского блока», в который бы вошли Аргентина, Бразилия, Чили, Перу, Парагвай и Уругвай. Намечавшийся блок призван был противостоять США в Латинской Америке. Неоднократно возникали и идеи формирования таможенного союза латиноамериканских республик.

В целом в 30-е годы произошло существенное выравнивание асимметрии мощи и влияния США и ведущих государств региона, которые, как уже отмечалось, открыто оспаривали роль США как центра системы. С точки зрения исторической перспективы, не исключено, что именно тогда, в 30-е годы Латинская Америка получила шанс на принципиально иную, основанную на горизонтальных связях, систему отношений в Западном полушарии. И действительно, на Панамериканских конференциях в Монтевидео (1933 г.) и Буэнос-Айресе (1936 г.) движение пошло именно в этом направлении. В документах, принятых на форумах были юридически закреплены принципы невмешательства и равноправия. И в политике «добраго соседа» они во многом оказались реализованы администрацией Ф. Рузвельта. Это тот редкий в XX в. период, когда США вынуждены были подстраиваться под своих южно-американских соседей.

Континентальная солидарность в противостоянии общей угрозе со стороны держав оси стала тем цементирующим компонентом, который впервые в XX в. ввел отношения двух Америк в системное русло, в плоскость практического сотрудничества в межрегиональном контексте. На начальном этапе (1939—1941 гг.) это нашло выражение в принятой на Панамериканском консультативном совещании министров иностранных дел (23 сентября 1939 г.) Общей декларации о нейтралитете американских республик, которая установила специальную 300-мильную зону безопасности вокруг Западного полушария (кроме Канады), направленную на недопущение войны в Новый Свет.

Именно на начальном этапе второй мировой войны появилась идея подписания между американскими республиками пакта о взаимной обороне. В июле 1940 г. на Гаванском, втором по счету, Консультативном совещании министров иностранных дел пакт, по сути, состоялся. В итоговой декларации впервые было обозначено, что «нападение на

американское государство рассматривается как нападение на все американские государства». Было принято решение о совместных действиях против фашистской Германии в случае захвата ею европейских колоний в Карибском бассейне. Там же, в Гаване, представитель Кубы впервые официально поставил вопрос о создании Межамериканского совета обороны (МСО).

Начавший действовать с марта 1942 г. МСО превратился в первый многосторонний механизм межрегиональной системы безопасности, формирование которой завершилось подписанием в 1947 г. Межамериканского договора о взаимной помощи.

Межамериканский совет обороны был отнюдь не креатурой США, как это часто трактовалось и в отечественной, и в зарубежной исторической литературе. Более того, как свидетельствуют материалы, опубликованные в США в 70-е годы, Пентагон изначально решительно выступил против создания какого-либо многостороннего органа, который имел бы реальные полномочия. Руководство военного ведомства США считало это не только практически не нужным, но и потенциально опасным, т.к. вынуждало бы Пентагон координировать свои планы с южными соседями.

Именно с вопроса о целесообразности создания МСО берут свое начало ставшие впоследствии традиционными межведомственные противоречия Пентагона и Госдепартамента в отношении политики в Латинской Америке. В то время как Пентагон выступал за исключительно двусторонний, а точнее односторонний характер отношений, предпочитая иметь дело с каждой из латиноамериканских стран в отдельности, Госдепартамент, озабоченный необходимостью обеспечения континентального единства, стремился придать ему форму многостороннего сотрудничества. Впоследствии отсутствие консенсуса в верхах и стремление каждого из ведомств проводить свою собственную латино-американскую политику существенно снижало эффективность курса в отношении этого региона. Это порождало сомнения в правящих элитах государств региона (во многом оправданные) в реальной заинтересованности США иметь в Западном полушарии дееспособную международную систему.

В 1942 и в последующие годы Пентагон предпринял немало усилий, чтобы лишить этот орган реальной дееспособности, ограничив его функции лишь представительскими и консультационными. За усиление этого органа «боролась» именно Латинская Америка. Так, на Межамериканской конференции по проблемам войны и мира в Мехико (февраль—март 1945 г.), получившей впоследствии название Чапультепекской, Мексика, Уругвай и ряд других стран настаивали на расширении полномочий МСО, который, по их мнению, должен был превратиться в основной орган межрегиональной системы безопасности и состоять из начальников генеральных штабов стран-членов.

Именно латиноамериканские государства в эти годы выступили с инициативой создания общеконтинентальной системы обороны и безопасности. На Чапультепекской конференции Бразилия, Колумбия и Уругвай представили совместный проект создания такой системы, в основе которого лежала бы формула «агрессия против одного из членов сообщества является агрессией против всего Западного полушария». Парадоксально, на первый взгляд, но именно США, и здесь их интересы, пожалуй, впервые совпали с интересами Аргентины, предприняли немалые усилия, чтобы «заземлить» эту инициативу. Межамериканский договор о взаимной помощи (МДВП) вполне мог быть подписан не в 1947, а в 1945 г. Латиноамериканская дипломатия настолько перехватила в тот момент инициативу, что США вынуждены были уступить. Однако камнем преткновения была резко негативная позиция Аргентины. Это дало возможность Вашингтону не торопиться с подписанием МДВП, ссылаясь на то, что без ее участия договор будет лишен смысла. Однако спустя два года ситуация поменялась кардинальным образом. Теперь уже США, «разочаровавшись в ООН, выступили за создание сильной региональной организации», в то время как латиноамериканские государства не только охладели к идее создания военно-политического блока в Западном полушарии, но и направили свои дипломатические усилия на то, чтобы не допустить оформления военного альянса с Вашингтоном.

Столь быстрая переоценка ценностей среди ведущих государств региона во многом была связана с началом «холодной войны», которая открывала перед ними реальную перспективу на правах младших партнеров оказаться втянутыми в конфронтацию двух

сверхдержав.

Анализ текста, подписанного на Консультативном совещании в августе 1947 г. в Рио-де-Жанейро Межамериканского договора о взаимной помощи, показывает, что он, конечно же, не был агрессивным военно-политическим блоком и к тому же не прообразом НАТО, как это в течение десятилетий интерпретировалось в отечественной исторической литературе. «Пакт Рио-де-Жанейро», хотя и устанавливал 300-мильную специальную зону безопасности вокруг Западного полушария, захватывающую территории, принадлежавшие Дании, Гренландии, а также территорию Канады и заморские колониальные владения ряда европейских метрополий в Карибском бассейне, что противоречило международному праву, не был обращен на внешнюю экспансию. Предусмотренный механизм коллективных действий в случае угрозы «миру Америки», включавший и применение вооруженной силы в случае нападения на участника договора, выглядел отнюдь не противоречащим международному праву. Принятие его в целом являлось вполне оправданным в 1947 г., когда было совершенно не ясно, по какому сценарию пойдет только начавшаяся «холодная война», и не перерастет ли она в третью мировую войну.

Вместе с тем на содержании Пакта, очевидно, сказались стремление ряда влиятельных стран региона, и прежде всего Аргентины, максимально ограничить в тексте Договора упоминание о конкретных военных и политических механизмах взаимодействия американских республик. Расплывчатость формулировок и слишком общий характер установлений Договора были результатом не стремления США в тот период дать расширительное толкование «угрозе безопасности», а усилий латиноамериканских министров, стремившихся, подписывая договор, выхолостить из него военную составляющую.

В целом же «Пакт Рио-де-Жанейро» был подписан на фоне шлейфа военно-политического сотрудничества США и Латинской Америки в годы Второй мировой войны. Однако континентальная солидарность все больше начинала подтачиваться различными подходами к предназначению межамериканской системы.

Если для США формирование межрегиональной системы было во многом завершено на Консультативном совещании в Рио-де-Жанейро в августе 1947 г., то для Латинской Америки все лишь только начиналось. Двухмесячный марафон IX Межамериканской конференции в Боготе (март—апрель 1948 г.) завершился подписанием Устава Организации американских государств (ОАГ) — первой и по-своему уникальной межрегиональной организации послевоенного мира.

В отечественной литературе советского периода тексты МДВП и Устава ОАГ были более, чем досконально проанализированы. Главный акцент делался на том, что окрепшие в ходе Второй мировой войны США просто «зажали в тисках» Латинскую Америку и, чуть ли не выкручивая руки, навязали странам региона кабальные условия отношений.

Анализ «строительства» главных, несущих конструкций межамериканской системы в том виде, в котором она сформировалась в конце 40-х годов, позволяет сделать несколько выводов, на первый взгляд, выглядящих чуть ли не парадоксально. Межамериканская система во многом оказалась «инициирована» самими латиноамериканскими государствами, заинтересованными в том, чтобы ввести отношения с США в правовое поле, которое должно было нейтрализовать их силовое превосходство.

Немаловажным являлась и инерция выравнивания асимметрии отношений, отчетливо проявившаяся в 30-е годы. Ведущие латиноамериканские государства стремились юридически зафиксировать это «новое равенство», опираясь на принцип «одна страна — один голос». Бросается в глаза заметно больший внутренний демократизм ОАГ по сравнению с ООН. В Уставе ОАГ не предусматривалось ни создание органа, состоявшего из наиболее влиятельных стран-членов, наподобие Совета безопасности ООН, ни, тем более, право вето. Об этом же свидетельствовал и заложенный в Уставе механизм принятия решений по вопросам, требующим совместных действий: они принимались, если за них было подано не менее двух третей всех голосов.

При разработке МДВП и Устава ОАГ латиноамериканскими делегациями двигал и другой мотив. Совершенно очевиден был расчет на то, что союзнические отношения с США, ставшими после Второй мировой войны супердержавой номер один, облегчат латиноамериканским государствам выход в большую политику, поднимут их вес и престиж на мировой арене, создадут благоприятные условия для экономического роста.

Среди основных целей ОАГ в Уставе выделялись следующие: укрепление мира и безопасности; предупреждение осложнений в отношениях стран-участниц и мирное разрешение споров; совместные выступления в случае агрессии против одного или нескольких государств; совместные усилия по экономическому, социальному и культурному развитию. Среди основных принципов фигурировали приверженность международному праву, уважение суверенитета и независимости, приверженность представительной демократии, социальной справедливости, уважение прав человеческой личности вне зависимости от расовой принадлежности, политических убеждений, пола и ряд других.

Особое внимание латиноамериканская дипломатия уделила закреплению в Уставе ОАГ принципа невмешательства. Отмеченная выше особая заданность и даже заикленность на утверждении этого принципа вполне реализовалась в целом ряде статей Устава, который пестрел многочисленными запретами на вмешательство одних государств во внутренние дела других.

Структура ОАГ в тех условиях не знала себе равных. Многочисленные комитеты и службы охватывали все возможные области взаимоотношений американских республик, начиная от политического диалога и заканчивая такими вопросами, как проблемы индейцев, положение женщин, искусство и музыка.

В целом проект межамериканской системы был достаточно амбициозен и не имел аналогов в мировой практике. Была выстроена многоярусная международная организация, в задачу которой входило ввести отношения американских республик в четкое правовое русло, регламентируя практически все стороны их международной деятельности.

Выше отмечалось, что уже в первые десятилетия XX в. в отношениях США со странами Латинской Америки просматривались признаки цикличности. Создание межамериканской системы пришлось — и, видимо, не случайно — на высшую точку цикла гармонизации отношений и сотрудничества, начавшегося со второй половины 30-х годов и существенно окрепшего в годы Второй мировой войны. Несмотря на выявившиеся расхождения в подходах, межамериканская система была сконструирована в момент, достаточно благоприятный. Ее монументальное здание, построенное как бы на века, порождало надежды на наступление новой, просвещенной эры в отношениях американских республик, в которых отныне будут царить право и порядок.

Однако реалии межамериканских отношений стали стремительно меняться уже к концу десятилетия: резко возросла асимметрия мощи и влияния между США и государствами Юга региона. Никогда еще в XX в. США не были так сильны, как в эти годы. Став, по сути, единственной ядерной супердержавой, производя более 40% мирового ВВП, контролируя 1/3 мировой торговли, северный колосс не скрывал своих гегемонистских устремлений. На смену тенденции к выравниванию асимметрии и образованию горизонтальной системы отношений пришло жесткое вертикальное начало. Экономическая и военно-политическая мощь США стала непосредственно проецироваться на отношения со странами Западного полушария.

40—50-е годы стали временем фактически безраздельного господства США в Западном полушарии. Это был своеобразный пик влияния, сверхприсутствия, фактической гегемонии в регионе. Речь уже шла даже не столько о резко возросшей асимметрии между США и латиноамериканскими государствами, а о почти безусловной зависимости большинства государств региона от США.

Межамериканский договор о взаимной помощи уже через несколько лет после своего оформления фактически потерял для США значимость как коллективный механизм обороны полушария. Создание в 1949 г. НАТО, по существу, вытеснило МДВП на обочину американских интересов, тем более что в отличие от европейского театра сценарий возможной агрессии восточного блока против латиноамериканских государств в 50-е годы был из разряда чисто гипотетических.

Главной задачей США в регионе в 50-е годы было обеспечение политического статус-кво, необходимого для бесперебойного доступа к стратегическому сырью и безопасности морских коммуникаций, в первую очередь, естественно, Панамского канала.

В эти годы американский истеблишмент рассматривал весь комплекс отношений со странами региона сквозь призму конфронтации «Восток — Запад». Это вытекало из характера международных отношений тех лет. Однако сквозь эту призму рас-

смачивались и политические процессы в странах региона, причем в жестко утилитарной форме. Узко прагматично понимаемая стабильность должна была быть обеспечена любой ценой.

Таким образом, Вашингтоном в конце 40 — начале 50-х годов была предпринята попытка в рамках существовавшего каркаса межамериканской системы выстроить жестко вертикальную модель отношений со странами региона, обеспечивающую дисциплину в этой тыловой зоне. В особенности в области внешней политики в годы разгара «холодной войны» большинство государств региона выстраивались в «кильватере» американской дипломатии. Это был фактически безусловный союз. Латиноамериканская машина голосования во всю работала в ООН, почти автоматически поддерживая США по всему спектру международных вопросов того периода.

Столь жестко детерминированная модель внешнеполитического поведения достигла своего апогея на X Межамериканской конференции в Каракасе (март 1954 г.), где США удалось, несмотря на сопротивление делегаций Гватемалы, Мексики, Уругвая и Аргентины, добиться одобрения «Декларации солидарности в сохранении политической целостности американских государств от вмешательства международного коммунизма». Суть декларации сводилась к ужесточению «политической дисциплины» внутри системы и коллективным действиям против страны-члена, где международное коммунистическое движение устанавливает «господство или контроль над политическими институтами какого-либо американского государства». Последовавшее спустя несколько месяцев свержение реформистского правительства Х. Арбенса в Гватемале, которое в лучших традициях маккартизма подверглось откровенной травле со стороны США и соседних центрально-американских диктатур, обозначили своеобразную высшую точку в продвижении модели монолитного, блокового единства стран региона в период разгара «холодной войны».

С данного момента маятник соотношения центробежных и центростремительных тенденций в межамериканской системе двинулся назад. Это было обусловлено возросшим конфликтным потенциалом отношений центра и периферии системы. Изначальный импульс к нарастанию противоречий двух Америк дал начавшийся с конца 40-х годов пересмотр места латиноамериканского региона на шкале внешнеполитических приоритетов США. Победа революции в Китае, расширение юны влияния СССР в Восточной Европе и обозначившаяся в конце 40 — начале 50-х годов перспектива советско-китайского стратегического альянса потребовали от США смены глобальных ориентиров. В стратегии массивированного возмездия места для Латинской Америки фактически не нашлось.

Преобразование этого региона в тыловую зону, малозначимую в контексте глобального ядерного противоборства, заметно изменило температуру межамериканских отношений. Эффект утери стратегического интереса лидера системы к своей периферии оказался, на первый взгляд, неожиданно сильным. Правящие элиты большинства стран региона, рассчитывавшие за счет плотного союза с самой сильной державой послевоенного мира не только войти в большую политику, но и главное — получить особый, преференциальный статус в плане экономической помощи, испытывали явное разочарование. Утеря особого статуса подрывала вертикально-эшелонированную модель связей, которая в наиболее чистом виде предстала именно на рубеже 40—50-х годов. По-видимому в асимметричных системах равновесие отношений во многом обеспечивается целой системой специфических подпорок в виде особых льгот и преференций. В начале 50-х годов США не смогли обеспечить функционирование этой системы, что и вызвало первый в послевоенные годы виток кризиса, пришедшийся на вторую половину 50-х годов.

Почти целое десятилетие США прилагали максимум усилий, чтобы вывести проблематику торгово-экономических отношений и помощи развитию за рамки межамериканской системы. Американская дипломатия изначально стремилась использовать ОАГ исключительно в политических целях, эксплуатируя имидж демократической региональной системы, противостоящей «тоталитарному восточному блоку». Одновременно ею делалось все возможное, чтобы нейтрализовать заложенные в Уставе* положения, ориентированные на социально-экономическое развитие. Латиноамериканским государствам, пожалуй, впервые применившим в рамках межамериканской системы блоковую дипломатию, все же удалось добиться проведения в

50-е годы ряда континентальных экономических форумов. И конференция министров экономики и финансов в Рио-де-Жанейро (декабрь 1954 г.), и первый саммит президентов Америк в Панаме (июль 1956 г.), и первая Межамериканская экономическая конференция в Буэнос-Айресе (август 1957 г.) прошли в обстановке нарастающих противоречий. Принимавшиеся на этих форумах компромиссные и ни к чему не обязывавшие документы, в основном сводившиеся лишь к набору пожеланий, будучи результатом поистине титанических усилий дипломатических ведомств, реально мало что вносили в практику межамериканских отношений.

К концу десятилетия межамериканская система вступила в свой первый серьезный кризис. Положенная в ее основу концепция континентальной солидарности подверглась существенной эрозии в условиях, когда сам регион терял свою значимость на шкале стратегических интересов США. «Остаточный» подход к отношениям со странами этого региона, стремление законсервировать систему и, по сути, лишить ее реальной дееспособности наглядно обозначили то, что эта конструкция во многом утратила свою значимость для США. В целом малоэффективные попытки ведущих государств региона во второй половине 50-х годов создать механизм перекачки из центра на периферию «помощи развитию», со своей стороны, существенно снизили заинтересованность в системе особых отношений с США у латиноамериканских государств. На рубеже 50—60-х годов межамериканская система во многом оказалась ненужной ни той, ни другой стороне и, по-видимому, в среднесрочной перспективе (три-пять лет) была обречена на деградацию.

Систему во многом «спасла» кубинская революция. Выше уже отмечалось, что глобальная конфронтация «Восток — Запад» существенно деформировала межамериканскую систему уже в первые годы после ее юридического оформления. Спустя десятилетие по иронии судьбы именно «холодная война» придала новые импульсы ее выживанию.

60-е годы стали временем начала двух масштабных исторических экспериментов, оказавших существенное воздействие на всю систему международных отношений государств Западного полушария. Речь идет о строительстве социализма «в отдельном взятом» островном государстве Карибского бассейна — Кубе и попытке противопоставить кубинскому пути «мирную регулирующую революцию» в рамках программы «Союз ради прогресса», выдвинутой демократической администрацией Дж. Кеннеди.

Программа «Союз ради прогресса», естественно, возникла не в одночасье. Она была во многом концептуально подготовлена в последний год администрации Д. Эйзенхауэра, когда в правящих кругах США началась стремительная переоценка ценностей. Во многом это было связано с выявившейся неспособностью США нормализовать и поставить под контроль ситуацию на Кубе.

Однако несмотря на все усилия, «партия» для Вашингтона изначально была проигранной. За один год просто невозможно было перечеркнуть то, что накапливалось десятилетиями. Антиамериканизм, корни которого оказались так глубоки в кубинском обществе, был успешно превращен правительством Ф. Кастро в идеологию правящего режима, обеспечив ему массовую поддержку и внутреннюю легитимность. Дальнейший окончательный разрыв и переход Кубы в «другой лагерь» были фактически предопределены.

Именно в те годы начался интенсивный поиск антитезы «кубинскому сценарию». Ею стала политика «помощи развитию», заложенная в основу программы «Союза ради прогресса». Однако несмотря на определенную конъюнктурность, программа ознаменовала собой прорыв во внешнеполитическом мышлении правящих кругов США. Демократическая администрация Дж. Кеннеди (1961—1963 гг.), пожалуй, впервые «озвучила» идею растущей взаимозависимости двух Америк и необходимость выправления гигантской асимметрии в уровнях их социально-экономического развития.

Также впервые Соединенными Штатами, по существу, были выставлены условия получения помощи странами региона, которые должны были предпринять усилия для проведения социально-экономических реформ. Среди этих условий фигурировали: усовершенствование государственных институтов в рамках модели представительной демократии, осуществление аграрной реформы, изменение налоговой системы, направленной на мобилизацию внутренних ресурсов для развития.

В августе 1961 г. в г. Пунта-дель-Эсте (Уругвай) на Межамериканской экономической

конференции представители всех латиноамериканских стран, за исключением Кубы, а также США подписали «Хартию Пунта-дель-Эсте», в основу которой и была положена программа «Союз ради прогресса». Отметим, что это была первая в мировой практике программа развития целого региона «третьего мира», осуществляемая за счет как мобилизации внутренних ресурсов, так и внешнего финансирования. Более того, авторы программы предполагали, что впоследствии основные ее «конструкции» могут быть применены для развития других регионов «третьего мира».

Напомним, что программа, рассчитанная на десятилетие, предполагала в общей сложности мобилизацию 100 млрд дол., из которых 20 млрд дол. должны были обеспечить США (как за счет своих государственных средств, так и кредитов международных финансовых организаций и займов из стран Западной Европы и Японии). Латиноамериканские государства обязались мобилизовать 80 млрд дол.

В начале 60-х годов «температура» межамериканских отношений резко снизилась. Их конфликтный потенциал оказался существенно нейтрализованным новаторским подходом к региону, обозначенным администрацией Дж. Кеннеди и реализовавшемся в принятии программы «Союз ради прогресса». Межамериканская система вступила в полосу перемен, при этом, правда, заметно «опаздывая» за динамикой политического и социально-экономического развития региона. Именно в те годы появились первые признаки выравнивания гигантской асимметрии мощи и влияния между двумя Америками. Почти безусловная зависимость Латинской Америки от США начала постепенно преобразовываться во взаимозависимость, что было, в первую очередь, связано с рывком, который совершили в своем развитии большинство государств региона. В течение двух десятилетий — 60 и 70-х годов — Латинская Америка «развивалась» почти вдвое быстрее, чем США, опережая по основным показателям экономического роста другие регионы как развитого, так и развивающегося мира и по сути была самым динамично развивающимся районом мира.

Отмеченную долгосрочную тенденцию развития вряд ли можно рассматривать как прямое следствие программы «Союз ради прогресса», тем более, что уже ко второй половине 60-х годов она перестала реализовываться. Однако импульс, приданный ею социально-экономическому развитию региона, нельзя недооценивать.

Усилению центростремительных тенденций в межамериканских отношениях в начале 60-х годов существенно способствовал «кубинский фактор». Необходимость противостоять стратегии насаждения Островом Свободы в регионе очагов партизанской борьбы, равно как и превращению Кубы в военную базу СССР создали ситуацию, когда интересы правящих элит (как консервативных, так и новых, национал-реформистских) совпали с интересами правящих кругов США.

Именно «благодаря Кубе» межамериканская система в начале 60-х годов начала обретать признаки реального военно-политического альянса, что еще несколько лет назад казалось почти забытым прошлым времен Второй мировой войны.

Первоначальный импульс этому придало размещение советских ракет на Кубе. 23 сентября 1962 г. Постоянный совет ОАГ принял резолюцию, призывавшую страны-члены принять все необходимые меры, включая использование вооруженных сил для противодействия угрозе, вызванной размещением ракет на острове.

Первая половина 60-х годов стала своеобразным апогеем межамериканского военно-политического сотрудничества. Несмотря на то, что Межамериканский договор о взаимной помощи, который институционализировал региональную систему безопасности, был подписан в 1947 г., лишь в начале 60-х годов система во многом состоялась.

В эти годы была создана современная общерегиональная система связи между военными ведомствами с центром в зоне Панамского канала, где в 1961 г. разместилось южное командование ВС США (ЮЖКОМ). Начавшиеся в эти же годы регулярные встречи командующих американскими армиями превратились в одну из несущих конструкций системы безопасности, в достаточно эффективный интегрирующий инструмент, который позволял не только обмениваться информацией, но и координировать действия в подавлении подрывной деятельности леворадикальных повстанческих организаций. На VIII Консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ (июнь 1961 г.) был создан и политический орган — Специальный комитет по вопросам безопасности. Немалую роль сыграли и интенсивно проводившиеся в 1961—1964 гг. совместные военные маневры, инициированные и технически обеспеченные Пентагоном.

Аналогично периоду Второй мировой войны военно-политическое сотрудничество, шло настолько по нарастающей, что на повестку дня встал и вопрос о создании межамериканских вооруженных сил (МАВС), который казалось бы удалось решить. 6 мая 1965 г. на X Консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ было принято решение о создании межамериканских миротворческих сил для отправки в охваченную острым внутренним конфликтом Доминиканскую Республику. В акции приняло участие семь стран полушария, а возглавил межамериканские силы бразильский генерал.

Вслед за этой акцией, символизировавшей собой своеобразный апогей регионального военного сотрудничества, начался откат назад. Попытки ряда военных режимов региона, в первую очередь, Аргентины в рамках начавшейся со второй половины 60-х годов реформы Устава ОАГ либо расширить функции МСО, либо создать вместо него в рамках ОАГ Межамериканский комитет по обороне, координирующий распределение военной помощи и контролирующей деятельность межамериканских вооруженных сил, встретили решительное несогласие большинства латиноамериканских государств. На III Специальной межамериканской конференции в Буэнос-Айресе (февраль 1967 г.) под попытками создания общерегиональной военно-политической структуры была подведена черта. В чем была причина столь, на первый взгляд, неожиданного результата? Ведь в начале 60-х годов имелись и достаточно очевидные общие вызовы безопасности, и разумная концепция противодействия. Центр системы — США — брал на себя функции безопасности Западного полушария на глобально-стратегическом уровне, обеспечивая ядерный щит, защиту Панамского канала и противодействуя возможным попыткам сверхдержавы Востока создать в этом районе новые опорные точки. Вооруженные силы латиноамериканских государств, согласно этой концепции, переориентировались на поддержание мира в регионе и внутреннее развитие своих стран, становясь своеобразными гарантами курса реформ в рамках программы «Союз ради прогресса». Причин несколько, и они весьма поучительны. Не было сделано главного, без чего ни одна «вертикальная» система, вступившая в полосу реформирования, не сможет успешно преобразоваться в горизонтальную. Речь идет о переходе центра системы от односторонней политики к действительно многосторонней. Несмотря на пышную риторику вновь обретенного континентального единства, общности целей и интересов двух Америк в противостоянии тоталитаризму, продвижении демократических реформ и т.д., технология принятия решений не претерпела существенных перемен. По сути, это была по-прежнему политика односторонних акций США, на которые, правда, более активно, чем прежде, «надевался» многосторонний камуфляж. Новая система безопасности была «спущена сверху» в лучших традициях латиноамериканской политики США в XX веке.

Не были приняты во внимание морально-психологические факторы, связанные с менталитетом латиноамериканского офицерства, обретавшим все более националистическую окраску в условиях изменений в его социальной базе. Провозглашенное новое разделение ответственности в рамках континентальной безопасности на практике реализовалось в том, что система оказывалась еще более централизована, чем та, которая была задумана в первые послевоенные годы.

Один лишь тот факт, что межамериканские силы мира были созданы уже после того, как Санто-Доминго был оккупирован контингентом в 23 тыс. американских морских пехотинцев, интерпретировался как стремление администрации Л. Джонсона обеспечить многостороннее прикрытие, по сути, односторонней вооруженной интервенции США. Конец 60 — начало 70-х годов стали временем существенного усложнения межамериканских отношений. Система не только окончательно потеряла свою герметичность, характерную для первого послевоенного десятилетия и выражавшуюся в замкнутости международных отношений в Западном полушарии и достаточно высоком уровне политической дисциплины. По существу, возник новый тип конфликтов между центром системы и целым рядом государств-членов, обусловленный проведением последними политики экономического национализма и стремлением автономизироваться от США во внешней политике.

Во многом это было связано с появлением в регионе нового политического феномена — националистических военных режимов. Речь, в первую очередь, идет о режимах в Перу (1968— 1975 гг.), Панаме (1968-1981 гг.), Боливии (1969-1971 гг.), Эквадоре (1972—1976

гг.), приступивших к экспроприации собственности американских компаний, провозгласивших антиолигархические внутренние преобразования и независимый внешнеполитический курс.

После того, как к ним в 1970 г. добавился социалистически ориентированный режим С. Альянде в Чили, в межамериканской системе впервые образовалась внутрисистемная оппозиция, которая выступила за пересмотр основ системы и освобождения ее от атрибутики «холодной войны». Система, по сути, стала политически гетерогенной, что существенно усилило в ней центробежные тенденции.

Факты свидетельствуют о том, что в начале 70-х годов США не просто теряли рычаги контроля над межамериканской системой. В условиях, когда ряд государств региона, искусно применяя коалиционную дипломатию, предпринял попытку превратить систему в коллективный рычаг нажима на Вашингтон, в правящих кругах США даже стал рассматриваться вопрос о выходе из ОАГ.

Во многом это было связано с началом работы Специальной комиссии по изучению межамериканской системы и выработке мер по ее реорганизации (СКИМС). Комиссия была создана решением III сессии Генеральной ассамблеи ОАГ (Вашингтон, апрель 1973 г.). Под нажимом целого ряда латиноамериканских государств, и в первую очередь Перу и Чили, была принята резолюция, выражавшая «общую неудовлетворенность результатами деятельности межамериканской системы».

В принятой на сессии «Декларации принципов межамериканских отношений» странам-инициаторам реформы межамериканской системы удалось впервые закрепить принцип «идеологического плюрализма». Этот принцип предполагал возможность сосуществования в межамериканской системе государств с различным общественно-политическим строем. Подтекстом

этого документа была не только и даже не столько заинтересованность левых режимов в отмене антикубинских санкций в ОАГ, сколько стремление обезопасить себя от рецидивов прямого вмешательства в случае, если тот или иной режим будет квалифицирован Вашингтоном как просоветский.

Перу и Чили при поддержке Венесуэлы, Колумбии и ряда других стран выступили также за коренной пересмотр концепции безопасности межамериканской системы. Ими было предложено внести в межамериканский юридический лексикон термин экономическая агрессия. Эти же страны предложили разработку механизма «коллективной экономической безопасности».

Очевидно, что своим острием эти инициативы были направлены против политики экономического нажима, особенно широко практиковавшегося Соединенными Штатами против левонационалистических режимов в конце 60 — начале 70-х годов. Идеи «коллективной экономической безопасности» благодаря усилиям латиноамериканской дипломатии получили дальнейшее развитие на сессии Генеральной ассамблеи ОАГ (Атланта, май 1974 г.), где в специальной резолюции вновь была обозначена задача обеспечения «интегрального развития и коллективной экономической безопасности». Никогда еще латиноамериканский прессинг на США не был столь мощным.

Госдепартамент пытался максимально заземлить латиноамериканские инициативы, растворив их в расплывчатых и необязывающих формулировках. Наиболее отчетливо это проявилось в позиции американской делегации именно в рамках работы СКИМС в 1973—1975 годах.

Однако в условиях, когда по вопросу создания системы «коллективной экономической безопасности» США оказались фактически «прижаты к стене», они вынуждены были внести определенность. США были единственным государством, проголосовавшим против внесения в МДВП положения о создании системы коллективной экономической безопасности, предусматривавшей распространение принципа «нападение на одного — нападение на всех» на область экономических отношений. И хотя на Специальной конференции по реформе договора (Сан-Хосе, апрель 1975 г.) в статью 11 было включено соответствующее положение, представитель США заявил, что его страна не возьмет на себя никаких обязательств по обсуждению, подписанию и ратификации каких-либо обязывающих документов по созданию подобной системы.

Подобного рода демарши оказывали деморализующее воздействие на межамериканские отношения, стимулировали центробежные тенденции. Это, в частности, находило выражение в растущей заинтересованности государств региона создавать свои, чисто

латиноамериканские объединения, которые в известном смысле подменяли бы собой ОАГ.

Наиболее развитым из них в 70-е годы был, безусловно, Лидский пакт. Подписанное в 1969 г. Картахенское соглашение положило начало процессу интеграции шести андских стран (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Эквадор, Чили). При этом в 70-е годы Андская группа вышла за рамки чисто экономического объединения. Структура организации включала Совет министров иностранных дел, Андский парламент, Андский суд и ряд других органов, свидетельствовавших о стремлении создать объединение по типу Европейского сообщества.

Более того, в начале десятилетия именно Андская группа стала главным оппонентом США в стремлении перестроить межамериканскую систему, о чем уже говорилось выше, а также инициатором ряда коллективных акций, направленных на ущемление интересов северо-американских сырьевых корпораций. Принятое в 1971 г. «решение 24» Комиссии Картахенского соглашения существенно ограничило перевод прибылей за границу иностранными инвесторами.

Даже проблематика региональной безопасности, являвшаяся ранее традиционной вотчиной межамериканских форумов, стала выноситься на субрегиональный уровень и рассматриваться без участия США. Об этом наглядно свидетельствовал процесс Айакучо. В 1974 г. в г. Айакучо (Перу) лидеры восьми латиноамериканских государств — Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Панамы, Перу, Чили и Эквадора — подписали «Декларацию Айакучо», в которой взяли на себя обязательство создать условия для ограничения гонки вооружений и направления высвободившихся средств на нужды социально-экономического развития.

В условиях, когда реальные внешнеполитические возможности США в регионе оказались существенно ограниченными, а конфликтный потенциал межамериканских отношений резко возрос, центр системы предпринял попытку, не отступая от политики скрытой дестабилизации, разрядить обстановку активным внешнеполитическим маневрированием и снижением реального присутствия в регионе. В 1974 г. госсекретарем Г. Киссинджером был провозглашен «новый диалог» с Латинской Америкой, основанный на зрелом партнерстве. На деле речь шла в общем-то о единственно возможном в тех условиях маневре — снижении политического присутствия в регионе за счет сокращения численности дипломатических, торговых и военных миссий, свертывании объемов помощи (если в 1970 г. на долю Латинской Америки приходилось около 70% помощи США иностранным государствам, то в 1985 г. — лишь 22%). В условиях сильно развитых националистических антиамериканских настроений была предпринята попытка свернуть формальное присутствие и проявлять куда большую толерантность к антиимпериалистической риторике, в 70-е годы активно эксплуатировавшейся не только военными режимами Перу, Панамы, Боливии (1969—1971 гг.) и Эквадора (1972—1976 гг.), но и правящими элитами Мексики, Аргентины, Венесуэлы.

Следует признать, что этот маневр во многом удался. Национализации собственности американских компаний в 70-е годы практически не было. Более того, несмотря на обострение конкурентной борьбы за латиноамериканские рынки со стороны западно-европейских государств и Японии, объемы американских инвестиций в регионе неуклонно росли, о чем свидетельствуют цифры. За 70-е годы объем американских инвестиций в Латинской Америке утроился. Если в 1970 г. они составляли 13 млрд дол., то в 1980 г. — уже 39,6 млрд долл.

В целом же США продемонстрировали в этот непростой для себя период высокие адаптационные возможности, благодаря которым неоднократно удавалось снять остроту кризисных явлений межамериканских отношений. Однако в этой политике практически отсутствовало конструктивное начало. И хотя острота конфликтных ситуаций снималась, межамериканская система стремительно теряла свою дееспособность, по сути, превращаясь в форум диалога между США, с одной стороны, и Латино-Карибским* регионом с другой.

Правление администрации демократов во главе с Дж. Картером (1976—1980 гг.) являло собой вторую после политики «новых рубежей» Дж. Кеннеди за послевоенные годы серьезную попытку США внести конструктивное начало в межамериканские отношения, восстановить их лидерство в регионе.

Перестройка латиноамериканского курса началась с ряда крупных внешнеполитических

акций администрации Дж. Картера. Речь прежде всего шла о решении проблемы Панамского канала. Администрация Дж. Картера выступила за пересмотр договора о Панамском канале 1903 г., предоставлявшего США право контроля над зоной канала на вечные времена, и за заключение нового договора, учитывавшего бы интересы Панамы, США и латиноамериканских стран. Несмотря на мощное сопротивление консервативно настроенного американского истеблишмента, правительство демократов предприняло весьма эффективную, а главное результативную попытку устранить из межамериканских отношений один из традиционных объектов противоречий, который стал в XX в. своеобразным символом гегемонии США в регионе. Седьмого сентября 1977 г. президент США Дж. Картер и лидер Панамы генерал О. Торрихос в присутствии глав государств большинства стран Западного полушария подписали новые договоры о Панамском канале,

* В 70-е годы в ОАГ вступила большая группа англоговорящих островных карибских государств. В 1990 г. членом ОАГ стала Канада.

сутью которых являлся постепенный демонтаж американского поенного присутствия в зоне канала и передача его под полную юрисдикцию и управление Республики Панама к 31 декабря 1999 года.

Существенные сложности возникли у администрации Дж. Картера с практической реализацией политики «прав человека», в особенности в таком близлежащем и геополитически важном районе, как, например, Центральная Америка, где в течение десятилетий политика США находилась в «прокрусто-ном ложе» альянса с репрессивными диктатурами, обеспечивавшими столь необходимое «статус-кво». Белый дом неоднократно публично критиковал режимы и Центральной Америки, и Южного конуса за нарушения прав человека. Были установлены связи с оппозиционными политическими силами в этих странах. В августе 1977 г. Вашингтон ввел эмбарго на поставки современных, технически сложных вооружений военным режимам Аргентины, Чили, Уругвая и Парагвая*. В феврале-марте 1977 г. военные режимы Гватемалы и Сальвадора вслед за Аргентиной, Уругваем и Бразилией заявили об отказе от американской военной помощи в знак протеста против вмешательства Вашингтона в их внутренние дела.

Не была реализована установка направить развитие событий в Никарагуа в русло плавного и ненасильственного демонтажа режима А. Сомосы. В тех условиях администрация Дж. Картера сделала максимум возможного в этом направлении, активно поддерживая легальную оппозицию, привлекая к посреднической миссии ОАГ, а также правительства Венесуэлы, Панамы и Коста-Рики. В частности, в рамках сформированной из представителей США, Гватемалы и Доминиканской Республики посреднической группы Вашингтон оказал нажим на диктатора с тем, чтобы он ушел в отставку".

Для продвижения ненасильственного варианта урегулирования конфликта в Никарагуа США попытались активно задействовать межамериканскую систему. Выдвинутый ими на Консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ в Вашингтоне (20—25 июня 1979 г.) план урегулирования носил комплексный характер и включал прекращение огня, введение эмбарго на поставки оружия в Никарагуа, создание и посылку в страну Межамериканских сил мира, направление в Манагуа делегации ОАГ для мониторинга мирного процесса, разработку в рамках этой организации специальной программы гуманитарной помощи населению страны. Не

Эмбарго просуществовало 20 лет и было снято администрацией У. Клинтона в августе 1997 г.

" Нажим, в частности, выразился в отсрочке займа в 20 млн долл. по линии МВФ.

исключено, что если бы план был принят и, главное, реализован, то это в дальнейшем могло предотвратить регионализацию никарагуанского конфликта, имевшую место в 80-е годы, и в целом направить развитие событий в Центральной Америке в иное русло. Идея «коллективного вмешательства» под эгидой ОАГ во внутренний конфликт в Никарагуа, как и ожидалось, была достаточно эффективно заблокирована ведущими странами региона. Страны-члены Андской группы внесли контрпроект резолюции, которая наряду с общими пожеланиями ухода Сомосы, создания коалиционного

правительства и скорейшего проведения выборов в Никарагуа на первый план выдвигала «скрупулезное уважение принципа невмешательства».

То, что в те годы интерпретировалось как крупная победа латиноамериканской дипломатии, не допустившей вмешательства США в конфликт с целью воспрепятствовать победе Сан-динистской революции, представляется корректным лишь отчасти. Ведь ситуацию можно представить, в особенности обладая знанием того, как развивались события в Центральной Америке в дальнейшем, и иным образом. ОАГ и межамериканская система в целом продемонстрировала свою неспособность, за исключением отстаивания принципа невмешательства и суверенитета, предложить сколь-либо конструктивное решение. Попытка администрации Дж. Картера реанимировать эту организацию, вывести ОАГ за рамки форума-диалога и «перетягивания каната» между двумя Америками, вернуть ей изначально заложенные в Уставе, но мало реализованные функции гаранта мира и безопасности в регионе, окончились безрезультатно.

В условиях, когда в межамериканских отношениях в 70-е годы резко усилился конфликтный заряд и окрепли центробежные тенденции, иной исход вряд ли был возможен. Тем более именно военно-политические аспекты межамериканской системы после короткого периода взлета в 60-е годы первыми вступили в период нарастающего кризиса и распада. Противопоставить этой тенденции что-то реальное и выдвинуть новую концепцию региональной безопасности администрация Дж. Картера оказалась не в состоянии, тем более что политикой «прав человека» она обострила отношения с военными режимами региона. В этих условиях включенное в американский план урегулирования по настоянию советника президента по национальной безопасности Зб. Бжезинского создание «межамериканских сил по поддержанию мира» оказалось не просто контрпродуктивно, а сработало как красная тряпка для быка, породив взрыв протеста в Латинской Америке.

Конец 70-х годов охарактеризовался началом фрагментации межамериканской системы. Просуществовав более тридцати лет, она в известном смысле оказалась невостребованной ни Соединенными Штатами, ни Латинской Америкой. Большинство южно-американских государств вне зависимости от политической ориентации почти однозначно отказались следовать принципам континентальной солидарности и высказались за наполнение системы безопасности экономическим содержанием, а также резкое ограничение военно-политических функций. США, в течение нескольких десятилетий более или менее спешно противостоя именно такому сценарию развития межамериканских отношений, оказались, по сути, в одиночестве и известном смысле сами стали вносить все больший вклад, если не в целенаправленную дезартикуляцию ОАГ и МДВП, то, по крайней мере, в ограничение их реальной дееспособности. Попытки администрации Дж. Картера вывести межамериканские отношения из тупиковой ситуации были мало результативными. Слишком мощными оказались центробежные силы, которые как бы разрывали систему на отдельные мало-связанные между собой блоки отношений. США все больше замыкались на «карибском кризисном круге». Южно-американские гиганты — Бразилия и Аргентина — активизировали усилия по созданию Южно-атлантического пакта (САТО)*, что к концу 70-х годов, как писал Дж. Чайлд, делало вполне реальным сценарий «выпадения этого блока» из Межамериканского оговора о взаимной помощи. Стремительно нарастал конфликтный потенциал американо-мексиканских отношений.

Вступление межамериканских отношений в фазу глубокого кризиса было многократно усилено очередным витком конфронтации «Восток — Запад» и стремлением пришедшей к власти в 1980 г. республиканской администрации Р. Рейгана максимально интегрировать регион в стратегию неоглобализма. Напомним, что латиноамериканской дипломатии в 70-е годы удалось достаточно эффективно «очистить» межамериканскую систему от атрибутики «холодной войны», успешно дистанцироваться от противоборства сверхдержав и даже порой играть на их противоречиях.

И вот спустя почти полтора десятилетия, в течение которых США пытались адаптироваться к новым латиноамериканским реалиям, и, в первую очередь, к снижению собственного влияния в этом районе мира, новой республиканской администрацией был взят курс на силовое восстановление присутствия в регионе. Возврат к идеологической гармонии и укрепление межамериканских институтов

мыслились идеологами «новых

Впервые идея военно-политического блока в Южной Атлантике возникла еще в 1957 г. и в последующие два десятилетия неоднократно «озвучивалась» и Соединенными Штатами, и Аргентиной, однако практически так и осталась нереализованной. «правых» через подключение Латинской Америки к очередному витку конфронтации «Восток — Запад», одним из центров которой в начале 80-х годов стали Центральная Америка и Карибский бассейн. В этом была суть «Новой межамериканской политики на 80-е годы», положенной в основу курса администрации Р. Рейгана в латиноамериканском регионе.

Ее главным достижением стало превращение центральноамериканского конфликта в один из наиболее взрывоопасных и трудно поддающихся урегулированию региональных конфликтов послевоенного периода. Не менее значимым оказался и другой результат. Односторонний силовой курс в Центральной Америке не только не привел к обновлению межамериканской системы, а имел своим последствием ускоренную утерю ею своей дееспособности. Заложенные в системе функции миротворчества и конфликто разрешения оказались заблокированы политикой ее «центра». Потерпела откровенную неудачу попытка восстановления политической дисциплины через подключение ведущих латиноамериканских государств на стороне США не только к центрально-американскому конфликту, но и к курсу на противодействие «восточному блоку» в целом.

Межамериканское взаимодействие по наиболее острому, взрывоопасному конфликту, когда-либо возникавшему в Западном полушарии, не только не состоялось. Ведущие государства региона к середине десятилетия в лице Контадорской группы, впоследствии преобразовавшейся в Группу Рио, приступили к созданию вне рамок межамериканской системы новых механизмов поддержания мира и политической стабильности, фактически противопоставив «силовой терапии» Вашингтона свой план урегулирования конфликта в Центральной Америке.

Практически одновременно с обострением ситуации в Центральной Америке и Карибском бассейне в начале 80-х годов возникло вооруженное столкновение между Аргентиной и Великобританией из-за принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов.

Классический территориальный спор, длившийся почти полтора столетия и периодически приводивший к разрыву дипломатических отношений между двумя странами, но никогда не ставивший их на грань военного столкновения, в считанные месяцы (апрель-май 1982 г.) совершенно неожиданно для подавляющего большинства экспертов «реализовался» в кровопролитном вооруженном конфликте, унесшем жизни более полутора тысяч человек. Будучи в течение десятилетий фактически вне контекста межамериканских отношений*, англо-аргентинский спор не только оказался в 1982 г. в их эпи-

* Аргентина неоднократно предпринимала попытки через ОАГ добиться поддержки своих претензий на острова, однако все ограничивалось лишь общими пожеланиями по деколонизации владений внеконтинентальных держав.

центре, но и привел к ускоренному распаду всей системы военно-политических связей в рамках межамериканской системы.

Вновь, как уже неоднократно бывало в предшествовавшие десятилетия, США столкнулись с латиноамериканским дипломатическим прессингом, направленным на принятие резолюции, поддерживающей суверенные права Аргентины на Фолклендские острова, осуждающей действия Великобритании и санкции ЕЭС. Попытки американской делегации убедить латиноамериканских представителей в том, что кризис был спровоцирован Аргентиной и поэтому не подпадает под определение «внеконтинентальная агрессия», а также может спровоцировать попытки силового решения других территориальных споров, имели весьма ограниченный результат. Резолюция, принятая на Консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ 26 апреля 1982 г., несмотря на сдержанный характер, все же содержала требование к Соединенному Королевству немедленно прекратить военные действия и воздержаться от акций, которые могут нарушить межамериканский мир и безопасность. Резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Лишь США, Колумбия и Тринидад и Тобаго воздержались при голосовании.

Вторая резолюция, принятая 29 мая 1982 г., в самый разгар военных действий, когда США уже однозначно встали на сторону Великобритании, среди прочего содержала

требование к правительству США немедленно отменить санкции против Аргентины и прекратить предоставление материальной помощи Великобритании в соответствии с Межамериканским договором о взаимной помощи. За резолюцию проголосовало 17 государств, против не было никого, воздержались США, Колумбия, Тринидад и Тобаго и Чили.

По сути, это был беспрецедентный в истории межамериканских отношений случай, когда латиноамериканское большинство потребовало от США выполнять положения уставных документов системы. И тот факт, что те, по существу, проигнорировали резолюцию, носившую не рекомендательный, а обязывающий характер, оказал сильнейшее дезинтегрирующее влияние на отношения двух Америк.

Причем важна даже не столько эмоциональная реакция правящих элит большинства государств региона, охарактеризовавших такие действия США как «историческую ошибку», нарушение принципов солидарности стран Западного полушария и просто предательство. Была, как представляется, во многом дискредитирована роль привилегированного союзника Соединенных Штатов в регионе, на которую на протяжении почти всего XX в. периодически претендовал ряд латино-карибских стран. Ненадежность Вашингтона как внешнеполитического партнера, который в случае, если межамериканская система не работает в его интересах, либо намеренно блокирует ее деятельность, либо открыто игнорирует принимаемые большинством ее членом решения, дала сильный импульс переоценке ценностей и поиску латиноамериканскими государствами альтернативных форм регионального взаимодействия.

Очевидно, что речь при этом не шла о выходе государств региона из ОАГ либо денонсации «Пакта Рио-де-Жанейро». В тот момент внешне все ограничилось такими демонстративными акциями, как, например, отказ ряда стран от участия в 1982 г. в совместных с США военно-морских маневрах «Уни-тас». Правящие элиты региона отнюдь не были заинтересованы в намеренном обострении ситуации, тем более в условиях, когда в начале 80-х годов силовая конфронтация «Восток — Запад», казалось бы, вновь распространялась на этот район мира. Ни о какой принципиальной смене внешнеполитических координат, поиске новых точек опоры в лице противоположного лагеря не было и речи.

В крайне неблагоприятных условиях резкого обострения общемировой обстановки и обрушившегося на большинство стран региона в начале десятилетия кризиса внешней задолженности среди правящих элит ведущих государств, причем как военных, так и гражданских, начался процесс переоценки ценностей. В его основе лежало стремление найти пути нейтрализации внешней уязвимости и усиления внешнеполитического потенциала. Этот поиск имел различные формы выражения. Так, для военного режима в Бразилии конфликт в Южной Атлантике дал импульс к пересмотру военной доктрины, в которую была включена и возможность столкновения с «развитой страной» Северного полушария. Для Мексики, Венесуэлы, Колумбии, Перу и ряда других государств одним из путей наращивания внешнеполитического потенциала стал поиск новых, нетрадиционных форм коалиционной дипломатии вне рамок межамериканской системы.

Конфликт в Южной Атлантике отчетливо обозначил, что межамериканская система к началу 80-х годов утратила большинство из заложенных в ней функций и вновь спустя почти тридцать лет стала превращаться в площадку дипломатической борьбы между двумя Америками. Причем, в отличие от конца 50-х годов, когда впервые отчетливо обозначились признаки незаинтересованности США в ее дееспособности, к середине 80-х годов и латиноамериканские государства заметно утратили интерес к системе, которая все больше стала напоминать организацию, пережившую свое время.

80-е годы стали временем зарождения нового компонента системы международных отношений в Западном полушарии. Речь идет о формировании чисто латиноамериканских структур политического диалога и коалиционной дипломатии. Они не были в прямом смысле слова альтернативными межамериканской системе, однако во многом оказались порожденными отчетливо обозначившейся низкой результативностью попыток продвижения интересов стран региона в рамках ОАГ.

Первоначальный импульс коалиционной дипломатии стран региона обеспечила резкая эскалация в начале 80-х годов конфликта в Центральной Америке. Этот региональный конфликт по целому ряду позиций напрямую затронул интересы целой группы латиноамериканских государств и в особенности тех из них, которые либо уже

присутствовали в этом районе, либо, ак или иначе, испытывали на себе влияние происходящих в нем событий.

В январе 1983 г. Мексика, Колумбия, Венесуэла и Панама образовали Контадорскую группу, выдвинувшую свой собственный план мирного урегулирования, основанный на демилитаризации этого субрегиона и ограничении в нем иностранного военного присутствия. В 1985 г. была создана «группа поддержки Контадоры» в лице Аргентины, Бразилии, Перу и Уругвая, а спустя год слияние двух группировок привело к институционализации Группы Рио, которая превратилась в весьма непростого для США политического контрагента, причем не только по урегулированию центрально-американского конфликта, но и таким набравшим актуальность вопросам как решение проблемы внешнего долга, борьбы с наркотрафиком и др.

Именно в тот момент, когда межамериканская система, казалось бы, уже необратимо приближалась к стадии паралича и последующего распада, появилась знаменитая «Инициатива для Америк», провозглашенная в 1990 г. администрацией Дж. Буша. Программа предусматривала создание «единой зоны процветания и благополучия от Аляски до Огненной Земли», в основу которой было положено формирование целостного торгово-экономического и инвестиционного пространства в Западном полушарии. Столь, на первый взгляд, неожиданный разворот США в сторону Латинской Америки был обусловлен не просто очередной переоценкой ценностей в правящих элитах США после окончания «холодной войны». Он был обусловлен, главным образом, тем, что и американская экономика, и общество в целом в полной мере ощутили на себе действие компонентов взаимозависимости двух Америк, в предшествовавшие десятилетия проявлявшихся не столь рельефно.

Среди них, в первую очередь, следует выделить торгово-экономический. Воздействие финансово-экономического кризиса в Латинской Америке на экономику США впервые рельефно проявилось в 1982 г. Меры по «спасению тонущих» самых крупных должников — Мексики и Бразилии — уже тогда во многом были продиктованы именно этим. Только в 1983 г. кризис в Мексике стоил экономике США потери сотен тысяч рабочих мест. Под удар были поставлены интересы американских банков, которым Мексика задолжала более 25 млрд дол. Финансово-экономический «коллапс» Мексики имел бы прямые последствия для 10-миллиардных американских инвестиций в этой стране.

В дальнейшем зависимость США от финансово-экономического кризиса в Латинской Америке становилась все более ощутимой. За 1982—1989 гг. саккумулированный дефицит США в торговле с Латинской Америкой достиг впечатляющей величины в 93 млрд дол. Журнал «Форин Аффферс» приводил следующие данные: ежегодно в этом десятилетии США теряли на кризисе в Латинской Америке 20—30 млрд дол., что сопровождалось потерей сотен тысяч рабочих мест.

По-новому для США в этой ситуации встала проблема внешней задолженности.

Обозначившийся к этому времени непривычно высокий для них уровень обратной связи, заинтересованность в стабилизации международной финансовой системы подкрепляли опасения, что нерешенность долговой проблемы может довести отношения с Латинской Америкой до «точки кипения». Осознание того факта, что хрупкие латиноамериканские демократии могут не выдержать кризиса, что в перспективе превратит регион в очаг социальных и политических катаклизмов, являлось еще одним веским аргументом в пользу перемен в подходе США к долговой проблеме.

К блоку финансово-экономических проблем в 80-е годы добавились и другие, по-новому «заработавшие» компоненты взаимозависимости. Так, именно в этом десятилетии США буквально захлестнула миграционная волна с Юга. При этом речь шла не только о резко возросшей нелегальной миграции из соседней Мексики (в среднем 1,5 млн человек в год). Сильный импульс миграции в США придал конфликт в Центральной Америке. Только численность беженцев из Сальвадора, спасавшихся от гражданской войны, превысила 500 тыс. человек. Резко возрос поток мигрантов из стран Карибского бассейна, что в немалой степени было обусловлено «сахарным шоком» — резким сокращением американских закупок сахара из стран субрегиона (на конец 80-х годов США импортировали лишь 10% от объемов закупок на начало десятилетия).

Причем речь шла не просто о резко возросшей миграционной нагрузке на южные штаты США и соответственно новых проблемах в социальной сфере, в борьбе с контрабандой наркотиками и оружием, в обуздании преступности. Центральные власти утрачивали

контроль над ситуацией в области нелегальной миграции, что порождало в обществе настроения уязвимости и даже утери страной одного из элементов национального суверенитета. К концу 80-х годов США уже превратились в шестую в мире испаноязычную страну. Испаноговорящая община превысила 20 млн человек. По оценкам специалистов, стремительный рост соотношения испаноязычных американцев к общей численности населения США стал одним из самых драматичных демографических явлений в послевоенной истории этой страны. К концу XX в. численность латиноамериканской «общины» росла в 4 раза быстрее, чем в среднем по стране. Согласно появившимся тогда прогнозным расчетам, к 2005 г. испаноязычная диаспора должна была опередить афро-американскую и превратиться в самую крупную группу этнических меньшинств, превысив по численности 30 млн человек.

Испаноязычные общины превращались в своеобразные группы давления, активно занимавшиеся лоббированием по конкретным направлениям официальной политики Вашингтона. Наиболее ярким примером являлась деятельность Кубино-американского фонда, долгие годы возглавлявшегося М. Каносой, по срыву любых попыток диалога с режимом Ф. Кастро. Все большим политическим влиянием начинали пользоваться и мексикано-американцы (чиканос). Во Флориде, Южной Калифорнии, Техасе решающее влияние на исход избирательных компаний оказывали голоса выходцев из Латинской Америки.

В 80-е годы в системе отношений между США и Латинской Америкой во всю «заработал» и такой фактор взаимозависимости, как проблема наркобизнеса. То, что к концу десятилетия эта проблема заняла одно из приоритетных мест в латиноамериканской политике Вашингтона, вполне естественно. Зависимость самого крупного в мире североамериканского рынка наркотиков от Латинской Америки достигла чрезвычайно высокого уровня. Три страны региона — Перу, Боливия и Колумбия — обеспечивали почти все 100% потребляемого в США кокаина, одна лишь Мексика — около 40% героина. К началу последнего десятилетия XX в. США ощутили еще один, новый компонент взаимозависимости двух Америк — внешнеполитический. В продвижении своих инициатив, направленных на создание управляемого и во многом подконтрольного США миропорядка после окончания «холодной войны» роль ведущих латиноамериканских стран существенно возросла. Причем это уже была не просто зависимость Вашингтона от «латиноамериканской машины голосования» в ООН, что имело место в конце 40 — начале 50-х годов. Без реального и заинтересованного участия, например, Бразилии, любая система глобального управления ресурсами и защиты окружающей среды изначально «зависала в воздухе».

Существенному переосмыслению на рубеже 80—90-х годов подверглись и военно-политические аспекты отношений между США и Латинской Америкой. Идея опоры на Западное полушарие для утверждения глобального лидерства США подразумевала и перестройку региональной системы безопасности в условиях нереальности реанимирования МДВП, и наличия в регионе ряда неразрешенных территориальных споров.

В целом же «Инициатива для Америк», или «План Буша», естественно, не возникла в одночасье. В первую очередь, она явилась реакцией наиболее дальновидно мыслящих представителей правящей элиты на заметно изменившийся глобальный мировой контекст. Процесс затухания «холодной войны» все больше высвечивал, как мы уже отмечали, растущее влияние новых полюсов экономической мощи. К 1993 г. в Западной Европе должен был завершиться процесс образования единого общего рынка, что, как писал в те годы американский профессор М. Розенберг, обеспечивало этому объединению центральную роль в формирующейся новой мировой экономической системе. Наступающая «эра Тихого океана» вела к смещению в Азиатско-Тихоокеанский регион торговых и финансовых потоков и выдвиганию Японии в качестве мирового финансового лидера и центра нового мегаблока.

США оказывались вне формирующихся новых торгово-экономических пространств, что само по себе существенно ослабляло их переговорные позиции. Это, в частности, подтвердилось в ходе «Уругвайского раунда» переговоров в рамках ГАТТ.

Естественным партнером для создания «своего» торгово-экономического пространства оказывались страны Западного полушария. Начавшее действовать с 1988 г. американо-канадское соглашение о свободной торговле само по себе не могло обеспечить новое

дыхание американской экономике, а тем более служить противовесом набиравшим силу интеграционным процессам в Западной Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Латинская Америка, делавшая в тот период первые шаги по строительству «открытой экономики», выделась и действительно, по существу, была единственным резервом. И хотя экономическим позициям США в этом регионе в тот период напрямую не угрожали ни Западная Европа, ни Япония, дальнейшее укрепление этих двух полюсов в перспективе могло привести к определенной переориентации на них ведущих южно-американских стран.

«Инициатива для Америк» существенно динамизировала межамериканские отношения, найдя поддержку подавляющего большинства стран региона. Пожалуй, впервые в XX в. Вашингтон выступил главным инициатором создания единого интеграционного пространства. Только в 1991—1992 гг. США подписали рамочные соглашения о создании зоны свободной торговли практически со всеми интеграционными группировками Латинской Америки и Карибского бассейна.

Интеграционная «эйфория», охватившая практически весь регион, была во многом вызвана «Инициативой для Америк». Рассматривая межамериканские отношения начала 90-х годов под углом зрения событий сегодняшнего дня, невольно приходишь к выводу, что и «План Буша», и последующие шаги и республиканской, и сменившей ее в 1992 г. демократической администрации по продвижению «Инициативы для Америк», кроме всего прочего, были и чрезвычайно эффективным политико-дипломатическим маневром. Центр системы не только сам «развернулся» к периферии, но и посредством целого ряда конкретных действий продемонстрировал, что она таковой больше не является. Более того, новое, спустя почти четыре десятилетия, «включение» Латинской Америки в глобальную стратегию Вашингтона создало иной контекст для фактически приостановившегося в 80-е годы межамериканского диалога.

Наиболее весомым подтверждением нового курса США в отношении Латинской Америки безусловно стало начало в 1991 г. переговорного процесса о присоединении Мексики к созданной в 1988 году американско-канадской зоне свободной торговли*.

Встреча глав 34 государств Западного полушария в Майами (1994 г.) стала своеобразным пиком тенденции к сближению США и государств региона. Результатом саммита, охарактеризованного рядом латиноамериканских президентов как «новая эра отношений», явилось принятие «Декларации принципов партнерства во имя развития и процветания: демократия, свободная торговля и развитие на Американском континенте», а также состоявшего из 100 пунктов «Плана действий», в которых было провозглашено создание к 2005 г. общеамериканской зоны свободной торговли.

Заметная роль в этом процессе отводилась ОАГ, обретшей и 90-е годы второе дыхание и превратившейся в один из главных органов, в рамках которого разрабатывались конкретные шаги по продвижению к зоне свободной торговли. С этой целью в структуре организации в 1995 г. был создан комитет по торговле.

Однако продвижение в данном направлении оказалось куда более проблематичным, чем это изначально представлялось авторам «Инициативы для Америк». Администрация Клинтона не смогла обеспечить подключение к НАФТА Чили, хотя в начале десятилетия этот вопрос казался практически решенным.

Мексика стала полноправным членом Северо-американской зоны свободной торговли с 1 января 1994 г.

Более того, добившийся, несмотря на изначально пессимистические прогнозы, впечатляющего успеха Общий рынок Южного конуса (МЕРКОСУР)*, по сути, превратился в региональный мегаблок, который противопоставил североамериканскому проекту создания единого панамериканского интеграционного пространства свой собственный. Сложности, и даже определенное торможение на пути продвижения общеконтинентального проекта в конце XX в., на наш взгляд, носили объективный характер. Несмотря на заработавшие механизмы взаимозависимости было бы наивным ожидать, что создание единого интеграционного пространства, включавшего бы страны столь разных весовых категорий как, например, Бразилия и Карибские минигосударства решится всего за несколько лет. По всей видимости это будет куда более длительный и сложный процесс.

В начале 90-х годов одной из главных тем межамериканских форумов стала проблема

создания региональных механизмов поддержки демократических систем. Сама по себе постановка комплекса вопросов обеспечения демократического развития для Организации американских государств была не новой. Более того, в утверждении принципа демократического устройства государств ОАГ заметно опередила ООН. В то время как в Уставе ООН не было, да в тех условиях и не могло содержаться какого-либо упоминания о системах правления, в преамбуле Устава ОАГ говорилось о том, что «представительная демократия является неотъемлемым условием стабильности, мира и развития региона». Этот принцип развивался в целом ряде статей Устава.

Одна из главных причин того, что этот принцип в течение более четырех десятилетий фактически не реализовался, заключалась в том, что межамериканская система изначально оказалась интегрированной в силовую схему «Восток — Запад». Соединенные Штаты в рамках Realpolitik в качестве главного критерия в отношении того или иного режима рассматривали его лояльность в противодействии «коммунистической угрозе», что и вело к альянсам с военными диктатурами. Правящие круги большинства стран региона вполне оправданно видели в любой попытке США организовать коллективную акцию по «защите демократии» стремление сверхдержавы устранить негодный политический режим и восстановить дисциплину в собственном лагере. Для них отстаивание принципа невмешательства превращалось в главную стратегическую задачу. В этом отношении интересы и режимов представительной демократии, и * Договор о создании объединения был подписан президентами Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая в марте 1991 г. в г. Асунсьон (Парагвай).

военных диктатур совпадали, что и реализовалось в совместной борьбе в 70-е годы за утверждение в Уставе ОАГ принципа «идеологического плюрализма», который исключал саму возможность какого-либо участия этой организации в деле политического устройства стран-членов.

Однако в том, что провозглашенный ОАГ принцип демократического устройства в течение десятилетий находился в открытом противоречии с принципом невмешательства, была «виновата» не только глобальная конфронтация «Восток — Запад». И в плане политической культуры правящие элиты государств региона оказались вплоть до конца XX в. просто не готовыми к наднациональному мониторингу внутривнутриполитического процесса. Инерционная энергия отстаивания принципа невмешательства и максимальной защиты национального суверенитета, саккумулированная в довоенный период, оказалась чрезвычайно мощной.

Со второй половины 80-х годов ситуация стала постепенно меняться. И связано это было, в первую очередь, с особенностями процесса демократизации в регионе. Речь шла не только о том, что завершившийся к концу десятилетия процесс перехода к гражданским формам правления и установление во всех государствах региона, за исключением Кубы, режимов представительной демократии объективно создавали благоприятную среду для сотрудничества в этой области. Для пришедших к власти новых политических элит, осознававших ограниченность своего влияния в условиях, когда реальные рычаги власти сохранялись в руках вооруженных сил и политических кругов, опиравшихся на авторитарные режимы, создание таких механизмов превращалось в жизненную необходимость.

Существенно изменился сам международный контекст после демонтажа конфронтационной схемы «Восток — Запад». Межамериканские отношения оказались окончательно освобожденными от атрибутики «холодной войны», которая существенно деформировала систему, блокировав целый ряд изначально заложенных в ней действительно прогрессивных начинаний. Это относилось, в первую очередь, к такому основополагающему принципу, как обеспечение демократического развития американских республик.

В начале последнего десятилетия XX в. проблема безопасности демократических систем, во многом благодаря усилиям Группы Рио, была внесена в повестку дня Организации американских государств и прочно заняла в ней место одной из центральных тем. Это был тот достаточно редкий случай почти в полувековой истории ОАГ, когда дискуссии проходили в обстановке действительно конструктивного и заинтересованного диалога и сопровождались совместным поиском новой модели коллективной системы политической стабильности.

Для США новая обстановка в регионе оказалась чрезвычайно благоприятной, так как

давала возможность наконец-то освободиться от издержек «холодной войны», столь дискредитировавших «демократическую составляющую» во внешнеполитической идеологии и практике. Возврат к традиционным американским ценностям нашел выражение в том, что с начала 90-х годов демократическое устройство и права человека вновь, спустя почти два десятилетия, были выдвинуты в качестве приоритетных задач Вашингтона в регионе. Администрация Б. Клинтона буквально подняла на щит эти принципы.

США действительно были заинтересованы в стабилизации представительных систем в странах региона. Это обеспечивало большую открытость, прозрачность и предсказуемость государств региона. Их подтягивание под англосаксонскую модель политического устройства заметно облегчало для США глобальное регулирование в этом районе мира, расширяло возможности воздействия на политические процессы и экономическое развитие. «Демократические правительства, разделяющие наши ценности — важнейшее условие для обеспечения интересов США в регионе», — говорилось в запросе о помощи латино-карибским странам Агентством международного развития Госдепартамента на 1998 год.

Организация американских государств стала «разворачиваться» в сторону демократической консолидации еще в конце 80-х годов. На рубеже двух десятилетий ОАГ осуществила мониторинг президентских выборов в Никарагуа, Гайане, Парагвае, Сальвадоре и Перу. В 1990 г. решением Генеральной ассамблеи при Генеральном секретариате был создан Отдел по поддержке демократии, которому вменялось в обязанность техническое обеспечение контроля над соблюдением в государствах-членах конституционных норм.

Началу разработке новых уставных положений в области защиты демократии в регионе положили два документа: «Обязательство Сантьяго по обеспечению демократии и обновлению межамериканской системы» и составленная на его основе резолюция 1080, одобренные на сессии Генеральной ассамблеи (ГА) ОАГ в июне 1991 г. в Сантьяго (Чили). Суть этих документов сводилась к следующему: правительства стран-членов становились подотчетными региональной организации в отношении тех средств, посредством которых они приходят к власти и ее удерживают.

Специальная сессия ГА ОАГ в декабре 1992 г. в Вашингтоне приняла специальный протокол о внесении изменений в Устав, добавив в главу III, регламентирующую членство в организации, статью, устанавливающую специальный механизм приостановления членства государств, где «силой свергнуты демократически избранные правительства» (ст. 9). Кроме того, в на-

чале 90-х годов в рамках системы был разработан и применен в период конституционных кризисов на Гаити (1991—1994 гг.), в Перу (1992 г.), в Гватемале (1993 г.) комплекс коллективных мер по восстановлению демократических норм правления.

Не во всех случаях и в особенности в ходе разблокирования ситуации на Гаити коллективные меры оказались эффективными. Тем не менее, в 90-е годы в ОАГ были получены интересные наработки в области создания регионального механизма обеспечения стабильности демократических систем. Межамериканская система в этом отношении продвинулась заметно дальше других региональных аналогов, предприняв оригинальную попытку пересмотреть традиционную концепцию неограниченного и абсолютного национального суверенитета и создать юридическую основу для «квалифицированного» коллективного вмешательства при определенных условиях. Однако формирование коллективной системы «безопасности демократии», несмотря на благоприятную обстановку начала 90-х годов, существенно осложнялись тем, что США в послевоенные годы сумели существенно дискредитировать политику «продвижения демократии».

Именно политика США, казалось бы, поднявшая на щит защиту демократии, как это ни парадоксально звучит, в 90-е годы стала одним из главных препятствий на пути создания многосторонней системы в этой области. Контуров однополюсного миропорядка, отчетливо просматривавшиеся в 90-е годы, объективно расширяли возможности США прибегать к практике односторонних силовых мер, направленных на изменение политического строя государств, которые Вашингтон рассматривал как недемократические.

Главным объектом «силовой демократизации» в начале десятилетия стала Куба.

Американо-кубинский конфликт в начале 90-х годов вышел из состояния стабильного неспокоя, в котором он находился на протяжении почти трех десятилетий.

В мае 1992 г. Дж. Буш подписал одобренный Конгрессом «Акт в поддержку демократии на Кубе», известный как «Акт Торричелли»*, предусматривавший ужесточение торгово-экономических санкций.

«Акт Торричелли» стал первым очевидным признаком того, что, несмотря на разработку в рамках межамериканской системы коллективного механизма обеспечения «безопасности демократии», США резервировали за собой право действовать вне его рамок и, более того, принимать односторонние меры, не считаясь с тем, что те затрагивают интересы других стран-членов ОАГ.

* Законопроект был подготовлен сенатором Л. Торричелли.

Реакция большинства государств Латинской Америки на принятие «Акта Торричелли» была достаточно настороженной. Ведь это было время, когда в регионе был пик эйфории присоединения к североамериканскому интеграционному блоку. К тому же после распада послевоенного миропорядка Латинская Америка осталась один на один с США и искала пути адаптации к новой геополитической ситуации. Все это неизбежно оказывало сдерживающее влияние на внешнеполитический курс ведущих стран региона. Тем не менее ряд государств, и прежде всего Мексика, Колумбия, Бразилия, выступили с критикой экстерриториального характера закона. Однако большинство государств региона воздержалось при голосовании внесенного Кубой проекта резолюции на сессии ГА ООН в сентябре 1992 г., осуждавшего меры США по ужесточению экономической блокады острова.

Однако голосование через год было совсем иным. Число латино-карибских государств, поддержавших резолюцию, возросло более, чем вдвое и составило 25. В последующие годы подавляющее большинство стран региона стабильно голосовало в поддержку вносимой Кубой резолюции, осуждавшей торгово-экономическую блокаду. На голосовании в 1999 г. среди 157 государств, поддержавших резолюцию, было 28 латинокарибских. Против проголосовали лишь США и Израиль.

Изначально резко отрицательной была реакция подавляющего большинства стран региона на Закон о свободе и солидарности с Кубой, разработанный сенаторами Дж. Хелмсом и Д. Бертоном в 1995 г. и подписанный Б. Клинтон 12 марта 1996 г. (этот документ получил название Закон Хелмса — Бертона). Новый законопроект, внесенный в условиях, когда «Акт Торричелли» не принес ожидаемых результатов, а кубинским властям удалось стабилизировать экономическую ситуацию и даже добиться в 1994—1995 гг. некоторого экономического роста, был направлен на существенное ужесточение эмбарго.

Уже в июне 1996 г. на очередной сессии Генеральной ассамблеи ОАГ в Панаме латиноамериканские государства и Канада инициировали обсуждение Закона Хелмса — Бертона, хотя этот вопрос изначально не фигурировал в повестке дня. Несмотря на ожесточенное сопротивление США, подавляющим большинством голосов была принята резолюция, выражающая серьезную озабоченность принятием этого закона и содержащая поручение Межамериканскому юридическому комитету (МЮК) дать ему правовую оценку. В конце августа 1996 г. Межамериканский юридический комитет на своем экстренном заседании в Рио-де-Жанейро принял документ, в котором отмечалось несоответствие Закона Хелмса — Бертона международному праву, а также то, что он уже нанес ущерб компаниям Канады и Мексики.

При общей отрицательной первоначальной реакции правительствам стран региона стоило немалого труда выработать единую позицию. Это наглядно проявилось на десятой по счету встрече президентов стран-членов Группы Рио в г. Коча-бамбе (Боливия, сентябрь 1996 г.), где лидеры ведущих 13 государств региона в течение четырех дней согласовывали текст заключительного документа.

Латиноамериканским правительствам приходилось преодолевать непростой барьер, причем не только психологического порядка. США, максимально используя «новое партнерство» с Латинской Америкой, предприняли попытку не просто нейтрализовать негативную реакцию стран региона на Закон Хелмса — Бертона, но и опереться на латиноамериканские голоса в ООН. Рассчитывали США и на поддержку стран региона в смещении с поста Генерального секретаря ООН Б. Бутроса Гали. Другими словами, Вашингтон вновь, спустя почти пять десятилетий, стремился включить

латиноамериканскую «машину голосования» в этой организации. О том, что решению этой задачи уделялось повышенное внимание, свидетельствовала поездка в Кочабамбу М. Олбрайт, в то время занимавшей пост постоянного представителя США в ООН. «Мы отвергаем любую попытку введения односторонних санкций, придающих экстерриториальный характер национальному законодательству», — говорилось в тексте документа, принятого на встрече Группы Рио. Было бы, видимо, излишним преувеличением характеризовать подобный демарш Группы Рио как «дипломатическую победу». И тем не менее, в очень непростой ситуации группировка сумела занять позицию, ясно показывающую, что любые рецидивы прошлого, связанные с односторонними акциями США, несмотря на новые партнерские отношения и проект создания Панамериканской зоны свободной торговли, будут встречать противодействие со стороны ведущих государств региона.

Более того, латиноамериканские государства сумели заручиться поддержкой в этом вопросе Иberoамериканского сообщества. Речь идет о ежегодно проводимых с 1991 г. встречах глав государств Латинской Америки, Испании и Португалии, которые на саммите в г. Барилоче (Аргентина, ноябрь 1995 г.), по сути, конституционировали организационную структуру объединения.

В целом же в политике «продвижения демократии» в Западном полушарии к концу 90-х годов выявлялось два малостыкующихся друг с другом подхода. Один — односторонние меры по «силовой демократизации» — был вновь взят на вооружение Соединенными Штатами. Другой — многостороннее несиловое воздействие, главным образом, через ОАГ, отстаивался ведущими государствами Латинской Америки.

Об обостренном восприятии в регионе любых односторонних мер, тем более откровенно нарушавших международное право, свидетельствовало не только энергичное неприятие подавляющим большинством стран региона Закона Хелмса — Бертона. Весьма показательной была реакция на военную акцию НАТО в отношении Югославии в марте — мае 1999 г. Группа Рио оказалась, по существу, единственной региональной организацией, которая выступила против бомбардировок и обвинила Северо-Атлантический альянс в нарушении международного права. В специальном заявлении от 6 марта 1999 г. было указано, что действия НАТО не только не являлись адекватным ответом на межэтнический конфликт в Косово, но и противоречили ст. 50 (пункт 3) Устава ООН.

Другой острой темой межамериканских отношений в 90-е годы стала «война с наркотиками». В Западном полушарии к этому времени завершилось формирование разветвленной международной системы наркобизнеса и наркотрафика. Была создана специальная банковская сеть по отмыванию денег, в которой оказались задействованы финансовые учреждения США, Мексики, Карибских государств. Наркокартели обеспечивали себе многовариантность транзитных маршрутов доставки наркотиков на американский рынок через Мексику и Карибский бассейн. Наркомафия глубоко проникла в политические структуры, силовые ведомства, судебную систему ряда стран региона. Наглядным примером были Колумбия и Мексика, где наркобизнес затронул верхние этажи власти.

В начале последнего десятилетия XX в. наркотрафик в регионе не просто не поддавался контролю со стороны США, несмотря на существенное наращивание усилий по противодействию ему, но и получал «новый ресурс» развития, активно осваивая европейский континент и постсоветское пространство.

Взаимодействие со странами-производителями началось еще в 1986 г. и обрело весьма специфическую форму. Сенат США своей резолюцией ввел механизм ежегодной сертификации стран мира в области борьбы с наркобизнесом и наркотрафиком. С тех пор сертификация превратилась, пожалуй, в наиболее конфликтообразующий элемент во внешней политике США, на протяжении полутора десятилетий вызывавший наибольшую напряженность в отношениях с латиноамериканскими партнерами. Ни по какому другому вопросу, не считая Закона Хелмса — Бертона, США не сталкивались с практически единодушным неодобрением международным сообществом. Тем не менее, сертификация проводилась из года в год, и в конце 90-х Вашингтон не был намерен отказываться от этого внешнеполитического механизма, несмотря на очевидные международные издержки.

Сертификация, будучи наиболее ярким носителем односторонней проекции во внешней

политике США, не означала категорического неприятия каких-либо многосторонних инициатив и, в частности, создания региональных механизмов борьбы с наркобизнесом. Об этом, казалось бы, свидетельствовала созданная еще в 1988 г. при поддержке США в рамках ОАГ Межамериканская комиссия по борьбе со злоупотреблениями наркотиками, которая должна была превратиться в координирующий механизм в этой области. В течение целого десятилетия комиссия, по сути, так и не приступила к выполнению своих основных функций. С одной стороны, США не были заинтересованы в расширении ее реальных полномочий, стремясь не потерять единоличный контроль за наркополитикой в регионе. С другой — ведущие страны — производители наркотиков испытывали опасения, что Комиссия станет еще одним механизмом сертификации и соответственно международного давления на неблагополучные страны.

Рассматривая в качестве главной задачи «войну с наркотиками» США предприняли немалые усилия с тем, чтобы не только оживить военно-политические связи с государствами Латино-Карибского региона, но и выстроить обновленную систему континентальной безопасности в условиях, когда Межамериканский договор о взаимной помощи уже почти просто не упоминался. Старт новому проекту был дан в июле 1995 г. в г. Вильямсбурге (Вирджиния, США), где министр обороны США У. Перри провозгласил начало «нового этапа межамериканского военного сотрудничества на принципах коллективной безопасности». Главной задачей вооруженных сил региона в новую постконфронтационную эпоху должна была стать «защита демократических ценностей как основы континентальной безопасности, а также совместное противодействие наркотерроризму и наркотрафику».

Такая постановка вопроса в чем-то напоминала кратковременный период интенсификации межамериканских военных связей три десятилетия назад. Как уже отмечалось, и тогда США стремились замкнуть вооруженные силы на внутренний фронт. Параллели эти весьма условны, и в первую очередь, в силу принципиально иных условий в мире. Тот факт, что Пентагон вновь стал продвигать разработанный в одностороннем порядке континентальный проект, в котором расписывалась роль вооруженных сил региона, неизбежно порождал уже знакомый нам по предыдущим эпизодам «иррациональный эффект неприятия» со стороны ряда государств, хотя, по сути, никто не мог что-либо серьезное противопоставить американскому проекту.

Попытки США возглавить создание новой системы континентальной безопасности, несмотря на внешний успех совещания в Вильямсбурге, где «на волне» саммита в Майами много говорилось о новой эре сотрудничества, как показали дальнейшие события, оказались результативными лишь отчасти. Военно-политическое сотрудничество действительно заметно интенсифицировалось, и, в частности, на базе ЮЖКОМа, расположенного до 1998 г. в зоне Панамского канала. В середине десятилетия здесь неоднократно проходили многосторонние маневры, в ходе которых отрабатывались операции по поддержанию мира, оказанию гуманитарной помощи и противодействию наркобизнесу и наркотрафику. Командующий ЮЖКОМом У. Кларк незадолго до своего перевода в НАТО в мае 1997 г. заявил, что Южное командование распространило свою ответственность с 19 государств Карибского бассейна на все 32 государства Западного полушария в целях поставить под единое начало войну с наркотрафиком.

Вместе с тем, далеко не все соответствовало первоначальному плану. И это подтвердили результаты последующих совещаний глав военных ведомств в Барилоче (Аргентина, октябрь 1996 г.) и Майами (США, сентябрь 1997 г.). В частности, не нашла ожидавшейся единодушной поддержки выдвинутая в Барилоче американской делегацией инициатива создания в Вашингтоне Межамериканского центра изучения континентальной безопасности, в котором проходили бы подготовку гражданские служащие военных ведомств стран региона. Бразилия, Мексика, Никарагуа достаточно сдержанно отнеслись к идее создания многонациональных формирований для борьбы с наркотрафиком в регионе, которая в свою очередь была решительно поддержана Аргентиной.

Камнем преткновения во многом была Бразилия, которая, будучи региональной державой, заметно влияла на позиции соседних государств. Идея создания стратегического пояса вокруг Амазонии за счет размещения Соединенными Штатами радарных установок в Перу, Колумбии, Эквадоре, Боливии, Венесуэле и Гайане с целью концентрации усилий в борьбе с наркотрафиком, в правящих кругах Бразилии интерпретировалась как попытка ограничить суверенитет страны в этом районе и в

конечном итоге поставить его под международный контроль.

Главным объектом внимания к концу 90-х годов становилась Колумбия, где ситуация с наркотрафиком, в которой оказались задействованы и воюющие с партизанами парамилитаристские структуры, связанные с армией, и сами партизаны, стала выходить из-под контроля центральных властей. Попытка правительства А. Пастраны в 1998—1999 гг. оживить переговорный процесс не дала каких-либо ощутимых результатов. Более того, именно в 1999 г. захваты заложников, бои с регулярной армией и парамилитаристскими отрядами обрели особенно ожесточенный характер, унося сотни человеческих жизней. Возникла ситуация, когда боевые действия могли выплеснуться через границы страны на территорию соседней Венесуэлы и других государств. Венесуэла, Перу, Эквадор, Панама существенно укрепили свои воинские контингенты на границах с этой страной.

Все лето 1999 г. в прессу то и дело просачивались слухи о возможной либо односторонней американской, либо многосторонней интервенции в Колумбии. В особенности ситуация обострилась после того, как над территорией, контролируемой партизанами, 23 июля 1999 г. был сбит американский самолет-разведчик.

На конец 2000 г. сценарий интервенции выглядел маловероятным. Практически все страны региона и, в первую очередь, Бразилия, выступали против коллективной вооруженной акции, а односторонняя американская интервенция имела бы слишком высокую политическую и моральную цену. Да и проведенный зондаж американского общественного мнения после событий в Косово показывал, что Белый дом вряд ли мог рассчитывать на поддержку в случае отправки в Колумбию вооруженных сил, даже если бы с подобной просьбой обратились власти этой страны. Однако потенциальные риски полной утери контроля колумбийских властей над ситуацией, а также возможное расползание конфликта на территории соседних Панамы и Венесуэлы — главного поставщика нефти на американский рынок, в перспективе не исключали и такой вариант развития событий.

Обострившаяся ситуация в Колумбии и вокруг нее в известном смысле заслонили собой проблему создания многостороннего регионального механизма контроля за борьбой стран-членов межамериканской системы против контрабанды наркотиками, обсуждавшуюся на второй встрече глав государств Западного полушария в Сантьяго (апрель 1998 г.).

На встрече в верхах в Сантьяго было официально принято решение о разработке многосторонней системы оценки усилий стран-членов в борьбе с наркобизнесом. Много говорилось о необходимости повышения роли Межамериканской комиссии по борьбе со злоупотреблениями наркотиками, которая и должна превратиться в орган, ежегодно рассматривающий и утверждающий национальные стратегии.

В 1999 г. Комиссией был одобрен Механизм многосторонней оценки (ММО).

Разработанный межправительственной рабочей группой ММО, как отмечал в своем ежегодном докладе Генеральный секретарь ОАГ С. Гавирия, был ориентирован на отслеживание совместных усилий по борьбе с наркобизнесом в Западном полушарии. Основанный на принципе разделенной ответственности, взаимности, комплексном подходе и уважении национальных законодательств, ММО не был нацелен на применение санкций, а наоборот, — на сотрудничество в войне с наркотиками.

На сессии ГА ОАГ в Гватемале (6—8 июня 1999 г.) был создан новый коллективный механизм — Межамериканский комитет по борьбе с терроризмом, который должен был тесно взаимодействовать с Комиссией по борьбе со злоупотреблениями наркотиками.

Слишком короткий срок деятельности новых образований в рамках системы, к сожалению, не позволяет сделать определенный вывод об их реальной эффективности.

Создание ММО, безусловно, стало весомым шагом на пути к налаживанию многостороннего сотрудничества в этой области. Сам факт, что были разработаны критерии оценки, а международная группа экспертов уже приступила к работе, свидетельствовал о том, что большинство латиноамериканских государств выразили не вербальную, как это нередко бывало в прошлом, а реальную заинтересованность в наращивании совместных усилий в борьбе с наркотиками.

Вместе с тем, США продолжали не выказывать особой заинтересованности в реальной передаче функций контроля за состоянием борьбы с наркобизнесом какому-то многостороннему органу. Не исключено, что смысл демаршей, демонстрировавших предрасположенность Вашингтона к созданию многостороннего механизма, сводился

лишь к тому, чтобы дополнить одностороннюю сертификацию некоей региональной процедурой и, тем самым, снизить дипломатические издержки. Не следует забывать, что США в течение полутора десятилетий не только не способствовали созданию действительно эффективного многостороннего механизма, но и ежегодно откровенно противопоставляли ему одностороннюю сертификацию, чем во многом ограничивали саму возможность создания такого механизма. Оказалось, что преодолеть накопленную инерцию взаимной подозрительности и неверия в возможность равноправного и конструктивного взаимодействия существенно сложнее, чем выработать дипломатически «причесанную» резолюцию на встрече в верхах. США, признавая необходимость многостороннего взаимодействия, по-прежнему невысоко оценивали реальную способность своих латиноамериканских партнеров результативно сотрудничать.

С другой стороны, латиноамериканские правительства, не ставя под сомнение то, что ни одно государство в мире не предпринимает таких усилий в борьбе с международной контрабандой наркотиками и что сотрудничество с США имеет императивный характер, вместе с тем отчетливо понимали, что, пожалуй, еще никогда прессинг на них, даже, несмотря на наступление «новой эры» после саммита в Майами, не был так силен. Соединенными Штатами не только выставлялось жесткое требование сотрудничать на американских условиях в обеспечении своих собственных национальных интересов. Эти условия затрагивали практически все основные стороны жизнедеятельности национального государства: конституционный строй, судебную систему, военно-гражданские отношения, социальную политику, банковское дело. По всем этим позициям страны региона обязаны были «вписываться» в американскую стратегию войны с наркотиками. Очевидно, что это само по себе рождало мощную реакцию отторжения и противодействия. В результате парализовывались даже те начинания, которые действительно носили необходимый характер.

Порой цифры оказываются куда красноречивее любых рассуждений. Из 17 млрд долл. «наркобюджета» США на 1998 г. лишь 5 млн долл. шло на многосторонние программы сотрудничества в борьбе с наркобизнесом и наркотрафиком.

В XXI в. США и Латинская Америка вступают с целым багажом проблем, по которым их позиции не совпадают, начиная от разного видения нового миропорядка и заканчивая такими конкретными вопросами, как односторонние сертификации, торговый протекционизм, ущемление прав мигрантов. Список легко можно продолжить, и все это лишний раз подтверждает необходимость системы, призванной в рамках единого международно-правового пространства способствовать разрешению противоречий и взаимодействию на многосторонней основе по все более широкому кругу вопросов. В этом отношении заметно обновившаяся в 90-е годы межамериканская система оставалась одним, хотя и не единственным механизмом решения этих задач, ресурс которого не исчерпан.

Литература

Интеграция в Западном полушарии на пороге XXI века. М., 1998.

Латинская Америка в международных отношениях XX век. М., 1988. Т. 1-2.

Сударев В. П. Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М., 2000.

Центральноамериканский конфликт: от противоборства к урегулированию. М., 1992.

The United States and Latin America: the New Agenda. L., 1999,

Глава 3.

Эволюция наднациональных институтов Европейского союза в региональной подсистеме международных отношений

Европейская интеграция представляет собой нечто большее, нежели только создание общего рынка в рамках региональной подсистемы международных отношений. Как продемонстрировало последнее десятилетие XX в., в Европейском союзе (ЕС) речь также идет и о политическом регулировании. Сфера полномочий институтов ЕС расширяется, охватывая все новые аспекты жизни европейских граждан. Интеграционный процесс оказывает свое влияние и на содержание проводимой в странах Европы политики, и на формы политического управления в этих странах. Попытаемся это показать, представив развитие институтов ЕС в региональной подсистеме международных отношений в исторической перспективе.

В ходе развития Европейского союза его структуры радикально трансформировались по крайней мере дважды. Институты ЕС меняли свою конфигурацию, совершая крутые развороты в довольно короткий период. В 60—70-е годы наднациональные черты первоначальной структуры отступили в тень, уступив место межправительственным институтам. С 80-х годов получила развитие система многоуровневого управления, контроль национальных правительств был ослаблен действиями национальных и субнациональных действующих лиц. Чем были вызваны столь резкие перемены?

1950-е годы

После Второй мировой войны в Западной Европе государство, т. е. иерархический национальный порядок, подверглось множеству нападок. Народы стали требовать от своих правительств большей эффективности и большей ответственности, чем эти правительства в состоянии были обеспечить. Послевоенная разруха, голод, массовый страх перед возможностью новой войны привели к тому, что именно в этот период из частной сферы в публичную переместились многие экономические и социальные ожидания европейского населения, связанные с базовыми стандартами в обеспечении людей продовольствием, жильем, работой, в предоставлении молодежи возможности получить хорошее образование. Все эти по сути своей эгалитарные требования, если бы национальные правительства продолжали их игнорировать, грозили вылиться в социально-политические изменения, катастрофические для государства как института иерархического социального порядка.

В таких достаточно драматичных условиях идея региональной интеграции явилась одним из возможных ответов на подобные вызовы. Она подразумевала, что репутация государства в глазах эгалитарного настроенной публики может быть восстановлена, если оно примет политическую форму, отличную от национальной — а именно форму европейской федерации.

Авторы Плана Шумана предложили постепенно двигаться к этой цели, чтобы подготовить национальные общества западноевропейских стран к глубоким политико-организационным изменениям. Начальным шагом должно было стать создание общего рынка для производства и продажи угля и стали. В согласии с неофункциональной логикой авторов проекта, в начале 50-х годов явился особый набор наднациональных институтов, чьи полномочия должны были постепенно расширяться.

Ожидалось, что при успешном выполнении поставленных задач этим институтам будет гарантирована поддержка и национальных элит, и массовой публики. Подспудное намерение состояло в том, чтобы заманить национальные правительства в «ловушку» интеграционного процесса, из которой потом они уже не смогли бы выбраться, так как интеграционные институты доказали бы свою более высокую эффективность в удовлетворении целого ряда приоритетных потребностей населения в сравнении с более узкими возможностями национального государства.

Европейское сообщество зарождалось как институт «Европы», приверженной методам активного государственного вмешательства в экономику. Ведь уголь был объектом особенно жесткого государственного и межгосударственного регулирования. Предполагалось, что бюрократы будут играть в Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) важную роль в распределении доходов. Такие предположения в конечном счете оправдались: шаг в сторону создания в рамках ЕОУС единого рынка явился не естественным результатом свободной конкуренции, а был осуществлен сверху, бюрократическим путем.

В тот период идеологический климат в Западной Европе был исключительно благоприятен для распространения представлений, будто строительство сверхгосударства может стать средством преодоления недостатков государства-нации с его относительно ограниченной территориально-административной базой. Считалось также, что это особенно важно для предотвращения будущих войн в Европе. Во Франции, Западной Германии, Италии и странах Бенилюкса многие политики социалистического, христианско-демократического и либерального направлений симпатизировали подобным идеям, которые с социокультурной точки зрения были идеями иерархическими, так как порядок и стабильность — это по существу центральные приоритеты иерархической культуры.

В соответствии с Парижским договором 1951 г., главным институтом в структуре ЕОУС стал Верховный руководящий орган — бюрократическое образование, занимавшееся регулированием угледобывающей и сталелитейной промышленности шести вошедших в объединение государств. Чтобы Верховный орган был независим от национальных правительств и, тем самым, была бы укреплена новая иерархическая структура регионального политического управления, он должен был получать свой собственный доход на финансирование административных и управленческих дел от налога на продукцию соответствующих отраслей.

Для многих наблюдателей сам по себе образ динамичной и просвещенной бюрократии, который воплощал собою Верховный руководящий орган, был непосредственным

отражением особенностей «французской политической и административной культуры». Непосредственным прототипом Верховного руководящего органа послужил Комиссариат планирования, созданный в 1945 г. наряду с Советом планирования и Модернизационной комиссией, для выполнения в послевоенных условиях французского плана промышленной модернизации и привлечения инвестиций в промышленность Франции. К появлению ЕОУС подтолкнули опасения, что без наднационального руководства неравномерное распределение французских и германских угольных и железорудных ресурсов, которые в те времена считались ключом к экономической власти в целом, может вскоре привести к началу новой войны. Перенеся ответственность за угольную и сталелитейную отрасли промышленности с национального уровня на наднациональный, эти ключевые отрасли надеялись изолировать от разрушительного политического давления.

К 1955 г., вдохновленные успехами ЕОУС, авторы и непосредственные основные участники интеграционного проекта стали все более склоняться к мысли о создании нового сообщества — на этот раз в сфере мирного использования атомной энергии, которая вызывала к себе огромный интерес как новый фактор, обещавший трансформировать всю промышленность и существующий в Западной Европе социальный порядок. Относительно небольшой группе квалифицированных и хорошо информированных бюрократов как будто бы предоставлялась еще одна возможность продемонстрировать свою способность эффективно действовать во имя общего блага на основе еще только обретаемого научного знания.

В сравнении с новыми проектами француза Ж. Монне по развитию отраслевой интеграции идея общей интеграции в форме общего рынка, с которой примерно в то же время выступил голландец И. Бейен, оставляла меньше места для независимых действий технократов. Она несла с собой и более сильные эгалитарные мотивы. Ведь отраслевая интеграция не могла способствовать укреплению чувств солидарности и единства в Европе в той же мере, как общая экономическая интеграция. Бейен и те, кто разделял его точку зрения, в частности, читали особо важным, что чувство совместной ответственности западноевропейских государств за общее благосостояние должно найти свое воплощение в организации, преследующей общие интересы. Такая организация должна была бы иметь исполнительный орган, ответственный не перед национальными правительствами, а перед наднациональным парламентом.

На практике удалось достичь компромисса между идеями отраслевой и общей экономической интеграции. Евратом и Общий рынок (Европейское экономическое сообщество) одновременно вступили в действие в 1958 г. Но Евратом впоследствии не оправдал возлагавшихся на него больших надежд, а ЕЭС, как материализация идеи общего рынка, оказалось более успешным и с тех пор заняло центральную территорию на поле практической интеграции.

Институциональная структура ЕЭС, как и Евратома, была смоделирована по образцам ЕОУС, но имелись и существенные отличия. Самое важное среди них — это более влиятельный Совет министров. Сильный Совет логически хорошо сочетался с эгалитарным пониманием Европы как «семьи» наций, которые сами ответственны за свое общее будущее. Подобный союз наций (семья) не нуждается в институте экспертов, которые бы их понукали и контролировали. В результате родился новый облик Комиссии (взамен практически независимого в своих полномочиях Верховного органа) как исполнительного секретариата при Совете министров. В сравнении с ЕОУС, произошло значительное падение роли бюрократического органа в общей институциональной структуре.

В изменившихся обстоятельствах Совет стал центральным институтом во всей системе как главный инструмент достижения того, что нации (а на деле национальные правительства) хотели бы получить от регионального сотрудничества. Но эгалитарная организация редко бывает эффективной в принятии решений наднациональной значимости. Британский специалист Дж. Пиндер пишет по этому поводу: «Здравый смысл подсказывает, что если все должны прийти к согласию прежде, чем что-либо решается, то решений вряд ли будет много...»

Единственная известная группа, которая эффективно функционирует при системе единогласия, это квакеры. Квакеры чувствуют моральную ответственность, которая побуждает их прийти к согласию. Но национальные правительства не похожи на квакеров.

Они идут на международные встречи, чтобы защитить национальные интересы. Зачастую одно или два правительства явно намерены вообще предотвратить достижение какого-либо решения».

Чтобы избежать организационной слабости чистого эгалитаризма, в ЕС была согласована система голосования по принципу квалифицированного большинства. В первую очередь, она была распространена на решение вопросов, имевших для ЕС особое значение — таких, которые, к примеру, касались импортных тарифов и сельскохозяйственной политики. В тех же областях Комиссии была дана существенная свобода для исполнения принятых решений.

Такая система объединяла черты эгалитаризма и иерархии.

В итоге более крупные страны, такие как Германия, Франция и Италия, получили в Совете по четыре голоса каждая, Бельгия и Голландия — два голоса, а Люксембург — один. Это означало, что, хотя в системе и не было очевидного гегемона, конструкция сообществ ставила крупные страны впереди остальных.

Подобное институциональное устройство может быть оправдано и с эгалитарной точки зрения — в том случае, если за точку отсчета берется человек, а не нация. В более крупных странах проживает больше жителей. Если бы у каждой страны участницы ЕС было равное с другими странами число голосов в Совете, то можно было бы радикально ставить вопрос о неоправданной дискриминации граждан более крупных стран. Если взглянуть на институциональное устройство Сообщества под этим углом зрения, то оно являло собой шаг в правильном отношении, однако не решало в полной мере проблемы дискриминации против населения более крупных стран, в особенности Германии (имеется в виду, что процент жителей Западной Германии относительно численности населения ЕС в целом был существенно выше в сравнении с числом, характеризующим пропорцию от общего числа голосов в Совете, которая пришлась на долю Западной Германии).

На относительную дискриминацию такого рода в ЕС пошли сознательно, так как при более точном учете численности населения в институциональном устройстве ЕЭС политические позиции крупных и малых стран различались бы между собой очень значительно. Облегчили этот шаг слабости в позиции Западной Германии как «политического карлика» в послевоенный период. В целом использование принципа квалифицированного большинства давало некую гарантию, что крупные государства-члены не будут действовать в ущерб интересам трех малых стран.

Укажем, что вопрос перераспределения голосов, которым наделена каждая страна в Совете министров ЕС и Европейском парламенте при принятии решений, в целях более полного учета в системе голосования демографического веса каждого государства-участника Союза, с новой силой прозвучал в самом конце 90-х годов, однако его принципиальное решение пока все еще остается недостижимым ввиду столкновения «национальных эгоизмов».

1960-е годы

В следующем десятилетии человеком, более других повлиявшим на развитие ЕС, стал французский президент Шарль де

По словам Дж. Пиндера, при генерале де Голле власть закона во Франции оказалась под вопросом: «Он ограничил исполнительную власть, которая более не вызывала уважения, к предпочел руководить с помощью референдумов, стараясь уничтожить всех посредников между собой и народом», на доверие которого он и опирался в своей политике. Его личная власть легитимизировалась харизматическим способом — как власть «отца нации», героя войны. Вопросы экономической эффективности не слишком его интересовали.

В целом такое описание свидетельствует, что де Голль был настроен анти-иерархически и в политике отдавал предпочтение авторитаризму. Новый президент страны видел самого себя во главе «семьи» французов. Прямые истоки националистической идеологии голлизма можно проследить в неспособности слабого государственного режима Четвертой Республики во Франции отреагировать на нарастающий вал эгалитарных требований со стороны населения.

Левые партии этого периода, включая левые партии во Франции, также формулировали эгалитарные претензии к власти, однако они отдавали предпочтение бюрократическим методам решения общественных задач, что примирило их с бюрократией Сообщества, хотя и после некоторых колебаний. Идеологической основой той поддержки, которую в конечном счете оказали Сообществу левые, стало признание идеи экономического роста, который Общий рынок должен был ускорить. Ожидалось, что качественный рост будет благотворен для всех, включая трудящихся. Голлисты же, со своей стороны, отвергали право бюрократии, тем более международной, регулировать поведение людей. Судить о том, что верно и что ложно, они доверяли только нации, к которой, предположительно, принадлежали все лица французской национальности. Чтобы перестроить сообщества на сугубо межгосударственных началах, уничтожив самый дух наднациональности, де Голль инициировал серию переговоров по планам Фуше*, которые не принесли ему искомого результата, и пошел на подписание в 1963 г. так называемого Елисейского договора между Францией и ФРГ о двусторонних консультациях по внешнеполитическим и военным вопросам. Елисейский договор тоже не принес большого успеха французской дипломатии, потому что западногерманское руководство предпочло, как и в многочисленных случаях в дальнейшем, не отказываться от ортодоксального проатлантического курса.

Немногого добившись подобными обходными маневрами, французское правительство остановилось на грани, за которой произошло бы разрушение институциональной системы Сообщества, и перешло к тактике «политического бартера», или «пакетных сделок, которые согласовывались в Совете министров: «Де Голль принудил Германию согласиться на единую сельскохозяйственную политику (ЕСП) угрозами бойкота. В обмен немцы получили высокие сельскохозяйственные цены...

и настояли на том, чтобы французы приняли на себя обязательства по «раунду Кеннеди» и более свободным условиям мировой торговли». Французские угрозы бойкота, которые привнесли в институциональный контекст ЕС «культуру вето», повлияли в направлении дальнейшего усиления в европейском региональном режиме эгалитарных черт, если судить с точки зрения участвующих в нем наций, которые представляют их политические лидеры.

Происходило это следующим образом. Искушаемая успехом единой сельскохозяйственной политики, Комиссия во главе с В. Хальштейном предложила, чтобы ЕЭС получала свой советский доход из отчислений от сельскохозяйственных и таможенных сборов (это повторяло бы, но в более крупных масштабах, принцип формирования бюджета ЕОУС). Укрепление способности центральных институтов ЕЭС к перераспределению доходов приближало бы их к выполнению традиционных функций национальных государств по сбору налогов и проведению социальных выплат. В знак протеста против данной инициативы французские представители в июле 1965 г. покинули все заседания в рамках Французский дипломат К.Фуше (Cristian Fouchet) стоял во главе межправительственного комитета, занимавшегося разработкой планов западноевропейского сотрудничества в области внешней политики, обороны и культуры. В центре внимания комитета была французская концепция создания Европейского политического союза, направленная против <наднациональной> Западной Европы. В конечном счете она была отвергнута партнерами Франции в ЕЭС, которые предпочли сохранить присутствие наднационального принципа в политическом устройстве <малой Европы>. Сообщества. Продолжительный французский бойкот завершился только в январе 1966 г. «люксембургским компромиссом», который дал руководителям национальной исполнительной власти право вето в отношении любого решения, которое должно было бы приниматься большинством голосов, под предлогом угрозы жизненно важным национальным интересам. В деле укрепления «эгалитарного устройства Совета министров» был достигнут еще один принципиальный успех.

1970-е годы

Хотя 70-е годы обычно называют периодом застоя в интеграционном развитии, тогда тоже были осуществлены несколько институциональных нововведений, которые важны с точки зрения организационной культуры ЕС. Это были годы, когда Сообщество переживало интенсивный процесс расширения. Сначала в него вошли Великобритания,

Ирландия и Дания. Затем в конце 70 — начале 80-х годов последовали две стадии средиземноморского расширения. Расширение привело к тому, что в организации ЕС эгалитарные тенденции получили дальнейшее распространение.

Во-первых, подсистема Европейского политического сотрудничества (ЕПС), которая возникла в Сообществе в это десятилетие и имела целью институционализацию консультаций и сотрудничество по внешнеполитическим вопросам, в итоге явилась по преимуществу межправительственным механизмом. От нее исходили решения, обычно отражавшие не более, чем наименьший общий знаменатель национальных взглядов. Во-вторых, в 1972 г. зародилась также межправительственная система валютно-финансового сотрудничества, получившая обиходное название «валютной змеи». После краха послевоенной бреттон-вудской международной валютной системы потребность в координации валютной политики западноевропейских стран продолжала усиливаться, что привело к формированию в 1978—1979 гг. Европейской валютной системы, включавшей механизм совместного колебания валютных курсов и европейскую валютную единицу — экю, построенную по принципу «стандартной корзины» входящих в нее национальных валют.

В-третьих, в 1974 г. регулярно проходившие и до этого речи глав государств и правительств стран-участниц объединились институционализированы в форме Европейского совета. Этот высший орган в системе ЕС отныне должен был формулировать политические предложения для Совета министров. Так как дискуссии национальных руководителей в рам ЕС проходили за закрытыми дверями и не подчинялись никакой формальной процедуре, они создавали лучшие, чем прежде, возможности для достижения компромиссов между ними.

В-четвертых, институционализации подверглась система ротации председательских функций в Совете и функций представительства ЕС во взаимоотношениях с внешним миром. Иными словами, председательские функции в межправительственных органах институциональной системы ЕС поочередно выполняются с тех пор каждой из стран-участниц Союза. При этом они раз в полгода сменяют друг друга в алфавитном порядке. Наличие подобных организационных элементов подтверждает высокую степень децентрализации системы в целом. Институт ротации председательских функций обеспечил малым государствам-членам при выступлении в роли временного председателя ЕС значительно более влиятельные позиции в международной политике, чем те, на которые они обычно могли бы рассчитывать, так как подразумевается, что мнения, которые звучат из уст председателя ЕС, есть выражение европейского консенсуса.

Несмотря на то, что власть национальных лидеров в принятии решений в Сообществе еще более укрепилась, они не воспрепятствовали тому, чтобы «бюрократы» из Комиссии и особенно члены Суда ЕС, чьим институциональным интересам прямо отвечало сохранение наднациональных элементов в региональном политическом режиме, в этот период тоже наложили свой специфический отпечаток на институциональную эволюцию Сообщества. В частности, даже в те моменты, когда деятельность Совета и Комиссии бывала парализована разногласиями между государствами-членами, Суду ЕС удавалось поддерживать динамику интеграционных процессов благодаря судебному нормотворчеству.

В данной связи в специальной литературе наиболее часто упоминается вердикт, вынесенный Судом по делу *Case 11/79* (1979 г.). Речь шла о том, что некая германская фирма, планировавшая импортировать в страну ликер под таким названием, столкнулась с запретом со стороны Федеральной монопольной администрации. Последняя действовала на том основании, что в ФРГ существовало правило, по которому устанавливалось минимальное содержание алкоголя в отдельных категориях спиртных напитков. Принятое по этому делу на региональном уровне судебное решение не подвергало сомнению право государств-членов контролировать производство и продажу спиртных напитков на собственной территории. Однако в нем было подчеркнуто, что регулирование минимального содержания алкоголя не служит гарантией справедливости торговых сделок и не является отвечающей общим интересам целью, которую можно было бы поставить выше требования обеспечить свободное движение товаров. Как и в большинстве последующих случаев судебного нормотворчества в ЕС, речь в данном случае шла об условиях конкуренции, свободе перемещения и устранении препятствий

для внутрорегиональной торговли. Как считают специалисты, именно этот вердикт послужил своего рода провокацией в период усугубившегося в ЕС застоя и вызвал политический ответ со стороны Комиссии, которая постаралась использовать его для нахождения нового всеобъемлющего подхода к промышленной гармонизации в рамках общего рынка, действия Комиссии, в свою очередь, мобилизовали интересы определенных национальных групп производителей, которые стали активно лоббировать свои правительства, выступая за или против практики взаимного признания продукции стран-членов ЕС.

Тогда же Сообщество стало демонстрировать интерес к таким областям, как охрана окружающей среды и защита прав потребителей. По этому поводу наметился союз между определенными внутривнутриполитическими группами и Комиссией, которая апеллировала к ним уже через голову национальных администраций. Институты ЕС приобрели некоторые полномочия в указанных областях даже ранее, чем это произошло с национальными правительствами. Поскольку дело стало доходить до ограничения национальной автономии в определенных сферах политики, резонно задать вопрос, почему государства-члены, которые держали в своих руках ключи к дальнейшему развитию ЕС не мешали Комиссии и особенно Суду в их бурной деятельности? Один из возможных ответов состоит в том, что эта деятельность отвечала интересам самих государств — до тех пор, пока они могли держать наднациональных акторов под контролем. Такой ответ можно принять применительно к периоду до радикального поворота к использованию принципа большинства при голосованиях в Совете, который произошел в 90-е годы. После такого поворота политический контроль отдельных правительств над содержанием законодательства и политики Сообщества был подорван. В объяснение можно было бы также подчеркнуть особую институциональную роль национальных политических лидеров, которые, в отличие от постоянных агентов исполнительной власти, таких как дипломаты, государственные служащие и военные, особо ограничены во времени. Из-за этого их часто больше заботят текущие вопросы избирательной кампании, чем долговременные последствия принимаемых ими решений. В дополнение к этому, по мере того как государства-члены привыкают извлекать разнообразные выгоды из сочетания пакетных сделок, которые зачастую невозможно расчленивать, альтернатива участию в ЕС в форме выхода из него становится все более проблематичной и дорогостоящей. Таким образом повышается заинтересованность национальных правительств в эффективном функционировании институтов ЕС.

1980-е и 1990-е годы

На новом этапе более активной стала роль Европарламента, где также концентрировалось недовольство возникшими осложнениями в интеграционном развитии. В 1980 г. большая группа европарламентариев, возглавляемая ревностным федералистом А. Спинелли, предприняла инициативу, которая в дальнейшем привела к одобрению Парламентом договора о Европейском союзе (1984 г.).

Эта инициатива имела целью произвести радикальные изменения во всей институциональной системе интеграции. Критике были подвергнуты и логика введения в действие наднациональной иерархии, которой отдавал предпочтение первоначальный План Шумана, и эгалитарная логика межгосударственных отношений в последующем устройстве Общего рынка. Выступая перед Парламентом в июле 1981 г., Спинелли заявил:

«Впервые дискуссия о Европе уже не будет вести незначительное меньшинство... Наши народы наконец-то смогут решать, причем методами демократического участия, а не в результате инициативы или обструкции того или иного правительства, нужно ли двинуть вперед европейскую унификацию».

С его точки зрения, частичные бюрократические решения 50-х и 60-х годов более или менее соответствовали той повестке дня регионального объединения, которая сосредоточивалась вокруг проблем экономического подъема и военной безопасности, решавшихся европейцами под неоспоримым американским лидерством. Но ни эти методы, ни организационные методы 70-х годов, включая межправительственные соглашения, проходившие через систему политического сотрудничества и межправительственного валютного сотрудничества, не казались Спинелли и его

соратникам достаточными для решения проблем безработицы, инфляции, реструктуризации промышленности, повышения конкурентоспособности Европы на мировых рынках и преодоления экологического кризиса, которые вышли на первый план в 80-е годы. Еврофедералисты полагали, что пришло время превратить Комиссию в федеральное правительство, назначаемое Европейским парламентом и ответственное перед ним.

Точка зрения Парламента основывалась на классической модели взаимоотношений законодательной и исполнительной власти, отраженной в конституционном устройстве большинства западноевропейских государств. Парламентарии доказывали, что федерация Европы непременно должна характеризоваться суверенитетом наднациональной парламентской и/или исполнительной власти. Таким образом, демократическая легитимизация ЕС должна была бы логически подразумевать либо большую роль Европарламента в определении состава наднационального правительства, либо систему массовых прямых выборов в члены Комиссии.

Если следовать федеративной парламентской модели, положение Председателя Комиссии ЕС должно было бы быть аналогичным положению главы национальной администрации, которому дано право выбирать остальных членов своего «кабинета». Потребовался бы и упрощенный механизм, дающий Парламенту возможность отправлять в отставку отдельных членов Комиссии. Предоставление Европарламенту такой возможности, в свою очередь, влечет за собой идею, что именно, он должен назначать Комиссию для выполнения парламентских решений. В целом для создания такой структуры, как того и требовал Спинелли, нужна была европейская конституция. Жесткая конституция должна была бы поставить политические структуры «большого региона» под общественный контроль, тогда как Сообщество на более традиционной базе многостороннего договора давало руководителям национальной исполнительной власти свободу эксплуатировать и развивать наднациональные институты по собственному усмотрению при условии, что им удавалось достичь консенсуса на этот счет в своих собственных рядах.

Но на практике существование ЕС подтверждало, что, вопреки радикальным федералистским представлениям, наднациональная организация сохраняет управляемость и вне наличия централизующего ядра — до тех пор, пока участвующие в ней правительства согласны, исходя из соображений о собственной выгоде, следовать правилам квалифицированного большинства при голосовании в Совете, подчиняться решениям Суда при возникновении разногласий, уважать роль Комиссии как основного «локомотива» интеграции и предоставить Парламенту, как представительной структуре, некоторые ограниченные полномочия.

Сохранению на региональном уровне подобного гибридного институционального устройства способствовали и преобладающие в Западной Европе общественные настроения. Несмотря на усилия европарламентариев, в 80-х годах им так и не удалось привлечь на свою сторону последовательную массовую общественную поддержку. В отсутствие заинтересованной массовой поддержки интеграция в основном оставалась делом элиты. У элиты же, в свою очередь, не было собственных причин, чтобы заботиться об устройстве ЕС как полностью подотчетной массам демократии. Ввиду этого отсутствие прогресса в развитии интеграции в период после 60-х годов объяснялось не столько незаинтересованностью в интеграции национальных политических элит (в конце концов, мало что могло бы предотвратить полный роспуск Сообщества, если бы именно в этом состояло коллективное желание национальных лидеров участвовавших в нем стран), сколько отсутствием согласия между ними в вопросе, насколько действительно полезна могла быть интеграция в противостоянии экономическому, социальному и политическому кризисам, которые тогда разразились. Основы ориентированного на экономический рост социального компромисса предшествующих десятилетий были подорваны. В его отсутствие преимущественно эгалитарное межгосударственное устройство более не работало.

Несмотря на существование Парламента, у которого был уже более, чем чисто консультативный статус, а также Суда, уполномоченного разрешать споры между участниками, та центральная роль, которую получил в институциональной структуре ЕС Совет, все же позволяла числить объединение в ряду других, более традиционных межправительственных организаций. В силу своей природы, Совет должен был быть (и

во многих случаях в 60-е и 70-е годы действительно был) тормозом на пути к единой федеративной Европе. И все же в середине 80-х годов тот же Совет принял решение двигаться к более полной интеграции. Такое решение выразилось в одобрении Единого европейского акта (ЕЕА). Почему же это произошло?

В те годы в странах-участниках Сообщества наблюдалось смещение вправо общего идеологического «центра тяжести». Наиболее отчетливо соответствующие изменения проявились в Великобритании в 1979 г., когда премьер-министром страны стала М.Тэтчер. После того, как в 1983 г. находившееся под контролем социалистов французское правительство встало на жесткий курс денежно-финансовой политики, была обеспечена прочная основа для достижения согласия в отношении новой модели экономической политики — а именно неолиберальных программ 80-х годов, в которых прежние нормы государственного регулирования экономики были отвергнуты.

Так как большинство национальных правительств были уверены в своем общем твердом намерении сократить впредь вмешательство государства в экономику, им стало проще поддержать утверждение принципа голосования большинством в областях, которые относятся к внутреннему (взамен прежнего общего) рынку. Ожидалось, что завершение создания программы единого внутреннего рынка поможет преодолеть «евросклероз», который невыгодно отличал экономику стран ЕС от ее глобальных конкурентов.

Выражаясь иначе, национальные правительства были достаточно уверены в существовании «европейского» консенсуса в базовых экономических вопросах, чтобы разделить с институтами ЕС окончательное право на принятие соответствующих решений, контролировавшееся ими через Совет министров. Это коснулось большинства случаев, непосредственно относящихся к законодательству по внутреннему рынку, где не удавалось достичь межправительственного единогласия.

Институциональные новации на данной стадии включили новые положения о голосовании по правилам большинства в Совете министров, возросшие полномочия Европейского парламента и создание Суда первой инстанции для сокращения объемов работы, с которыми Суд ЕС столкнулся после введения в действие постановлений по функционированию единого внутреннего рынка. До ЕЕА большая часть законов Сообщества получала одобрение через процедуру консультации. Это значит, что Комиссия выдвигала законодательное предложение, Парламент высказывал свою точку зрения по нему, а Совет принимал окончательное решение. С тех пор ЕЕА и Маастрихтским договором были последовательно введены в действие процедуры сотрудничества и совместного решения. По Амстердамскому договору 1997 г. процедура совместного решения (статья 1 89в Договора) заменила процедуру сотрудничества (статья 189с) во всех областях ее прежнего применения за исключением Экономического и валютного союза.

Законодательное предложение, которое относится к любой из областей хозяйственной политики, где решения ныне принимаются в соответствии с одной из двух вышеназванных процедур, исходит от наднационального органа (Комиссии), затем обдумывается в многонациональном кругу (в Совете). Вслед за тем удовлетворительное решение достигается в ходе сложной процедурной игры с твердо установленными правилами, в которой участвуют Совет, Комиссия и Парламент. Когда решение принято, оно не требует ратификации на национальном уровне. Однако национальные правительства обязаны его выполнить, действуя при этом под наблюдением Комиссии и в

пределах юрисдикции Суда.

Ради большей эффективности процесса принятия решений от прежнего постоянного поиска межправительственного согласия по ряду вопросов в режиме элитного управления отказались в пользу политической игры, по правилам которой отдельные государства-члены или институты ЕС иногда могут оказаться в положении проигравшей стороны. Решения саммита ЕС в Ницце в декабре 2000 г. это опять-таки подтверждают: как следует из «Договора Ниццы», который еще предстоит ратифицировать, руководители стран Союза договорились, что впредь право вето не сможет применяться уже в 35 законодательных сферах. Впрочем, Германия по-прежнему не собирается отказываться от права вето в вопросах иммиграции, Великобритания — в сфере налогообложения и социальной защиты, а Франция — в области внешней торговли и культуры.

Хотя отдельные и в особенности крупные нации-государства в рамках Сообщества вряд ли когда-либо будут исключены из процесса принятия решений, как это легко может произойти в конкретными группами интересов в пределах нации, их можно изолировать и исключить из неформальных стадий данного процесса. Теперь, когда единогласия во многих случаях уже более не требуется, участие в неформальных сделках и коалициях становится принципиально важно. При этом по каждому вопросу хозяйственной политики возможно формирование целого ряда коалиций, которые способны провести устраивающее их решение. Создается обстановка, в которой государства вынуждены идти навстречу пожеланиям партнеров, чтобы сохранить доступ к более ранним, а тем самым, и более определяющим стадиям переговоров. Безапелляционно отстаивая свои национальные интересы (как это с успехом практиковал де Голль в условиях прежнего во многом эгалитарного устройства), под действием правила большинства нация в конечном счете участвует в формальных стадиях процесса принятия решений, но исключает себя из предшествующих неформальных стадий, которые по сути более важны. Только на этой стадии поддержка рынка как социального института стала центральной целью региональных политических институтов. До этого рыночные механизмы скорее рассматривались как средство достижения целей безопасности и благосостояния в Западной Европе.

С точки зрения политической структуры, несмотря на сохраняющийся дефицит в плане демократической отчетности, в организации ЕС в последнее время был сделан важный шаг от модели политического управления, ориентированной на интеграцию и коллективные действия, к политической модели, которая ориентируется на установление и перераспределение в обществе благ и тягот.

Итак, региональный политический режим ЕС зародился в 50-е годы как режим элитного управления. Сейчас, спустя ряд десятилетий, мы наблюдаем довольно медленный и болезненный, далеко не во всем последовательный процесс его превращения в режим выборной политики на уровне «большого региона». Демократизация регионального политического режима ЕС в организационном отношении теоретически может привести к оформлению режима мажоритарного, в большой мере напоминающего политическое устройство в США, либо режима консенсусного, больше похожего на устройство ФРГ. Впрочем, более реальным представляется выбор в пользу режима консенсусного. Хотя строительство институтов и затрагивает прерогативы правительств государств-членов, именно они до сих пор остаются его окончательными арбитрами. Интеграция развивается неравномерно в различных сферах политики. Так, валютные вопросы, проблемы внешней политики и политики безопасности, сотрудничества в сфере борьбы с уголовными преступлениями на уровне ЕС по-прежнему решаются в процессе межправительственных согласований.

Литература

Манфред И.А. Париж — Бонн: 1958—1968. М., 1970.

Стрежнева М.В. Великобритания и Западная Европа: Политические аспекты. М., 1988.

Шебанов А.Н. Европейское объединение угля и стали. М., 1968.

Шемятенков В.Г. Евро: Две стороны одной монеты. М., 1998.

1992 год: новые контуры Западной Европы / Отв. ред. В.А. Марш, ИНОВ. М., 1992.

Глава 4.

Азиатско-Тихоокеанский регион на раннем этапе становления региональной подсистемы международных отношений (1900—1920-е годы XX в.)

В начале XX в. в результате Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. в России рухнула старая европейская система баланса сил. Первая мировая война привела к новому распределению сил на мировой арене и придала интернационализму новый смысл, а Октябрьская революция 1917 г. посулила народам революционными средствами преобразовать мир и установить в нем новый порядок, в то время как старые демократии боролись за претворение в жизнь старых демократических принципов. Изменения в политике, экономике и технологии также способствовали трансформации старой дипломатии: идея дипломатической секретности была пересмотрена в соответствии с новыми потребностями демократизирующихся обществ, а дипломатам, ранее выполнявшим в основном политические функции, теперь пришлось заниматься также экономическими и торговыми вопросами. Символом нового интернационализма стала Лига Наций, в основе деятельности которой лежали положения Версальского и Вашингтонского договоров. США перешли на позиции изоляционизма, а Германия и Россия оказались аутсайдерами среди европейских держав.

Азиатско-Тихоокеанский регион накануне и в ходе Первой мировой войны

Первая мировая война оказала сильное влияние на региональные подсистемы международных отношений. В одной из крупнейших и важнейших региональных подсистем, Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), предвоенный баланс сил деформировался: внутри АТР и Восточной Азии сложился свой собственный субцентр — дальневосточный, состоящий из двух наиболее крупных государств-антагонистов — Японии и Китая, вокруг которых сосредоточились интересы великих держав, и «вторичной» колониальной периферии (Юго-Восточной Азии и Океании), события в которой определялись как противоречиями в субцентре, так и во всей системе международных отношений.

Япония и Китай к концу XIX в. были вынуждены отказаться от политики самоизоляции, но Китай, переживавший глубокий политический и экономический кризис, оказался не в силах противостоять колониальной экспансии великих держав, а Япония после «реставрации Мэйцзи» 1868 г. приступила к модернизации по западному типу и к началу XX в. сумела стать ведущей региональной державой.

К началу XX в. Англия, Франция, Германия и Россия разделили слабый Китай на сферы влияния, в которых получили целый ряд привилегий — экстерриториальность иностранных граждан, концессии, право консульской юрисдикции, право охранять иностранными войсками регльменты (укрепленные международные кварталы в крупных городах), право собственности или управления железными дорогами. В 1900 г. в Китае началось антииностранное «боксерское восстание» (восстание «ихэтуаней»), подавление которого вызвало прямую интервенцию великих держав и оккупацию их войсками северо-востока страны и китайской столицы. Подписание Цинским правительством и представителями великих держав Пекинского протокола 1901 г. означало окончательное превращение Китая в полуколониальную страну, очертили его зависимый статус в региональной подсистеме международных отношений и определили на будущее задачу внешней и внутренней политики Китая — восстановление полного суверенитета. Эта цель была поддержана США, которые, выдвинув в противовес традиционному европейскому колониализму доктрину «открытых дверей», стали претендовать на роль естественного союзника Китая. Однако экономические методы проникновения США в Китай продолжали наталкиваться на сохраняемые военно-политическими методами сферы влияния европейских держав.

Синьхайская революция 1911 г. смела институт монархии в Китае, изменив политическое устройство, но не статус страны в системе международных отношений. Напротив, последовавшая после провозглашения Китайской республики территориально-

политическая дезинтеграция и политический раскол Китая к 1917 г. на Север и Юг (с двумя фактически самостоятельными правительствами) только еще более ослабили международный статус страны.

Япония, в отличие от Китая, успешно провела начальный этап индустриализации по западному типу и заключила военно-политический союз с Великобританией, формальным лидером международной системы того времени. Этот союз в конце концов помог Токио усилить свои позиции за счет ослабления позиций и выдавливания из региона Германии, Китая и России. Одержав победу над Россией в 1904—1905 гг., по Портсмутскому мирному договору, заключенному в августе 1905 г. при посредничестве нарождающегося нового лидера-соперника в международной системе — США, Япония приобрела исключительные права в Корее, сферу влияния в Южной Маньчжурии, южную часть Сахалина и согласие России сократить свое военно-морское присутствие в зоне Тихого океана. Ослабив в регионе Россию, Япония получила возможность реализовать свою концепцию особых интересов в континентальном Китае.

В августе 1914 г. Япония вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, соответственно, смогла захватить колонии Германии на Тихом океане, Кантон (Гуанчжоу) и оккупировать провинцию Шаньдун.

В январе 1915 г. Япония предъявила китайскому правительству так называемое «двадцать одно требование», фактически расширяя свою сферу влияния за счет ослабленной Германии. Пятая, наиболее одиозная, группа требований предусматривала установление монопольного японского контроля над китайским государственным аппаратом, армией, финансами и дипломатической службой. Выдвижение этих требований фактически означало заявку на переход Японии из региональной в великую державу.

Китайское правительство Юань Шикая, не имея иной возможности противостоять Японии, было вынуждено принять эти требования (за исключением наиболее унижительной пятой группы), что, с одной стороны, резко усилило антияпонские настроения в самом Китае, с другой — вызвало обеспокоенность европейских держав, которые осознали, что Япония готова установить контроль над всей территорией Китая.

Правительство США в русле своей особой политики по отношению к Китаю в 1912 г. первыми признали Китайскую республику и в октябре 1913 г. установили дипломатические отношения с правительством Юань Шикая. В сентябре 1914 г. США подписали с Китаем первый равноправный договор о содействии всеобщему миру, который предусматривал разрешение всех двусторонних споров международной арбитражной комиссией. В тоже время и США не могли помочь Китаю перед лицом японской агрессии, а потому убедили китайское правительство вступить в Первую мировую войну на стороне Антанты, чтобы после окончания войны перенести обсуждение китайско-японского вопроса на послевоенную международную конференцию.

Однако Китай, будучи союзником Антанты и, соответственно, Японии, ни на шаг не продвинулся по пути восстановления своего собственного суверенитета. Его независимость была еще более урезана. Главная же угроза суверенитету Китая нависла со стороны Японии — использован полную вовлеченность западных держав на европейском театре и выступив на стороне Антанты, Япония прибрала к рукам владения, права и привилегии германского империализма в Китае и на Тихом океане. Игнорируя протесты Китая, Япония высадила 30-тысячную армию в Шаньдуне, захватила Цзяочжоу, железнодорожную линию Цзиндао-Цзинань и фактически поставила всю провинцию под свой контроль. Этим участие Японии в войне на стороне Антанты закончилось. Оккупация Шаньдуна объяснялось не военными нуждами Антанты или угрозой Японии со стороны Германии, а геополитической необходимостью закрепления на территориях, дававших дополнительные стратегические преимущества в борьбе за установление господства над всем Китаем. Обеспокоенная успешной дипломатической деятельностью Китайской Республики, Япония поспешила в феврале-марте 1917 г. заключить секретные соглашения о послевоенном устройстве с Англией и Францией. В соответствии с этими соглашениями Англия и Франция признавали передачу Японии прав Германии в Китае, германских колоний на Тихом океане и оккупации Шаньдуна. Соответствующие соглашения также были заключены с Италией и Россией.

США отказались сепаратно решать эти вопросы, но в конце концов в ноябре 1917 г. были вынуждены признать «особые интересы» Японии в Китае в соглашении Лансинга-Иси.

Парижская мирная конференция и Версальский договор 1919 г

К исходу мировой войны Япония занимала в Китае мощные военно-политические и экономические позиции, В мае 1918 г. были заключены два японо-китайских договора (военный и военно-морской), предоставившие Японии не только возможность контролировать китайские вооруженные силы, но и использовать территорию Китая для подготовки агрессивных операций против соседних стран. Используя давние связи с северными милитаристами и свое особое положение в Маньчжурии, Япония фактически контролировала действия центрального правительства в Пекине. На случай непредвиденного развития ситуации она обеспечила себе контроль над кратчайшими подступами к китайской столице. Недаром железнодорожные магистрали Циндао-Цзинань из Шаньдуна и Южно-Маньчжурская железная дорога в мировой печати того времени сравнивались с «японскими щипцами», сжавшими «пекинский орех». Несмотря на то, что с предстоявшей мирной конференцией в Китае связывали чуть ли не открытие новой эры во взаимоотношениях с великими державами, обстановка была тревожной, а в самом Китае явно нарастали радикальные антияпонские настроения. Парижская мирная конференция наряду с общими вопросами послевоенного переустройства системы международных отношений обсуждала и ситуацию в Азии. Держав-победительниц волновали два вопроса — судьба германского «наследства» в Восточной Азии и условия вхождения Китая и Японии в Лигу Наций. Китай, который представляла на Парижской конференции объединенная делегация Северного и Южного правительств, заручившись поддержкой США, требовал пересмотра колониальной политики раздела на «сферы влияния» и восстановления своего суверенитета над провинцией Шаньдун.

Однако японское засилье в Пекине и существование в стране фактически двух параллельных правительств, порождали в Китае беспокойство за судьбу страны. Япония опасалась усиливавшихся США, а потому спешила до начала конференции активизировать начатые еще правительством Тэраути переговоры с Китаем о принятии дополнительных требований к договору 1915 г. и военному соглашению 1918 г., смыслом которых было дальнейшее расширение японских прав в Маньчжурии и Шаньдуне, достижение фактического контроля над китайскими армией и флотом и формирование в них института японских военных советников. Кроме того, японцы попытались добиться согласия китайского правительства на предоставление их интересов японской делегацией на предстоящей Парижской мирной конференции.

США, рассчитывавшие на конференции заставить Японию потесниться в Китае и сумевшие обеспечить представительство на конференции объединенной (Север-Юг) делегации Китая, чтобы нейтрализовать влияние засевшей в Пекине прояпонской клики, тем не менее, сочли несвоевременной широкую постановку китайского вопроса посланником в Вашингтоне Гу Вэйцзюнем (Веллингтон Ку) — ведущим китайским дипломатом на начальном этапе конференции, который планировал, оперевшись на поддержку США, добиться на конференции ликвидации системы неравноправных договоров и признания Китая равноправным суверенным государством. Эту «широкую» программу был вынужден поддерживать даже глава китайской делегации Лу Чжэнсян, имя которого было неразрывно связано с капитуляцией Китая перед «двадцати одним требованием Японии», когда он возглавлял Министерство иностранных дел в правительстве Юань Шикая. На пути в Париж Лу сделал заявление для печати, в котором специально отметил, что китайские дипломаты, наряду с требованием о возвращении Шаньдуна, готовятся добиваться согласия держав на восстановление тарифной автономии и отмену экстерриториальности.

С первых шагов своей деятельности на конференции китайская делегация столкнулась с откровенным нежеланием признать Китай равноправным партнером. Представительство Китая на конференции (два места) было сокращено даже относительно таких стран как Бельгия и Бразилия (по три места), Китай участвовал только в тех заседаниях, на которых обсуждались «чисто» китайские вопросы. Китайская делегация находилась в полном неведении в какой форме будет обсуждаться вопрос о Шаньдуне, рассмотрение этого вопроса на «Совете десяти» было инициировано не представлением китайской стороны,

а требованием японской делегации (ее возглавлял Сайондзи) передать Японии бывшие владения и права Германии в Шаньдуне как «честную компенсацию» за «заслуги и потери, причем о своем приглашении на «Совет десяти» китайская делегация узнала лишь за два часа до начала заседания, о существовании секретного соглашения между Японией и правительством дуань Цижуня (от 24 сентября 1918 г.) — лишь за два дня до обсуждения китайского вопроса, а о секретных договорах Японии о Шаньдуне со странами Антанты вообще лишь непосредственно перед тем, как Гу Вэйцзюнь должен был изложить китайскую позицию.

Япония, в свою очередь, в качестве условий подписания мирного договора и участия в Лиге Наций настаивала на признании другими державами и Китаем всех статей своих секретных соглашений 1917 г. с Англией и Францией, причем она вообще попыталась лишить Китай права голоса на конференции ссылками на соглашение с Пекином о Шаньдуне и на договоры с Антантой. Японский делегат Макино Нобуаки предъявил на конференции одно за другим несколько требований японского правительства. Одно из них касалось устава Лиги Наций, в который предлагалось внести положение о равноправии иностранцев в странах Лиги Наций в независимости от их расы или национальности. Японская делегация планировала, с одной стороны, выступить в качестве защитника «всей желтой расы, добиваясь отмены ограничений на «желтую» иммиграцию, существовавших в США и английских доминионах, а с другой, инициировав эту дискуссию, — тихо провести «шаньдунский» вопрос, как решенный де факто. Японская делегация таюке подготовила завершающее заявление, в случае отказа удовлетворить которое она должна была покинуть конференцию, сорвав подписание договора о создании Лиги Наций и нанеся чувствительный удар лично президенту В. Вильсону.

После трудной дипломатической борьбы правительство США было вынуждено признать, что участие Японии в Лиге Наций более важно, чем признание требований Китая и удовлетворилось устным обещанием японской делегации вернуть Шаньдун Китаю. 30 апреля 1919 г. главный орган конференции — «Совет трех» (в него входили представители США, Франции и Великобритании) — принял требования Японии. Соответственно, Япония стала не только одним из пяти постоянных членов Совета Лиги Наций, но и получила мандат Верховного совета Антанты и Лиги на управление бывшими Германскими тихоокеанскими владениями (островами, лежащими к северу от экватора) и международное признание своей фактической аннексии Шаньдуна.

Фактически отстраненная от участия в решении судьбы Шаньдуна китайская делегация распространила заявление «Расторжение мирной конференцией договоров и нот, которые были заключены между Китаем и Японией и которыми стороны обменялись 25 мая 1915 г., как действий, возникших из войны и связанных с нею и меморандум «Вопросы для пересмотра», в которых говорилось о незаконности соглашений, навязанных Китаю Японией и бескомпромиссно выдвигались требования ликвидации полукOLONиального положения страны.

Версальский договор, условия которого не были признаны китайской делегацией, породил внутри Китая антизападное движение «4 мая», всколыхнувшее всю страну. Китайская делегация отказалась поставить свои подписи под Версальским договором и единственная из всех не присутствовала на церемонии его подписания 28 июня 1919 г. В выступлении для печати китайская делегация опротестовала соглашение держав за счет Китая, заявив, что поскольку мирная конференция отказала Китаю в справедливом решении вопроса о Шаньдуне и таким образом лишила его возможности подписать договор, не принеся при этом в жертву истину, справедливость и патриотический долг, китайские делегаты выносят свой вопрос на беспристрастный суд мира.

Возвращение китайской делегации было встречено массовыми патриотическими выступлениями в Пекине и всей стране.

Однако уже в сентябре 1919 г. правительство республиканского Китая было вынуждено присоединиться к Лиге Наций, удачно подписан Сен-Жерменский договор с Австрией, в котором не упоминались унижительные для Китая статьи о провинции Шаньдуна, а в сентябре 1920 г. заключило с Германией сепаратный мирный договор, в соответствии с которым как экс-территориальные привилегии Германии, так и ее право на «боксерскую контрибуцию» были ликвидированы.

Решения Парижской мирной конференции по Дальнему Востоку, фактически узаконившие

преобладание Японии в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом, вызвали сильное недовольство в США, китайская политика которых в Версале потерпела явное поражение. С тем, чтобы ограничить японское влияние в акватории Тихого океана, США приступили к осуществлению широкомасштабной программы военно-морского строительства. В октябре 1918 г. основные силы ВМФ США были переведены из Атлантического в Тихий океан, а с вводом в строй в июне 1920 г. Панамского канала им уже не требовалось по пути из Атлантики огибать весь латиноамериканский континент. Однако военно-морской вызов США был принят Японией, которая в 1920 г. приступила к реализации феноменальной по тем временам программы строительства 8 линкоров, 8 крейсеров и большого количества вспомогательных кораблей.

Напряженность в Восточной Азии, вызванная Первой мировой войной и половинчатыми решениями Версальского договора, стала только возрастать. Способствовало этому и ослабление военно-морского могущества Британской империи. В то же время послевоенная обстановка явно подрывала англояпонский союз, так как тихоокеанские доминионы Великобритании Канада, Австралия и Новая Зеландия, и даже Южно-Африканский Союз стали переориентироваться на США, подталкивая Лондон к союзу с Америкой. Эти события происходили на фоне дальнейшей дезинтеграции Китая и Российской империи Романовых, на обломках которой выросло новое государство Советская Россия, появление которого меняло как конфигурацию мировой системы международных отношений, так, в частности, и самого дальневосточного региона.

Советская Россия и Дальневосточная Республика
в региональной подсистеме международных отношений
(1918—1921 гг.)

Распад Российской империи после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. привел к тому, что Россия перестала быть центром силы в региональной подсистеме международных отношений. Октябрьская революция и рождение Советского государства повлекли за собой радикальный пересмотр как всей внешней политики России, так и ее политики на дальневосточном направлении. В своем первом внешнеполитическом документе — Декрете о мире — Советская Россия фактически провозгласила курс на выход из войны и аннулирование всей системы старых военно-политических блоков. Эта радикальная программа позже была дополнена целой серией дипломатических актов, поставивших Советскую Россию вне мировой системы международных отношений того времени. Однако с точки зрения большевиков, такая внешнеполитическая линия была вполне логичной — большевики ожидали приближения мировой революции, которая должна была бы радикально преобразовать международные отношения, а потому ориентировали свою внешнюю политику на приближение мирового революционного взрыва.

Страны Антанты, не приемля идеологию и внешнюю политику нового Советского государства, которое рассматривалось ими просто как одна из двух сторон в гражданской войне, отказались его признать. В ответ на это правительство Советской России фактически разорвало союзнические отношения с Антантой и вступило в сепаратные переговоры с германским блоком, необходимые для передышки с целью укрепления своего непрочного внутривнутриполитического положения и завершившиеся подписанием Брест-Литовского договора.

Внешняя и внутренняя политика большевиков базировалась на целом комплексе противоречивых и утопичных идей, центром которых была теория мировой социалистической революции. В контексте этой общей идеи важная роль предписывалась подрыву и разрушению империалистической периферии посредством национально-освободительных революций. Революции в других странах, понимаемые как прелюдия к мировой революции, рассматривались в качестве средства, способствующего выходу СССР из международной изоляции. Сначала Советская Россия возлагала надежды на Европу и только после 1923 г., когда революции в Европе потерпели крах, стала уделять больше внимания революционному движению в Китае, где изначально в качестве главного ориентира был избран Гоминьдан (ГМД).

Общетеоретическая схема для развития национально-освободительных движений в колониальных и полуколониальных странах была разработана на 11 конгрессе

Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.). Ввиду весьма малых объемов доступной информации о том, что происходило в странах Востока, эта схема носила чисто умозрительный характер и отражала попытку применить российский опыт революции и гражданской войны к национально-революционным движениям в колониальных странах. В то же время, коль скоро большевики избавились от своих иллюзий относительно быстрого пришествия мировой социалистической революции, они стали рассматривать ее осуществление через призму интересов Советского государства, ибо при новых условиях сохранение власти большевиков в одной стране было единственной гарантией возможности при благоприятном стечении обстоятельств начать мировую социалистическую революцию. Таким образом, концепция осуществления мировой революции посредством свержения правящих режимов силой революционных народов при прямой поддержке извне (из Советской России) была заменена программой, нацеленной на организацию и поддержку антиправительственных революционных движений в других странах и в то же время на установление и развитие дипломатических отношений с правительствами этих стран. По мере того, как надежды на революцию в странах Запада отодвигались на все более дальний план, зрела и набирала силу идея о перемещении революционной деятельности на периферию, в соответствии с чем Китай стал рассматриваться как все более и более важная цель для стратегов коммунизма. Расхождение между заявленными большевиками установками (фактически государственными интересами Советского государства) и всемирно признанными нормами международного права и обусловили своеобразие внешней политики Советской России того периода.

С первых дней Октябрьской революции 1917 г. одной из основных задач советской внешней политики стало предотвращение японской интервенции. Дело в том, что с первыми известиями об октябрьской революции в России японское правительство стало разрабатывать планы захвата русских дальневосточных владений. Япония добивалась от Антанты, чтобы проведение интервенции против Советской России было поручено японским вооруженным силам.

В ответ на это в 1917 г. НКВД сообщил третьему секретарю японской миссии С. Уэда о готовности Советской России заключить с Японией экономическое соглашение, а также политическую конвенцию о положении на Дальнем Востоке. Одновременно планы большевиков по экономическому освоению Восточной Сибири и Дальнего Востока были доведены и до США. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин вполне резонно полагал, что соперничество между Японией и Америкой во многом определяет международное положение Советского государства и, в особенности, его дальневосточных окраин. Однако в 1918 г. судьба Советского государства стала решаться на фронтах гражданской войны, и основной проблемой для большевиков стала угроза иностранного вмешательства, могущего повлиять на исход этой борьбы.

После 1917 г. Россия утратила свои позиции в Маньчжурии — попытка установить Советскую власть в полосе КВЖД была обречена на неудачу и в декабре Китай при согласии Антанты, которая не желала советизации Северной Маньчжурии, установил контроль над КВЖД и полосой отчуждения дороги и разогнал Совет в Харбине, созданный после Февральской революции. К августу 1918 г. за Уралом возникло девятнадцать антибольшевистских правительств, к осени 1918 г. наиболее влиятельные из них создали коллегияльную власть в лице Директории с центром в Омске. К этому времени Советы были ликвидированы и к востоку от Байкала во всех больших городах — Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Верхнеудинске, Чите — и на смену им пришли земские правительства, состоящие, главным образом, из эсеров и меньшевиков. 18 февраля 1918 г. верховный военный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также Китайско-Восточной железной дороги. Япония, действовавшая формально под эгидой Антанты, ввела свои войска в Северную Маньчжурию, а чуть позже к ней присоединились США, Англия и Франция. Слухи о германском влиянии в Сибири и миф о вооружении большевиками немецких военнопленных, распространяемые чехословацким корпусом в Сибири, а также фактически подведенная Японией юридическая база под сепаратную интервенцию, вынудили в конечном счете Президента В. Вильсона принять решение об отправке американских войск для помощи чехам и охраны Транссибирской магистрали от австро-германской угрозы.

Вводя войска, Япония преследовала собственные цели - создать на Дальнем Востоке зависимую местную администрацию под протекторатом Японии, то есть буферное государство, отделенное от остальной России.

Весной 1920 г. Пятая Красная Армия, разгромившая Колчака, вступила в непосредственное соприкосновение с японскими войсками. Поскольку на западе назревали военные действия с Польшёй, Москва опасалась военного конфликта еще и с Японией. В.И. Ленин писал, что вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. Именно в этих условиях и возник проект создания буферного государства между Советской Россией и Японией как противоядие созданию зависимых от Японии местных дальневосточных правительств. Большевики также не без оснований считали, что буферное государство позволит сыграть на американо-японских противоречиях, так как США отказывались иметь дело с Советской Россией, но нуждались в российском партнерстве для давления на Японию. В этих условиях в марте 1920 г. была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР), включающая в себя Забайкалье, Приамурье и Приморье.

После образования ДВР 6 апреля 1920 г. Советское правительство пыталось наладить отношения с Китаем, используя ДВР как буфер. Для этого по согласованию с НКВД РСФСР в июне 1920 г. в Китай была послана дипломатическая миссия Верхнеудинского правительства во главе с Ил. Юриным. Юрин предложил установить консульские отношения между Китаем и ДВР, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД. Однако миссия Юрина в Пекине рассматривалась только как торговая. В то же время приграничные отношения РСФСР и ДВР с Китаем развивались достаточно успешно. 27 мая 1920 г. было подписано соглашение о пограничной торговле между властями Советского Туркестана и Синьцзяна, которое в частности давало возможность Красной Армии преследовать отряды белых на территории Синьцзяна при содействии местных властей, а в марте 1921 г. аналогичное соглашение было подписано между властями ДВР и китайской провинции Цицикар.

Параллельно Китай явочным порядком ликвидировал права и привилегии России. Права экстерриториальности и консульской юрисдикции российских граждан были отменены, ликвидированы российские концессии в Тяньцзине и Ханькоу, которые переходили под китайское управление «до установления законной власти в России», к 1920 г. Китай также ужесточил свои позиции по отношению к КВЖД — три вакантных места в правлении дороги из закрепленных за Китаем пяти мест были заполнены китайскими гражданами. Впервые за всю историю КВЖД Китай получил в правлении дороги большинство, и стал преобразовывать КВЖД в чисто коммерческое предприятие, согласно букве контракта 1896 г., начав ликвидацию политических полномочий администрации КВЖД. К концу 1920 г. Китай освоил весь объем уступок в отношении привилегий царской России, от которых отказалось Советское правительство, в то же время проигнорировав все усилия Москвы установить с Китаем дипломатические отношения.

Одновременно, Советская Россия и ДВР начали концессионные переговоры с США, смыслом которых было повлиять на американскую администрацию в пользу официального признания ДВР и оказать давление на Японию с целью эвакуации ее войск с Северного Сахалина. Однако уже весной 1921 г. стало ясно, что ДВР находится под фактическим контролем Дальбюро ЦК РКП(б), захватившего ее силовые структуры, и Япония в мае 1921 г. ликвидировала власть читинского правительства ДВР в Приморье, создав в противовес ему во Владивостоке областное правительство во главе с предпринимателем С.Д. Меркуловым, а новый президент США У. Хардинг (Гарди-иг), который будучи сенатором зондировал почву для контактов с большевиками и политическая философия которого была более приемлема для Советского правительства, чем глобализм В. Вильсона, после вступления на президентский пост не захотел взаимодействовать с РСФСР и ДВР на антияпонской основе.

Структура региональной подсистемы
в соответствии с Вашингтонским договором 1921 г.

За время Первой мировой войны США превратились в могущественную державу. Из

страны-должника они превратились в мирового кредитора. Администрация У. Хардинга (Гардинга) полагала, в отличие от В. Вильсона, что жизненные интересы США сосредоточены не в европейской региональной подсистеме, а в латиноамериканской и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соответственно политика «сфер влияния» в Китае, означавшая укрепление позиций Великобритании и Японии, не устраивала США, которые выдвинули в противовес доктрину «открытых дверей».

В 1916 г. США приняли гигантскую судостроительную программу, целью которой являлось желание закрепить за собой положение первой военно-морской державы мира. Великобритания также хотела усилить свои позиции на дальнем Востоке и потому был выдвинут план сооружения новой британской военно-морской базы в Сингапуре. Этот план требовал огромных ассигнований и поэтому Великобритания была вынуждена сокращать свой флот и перестала быть для США конкурентом. Одновременно и США, и Великобритания соперничали с Японией, динамично расширявшей свое военно-морское строительство, и в их интересах было не дать Японии окончательно утвердиться на дальнем Востоке в качестве государства-доминанта. Однако ни США, ни Великобритания не были заинтересованы в открытом столкновении с Японией, а потому для обсуждения вопроса об ограничении морских вооружений

У. Хардинг (Гардинг) выступил с инициативой проведения в Вашингтоне международной конференции. Чуть раньше этого британский министр иностранных дел д. Керзон обратился к президенту США о созыве конференции по дальневосточным и тихоокеанским проблемам. Так из объединения двух встречных предложений и родилась идея о проведении конференции в Вашингтоне, которая была поддержана британскими доминионами, Китаем и ведущими европейскими державами. Япония приветствовала проведение конференции, но пыталась избежать международной дискуссии по проблемам Восточной Азии.

Конференция открылась в Вашингтоне 12 ноября 1921 г. В ее работе приняли участие 14 стран — США, Британская империя (Великобритания и доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Индия), Япония, Франция, Италия, Китай, а также европейские страны, имевшие традиционные интересы в Восточной Азии и АТР — Бельгия, Голландия и Португалия. Делегацию США возглавлял государственный секретарь Ч. Хьюз (Юз), избранный председателем конференции, во главе британской стоял А. Бальфур, французской — премьер-министр А. Бриан, а японской — Като Томосабуро.

Германия, у которой по Версальскому договору были отняты все владения на Тихом океане и Россия «в виду отсутствия единого правительства на конференцию приглашены не были, а потому правительство РСФСР заявило, что оно не признает решения конференции. Делегация ДВР, находящаяся в Вашингтоне без приглашения, но с благосклонного разрешения США, пыталась вести переговоры вне рамок официальной повестки дня с Хьюзом (Юзом), который пообещал ей добиться вывода японских войск с территории Приморья.

Китай на Вашингтонской конференции был представлен только Пекинским правительством, в адрес которого было направлено официальное приглашение. Поскольку все усилия Сунь Ятсена добиться признания держав и получить приглашение на конференцию оказались тщетными, правительство Южного Китая заявило, что не будет считать для себя обязательными ее решения. Хаос и разложение в Пекине к моменту созыва конференции достигли предела и проблемой стало даже финансирование участия китайской делегации. Китайская делегация выехала в Вашингтон без официального главы (министр иностранных дел Янь Хуэйцин должен был остаться в Пекине, чтобы прикрыть «политический тыл» делегации), без твердой программы действий и без достаточных средств.

Как и предполагалось организаторами, конференция сразу же вышла за рамки первоначальной узкой повестки дня. Обсуждение вопроса об англо-японском союзе проходило секретно в рамках «большой тройки», а не на пленарных заседаниях. В ходе переговоров США отклонили идею о тройственном союзе США-Великобритания-Япония, поскольку опасались, что Великобритания и Япония могут оказать на США совместное давление, и настояли на включении в союз, оформленный в качестве «договора четырех держав», Франции.

В первый же день конференции на ней выступил государственный секретарь США Ч.

Хьюз (Юз), который предложил план ограничения и сокращения морских вооружений. Новый политический вес Японии предусматривал, по плану Хьюза (Юза), высокую норму морских вооружений для Японии, но более низкий предельный тоннаж линейного флота, чем для США и Великобритании. Эти предложения были одобрены и Японией, и Великобританией.

Политические гарантии нового соотношения сил были закреплены в договоре о неприкосновенности островных территорий на Тихом океане, заключенном четырьмя державами («договор четырех держав») США, Японией, Великобританией и Францией 13 декабря 1921 г. договор предусматривал арбитражное урегулирование споров по поводу островных территорий на четырехсторонней конференции. Кроме того, «договор четырех держав» отменял военно-политический союз Великобритании и Японии, который рассматривался в США как элемент блоковой политики, скомпрометированный Первой мировой войной и вызывающий опасения других государств. Если договор «четыре держав» политически и юридически оформил принцип партнерства великих держав в Восточной Азии на основе коллективных гарантий безопасности, то технические гарантии его выполнения были зафиксированы в подписанном 6 февраля 1922 г. договоре «пяти держав» — США, Великобритании, Японии, Франции и Италии — об ограничении морских вооружений.

Китайские делегаты на конференции поставили вопрос об упразднении сфер влияния держав в Китае и их отказе от односторонних прав и привилегий. Позиция Китая излагалась в виде «Десяти пунктов», которые представляли собой расширенный вариант «Вопросов для пересмотра», не принятых к рассмотрению в Париже. Они излагали основные принципы, на которых должны строиться отношения держав с Китаем: гарантирование Китаю уважения и сохранение территориальной целостности, политической и административной независимости; отказ от тайной дипломатии в отношении Китая; от прав экстерриториальности; снятие ограничений с юридической, политической, экономической, и административной жизни Китая; установление четких сроков в отношении существующих обязательств Китая; необходимость согласия Китая в отношении мер, гарантирующих права и привилегии держав; уважение нейтралитета Китая в будущих войнах в случае его не- участия в них. Китай же в свою очередь давал обязательство не отчуждать и не сдавать в аренду «какую-либо часть своей территории и побережья», соглашался с принципом «открытых дверей» в торговле и промышленности как основополагающим со всеми договорными державами, заявлял о своей заинтересованности в мирном решении международных конфликтов на Тихом океане и Дальнем Востоке на основе периодического созыва конференций для определения общей политики.

США поддержали китайскую делегацию. 6 февраля 1922 г. девять держав (Китай, США, Британская империя, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия и Португалия) подписали договор о принципах своей китайской политики. Подписавшие стороны обязались уважать суверенитет, административную и территориальную целостность Китая, строить отношения с Китаем на принципах «открытых дверей и равных возможностей».

С симпатией было встречено требование китайской делегации о выводе с территории страны иностранных войск и полиции, однако по инициативе Японии была принята резолюция о передаче вопроса для полного и детального изучения послам в Пекине. Державы не стали возвращать Китаю арендованные территории. Китай не добился на конференции отмены «21 требования» Японии. Выступая от имени японской делегации, Сидэхара Кидзюро заявил, что «21 требование» были подписаны и скреплены печатями в законном порядке уполномоченными представителями обоих правительств.

Он отметил, что они были ратифицированы и потому должны сохранять полную силу. Однако Японии все же пришлось подтвердить отказ от 5-ой группы требований, согласиться передать в руки международного консорциума железнодорожное строительство в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии и отказаться от исключительных прав поставлять советников в Южную Маньчжурию. Во время переговоров о Шаньдуне в основу был положен компромиссный план Бальфура, который, оформленный впоследствии в качестве соглашения, предусматривал возвращение Китаю Цзяочжоу, ликвидацию японского контроля над железными дорогами Шаньдуна, но одновременно и выплату Китаем компенсации и сохранение за Японией до окончания

выплат некоторых важных постов в управлении дорогами.

Кроме того, США заявили, что конференция должна защитить законные российские интересы и потребовать вывода японских войск с российской территории. Допущенная в Вашингтон неофициально делегация ДВР была принята государственным секретарем США Ч. Хьюзом (Юзом) и ей было позволено провести успешную пропагандистскую кампанию.

Мнение США было поддержано другими государствами и Япония, оказавшись в изоляции в связи со своими действиями в отношении России, была вынуждена заявить о готовности вывести из России свои войска.

Значение Вашингтонских соглашений для формирования региональной подсистемы международных отношений

Вашингтонские соглашения завершили послевоенный передел сфер влияния держав на Тихом океане и стали важным этапом формирования региональной подсистемы международных отношений. США официально утвердили себя как сильнейшая морская держава, равнозначная Великобритании. Великобритания и Япония в равной мере признали бесперспективность военно-морского соперничества с США. Японии удалось сохранить свое военно-морское господство на огромной части акватории Тихого океана, где не было английских военно-морских баз и которой в силу технических ограничений не достигали американские и английские корабли. Вашингтонские соглашения устранили самые одиозные ограничения китайского суверенитета, другие, более мелкие, должны были быть устранены постепенно, по мере стабилизации положения в Китае.

Хотя ни РСФСР, ни ДВР и не получили приглашение их интересы в общем не были ущемлены Вашингтонской конференцией: Япония обещала вывести свои войска с российской территории, а права России на КВЖД были подтверждены резолюцией конференции. В то же время Советская Россия, как и правительство Южного Китая, объявили о непризнании решения Вашингтонской конференции. Однако многие положения Вашингтонских соглашений были крайне выгодны для Советской России, а именно прекращение союза Великобритании и Японии, которых в Москве рассматривали как своих непосредственных противников, масштабное сокращение военноморских сил держав, демилитаризация Курильских островов. Соглашения по Китаю Советская Россия не приняла, нацелившись, в соответствии с внешнеполитическими установками Коминтерна, на разжигание революции в Китае.

После вывода японских войск с российской территории (за исключением Северного Сахалина), большевики перестали нуждаться в буфере, и ДВР была поглощена Советской Россией, что превратило ее в тихоокеанскую державу. Месяцем позже был образован СССР, который 31 мая 1924 г. подписал с Китаем соглашение об общих принципах для урегулирования отношений, установив дипломатические и консульские отношения. Одновременно в том же 1924 г. СССР и Япония в Пекине начали переговоры на уровне послов двух стран в Китае и в 20 января 1925 г. там же два государства подписали конвенцию об основных принципах взаимоотношений, установив дипломатические отношения друг с другом.

Вашингтонские соглашения в целом соответствовали национальным и государственным интересам держав-участниц. Вне остались только Советская Россия и территории, подвластные правительству Южного Китая. В соответствии со своими идеологическими установками и не связанная решениями Вашингтонской конференции Советская Россия, соответственно, видела главную свою задачу не в поддержании баланса сил на мировой арене и в региональной подсистеме, а в раздувании мировой революции, которая была призвана полностью изменить существующую глобальную систему международных отношений. Амбиции Японии по этим соглашениям были ограничены, а политика была нацелена, соответственно, не на достижение регионального равновесия, а на усиление своего влияния в регионе. Одновременно во внешней политике США — лидера глобальной международной системы — нарастали тенденции изоляционизма и росло желание самоустраниться от решения мировых вопросов. Все это свидетельствовало о том, что Вашингтонские договоренности на длительное время не смогут обеспечить стабильность ни региональной подсистемы международных отношений, ни, тем более, международной системы в целом, что и показали последующие исторические события.

Литература

- Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. 1918—1941 (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
- Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911—1915 гг. М., 1997.
- Белов Е.А. Россия и Монголия в начале XX века (1911—1919). М., 1998.
- Белоусова ЭС., Наджафов Д.Г. Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике. / XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М., 1994. Т. 1. 1920—1925.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история Межгосударственных отношений. М., 1999.
- Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 2. М., 1992.
- Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996.
- Дацышен В.Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб., 1999.
- Европа между миром и войной. 1918—1939. М., 1992. Иванов Л.Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами). М., 1964.
- История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
- История Японии. 1868—1998. М., 1998. Т. 2.
- Клейменова Н.Е., Свдоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. М., 1995. Ч. 1.
- Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
- Кугаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.
- Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000.
- Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910—1940-х гг. М., 1997.
- Новейшая история Квтая. 1917—1927. М., 1983.
- Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917—1922). М., 1997.
- Системная история международных отношений в четырех томах. 1918—2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1—2.
- Советская внешняя политика. 1917—1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.
- Степанов А.С. В борьбе за мир в АТР, 1917—1993. М., 1996.
- Тихвинский С.Л. Россия-Япония. Обречены на добрососедство. М., 1996.
- Тихвинский С.Л. Путь Квтая к объединению и независимости, 1898—1949. М., 1996.
- Шишкин В.А. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929). СПб., 1991.

Глава 5.

Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений

В начале третьего тысячелетия как никогда сложно оценить реальные процессы на международной арене. Образы большой шахматной доски, постулаты классического наследия геополитиков, попытки создания новых символов зла слишком часто искажают объективную картину мира. В этой связи на фоне дискуссии о глобализации и глобализме значительный интерес представляет вопрос о региональных подсистемах международных отношений. Именно региональный уровень внешнеполитической практики в течение двух последних десятилетий формирует контуры главных осей

взаимодействия в сфере мировой политики. Одним из актуальных примеров в этом плане является постсоветская Центральная Азия.

Если исходить исключительно из государственно-правовых оснований, то Центрально-Азиатский регион по терминологии январской 1993 г. встречи глав государств СНГ в Алма-Ате есть не более, чем иное обозначение Средней Азии, территория которой охватывала пять бывших союзных республик. Новые политические реалии расширили границы регионального взаимодействия, включая некоторые районы сопредельных стран. Однако пять новых независимых государств Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан составляют главное территориальное ядро обширной юго-восточной части Евразии. Его общая площадь достигает примерно 4 млн км², а население насчитывает свыше 50 млн человек, включая около 6 млн российских соотечественников.

Сегодня постсоветская Центральная Азия оказалась в фокусе внимания глобальных и региональных держав, международных финансово-экономических структур. В 90-е годы этот регион стал полем все более широкого сотрудничества и одновременно ареной соперничества различных сил, что обусловлено его геостратегической значимостью, потенциально мощными нефтегазовыми и другими сырьевыми ресурсами, перспективами строительства мощной транспортной инфраструктуры. Особую значимость характера внешнеполитического взаимодействия в центральноазиатской зоне постсоветского пространства определяют четыре основные измерения:

в Каспийском бассейне и некоторых других частях Центральной Азии имеются гигантские запасы нефти и газа. Туркменистан занимает третье место в мире среди поставщиков природного газа, а общие региональные запасы нефти, локализованные в значительной части на территории Казахстана, оцениваются в 10—25 млрд т. Это, правда, намного меньше, чем в Персидском заливе, но потребность в нефти и газе нарастает в Юго-Восточной Азии, на Индийском субконтиненте, а в недалеком будущем начнет быстро увеличиваться и в Китае;

более половины героина, поставляемого в Европу и Северную Америку, имеет афганское происхождение и доставляется через Центральную Азию. Это определяет объемы криминального бизнеса в величинах, сравнимых с самыми перспективными видами легального производства, а, следовательно, расширяет социальную базу транснациональной преступности;

национальные территории молодых государств региона расположены в зоне соприкосновения разительно отличных культур и цивилизаций, поэтому при неблагоприятном развороте событий «принцип политического домино может стать здесь буквально роковым;

Центральная Азия исторически очень тесно связана с Россией. Но помимо России существуют еще несколько других крупных внешнеполитических акторов, которые заявляют о своих интересах. Это — США, Турция, Иран, Пакистан, Китай, Индия и Европейский союз. Их участие придает внешнеполитическим процессам, происходящим в Центрально-Азиатском регионе, комплексное и де-факто глобальное измерение.

Все формы и виды внешнеполитического взаимодействия в Центральной Азии развиваются при непосредственном и суверенном участии новых независимых государств этого региона. Именно в руках их руководства находятся рычаги принятия окончательных решений, способных определять стратегические перспективы регионального развития, а, следовательно, и влиять на общий ход истории в столь взаимозависимом сегодня мире.

Обретение национального суверенитета и развитие в условиях постсоюзной государственности стало серьезным испытанием для всех стран Центральной Азии. За истекшее десятилетие их общественные системы неоднократно приближались к критической черте, а кризисные тенденции в сфере социального и политического бытия еще окончательно не преодолены. Есть основания полагать, что в XXI в. Центральная Азия превратится в одну из важных энергетических кладовых мировой экономики.

Разведанные запасы нефти и природного газа в Казахстане составляют соответственно 2,2 млрд т и 2,5 трлн м³. Запасы природного газа в Туркменистане — около 3 млрд м³, а в Узбекистане — примерно 2 млрд. Прогнозные запасы Казахстана с учетом залежей на шельфе Каспийского и в бассейне Аральского морей могут составить более 13 млрд т нефти и 6 трлн м³ природного газа, Туркменистана — соответственно 6,3 млрд и 15,5

трлн и Узбекистана -- 0,3 млрд и 2 трлн мЗ.

Однако в целом положение в регионе опровергает прогнозы апокалиптического толка, которые регулярно выдвигались с начала 90-х годов. В последнее время здесь происходят обнадеживающие сдвиги. Отход от централизованной системы жизнеобеспечения населения, сохранение основ демократического правления, прекращение гражданской войны в Таджикистане являются существенными позитивными моментами с точки зрения современного положения и перспектив развития ситуации в Центральной Азии.

Позитивным моментом консолидации национальной государственности стран региона стало их полноправное вхождение в круг членов мирового сообщества. Новые государства Центральной Азии являются членами ООН, ОБСЕ, Организации Исламская конференция, Организации экономического сотрудничества (в нее входят также Иран, Пакистан, Турция, Азербайджан и Афганистан). Налажены связи с Всемирным банком, МВФ, ЕБРР, Азиатским банком, Исламским банком развития, другими международными финансовыми институтами. В 1999 г. Кыргызстан первым из стран СНГ стал членом ВТО. Современная международная среда — источник дополнительных ресурсов, необходимых для развития центрально-азиатских обществ, но ее влияние достаточно неоднозначно. Среди приоритетных направлений внешней политики центрально-азиатских стран все более весомую роль играют отношения с высокоразвитыми странами Запада, прежде всего США. Встречная заинтересованность этих внерегиональных центров силы в сотрудничестве с центрально-азиатскими государствами стала важным фактором формирования новой системы международных отношений в юго-восточной зоне постсоветского пространства.

Формирование американской политики в Центральной Азии проходило достаточно динамично, однако власти США не сразу «вышли» на ее нынешние контуры. Республиканская администрация дж. Буша (старшего) первоначально демонстрировала свою незаинтересованность в распаде СССР, и у нее не было явно сформулированной стратегии по отношению к ближнему окружению России. В первые годы администрации У. Клинтона США также формально «почти не интересовались» Центральной Азией. Их относительно сдержанный интерес первой половины 90-х годов в официальных источниках и научных публикациях обычно увязывался с соображениями «борьбы с иранской угрозой», «страхом перед тем, что иранский фундаментализм начнет распространяться на север». Этим объяснялось также и быстрое установление Соединенными Штатами полномасштабных дипломатических отношений со странами региона, активное сотрудничество с Турцией в проведении региональной политики в 1992—1993 годах. Однако одновременно с установкой на особые партнерские отношения с Турцией США стали проводить линию на расширение своей непосредственной вовлеченности в формирование источников финансирования национальных экономических систем бывших союзных республик. С 1992 г. начали осуществляться некоторые программы технической помощи, энергетические программы, программы помощи в разработке и добыче полезных ископаемых, приватизационные и конверсионные проекты. В 1993 г. при активном посредничестве этой миссии состоялось подписание контракта на разработку Тенгизского нефтяного месторождения в Казахстане между правительством Казахстана и компанией «Шеврон».

В середине 90-х годов к участию в формулированию американской политики в Центральной Азии подключился Конгресс, что произошло не только вследствие интереса законодателей США к региону, но и под влиянием «нефтяного лобби». Республиканская оппозиция стала критиковать правительство за то, что оно не стремилось изменить пророссийскую ориентацию стран региона, в том числе и путем ослабления их транспортной зависимости от северных маршрутов. Вторым инициатором активизации политики США в регионе стал Пентагон. Его интерес был обусловлен стратегическим значением Центральной Азии и возможностями расширения технических границ зоны ведомственной ответственности с соответствующими финансовыми «оргвыводами». В результате — опять же не без нефтяного лоббистского давления — стремление к усилению роли США в юго-восточном сегменте СНГ начала демонстрировать и вся исполнительная ветвь американской власти. Особенно важную роль в административном аппарате при формулировании подходов к Центральной Азии сыграл бывший посол США в Казахстане и Грузии В. Кортни, возглавлявший впоследствии отдел России, Украины и

Евразии в Совете национальной безопасности (СНБ). В дальнейшем вопросы Центральной Азии и Кавказа в СНБ курировал Дж. Элкайнд, пришедший на эту должность из аппарата вице-президента США А. Гора.

Таким образом, современная политика США в Центрально-Азиатском регионе является сплавом целого спектра корпоративных, ведомственных и государственных внешнеполитических интересов, которые периодически достаточно ощутимо конкурируют между собой. Отражением этой конкуренции и одновременно источником ее информационной подпитки являются материалы, с которыми постоянно выступают представители, как политических, так и общественных кругов США, их оценки перспектив демократического процесса, обеспечения стабильности, возможности противодействия религиозному экстремизму и другим проблемам развития Центрально-азиатских стран. В этой связи повышенный критицизм американских СМИ в отношении технологии избирательных кампаний, в том числе и президентских, которыми были отмечены публикации 1998—2000 гг., выражает не только определенный ценностный подход к принципам общественного устройства, но и конкретные интересы в области расширения возможностей американского регионального присутствия в его различных формах. Современные центрально-азиатские приоритеты США постепенно складываются в стратегию формирования региональной системы, ориентированной, по крайней мере, в первом приближении по оси магистральных трубопроводов углеводородного сырья. Временные рамки создания главной несущей конструкции этого стратегического проекта, по-видимому, зафиксированы в стамбульском (ноябрь 1999 г.) соглашении по Основному экспортному нефтепроводу и транскаспийскому газопроводу (ОЭТ): 2004—2005 годы. Согласно содержанию специального заявления Госдепартамента США, распространенного в день подписания ОЭТ государствами и -участниками (Азербайджан, Турция, Грузия, Казахстан и Туркменистан), развитие прикаспийских энергоресурсов призвано решать не только чисто коммерческие, но и крупные политические задачи: укрепление суверенитета новых независимых государств Каспийского региона, создание дополнительных перспектив коммерческой деятельности, формирование и восстановление экономических связей между новыми независимыми государствами. Хочется думать, что сторонники решения центрально-азиатских проблем на основе плана столь масштабного строительства, как ОЭТ, учитывают не только его видимые достоинства, но и весь комплекс реальных и не зависящих от чьей бы то ни было воли издержек.

Нефтяные интересы играют важную, но не единственную роль в формировании американской политики в Центральной Азии. США и их союзники расширяют контакты с государствами региона по военно-политической линии, в том числе в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира», которая включает содействие в обучении военных кадров и подготовке центрально-азиатского миротворческого батальона (в нем участвуют воинские подразделения из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана).

Первым документом, где военно-политические вопросы были тесно взаимосвязаны, была подписанная США и Казахстаном «Хартия о демократическом партнерстве» (Вашингтон, 1994 г.). Обе стороны, как зафиксировано в этом документе, «намерены развивать взаимовыгодное сотрудничество в области обороны и проводить регулярные консультации по вопросам безопасности». Кроме того, осуществляется наблюдение за функционированием предприятий по производству расщепляющихся материалов, деятельностью испытательных полигонов, исследовательских центров и объектов ракетно-космической инфраструктуры, сохраняющимися на территории Казахстана. Расширяя военную привязку новых государств Центральной Азии к западным блоковым структурам, в 1999 г. США подписали с Узбекистаном план сотрудничества между министерствами обороны двух стран и соглашение о сотрудничестве в области демилитаризации объектов, относящихся к химическому вооружению и предотвращения распространения технологий химического вооружения. Одновременно Вашингтон заявил о поддержке участия Узбекистана в программе «Партнерство ради мира».

Несмотря на эти знаковые договоренности, в конце 90-х годов интерес США к Центрально-Азиатскому региону заметно ослаб. В фокусе внимания официальных кругов оказался вопрос о строительстве основного отрезка кавказского трубопровода Баку—Тбилиси—Джейхан, а фоном к смещению акцентов стали претензии к Казахстану и Узбекистану в области защиты прав человека. В последнее время объектом аналогичной

американской критики стал и Киргизстан.

Новая республиканской администрации определила свой интерес к Центрально-Азиатскому региону только в самом общем виде. США, которые с 1992 г. предоставили централь-но-азиатским странам помощь на сумму около 1 млрд долл., заявляют о готовности продолжать поддержку проведению там демократических и рыночных реформ. Одновременно в Белом доме считают подходы своих предшественников в отношении Каспийского региона «инертными» и неудачными и намерены «предоставить полную поддержку реализации нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан и транскаспийского трубопровода из Туркменистана в Турцию, поскольку поддержка данных трубопроводов закрепляет американские интересы в регионе».

Таким образом, американская стратегия в Центральной Азии в будущем, как и в 90-е годы, будет сочетать элементы идеологизированных и прагматических подходов к региональной системе международных отношений.

В целом политика западноевропейских стран в Центральной Азии развивается в направлениях, аналогичных направлениям политики США. Интерес Западной Европы к энергетическим ресурсам огромен, но сдерживается отсутствием инфраструктуры и общей региональной нестабильностью. Экономическое проникновение западных стран происходит в русле общей стратегии «расширения сообщества демократических государств с рыночной экономикой» по нескольким направлениям, в частности, внедрения совместных предприятий с доминированием в них западного менеджмента, создания фондов поддержки частного предпринимательства, оказание гуманитарной ПОМОЩИ.

По объему внешнеторгового оборота на первом месте среди европейских стран-партнеров Центральной Азии стоит Великобритания. При этом, если в начале 90-х годов основной интерес западных инвесторов был прикован в основном к Казахстану и Узбекистану, то к концу истекшего десятилетия «новыми фаворитами» стали Туркмения, Кыргызстан и Таджикистан. Хотя имеются разные оценки общего объема иностранных капиталовложений в эти республики: в Туркмении их объем составил около 5,2 млрд долл., в Кыргызстане около 1 млрд долл., а в Таджикистане 150—200 млн долл. Благодаря во многом этим инвестициям, Туркмения, в которой западные инвестиции растут особенно быстро, сумела открыть железнодорожную магистраль в иранский город Мешхед, протяженностью около 300 км, возложив начало функционированию по территории Центральной Азии международного транспортного коридора Европа—Кавказ—Азия, а Кыргызстан получил возможность начать реформировать национальную производственную базу и адаптироваться к участию в ВТО.

Для индустриальных стран Запада политика в Центральной Азии представляет собой часть глобальной экономической стратегии и больше зависит от ее изменений, чем от текущих нужд этих стран. Она носит во многом перспективный характер, что нередко ведет к «разночтениям» в понимании иерархии приоритетов, которые существуют в Центрально-Азиатском регионе. Отсутствие всего спектра элементов демократии вызывает демонстрации недовольства со стороны США и Западной Европы, что приводит к ответным публичным демаршам центрально-азиатских лидеров. Вместе с тем, и США, и Западная Европа показали свою реальную заинтересованность в развитии внешнеполитических и внешнеэкономических связей с Центральной Азией, а руководители центрально-азиатских стран, в свою очередь, заявили о том, что развитые индустриальные страны являются в регионе желанными и долговременными партнерами. Однако процесс взаимной адаптации глобальных и региональных субъектов международных отношений в Центральной Азии далеко не завершен.

Расширению связей центрально-азиатских государств с западными индустриально развитыми странами способствует обоюдная заинтересованность в освоении природных богатств региона и создании инфраструктуры для их доставки на мировые рынки. Но общая картина внешнеполитического взаимодействия выстраивается намного сложнее, поскольку активную роль во всех региональных процессах играют ближайшие соседи центрально-азиатских государств, прежде всего Турция, Иран и Пакистан, а военно-политическая ситуация в Афганистане постоянно вынуждает всех внешнеполитических акторов вносить коррективы в уже достигнутые договоренности.

Роль новых региональных партнеров в формировании международной среды по периметру постсоюзного пространства не менее противоречива, чем последствия

усиления присутствия западных держав. Согласно З. Бжежинскому, стратегия и влияние таких крупных соседних государств, как Турция и Иран являются дополнительным дестабилизирующим общую обстановку фактором, поскольку «они имеют с исторической точки зрения имперский, культурный, религиозный и экономический интерес к региону, но сами проявляют непостоянство геополитической ориентации и потенциально уязвимы во внутреннем плане». Однако необходимо учитывать, что политика каждого из ближайших соседей постсоветской Центральной Азии, хотя и отмечена противоречиями в среде их правящих кругов, испытывает на себе большое влияние глобальных тенденций мирового развития, которые ориентируют всех членов мирового сообщества на конструктивные государственные решения в сфере международных отношений. Под этим углом зрения целесообразно анализировать и политику Турции, Ирана, Пакистана, некоторых других стран, которые на протяжении истекшего десятилетия оказались участниками формирования региональной системы международных отношений в новой Центральной Азии.

Вовлеченность новых региональных партнеров в центрально-азиатские процессы начала активно развиваться с 1992 г. и на начальных этапах была отмечена элементами конкуренции Турции и Ирана. Хотя практика показала, что многие описания этой конкуренции оказались преувеличенными, различия в походах двух стран к центрально-азиатским процессам достаточно очевидны. «Особенности отношений Ирана и Турции с глобальными участниками международной системы привели к тому, что с самого начала появления самостоятельных государств в Центральной Азии отношения в этом регионе склонились к своеобразному противостоянию и соперничеству. Это соперничество в основном сводилось к трем моментам: противостояние эталонов (идеология), противостояние ролей (геополитическая сторона), экономическая конкуренция. В первой половине 90-х годов турецкая сторона сделала ставку на форсированное присутствие во всех сферах жизни центрально-азиатских обществ, причем большинство турецких политиков склонилось к интерпретации целей этого политического курса в духе пантюркизма. Акцентируя идеологические моменты в пропаганде новой региональной политики, Турция стремилась не только надежно «закрепить» за собой региональный рынок, но и повысить собственную значимость во взаимодействии с европейскими странами, создать имидж представителем политика в отношении тюркоязычных стран СНГ времен президентства С. Демиреля. В правящих кругах Турции все более заметными становятся голоса тех, кто считает, что в первой половине 90-х годов Турция впала в неоправданную эйфорию и что она пока не готова к полноценной конкуренции с Россией в Центральной Азии. Однако эти политики прагматично полагают, что экономическая польза от сотрудничества, а не конкуренции с Россией может в значительной степени компенсировать Турции ущерб от несостоявшейся роли «покровителя тюркских республик».

Важным этапом по восстановлению турецкого влияния в Центральной Азии стал официальный визит осенью 2000 г. нового турецкого президента Неджета Сезера. Но в Туркмении и Узбекистане турецкого лидера встретили сдержанно. Относительно более результативными были встречи турецкого президента в Астане и Бишкеке. Президенты Казахстана и Турции

Н. Назарбаев и А. Неджет Сезер подписали в Астане совместную декларацию о сотрудничестве в деле борьбы с терроризмом, торговлей наркотиками, религиозным и политическим экстремизмом. Указано, что в России утверждается фаза долгосрочного политического курса и Казахстан считает сотрудничество с Россией приоритетным, президент Назарбаев подтвердил казахстанскую поддержку в отношении проекта трубопровода Баку-Джейхан.

Свое намерение укреплять сотрудничество подтвердили также и президенты Турции и Кыргызстана. По словам турецкого президента, его страна будет оказывать Кыргызстану военно-техническую поддержку в борьбе с бандитами, которые пытаются дестабилизировать обстановку в регионе.

Таким образом, для того чтобы сохранить эффективность своего регионального присутствия в Центральной Азии, турецкой стороне понадобится внести существенные коррективы в формы и методы обеспечения своих национальных интересов, а в области двустороннего сотрудничества в значительно большей степени, чем это было раньше, ориентироваться на систему приоритетов, выдвигаемых центрально-азиатскими

странами. Таков общий смысл и итогов дискуссии участников саммита руководителей стран Центральной Азии и Турции, состоявшемся в январе 2001 г. в Анкаре. Иран, в отличие от Турции, занял в начале 90-х годов по отношению к Центральной Азии достаточно сдержанную позицию. В этот период он стремился скорее подготовить почву для более основательной вовлеченности, исходя как из чистотактических, так и стратегических установок по расширению участия в региональных процессах. Помимо серьезных внутривластных причин сдержанность иранской стороны была обусловлена несовпадением культурно-религиозных стереотипов традиционалистского толка, определяющих общественную жизнь Ирана и политическую культуру постсоветских стран Центральной Азии. Общее состояние внешнеполитической среды также ограничивало многие иранские инициативы, повышало вероятность превращения его региональной политики в сугубо затратную сферу деятельности.

Распад биполярного мира вызвал к жизни широкий спектр разнообразных моделей будущей сети трансконтинентальных коммуникаций Центральной Азии. Но один из самых перспективных маршрутов центрально-азиатской нефти к иранским портам неизменно жестко отвергался и продолжает отвергаться США. «Упущенная транзитная выгода» в несколько миллиардов долларов является предметом серьезной озабоченности иранских руководителей. Но, несмотря на периодически мелькавшие в СМИ сообщения о вероятном пересмотре американских установок, главный материальный интерес Ирана на центрально-азиатском направлении до настоящего времени остается нереализованным. В 90-е годы Иран постоянно подчеркивал отсутствие в современной Центральной Азии системы безопасности, и формирование в регионе взрывоопасной обстановки, которая может быть стабилизирована только путем многостороннего политического диалога с иранским участием.

В целом же для Ирана на протяжении всего истекшего десятилетия было характерно стремление наладить региональное сотрудничество в Центральной Азии не только на двусторонней, но и на трехсторонней — с участием России — основе. Иран активно работал по установлению взаимопонимания и взаимодействия с Россией, с тем чтобы не допустить двойной изоляции на международной арене — со стороны США и со стороны восточного направления, где относительно возростала роль «проамериканской» Турции. Выстраивая свои отношения со странами Центральной Азии, Иран также, как и Турция, не избежал идеологических акцентов. Но он сделал их не на критике «идеологического конкурента», как поступила турецкая внешнеполитическая пропаганда, а на популяризации идеи диалога цивилизаций в зоне соприкосновения различных традиционных культур, религий, ислама суннитского и шиитского толка. «Иран считает, что возобновление и развитие отношений с исламскими обществами южной зоны бывшего СССР является естественным продолжением глубоких исторических и культурных связей народов и цивилизаций. Избегая любого идеологического столкновения в регионе, он неизменно подтверждает исламскую личность его населения. Не поддерживая, по крайней мере открыто исламские оппозиционные движения в регионе и другую оппозицию центральным правительствам, старается в межгосударственных отношениях защитить личность и права мусульман. Стараясь не входить в конфликт с турецкой и западной идеологией, Иран противопоставляет эталону секуляризации исламские достояния в личности мусульманских народов Центральной Азии и Кавказа».

В основе современных тактических ориентиров иранского подхода к сотрудничеству с Центрально-азиатскими государствами лежат прежде всего прагматические интересы. Иранское руководство считает, что наиболее перспективной сферой сотрудничества Ирана со средне-азиатскими республиками является добыча, переработка и транспортировка энергоносителей. Поэтому главной целью Тегерана является доступ к новым проектам по разработке газовых и нефтяных месторождений и разворот основного экспортного потока энергоносителей из Центральной Азии через Иран. Предусматривается также возможность поставок газа и нефти через иранскую территорию в обход России на Украину и в страны Европы.

В среднесрочной перспективе Иран скорее всего будет стремиться подкрепить свою политическую роль в Центральной Азии постепенным расширением помощи и инвестиций странам региона. «Несмотря на все неудобные условия, экономические усилия Ирана продолжают очень медленно двигаться по региону». На современном этапе

у Тегерана достаточно прочные позиции в Туркмении, с которой имеется ряд взаимовыгодных экономических, энергетических и транспортных проектов, а также с Казахстаном.

Действуя прежде всего на туркменском направлении, иранские политики стремятся создать в Центральной Азии своего рода «газовый ОПЕК», но они всячески избегают демонстрации стремлений к региональному лидерству. Одновременно в среде иранских экспертов растет понимание того, что «выполнение политических обязательств в значительной степени зависит от экономической мощи», другими словами Центрально-азиатское направление видится ими, по крайней мере в первом приближении, как дополнительный стимул модернизации иранской экономики со всеми вытекающими внутривнутриполитическими последствиями.

Особое значение в планах усиления экономической завязки центрально-азиатских государств Тегеран придает Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Еще один канал, через который Иран оказывает воздействие на ситуацию в Центральной Азии, проходит через Афганистан. Действовавшая там в 90-е годы шиитская проиранская группировка «Партия исламского единства Афганистана» пыталась играть активную роль не только в самом Афганистане, но и в некоторых Центрально-азиатских республиках. Но контакты с центрально-азиатской оппозицией не занимали в политике Ирана столь значительного места, как в политике Турции, а победа движения Талибан в Афганистане пока исключает активизацию флангового иранского влияния на Центральную Азию.

В целом же главную ставку в продвижении своих интересов в регионе Иран сделал на сочетании двустороннего сотрудничества с центрально-азиатскими государствами с активизацией внешнеполитического взаимодействия с Россией.

Турция и Иран стали первыми новыми региональными акторами, активно включившимися в формирование системы международных отношений в постсоюзной Центральной Азии. Их участие в центрально-азиатских внешнеполитических процессах постепенно приобретало в 90-е годы все более весомый характер, а заинтересованность в конструктивном сотрудничестве стала подкрепляться реальным прагматизмом. Одновременно к концу 90-х годов Иран и Турция пришли к осознанию ущерба от взаимной конкуренции в центрально-азиатском регионе и постепенно стали стремиться к сочетанию соперничества и сотрудничества в своей центрально-азиатской политике. Конкуренция двух региональных акторов вряд ли обострится и в перспективе. Как Турция, так и Иран испытывают очень серьезные внутривнутриполитические проблемы, существенное расширение внешнеполитической активности на востоке для них относительно невыгодно.

В этой связи два ведущих новых региональных партнера центрально-азиатских государств выступают на современном этапе уже далеко не в том «взрывоопасном качестве», как это предсказывал З. Бжезинский.

Помимо Турции и Ирана к активному участию в региональных международных отношениях в Центральной Азии стремятся и другие государства Среднего и Ближнего Востока. С одной стороны, они выступают спонсорами ряда экономических проектов по линии ОЭС, некоторые из которых, кстати, распространяются и на Афганистан. Однако исламское зарубежье в той или иной степени поддерживает идею широкого политического объединения мусульманских государств Центральной Азии и Закавказья. Этому способствуют, в первую очередь, действия как радикальных религиозно-политических партий Пакистана и Афганистана, так и достаточно влиятельных представителей правящих кругов Иордании и Саудовской Аравии. Но в целом усилия по включению Центрально-Азиатского региона в зону внешнеполитического сотрудничества, окрашенного «в исламские тона», остаются скорее затратными, чем результативными. Практически все новые партнеры центрально-азиатских государств вынуждены так или иначе переходить к более прагматическому курсу.

Примером является Пакистан, наращивающий экономическое и религиозное проникновение в центрально-азиатские страны. До конца 90-х годов его вовлечение в региональные процессы носило косвенный характер и ограничивалось посылкой религиозных проповедников и деятельностью разведывательных служб. С середины 90-х годов, по мере усиления пакистанского влияния в Афганистане, Пакистан стал выступать все более самостоятельным участником политической борьбы вокруг проектов

трансконтинентальных коммуникаций. Ориентировочные маршруты наземного и трубопроводного транспорта рассматривались руководством Пакистана через призму конкуренции собственных олигархических группировок. Другими словами, подходя к перспективам включения внутренних районов Азии в глобальную инфраструктуру, правящие круги Пакистана стремились создать систему баланса внутривнутриполитических, региональных и внерегиональных сил, направленную на сдерживание индийского влияния в Кашмире и за его пределами, обеспечить выгодные условия сотрудничества с Ираном, Турцией и Китаем, укрепить лидирующие позиции представителей суннитского большинства в среде этнополитической элиты страны.

Все эти часто весьма противоречивые и разнопорядковые цели крайне негативно сказались на развитии обстановки по периметру Центральной Азии и на интересах самого Пакистана. На современном этапе Пакистан стал одним из основных каналов проникновения международных террористов в Центрально-Азиатский регион. С территории Пакистана осуществляется поставка оружия исламским экстремистам и подготовка боевиков для оппозиционных исламских партий и движений. Но это все же не является доминирующим при общей оценке роли Пакистана в системе региональных международных отношений. Пакистан входит в так называемую группу «шесть + два», включающую Россию, США и шесть соседних с Афганистаном стран. Как показали итоги январского 2001 г. визита министра иностранных дел Узбекистана в Исламабад, этой стране также, как и пяти центрально-азиатским соседям Афганистана, предстоит активизировать поиск путей урегулирования афганского конфликта. В противном случае, волна афганской нестабильности может приобрести не только «северные», но и «восточные» векторы.

Рост вовлеченности ведущих стран Запада и мусульманского мира в Центральной Азии в 90-е годы стал важным, но не единственным фактором формирования региональной системы международных отношений. Среди новых направлений в политике центрально-азиатских республик особую роль играют отношения с Китаем. Это особенно характерно для непосредственных соседей азиатского гиганта (протяженность границы Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана с КНР составляет более 3300 км). Особые опасения в Центральной Азии еще недавно вызывало то, что у Китая существовали территориальные претензии к Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану, которые выдвигались в период существования СССР. К концу 90-х годов острота проблемы была снята.

В ходе Шанхайской встречи глав государств России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана (апрель 1996 г.) было подписано соглашение, в соответствии с которым все стороны договорились о взаимном ненападении, о запрещении военных маневров, направленных против какой-либо договаривающейся стороны, об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах, и о необходимости информировать заинтересованные страны о маневрах, проходящих в пределах 100 км от границы. В ходе следующей встречи «пятерки» в Москве (апрель 1997 г.) было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы СНГ и Китая, в соответствии с которым создавалась демилитаризованная зона в пределах 100 км от границы, откуда должны быть выведены все войска, за исключением пограничных. В 1999 г. был окончательно решен наиболее сложный вопрос о китайско-казахстанской границе. Деятельность «шанхайской пятерки», в последствии получившей название Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), стала одним из наиболее ярких положительных примеров роли Китая в Центральной Азии и его стратегического партнерства с РФ. Встречи участников форума стали проводиться ежегодно. К настоящему времени многосторонние усилия привели к расширению как спектра обсуждаемых коллективно вопросов, так и круга их участников. Завершилось превращение форума из механизма встреч, на которых рассматривались исключительно проблемы, связанные с мерами военного доверия и вопросами сокращения вооруженных сил в зоне совместной границы, в механизм налаживания сотрудничества между странами-участницами по политической, дипломатической, военной линиям, а также в вопросах безопасности и экономического сотрудничества. Июль 2000 г. принес новые моменты — в качестве наблюдателя к ШОС присоединился Узбекистан. Президент Узбекистана предпочел пятый саммит форума в Душанбе встрече с генсеком НАТО, а Цзян Цзэминь из Душанбе нанес визит в Ашхабад. Китай обозначил серьезность своего интереса к развитию газодобычи и трубопроводного

транспорта Туркменистана. Восточный маршрут доставки центрально-азиатских энергоносителей на мировые рынки становится столь же реальным, как и западный. Но при этом важно, что Китай полностью понимает, уважает и поддерживает усилия России по развитию традиционных отношений с государствами Центральной Азии.

Параллельно с укреплением многостороннего политического сотрудничества Китая в Центральной Азии произошло повышение значения экономического компонента двусторонних отношений. Китай заинтересован в росте своего экономического влияния в регионе и закреплении рынков сбыта продукции северо-западного Китая. В 90-е годы произошло резкое увеличение торгового оборота КНР со странами региона. Хотя доля Китая в экспорте и импорте Туркменистана и Таджикистана сравнительно невелика, то для Казахстана, Кыргызстана и в какой-то степени для Узбекистана Китай — очень важный торговый партнер.

Существуют и другие перспективные направления экономического сотрудничества. Наиболее приоритетным для всех участников к концу истекшего десятилетия стало расширения транспортного сообщения и особенно развитие топливно-сырьевой сферы. Наиболее крупный проект с участием китайской стороны в сфере железнодорожного строительства — расширение второй трансконтинентальной евроазиатской дороги порт Ляньюньган (побережье Желтого моря) — Сиань — Ланьжоу — Урумчи (столица СУАР) — Дружба (казахстанокитайская граница) — Астана — Брянск — Варшава — Роттердам (общая протяженность 10800 км). Существуют планы соединения магистрали с железнодорожной сетью Ирана и Турции, что даст Китаю выход в Персидский залив, Черное и Средиземное моря.

Развивается сотрудничество Китая со странами региона и в топливно-сырьевой сфере. В октябре 1997 г. было подписано китайско-казахстанское соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа. Китайская сторона взяла обязательство построить нефтепровод из Западного Казахстана в Китай (до Карамая, Синьпзян-Уйгурский автономный район) протяженностью в 2600 км и нефтепровод от Узеня до границы с Туркменистаном. Не менее активен Китай и в Туркменистане. Он принимает участие в реабилитации нефтяного месторождения Котудерп. С 1994 г. активно обсуждается план строительства крупнейшего газопровода Туркменистан — Китай — Япония протяженностью около 8 тыс. км. Стоимость строительства оценивается в 10 млрд долл., а продолжительность в 5 лет.

Итак, в 90-е годы отношения Китая с центрально-азиатскими странами развивались очень успешно. Китай обеспечил долговременные условия своего участия в региональных процессах на двусторонней и многосторонней основе. Он оказывает политическую поддержку совместным усилиям центрально-азиатских государств и России в отражении угрозы религиозного экстремизма и международного терроризма. Активное участие Китая в ШОС создает благоприятные условия системы безопасности России, Центральной и Северо-Восточной Азии. Как показывает опыт многостороннего сотрудничества, сложившегося в русле ШОС, на современном этапе в Центральной Азии реально существует также и возможность расширения международного взаимодействия с участием Индии. Но пока внешнеполитические усилия Индии в Центральной Азии в основном мотивированы стремлением к сдерживанию активности Исламабада. В ходе двусторонних переговоров с центрально-азиатскими государствами Индия стремится заручиться обещаниями противодействия росту фундаменталистских настроений в регионе. Важным фактором формирования международных отношений в Центральной Азии является конструктивная позиция Индии в отношении борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом.

Картина формирования новой системы международных отношений в Центральной Азии была бы неполной без учета ее экономической среды. Непосредственное влияние экономики на политику хотя и остается дискуссионным, его нельзя не учитывать в современных условиях взаимодействия государственных и негосударственных акторов принятия внешнеполитических решений. Необходимо отметить рост экономического влияния в Центрально-Азиатском регионе стран АТР. Они стали третьими по значимости внешнеторговыми партнерами Центральной Азии после России и Европы. Объемы торговли с АТР заметно превосходят товарооборот центрально-азиатской пятерки с такими соседними странами, как Турция и Иран. Лишь дня Туркмении экономические

связи с Турцией более значимы, чем торговля с АТР.

Хотя разворот в сторону такого мощного центра экономического притяжения, как АТР, затормозил азиатский финансовый кризис, это направление не только перспективно, но уже формирует новые оси внешнеполитического взаимодействия в Центрально-Азиатском регионе. Заинтересованность и западных, и восточных партнеров центрально-азиатских государств в торговле и доступе к природным ресурсам, как и встречная заинтересованность в доставке сырья на мировые рынки, дала толчок появлению ряда крупных международных проектов в области инфраструктуры.

Растущую популярность приобретает идея «Шелкового пути XXI века», реализация которой поможет преодолеть географическую изоляцию центрально-азиатских государств. В современных условиях «Шелковый путь», в отличие от древних караванных путей, предполагается построить на трех опорах:

энергетике, трансконтинентальной транспортной системе и телекоммуникациях.

Стержнем этого проекта должна стать разработка природных ресурсов региона, в первую очередь, крупных месторождений нефти и газа Прикаспийской зоны. Но для его реализации необходима достаточно серьезная проработка, аккумулирующая глобальные, региональные и локальные интересы. Отчасти эта проблема уже решается в рамках конференций и экспертных совещаний, посвященных строительству магистрали ТРАСЕКА. Предполагается, что ТРАСЕКА создаст международный трансконтинентальный коридор и свяжет Европу, Центральную Азию и АТР сквозными железнодорожными и шоссейными путями.

В идеале использование сырьевого потенциала Центральной Азии на основе комплекса ТРАСЕКА позволит придать динамизм местным экономикам, а крупным импортерам энергоносителей — обеспечить стабильные поставки сырья. Это стимулирует интеграцию региона в глобальные системы транспортных и информационных коммуникаций. Однако основная часть самого проекта пока находится на стадии предварительной разработки.

Появление суверенных субъектов международных отношений в Центральной Азии и расширение их взаимодействия с новыми региональными и внерегиональными партнерами часто оценивается как ослабление позиций России и даже ее необратимое отступление. Однако вряд ли сложившуюся ситуацию можно рассматривать как «игру с нулевой суммой». Самостоятельность и многовекторность внешней политики постсоюзных центрально-азиатских государств является объективной потребностью их общественного развития, а неизбежно возникающие противоречия могут и будут решаться на основе суверенного равенства и взаимного уважения интересов всех сторон. Новые направления внешней политики Центральной Азии заставили по-новому подойти к проблемам, которые возникали на повестке дня уже в советский период:

«горизонтальные» экономические связи между бывшими союзными республиками, двусторонние отношения в условиях новой государственности, укрепление региональной безопасности. Но, как показала практика, без тесной взаимной координации внешнеполитической стратегии страны Центральной Азии не смогут обеспечить свою национальную безопасность и экономические интересы.

В истекшем десятилетии отношения между странами Центральной Азии развивались очень динамично. Они прошли ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга этапов сотрудничества, включающих установление двусторонних отношений как независимых государств в начале 90-х годов, попытки создания экономической интеграции на основе возрождения хозяйственных связей советского периода в середине десятилетия и установление системы координации борьбы с международным терроризмом в начале третьего тысячелетия. Эта эволюция определялась внутривнутриполитической обстановкой в каждой из стран, спецификой избранных ими моделей построения демократического общества, потребностями экономики, субъективными характеристиками отдельных лидеров, изменениями международной среды. Она отражалась в сложной динамике процессов интеграции и дезинтеграции в новой Центральной Азии.

Первой после распада СССР крупной межрегиональной политической группировкой в Центральной Азии стало СНГ, созданное 30.12.1991. Вторым, но уже субрегиональным блоком, возникшим на постсоюзном пространстве Центральной Азии, был Центрально-Азиатский союз, учрежденный в 1994 г. в составе Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана с целью координации внешнеполитической и экономической деятельности государств-членов, их финансового сотрудничества, решения миграционных проблем. К настоящему

времени между членами Центрально-Азиатского союза (ЦАС) заключен Договор о едином экономическом пространстве, к которому в 1998 г. присоединилась Республика Таджикистан. В 1995 г. участниками союза был создан комитет обороны трех государств, который осуществляет деятельность по разработке конкретных предложений о военном сотрудничестве. Важным этапом развития интеграционных процессов на основе ЦАС стало подписание в 1997 г. Договора о вечной дружбе между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан.

Однако, несмотря на широкие интеграционные возможности, которые открывала концепция и документы ЦАС, они не были реализованы. Так, если Казахстан и Кыргызстан проявляли заинтересованность в углублении интеграции по линии СНГ, Узбекистан придерживался дифференцированной политики в построении схем межгосударственного сотрудничества и отрицательно относился к многосторонним объединениям, наделенным политическими функциями. Все это отразилось на развитии многостороннего взаимодействия стран Центральной Азии во второй половине 90-х годов.

В марте 1996 г. между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Кыргызстаном в рамках СНГ подписано соглашение о более тесной экономической интеграции в рамках Таможенного союза. Но Узбекистан и Таджикистан не стали членами объединения. Наряду с этим усиливалось кризисное состояние СНГ в целом, в том числе и на центрально-азиатском направлении. Оно особенно остро проявилось на Кишиневском (октябрь 1997 г.) и Московском (апрель 1998 г.) саммитах, а также на январской 1998 г. встрече в Ашгабаде глав государств-членов Центрально-Азиатского союза.

Отражением кризисных тенденций, традиционно ориентированных интеграционных процессов как трансрегионального, так и внутрирегионального масштаба, явилось заключенное в 1999 г. четырехстороннее соглашение Узбекистана, Туркменистана, Грузии и Азербайджана (ГУУАМ), направленное на обеспечение транспортировки нефти и газа из прикаспийской зоны, минуя российскую территорию.

Таким образом, период 1998—1999 гг. оказался критическим с точки зрения перспектив комплексного многостороннего сотрудничества постсоюзных государств в Центрально-Азиатском регионе. Со всей очевидностью встала проблема конкретизации интеграционных проектов и придание им большей оперативной гибкости.

Представляется, что эти проблемы будут достаточно успешно решаться в рамках подписанного 10 октября 2000 г. в Астане Договора об образовании Евразийского экономического сообщества в составе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, которое предполагает совместное поэтапное движение государств-членов Таможенного союза в сторону единого экономического пространства.

Однако перспективы интеграционных процессов в Центральной Азии нельзя переоценивать. Сегодня достаточно интенсивные торговые связи заметны между Россией и Казахстаном, между Казахстаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Минимальным остается пока уровень «завязки» между наиболее промышленно развитыми странами региона — Казахстаном и Узбекистаном, не говоря уже о «горизонтальных связях» Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. Для всех государств важным партнером является Россия. Тем не менее все центральные страны имеют интенсивные торговые связи и за пределами СНГ. Поэтому интеграционные начинания в рамках центрально-азиатского сообщества еще малорезультативны. Пока вырабатываются только контуры будущих межгосударственных отношений при большом разбросе политических и экономических интересов государств.

Вместе с тем тенденция укрепления многосторонних отношений в регионе стала особенно заметной после июньского 2000 г. саммита глав государств СНГ в Москве, за которым последовало большое число двусторонних контактов на высшем уровне. На московском саммите были подписаны соглашения о зоне свободной торговли и о создании Антитеррористического центра СНГ.

На начальных этапах становления системы международных отношений в Центральной Азии предполагалось, что на внутрирегиональном уровне она будет складываться прежде всего для Казахстана в СНГ значение имеют поставки в Узбекистан (5,3%), а для Кыргызстана очень значим Узбекистан — 29,7% кыргызского экспорта в СНГ. для Таджикистана ведущий партнер — Узбекистан (64,4%). Аналогичная ситуация наблюдается и в импортных операциях. Таким образом, за рамками региона оказались

многие важные для центрально-азиатских стран партнеры по внешнеэкономической деятельности, даже среди других членов СНГ на основе интеграционных структур. Но на практике ее формирование во второй половине 90-х годов все больше определялось характером двусторонних отношений постсоюзных государств.

Пионером в этом выступил Узбекистан. Сохраняя, в целом, многосторонние внутрирегиональные связи, прежде всего экономические, эта страна постепенно стала переносить центр тяжести на двусторонние отношения. Одновременно, опираясь на свой демографический и экономический потенциал, Узбекистан попытался взять на себя роль регионального лидера. В первой половине 90-х годов республика поддерживала экономику своих соседей благодаря льготным ценам за поставляемый в Казахстан и Кыргызстан газ, а также реоформление государственного долга Таджикистана (200 млн долл.).

Однако в середине 90-х годов отношения между Узбекистаном, с одной стороны, Туркменистаном и Таджикистаном, с другой, значительно ухудшились. В известной степени трения были обусловлены нерешенными трансграничными проблемами, а также претензиями Узбекистана на право единолично формулировать общую позицию центрально-азиатских государств по проблемам противодействия исламскому экстремизму и таджикского урегулирования.

Более ровно развивались узбекско-кыргызские отношения. Но Бишкек занимает весьма твердую позицию по вопросу распределения водных ресурсов в приграничных с Узбекистаном районах. К тому же Кыргызстан, заявляя о приверженности политике государственного нейтралитета и диверсификации международного сотрудничества в регионе (создание безъядерной зоны, культурные инициативы), в большей степени, нежели Узбекистан, ориентировался на взаимодействие с глобальной международной средой. Формой адаптации к этой среде стало и подтверждение 12 декабря 1995 г. Генеральной Ассамблеей ООН статуса постоянного нейтралитета Туркменистана.

К началу 2001 г. ряд наиболее острых разногласий между Узбекистаном и его региональными соседями были сняты с повестки дня: подписаны Договор между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан, Меморандум о делимитации госграницы между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан, Договор о вечной дружбе между Кыргызстаном и Узбекистаном, а также Договор о делимитации границы между Узбекистаном и Туркменистаном (2001 г.).

Внутрирегиональные отношения в Центральной Азии в 90-е годы самым существенным образом определялись и политикой Казахстана, который выступал не только последовательным сторонником интеграционных процессов, но и активно развивал двусторонние отношения с Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Однако в отношениях между ним и Узбекистаном в этот период нарастали экономические противоречия. Во второй половине 90-х годов Казахстан инициировал строгий таможенный контроль на границе с Узбекистаном и не раз критиковал соседнюю страну за подходы к валютному регулированию в рамках ЦЭС. Кроме экономических противоречий в отношениях между Казахстаном и Узбекистаном существовали и другие сложности. Основные разногласия сводятся к проблемам делимитации границы, неудовлетворенности каждой из сторон положением своих этнических диаспор, различиям экономических стратегий. Все более важным становится и то, что обе страны конкурируют за привлечение зарубежных, в первую очередь западных, инвестиций. По ряду оценок, долг Узбекистана международным финансовым институтам сегодня составляет 8 млрд долл., внешний долг Казахстана достигает 6 млрд долл., что начинает сказываться на возможностях привлечения новых капиталовложений.

В этой связи перспективы дальнейшего развития двусторонних отношений между странами Центральной Азии, и прежде всего Казахстаном и Узбекистаном, во многом зависят от личной воли лидеров, от позиции их внешнеполитических партнеров, но и в значительной степени от стабильности в среде правящих кругов, от рационального сочетания корпоративных интересов в среде национальных элит.

Оценки развития многосторонних и двусторонних отношений стран Центрально-Азиатского региона были бы неполны без учета совместных усилий государств по созданию системы региональной стабильности и безопасности, укрепления возможностей отражения угрозы терроризма, прикрывающегося исламскими лозунгами. Эти усилия предпринимались в период урегулирования конфликта в Таджикистане, но особенно

интенсифицировались в 2000 году.

Вопрос безопасности остается крайне болезненным для стран региона, поскольку все они уязвимы по отношению к внешнему воздействию. Военное строительство в Центральной Азии началось в 1992 г., но поиск оптимальных форм сочетания национальной и коллективной безопасности продолжается.

В начале 90-х годов на Центрально-Азиатский регион распространились договоренности о единой системе ПВО и военно-техническом сотрудничестве в рамках СНГ. Но попытки создания постоянных коллективных миротворческих сил в регионе под эгидой СНГ оказались малорезультативными. В 1998 г. из состава коллективных миротворческих сил в Таджикистане были выведены узбекские и киргизские части. После истечения в апреле 1999 г. договора о коллективной безопасности СНГ (Ташкентский договор 1993 г.)

Узбекистан решил не продлевать свое участие в нем. То, что в этот же период начался вывод российских пограничников из Туркмении и Кыргызстан объективно создало новое измерение проблемы региональной безопасности.

С одной стороны, усилилось давление исламских экстремистов, направленное прежде всего на Узбекистан, что предполагало ответные силовые акции. Но одновременно стала очевидна необходимость пересмотра самого понятия безопасность, смещения приоритетов в сторону превентивной дипломатии, миротворчества, решения вопросов экономической и социальной стабильности, более динамичной адаптации к новым вызовам в лице международного терроризма.

Динамика реальных событий в краткосрочной перспективе заставила сделать акцент скорее на традиционных, нежели обновленных подходах к обеспечению региональной безопасности. Осенью 1999 г. крупное бандформирование исламских боевиков вторглось на территорию Республики Кыргызстан, пройдя из Афганистана по таджикской территории. Целью боевиков была Ферганская долина, причем угроза переноса афганской войны в Центральную Азию стала как никогда реальной. С этого момента начался активный поиск новых форм координации действий центрально-азиатских государств в области безопасности. Опыт совместной операции против боевиков, прорывавшихся в Ферганскую долину осенью 1999 г., показал не только необходимость коллективных действий, но и их эффективность. Проведенные дважды за полгода военные маневры «Южный шит Содружества» (октябрь 1999 г. в Кыргызстане и в апреле 2000 г. в Таджикистане и Узбекистане) подтвердили, что вооруженные силы России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана вполне в состоянии действовать совместно в случае обострения ситуации на южном фланге СНГ.

Важным этапом строительства системы региональной безопасности в Центральной Азии стал октябрьский 2000 г. саммит глав государств — участниц Договора о коллективной безопасности СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан) в Бишкеке. По результатам этого саммита было подписано соглашение «О статусе формирования сил и средств систем коллективной безопасности», предусматривающее возможности оказания странами взаимной военной помощи для совместного отражения внешней военной агрессии, проведения совместных антитеррористических операций, а также командно-штабных и войсковых учений. Фактически речь идет о создании коллективных вооруженных сил регионального базирования.

Необходимость Бишкекской встречи и принятия совместных документов была продиктована резким осложнением обстановки в регионе в связи с событиями в Афганистане, угрозой проникновения на территории государств СНГ Центрально-Азиатского региона бандформирований и террористических групп. Основным источником нестабильности в регионе, как было отмечено главами государств, стал непрекращающийся конфликт в Афганистане, который превратился в один из мировых центров международного терроризма и распространения наркотиков.

Участники саммита в Бишкеке сочли необходимым призвать мировое сообщество активизировать процесс урегулирования ситуации в Афганистане и тем самым содействовать укреплению стабильности и безопасности в Центральной Азии. Для этого было предложено провести специальное заседание Совета безопасности ООН с целью выработки конкретных мер по урегулированию афганской проблемы с участием всех сторон, вовлеченных в конфликт. Одновременно продолжается и поиск тактических региональных решений, в котором наиболее активно участвуют Туркменистан, Узбекистан и Казахстан.

Особенности политических процессов в юго-восточной зоне постсоветского пространства ставят перед Россией беспрецедентное число сложных военно-политических, экономических и гуманитарных проблем. Специфика ситуации заключается также и в том, что РФ приходится решать эти проблемы, действуя одновременно по всем азимутам двусторонних и многосторонних отношений. Не претендуя на роль, безусловно, доминирующей в регионе силы, Россия, тем не менее, стремится обеспечить свои внешнеполитические и экономические интересы, которые формировались в течение длительного исторического периода. Для России очень важно, чтобы прилегающий к ее национальной территории Центрально-Азиатский регион являлся зоной стабильности и динамичного развития, был открыт для взаимовыгодного международного сотрудничества с ее эффективным участием. Эти стратегические интересы проводятся в жизнь в разных формах и по различным направлениям.

В 90-е годы формирование региональной системы международных отношений в Центральной Азии было отмечено как не вполне отвечающими российским интересам тенденциями, так и факторами, позволяющими оценивать ситуацию достаточно оптимистично. В ходе конструктивного диалога преодолевались расхождения по проблемам правового статуса Каспия, межтаджикского урегулирования, многостороннего сотрудничества в области трубопроводной инфраструктуры и некоторым другим. Позитивным моментом взаимодействия России с ее центрально-азиатскими партнерами выступает большое число межгосударственных соглашений и договоренностей, которые постепенно воплощаются в жизнь. Конструктивную основу участия РФ в региональных процессах составляют такие документы, как российско-казахстанский Договор о дружбе и сотрудничестве (1992) и Декларация о расширении и углублении российско-казахстанского сотрудничества (1995), российско-узбекский Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве (1992), Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией (1993), Договор о союзничестве и партнерстве между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией (2000). Очень важно, что политическим фоном, на котором был подписан этот последний договор, стало принятие в Кыргызстане в августе 2000 г. закона о государственном статусе русского языка. В течение двух последних лет приобрели регулярный характер российско-казахстанские и российско-узбекские встречи на высшем уровне. Российско-киргизский и российско-таджикский политический диалог также носит постоянный характер. Основы для такого диалога на высшем уровне были реализованы и в отношениях между Россией и Туркменистаном.

Более противоречивую картину представляет собой участие России в региональной экономике. К концу 90-х годов Россия на 40—50% сократила объем внешней торговли со всеми центрально-азиатскими государствами. Но Россия продолжает оставаться приоритетным торгово-экономическим партнером для Казахстана и Кыргызстана, а прагматические основы ее участия в комплексных экономических процессах подтверждаются условиями договора о создании в 2000 году Евразийского экономического сообщества.

Наиболее важным положительным моментом, характеризующим участие России в системе международных отношений в Центрально-Азиатском регионе, является ее вклад в сдерживания внешних внерегиональных угроз. Россия взаимодействует с ООН, ОБСЕ, другими международными организациями и заинтересованными государствами для поддержки межтаджикского урегулирования 1997 г. Присутствие российской 201-й мотострелковой дивизии, которая составляет основу Коллективных миротворческих сил СНГ в этой стране и российское участие в коллективной системе противодействия международному терроризму играет важнейшую роль в обеспечении безопасности в региональном масштабе. Это наглядно подтвердили события конца 2000 г., когда отряды талибов вышли к границе Афганистана с центрально-азиатскими странами, начиная от Туркмении и заканчивая участком Пянджского пограничного отряда в Таджикистане. Начало XXI в. было ознаменовано появлением новых предпосылок для расширения российского партнерства со странами Центрально-Азиатского региона. Амбициозные планы начала 90-х годов уступают место системному подходу в развитии международного сотрудничества. Время и прагматизм политических лидеров объективно «работают» на укрепление российского влияния в Центрально-Азиатском регионе. Примечательно, что во время июньского саммита СНГ президент Узбекистан Ислам

Каримов подчеркнул, что «Россия была, есть и будет в Центральной Азии».

Литература Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия — контуры безопасности / Под ред. АД. Воскресенского и Н.П. Малетина. М., Внешняя политика Казахстана. Алматы- Москва, 1995. Каримов И. Узбекистан на пути углубления экономических реформ СПб., 1995. Касенов У. Безопасность Центральной Азии — национальные и глобальные проблемы. Алматы, 1998. Мансуров ТА. Казахстан и Россия. Суверенизация, интеграция, опыт стратегического партнерства. М., 1997. Растянников В.Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере аномалии XX века. М., 1996. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан (Ашхабад, 5—6 января 1998 года) 1/ Российская газета. 1998. 1701. Хрусталев МА. Гражданская война в Таджикистане — истоки и перспективы. М., 1997. Хрусталев МА. Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994.

РАЗДЕЛ III РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Глава 1..

Европа и Средиземноморье:
проблема единого пространства, безопасности
и межрегионального взаимодействия

Традиционно европейская безопасность многими воспринималась как феномен, ограниченный рамками континента или даже субрегиона Западной Европы. Исторически так сложилось, что европейские государства рассматривали друг друга как угрозу своей безопасности и угрозу безопасности своим колониальным империям. Таким образом, Американский континент, Азия и Африка представляли собой вторичные театры европейского конфликта. Время от времени, сталкиваясь с конфликтными ситуациями в своих владениях, в том числе, создаваемыми в результате национального сопротивления, колониальные державы убеждали себя, что эти ситуации представляют угрозу национальным интересам метрополии и вмешивались в них. Но как бы то ни было, сопротивление колониальному господству вряд ли представляло угрозу общеевропейскому миру и безопасности.

Во второй половине XX в. новые сверхдержавы — СССР и США — унаследовали основные принципы внешнеполитической стратегии старых европейских держав и

рассматривали Европу как главный театр конфронтации. Остальная часть мира по-прежнему воспринималась как сцена для региональных конфликтов, значимость которых определялась только тем, насколько они могли затронуть общий баланс по линии Восток— Запад и тем самым сказаться на приоритетном направлении — борьбе за контроль в Европе. Северная Америка и азиатская часть Советского Союза воспринимались как продолжение Европы, говоря натовским сленгом были вне «зоны ответственности».

Изыятие из глобальных международных отношений фактора конфронтации, скрывавшего самостоятельное функционирование региональных подсистем, привело к повышению роли регионального и субрегионального уровней мировой системы, стало катализатором двух параллельных процессов: с одной стороны, дальнейшей автономизации и роста значения внутрирегионального развития; а с другой стороны, переформирования, изменения идентичности ряда регионов. Последний, в своем завершённом виде, развивается как процесс формирования новых политических регионов, как процесс «регионостроительства». Именно с точки зрения мультирегиональной структуры современных международных отношений, с точки зрения межрегиональных связей, с точки зрения изменяющейся идентичности регионов современного мира рассмотрим феномен Средиземноморья.

Средиземноморье как международно-политический регион

Для осуществления подобного анализа необходимо дать определение понятию региона в международных отношениях,

Под регионом в международных отношениях (ИЛИ международно-политическим регионом) понимается совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, явлений, объединенных общей логикой. При этом логика явлений и координаты ее существования взаимообусловлены. В отличие от географического понятия регион в международных отношениях не является константой. Формально международно-политический регион может носить то же название, что и географический. но тем не менее состав территорий, формирующих его в определенные периоды (часто весьма протяженные) может не совпадать с регионом географическим.

На сегодняшний день международно-политический регион Средиземноморья включает афро-азиатскую часть Средиземноморья (в его географическом понимании). Это страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, в том числе государства Персидского залива, а также Турция. Страны Южной Европы и Балканского полуострова подчинены в настоящий период своего развития совершенно иной исторической логике, которая уже в течение длительного срока развивается автономно от логики существования афро-азиатского побережья. Далее мы остановимся подробнее на вопросе о том, насколько вероятно пересечение этих двух «логик», насколько вероятно формирование (или восстановление) Большого Средиземноморья или, другими словами, Евро-Средиземноморского суперрегиона. Сейчас же сосредоточимся на странах афро-азиатского побережья.

Геополитическое единство этих стран диктуется наличием единого транспортно-коммуникационного пути — Средиземного моря. Это первый фактор геополитического единства или первая составляющая территориальных координат региона. Второй фактор заключается в объективно четком очертании границ афро-азиатской зоны Средиземноморья. Регион населяют народы преимущественно мусульманского вероисповедания с преобладанием арабского или арабизированных этносов, их «ареал» жестко отграничен от других регионов. Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет — это мусульманский арабо-берберский пояс Африки, который по своей культуре и характеру развития отличается от своих африканских соседей, расположенных южнее. Страны Аравийского полуострова, — несомненно, интегральная часть арабо-мусульманского мира, и несмотря на возможность альтернативного выхода в Индийский океан, всегда были сконцентрированы на самодостаточном развитии и взаимодействии со странами Средиземноморья, но не со своими умозрительными соседями из Индии или с Восточного побережья Африки, которые чисто географически может быть и ближе.

Культурно-религиозная, социально-экономическая и политическая идентичность Ирана исторически двойственна. Она включает в себя черты как нижеперечисленных стран арабо-мусульманского мира, так и своих северо-восточных и восточных соседей, несомненно принадлежащих к иным регионам. Однако обладание такими энергоресурсами как нефть и газ, выход в Персидский залив, а также факт долгого «проживания» в Арабском халифате определяют гораздо более тесное взаимодействие Ирана со своими западными и южными соседями, т.е. со Средиземноморьем, нежели с родственными народами иранской группы из других регионов. Мусульманская радикализация 1970—1980-х годов и ее внешнеполитические проявления стали еще одним фактором, сделавшим Иран несомненным игроком ближневосточной подсистемы, при этом задающим многие параметры ее развития. Оспаривать геополитическую причастность Турции к Средиземноморскому региону вряд ли кому-либо придет в голову. Ее историческое доминирование на Средиземноморье составляет целую эпоху. Более того, Османская империя включала или подчиняла на правах вассалов целый ряд стран. С другой стороны, Турция была северной границей региона, своеобразным барьером между Средиземноморьем и своими северными соседями (прежде всего Россией и Австрийской империей), которых она всячески стремилась не допустить в зону своих прямых интересов, а зачастую - в зону своего неоспоримого доминирования,

Динамика развития средиземноморских государств, в особенности ее внешнеполитическая составляющая, носит наступательный характер, способный влиять на соседние регионы в плане корректировки идентичности составляющих их стран. Примерами могут служить Средняя Азия, Закавказье или Эритрея, где пограничное положение с рассматриваемым регионом влияет определенным образом на внутренние процессы.

Завершая обзор территориальных координат, следовало бы заметить, что из афро-азиатского побережья по своим параметрам сильно выбивается Израиль, однако его узловое значение в ближневосточных политико-идеологических отношениях, и географическое положение этого своеобразного этно-культурного и социально-политического «анклава» в арабском мире, делают Израиль интегральной частью мира Средиземноморья, в который это государство вернулось почти после двухтысячелетнего отсутствия.

Что же касается временных координат, то точка отсчета существования международно-политического региона Средиземноморье (в его современном состоянии) лежит в 1950-х годах. Далее временная ось проходит через 1990-е годы... Эти временные координаты взяты исходя из того, что послевоенный период создал новые реалии в Средиземноморье. Появились независимые государства в результате ухода метрополий из своих владений. Начался процесс включения этих государств в полноправные международные политические, экономические и правовые отношения. Этот процесс продолжает свое логическое развитие и сегодня — через диверсификацию и усложнение сценариев взаимодействия афро-азиатского побережья с окружающим миром, через повышение роли бывших колониальных и зависимых стран на международной арене. Упомянув о временных координатах Средиземноморья в его сегодняшнем понимании после 1990-х годов поставлено многоточие. Это многоточие неслучайно. В развитии региона Средиземноморья, как и в развитии любого феномена, присутствуют диалектически противоположные моменты. Часть из них направлена на сохранение существующего характера, часть — на изменение характера, а возможно, и самой сущности феномена. Понимание этого позволяет перейти к рассмотрению возможности существования Большого Средиземноморья, имеющего шанс сформироваться в процессе объективного взаимодействия европейского и афро-азиатского побережий. Сделать это позволяют динамика современного мира и опыт исторического развития.

Исторические предпосылки к существованию Большого Средиземноморья

Если вспомнить времена Эллинского могущества и Римской империи, то Средиземноморье предстает как общая колыбель цивилизации. История развела пути афро-азиатского и европейского побережий. После краха Римской империи Средиземноморье, в значительной степени, потеряло свой статус культурного, политического и экономического эпицентра единой цивилизации, цивилизации, которая

достигла определенной зрелости и могла существовать уже в качестве достаточно обособленных фрагментов, вставших на путь дальнейшей диверсификации, с многовариантностью религиозного и этно-культурного развития. Само Средиземное море превратилось в зону соперничества между арабскими, христианскими и турецким флотами, без явной гегемонии кого-либо из соперников. Так продолжалось вплоть до XVIII в., когда в Средиземноморье в качестве наиболее сильного игрока вышла Европа и стала теснить других участников геополитического расклада.

Страны Европы начали навязывать когда-то грозным державам Леванта и Оттоманской империи свои правила игры, в т.ч. устройство внутренней жизни, а страны афро-азиатского побережья постепенно превращались в колони и европейских держав. Средиземное море становится «европейским озером», вместе с этим постепенно падает его стратегическое значение. С XV в., с началом освоения Америки, мир становится «шире». То, что раньше казалось центром мира и центром геополитических устремлений многих держав, постепенно девальвируется и уходит в тень. Выстраивание атлантической системы, активизация международных отношений в Новых направлениях на определенный период поставили Средиземноморье в ряд «обжитых», прежде всего, в сознании внешнеполитических элит, регионов, где система связей и соотношения сил казалась установленной прочно и надолго.

Но во второй половине XIX в. в связи с вводом в строй Суэцкого канала роль Средиземноморья стала меняться, его значение возрастало благодаря возможности осуществлять транзит из Атлантики в Индийский океан. Новый морской путь приближал старые колониальные державы к их заморским владениям, разбросанным на землях, омываемых водами Тихого и Индийского океанов. Открывались дополнительные возможности для колонизации восточного побережья Африки и Аравийского полуострова. Великие державы — Великобритания, Франция, Италия, а позднее и Германия — начали новый этап борьбы за контроль над морем и продолжали эту борьбу до середины XX в. Успех сопутствовал британцам и французам. Лондон в результате смог поставить под свой контроль Гибралтар и Суэц — оба входа в Средиземное море. Франция, вытесненная Великобританией в конце XVIII в. из Средиземноморья, вернулась туда, успешно проведя колонизацию Алжира в 1830-е годы. России, несмотря на победу над Наполеоном и получение статуса системообразующей державы, не удалось реализовать свои амбиции на Средиземноморье. Более того, объединенными усилиями Франция и Великобритания разгромили Россию в Крымской войне, продлили жизнь дряхлой Османской империи и ее возможность хоть и на второстепенных ролях, но участвовать в Средиземноморском балансе. Германия, появившаяся в Средиземноморье в конце XIX в., продержалась там не очень долго и, потерпев поражение в Первой мировой войне, была вынуждена ретироваться. Хотя опыт, накопленный Германией за этот краткий период, позволил ей действовать в годы Второй мировой войны в этом регионе относительно профессионально. Кроме того, наработанные в Первую мировую войну и в межвоенный период связи с Турцией позднее оказались весьма полезными для Германии. Межвоенный период сделал тему Средиземноморья весьма актуальной, прежде всего, для треугольника взаимоотношений Великобритания Франция Италия. Последняя постоянно желала усиления своего веса в регионе, а первые две пытались отделаться мелкими уступками. Межвоенный период также стал предтечей независимости старых колониальных стран и появления новых, чему способствовала система мандатов Лиги Наций. Наиболее яркие процессы развивались в Палестине подмандатной территории Великобритании. Сионистское движение набирало силу, Палестина все больше и больше становилась центром притяжения евреев диаспоры. Становление государства Израиль было предreshено. Трагедия Второй мировой войны внесла неоспоримую лепту в этот процесс и ускорила его развитие.

Вторая мировая война привела на Средиземноморье совершенно новую силу — США. 9 ноября 1942 г. американские войска высадились на атлантическом побережье Марокко и через несколько дней вытеснили немцев и итальянцев из Северной Африки. Как показало последующее развитие событий США пришли в регион всерьез и надолго. Мало кто тогда мог предположить, что далекая заокеанская держава серьезно потеснит старые европейские метрополии и будет в значительной степени определять развитие региона в дальнейшем.

Однако европейские метрополии не собирались сдавать регион своему союзнику времен

войны. Оправившись от последствий мировой трагедии, Европа перешла к созданию новой организации взаимодействия между странами континента. С подписанием в 1951 г. Договора о создании Европейского объединения угля и стали, а в 1957 г. Римских договоров возникает интеграционное объединение шести стран Западной Европы. Помимо решения внутриевропейских проблем эти договоры регламентировали отношения с бывшими колониями стран-участниц. Большинство колоний и зависимых территорий были расположены в Средиземноморье.

Наступает новый этап в развитии Средиземноморского региона. Он характеризуется наличием новых участников отношений, новых факторов, связанных с процессами внутреннего развития государств как афро-азиатского, так и европейского побережий. Наряду с США в Средиземноморье появляется и Советский Союз. Нельзя сказать, что страна социализма не обращала свои взоры на этот регион и ранее. Но однако сфера приложения реальных усилий ограничивалась поддержкой кемалийской революции в Турции и попытками влияния на Иран, которые достаточно успешно были нейтрализованы Великобританией. Кроме того, можно вспомнить о том, что СССР с определенным вниманием и участием относился к борьбе еврейских поселенцев с британской администрацией подмандатных территорий в Палестине. После Второй мировой войны, будучи вовлечен своими интересами в проблемы, связанные с Ираном, Турцией и Израилем, СССР активно действует в Средиземноморье. В дальнейшем советское внимание привлекают бывшие колониальные и зависимые страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, отношения с которыми и к которым в значительной степени определялись логикой глобального противостояния с США. Однако идеологическая основа этих отношений и отсутствие, на тот момент вполне объективное, точек экономического взаимодействия, за исключением военно-технического сотрудничества, привели к тому что с разрушением носителя идеологии — СССР, его приемник Россия оказалась перед весьма плачевной реальностью.

Этот краткий экскурс показал, что европейское присутствие в Средиземноморье, это не только выполнение формальной географической функции другого берега. Это полноправное участие, которое в годы колониального господства, было фактически комплексом внутриимперских политических, экономических, социальных и административных связей. Уровень единства колониального периода был настолько высок, что он значительно превосходит нынешние даже самые продвинутые сценарии интеграции. Естественно, колониальное единство нельзя воспринимать как модель взаимодействия современного этапа. Однако с формальной точки зрения можно говорить о существовании единого Евро-Средиземноморского региона в период XIX — первой половины XX в. Если вспомнить античность, то можно говорить о двух исторических прецедентах существования единого, Большого Средиземноморья.

Современные факторы формирования Большого Средиземноморья

Есть ли шансы повторения подобного прецедента в наши дни? По видимому, да. Этому способствует объективный характер развития средств коммуникации, процессов экономической, политической, социальной, наконец, экологической взаимозависимости мира. Если взглянуть на явления, происходящие на обоих побережьях Средиземного моря, то обнаружится взаимообусловленность процессов и тенденций независимо от побережья происхождения. Явления эти можно объединить в несколько крупных групп факторов, определяющих развитие Средиземноморья в целом. Демографический фактор и фактор миграции заключается в неравномерности естественного прироста населения в северном и южном Средиземноморье и, соответственно, — увеличении притока мигрантов в Западную Европу. Пока европейское население составляет 51% общей численности населения Большого Средиземноморья, но при этом нулевому приросту в Италии и Франции противостоит прирост населения более, чем на 4% в год в Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Турции. Средний возраст населения в этих странах составляет 16 лет. Недостаток образования (неграмотными являются более 50% населения Турции, Египта, Туниса, Марокко), нерешенность социально-экономических проблем (безработица на южных берегах Средиземноморья достигает 25—40%), традиционно высокий уровень подвижности населения приводит к тому, что в Европу устремляются потоки

малоквалифицированной, низкокультурной, зачастую, криминализированной рабочей силы, что создает социальное напряжение в странах Западной Европы. Сейчас в странах ЕС проживает более 5 млн иммигрантов афро-арабского происхождения. Первенство держат выходцы из стран Магриба, чьи самые большие колонии находятся во Франции (1,5 млн), Германии (800 тыс.), Бельгии (150 тыс.), Нидерландах (130 тыс.). По 200 тыс. марокканцев обосновались в Испании и Италии. Даже, казалось бы, благополучная, по российским меркам, страна — Турция, дает огромный приток мигрантов (только в Германии турецкая колония составляет 1,5 млн человек). В демографическом плане переселенцы становятся весьма значительным фактором. например, во Франции в 1999 г. прирост населения составил 240 тыс. человек, из которых 40 тыс. за счет постоянно проживающих мигрантов. Недовольство общественности потоками мигрантов ведет к опасной тенденции в политической жизни западноевропейских стран: к активизации и выходу на широкую арену националистических, крайне правых сил, являющихся носителями агрессивной, зачастую явно фашистской идеологии. Наличие армии «собственных» безработных численностью в 18 млн человек весьма способствует этому. Тема миграции настолько серьезна, что прошедшая в Берлине в феврале 1999 г. встреча министров внутренних дел и юстиции стран ЕС была посвящена исключительно проблеме иммигрантов. Каких-либо кардинальных решений принято не было. Их просто нет. За исключением одного — приостановить поток мигрантов в самом его начале, сделать условия жизни людей приемлемыми на их родине. Однако это вряд ли получится в ближайшие годы. Относительное сокращение миграции рабочей силы в рамках Ближнего Востока, связанное с совершенствованием технологии добычи и переработки нефти, также вносит свою лепту в миграционный поток, направленный в Европу. Еще один фактор нестабильности в регионе - рост активности исламского фундаментализма или политического исламизма на афро-азиатском побережье. В условиях ухудшения экономической ситуации и отсутствии в большинстве мусульманских стран «демократической альтернативы» исламский фундаментализм приобрел черты массовой идеологии социального протеста. На этом фоне происходит укрепление позиций экстремистских организаций, избравших оружием своей борьбы терроризм, целями которого очень часто становятся страны Европы, в том числе и, Россия. Установление исламской формы государственности в той или иной мусульманской стране, естественно, приведет к изменению всей схемы взаимодействия «фундаментализированных» государств со своими соседями, в том числе, с европейским побережьем. Наглядным примером этому был Иран в 1980-е годы. Фактор ближневосточного кризиса. Сохраняющаяся неурегулированность ряда ключевых аспектов арабо-израильского конфликта будет оказывать дестабилизирующее воздействие на ситуацию в восточном Средиземноморье. Это, в свою очередь, будет постоянно подпитывать радикальные настроения, напряженность в отношениях между странами, осложнять взаимодействие стран афро-азиатского и европейского побережий. Ближневосточный конфликт объективно оттягивает на себя значительную часть политических и экономических ресурсов, а главное «ресурса внимания». Страны ЕС, попытавшиеся (и пытающиеся) через Барселонский процесс выйти на широкую схему позитивного межрегионального взаимодействия, сталкиваются именно с проблемой концентрации «ресурса внимания» на ближневосточном конфликте, что естественно тормозит развитие евро-средиземноморского партнерства. Говоря о ближневосточном урегулировании, хотелось бы отметить некоторые аспекты, касающиеся России. Роль коопонсора в том понимании и при реализации того сценария, который виделся на излете 1980-х годов, абсолютно исчерпана и не подлежит реанимации. России следовало бы отойти от позиции жесткой самоассоциации с арабскими странами, тем более, что подобная позиция под собой имела сугубо идеологическую. Многие нефтедобывающие страны, в частности государства Персидского залива, после нефтяного бума 1973 г. и бурного развития нефтяной промышленности традиционно привлекали значительное число рабочих из других арабских стран региона. Например, только Египет поставлял до 3 млн своих граждан. В 1970 — 1980-е годы доход Египта от переводов работающих за границей достигал до 7 млрд дол. Сейчас число египтян, работающих в ближнем арабском зарубежье, составляет 1,5 млн человек. подоплеку времен «холодной войны». У России сейчас реально отсутствуют элементы

«эксклюзивного» воздействия на арабскую сторону. Объективное влияние на арабов имеется, прежде всего, у США как потребителя нефти, Российско-арабские интересы в стратегическом плане — это интересы крупнейших конкурентов на мировом рынке энергоносителей. Процесс ближневосточного урегулирования стал, да уже и был ко времени Мадридской конференции, гораздо сложнее, чем противостояние Израиля и арабов со <спонсором> за каждой из сторон. России пора играть и на поле другого участника — Израиля. С ростом численности в Израиле выходцев из бывшего СССР, которые ныне составляют 1/6 часть электората, а также с увеличением экономических контактов Израиль становится полноценным каналом для продвижения определенных российских интересов на Ближнем Востоке. Русская община поднимается на высшие этажи израильской властной пирамиды и не учитывать, и не использовать подобный фактор в укреплении российского присутствия в экономике и политике ближневосточного региона было бы весьма неразумным.

Фактор оружия массового поражения, угроза его распространения, — будет во многом определять развитие ситуации в Средиземноморье. Уже сейчас некоторые из стран афро-азиатского побережья либо располагают собственными ядерными возможностями (Израиль), либо обладают определенным потенциалом для ведения ядерных исследований (Иран, до недавнего времени — Ирак), либо ведут работы по его созданию (Египет, Сирия).

Страны ЕС обеспокоены реальной, на их взгляд, возможностью того, что в случае прихода в ряде стран к власти исламские фундаменталисты будут иметь средства доставки оружия массового поражения (ОМП), способные достичь европейской территории.

В отношении ОМП, следует отметить, что страны, стремящиеся к его получению, игнорируют то, что оно не укрепит национальную безопасность, а наоборот усилит процесс втягивания в еще более активную гонку вооружений. ОМП создает предпосылки для развития концепций превентивного удара (прежде всего по ядерным объектам) даже в случае незначительного военного конфликта. Концепция сдерживания через наращивание вооружений представляет собой перенос с глобального уровня на региональный устаревшей и показавшей свою высокочувствительность парадигмы функционирования международной системы. Регион в таком случае начинает рассматриваться странами, составляющими его, с позиций союзников и противников, с позиций превосходства или равенства в вооружениях. В условиях высокой напряженности в региональной подсистеме Средиземноморья, технологический прорыв одной из сторон вызывает стремление других сторон искать адекватный ответ, не считаясь ни с материальными, ни с политико-стратегическими последствиями подобного шага. Несмотря на то, что концепция сдерживания выглядит оборонительной, по существу, она является наступательной с точки зрения постоянного увеличения арсеналов и, как следствие, потенциала нестабильности в регионе.

Фактор общей милитаризации региона. За период с 1980 г. численный состав армий государств Ближнего Востока (без Израиля) увеличился на 95%, стран Магриба (включая Ливию) на 60, в то время как в странах Евросоюза численность ВС сократилась на 6%. В абсолютных цифрах численность вооруженных сил стран ЕС составила 2,37 млн человек, тогда как армии Ближнего Востока и Магриба насчитывали 2,69 и 0,45 млн человек, соответственно. Однако стоит учитывать, что качественные характеристики европейских армий выше, и, по-видимому, останутся таковыми в обозримой перспективе.

Тем не менее, с подписанием в 1990 г. Договора о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Европе есть опасность переноса военного баланса в пользу афро-азиатского Средиземноморья. Реальность этой перспективы объясняется тем, что афро-азиатское побережье остается одним из крупнейших в мире импортеров оружия. На него приходится две третьих от общего объема поставок в Третий мир, что составляет 38% мировых затрат на импорт вооружения. Для региона, который, в принципе, не отличается высоким уровнем жизни своих граждан, подобная цифра представляется чудовищной. Фактор экономической несбалансированности развития европейского (речь идет о странах ЕС) и афро-азиатского побережий. Страны северного побережья в 4 раза превосходят страны юга по выпуску промышленной продукции, они давно достигли самообеспечения сельскохозяйственной продукцией, в то время, как их южные соседи в попытках осуществления сельскохозяйственных реформ и модернизации в национальном

масштабе постоянно «сталкиваются с недостатком оборудования и демографическими проблемами, что тормозит повышение производительности и вызывает хронический дефицит продовольствия». Торговые отношения между Западной Европой и странами юга Средиземноморья также носят несбалансированный характер. На Евросоюз приходится до 49% товарооборота южно-средиземноморских стран, тогда как в общем объеме торговли ЕС их доля не превышает 4%. Те же показатели для стран Персидского залива составляют 30% и 2% соответственно. Сложившаяся диспропорция оказывает крайне негативное воздействие на торговые балансы стран афро-азиатского побережья, способствуя росту их внешнего долга. Подобная несбалансированность развивается на весьма пессимистичном фоне. Афро-азиатское Средиземноморье, занимавшее в период с 1960 г. по 1985 г. второе место по росту доходов, в прошлом десятилетии перешло на последнее место. Весьма характерен показатель поляризации объемов ВВП на душу населения в регионе — 25:1, что говорит о высокой степени социально-экономической раздробленности обществ афро-азиатского побережья и подпитывает демографическую проблему и проблему миграции.

Средиземноморье в последнее время помимо указанных характерных для него тенденций приобретает новые, — которые пока еще недостаточно четко различимы. Сейчас быстрыми темпами развивается процесс восстановления геополитического единства регионов Средиземноморья, Закавказья и Средней Азии.

С распадом конфронтационной модели международных отношений пропали барьеры, разделявшие южные советские республики и страны Средиземноморского бассейна. Турция и Иран стали равноправными игроками Среднеазиатского и Закавказского раскладов. Наиболее ярко это демонстрирует ситуация, складывающаяся вокруг каспийских энергоресурсов. Сеть трубопроводов, которая покрывает пространство от южных границ России до портов на Средиземном море и в Персидском заливе, от Казахстана до Новороссийска создаст еще большую плотность взаимодействия. В эту сеть будут вплетены весьма противоречивые интересы третьих стран — Западной Европы и США. Естественно, восстановление геополитического единства не ограничивается только взаимодействием в сфере энергоресурсов. Сегодня можно говорить о весьма сильном, а иногда и о доминирующем политико-идеологическом влиянии государств Средиземноморья на республики Средней Азии и Закавказья, более того, на российский Северный Кавказ и даже на Украину (через крымско-татарскую диаспору). Таким образом, Средиземноморье становится «ближе» к России, начинает играть совершенно новую роль в евразийском пространстве. И возможно в скором времени нам придется говорить не только о евро-средиземноморском пространстве, но о пространстве евразийско-средиземноморском.

Еще один аспект, который вполне может привести значительные изменения в Средиземноморский регион — это курдская проблема. Эта проблема достаточно динамично движется к своей кульминации*. И здесь дело не только в событиях, связанных

* Публичное Развертывание этой проблемы было прервано югославским кризисом. Однако по его окончании этот феномен несомненно приобретет новые грани. В частности, гораздо более жестко, может быть поставлен вопрос о репрессиях, проводимых Авкарой против курдского населения. Применить двойной стандарт после разрекламированной «решительности» Запада в отношении Югославии будет весьма проблематично.

с арестом руководителя КРП А. Оджалана. Американская политика «отсечения» северной территории от Ирака, фактически создает прецедент некоего полусамостоятельного существования курдской общины в этой зоне. Курдская «карта» вводится в игру и в связи с проектом трубопровода Баку—Джейхан, который должен пройти через территорию Турции, подконтрольную курдам. И, конечно же, дело Оджалана, которое все-таки не завершено, привлечет внимание к курдской проблеме. Это тем более возможно, что будирование этого вопроса позволит многим достичь своих целей. Так, для США курдская проблема может превратиться в инструмент ослабления, как Ирака, так и Ирана, часть территории которого также включает в себя вожделенный Курдистан. Конечно же, курдская проблема разыгрывалась великими державами на протяжении всего XX в. с той или иной степенью заинтересованности. Однако сегодня, когда значительное влияние

имеет общественное мнение, а на него могут оказывать чрезвычайно сильное влияние действия курдской общины в Европе, проблема имеет шанс выйти из своего конвенционального поля.

Еще один фактор, который может изменить международнополитическую ситуацию как в самом Средиземноморье, так и повлиять на действия глобальных «игроков», фактор обновляющегося Ирана. Иран — государство, которое по своим геополитическим параметрам и этно-конфессиональным характеристикам, подкрепленным экономическими интересами, склонно оперировать сразу в трех регионах — в Средиземноморье, в Средней Азии и Закавказье. Иран — страна-«шарнир», связывающая воедино три разные геополитические плоскости.

Чрезвычайно остро стоит сейчас вопрос о том, как будет работать этот «шарнир»? Не будет ли он выбит из складывающейся конструкции процессами внутреннего развития? Сегодня Иран, вставший на весьма опасный путь осторожного самореформирования, в отличие от других государств, которые за каждый шаг в сторону демократии получают дивиденды от международных спонсоров этого общественного строя, оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Он лишается поддержки в тот момент, когда таковая ему чрезвычайно нужна. Ситуация надвигающейся экономической катастрофы совпала по времени с приходом к власти умеренного президента М. Хатами, начавшего реальный переход от всевластия аятолл к режиму, более приемлемому в современном политическом сообществе. Реформы, начатые Хатами, заставили его противников действовать решительно. Речь идет о широкомасштабном наступлении, которое ведут религиозные лидеры Ирана ради сохранения собственного безусловного господства. Проявлениями этого наступления становятся убийства интеллектуалов и реформатов. Соединенные Штаты, присвоившие себе роль международного арбитра (ИЛИ жандарма), действуют неадекватно сложившейся ситуации, здравому смыслу. После некоторых раздумий и даже робких попыток смягчить свое отношение к Ирану, Белый дом Продолжает линию жесткого давления на Тегеран и Игнорирования Импульсов внутренних Изменений, В Вашингтоне фактически исходят из позиции, что Истощенный экономическими санкциям Иран «приползет» к США. Там полагают, что подобная ситуация гораздо выгоднее поиска компромиссов, взаимных интересов и налаживания отношения. Но произойдет ли это и что реально может произойти с Ираном через некоторое время? Кто одержит победу: Хатами или реакционеры, которые намерены продолжить свои экстремистские действия, направленные на дестабилизацию всего суперрегиона от Ливана до Средней Азии? США своей политикой фактически отказываются создать государство, в котором все, в том числе и духовенство, будут равны перед законом. Конечно, Продвижение либеральных изменений в Иране может продолжиться и при сохранении нынешней позиции США. Однако трудно гарантировать, что в складывающейся ситуации продвижение либерализма пойдет мирным путем. Все более широкие массы Поддерживают намерения Хатами. Это подтвердили Прошедшие муниципальные (впервые с 1978 г.) и парламентские выборы. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что офицерство традиционно негативно относится к духовенству и их вооруженной структуре — Корпусу Стражей Исламской Революции, и в среде военных профессионалов Хатами, вероятно, найдет поддержку в решающий момент. Эти факторы в сочетании с готовностью реакционеров применять силу вполне могут вылиться в гражданские конфликты. действительно, на определенном этапе по мере продвижения реформ с обострением угрозы всевластию аятолл усиливается борьба за власть в Иране. Поводами для столкновений могут стать в том числе президентские выборы.

Отношение к Ирану могло бы быть проблемой исключительно самих США, но в Вашингтоне считают необходимым ставить барьеры на пути взаимодействия третьих стран с Ираном. Однако взаимодействие других стран с Ираном имеет тенденцию к нарастанию. Первого марта 1999 г. корпорации Elf Aquitaine (Франция) и Agip (Италия) подписали с Иранской национальной нефтяной компанией контракт на 540 млн долл. по освоению нефтегазового месторождения Доруд на юге Ирана.

Это не первая сделка, заключенная вопреки политике США. Стоит также вспомнить контракт 1997 г. французской нефтяной компании «Тоталь», малазийской «Петронас» и российской «Газпром» по освоению иранского газового месторождения Южный Парс. Тогда США столь негативно отреагировали на сделку, что странам ЕС пришлось в мае 1998 г. достичь с США определенных договоренностей по вопросу экономического

сотрудничества с Ираном, Кубой и Ливией. Суть их состоит в том, что, несмотря на наличие экстерриториального закона Д'Амато, США не будут преследовать европейские компании, сотрудничающие с Ираном. В свою очередь, страны ЕС должны поддерживать проводимую американцами политику давления на указанные государства. Однако мартовский 1999 г. визит Мохаммада Хатами в Италию, как представляется, сломал эти договоренности. Основанное на нефтяных интересах сближение Европы и Ирана объективно имеет перспективу для расширения. Себестоимость добычи нефти на некоторых месторождениях Ирана составляет менее одного доллара за баррель. Тегеран в нынешней экономической ситуации готов пойти на предоставление чрезвычайных льгот иностранным инвесторам. Сейчас, на рассмотрение европейских компаний предложены 43 нефтяных проекта, стоимостью до 8 млрд долл. Недавним решением парламента Ирана планка иностранного участия в нефтеперерабатывающем комплексе была поднята до 49%. При этом условия ныне предлагаемых контрактов чрезвычайно выгодны европейцам — они предполагают фиксированную (в денежном выражении) долю иностранных инвесторов. Такие меры по привлечению иностранного капитала, предпринимаемые Тегераном, вполне объяснимы — 80% экспортной выручки Ирана приходится на нефть.

Стремление к ослаблению энергетической зависимости от дружественных США стран Персидского залива толкает Европейский союз на более тесное взаимодействие с Ираном. Приход на должность председателя Еврокомиссии Р. Проди ускорил политику взаимного притяжения. Ведь именно Р. Проди, в бытность премьер-министром Италии, первым из западных лидеров такого ранга посетил Иран. Учитывая маятникообразный и компенсационный характер взаимоотношений Европы и США, когда после периода жесткой «атлантической солидарности», которую ярко продемонстрировала агрессия НАТО против Югославии, следует период проявления европейской самостоятельности, можно предсказать дальнейшую активизацию отношений ЕС с Ираном.

Модели поддержания региональной стабильности

Итак, мы видим, что проблемы, зарождающиеся на юге Средиземноморья, имеют тенденцию к «миграции» на европейское побережье, распространения на весь суперрегион Большого Средиземноморья. Взаимообусловленность проблем является императивом их совместного решения, оба побережья обречены на соразвитие и, как следствие, на поиск моделей поддержания обще-региональной стабильности, хотя бы на минимально необходимом уровне. Какие же модели поддержания стабильности, сценарии выстраивания устойчивой региональной структуры существуют вообще и какие из них применимы для региона Большого Средиземноморья?

Первая (в хронологическом порядке) модель поддержания региональной стабильности это система «концерта». Возникновение в 1815 г. «европейского концерта» (официально именовавшегося «Священным союзом»), неинституционализированного консультативного органа, явилось осознанием того, что классическое политическое 1aie-iaige системы баланса сил не может быть гарантом безопасности и стабильности без должного уровня координации действий государств региона, по крайней мере, великих держав. Характерными чертами «концерта» являются: маргинальное значение союза в сознании политиков при планировании конкретных акций; господство Realpolitik недоучет (неучет) интересов слабых государств системы; отсутствие органов наднациональной координации; отсутствие делегирования суверенитета.

Возможна ли система «концерта» в современном Большом Средиземноморье? По-видимому, нет. Во-первых, очевидно, что подобная схема морально устарела. Во-вторых, отсутствуют реальные политические условия для реализации этого сценария региональной стабильности. В Средиземноморье, на данный момент и в обозримой перспективе, отсутствуют региональные «великие державы», что Предопределяет невозможность «позитивного сговора» сильных, как это произошло в Европе начала XIX в., и где подобная ситуация генерировалась и далее. Ни одна из стран — ни афро-азиатского, ни европейского побережий не может претендовать на статус доминирования со значительным отрывом по ресурсным показателям*. Несмотря на всю диверсифицированность стран, судя по совокупности ресурсных факторов, можно говорить об определенной гомогенности как европейского, так и афро-азиатского

побережий. (Гомогенности, конечно же, в рамках этих побережий, но не общесредиземноморской). Глобальный статус Сверхдержавы США также автоматически не проецируются на Средиземноморье. Этому мешает как целый ряд объективных причин, так и принцип мировой системы, где доминирование на глобальном уровне вовсе не означает первостепенной роли в региональных подсистемах, когда множество внутренних факторов снижают воздействие внешнего. Гипотетически, о некоем «концерте», можно было бы говорить в случае сохранения реального

* Именно так понимается автором статус великой державы.

русского присутствия в Средиземноморье и возможности некоего формализованного взаимодействия США, России и Евросоюза. Однако это предположение из области фантастики.

Следующей моделью обеспечения региональной стабильности является система коллективной обороны, система, объединяющая государства региона и направленная против внешнего врага (вне данного политического региона). Исторически система коллективной обороны сформировалась после Второй мировой войны как результат противостояния СССР и США, НАТО и ОВД. Ее основными элементами были: наличие врага или, по крайней мере, четкое представление о том, кто есть враг; предотвращение возможной агрессии путем военного сдерживания. Важным аспектом являлись концепции военной реакции на ту или иную ситуацию. Само существование мощной обороны служило фактором постоянного сдерживания устремлений противника. Выборочное наращивание сил помогало осуществлять шантаж противника.

Против реализации подобной модели в Средиземноморье можно выдвинуть целый ряд возражений. Во-первых, эта система, и даже отдельные ее элементы, чрезвычайно громоздки для регионального уровня. Второе, и главное, схема коллективной обороны презюмирует наличие внешнего врага. Возможно ли найти подобного врага, который был бы общим для всего Средиземноморья, для его обоих побережий? По-видимому, нет. Можно говорить об общих вызовах безопасности, которые существуют в регионе: милитаризация, попытки некоторых государств обрести ОМУ, миграция, порождающие ее, т.н. «push factors»*, прежде всего, экономического характера. Но как мы видим, все эти проблемы рождаются внутри самого региона и носят не чисто военный характер, зачастую просто невоенный. Система коллективной обороны направлена вовне и не предназначена для решения внутрирегиональных проблем, которые не относятся к оборонной сфере. Таким образом, можно заключить, что система коллективной обороны просто не адекватна нынешним объективным запросам Средиземноморья, не адекватна существующим вызовам. Однако, как ни странно, осуществляются попытки создать подобную систему в Средиземноморье, осуществляются блоком НАТО и ложатся в общую логику расширения зоны влияния этой классической организации коллективной обороны и желания формализовано закрепить подобное влияние. НАТО всегда присутствовало в регионе Средиземноморья. Но, если это присутствие в годы «холодной войны» выглядело вполне логичным, а его рудименты в виде сохранившегося военно-морского присутствия и военных баз почти по всему периметру также вполне понятны, то весьма сомнительными, с точки зрения изменившегося международного климата, выглядят попытки НАТО закрепиться на афро-азиатском побережье Средиземного моря. Попытки эти в качестве начала определенной долгосрочной политики стали проявляться с 1994 г. Тогда Североатлантический альянс заявил о готовности «к установлению на разовой основе контактов между Североатлантическим альянсом и не входящими в него странами Средиземноморья с целью содействия укреплению региональной стабильности». Каковы возможности, средства и последствия этого «содействия» можно предположить с достаточной долей вероятности и подобные предположения вряд ли будут радужными. К развитию отношений с НАТО в 1995 г. были приглашены Египет, Израиль, Мавритания, Марокко, Тунис, несколько позже Иордания. Мадридский (июль 1997 г.) саммит НАТО дал дальнейший импульс расширению активности блока в регионе. Была создана Группа Средиземноморского сотрудничества, расширена возможность

войны» выглядело вполне логичным, а его рудименты в виде сохранившегося военно-морского присутствия и военных баз почти по всему периметру также вполне понятны, то весьма сомнительными, с точки зрения изменившегося международного климата, выглядят попытки НАТО закрепиться на афро-азиатском побережье Средиземного моря. Попытки эти в качестве начала определенной долгосрочной политики стали проявляться с 1994 г. Тогда Североатлантический альянс заявил о готовности «к установлению на разовой основе контактов между Североатлантическим альянсом и не входящими в него странами Средиземноморья с целью содействия укреплению региональной стабильности». Каковы возможности, средства и последствия этого «содействия» можно предположить с достаточной долей вероятности и подобные предположения вряд ли будут радужными. К развитию отношений с НАТО в 1995 г. были приглашены Египет, Израиль, Мавритания, Марокко, Тунис, несколько позже Иордания. Мадридский (июль 1997 г.) саммит НАТО дал дальнейший импульс расширению активности блока в регионе. Была создана Группа Средиземноморского сотрудничества, расширена возможность

дальнейшего вовлечения государств региона в орбиту блока. Подобные действия НАТО можно было бы толковать только как неадекватные и затратные внешнеполитические акции военной организации, не страдающей от недостатка ресурсов. Но программа «Партнерство ради мира» начиналась также с весьма «невинных» контактов, однако это вылилось в расширение НАТО на восток Европы. Уместна также еще одна аналогия: Североатлантический альянс и Европейский союз начинали свою восточную политику одновременно, но доминирующим фактором политической жизни Евразии стало расширение именно военного блока. Сегодня в Средиземноморье также одновременно начинают действовать эти две структуры. Тезис (его часто используют натовцы) о том, что эти две организации почти идентичны по своему составу и могут работать рука об руку, не вполне правомерен. Логика деятельности этих двух организаций абсолютно различна, в том числе, в отношении Средиземноморья. В случае дальнейшего развития инициативы НАТО перед государствами региона возникнет дилемма о том, что делать: пройти сложный и весьма долгий путь по экономической интеграции со странами Евросоюза или вступить в военный блок, что гораздо проще. Проще это и для тех деятелей в странах Европы, кто не понимает императива соразвития, который становится единственно возможным путем поддержания стабильности в евро-средиземноморском пространстве. К сожалению, тенденция на активизацию деятельности НАТО в регионе имеет определенную базу для дальнейшего развития. Принятие новой стратегии НАТО, состоявшееся на Вашингтонском саммите, официально закрепляет право Альянса на так называемые «out-of-area operations». Подобные «действия вне зоны ответственности» блок намерен проводить без санкции ООН или ОБСЕ. Это новшество означает изменение самого характера НАТО, и вовсе не в сторону дальнейшей демилитаризации. Подобная концепция имеет все шансы быть примененной и в зоне средиземноморья, тем более, что опыт оперирования блок наработал во время войны в Заливе, связанной с постоянной мобилизацией сил при обострении американо-иракских отношений, а также продолжает совершенствоваться его на Балканах.

Опасения по поводу возрастания роли НАТО в регионе имеют шанс остаться только опасениями лишь в том случае, если страны Евросоюза в расширении зоны НАТО на юг увидят расширение влияния США, и у государств Европы возникнет реальное желание проявить не трансатлантическую, а собственно европейскую идентичность. Возможность этого достаточно велика. Процесс евросредиземноморского сотрудничества в значительной степени был запущен странами Южной Европы, которые, прежде всего Франция, имеют достаточно критическое отношение к США. При этом Италия, Португалия и Испания в Средиземноморском процессе видят возможность увеличения своего внешнеполитического влияния и через это усиление своего веса в Евросоюзе. другое государство Южной Европы — Греция, в расширении НАТО, возможно, увидит увеличение влияния Турции, которая гораздо более тесно интегрирована в Североатлантические структуры и имеет реальный шанс усилиться в процессе южного расширения НАТО. Тем более, что в нынешней ситуации вокруг Югославии Турция уже максимально использует шанс для дальнейшей внешнеполитической экспансии. Свою роль в недопущении роста активности НАТО в регионе может сыграть и то, что подобные действия обостряют ситуацию вокруг Ирака, Ирана, Ливии, Израиля, что усилит нестабильность в регионе в целом и негативное отношение ряда государств к Западу, в т.ч. к Европе.

Третьей моделью региональной стабильности является система коллективной безопасности. Она направлена, прежде всего, внутрь себя, на решение проблем региона, союза. Ее основными принципами являются отказ от применения силы для решения споров между участниками системы; коллективная реакция в случае агрессии одного из участников против другого; мирное урегулирование споров на основе международного права. Именно эта идея лежала в основе Лиги Наций и нынешней ООН. Недостаток инструментария, а главное, воли мирового сообщества, сказывается на том, что эта система на глобальном уровне остается достаточно рыхлой. Но это на глобальном уровне, на региональном же — попытки построения подобной системы предпринимались в 1930-е годы, но они были запоздалыми, т.к. один и очень сильный участник системы — фашистская Германия — прилагал все усилия к тому, чтобы сломать расстановку сил и методы регуляции в регионе, навязать свое господство странам Европы. Сегодня следовало бы обратиться к несколько более «свежему» примеру коллективной

безопасности или, скорее, попытке построения таковой. Речь идет о системе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Несмотря на всю рыхлость механизмов, система СБСЕ (ОБСЕ) достаточно успешно функционирует и выполняет задачи, поставленные перед ней государствами-учредителями. Функционирование данной системы не ограничивается только сугубо военной сферой, но включает в себя гуманитарную, экономическую, политическую «корзины». Можно много рассуждать по поводу того, почему во второй половине 1990-х годов система ОБСЕ несколько отошла на второй план, но нельзя отрицать, что данная система внесла свой значительный вклад в мирное развитие европейского континента в период 1970—1990 гг., что благодаря наличию механизма СБСЕ стали плодотворными усилия по снижению уровня милитаризации континента, были выработаны нормы конвенционального политико-правового поведения элит европейских государств. Этот механизм обеспечил поддержание стабильности в период, когда происходили кардинальные изменения в общественно-политической жизни стран бывшего социалистического блока. Неудивительно, что одним из проектов по обеспечению стабильности в Средиземноморском регионе стал проект перенесения модели СБСЕ на местные реалии.

Инициаторами и участниками этого процесса выступали арабские страны-участники движения неприсоединения, ООП, и их европейские коллеги — Кипр, Мальта, Югославия. Диалог между СБСЕ и средиземноморскими странами партнерами восходит к 1975 г. и основывается на базовых документах Общеввропейского процесса, в частности на Хельсинском акте 1975 г., Хельсинском документе 1992 г., Будапештском документе 1994 г. и на Хартии Европейской безопасности, принятой на Стамбульском, 1999 г. саммите ОБСЕ. Пик активности диалога между СБСЕ и странами Средиземноморья пришелся на 1979—1993 гг. Более того в 1990 г. Испания и Италия предложили ускоренный сценарий адаптации европейского процесса к конкретным параметрам Средиземноморья через созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Средиземноморье (СБСС). Во многом это предложение было

* К средиземноморским партнерам ОБСЕ относятся Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Марокко, Тунис, и с мая 1998 г. Иордания.

адресовано арабским странам — участникам движения неприсоединения, которые в июне 1990 г. выразили свою «поддержку Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Средиземноморье на базе модели СБСЕ» свою «готовность и открытость для начала регионального диалога с Испанией и Италией, равно как и с другими заинтересованными странами с целью создания условий для начала подобного процесса».

Совместный итало-испанский документ стал достоянием участников СБСЕ на встрече в Пальма-де-Майорка 24 сентября 1990 г. Его логика исходила из трех основных тезисов: исторической общности Средиземноморья и Европы, современного состояния взаимозависимости, а также фактора войны в Персидском заливе. Исходя из этого, ставилась задача разрешения совместными усилиями целого комплекса проблем, существующих в регионе в значительной степени через формирование нового «измерения» Север-Юг, императивно необходимого после окончания периода глобальной конфронтации и слома старых механизмов регуляции. К сожалению, дальнейшее развитие событий в мире — распад СССР, конфликт в Югославии, поставили перед мировым сообществом и перед СБСЕ, в частности, другие, более жгучие проблемы и идея средиземноморского измерения ОБСЕ отошла на второй план. Однако это не значит, что воля обстоятельств оказалась бесспорным победителем, которому нужно сдаться. Интерес к экстраполяции опыта Хельсинского процесса на Средиземноморье не умер.

С самого начала обсуждения модели безопасности для XXI в., старт которому дал Будапештский саммит ОБСЕ, средиземноморские партнеры выразили свою живую заинтересованность в дискуссии и выработке документа, что происходило, в частности, по линии Контактной группы. Помимо этого, ряд стран - партнеров представил и свои письменные предложения для включения их в Хартию европейской безопасности. Само место проведения саммита — Стамбул, явилось неким символом большей средиземноморской ориентации ОБСЕ. Целый ряд моментов, обсуждавшихся на встрече, имеют объективно реальный выход на Средиземноморье: к ним можно отнести весь

комплекс проблем, связанных с южным флангом России и СНГ, которые становятся подвержены влиянию тенденций, берущих свое начало в регионе Ближнего и Среднего Востока. Несомненно, что распространение формата ОБСЕ на Средиземноморье выгодно России, так как традиционно обще- европейский процесс формировался с нашим активным участием, и ОБСЕ, в отличие от других европейских и евро-атлантических структур, является для нас «обжитой» организацией, где у нас по-прежнему остаются возможности реализации собственных интересов. Помимо трудностей взаимодействия со средиземноморскими партнерами объективного характера, слабая динамичность ОБСЕ обуславливается позицией США и ряда западноевропейских стран, ориентированных на консервацию рыхлости и низкой оперативности ОБСЕ как региональной организации. Залогом региональной стабильности является не только, а в современном мире не столько, решение проблем военного, силового характера, сколько нахождение адекватного ответа на вызовы нового типа. Их значительная часть связана с функционированием социально-экономического механизма стран и региона в целом. Проблему реагирования на подобные вызовы решает модель безопасности через интеграцию, наиболее успешным примером ее реализации стал опыт западноевропейской интеграционной группировки — Европейского союза. И это очень характерная черта* послевоенной эволюции восприятия безопасности, когда в сознании элит произошла трансформация от концепции контроля за побежденным противником к концепции интеграции как механизму, который обеспечил рациональный характер нарастающему процессу взаимозависимости, прежде всего экономической, и явился крупнейшим со времен Венского конгресса политическим шагом по укреплению стабильности на европейском континенте, шагом, который во многом изменил идентичность понятия стабильность. Если раньше стабильность во многом воспринималась как взаимосбалансированность ресурсов и соответственно отсутствие возможности того или иного игрока системы нарушить расстановку сил, то европейская интеграция заставила понимать стабильность как баланс интересов, возможность реализации которых обусловлена взаимодействием с партнерами по интеграционному блоку через достаточно сложную систему наднациональных органов, обладающих делегированным суверенитетом и определенной автономией не только от национальных государств, но и от сугубо внутригосударственных социально-экономических и политических тенденций. Подобная технократическая отстраненность и автономия позволяли, а сейчас с дальнейшим углублением интеграции еще больше позволяют элиминировать объективно существующие, но все менее значительные различия национальных интересов отдельных государств.

Прочитав соображения автора по поводу модели безопасности через интеграцию, многие могут задать вопрос: а какое отношение имеет все это к Средиземноморью? Существующие в регионе интеграционные структуры, такие как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Союз арабского Магриба, ограничены по своему составу и внутренне слабы и, соответственно, вряд ли смогут обеспечить интеграцию в масштабе всего афро-азиатского побережья. Подобные возражения вполне логичны. Однако, если исходить из понимания интеграции как процесса регионализации, основанного на феномене объективной социально-экономической взаимозависимости, и интернационализации хозяйственных связей и, что самое важное, регионализации, направляемой определенной политической волей, то мы видим отсутствие на афро-азиатском побережье именно политической воли. Так кто или что может стать источником этой воли? Автор со всей ответственностью допускает, что источник политической воли может находиться как в рамках собственно региона намечаемой интеграции, так и за его пределами. Это вовсе не говорит об искусственном характере интеграции, о возможности ее привнесения извне, но это еще раз подчеркивает, что факторы, находящиеся вне системы, могут влиять на процессы, происходящие в системе. Факторы могут быть чрезвычайно разнообразными: экономическими, военными и, конечно же, политическими. Политическая воля, направленная на способствование перерастанию объективных тенденций взаимозависимости в процесс интеграции, столь же объективный фактор внешнего воздействия, как и другие. Прекрасный пример тому действия США в отношении послевоенной Европы. Соединенным Штатам был нужен значительный, емкий и, главное, консолидированный рынок на континенте. Объективная общность европейских стран,

стремление преодолеть разруху, порожденную мировой трагедией, и нежелание допустить подобное впредь (в результате проявления противоречивых национальных интересов) стали тем материалом, при «добавлении» к которому американской политической воли и значительной порции финансовых средств, был заложен фундамент единства и стабильности западноевропейского континента. действительно, первой организацией объединившей страны Западной Европы стала Организация европейского экономического сотрудничества (ныне ОЭСР), созданная по инициативе США, и обеспечившая минимально необходимый начальный уровень единства стран континента для проведения в жизнь плана Маршалла, без которого было бы невозможно дальнейшее успешное восстановление и развитие послевоенной Европы. Значительная роль США на первых этапах существования Европы в новом миро- политическом контексте вовсе не означает, что США и дальше продолжали определять ход европейских событий, в том числе, и западноевропейской интеграции, которая стала определяющей чертой жизни старого континента в последующие годы. Интеграция во многом стала развиваться уже вопреки, если не воле, то интересам США. Это, с одной стороны, подчеркивает объективность процесса, а с другой, ничуть не умаляет роль первоначального толчка и стимула к интеграции.

В случае со Средиземноморьем источником политической воли, способной обеспечить рациональный характер объективной взаимозависимости в регионе, могут стать страны Европейского союза. Исходя из общности Евро-Средиземноморского региона, можно говорить о том, что подобный источник политической воли не является внешним. Он в значительной мере носит квази-внутренний характер. Поэтому можно говорить о расширении масштаба европейского интеграционного пространства, когда мотором этого расширения становятся страны, уже освоившие опыт интеграции.

Весомым заделом распространения такого опыта являются процесс расширения Сообщества на страны европейского Средиземноморья — Испанию, Португалию, Грецию, а также наработанные связи в рамках преференциальных соглашений и соглашений об ассоциации со странами афро-азиатского побережья. Осознанием того, что Европейский союз может играть роль интегратора Большого Средиземноморья, следует считать «новую средиземноморскую политику» ЕС, стартовавшую в начале 1990-х годов и получившую свое развитие через Барселонский процесс евро-средиземноморского партнерства. Этот процесс получил свое название по месту проведения первой Евро- Средиземноморской конференции, состоявшейся в Барселоне в ноябре 1995 г. Задачи, поставленные этой конференцией, кажутся весьма амбициозными.

Но в случае их реализации на пространстве Средиземноморья сложится совершенно иная политико-экономическая идентичность, стержнем которой должна стать зона свободной торговли в регионе, создание которой намечено к 2010 г. Ее участниками станут страны ЕС и афро-азиатского побережья. Воплощение этого проекта позволит создать грандиозный рынок с 600 млн потребителей. На сегодняшний день реальное сотрудничество в экономической, социальной, культурно-гуманитарной областях развивается по целому ряду «средиземноморских» программ. Общий объем помощи, предоставленный ЕС в рамках этих программ, составил в 1995—1999 гг. 4,685 млрд ЭКЮ. С усилением политической и силовой составляющей Евро- союза, связанной прежде всего с решениями принятыми на Кельнской (июнь 1999 г.) и Хельсинской (декабрь 1999 г.) встречах Европейского совета, можно рассчитывать на наполнение реальным содержанием евро-средиземноморского сотрудничества в сфере безопасности.

«Новая средиземноморская политика» ЕС, как известно, это не первый опыт наладить долгосрочное межрегиональное взаимодействие со странами афро-азиатского побережья. Нефтяной шок 1970-х годов породил в свое время «глобальную средиземноморскую» политику и евро-арабский диалог. Этому предшествовала целая серия договоров об ассоциации и преференциальной торговли с государствами Ближнего и Среднего

Востока и Северной Африки. договоры «третьего поколения» об ассоциации с Израилем, Марокко и Тунисом, подписанные в 1990-е годы остаются важнейшим инструментом взаимодействия. В целом, политика конкретных шагов и успехов на отдельных направлениях, политика основанная на каждодневном взаимодействии Евросоюза со своими афро-азиатскими соседями привела к формированию устойчивых экономических

связей, к росту политического авторитета ЕС в регионе, куда Европа тихо и незаметно для многих вернулась как определяющая сила.

Итак, рассмотрев сценарии обеспечения региональной стабильности, можно сделать некоторые выводы. для Средиземноморья реально подходят две модели — модель коллективной безопасности и модель безопасности через интеграцию. Но ни одна из них не свободна от недостатков. Модель коллективной безопасности не способна отвечать на вызовы не силового характера. В то же время модель безопасности через интеграцию, весьма крепкая изнутри, уязвима извне. Очевидно, что только через синтез этих моделей возможно обеспечение стабильности. данные модели смогут работать в регионе при наличии принципиального консенсуса по поводу будущего Средиземноморья как региона, свободного от попыток навязать безраздельное доминирование одной силы, равно как и от попыток жестко поделить его на сферы влияния, что, несомненно, вызовет нарастание конфронтации.

Литература

Европа и Средиземноморье: проблемы южного направления. Средиземноморье — Черноморье — Каспий / Под ред. НА. Ковальского. М., 1999.

Мальгин АВ. Новая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке // Международная жизнь. 2000. №10

Мальгин АВ. К обеспечению региональной стабильности в СНГ / Россия и международные режимы безопасности. М., 1998.

Мальгин А.В. Каспийская нефть и безопасность России // Власть. 1999. I 3.

Мальгин А.В. Средиземноморское измерение европейской безопасности // Власть. 1999. I 7.

Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на пороге XX века / Под ред. Н.?. Кяреева. М., 2001.

Турция как кандидат на вступление в ЕС // *inievвайопаіе Ро1іі1*. 2000. I 11.

Ес1агаіоп оп 1іе Pro\$рес8 о\$ Сіlobal Оіа1оце оп еснгй апа Сорега іоп ііі Іліе Меіііепапеап / 1.Л4 1оспшеп А/45/357/. 1990. 26 .Тпу.

Огни Е,1{. Тіе Епгореап Сошйіціу апа 1іе Е)еУе1оріп Соціріе. Саоіьгі1е, 1993.

Глава 2.

Социокультурный анализ институциональной структуры СНГ

Очевидный успех и международная популярность европейской модели интеграции сказались на появлении, частично на практике, Но в большей мере на бумаге, набора институтов СНГ, которые в существенной степени были скопированы с институционального устройства ЕС.

Так, Высшим органом Содружества, согласно ст. 21 Устава СНГ, является Совет глав государств (СГГ), который должен собираться на заседания не реже двух раз в год. Он занимается обсуждением и решением принципиальных вопросов, являющихся предметом общей заинтересованности. Во всех республиках СНГ, за исключением Молдавии, институционально сильные президенты избранные в ходе прямых выборов, выступают и в роли глав государств, и как лидеры национальной исполнительной власти. По контрасту с парламентской системой правления в которой более слабый с институциональной точки зрения глава государства в основном выполняет символическую и Церемониальную роль, являясь также гарантом стабильности политической системы, в политических системах с сильным президентом его главной функцией становится функция главы Исполнительной власти. Именно в этой роли и встречаются друг с другом постсоветские президенты в рамках СГГ.

Координацией сотрудничества органов исполнительной власти государств-членов Содружества в экономической, социальной и Иных сферах занимается Совет глав правительств (СГП) — ст. 22 Устава. Решения на заседаниях обоих этих органов принимаются с общего согласия — консенсусом. В соответствии с Моделью, которая, по утверждениям многих лидеров стран СНГ, в постсоветских государствах во многом скопирована с модели пятой (полупрезидентской) Французской республики, В качестве руководителя исполнительной власти премьер министр в постсоветских странах занимает позицию, подчиненную По отношению к национальному президенту.

Совет глав государств СНГ до известной степени аналогичен Европейскому совету в рамках институциональной системы ЕС и ПО своему составу, и по функциям. в СНГ наивысший Совет состоит исключительно из президентов, а в Европейском совете мы обнаруживаем одного (французского) президента в компании национальных премьер-министров. Но здесь этот факт можно и проигнорировать как неспособный отменить определенное сходство. Поясним, что в ЕС во всех странах-участницах, за исключением Франции, принята парламентская система, а не президентская. При парламентской системе главе государства несвойственно заниматься исполнительными функциями. Для этого существуют главы правительств. Таким образом, будь то президенты или главы национальных кабинетов министров, все члены двух сравниваемых нами советов выступают как высшие представители национальной исполнительной власти. Они мало чем ограничены при переговорах друг с другом на региональном уровне в качестве выразителей мнения и интересов соответствующих наций, которых нельзя принудить к принятию решений, их не устраивающих.

Если продолжить аналогию, то, по крайней мере теоретически, роль Совета глав правительств СНГ должна быть отчасти та же, что и у Совета министров ЕС. Если высшая роль в объединении отведена лидерам национальной исполнительной власти в лице президентов, которые своими решениями задают направление движения, то на долю СГГ остается заниматься развитием межправительственного сотрудничества участников объединения и нащупывать точки совпадения их интересов.

По аналогии с укоренившейся в ЕС процедурой, зафиксирован (ст. 24 Устава СНГ) поочередный, в соответствии с составленным по алфавиту списком стран-участниц на русском языке, порядок председательствования глав государств и глав правительств на заседаниях соответствующих Советов. Впрочем, первым в истории председателем СНГ был избран президент России, который с тех пор неизменно оставался на этом посту, и российский же представитель стал первым председателем в Совете межпарламентской ассамблеи (МПА), что явилось излишней, как представляется, констатацией и без того всем понятного статуса РФ как «первого среди равных в ряду государств СНГ».

Определено (ст. 25), что вышеназванные Советы создают рабочие органы как на постоянной, так и на временной основе. Упомянуты также Совет министров обороны (СМО), Совет министров иностранных дел (СМИД), Совет командующих пограничными свойствами (Скпв)*. Все эти три органа с тех пор работают регулярно.

Изложенное выше подтверждает, что институциональная структура СНГ имеет межгосударственную основу. В закрепление этого, уже в ст. 1 Устава прямо записано, что Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями. Вспомним, что в институциональной структуре ЕС межгосударственный (межнациональный) принцип также все еще является преобладающим. В конечном счете

наиболее важные вопросы руководители входящих в Европейский союз стран полюбовно решают между собой.

Но в современной институциональной структуре ЕС присутствует и укрепляется, наряду с межнациональным, и наднациональным принципом. Растущее число проблем решается не единогласно, а квалифицированным большинством голосов, причем само собой разумеется, что принятые большинством решения обязательны к исполнению для всех участников интеграционного объединения — в том числе для тех, кто голосовал против, но остался в меньшинстве.

Если в Уставе СНГ (ст. 9) зафиксировано право государств-членов на выход из объединения (на обретение свободы от него в случае, если это будет признано выгодным или целесообразным), то основополагающие договоры о создании и функционировании ЕС подобной возможности никак не оговаривают. Это не значит, что выход из ЕС для отдельных его членов

Первым Совет МПА возглавил Руслан Хасбулатов. Затем два года подряд МПА руководил Владимир Шумейко. В 1996—1998 гг. этот пост занимал спикер Совета Федерации РФ Егор Строев (см.: Независимая газета. 1998. 3 марта).

** Летом 1999 г. украинский премьер-министр В.Пустовойтенко был избран председателем Совета глав правительств СНГ на годичный срок (см.: Парламентская газета. 1999. 10 июня).

< Членами СМО являются министры обороны стран СНГ (кроме Молдовы, Туркмении и Украины), а также Начальник Штаба по координации военного сотрудничества государств-участников Содружества (ШКВС). Как считает А. Загорский, с 1994 г. Совет министров обороны СНГ и другие военные органы Содружества, включая Штаб по координации военного сотрудничества стран СНГ, де факто скорее относятся к организации Ташкентского договора 1992 г., а не к СНГ как таковому, поскольку все военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ сосредоточено исключительно между членами лого Договора (с. 284). Нежелание ряда стран СНГ развивать военное сотрудничество и тем более военную интеграцию в рамках Содружества подтверждает состав участников заседания Комитета начальников штабов вооруженных сил государств СНГ, состоявшееся в Москве в марте 1999 г. Непосредственно начальники генеральных штабов были только от России. От Казахстана, Беларуси и Армении, Киргизии прибыл первый заместитель. Заседание проигнорировали Туркмения, Украина и Молдова, в Ташкентском договоре не участвуют — дне, а также Узбекистан. От Таджикистана и Грузии работали представители рМИИ этих стран при ШКВС, Азербайджан прислал своего офицера лишь в качестве наблюдателя. Особенности форм национального представительства лбекистана, Грузии и Азербайджана на этом заседании нетрудно связать с ке упомянутыми заявлениями представителей данных стран о нежелании родлевать на новый срок пятилетний Договор о коллективной безопасности 992 г. Членами Совета командующих пограничными войсками являются команующие (начальники) Пограничными войсками стран СНГ (кроме Азербайд.да. Молдовы и Украины), а также Председатель Координационой службы нвета команующих.

невозможен в принципе. Но организационное устройство ЕС такую перспективу явно не поощряет.

Обратим также внимание на ст. 28 и 29 Устава СНГ, посвященные сфере полномочий и композиции Координационно-консультативного комитета (ККК), по формальным признакам представлявшего собой зародыш правительства СНГ и с такой точки зрения напоминавшего Комиссию европейских сообществ (КЕС). Последняя, впрочем, располагает значительно большим объемом полномочий.

По Уставу ККК должен был стать постоянно действующим и координирующим органом Содружества. Как следует из текста Устава, он должен был состоять из постоянных представителей по два от каждого государства-члена Содружества — и Координатора Комитета, назначаемого Советом глав государств. Для организационно-технического обеспечения органов Содружества при ККК создавался секретариат, возглавляемый Координатором Комитета и заместителем председателя ККК. Местом пребывания

Комитета был определен город Минск.

При подобной организации ККК получал бы реальную возможность уйти из-под прямого влияния государств-участников и обрести самостоятельное значение, накапливая политический потенциал. Для тех из членов СНГ, кто считал это неприемлемым, естественны были опасения на сей счет. Поэтому неудивительно, что на встрече глав правительств СНГ в Минске в апреле 1993 г. вопрос о ККК вновь оказался в центре обсуждения. На этот раз было решено, что данный орган будет состоять из вице-премьеров заинтересованных стран (в Минске интерес к этому вопросу не был проявлен только Туркменией). То есть на тот момент преобладание межгосударственного принципа в системе институтов СНГ получило дополнительную гарантию.

Ущемив едва нарождающийся Координационно-консультативный комитет в тех политических возможностях, которые, казалось бы, приоткрывал перед ним текст Устава, главы правительств СНГ на той же встрече как бы в компенсацию усилили организационно-технический компонент ККК. Были расширены функции секретариата: теперь он не только готовил материалы к заседаниям глав государств и правительств, но и собирал информацию о выполнении принятых решений.

Новая стадия в эволюции администрации СНГ наступила с подписанием Договора об Экономическом союзе (сентябрь 1993 г.). Для обеспечения его эффективного функционирования вскоре был создан Межгосударственный экономический комитет (МЭК), местом нахождения которого была объявлена Москва. В президиум МЭК вошли заместители председателей правительств всех участниц СНГ. По поручениям Совета глав государств, этот орган стал заниматься разработкой проектов соглашений, которые подлежали затем утверждению СГП или СГГ.

Подписанное в октябре 1994 г. соглашение о создании МЭК наделило этот орган правом принятия обязательных решений в сферах разработки совместных программ по развитию промышленности, сельского хозяйства, других отраслей экономики, содействия структурным реформам. Было установлено, что МЭК принимает решения: а) консенсусом — по вопросам к таможенному союзу, общему рынку, валютному союзу и другим стратегическим вопросам развития Экономического союза; б) квалифицированным большинством (не менее 3/4 общего количества голосов) — по вопросам о целесообразности введения квот, резервной валюты, создания финансовых фондов и др.; в) квалифицированным большинством с учетом экономического потенциала государств — по конкретным экономическим вопросам, решение которых требует значительных затрат либо может иметь серьезные экономические последствия. Получив достаточно широкие права, МЭК не был, однако, наделен контрольными функциями, которые позволяли бы проследить за реализацией того или иного решения.

На практике ККК как бы распался на Исполнительный секретариат и МЭК, причем Исполнительному секретариату достался аппарат, а МЭК — коллегиальное руководство. Позднее, в том числе в рамках Специального межгосударственного форума, который с 1998 г. занимался выработкой новой концепции Содружества, прозвучала не лишняя логика идея о необходимости объединения МЭК и Исполнительного секретариата для оптимизации системы органов управления СНГ, по существу о возвращении к идее о ККК. В июле 1999 г. договорились о слиянии МЭК и Исполнительного секретариата — и получили Исполнительный комитет. Положением об Исполкоме СНГ предусмотрено, что он должен был стать исполнительным, административным и координирующим органом Содружества, который получает право анализировать ход выполнения принятых решений и информировать об их реализации, разрабатывать проекты единого бюджета аппаратов органов СНГ и осуществлять контроль за его выполнением.

Любопытно, что в период Общего рынка КЕС, вопреки начальным намерениям «отцов-основателей» интеграции, отведена была довольно скромная административно-хозяйственная роль. Со временем значение и функции Комиссии существенно возросли, без чего успехи в интеграционном развитии были бы невозможны. В последующие годы КЕС, воплощая в Европейском союзе наднациональное начало и идеи иерархической культуры, обрела большую политическую роль, Неготовность большинства стран СНГ дать развитие в системе Содружества аналогичному органу по существу равнозначна незаинтересованности правящих элит в постсоветской региональной интеграции.

К числу уставных органов СНГ относится также Экономический суд, который должен действовать в целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках

Содружества (ст. 32). Соглашение о статусе Экономического суда было подписано в июле 1992 г. восемью странами СНГ. Из него следует, что Суд был создан для обеспечения единообразного применения соглашений государств-участников СНГ и основанных на них экономических обязательств и договоров.

Судейский корпус Экономического суда СНГ в широком смысле — в лице его Пленума — состоит из 24 членов: 16 избранных (назначенных) судей и 8 входящих в него по должности руководителей специально-судебных органов (высших хозяйственных, арбитражных судов и иных высших государственных органов). Суд занимается рассмотрением споров экономического характера, вытекающих из межгосударственных, межправительственных соглашений и договоров, а также осуществляет толкование применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов. В отличие от Суда ЕС, который, помимо выполнения подобных функций, обеспечивает также защиту интересов физических и юридических лиц, понесших убытки вследствие нарушения права ЕС, Экономический суд СНГ подобными делами не занимается. В СНГ защита частных интересов возложена Соглашением от 20 марта 1992 г. о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, на национальные судебные системы.

Суд СНГ не возбуждает дел по собственной инициативе. Его решения носят рекомендательный характер. Среди представителей национальных правительств ОДНО время упорно циркулировали идеи о том, что функцию надзора за выполнением государствами-участниками взаимных экономических обязательств лучше было бы возложить не на Суд, а на Исполком, лишив тем самым Экономический суд сферы его компетенции.

Учитывая ныне присущую ему форму, Экономический суд СНГ можно назвать первым робким шагом постсоветских стран в направлении установления более эффективной формы современной региональной юрисдикции. Вопреки мнению российского специалиста Е.Удовенко, как представляется, рано говорить о том, что появление такого института, как Экономический суд ЕС, свидетельствует об укреплении правосознания лидеров новых независимых государств.

Соглашение подписали главы республик Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Российской Федерации. Глава Молдовы подписал его с замечанием.

Межпарламентская ассамблея СНГ не имеет большого реального веса. В ее нынешнем виде она остается чисто консультативным органом, не имеющим непосредственной власти для принятия политически значимых решений. С формальной точки зрения Ассамблея, местом нахождения которой избран Санкт-Петербург, даже не имеет статуса органа Содружества. Однако потенциал Ассамблеи также не стоит игнорировать. Если бы постсоветская интеграция развивалась на деле, со временем МПА должна была бы превратиться в парламент, избираемый на основе прямых выборов. Наднациональный парламент принес бы с собой принципиально иную систему интеграционных институтов, способную конкурировать с институтами национального государства.

Даже в ее нынешней форме, когда Межпарламентская ассамблея не может контролировать административные органы СНГ или соперничать с СГГ и СГП, ей удалось найти собственную роль в качестве законодательного противовеса произвольным действиям национальных лидеров исполнительной власти: она занимается выработкой модельного законодательства в экономической, культурной, образовательной, экологической и иных областях. Выработанные Межпарламентской ассамблеей модельные законопроекты предлагаются затем вниманию национальных парламентов, что в конечном счете должно способствовать большей совместимости национальных законов в пространстве СНГ, а в перспективе — их унификации, то есть созданию единого правового пространства, которое уже могло бы составить реальную основу для деятельности регионального суда.

В соответствии с Уставом в СНГ действует несколько десятков органов отраслевого сотрудничества. Среди наиболее эффективных — Совет по железнодорожному транспорту, который работает в режиме «надгосударственной диспетчерской», где оперативно решаются не только все проблемы взаиморасчетов между железными дорогами суверенных государств, но и такие вопросы, как переброска, в случае

необходимости, подвижного состава на всем пространстве СНГ. Поскольку в межправительственных органах СНГ действует правило консенсуса, каждое из участвующих в объединении

*Соглашение о Межпарламентской ассамблее (МПА) государств-участников СНГ было подписано 27 марта 1992 г. 15 сентября 1992 г. был принят соответствующий Регламент. 26 мая 1995 г. была принята Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств. Среди государств, участвующих в СНГ, к числу членов МПА до сих пор не принадлежат Узбекистан и Туркмения. деятельность Ассамблеи организуется Советом, в который входят руководители национальных парламентов, го секретариатом и специализированными постоянными комиссиями из числа представителей парламентов стран-участниц. национальных правительств может наложить вето на те решения, которые его не устраивают. Принимая в расчет многочисленные осложнения в нынешних взаимоотношениях между бывшими советскими республиками, нельзя исключить, что многие из них злоупотребляли бы такой возможностью. Чтобы принятие решений, тем не менее, не застопорилось бы, в Уставе было предусмотрено, что всякое государство-участник может объявить о своей незаинтересованности в принятии того или иного решения, что не мешало бы остальным членам все же попытаться принять его в более узком кругу.

Так как цели сотрудничества в СНГ теоретически охватывают все возможные сферы межгосударственных отношений, в том числе политику, экономику, разоружение, образование, защиту окружающей среды и миграцию, это положение позволяет отдельным участникам защитить свой суверенитет в тех сферах, которые они считают для себя наиболее важными, не ставя при этом преград более тесному сотрудничеству других государств в тех же областях. Такой подход в конце концов вылился в определенный вариант дифференцированной интеграции.

Россия и Беларусь составляют «двойку» и в таком составе декларируют готовность как к экономической интеграции, так и к строительству политического союза. Пять стран (Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Таджикистан) демонстрируют заинтересованность в продвижении, по крайней мере, к экономической интеграции, а остальные согласны только на формирование зоны свободной торговли. В каждом из случаев идет формирование сепаратной институциональной системы.

Правовую основу межгосударственных отношений в рамках СНГ составляют, прежде всего, многосторонние и двусторонние соглашения между национальными правительствами. Основные общие решения принимаются Советом глав государств на основании проектов, подготовленных в национальных рамках либо исполнительными органами СНГ. Как правило, подобно всякому международному договору, они затем подлежат ратификации на национальном уровне в соответствии с установленным порядком и только после этого могут быть инкорпорированы в национальное законодательство государств-членов. Но сами по себе чисто межправительственные действия не

* В рамках СНГ существует также Центрально-Азиатский союз (ЦАС). В январе 1994 г. Казахстан и Узбекистан подписали Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан, а в апреле 1994 г. к нему присоединилась Кыргызская Республика. В качестве институтов ЦАС был создан Межгосударственный совет и его рабочий орган — Исполнительный комитет, учреждены Советы премьер-министров, министров иностранных дел и обороны. Цель объединения — создание единого субрегионального экономического пространства. могут служить мотором региональной интеграции. К тому же, далеко не все решения, которые принимались межправительственными органами СНГ, прошли национальные ратификационные процедуры и применяются во всех без исключения государствах участников*.

Модельные законопроекты, которые вырабатываются Межпарламентской ассамблеей, предполагают иную процедуру, при которой ни национальные, ни наднациональные исполнительные институты непосредственно в процесс разработки и принятия законодательства СНГ не вмешивались бы. В качестве рекомендаций, модельные

законопроекты предлагаются вниманию национальных парламентов, от которых в результате ожидают выработки на их основе единообразных национальных законов. Для сравнения, в ЕС сегодня законодательные функции имеются у Совета, Комиссии и Парламента. Стороной, в наименьшей степени вовлеченной в законотворчество на уровне ЕС и в целом в интеграционную политику, выступают в итоге национальные парламенты.

В ЕС национальная британская политическая система представляет собой крайний и исключительный случай воплощения организационной культуры соперничества. В ней последовательно отвергается принцип поиска национального консенсуса под тем предлогом, что таковой консенсус уже сложился изначально. Все национальные системы нынешних государств-членов ЕС за исключением британской и отчасти французской (в варианте Пятой республики, полупрезидентский режим которой был создан в 1958 г. под генерала де Голля и сохраняется поныне) в большей мере соответствуют согласительному типу.

Это подталкивает к предположению, что в целом согласительный (консенсусный) тип демократической организации более созвучен природе европейского общества, по крайней мере континентального. По-видимому, не случайно и то, что накопление черт консенсусной демократии, которое постепенно

Любопытна в этом плане статистика. Из 49 межгосударственных и межправительственных соглашений, подготовленных в свое время в МЭК, Азербайджан подписал 26, а провел через внутригосударственные ратификационные процедуры 8. Для Армении соответствующие цифры составили 41 против 5, для Беларуси 45 против 24, для Грузии — 28 против 1, для Казахстана — 37 против 5, для Кыргызстана — 40 против 5, для Молдовы — 37 против 0, для России — 40 против 5, для Таджикистана — 45 против 18, для Узбекистана — 21 против 11, для Украины — 28 против 6. Туркмения под предлогом нейтралитета вообще устраняется от этого процесса,

** Движение в сторону консенсусной демократической системы на уровне Европейского союза можно непосредственно объяснить сочетанием нескольких факторов. Во-первых, элементы консенсуса уже довольно привычны для Союза, коль скоро они присутствуют в политическом режиме западно-европейского интеграционного объединения со времен Люксембургского компромиса

происходит в ЕС, встречает наибольшее сопротивление и вызывает наиболее острые политические проблемы в Великобритании и Франции, где с этим процессом связана перспектива ломки устоявшихся принципов национального политического устройства. В целом же в Западной Европе имеет место сочетание преимущественно консенсусного управления на региональном уровне, далеко не во всем соответствующего современным представлениям о демократическом устройстве, но движущегося в сторону накопления демократических черт, в основном с консенсусными национальными политическими режимами, демократический характер которых сомнений не вызывает.

В постсоветских же странах существующие национальные политические системы предрасположены к искусственному конструированию политического большинства там, где аналогичного большинства в общественных настроениях не наблюдается. В отсутствие сильных оппозиционных партий большинство избранных в ходе прямых выборов постсоветских президентов претендует на то, чтобы представлять совокупную волю своих наций, тогда как сами постсоветские «нации» остаются глубоко расколотыми. Между тем институциональная логика Президентства отлична от логики парламентаризма, даже в мажоритарной разновидности последней которая действует, к примеру, в Британии. Сама по себе логика президентского устройства подталкивает конституционно слабые, но также, как и президент, избранные в ходе прямых выборов национальные Парламенты к оппозиционной роли, к позиции представителей национального общественного компромисса, которая противопоставляется президентскому диктату. Некоторые авторы даже полагают, что сильное исполнительное президентство вообще не слишком желательно в качестве институциональной формы для новых восточноевропейских демократий. Включая постсоветские республики, так как там оно способно автоматически привести к институционализации авторитаризма у президентов, входящих в состав Совета глав государств СНГ, и у парламентов,

представите которых заседают в Межпарламентской ассамблее СНГ, различны и зачастую плохо совместимы взгляды на то, как должна развиваться постсоветская интеграция в организационно отношении. Показательно раздражение, высказанное казахстанским президентом Н.Назарбаевым в отношении Межпарламентской ассамблеи, которая якобы неизвестно чем занимается и только мешает постсоветским президентам развивать интеграцию. Президенты в собственных институциональн¹ интересах предпочитают дополнить национальн⁰⁰ системы, которые отличаются мажоритаризмом в той степени, в какой их можно признать демократическими системой недемократиче⁰⁰ консенсусного регионального управления. Интересам же парламентариев больше отвечает согласительное демократическое устройство и на национальном и на наднациональном уровне, так как именно при согласительном (консенсусном) демократическом устройстве роль парламентских органов в институциональн⁰ системе особенно велика. И та, и другая сторона в этом споре неизменно ссылаются на ЕС в подтверждение собственной позиции.

1966 г. Во-вторых (и это гораздо важнее), сама по себе идеология европейской интеграции предполагает, что в результате усилий по созданию регионального комплекса должны выиграть все европейские граждане, которым ЕС гарантирует определенные права и перед которыми он несет определенные обязательства, включая обязательства социального плана. Тем самым подразумевается, что существуют некие постоянные ценности и общие интересы европейцев, на которые Союз и должен ориентироваться. Смысл консенсусной демократической системы в общем состоит в том, чтобы выявлять подобные ценности и интересы. Мажоритарный же тип демократической организации исходит из того, что интересы отдельных граждан, в принципе, не могут быть приведены к общему знаменателю, а смысл политической игры состоит в том, чтобы определить, в чем на данный момент заключаются основные интересы большинства, и отстаивать их политическими методами, в том числе подавляя сопротивление недовольного меньшинства. Иными словами, мажоритарная политическая система и господствующий вариант интеграционной идеологии не слишком согласуются логически.

В-третьих, недоверие, которое современное европейское общественное мнение демонстрирует к Комиссии, ставит непреодолимую преграду на пути ее превращения в орган сильной исполнительной власти, под которой здесь подразумевается гипотетическое европейское региональное правительство, на несколько лет получившее бы от Европарламента или непосредственно от большинства избирателей широкий мандат на проведение заявленного им политического курса. Вызывает сомнение, что в обозримой перспективе подобное правительство Европейского союза могло бы рассчитывать на убедительную легитимизацию. В-четвертых, трудно представить себе, чтобы стало возможным оформление в регионе, который гордится своим многообразием, и тем более ввиду предстоящего вхождения в Союз восточноевропейских стран, системы двух транснациональных партий. Наконец, в-пятых, учрежденный по Маастрихтскому договору Европейский центральный банк (ЕЦБ) в пределах отведенных ему договором полномочий наделен институциональной автономией. Это значит, что он не может испрашивать или получать указания от институтов Сообщества или национальных правительств, а те, в свою очередь, обязуются уважать принцип институциональной автономии ЕЦБ и не искать возможности повлиять на его членов в выполнении их задач (см. ст. 7 Главы 111 Протокола об Уставе Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка, прилагаемого к договору о Европейском сообществе). Автономия, предоставляемая отдельным институтам, есть свойство децентрализованных систем правления. Между тем, согласно типологии Лайпхарта, децентрализация свойственна консенсусной системе. Таким образом, высокая степень институциональной автономии, которая лежит в основе распределения власти между различными уровнями управления, также характерна для консенсусной модели. В итоге можно уверенно предсказывать ориентацию дальнейшего развития системы институтов Европейского союза на консенсусную модель.

Между тем постсоветские общества продолжают сталкиваться со многими проблемами, которые можно охарактеризовать как следствие происходящей в региональных масштабах социальной деградации. Если бы политики задавались целью противостояния

подобным тенденциям, то внедрение в практику определенных элементов интегративного регионального режима могло бы оказаться кстати. В таком случае следовало бы начать, как и в Западной Европе в 1950-е годы, с отраслевых форм экономической интеграции, с применения ее принципов к ограниченному числу направлений хозяйственной политики, более других нуждающихся в масштабном наднациональном администрировании — таких, как машиностроение, транспорт или область научно-технических исследований*. Интеграция предполагает разработку четких норм поведения хозяйственных партнеров в той или иной области, выведенной за пределы компетенции национальных органов власти. Такие нормы включали бы в том числе и определенные стандарты в плане социального обеспечения работников соответствующих областей, и заботу об облегчении их транснациональной миграции, и содействие в организации системы подготовки необходимых кадров, и внедрение отвечающих современным представлениям природоохранных норм и критериев безопасности на производстве. Разработкой таких норм, на которые национальные правительства готовы были бы ориентироваться, скорее всего должна заниматься транснациональная бюрократия, поставленная под контроль парламентских органов, представляющих интересы национальных правительств и постсоветских граждан.

Цель функциональной интеграции — создать такие условия, которые благоприятствовали бы совместной деятельности оказавшихся в разных постсоветских республиках предприятий одного и того же профиля и содействовали бы большей эффективности их работы. Роль национальных государств, решивших участвовать в функциональной региональной интеграции, влечет за собой необходимость способствовать успеху этой совместной деятельности соответствующими мерами таможенной, транспортной, кредитно-финансовой и даже внешней политики.

Если бы региональные усилия на каких-то конкретных хозяйственных направлениях оказались успешными, такие региональные институты, как Межпарламентская ассамблея или Исполком СНГ, могли бы воспользоваться этим для укрепления наднациональной институциональной системы, в частности,

* А. Михайленко в качестве направлений, где могла бы иметь успех интеграция, называет гражданскую авиацию, ракетостроение, космические технологии, тракторостроение, нефтехимию, производство удобрений.

для перехода от межпарламентской ассамблеи к региональному парламенту, наделенному достаточными полномочиями для разработки правовой базы общей экономической интеграции.

В связи с этим возникают два основных вопроса. Во-первых, чем объяснить очевидные институциональные заимствования в СНГ из европейской практики? Во-вторых, почему, несмотря на появление аналогичных институтов, в Содружестве интеграция не получает заметного развития? В данном случае мы попытаемся найти ответы на такие вопросы, исходя из социокультурных представлений и концепций. Конечно, такие ответы ни в коем случае не могут быть признаны исчерпывающими. Однако подобный путь все же многое обещает, позволяя уйти от сложившегося и неоправданного, на наш взгляд, одностороннего крена в сторону придания исключительного значения выявлению объективного экономического смысла интеграционных процессов.

Чтобы понять и объяснить успех или неуспех интеграционных институтов, необходимо не только, а может быть, и не столько проникновение в объективную суть материальной реальности, сколько изучение реальности мыслимой, которая включает концепции, теории, модели, идеологии, соображения престижа, эмоции, типы ментальности, составляющие основу представлений об интеграции ее участников. Мышление участников влияет на то, как идет интеграционный процесс на практике, а ход интеграционного процесса оказывает обратное влияние на мышление участников. Последовательность событий при этом не может быть вполне понята, если ограничиваться только рассмотрением доступных наблюдению экономических фактов. Не менее важно сосредоточиться на изучении процессов в области политической и социальной культуры.

При этом оговоримся, что едва ли не большая часть, так называемых, культурных исследований сегодня мало внимания обращает на материальную сторону жизни как один из главных факторов, влияющих на определение смысла, который люди могут

придавать явлениям и предметам ежедневной жизни. При этом подразумевается, что настаивать на ключевой роли конкретных материальных факторов в индивидуальном осмыслении мира значит встать на позицию экономического детерминизма. Чтобы этого избежать, можно постараться объяснить заимствование в случае Содружества институциональных моделей ЕС, упирая на элементы цивилизационного сходства, на принадлежность или причастность всех или, по крайней мере, большей части стран-участниц ЕС к европейской цивилизации и культуре. Неудача же интеграционного эксперимента в случае с СНГ, в свою очередь, оставаясь в пределах тех же представлений, придется так или иначе отнести за счет того, что Россия и другие ее партнеры по Содружеству все же не совсем «Европа»

Но если события последнего времени и в самом деле дают наблюдателям достаточно веские основания для суждений о том, что происходит тихое умирание СНГ, то при этом масса людей в странах Содружества высказывает сожаления по поводу продолжающегося распада прежних многообразных интенсивных связей в пространстве бывшего СССР. Ощущение таково, что в случае успеха постсоветской региональной интеграции она могла бы получить солидную массовую психологическую поддержку. Мы можем предположить, что массовая поддержка интеграционных планов не распространяется равномерно. Как видно, есть много людей, у которых, в силу присущего им стиля жизни, особенностей мировоззрения или рода занятий, интеграционные идеи и предложения вызывают бурную реакцию отторжения. Однако, оставаясь в рамках культурно- цивилизационного подхода, трудно найти критерии или приметы, позволяющие четко различать массовых сторонников и противников интеграции и уж тем более определять их соотношение. Такое, в принципе, возможно, только если отдать должное особой культурной значимости социальных и экономических условий жизни людей.

Трудно отрицать, что культурные предпочтения рядовых граждан имеют тенденцию отражаться в их профессиональном статусе, а также меняться до и после перемены такого статуса, что позволяет произвести реконструкцию персонального образа жизни. Таким образом, о ценностных ориентациях определенной социальной группы все же можно до известной меры судить, исходя из ее роли и места в социальной структуре. Различные политические институты, в свою очередь, обычно поддерживают определенный образ социальной жизни. Политические институты могут быть признаны жизнеспособными или успешными тогда, когда система идей и организационных принципов, на которой они базируются, находится в согласии с нормами, которые большинство населения в пределах соответствующей территории находит правильными. В то же время вряд ли есть смысл считать общественные процессы в советском и постсоветском обществах чем-то уникальным, что заведомо исключило бы возможность сравнивать свойственные им тенденции с тенденциями западноевропейского развития. Проблемы, с которыми сталкиваются постсоветские общества и которые находят отражение в постсоветской политике, в известном смысле носят европейский характер, хотя западноевропейцы и страдали от подобных «болезней роста» значительно ранее во времени.

Многие такие проблемы стали результатом болезненной дезинтеграции ранее преобладавших способов европейского (включая российское) существования, связанных с сельской жизнью, и постепенного перехода к городским культурам, которые ныне в целом определяют социальный контекст в обоих рассматриваемых здесь больших регионах. Во Франции и Германии подобная культурная трансформация началась в последней трети XIX в., а на территории бывшей Российской империи аналогичные процессы, зародившись в начале XX в., в основном, получили развитие в относительно короткий советский период.

Истоки эгалитарных влияний в современных западноевропейских и постсоветских национальных культурах можно усматривать в прежнем сельском социальном «мире», с его коллективистскими и эгалитарными нравами. Конечно, в политике и общественной жизни новых независимых государств как положительные, так и отрицательные черты этого идеального культурного типа просматриваются сегодня ярче, чем в государствах Западной Европы. Если вернуться к терминологии, предложенной К. Джовитом для описания особенностей позднесоветской культуры, это позволяет судить о некоем неотрадиционном реванше над иерархической советской культурой или о своеобразной

мести деревни городу за насильственные методы высокоскоростной урбанизации в советском исполнении.

Нужно, впрочем, обратить внимание и на развитие нескольких различных стадий советской культуры, которая не оставалась неизменной. В начальные годы советской власти политический режим достаточно широко учитывал эгалитарные социальные предпочтения населения, хотя отношения между крестьянской массой и правителями той поры, многие из которых ориентировались на вычитанные из книг идеалы Просвещения, никогда не были бесконфликтными. Позднее Сталин, в соответствии со своими собственными культурными предпочтениями, пошел по пути укрепления иерархо-фаталистических (тоталитарных) политических форм за счет эгалитаризма. Террор, практиковавшийся против крестьянства, которое представляло собой социальную основу эгалитарного традиционализма в культуре, явился важной частью такого поворота. Цель его руководству должна была видеться в том, чтобы добиться большей эффективности режима перед лицом серьезных внешних угроз и в ожидании неизбежных войн с капиталистическими державами.

После того, как с «отсталой крестьянской массой» в Советском Союзе было в целом покончено, и после смерти Сталина его менее кровавые преемники, к тому же, сами бывшие выходцами из села, пришли к выводу, что необходимость в терроризировании населения исчерпана и нужно идти на договоренности с внешним миром во избежание войн на будущее. Эгалитаризм, хотя и в измененных и более современных формах (например, в многочисленных произведениях, так называемых, деревенщиков, где воспевались моральные качества людей, живущих традиционной сельской жизнью), вновь вышел на поверхность как влиятельный социокультурный фактор во внутренней жизни, с которым приходилось считаться в политике.

Советский режим получил дальнейшее развитие в направлении иерархо-эгалитарных политических форм, более естественных для него, если учитывать баланс культурных предпочтений среди населения. Но в долговременном плане побочной стороной реабилитации эгалитарной культуры в советском варианте оказалась экономическая стагнация. Она была связана и с тем, что образ жизни и ценностные ориентации работников промышленности и связанных с нею естественнонаучных областей, развитие которых прежде, особенно в 1930-е и в 1960—1970-е годы, воспринимались как магистральное направление социального прогресса, стали подвергаться негативной переоценке.

В конце 1980-х годов была предпринята попытка повысить конкурентоспособность советской экономики за счет либерализации (индивидуализации) режима. Благоприятный международный климат для внутренней либерализации должна была создать перестройка советского внешнеполитического курса на основах «нового мышления». Но все эти усилия ненамеренно привели к подрыву прежде существовавшего иерархо-эгалитарного баланса и самого политического порядка в стране, который на нем основывался.

Профессионалы и квалифицированные работники промышленно-технической сферы воспринимали существовавшую партийно-номенклатурную систему как тормоз научно-технического прогресса и помеху для продвижения в практику передовой научной мысли. От либеральных изменений в СССР они ожидали реабилитации собственного образа жизни, а потому полностью поддержали курс на политические реформы. Однако на деле либерализация политического режима помогла вскрыть преимущественно эгалитарные заботы большей части советской публики. Представители культуры эгалитаризма предъявили свой счет тоталитарному советскому государству, занимавшемуся подавлением эгалитарных предпочтений и институтов. Представители же выросшего под сенью этого государства слоя технических профессионалов вынуждены были убедиться, что в советском обществе присущие им иерархические (технократические) культурные предпочтения не являются господствующими. После дезинтеграции СССР, когда государство, следуя избранной национальными элитами индивидуалистической логике, перестало оказывать особую поддержку образу жизни «индустриалистов», они оказались вытесненными на обочину новой жизни.

Между тем изучение опыта ЕС показывает, что социальная поддержка, которая нужна интеграционным институтам для того, чтобы их действия признавались легитимными, в существенной мере зависит от совокупной численности в странах Союза людей, занятых,

прежде всего, в сферах производства, научно-технического творчества, информационных и телекоммуникационных технологий, то есть людей с высокой квалификацией. Именно их мнение уже традиционно составляет основу массовой поддержки европейских институтов, политика которых, в свою очередь, изначально была ориентирована как раз на преимущественную поддержку иерархических ценностей квалифицированных работников промышленности и ученых-естественников.

Начиная с 1980-х годов, на фоне процессов глобализации в торговых и финансовых отношениях и достижений в сфере научно-технического прогресса не только в Западной Европе, но и во всем развитом мире интенсифицировался процесс «выталкивания» трудоспособного населения из производственной сферы, который, с точки зрения решения проблем безработицы, смягчается, главным образом, за счет заметного расширения сферы обслуживания с рутинным, чаще всего примитивным трудом. Продолжение общей тенденции к снижению относительной численности промышленных работников в Европе, которая сопоставима по масштабу своих потенциальных социокультурных последствий с сокращением численности занятых в сельском хозяйстве в первые послевоенные десятилетия, неизбежно и далее будет усугублять проблему легитимности, с которой сталкиваются в настоящее время институты ЕС. Но существование этих институтов существенно помогает сглаживать резкие социокультурные изменения, способствует в нахождении и утверждении нового цивилизованного образа жизни.

В постсоветском мире, особенно в России, Беларуси, Украине и Казахстане, относительная численность промышленных работников сравнима сегодня с тем, что имеет место в Западной Европе: налицо тенденция к ее сокращению. С точки зрения интересов постсоветских жителей, которые все еще заняты в промышленности и связанных с промышленным производством сферах, исторический опыт ЕС свидетельствует: установление регионального режима интегративного управления, на смену которому затем мог бы придти региональный режим, последовательно воплощающий черты интегративной (консенсусной) выборной политики, способно стать важным подспорьем для выживания «индустриалистов» в качестве транс национальной группы с определенной социальной культурой, причем в постсоветском случае — культурой европеизированной предполагающей заинтересованность в демократических преобразованиях в своей Стране.

Существенно и то, что с советских времен индустриализм стал определяющей Социальной культурной для этнических русских. Как и в Западной Европе, в России эту культуру отличали коллективистские предпочтения. В отсутствие реальных успехов в деле постсоветской интеграции деиндустриализация будет идти ускоренными темпами, сопровождаясь болезненными социальными Последствиями которым действенные интеграционные региональные институты помогали бы противостоять. При этом потенциальная основа поддержки подобных институтов стремительно размывается. С точки зрения политического реализма, дальнейшее усугубление дезинтеграции постсоветского пространства скорее всего будет сопровождаться нарастающей Угрозой дезинтеграции и Российской Федерации, и ряда других Постсоветских государств. Если же судить с когнитивистской точки зрения, особенно существенно то, что в социальной культуре постсоветских обществ в результате дополнительно Поощряемого условиями региональной дезинтеграции отказа от таких ценностей иерархической культуры, как уважение к закону и порядку и стремление к знаниям, В качестве определяющих могут закрепиться Распространенные и сегодня неотрадицио¹ черты. Последнее может Сильно осложнить их успешный переход к Постиндустриальному образу жизни.

Литература

Каграмов Ю. Чужое и свое // Новый Мир. 1995, № 6. С. 167—188. Клеандров М.И.

Разрешение экономических Споров в СНГ / Уч. пособие. Тюмень, 1997.

Коротченя ИМ. Экономический союз суверенных государств: стратегия и тактика становления СПб., 1995.

Мвхайленко А. Проблема СНГ // Свободная Мысль 1998. 1 9—12 (1478).

Шинкарецкая ГГ. Межпарламентская ассамблея Содружества Независимых Государств на фоне Межпарламентских организаций других интеграционных объединений 1/

Глава 3.

Интеграция на основе религии:

Организация исламской конференции

В последние десятилетия XX в. в международных отношениях появился новый феномен — политическая и экономическая интеграция государств на основе религии. Он стал закономерным результатом роста влияния религии, прежде всего ислама на мировую политику.

Ислам и в наши дни остается мировой религией. Число его приверженцев достигает 1,5 млрд человек, проживая в более, чем шестидесяти государствах. Исламский мир занимает обширную территорию, простираясь от Атлантического побережья Африки до восточной оконечности Азии. К нему относятся государства, обладающие миллиардами нефтедолларов (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ) и беднейшие государства мира, феодально-теократические и конституционные монархии, светские и исламские республики. В одних государствах мусульмане составляют большинство населения, в других — влиятельное меньшинство. Во всех этих странах ислам оказывает серьезное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику, особенно в условиях развернувшихся в мире процессов глобализации, сопровождающихся вестернизацией и поисками странами Азии и Африки национальной идентичности, в том числе и в исламе.

Исламские установления выдвигаются в качестве основы не только внутриполитического и социально-экономического развития стран Востока, но и международных отношений, нового, более справедливого мирового порядка, а также экономической и политической интеграции. Не в последнюю очередь это является реакцией исламского мира на крушение биполярной системы международных отношений, доминирование в них государств Запада, прежде всего США, навязывание ими мировому сообществу западных моделей и ценностей.

Теория и историческая практика международных отношений в мусульманском мире

В исламском богословии и юриспруденции средневековья и нового времени не сложилось разработанной теории международных отношений. В качестве норм, регулирующих взаимоотношения между народами, использовались такие коранические установки, как принцип исламского братства, джихад, идеал мусульманской общины-государства — умма. Принцип исламского братства — единства верующих в их

отношении к Аллаху, их братства в вере вытекает из догмата о том, что все люди — сыны Адама, первого человека. В Коране прямо говорится, что все мусульмане — братья (сура 49, стих 10). Идеи братства единоверцев закреплялись политической практикой в ходе арабских завоеваний и распространения ислама на неарабские народы. Чтобы удержать в составе единого Халифата этнически и культурно разнородные группы населения, правители выдвигали на первый план принцип общности людей на основе единой веры. Население Халифата различалось не по национальной принадлежности, а по вероисповеданию.

Все мусульмане, согласно исламской доктрине, составляли единую религиозную общину-государство — умму. К умме причислялись и те верующие, которые проживали за пределами границ Арабского Халифата. Так, умма стала рассматриваться верующими не только как исламское государство, но и как международное сообщество представителей всех рас и народов, объединяемых общей верой, исламом. Таким образом, исламское братство не признает национальной принадлежности и государственных границ. На этом принципе основываются более поздние теории панисламизма и неопанисламизма.

С принципом исламского братства неразрывно связан и другой важный принцип мусульманской религии — джихад. Джихад понимается как священная война за веру. Мусульманские богословы средневековья делили мир на две части: область ислама (дар уль-ислам) и область войны (дар уль-харб). Область ислама включала территории, находившиеся под властью исламских правителей и управляемые по законам шариата, причем не обязательно, чтобы все население исповедовало ислам. К области войны относились территории, население которых (мусульмане и немусульмане) находилось под властью «неверных» правителей. Конечной целью ислам считает превращение всего мира в дар уль-ислам. Борьба за этот идеал — джихад — вменялась каждому верующему в священную обязанность. Джихад рассматривается как единственно справедливая война, любые другие войны считаются по исламской доктрине несправедливыми.

Однако историческая практика показала, что эти коранические установки носили в основном декларативный характер и редко соблюдались. Принцип исламского братства не предотвратил распада Арабского Халифата на ряд самостоятельных исламских государств. Мусульманские государства, возглавляемые «правоверными» правителями, вели между собой не менее ожесточенные войны за территориальные приобретения и политический авторитет, чем войны с «неверными», немусульманскими государствами. Концепция джихада приобрела новый смысл в эпоху колониализма, когда мусульманские страны и народы оказались в сильной экономической и политической зависимости от стран запада и перестали выступать в качестве самостоятельных субъектов международных отношений. Колониальное (полуколониальное) угнетение стимулировало обращение исповедовавших ислам народов к своей религии в поисках идейного знамени для борьбы с угнетателями-иноверцами. В антиколониальной борьбе стал широко использоваться лозунг джихада, который приобрел значение священной войны в защиту родины и религии от колонизаторов. К сплочению в этой борьбе всех социальных прослоек и этнических групп населения призывал принцип мусульманского братства. Во второй половине XIX — начале XX в. среди мусульманских народов развернулось политическое движение под знаменем исламского единства панисламизм. Его основоположник — известный реформатор ислама Джемаль ад-Дин аль-Афгани, выходец из Афганистана, живший и работавший в Османской империи, в начале 1870-х годов впервые высказал мысль о необходимости религиозно-политического союза мусульманских народов в мировой политике. Афгани рассматривал ислам как единую идеологическую платформу, способную сплотить народы для борьбы против колониального гнета.

Считая, что националистические устремления, пробуждавшиеся среди народов колониальных и зависимых стран на рубеже XX в., препятствуют объединению мусульман против общего врага — колониализма, Афгани противопоставлял национальному самосознанию и национальной общности религиозную солидарность. «Мусульмане не знают иной истины национальности, кроме своей религии», — говорил Афгани. Он обращался со своими планами политического союза мусульманских народов к египетскому хедиву, турецкому султану, суданскому махди, иранскому шаху. И хотя идеи панисламизма поддерживали многие исламские религиозные и общественно-политические деятели разных стран и народов, они остались нереализованными.

Мусульманские правители стремились использовать панисламские лозунги прежде всего в своих корыстных интересах — для упрочения личной власти в поднятия собственного престижа в мусульманском мире и на международной арене в целом. Пример тому — использование лозунга панисламизма во внутренней и внешней политике правителями Османской империи.

Панисламистское движение подверглось серьезному испытанию во время Первой мировой войны. Султан Османской империи объявил джихад странам Антанты и призвал мусульман всего мира выступить на стороне германского блока. Несмотря на то, что султан был халифом, т.е. религиозным главой всех мусульман-суннитов, его призыв к джихаду не поддержали не только мусульман-суннитов, проживавшие в британской Индии, французской Африке, в Средней Азии, но и мусульмане самой Османской империи, прежде всего, арабское население, которое подняло восстание против турецкого владычества. Завоевание Египтом независимости в 1922 г. вдохновляюще подействовало на другие народы Ближнего Востока и показало, что более надежным знаменем в борьбе за независимость может стать национализм.

После Первой мировой войны панисламистское движение постепенно приходит в упадок. В странах традиционного распространения ислама большую популярность приобретают националистические течения, также окрашенные в религиозные тона. Но следует подчеркнуть, что мусульманский национализм в разных странах всегда носил панисламистский оттенок и предусматривал тесную связь между мусульманскими нациями всего мира.

С распадом Османской империи, ликвидацией халифата в 1924 г. и превращением Турции в светское государство с особой отчетливостью проявилась нереальность планов объединения мусульманских народов в единое государство. Тем не менее идеологию панисламизма и институт халифата несколько раз пытались реанимировать. Сначала они были взяты на вооружение правителем Хиджаза, который пытался выступить в роли вождя арабского национально-освободительного движения, приняв для этого в 1924 г. титул халифа. После захвата Хиджаза Ибн Саудом халифат хиджазских правителей был ликвидирован. Ибн Сауд, будучи главой немногочисленной ваххабитской секты ислама, не мог претендовать на титул халифа. Нуждаясь в поддержке мусульманского мира для упрочения своих собственных позиций в борьбе против английского влияния на Ближнем Востоке, он добился своего провозглашения хранителем мусульманских святынь. Это решение было принято на Всемирном исламском конгрессе 1926 г. в Мекке, созванном по инициативе Ибн Сауда. Инспирированный англичанами в том же году в противовес мекканскому Всемирный исламский конгресс в Каире с целью избрания нового халифа окончился безрезультатно. С этого времени вопрос о создании халифата и избрании халифа больше не поднимался.

Однако в качестве альтернативы стала выдвигаться идея создания международного политического союза исламских народов и стран для борьбы против западного засилья. Многие мусульманские идеологи продолжали призывать страны традиционного распространения ислама к объединению в той или иной форме на основе принципа исламской солидарности и созданию региональных союзов мусульманских государств, а также к выступлению с единых позиций в международных организациях. Такие призывы имели целью укрепить позиции освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости развивающихся стран на международной арене, повысить их политический престиж, облегчить защиту их интересов. К тому же в обстановке «холодной войны», глобального противостояния и идейно-политического противоборства капитализма и социализма Мусульманские страны стремились найти свой путь развития в исламе, ища в нем защиту от зол капитализма и крайностей атеистического коммунизма. Эта новая тенденция получила название неопанисламизма. Однако в отличие от старой панисламистской идеологии она не была направлена на создание единого мирового исламского государства, а имела целью политическую, экономическую, культурную и иную интеграцию исламских стран и народов, которые, сохраняя свои государственные границы и правительства, будут иметь одинаковое законодательство, основанное на принципах мусульманского права, единый образ правления и жизни, базирующийся на установлениях Корана и хадисов. И хотя достижение экономической и политической интеграции является достаточно отдаленным идеалом для националистически настроенных правящих группировок, тем не менее первый шаг в реализации своих

планов они видят в создании международных мусульманских организаций, особенно на государственном межправительственном уровне.

История создания

Организации исламской конференции (ОИК)

После Второй мировой войны на руководящую роль в мире ислама стали претендовать Иран и Пакистан. Арабские идеологи использовали то, что ислам возник среди арабов, Коран ниспослан на арабском языке, что, по их мнению, делает неоспоримой исключительную роль арабов среди мусульман. Пакистанские политические деятели подчеркивали, что их государство является единственным, созданным подлинно на основе религиозной общности. В шахском Иране указывали на то, что Иран является колыбелью восточной культуры, и стремились привлечь на свою сторону неарабские мусульманские народы под флагом противодействия особому положению арабов в мире ислама. Саудовская Аравия обосновывала свои претензии тем, что она объявлена хранительницей мусульманских святынь, Ливийская Арабская Джамахирия заявляла, что она строит у себя подлинно исламское общество и является носителем исламской веры в ее наиболее чистой, свободной от европейского влияния форме. Планы создания исламского пакта, выдвигавшиеся в конце 1950-х — начале 1960-х годов Саудовской Аравией при поддержке США и имевшие ярко выраженную антисоветскую и антисоциалистическую направленность в условиях «холодной войны» провалились. Большинство стран традиционного распространения ислама (Тунис, Сомали, Турция и др.), стремившиеся сохранить умеренно нейтралистский курс в обстановке раскола мира на два лагеря, отнеслись к этим планам настороженно, хотя в принципе одобрили идею исламской солидарности. Исламские государства, выступавшие с антиимпериалистических позиций (Египет, Сирия, Ирак, Алжир), решительно отказались поддержать инициативу Саудовской Аравии, квалифицировав эти проекты как проимпериалистическую затею.

Арабо-израильская война 1967 г., в которой Израиль был поддержан США, внесла серьезные изменения в обстановку на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом. Город Иерусалим был оккупирован Израилем, находящиеся в нем мусульманские святыни оказались под контролем израильских властей. Борьба против экспансионистской политики Израиля стала необходимым элементом внешнеполитического курса для тех правительств, которые претендовали на лидерство в мусульманском мире. Саудовская Аравия, провозглашенная хранительницей мусульманских святынь, поставила во главу угла своей внешней политики борьбу против экспансионизма Израиля и освобождение оккупированной части Иерусалима. Это подняло ее престиж в мусульманском мире.

В августе 1969 г. был совершен поджог главной мусульманской святыни Иерусалима, находящейся в оккупированной его части, — мечети Аль-Акса. Это вызвало бурю возмущения среди приверженцев ислама во всем мире. Король Саудовской Аравии пригрозил объявить джихад, если Израиль не освободит мусульманскую часть Иерусалима. На волне антиизраильских и антиимпериалистических настроений Саудовская Аравия сумела осуществить свои планы по созыву исламского совещания на высшем уровне.

В сентябре 1969 г. в Рабате (Марокко) состоялась первая встреча глав государств и правительств 24 мусульманских стран. Основным решением этого совещания было укрепление солидарности стран традиционного распространения ислама перед лицом экспансии Израиля и оказание помощи арабскому народу Палестины, а также освобождение арабской части Иерусалима. На этом совещании было также принято решение о создании Организации исламской конференции (ОИК) — объединения мусульманских государств на основе единой веры.

Организационная структура

Организации исламской конференции

Организация исламской конференции является единственной мусульманской международной организацией, действующей на межправительственном уровне. В 2000 г. она объединяла 56 государств, в том числе ряд республик СНГ: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан.

Рабочими языками ОИК являются арабский, английский и французский.

ОИК осуществляет тесное сотрудничество с ООН: на 30-й сессии Генеральной Ассамблеи в 1975 г. по просьбе ОИК ей бы предоставлен статус наблюдателя при ООН, а на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи принята резолюция «Ю сотрудничестве между ООН и ОИК», в которой подчеркивается необходимость создания специального механизма для координации действий сторон. В 1984 г. была открыта постоянная миссия ОИК в Нью-Йорке.

В 1972 г. был принят Устав ОИК. Согласно Уставу, высшим органом ОИК является конференция глав государств и правительств, проводимая раз в три года. Первая конференция на высшем уровне состоялась в Марокко (Рабат) в 1969 г., вторая — в Пакистане (Лахор) в 1974, третья — в Саудовской Аравии (МеккаТаиф) в 1981, четвертая в Марокко (Касабланка) в 1984, пятая — в Кувейте в 1987, шестая — в Сенегале (Дакар) в 1991, седьмая — в Марокко (Касабланка) в 1994, восьмая — в Иране в 1997, девятая в Катаре в 2000 г. Совещания на высшем уровне рассматривают наиболее важные международные проблемы и вопросы координации политики ОИК. Главным рабочим политическим органом являются ежегодные совещания министров иностранных дел стран-участниц, решения на которых принимаются на основе консенсуса (достижения согласия всех участников) и носят рекомендательный характер. При необходимости (по просьбе одного из членов ОИК или Генерального секретаря с согласия 2/3 членов ОИК) проводятся внеочередные конференции. Ежегодно министры также встречаются в Нью-Йорке накануне сессии Генассамблеи ООН для координации позиций по вопросам, внесенным в повестку дня ГА ООН.

Исполнительным органом ОИК является Генеральный секретариат во главе с Генеральным секретарем, избираемым на два года. Штаб-квартира Генерального секретариата временно (до освобождения Иерусалима от израильской оккупации) находится в Джидде (Саудовская Аравия). Генсек ОИК и 4 его заместителя назначаются конференцией министров иностранных дел государств-членов сроком на 4 года по принципу географического представительства без права продления срока их полномочий. Пост Генерального секретаря занимают в порядке ротации представители трех групп стран-участниц: арабских государств, стран Азии и Африки. Должность генерального секретаря ОИК занимали: представитель Малайзии (1970—1973), Египта (1973—1975), Сенегала (1975—1979), Туниса (1979—1984), Пакистана (1985—1988), Нигера (Халь-Габид, 1989—1996). На состоявшейся 9—13 декабря 1996 г. в Джакарте 24-й конференции министр иностранных дел ОИК видный государственный деятель Марокко Азеддин Лараки был выбран Генеральным секретарем организации на очередной срок. В структуру Генерального секретариата входят следующие подразделения: канцелярия Генерального секретаря, департамент по делам Иерусалима и Палестины, исламское бюро по бойкоту Израиля, исламское бюро по военной координации с Палестиной, политический департамент, департамент по делам национальных меньшинств, юридический департамент, экономический департамент, департамент науки и технологии, департамент информации, департамент культуры, административно-финансовый департамент, департамент призыва, зарубежные представительства, общий секретариат. Для урегулирования разногласий между государствами -членами ОИК создан Международный исламский суд справедливости, состоящий из 7 членов, которые избираются конференцией министров иностранных дел. Штаб-квартира суда находится в Кувейте.

Бюджет генсекретариата формируется из ежегодных взносов государств-членов ОИК, - размер которых определяется уровнем национального дохода. Последние годы ОИК переживает серьезный финансовый кризис в связи с задержками ежегодных взносов со стороны государств-членов.

Членом ОИК может стать любое исламское государство, разделяющее цели и принципы, изложенные в ее Уставе. При этом Генсекретариат придерживается критериев, в соответствии с которыми ислам 1) является государственной религией государства-члена; 2) либо исповедуется большинством населения; 3) либо является религией главы данного государства. Просьба о приеме в члены ОИК направляется в Генеральный секретариат, который выносит ее на рассмотрение следующей конференции министров иностранных дел. Решение о членстве в ОИК вступает в силу с момента его принятия большинством в 2/3 голосов от общего числа членов Организации. Выход из членства

ОИК осуществляется путем письменного уведомления Генерального секретариата, который извещает об этом всех членов Организации. При этом государство обязано выполнить все свои финансовые обязательства перед ОИК до конца года, в течение которого осуществляется выход из членства Организации. Поправки и изменения в Устав ОИК вносятся по решению не менее 2/3 государств-членов Организации.

ОИК привлекает к участию другие государства, предоставляя им статус гостя или наблюдателя на своих форумах. Так, например, на сессии Организации на уровне мининдел в Джакарте в 1996 г. присутствовали, в частности, в качестве наблюдателей представители Боснии и Герцеговины, Республики Гайана, ЦАР, Республики Кот д'Ивуар, турецкой мусульманской общины Кипра, Фронта национального освобождения МОРО. Среди приглашенных были представители Республик Хорватии и Словении, Македонии, Филиппин, Украины, Косово, Кашмира.

ОИК имеет разветвленную систему специализированных учреждений и принадлежащих ей организаций и структур, а также действующих на постоянной основе функциональных комитетов, руководство которыми осуществляют главы государств или Генсек ОИК. Так, комитет по Иерусалиму возглавляет король Марокко, постоянный комитет по информации и культуре — президент Сенегала, постоянный комитет по торгово-экономическому сотрудничеству — президент Пакистана. Созданы комитеты по региональным проблемам, в т.ч. по Палестине, Афганистану, Боснии, Кашмиру.

В рамках ОИК действует ряд центров и фондов, имеющих отдельный бюджет и расположенных в различных странах-членах Организации: Исламский центр развития торговли (Касабланка), Исламский центр профессионально-технической подготовки и исследований (Лакка), Центр изучения исламской истории, искусства и культуры (Стамбул), Центр социальноэкономических и статистических исследований (Анкара), Международная комиссия по сохранению исламского наследия (Стамбул), Фонд Иерусалима (Джидда), Фонд исламской солидарности, оказывающий финансовую помощь не столько членам ОИК, сколько мусульманским общинам в других странах Джидда), Исламская организация по делам науки, технологии и развития (Джидда).

Самостоятельный бюджет и членство из числа только государств-членов ОИК имеют такие специализированные учреждения как Исламский банк развития (Джидда), Международное исламское агентство новостей (Джидда), Исламский комитет международного полумесяца (Бенгази), Исламская организация образования, науки и культуры — исламский аналог ЮНЕСКО (Рабат), Организация радиовещания исламских государств (Джидда).

ОИК также принадлежат Исламский союз судовладельцев (джидда), Исламский союз цемента (Турция), Исламская палата торговли, промышленности и товарообмена (Карачи), Спортивный союз игр исламской солидарности (Эр-Рияд), Международный союз исламских банков (Каир).

Для изучения ислама и арабского языка мусульманским населением Западной Африки по решению ОИК открыты исламские университеты в Нигере (1986 г.) и Уганде (1988 г.). При Генеральном секретариате ОИК аккредитован постоянный представитель Ирана в ранге посла (с ноября 1991 г.), остальные государства-члены ОИК осуществляют контакты с Генсекретариатом через свои посольства в Эр-Рияде или генеральные консульства в Джидде.

Членство в ОИК может сочетаться с участием в других международных объединениях — Организации африканского единства, Лиге арабских стран, АСЕАН, Движении неприсоединения и т.п.

Главной целью ОИК, согласно ее Уставу, объявляется поощрение и укрепление мусульманской солидарности и сотрудничества между государствами-участниками в экономической, культурной, научной и других сферах на основе принципа полного равенства ее членов, невмешательства во внутренние дела, уважения прав на самоопределение, суверенитета, независимости, целостности территории, а также неприменения силы и урегулирования конфликтов мирными средствами. Лозунг исламской солидарности и единства трактуется в Уставе ОИК не только как религиозная, но и как политическая и экономическая общность стран традиционного распространения ислама. Некоторые исламские идеологи считают эту организацию воплощением мусульманской общины-уммы в мировом масштабе. Они призывают все государства, где живут мусульмане, вступить в ОИК.

Однако среди членов ОИК имеется различное понимание содержания принципа исламской солидарности. Доминирующие в организации богатые нефтедобывающие арабские государства, в первую очередь, Саудовская Аравия, стремятся использовать этот лозунг для мобилизации на международном уровне поддержки со стороны государств традиционного распространения ислама для повышения собственного престижа на мировой арене, а также в интересах своей внешней политики. Со своей стороны, бедные государства Азии и Африки заинтересованы в исламской солидарности для получения экономической помощи от богатых нефтедобывающих государств. Так, например, Габон придает большое значение своему участию в ОИК, хотя среди его населения мусульмане составляют не более 1%, рассматривая это участие как хорошую возможность для установления в рамках ОИК двусторонних отношений с теми арабскими и другими государствами, с которыми у Габона нет дипломатических отношений и которые он рассматривает как потенциальные источники существенной экономической помощи. Поэтому такие государства, как Габон, стараются придерживаться в ОИК умеренных позиций, не участвовать в разногласиях по политическим и другим вопросам, а наибольшую заинтересованность проявляют в отношении экономических аспектов деятельности организации.

На конференциях ОИК противодействующие группы обычно стараются достичь негласного компромисса, чтобы избежать острых споров по конфликтным проблемам, могущих вызвать раскол среди исламских государств и подорвать мусульманскую солидарность.

Политические аспекты деятельности Организации исламской конференции
Основное внимание ОИК уделяет острым проблемам мировой политики, прежде всего касающихся мусульманских стран. В центр активности организации с самого начала была поставлена задача оказания помощи и поддержки арабскому народу Палестины в его борьбе против экспансии Израиля, а также за освобождение арабской части Иерусалима и находящихся там мусульманских святынь. Эти вопросы неизменно ставятся и обсуждаются в качестве главных на всех конференциях и совещаниях Организации. IV конференция министров иностранных дел государств-членов ОИК в Бенгази в марте 1973 г. стала водоразделом, ознаменовав момент превращения ОИК из форума для дискуссий в настоящую политическую организацию. С этого момента ислам превратился в политическую и экономическую силу, с которой мировому сообществу приходится считаться. Эта конференция выразила поддержку справедливой борьбы палестинцев, призвала оказывать помощь африканскому освободительному движению, решила направить делегацию в Манилу для изучения положения в исламской общине на Филиппинах.

Тем не менее, уже в это время стал обнаруживаться кризис доверия со стороны неарабских африканских и азиатских мусульманских стран к деятельности ОИК, вызванный тем, что слишком много внимания уделяется ближневосточным проблемам и помощь оказывается преимущественно арабским государствам и слишком мало ОИК занимается вопросами, важными для неарабских мусульманских стран и народов. Практическая деятельность ОИК продемонстрировала недостаточность проблем Ближнего Востока и одного религиозного фактора для достижения внешнеполитической гармонии столь различных мусульманских стран, расположенных в разных частях мира, на разных континентах, имеющих разные национальные и внешнеполитические интересы. Поэтому ОИК стала уделять больше внимания вопросам, представляющим интерес для неарабских членов организации. В первую очередь это касалось разрешения конфликтов между странами-участницами организации, так как эти конфликты ослабляли общий фронт мусульманских государств и дискредитировали саму идею исламской солидарности и братства. Так, на конференции глав государств и правительств-членов ОИК в Лахоре в 1974 г. был урегулирован конфликт между Пакистаном и Бангладеш. На конференции было объявлено о признании мусульманскими странами Бангладеш как самостоятельного государства, что в значительной степени способствовало упрочению позиций новой республики на международной арене. На конференции глав государств и правительств в Таифе в 1981 г. было принято решение о создании мусульманского суда и исламского совета безопасности для разрешения спорных вопросов. Однако следует подчеркнуть, что созданные ОИК комиссии «добрых услуг» и другие органы урегулирования конфликтов столкнулись с большими трудностями в деле

преодоления, например, такого конфликта, как ирано-иракская война, в результате чего принцип исламского братства, а также запрещение мусульманам вести иные войны, кроме войны за веру-джихад, оказались сильно подорванными.

Проповедуемый ОИК принцип исламской солидарности руководители организации считают возможным распространять и на те страны, которые не являются ее членами, но в которых проживают мусульманские религиозные меньшинства. В этих целях в 1979 г. была создана специальная комиссия по делам мусульманских меньшинств. ОИ4К признала интересы Турции на Кипре, поддержала сепаратистские устремления националистических группировок турецкой общины киприотов, призвала государства традиционного распространения ислама оказать помощь борьбе мусульман на юге Филиппин, в Эритрее, исламскому движению Африканского Рога. На конференции в Таифе была создана также специальная комиссия для поддержания контактов с мусульманским населением немусульманских стран (Индии, КНР, СССР и других). Со временем ОИК начала уделять все больше внимания также важным международным проблемам, выходящим за рамки чисто мусульманских интересов. Так, на конференции министров иностранных дел государств ОИК в декабре 1983 г. в Дакке была выражена глубокая обеспокоенность продолжавшейся эскалацией гонки вооружений и выражено убеждение, что международное сообщество начнет разрабатывать эффективные меры для обеспечения безопасности неядерных государств. Представители мусульманских стран выразили решимость предпринять все меры для предотвращения распространения ядерного оружия в Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Члены ОИК особенно обеспокоены вопросами безопасности стран исламского региона. Выступая за разработку и осуществления всесторонней стратегии «обороны мусульманского мира», они поддержали решение в Международной конференции «Оборона и мусульманский мир», проходившей в 1979 г. в Лондоне, о совместном использовании ресурсов для обеспечения безопасности каждой исламской страны и для социально-экономического и технического развития исламского мира в целом; о тесном сотрудничестве в научно-технической области, а также в области образования и подготовки специалистов, о создании совместных предприятий оборонной промышленности для достижения коллективной безопасности. Для разработки концепций военной доктрины, связанной с обороной мусульманского мира, создан Исламский институт оборонной технологии. ОИК осуждает апартеид, расизм, прежде всего на юге Африки. ОИК отрицательно отнеслась также к политике Египта по установлению сепаратных отношений с сионистским руководством Израиля. Сотрудничество между Египтом, США и Израилем и подписание Кемп-Дэвидских соглашений было квалифицировано как агрессия против палестинского народа и как угроза безопасности и независимости арабских народов. ОИК приостановила членство Египта в организации, которое было, тем не менее, восстановлено в 1984 г. По Ближнему Востоку ОИК поддерживает позицию «земля в обмен на мир», т.е. вывод израильских войск с оккупированных палестинских и арабских территорий, выступает против иудеизации Иерусалима, строительства израильских поселений на оккупированных землях.

В то же время под лозунгом исламской солидарности некоторыми членами ОИК оказывалась помощь противникам демократической Республики Афганистан (ДРА), а членство ДРА в ОИК было приостановлено. После вывода советских войск из Афганистана ОИК призвала все страны прекратить помощь вовлеченным в конфликт афганским группам, уважать территориальную целостность, суверенитет и исламский характер Афганистана, способствовать достижению национального примирения. Место Афганистана в ОИК остается вакантным.

Исламские деятели предлагали свой путь борьбы за мир против иностранных военных баз, за разоружение. Но при этом они отказывались от сотрудничества с социалистическим лагерем, предпочитая религиозные организации и движения. В то же время проводились совместные конференции мусульман и христиан, заостренные против атеизма, носителем которого считались прежде всего СССР и другие социалистические страны. Активизируется деятельность ОИК и в отношении ООН. На конференциях ОИК неоднократно выдвигались требования изменения устава ООН на основе равенства и справедливости путем ограничения прав, признанных за некоторыми государствами в Совете безопасности, и наилучшего учета интересов развивающихся стран. За этой формулировкой стоит требование о лишении постоянных членов Совета безопасности

ООН права вето. По инициативе ОИК конференция неприсоединившихся стран в Коломбо высказалась за пересмотр Устава ООН. В документах ОИК зафиксирован призыв предоставить Организации место в руководящих органах ООН, прежде всего в Совете безопасности.

Важное место в деятельности ОИК занимает разработка теоретико-правовых проблем международных отношений с позиций мусульманского религиозного закона — шариата. На III совещании в верхах 1981 г. была принята Мекканская декларация, целью которой было выделение всех мусульман мира в обособленную общность на международной арене. В декларации подчеркивается, что все мусульмане мира, независимо от языка, цвета кожи, территории проживания, составляют единую нацию, отличающуюся от других народов. В основу такого единства положена единая вера, общее культурное наследие, а также присущая всем мусульманам устремленность к единой цели и выполнение ими одной и той же миссии на земле — борьба за торжество ислама во всем мире.

Идея внутреннего единства и обособленности мусульманской общины на международной арене отчетливо просматривается также и в позиции ОИК по такому актуальному вопросу, как права человека. Из всех государств традиционного распространения ислама только Саудовская Аравия не подписала Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН в 1948 г. Тем не менее руководители ОИК предприняли меры к разработке исламской концепции прав человека, основанной исключительно на религиозных догматах и отрицающую секуляристские, светские подходы.

В 1981 г. Исламский Совет Европы со штаб-квартирой в Лондоне представил Всеобщую исламскую декларацию прав человека, которая была одобрена участниками конференции министров иностранных дел ОИК в Дакке в 1983 г. и официально оглашена на совещании в верхах в 1984 г. в Касабланке.

После доработки Исламская декларация прав человека была принята на Каирской конференции министров иностранных дел ОИК в 1990 г. и представлена от имени ОИК на организованном ООН международном конгрессе по правам человека в Женеве в 1993 г. Эти документы ярко отражают исламские подходы к правам человека, вытекающие из норм шариата и ограничивающие эти

права, утверждая дискриминационные традиции в отношении женщин и немусульман, а также свободы совести и вероисповедания, характерные для мусульманской религии. Так, например, в статье III Исламской декларации говорится: «Все люди равны перед законом и имеют одинаковые права и защиту со стороны закона». Однако под словом «закон» подразумевается шариат, а не светский закон западного либерального типа. Как известно, шариат предусматривает ряд преимуществ для взрослых мужчин, а также правоверных мусульман и тем самым, по сути, является дискриминационным в отношении женщин и инаковерующих. Таким образом, права человека в соответствии с шариатом представляют собой нарушение прав человека по общепринятым международным стандартам. В статье VI Исламской декларации прав человека утверждается: «Женщина равна с мужчиной в человеческом достоинстве и обладает правами и обязанностями. Такая расплывчатая формулировка, избегающая утверждения о равенстве в правах, а не в достоинстве, неслучайна. Она предусматривает именно отсутствие равенства в правах между мужчиной и женщиной, как это содержится в шариате. Это тоже является серьезным отступлением от Всеобщей декларации прав человека и свидетельствует о закреплении в Исламской декларации принципа дискриминации женщин, характерной для шариата.

Новую интерпретацию приобретает принцип джихада в современных международных отношениях. Он используется прежде всего для борьбы против сионизма. В Мекканской декларации 1981 г. указывается, что члены ОИК полны решимости вести джихад всеми средствами для освобождения оккупированных территорий мусульманских государств, поддержки независимости и территориальной целостности, восстановления прав мусульманских народов и устранения допущенной в отношении их несправедливости. Важным проявлением джихада провозглашается также борьба против империализма в экономической, политической, культурной и духовной областях. Так, осенью 1973 г. в ответ на израильскую агрессию на Ближнем Востоке ряд арабских стран ввел эмбарго на поставки нефти в некоторые западные страны, поддержавшие эту агрессию. Совещание глав государств и правительств-членов ОИК в Тегеране в декабре 1973 г. выступило осуждением стремления США и других западных стран навязать свои общественно-

политические, моральные, культурные и иные взгляды и ценности афро-азиатским, в том числе и мусульманским, народам и заявило, что внутренние законы США не должны распространяться на другие государства и на международные отношения в целом. Активизируется деятельности ОИК и в отношении ООН. На конференциях ОИК неоднократно выдвигались требования изменения устава ООН на основе равенства и справедливости путем ограничения прав, признанных за некоторыми государствами в Совете безопасности и наилучшего учета интересов развивающихся стран. За этой формулировкой стоит требование о лишении постоянных членов Совета безопасности ООН права вето. По инициативе ОИК конференция неприсоединившихся стран в Коломбо высказалась за пересмотр Устава ООН. В документах ОИК зафиксирован призыв предоставить Организации место в руководящих органах ООН, прежде всего в Совете безопасности.

Важное место в деятельности ОИК занимает разработка теоретико-правовых проблем международных отношений с позиций мусульманского религиозного закона — шариата. На III совещании в верхах 1981 г. была принята Мекканская декларация, целью которой было Выделение всех мусульман мира в обособленную общность на международной арене. В декларации подчеркивается, что все мусульмане мира, независимо от языка, цвета кожи, территории проживания, составляют единую нацию, отличающуюся от других народов. В основу такого единства положена единая вера, общее культурное наследие, а также присущая всем мусульманам устремленность к единой цели и выполнение ими одной и той же миссии на земле — борьба за торжество ислама во всем мире. Идея внутреннего единства и обособленности мусульманской общины на международной арене отчетливо просматривается также и в позиции ОИК по такому актуальному вопросу, как права человека. Из всех государств традиционного распространения ислама только Саудовская Аравия не подписала Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН в 1948 г. Тем не менее руководители ОИК предприняли меры к разработке исламской концепции нрав человека, основанной исключительно на религиозных догматах и отрицающую секуляристские, светские подходы.

В 1981 г. Исламский Совет Европы со штаб-квартирой в Лондоне представил Всеобщую исламскую декларацию прав человека, которая была одобрена участниками конференции министров иностранных дел ОИК в Дакке в 1983 г. и официально оглашена на совещании в верхах в 1984 г. в Касабланке.

После доработки Исламская декларация прав человека была принята на Каирской конференции министров иностранных дел ОИК в 1990 г. и представлена от имени ОИК на организованном ООН международном конгрессе по правам человека в Женеве в 1993 г. Эти документы ярко отражают исламские подходы к правам человека, вытекающие из норм шариата и ограничивающие эти права, утверждая дискриминационные традиции в отношении женщин и немусульман, а также свободы совести и вероисповедания, характерные для мусульманской религии. Так, например, в статье III Исламской декларации говорится: «Все люди равны перед законом и имеют одинаковые права и защиту со стороны закона». Однако под словом «закон» подразумевается шариат, а не светский закон западного либерального типа. Как известно, шариат предусматривает ряд преимуществ для взрослых мужчин, а также правоверных мусульман и тем самым, по сути, является дискриминационным в отношении женщин и ипаконерующих. Таким образом, права человека в соответствии с шариатом представляют собой нарушение прав человека по общепринятым международным стандартам. В статье VI Исламской декларации прав человека утверждается: «Женщина равна с мужчиной в человеческом достоинстве и обладает правами и обязанностями». Такая расплывчатая формулировка, избегающая утверждения о равенстве в правах, а не в достоинстве, неслучайна. Она предусматривает именно отсутствие равенства в правах между мужчиной и женщиной, как это содержится в варианте. Это тоже является серьезным отступлением от Всеобщей декларации прав человека и свидетельствует о закреплении в Исламской декларации принципа дискриминации женщин, характерной для шариата.

Новую интерпретацию приобретает принцип джихада в современных международных отношениях. Он используется прежде всего для борьбы против сионизма. В Мекканской декларации 1981 г. указывается, что члены ОИК полны решимости вести джихад всеми средствами для освобождения оккупированных территорий мусульманских государств, поддержки независимости и территориальной целостности, восстановления прав

мусульманских народов и устранения допущенной в отношении их несправедливости. Важным проявлением джихада провозглашается также борьба против империализма в экономической, политической, культурной и духовной областях. Так, осенью 1973 г. в ответ на израильскую агрессию на Ближнем Востоке ряд арабских стран ввел эмбарго на поставки нефти в некоторые западные страны, поддержавшие эту агрессию. Совещание глав государств и правительств-членов ОИК в Тегеране в декабре 1974 г. выступило с осуждением стремления США и других западных стран навязать свои общественно-политические, моральные, культурные и иные взгляды и ценности афро-азиатским, в том числе и мусульманским, народам и заявило, что внутренние законы США не должны распространяться на другие государства и на международные отношения в целом. Лозунги джихада используются в противостоянии западной массовой культуре, западного образа жизни, мировоззрения в странах традиционного распространения ислама. Одним из направлений джихада в последнее время является также пропаганда ислама среди немусульманских народов, особенно в Африке, помощь исламским миссионерским организациям, противодействие распространению христианства. Для оказания помощи общинам мусульман в их деятельности по распространению и усилению влияния ислама в 1974 г. был создан Фонд солидарности из взносов стран-участниц ОИК. Эти средства выделяются на строительство мечетей, исламских религиозных и учебных центров, распространение религиозной литературы, предоставление стипендий. Вместе с тем ОИК стремится исправить негативные представления об исламе, сложившиеся в мире в результате деятельности фундаменталистов. Так, совещание в верхах ОИК в 1974 г. в Тегеране осудило террористические акты, совершаемые, якобы, во имя ислама. Оно подчеркнуло важность международного и регионального противодействия всем формам терроризма. В решениях конференции была подтверждена необходимость достижения взаимопонимания и взаимодействия различных культур и цивилизаций в соответствии с исламским учением о терпимости, справедливости и мире.

Тегеранское совещание оказалось невосприимчивым к попыткам развернуть исламский мир против России. В связи с событиями в Чечне Генсекретариат ОИК выступил с рядом заявлений, в которых призывал к политическому разрешению конфликта. ОИК воздержалась от внесения данного вопроса в качестве отдельного пункта в свою повестку дня.

Такая позиция ОИК является результатом политики России, направленной на развитие двусторонних контактов с ключевыми странами исламского мира, председателем ОИК, а также с ее Генсекретариатом. В последние годы связи России с ОИК активизировались. Генеральные секретари ОИК Х. АльГабид и И. Лараки побывали с визитами в Москве в 1994 и 1997 гг. Регулярный характер приобрела практика обмена посланиями между Министром иностранных дел России и Генсекретарем ОИК по актуальным международным проблемам. Сложившийся диалог затрагивает проблемы урегулирования югославского кризиса, войны в Афганистане, ближневосточного мирного процесса, развития обстановки в исламском мире. Генсекретариат ОИК позитивно откликнулся на обращения России оказать содействие в деле освобождения военнопленных в Афганистане, а также находившихся в плену в Каццагаре российских летчиков.

Рассмотрение на саммите в Тегеране других политических тем (ситуация вокруг Ирака, израильско-турецкое военное сотрудничество, санкции против Ирака, Ирана, Ливии, Судана) показало неприятие политики тех внерегиональных держав, прежде всего США, которые пытаются использовать в своих интересах силовое давление.

Восьмой саммит ОИК, состоявшийся в Тегеране 9—11 декабря 1997 г., принял объемный пакет резолюций, итоговое коммюнике, Тегеранскую декларацию «достоинство, диалог, участие» и Тегеранское заявление «Видение будущего».

Заряд решительной поддержки «мусульманских» сторон содержится в решениях по Ближнему Востоку, резолюциях, осуждающих «агрессию» Армении против Азербайджана, подтверждающих солидарность с мусульманами Боснии, джамму и Кашмира (Индия), турецкой части Кипра, Юга Филиппин, Косова (Югославия), Западной Фракии (Греция). По Афганистану зафиксировано мнение в пользу начала межафганского диалога, создания широкопредставительного правительства, усилий на региональном и международном уровнях, направленных на установление прочного мира в этой стране.

В ноябре 2000 г. в столице Катара дохе состоялся девятый саммит ОИК, в котором приняли участие делегации 56 стран Азии, Африки и Европы, а также наблюдатели и гости от мусульманских общин немусульманских стран. Афганистан был представлен делегациями Северного альянса и правительства талибов. Ни наблюдателей, ни гостей из Чечни не было. Важное международное значение саммиту придавало присутствие на нем Генерального секретаря ООН Кофи Анана, делегаций движения неприсоединения, Организации экономического сотрудничества, ЮНЕСКО и др. международных организаций. девятая встреча в верхах панисламского сообщества стала самой крупной за всю историю существования ОИК.

К участникам форума обратился с посланием президент РФ В. Путин, назвавший встречу «важнейшим событием не только для исламского мира, но и всего мирового сообщества». В послании отмечалось, что Москва рассчитывает на дальнейшее упрочение взаимодействия между Россией и исламским миром в борьбе с такими явлениями, как терроризм, экстремизм, наркобизнес, контрабанда оружия и торговля людьми.

В политической, экономической и культурно-исламской комиссиях обсуждалось около 80 вопросов, более половины из которых носили политический характер.

Вместо запланированной главной темы «За мир и развитие» и обсуждения планов создания исламского общего рынка встреча на высшем уровне стала саммитом поддержки «Интифады Аль-Акса». В заключительном коммюнике подчеркивалась «полная солидарность» стран-членов ОИК с «палестинской позицией борьбы против попыток навязывания несправедливого и неполного урегулирования». Указывалось, что исламские страны признают независимое палестинское государство сразу после его провозглашения и поддержат вступление Палестины в ООН в качестве полноправного члена этой организации. Совещание потребовало от Совета безопасности ООН «взять на себя ответственность за прекращение кровавых преступлений израильских оккупационных властей по отношению к арабскому народу Палестины». Призывы Ирака, Судана и Ирана к исламскому джихаду против Израиля не получили поддержки. Позиции по обсуждавшимся темам были заранее согласованы. Исламские лидеры вновь подчеркнули «невозможность решения афганской проблемы военным путем» и потребовали от всех сторон афганского конфликта прекратить военные действия и наладить сотрудничество с целью создания правительства на широкой многонациональной основе. В резолюции по Чечне, Ираку, терроризму были внесены существенные изменения, объективно служащие интересам России, Ирака и борьбы с терроризмом. Чеченский вопрос в повестке дня саммита был обозначен как «оказание гуманитарной помощи чеченскому народу». Совещание призвало правительство РФ продолжить переговоры с представителями чеченского народа с целью достижения мирного урегулирования в Чечне с учетом соответствующих международных норм, касающихся прав человека.

Хотя откровенной критики в адрес США не прозвучало, на саммите ощущалось недовольство американской политикой. Исламский форум счел неприемлемым использование лозунга защиты прав человека некоторыми международными организациями для вмешательства в дела стран-участниц ОИК. Участники саммита призвали к реформе ООН и расширению состава Совета безопасности.

Экономические аспекты деятельности

Большинство мусульманских стран относится к числу развивающихся, среди них много представителей бедного Юга. Эти страны остро нуждаются в экономической и финансовой помощи и считают, что исламская солидарность и братство должны распространяться и на эти сферы, тем более, что руководящую роль в ОИК играют богатые нефтедобывающие страны. Поэтому сразу же после создания ОИК встал вопрос об экономическом сотрудничестве мусульманских стран.

Богатые нефтедобывающие страны, с одной стороны, пытаются в известной мере взять на себя функции, ранее присущие преимущественно странам Запада, а именно предоставление займов бедным мусульманским странам, нуждающимся в средствах для финансирования программ своего экономического и социального развития, с другой — стремятся возродить и укрепить исламские экономические традиции (запрещение ростовщичества и т.п.). Они хотят утвердить среди мусульманских народов представление о том, что финансовая, экономическая и политическая стабильность

непосредственно связаны с претворением в жизнь принципов ислама.

До начала 1970-х годов призывы к необходимости экономического сотрудничества между странами традиционного распространения ислама носили расплывчатый характер и не получали практической реализации. В первой половине 1970-х годов возникли объективные условия, способствовавшие активизации развивающихся стран в борьбе за пересмотр существующих мирохозяйственных связей. Принятие неприсоединившимися странами, а затем ООН ряда основополагающих документов о новом международном экономическом порядке заложили фундамент новых по своему типу торгово-экономических и научно-технических связей развитых государств с развивающимися странами. Именно в обстановке этой борьбы резко активизируется деятельность группы исламских государств, направленная на расширение и углубление их финансово-экономических и торговых связей, на создание самостоятельной исламской экономической интеграционной группировки. Важнейшим стимулом для развития активности в этом направлении послужила ведущая роль арабских нефтедобывающих государств в том вызове, который бросил развивающийся мир Западу в ходе энергетического кризиса начала 1970-х годов. Большую роль в этих событиях сыграл и монархии Аравийского полуострова, прежде всего Саудовская Аравия, чьи нефтедоллары подводят финансовую основу под государственное сотрудничество в рамках стран традиционного распространения ислама.

В 1970 г. с инициативой сотрудничества исламских стран в сфере экономики и финансов на принципах исламского братства выступила неправительственная международная исламская организация Всемирный исламский конгресс. Эта инициатива была поддержана конференцией министров иностранных дел ОИК, в меморандуме которой подчеркивалась опасность неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ устремлений западных государств и рекомендовалось создать специальную организацию по вопросам экономического сотрудничества исламского региона. Говорилось также о желательности создания мусульманского общего рынка, зоны свободной торговли и валютной зоны.

Все это рекламируется лидерами ОИК в качестве строительства «исламской экономической системы», а также «нового исламского экономического порядка».

Религиозно-теологическая аргументация деятельности ОИК в сфере экономического сотрудничества базируется преимущественно на модернизированном толковании положений Корана применительно к социально-экономической проблематике, а также на принципах, применявшихся в торговой и кредитно-финансовой практике мусульманского средневековья.

На протяжении почти всей первой половины 1970-х годов ОИК и другие международные неправительственные мусульманские организации вели подготовительную работу, результатом которой стало открытие в 1975 г. Исламского банка развития (ИБР). ИБР занимает особое место как основная финансовая структура, призванная содействовать укреплению социально-экономического сотрудничества между государствами-членами. Устав банка подписали 34 государства. Согласно Уставу членом банка может быть только страна-участница ОИК, выход из ОИК автоматически прекращает членство в банке. Уставной капитал был определен в сумме 2 млрд исламских динаров (1 исламский динар приравнивался к 1 расчетной единице Европейских Сообществ). Было выпущено 200 тыс. акций стоимостью по 10 тыс. исламских динаров каждая. Половина акций была распределена между всеми странами-участницами банка, их стоимость эти страны выплачивали в течение пяти лет равными ежегодными взносами. другая половина распределялась по подписке. По Уставу каждому государству было предоставлено 500 основных голосов, к которым прибавлялось по одному голосу за каждую купленную по подписке акцию. Наибольшее количество голосов приобрели богатые арабские государства. Более 25% акций банка принадлежит Саудовской Аравии; Кувейт, ОАЭ, Ливия и Турция в совокупности владеют 50% акций. Они обладают более 60% голосов. 19 наиболее бедных государств располагают лишь 14,37% голосов. Процедура принятия новых членов в ИБР предоставляет законам банка широкие возможности для блокирования кандидатов, нежелательных с точки зрения руководства ИБР. Руководство деятельностью банка осуществляет Совет управляющих, в который входят представители всех стран-членов ИБР на уровне министров финансов и управляющих национальными банками. Конференции Совета управляющих ИБР проводятся ежегодно. В состав Совета исполнительных директоров входят 5 постоянных членов (Саудовская

Аравия, Кувейт, ОАЭ, Ливия и Турция) и б непостоянных членов, избираемых сроком на три года.

Цели ИБР определены следующим образом: участие в акционерном капитале производственных проектов и предприятий в государствах-участниках; капиталовложения в проекты экономической и социальной инфраструктуры; финансирование частного и общественного секторов. Кроме того, банк может создавать различные специальные фонды. В задачи банка входит также финансирование внешней торговли стран-участниц, оказание им содействия в получении технической помощи и подготовке кадров. Штаб-квартира ИБР находится в Джидде (Саудовская Аравия). Теоретические основы стратегии развития стран-членов ОИК разрабатываются в рамках Исламского фонда науки, техники и развития и Исламской организации по образованию, науке и культуре, а также специалистами ряда других организаций, входящих в ОИК. Исламский банк развития регулярно осуществляет официальные контакты, обменивается информацией, проводит консультации с Международным банком реконструкции и развития и другими международными финансовыми организациями, оказывающими помощь развивающимся странам. ИБР получает техническую помощь в своей деятельности от Азиатского банка развития.

За 25 лет своего существования ИБР инвестировал свыше 12 млрд долл. ИБР стремится оказывать экономическую и финансовую помощь отсталым странам в становлении рыночной экономики. С его помощью соорудились гидроэлектростанции в Камеруне, международный аэропорт в Бангладеш, проходила реконструкция Суэцкого канала в Египте. Банк участвовал в строительстве 9 предприятий в семи государствах: нефтеперерабатывающих заводов в Иордании и Пакистане, цементных предприятий в Малайзии и Марокко, текстильных фабрик в Судане и Пакистане.

Наряду с оказанием помощи ИБР проявляет заинтересованность в повышении коммерческой отдачи от инвестируемых им ресурсов. Как указывал один из исполнительных директоров, ИБР предпочитает помещать средства в проекты, обещающие высокую финансовую или экономическую прибыль.

При этом главной особенностью ИБР, как подчеркивают его учредители, является неукоснительное соблюдение традиционного исламского предписания о рибя, т.е. запрета на ростовщичество, на взимание ссудного процента. «Аллах разрешил торговлю и запретил рост», «Уничтожает Аллах рост и выращивает милость — говорится в Коране (сура 2 стихи 276, 277). ИБР не берет процентов по предоставляемым им ссудам. Прибыль банка обеспечивается участием в акционерном капитале финансируемых проектов. В этом случае прибыль рассматривается не как греховный ссудный процент, а как доход от дозволенного, согласно шариату, участия в партнерстве, когда один из партнеров участвует в совместном предприятии своим капиталом, а другой — трудом и квалификацией. Такое участие может дать больше прибыли на вложенный капитал, чем заранее определенная процентная ставка по ссуде.

Принцип соучастия, партнерства — мушарака — является одним из главных принципов деятельности ИБР, позволяющих не нарушать связанные с рибя запреты. На основе мушарака создаются различные предприятия и коммерческие организации, в которых доля каждого партнера в прибылях определяется специальным договором, а не удельным весом принадлежащего ему капитала. Убытки такого предприятия также делятся между партнерами согласно договору.

Мушарака имеет несколько разновидностей. Мудароба применяется банком преимущественно при финансировании проектов развития и в операциях с ценными бумагами и заключается в предоставлении формально беспроцентного кредита при условии отчисления банку фиксированной доли получаемой прибыли. Мурабаха представляет собой торговую прибыль, которую получает банк в результате перепродажи товаров при финансировании внешнеторговых операций. В операциях ИБР применяется также принцип ширкат, когда два или несколько участников вносят капитал и участвуют в организации совместного предприятия, а прибыли и убытки делят в соответствии с долей капитала.

Открытие ИБР в 1975 г. и его последующая деятельность знаменовали собой начало нового этапа мусульманского движения за перестройку международных хозяйственных отношений, которое выдвинуло лозунг создания «исламского нового экономического порядка», предполагающего ликвидацию неравноправия во взаимоотношениях развитых

государств с развивающимися. Будучи первым звеном в финансово-экономической интеграции мусульманских стран ИБР стимулировал создание целого ряда новых организаций, деятельность которых координируется Генеральным секретариатом ОИК. С 1978 г. в Анкаре действует Центр статистических и социальных исследований по проблемам рабочей силы и профессионального обучения в странах традиционного распространения ислама. Построенный на средства, главным образом, Турции и Саудовской Аравии, он действует под эгидой ОИК. Учреждение занимается в основном сбором соответствующей информации и ее распространением.

Более широкие функции возложены на Исламский центр по подготовке технических специалистов и высококвалифицированных рабочих, открытый в 1979 г. в Дакке. Там ведутся научные исследования в области вычислительной техники, автоматики, нефтедобычи, автомобилестроения и т.п.

В 1978 г. была учреждена Исламская торгово-промышленная палата, в финансовом отношении опирающаяся на ИБР. Согласно уставу палаты, в ее задачи входит: развивать сотрудничество между членами этой и близких к ней по роду деятельности организаций мусульманского мира; стимулировать торговлю, промышленность и ремесла, обеспечивая соответствующие условия своим членам; разрабатывать рекомендации, служащие охране и защите экономических интересов мусульман; налаживать сотрудничество с международными экономическими организациями, занимающимися проблемами развития торговли, промышленности и сельского хозяйства.

В 1981 г. в дополнение к Исламской торгово-промышленной палате был создан Исламский центр развития торговли. Его штаб-квартира располагается в Таижере. В задачи центра входит координация торговой политики стран-членов ОИК, развитие капиталовложений в торговлю, укрепление торговых связей со странами-членами Европейского экономического сообщества.

В конце 1970-х начале 1980-х годов было образовано несколько инвестиционных компаний, в том числе с центрами в Женеве и на Багамских островах. Начиная с 1977 г. Исламская инвестиционная компания выпускает мусульманские облигации под названием сукук, два края которых имеют красный и зеленый цвета. Красный край предоставляет право на соответствующую долю прибыли Инвестиционной компании, зеленый край — знак благотворительного дара мусульманина-владельца облигации: это значит, что он дохода не получает, а как бы отдает его на благотворительные цели. Однако по первому требованию владельца облигации эта сумма благотворительности может быть возмещена. Владелец облигации, таким образом, имеет право использовать либо один край, либо оба края. Исламские банки ряда стран имеют соглашения с Исламской инвестиционной компанией на размещение сукук на национальных рынках капитала.

По инициативе Исламской инвестиционной компании в 1981 г. в Женеве основана и зарегистрирована также на Багамских островах Исламская финансовая компания (ИФК). Основная область ее деятельности — инвестиции в производственную сферу, финансирование торговли, страхование, консультационное обслуживание, управление ценными бумагами крупных инвесторов. По сути дела ИФК претендует на роль главного канала рециклирования нефтедолларовых ресурсов частного сектора и координатора деятельности всех исламских банков.

С 1978 г. в столице Судана Хартуме действует Исламский институт по вопросам взаимного страхования, однако в мусульманских богословских кругах ведутся большие споры о допустимости страхового бизнеса для мусульман. С точки зрения ислама страхование запрещено поскольку связано с получением ростовщического процента, К тому же в исламской доктрине существует собственная система страхования — закят и садака (религиозный налог с имущих в пользу неимущих и благотворительность), а также право наследования и правила раздела наследуемого имущества, не подлежащие изменению даже самим завещателем. Сомнения в отношении страхового бизнеса восходят к исламскому догмату о предопределении. По учению ислама, в этом мире не существует ничего, что не зависит всецело от воли Аллаха. Он по своему усмотрению помогает людям или оставляет их без помощи, и у людей нет другого пути, как только повиноваться воле Аллаха. В свете такого подхода страховка при несчастных случаях может рассматриваться как попытка вмешаться в божественное провидение, что недопустимо с религиозной точки зрения.

Экономическая интеграция мусульманских стран должна пройти несколько этапов. На первом этапе предполагается расширить экономическое сотрудничество внутри отдельных групп стран, располагающих наиболее близкими экономическими структурами, а затем приступить к проведению мер по интеграции этих групп в исламскую экономическую систему. Главной целью является установление справедливых взаимоотношений с промышленно развитыми странами и достижение самообеспечения мусульманских государств.

При формальном соблюдении исламских финансовых принципов ИБР фактически предоставляет кредиты на типичных для капиталистического предпринимательства условиях. При этом исламская теоретическая аргументация экономического сотрудничества сводится лишь к общему декларированию, лишь в отдельных случаях те или иные мероприятия подкрепляются цитатами из Корана или хадисов. Формулировки решений международных конференций стран-участниц ОИК по экономическим вопросам также не содержат ссылок на исламские догматы, не имеют исламского оформления. ИБР с 1991 г. оказывает помощь и предоставляет льготные кредиты мусульманским республикам бывшего СССР как на двусторонней основе, так и через Организацию экономического сотрудничества (создана в 1964 г. Турцией, Ираном и Пакистаном, в 1992 г. к ОЭС присоединились Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан (которые позже стали и членами ИБР), а также Таджикистан и Афганистан. Практически решен вопрос о принятии в члены ИБР Таджикистана при условии внесения им в течение 10 лет своей доли уставного капитала в размере 2,5 млн исламских динаров (порядка 3,6 млн ам. долл.). Налаживается сотрудничество с мусульманскими общинами и республиками в составе РФ.

Основные тенденции и перспективы развития

Деятельность ОИК на международной арене свидетельствует о том, что провозглашенный этой организацией принцип интеграции на основе религии, ислама не определяет ее сущности, а служит лишь идеологическим обоснованием этой интеграционной группировки, объединяющей в настоящее время более четверти флагов ООН.

Среди межгосударственных объединений ОИК — одна из наиболее сложных и противоречивых. Организация обладает рядом сильных сторон, подкрепляющих ее международно-политический и экономический вес, и в то же время ей присущи определенные внутренние слабости, снижающие потенциальные возможности ОИК. К сильным сторонам можно отнести следующие. Во-первых, руководящую роль в ОИК играют богатые нефтедобывающие государства, которые наряду с некоторыми другими странами исламского региона контролируют огромные запасы такого стратегического сырья, как нефть, природный газ, имеющего жизненно важное значение для индустриально развитых стран. Во-вторых, значительная доля нефтедолларов вложена в экономику западных государств, так что богатые мусульманские страны имеют определенные рычаги давления на Западную Европу и Северную Америку. В-третьих, мусульманский регион обладает значительными людскими ресурсами и обширной территорией, что имеет немаловажное значение для влияния на современные международные отношения. К тому же ОИК поддерживает тесную связь с международными богословско-религиозными неправительственными объединениями. Мусульманские религиозные деятели идейно санкционируют практическую деятельность ОИК, неизмеримо повышая ее авторитет в глазах широких масс верующих. Кроме этого, улемы разрабатывают принципы международной исламской солидарности с религиозных исламских позиций, дают теологическое обоснование обособления мусульманского мира от Запада и взаимоотношений с ним, что имеет принципиальное значение для мобилизации поддержки политики ОИК со стороны многомиллионных масс верующих в более, чем 60 странах мира. Благодаря всему этому ОИК, выступая единым фронтом, может добиться осуществления многих своих целей.

В то же время высокий потенциал ОИК на международной арене резко снижается за счет крайней неоднородности социально-политических структур и идейных ориентаций правящих в мусульманском мире режимов. Их разделяют различные подходы к важнейшим внешнеполитическим и международным вопросам, например отношениям со странами Запада и прежде всего США, разногласия в отношении форм и методов

использования исламских догматов во внутренней и внешней политики между фундаменталистами и сторонниками умеренных взглядов. Остается неразработанной общая стратегия развития ОИК как в сфере политики, так и экономики, сохраняются острые противоречия по этим вопросам.

Таким образом, в мусульманском мире наблюдается противоборство двух основных тенденций — с одной стороны, тенденция консолидации мусульманских государств и их обособления в мировой политике и экономике, с другой — внутренняя дифференциация исламского региона на идейной, политической, экономической и социальной основе. Обе эти тенденции отражаются на деятельности ОИК.

Особенностью ОИК как примера интеграции на религиозной основе является то, что организация имеет ярко-выраженный исламский характер, в международных и внутренних конфликтах так или иначе поддерживает исключительно мусульманскую сторону вне зависимости от мотиваций ее действий. ОИК считает себя вправе оказывать поддержку мусульманам всего мира, на какой бы территории они ни проживали. ОИК занимается религиозной пропагандой, способствует распространению и упрочению мусульманской религии в мировом сообществе, укреплению позиций исламских стран на международной арене, внедрению исламских ценностей и установлений в международных отношениях и во внутренней политике стран с мусульманским населением.

Литература

Ефимова Л.М. Современный ислам и политика на Зарубежном Востоке. / Уч. пособие. М., 1986.

Ислам и исламизм. М., 1999.

Ислам и политика. М., 200].

Компас. ИТАР-ТАСС. 2000. 1 48, 23 ноября. С. 57—67.

Милославская Т.П., Милославский Г.В. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» / Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986.

Милославская Т.П., Милославский Г.В. Некоторые вопросы теории и практики финансово-экономической деятельности ОИК / Ислам: Проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985.

Наджип Э.Э. К вопросу о деятельности международных мусульманских организаций / Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. Материалы координационного совещания. Ташкент, март 1980. Москва—Ташкент, 1980.

Сюкияйнен ЛР. Гпариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

Глава 4.

Интеграционные процессы в арабском мире

Интеграционные тенденции, отражающие взаимосвязанность и взаимозависимость мировых процессов, все нагляднее заявляющих о себе в начале XXI в., проявляются в той или иной форме в различных регионах земного шара. Богатый и весьма ценный опыт укрепления взаимного сотрудничества накопили арабские страны, где идея арабского единства стала важным фактором их политической жизни на протяжении всего XX в. и где под интеграционные процессы подведена солидная организационная и юридическая база.

Арабская интеграция: факторы «pro» и «contra»

Причины, порождающие центростремительные тенденции в арабском мире, многочисленны и разносторонни; они отражают как общемировые закономерности, так и многие специфические особенности развития арабского общества. Сегодня, когда арабским народам приходится решать схожие проблемы, связанные с необходимостью

преодоления экономико-социальной отсталости, культурной неразвитости и при этом противостоять многочисленным внешним вызовам, возрастает потребность в укреплении взаимодействия арабских государств, в поиске таких форм сотрудничества, которые способствовали бы их общему успешному разрешению поставленных нынешним историческим этапом задач.

Специфика арабского региона, создающая объективные основы для возникающих здесь интеграционных процессов, заключается в его единстве по многим важнейшим параметрам.

Арабский мир един территориально: на обширном пространстве, протянувшемся от Арабского (Персидского) залива через районы Юго-Западной Азии и Северной Африки до Атлантического побережья, расположились 19 арабских стран* с этнически однородным населением, насчитывающим около 300 млн человек: 90% жителей этих стран составляют арабы, 10% — представители иных национальных и этнических групп. Арабы, независимо от страны проживания, считают себя принадлежащими к единой нации. Арабские народы объединяет общность языка — арабского, а также общность исторических судеб. Население нынешних

В это число включена Палестинская национальная автономия (ПНА).

арабских стран входило в средние века в состав Арабского халифата, оказавшего огромное воздействие на материальное и духовное развитие цивилизованного мира и на Востоке, и на Западе. В период новой истории арабские территории, за исключением Марокко, находились в составе Османской империи, вместе с которой в эпоху становления колониализма они стали объектом европейской экспансии и испытали на себе различные формы английского, французского, испанского и итальянского господства. В «чистом» виде арабских колоний было три: Алжир, Аден и Ливия. Большую часть остальных составили протектораты и подмандатные территории (последние появились с окончанием Первой мировой войны).

Мощным объединяющим арабские страны фактором является ислам: 90% их населения (арабы и неарабы) исповедуют ислам, 10% принадлежат к иным конфессиям, главным образом, христианским.

Вместе с тем, отмеченные выше факторы, объединяющие арабов, весьма относительно, и в целом арабский мир отличается чрезвычайной пестротой, проявляющейся в различиях природно-географического, этно-демографического, лингвистического и конфессионального порядка, в историко-культурных судьбах, в уровне экономического и социально-политического развития населяющих эти территории народов. При этом отличаются между собой не только арабские страны Азии, или Машрика, и Северной Африки — Магриба, но и внутри каждого из этих районов. Неоднородность арабского мира оказывает существенное влияние на развивающиеся здесь интеграционные процессы.

Столкновение арабского общества с Западом привело во второй половине XIX в. к анклавному зарождению в нем элементов капиталистического развития, к формированию узкой прослойки арабской интеллигенции, выступившей родоначальницей осознания арабами своей самобытности, их отличия от мира турок. Эту самобытность они усматривали прежде всего в арабской литературе, арабском языке, в общеарабской истории, проявляя повышенный интерес к прошлому и настоящему стран Аравийского полуострова, Сирии, Ирака, Египта, Судана и Северной Африки. В этом и воплощались зачатки идеи арабского единства, ставшего в конце первой половины XX в. одной из основ арабского национализма.

Движение за арабское единство, формировавшееся в эпоху ломки традиционных структур, на всех последующих этапах исторического развития арабского общества воспринималось как важная предпосылка достижения арабами прогресса во всех сферах общественной жизни.

Идеи арабского национального сплочения вызревали медленно и весьма противоречиво, что было отражением самого характера арабской действительности конца XIX — начала XX в. Главными препятствиями на пути исторического прогресса арабских народов была их социально-экономическая отсталость и усиливавшаяся зависимость от западных держав, создававшая реальную опасность для арабов остаться на положении колониальной периферии капиталистического Запада. Силы, способные осознать цели

арабского национального движения, были тогда еще чрезвычайно слабы. Рост арабского политического движения сдерживался крайне медленным процессом трансформации традиционного арабского общества, становлением в нем модернизированных экономических и социальных структур. Господствующими были феодальные отношения (в районах традиционного земледелия) с большой, а во многих случаях преобладающей долей родоплеменных связей. На пути к национальной консолидации арабов было очень много преград, действие значительной части из них сохраняется и до настоящего времени.

Однако, несмотря на наличие в арабских странах множества факторов, сдерживавших ускорение их социально-экономического развития, со второй половины XIX в. под воздействием мирового рынка начался необратимый процесс приобщения арабов к современности на базе внедрения, укрепления и развития элементов капиталистического хозяйства и буржуазных общественных отношений.

Объективным проявлением капиталистической эволюции арабского общества было распространение буржуазного просветительства и реформаторских движений в наиболее развитых тогда арабских странах — Египте, Сирии, Тунисе уже во второй половине XIX в. Становление идеологии арабского национализма было длительным процессом, отражавшим специфику места и времени.

К началу Первой мировой войны арабские страны Северной Африки оказались под политической властью европейских держав. Что касается Машрика, то он — при неуклонном возрастании зависимости этой части арабского мира от экономической, военной, идеологической экспансии Запада — продолжал входить в состав Османского государства, сохраняя при этом определенную целостность. И дело заключалось не столько в подчиненности этих арабских территорий османским властям, зачастую носившей весьма формальный характер, сколько в складывавшемся рынке, в формировавшихся внутренних экономических связях на основе специфики хозяйственной жизни арабских стран. Именно Машрик вплоть до Второй мировой войны воспринимался в сознании подавляющей части населения арабских стран как подлинный мир арабов, а местом, где «билось сердце арабизма», считалась в представлении зачинателей арабского национального движения Сирия, точнее, историческая Сирия, в которую, кроме собственно Сирии, включались Ливан, Палестина, Трансиордания. На эти территории наряду с Ираком, Йеменом, Хиджазом и другими районами Аравии и распространялась идея обособления арабов от турок, правда, пока еще без четкого представления о его возможных формах. В вынашивавшихся до Первой мировой войны арабскими националистами планах преобладающими были два направления: децентрализация Османской империи с предоставлением арабам значительных автономных прав или, учитывая роль арабов в истории ислама, возрождение арабского халифата на основе «истинного ислама, искаженного турками». Халифат, по представлению некоторых арабских идеологов, мог создать необходимые предпосылки для возвращения арабам былого величия, открыть простор для их процветания на базе исламской цивилизации. В будущее арабское государство должны были войти территории Машрика. Северная Африка не рассматривалась как его часть, равно как и Египет, где во второй половине XIX в. развивался египетский национализм, основу которого, как полагали многие египетские мыслители того времени, составляли древняя фараонская и средиземноморская цивилизации, обусловившие более высокий по сравнению с остальным арабо-мусульманским миром уровень египетской культуры. Идею создания халифата выдвинул в годы Первой мировой войны шериф священного города мусульман Мекки Хусейн ибн Али. Англия, стремившаяся привлечь к участию в войне с турками на фронтах Ближнего Востока нетурецкие народы Османской империи, план образования арабского халифата поддержала в обмен на готовность шерифа Хусейна поднять в Хиджазе антитурецкое восстание. При этом английская дипломатия оставила в стороне вопросы территории и границ будущего арабского государства, что было связано прежде всего с собственными британскими интересами в отношении арабских вилайетов и англо-французскими планами раздела «османского наследия», оформленными в 1916 г. соглашением Сайкс Пико, по которому земли планировавшегося арабского государства подлежали разделу между Англией и Францией.

Провозглашение Хусейном ибн Али в ноябре 1916г. независимого арабского государства и себя в качестве его короля свелось к государственному самоопределению только

Хиджаза, королем которого англичане и признали Хусейна. Единое арабское государство так и не появилось на политической карте мира. Изменение ситуации на Аравийском полуострове, связанное с объединительной политикой эмира области Неджд Абдель Азиза ибн Сауда (будущего короля государства Саудовская Аравия), привело к потере Хусейном Хиджаза, а наградой за помощь союзникам в антитурецкой войне было образование крошечного арабского государства Трансиордания, эмиром (последствием которого был поставлен один из сыновей Хусейна Абдалла).

Англия и Франция после Первой мировой войны получили рабские вилайеты Османской империи в качестве подмандатных территорий, разделив страны Машрика государственными границами. Эти изменения самым непосредственным образом :казались на дальнейшей судьбе арабов.

С одной стороны, в арабском мире после окончания Первой мировой войны ускорились темпы той трансформации, которая наметилась еще в конце XIX в. под воздействием интернационализации производства и потребления, затрагивавшего также политическую жизнь и культурную сферу арабов. Развитие новых общественных отношений в обществе выдвигало и

общие задачи: освобождение от иностранного политического господства и изживание исчерпавших себя архаичных структур

в экономике и в социально-политической жизни, действовавшие как центроостремительные силы в арабском обществе.

Но, с другой стороны, быстро набирали силу центробежные тенденции, связанные с появлением группы «самостоятельных» арабских стран, с развитием их государственности, экономики и культуры, что сопровождалось образованием наций в пределах государственных границ. На этом историческом этапе особо проявлялось своеобразие каждой страны, их различие по политическим, экономическим и культурным ориентациям.

В этом противоречивом сочетании центроостремительных и центробежных тенденций, продолжающих действовать и сегодня, находили свое проявление особенности арабского мира как некоего целостного образования с множеством общих проблем, к которым в период между двумя мировыми войнами и добавилась еще одна — палестинская. Но одновременно арабские страны характеризовались существенным разрывом в уровне экономического и социального развития, в традициях политической организации общества, в характере и направленности национального движения. В целом же пестрота, несхожесть по многим параметрам общественного развития отражали и отражают переходную эпоху, в которой есть свои этапы с присущими им характерными чертами. Каждый этап выдвигал конкретные исторические задачи, решение которых порождало тенденцию к единению арабов и создавало предпосылки для эволюции самой интеграционной идеи.

Ситуация в арабских странах в период между двумя мировыми войнами формировалась под воздействием множества слагаемых, из которых определяющими были два: развитие в наиболее «продвинутых» из них национальной буржуазии, рост которой тормозился сохранением глубоких пережитков феодально-патриархальных укладов, и засильем в экономической и политической сферах империалистов Запада. Экономические интересы арабской буржуазии подталкивали ее к поиску рынков, к втягиванию в орбиту своей активности сопредельных территорий, что побуждало арабских идеологов, отражавших ее интересы, выдвигать идеи арабского единства.

Замена на Арабском Востоке турецкого феодально-деспотического режима англо-французским господством повлекла за собой смену объекта национально-освободительной борьбы и, соответственно, необходимость разработки теоретических основ этой борьбы в новых условиях. Центральное место в политической мысли арабских идеологов того времени занимали партикулярный национализм и панарабизм, отражавшие разный подход к проблеме будущего арабского мира: пойдут ли он по пути формирования самостоятельной нации в каждой арабской стране, которая должна развиваться свободно и независимо, или отдельные страны в целях завоевания и упрочения государственной независимости и национального суверенитета должны договориться между собой в интересах всех арабов об укреплении взаимных связей. И лишь крайние панарабисты решительно высказывались за безусловную интеграцию арабских стран в любой форме и при любых обстоятельствах.

В конце 20-х годов возросло влияние панисламизма. Все три идеологических течения — партикулярный национализм, панарабизм и панисламизм — использовались арабскими народами в борьбе за независимость и национальный суверенитет, все несли в себе антиимпериалистический заряд.

Место и значимость каждого из трех идейных направлений менялись на разных этапах развития арабского мира. В 20—30-е годы все большее распространение получала концепция арабского единства. Ее содержанием было сознательное стремление арабов к объединению усилий во имя общих интересов, которое чаще представлялось как политический союз под эгидой одного из арабских суверенов.

С притязаниями на лидирующую роль в арабской нации выступали представители династии Хашимитов — сыновья короля Хиджаза Хусейна Ибн Али Фейсал и Абдалла, занявшие при поддержке англичан королевские троны в Ираке и Трансиордании, а также король Саудовской Аравии Ибн Сауд.

Провозглашение в 1932 г. Королевства Саудовская Аравия на базе Неджда, Хиджаза и присоединенных областей изображалось как первый шаг к осуществлению идеи арабского единства.

Король Ирака Фейсал 1 (1921—1933) мечтал создать под своей короной Соединенные штаты Аравии и ирако-сирийскую унию. В 20—30-е годы Ирак претендовал на роль лидера арабской нации, которая в конечном счете должна занять «главенствующее положение в мировом сообществе».

Роль Ирака как центра объединения арабов признавалась и в других арабских странах, что определялось рядом факторов:

из всех стран Машрика Ирак первым обрел в 1932 г. государственный суверенитет. Это независимое, богатое, со славным историческим прошлым государство и должно было, как считал, например, видный сирийский политический деятель Эдмон Раббат, возглавить интеграцию стран Благодатного полумесяца в составе Ирака и воссоединенной в «ее исторических границах» Сирии. Позже к этому образованию могли присоединиться и страны Аравийского полуострова.

Идею объединения Великой Сирии и присоединения к ней Ирака в 30-е годы вынашивал и трансирданский эмир Абдалла, естественно, под собственной эгидой.

Планы Хашимитов находили поддержку у Великобритании, рассчитывавшей с их реализацией вытеснить Францию с Ближнего Востока и превратить этот регион в зону безраздельного британского господства.

В мае 1941 г. с заявлением о полной поддержке правительством Его Величества любого проекта, направленного на достижение арабского единства, выступил министр иностранных дел Англии Э. Идеи.

Идея Идена была поддержана и получила развитие в 1941—1943 гг. в планах, с которыми выступили Ирак и Трансиордания.

В 1943 г. свои программы устройства арабского мира обнародовали премьер-министр Ирака Нури Савд и трансирданский эмир Абдалла. В историю они вошли как планы создания Великой Сирии и Благодатного полумесяца, суть которых сводилась к следующему.

На начальном этапе происходит объединение Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании в единое независимое государство — Великую Сирию. Затем Великая Сирия и Ирак образуют Арабскую лигу (или союз) — Благодатный полумесяц, в которую могут войти и другие арабские государства на сугубо добровольных началах.

Великая Сирия в иракском варианте виделась как суверенное государство, форма правления в котором определялась входившими в него народами — монархия, республика, союз или федерация.

Трансиорданский проект предусматривал два возможных варианта формы государственного устройства Исторической Сирии: конституционная монархия или федерация, но в любом случае главой этого государства должен был стать эмир Абдалла.

Оба проекта — в случае создания Арабского союза — содержали положение о его центральном органе, его компетенции и сферах ответственности. При этом за каждым государством союза сохранялось право на внутреннюю автономию.

Предусматривались также гарантии прав христиан-маронитов в Ливане и евреев в Палестине, свобода деятельности всех религиозных общин. Особое внимание уделялось

будущему статусу Иерусалима.

Предложенные Нури Саидом и Абдаллой планы создания объединенных арабских государств дополняли друг друга. Проект Великой Сирии и Благодатного полумесяца во главе с преданными Англии Хашимитами соответствовал целям британской политики на Арабском Востоке: он сулил Англии не только распространение ее влияния на Сирию и Ливан, но и доминирующую роль во всем ближневосточном регионе. Однако, учитывая реакцию на предложения Хашимитов различных политических сил в арабских странах, английское правительство не пошло на открытую поддержку выдвинутых ими проектов. Инициатива Хашимитов вызвала резкие возражения со стороны Сирии и Ливана, не желавших терять свой суверенитет и республиканский строй в составе Великой Сирии, не говоря о Франции, вовсе не собиравшейся уступать Англии свои политические и экономические позиции в этих странах.

Негативной была реакция на хашимитские планы и Саудовской Аравии, в чем далеко не последнюю роль играла династическая вражда между Саудидами и Хашимитами.

Не получили одобрения проекты Хашимитов и в Египте:

король этой самой развитой арабской страны в конце 30-х годов стал проявлять свои намерения играть ведущую роль в делах арабских стран. К 40-м годам Египет создал для этого и определенные предпосылки.

Лига арабских государств — региональная организация межарабского сотрудничества

Об арабизме и арабском единстве впервые в Египте заговорили в 30-е годы. В 1935 г. генеральный секретарь партии Вафд, самой влиятельной политической силы страны того времени, Макрам Убейд высказался в том плане, что Египет — арабская страна, а египтяне арабы. Появились утверждения о том, что арабское единство — это «естественная потребность арабов», а формой единства должно стать «свободное государство, опирающееся на сотрудничество между его народами во имя достижения независимости и процветания» и подключения арабов к активному участию в процессе формирования мировой цивилизации на антиимпериалистической основе. Единое арабское государство должно быть «светским, гарантирующим свободу совести всем гражданам». При этом подчеркивалось, что арабское единство не может состояться без Египта.

Стремление войти в арабский мир неотъемлемой его частью определялось во многом экономическими интересами быстро развивавшейся египетской буржуазии, для которой весьма притягательными были рынки арабских стран.

В начале 40-х годов все отчетливее вырисовывалась идея арабского единства как союза свободных арабских государств, содружество которых должно направляться на усиление ПОЗИЦИЙ каждой Отдельной арабской страны в решении самых насущных внутренних проблем и объединение их возможностей в ПРОТИВОСТОЯНИИ империалистическому давлению. В конечном итоге эта идея стала со временем основой взаимодействия арабских стран. Но путь к межгосударственному сотрудничеству лежал через освобождение от колониализма, через преодоление амбициозных притязаний отдельных арабских лидеров на верховенство, Опиравшихся на поддержку Западных держав, которые видели в тенденции к единению арабов средство укрепления собственных позиций в арабском регионе.

Активным проводником идеи союза арабских государств и претендентом на лидирующее место в движении за арабское единство в годы Второй мировой войны выступил Египет. Внеся свою лепту в провал хашимитских планов объединения в Пределах Машрика, египетское руководство выдвинуло свой план создания федерации арабских государств. Роль координатора по вопросу единства арабских государств принял на себя египетский премьер-министр Мустафа Наххас-паша. С весны 1943 г. Каир превратился в центр политических переговоров о создании арабской федерации, завершившихся созывом в Александрии 25 сентября 1944 г. Подготовительной конференции, разработавшей в ходе ожесточенных дебатов вокруг ряда предложенных участниками проектов форм объединения арабов Протокол о создании Лиги арабских государств из независимых арабских стран. Такое решение было приемлемо для всех делегаций, так как создание Лиги снимало вопрос о гегемонии в арабском мире какой-либо одной политической СИЛЫ

в ущерб другим.

22 марта 1944 г. на конференции в Каире было провозглашено образование Лиги арабских государств, принят ее основополагающий документ—Устав, подписанный делегатами арабских государств — Египта, Ирака, Сирии, Ливана, Тран иордании, Саудовской Аравии и Йемена.

Только семь этих арабских стран на тот момент выступали как независимые, однако, суверенитет их был ограниченным и формальным в силу их особых отношений с Англией, Францией и США. Устав Лиги арабских государств (ЛАГ) определил целями созданной организации координацию действий арабских стран в политической, экономической, социальной, культурной и внешнеполитической сферах «в направлении тесного сотрудничества между ними, сохранения их независимости и суверенитета». Устав предусматривает уважение существующих режимов государств-членов Лиги и невмешательство во внутренние дела друг друга и других государств. Все возникающие спорные вопросы между членами Лиги должны разрешаться мирными средствами, запрещается применение силы. Однако возможности «координации политических усилий» сдерживались статьями самого Устава, что сказывалось в дальнейшем на деятельности Лиги.

Лига возглавляется Советом, состоящим из представителей государств-членов Лиги. Каждое государство имеет один голос. Принимаемые решения обязательны лишь для поддержавших их государств-членов. Штаб квартира ЛАГ находится в Каире. Кроме Совета, она имеет Генеральный секретариат, глава которого назначается Советом. Образование Лиги арабских государств в 1945 г. явилось крупным событием в международных отношениях арабских государств Ближнего Востока. Оно было подготовлено всем ходом арабского национально-освободительного движения в период между двумя мировыми войнами, одним из лозунгов которого была независимость арабских стран и арабское единство. На сегодня ЛАГ — старейшая региональная организация освободившихся стран Азии и Африки, являющаяся важным элементом международных отношений в арабском мире и в ближневосточном регионе в целом. Все арабские государства ее члены. -

Общеполитический характер ЛАГ, закрепленный в ее основополагающих документах — Александрийском протоколе, Уставе, а также в подписанном 17 июня 1950 г. семью государствами-основателями Лиги «договора о совместной обороне и экономическом сотрудничестве», предопределили важное многофункциональное назначение этой организации по координации и сотрудничеству арабских стран в процессе деколонизации арабского мира и ее место и роль в региональных международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке.

За более чем полувековой период своей деятельности ЛАГ прошла несколько этапов, содержание которых определялось характером стоявших перед арабскими странами исторических задач.

Каждый этап в истории ЛАГ был наполнен своим, специфическим содержанием. Первое десятилетие (1945—1955 гг.), связанное с процессом становления самой Лиги, поставило эту молодую организацию перед комплексом проблем, наиболее серьезными из которых были незавершенная деколонизация, сохранявшаяся от колониального периода зависимость арабских стран-членов Лиги от Великобритании и других держав запада, пытавшихся использовать ЛАГ в интересах своей политики на Ближнем и Среднем Востоке.

деятельность ЛАГ на первом этапе протекала также в условиях обострения противоречий между арабским национальным движением и сионизмом, вылившимся в затяжной арабо-израильский конфликт и военное столкновение между созданным в Палестине государством Израиль и арабскими государствами- членами ЛАГ. Неудачи ЛАГ в предотвращении раздела Палестины, в ее попытках решить палестинскую проблему и арабо-израильский конфликт военно-силовыми методами, повлекшими за собой военное поражение арабов в палестинской войне 1948—1949 гг. привели к спаду арабского национального движения на рубеже 40—50-х годов и к усилению внутренних противоречий между арабскими государствами. Такое развитие событий в регионе заставило руководство Лиги критически оценить свою политику, следствием чего было подписание 17 июня 1950 г. «договора о совместной обороне и экономическом сотрудничестве арабских государств».

договор 1950 г. заложил правовую основу взаимодействия арабских государств в области обороны. В нем говорится, что «вооруженную агрессию против одной или нескольких сторон или их вооруженных сил они (стороны) будут рассматривать в качестве агрессии против всех договаривающихся сторон и примут незамедлительные меры как индивидуальные, так и коллективные в соответствии с законным правом на самооборону».

В конкретных условиях начала 50-х годов программа действий ЛАГ по совместной обороне, предусмотренная договором 1950 г, переносила центр тяжести арабской политики ЛАГ на укрепление военного и экономического потенциала арабских стран для отражения агрессивных акций Израиля. Ее концепция в вопросе урегулирования проблемы Палестины и арабо-израильского конфликта основывалась на формуле «сила против силы». Одной из причин такого подхода ЛАГ к разрешению проблемы Палестины, занимавшей приоритетное место в ее региональной политике, было постоянное военно-силовое давление Израиля на соседние арабские страны, не создававшее в 50-е годы предпосылок для поисков политического урегулирования арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы.

Второй этап деятельности ЛАГ (1955—1965 г.) отмечен подъемом арабского национального движения, протекавшего под знаменем арабского национализма и арабского единства. Эти годы характеризуются активизацией роли ЛАГ в межарабских и региональных отношениях, повышением ее самостоятельной позиции, превращением Лиги в инструмент арабской национальной политики.

В 50—60-е годы большое место в деятельности ЛАГ заняли вопросы укрепления сотрудничества между странами-участницами в области экономики, финансов, торговли и транспорта и создание специальных органов для выработки рекомендаций по развитию связей в указанных областях.

Основа для разностороннего взаимодействия арабских стран в области экономики была заложена подписанным в июне 1950 г. странами-основателями ЛАГ «Договором о совместной обороне и экономическом сотрудничестве», который предусматривал создание Экономического совета на уровне министров экономики арабских стран. Этому Совету, явившемуся первой постоянной межарабской организацией, начавшему свою деятельность с 1953 г., отводилась роль механизма по установлению и расширению хозяйственных связей между арабскими странами. В 1962 г. Экономический совет отделился от ЛАГ и стал самостоятельным органом, названным впоследствии Арабским социально-экономическим советом (АСЭС).

Начиная с 50-х годов, в рамках ЛАГ было создано 19 специализированных межарабских организаций, охватывающих все аспекты экономической деятельности арабских государств, в том числе Арабский общий рынок, Арабский фонд экономического и социального развития, Арабский валютный фонд и др. В 50—60-е годы Лига и АСЭС подготовили большое число соглашений, направленных на расширение межарабских экономических связей. Однако значительная часть принятых соглашений так и не была осуществлена, и деятельность меж- арабских экономических организаций за прошедшие десятилетия оказалась малоэффективной: она не привела к достижению сколько-нибудь заметной взаимозависимости национальных хозяйств в регионе. Причины этого кроются в политической разобщенности арабского мира, в низком уровне развития экономики и однотипности хозяйственных структур отдельных арабских стран, сходстве их внешнеторговой специализации, порождающем конкуренцию между странами и их зависимость от конъюнктуры на мировом рынке.

Объективно тенденция к экономической интеграции связана с развитием производительных сил в арабском мире, с модернизацией технической и технологической базы производственной сферы, с формированием собственных национальных кадров, адекватно соответствующих запросам нынешнего этапа НТР. Очевидно, что решение этих задач требует длительного времени. Важно, чтобы процесс развития имел поступательный характер. Сегодня же по названным параметрам Арабский Восток существенно отстает от других динамично развивающихся районов мира. И именно здесь имеются случаи отката назад, к существенному подрыву индустриальной базы. Самый наглядный пример тому — Ирак.

Причин сохранения такой ситуации много. Среди них неравномерное — в силу пестроты и неоднородности самого арабского мира — протекание процесса осовременивания

экономической и особенно социально-политической сфер жизни арабов. Но еще большее воздействие на положение в странах Ближнего Востока оказывает глубоко укоренившаяся конфликтность этого региона, отличающая его от всех других районов мира. Более полувека не находит своего разрешения главный — арабо-израильский конфликт. Но кроме него есть ряд тлеющих, не раз взрывавшихся и потенциально готовых перерасти в большой пожар, проблем локального, регионального и межрегионального характера, порожденных противоречивыми интересами расположенных здесь государств и вовлеченностью внерегиональных сил.

В этих условиях достижение делового партнерства между арабскими (и не арабскими) странами, преодоление имеющихся между ними разногласий и продвижение дела укрепления межарабского сотрудничества возможно лишь при параллельно идущем процессе урегулирования прежде всего арабо-израильского конфликта, который и должен стать основой и отправным моментом в построении прочной и надежной системы безопасности на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что ЛАГ урегулированию арабо-израильского конфликта всегда отводила приоритетное место в своей деятельности, она не стала тем механизмом, который упорно и последовательно продвигал бы мирный переговорный процесс к его окончательному разрешению. Лига сохраняет традиционно жесткий настрой в отношении переговоров с Израилем. Она до сих пор не сняла запреты на торгово-экономическое сотрудничество арабов с израильтянами. На своей чрезвычайной сессии в марте 1997 г. ЛАГ приняла рекомендации воздерживаться от дальнейшей нормализации отношений с Израилем до достижения существенного продвижения в рамках мирного процесса. В значительной степени эта мера была ответной реакцией Лиги на действия израильского правительства Б. Нетаньяху, фактически приостановившего с 1996 г. переговоры по мирному урегулированию с арабами и продолжавшего строительство израильских поселений на землях палестинцев.

За 50 с лишним лет своей истории Лига арабских государств не превратилась в организацию, способную действительно влиять на ситуацию в регионе, предотвращать или быстро разрешать возникающие межарабские конфликты. Не стала эффективным средством и сложившаяся в рамках ЛАГ определенная система взаимных обязательств арабов в военной области. Самым наглядным свидетельством тому стали события 1990—1991 гг. в Персидском заливе, связанные с нападением Ирака на Кувейт. Совет ЛАГ довольно оперативно большинством голосов осудил иракскую оккупацию Кувейта, потребовал от Ирака немедленного и безоговорочного вывода войск, подтвердил необходимость сохранения суверенитета Кувейта и безопасности в рамках региона других стран-членов организации. При этом Совет Лиги категорически возражал против любого иностранного вмешательства в дела арабских стран.

Однако развитие конфликта в Персидском заливе еще раз продемонстрировало неспособность ЛАГ воплотить в реальные действия свои декларации, а сообщество арабских государств перед лицом вооруженной агрессии одной братской страны против другой, слабейшей, смогло оказать лишь моральную поддержку пострадавшей стороне. Кризис в Персидском заливе не мог быть приостановлен усилиями ЛАГ, т.к. она не обладает необходимыми инструментами для восстановления справедливости и эффективного содействия установлению мира. Ее возможности оказались неадекватными ситуации, сложившейся в результате иракско-кувейтского конфликта. События 1990—1991 гг. существенно усилили критику в адрес ЛАГ, в которой не было недостатка и в предшествующие годы. Действительно, Лига сохраняет в себе многое от наследия 40—50-х годов, что не позволяет ей полностью вписываться в качественно изменившиеся реалии Ближнего Востока 90-х. На сегодняшний день Лига не выступает как организация, выполняющая общерегиональные функции. Не превратила она арабский мир в прочную интегрированную систему.

В среде арабских политиков и идеологов все отчетливее звучали голоса тех, кто выступает за реформирование ЛАГ, за внесение корректив в Устав организации. Принятый в 1945 г., этот документ многими своими положениями существенно препятствует реализации задач, входящих в компетенцию Лиги. Жизнь с неизбежностью вносила новые элементы в деятельность ЛАГ, что, в частности, получило свое отражение в фактическом изменении высшего органа организации: им вместо сохраняющегося формально Совета ЛАГ фактически стало с 1964 г. Совещание глав государств и

правительств стран-членов Лиги. Эта перемена позитивно сказалась в дальнейшем на работе организации: Совещание на высшем уровне повысило авторитет ЛАГ, упростилась и ускорилась процедура принятия жизненно важных решений. Но появлявшиеся новшества не были конституированы, что порождало дополнительные сложные проблемы в деятельности ЛАГ.

Серьезная работа по реформированию Лиги была начата в 1990 г. Разработан большой пакет предложений, реализация которых может значительно повысить дееспособность этой межарабской организации. Однако до сих пор к реформам так и не приступали. В чем причины такой медлительности? Ответ на этот вопрос очевиден: дело не в Лиге арабских государств, а в самом арабском мире, в наличии в нем глубоких противоречий, которые во время ирако-кувейтского кризиса приняли характер глубокого раскола, еще раз подтвердившего, по оценке арабских аналитиков, что объединительные процессы в арабском обществе не достигли той степени зрелости, при которой они могут служить задачам «синтезирования» арабов в единый конгломерат в социально-экономическом и общественно-политическом плане. Слишком разобщенными остаются они и по-ныне, слишком велика разница между национальными интересами участников общеарабского процесса и слишком трудно консолидировать разные подходы в едином русле движения за единый мир.

В этих условиях усилия ЛАГ по формированию общеарабской позиции во время кризиса в Персидском заливе могут быть оценены как позитивные. Действия Лиги, далекие от совершенства, все же показали мировому общественному мнению, что арабы в целом осуждают применение силы и готовы сплачивать свои ряды в отражении агрессии, даже если речь идет о родственном им государстве. Неприятие силовых методов решения региональных споров — вот та платформа, на которой арабы смогли найти общий язык с мировым сообществом.

При всем неоднозначном отношении к Лиге арабских государств, наличии порой диаметрально противоположных суждений о ее деятельности следует признать, что она сохранила свое значение как выразитель общеарабских интересов на международной арене, в том числе в Организации Объединенных Наций, где Лига имеет статус наблюдателя при ООН. Ее бюро и информационные центры есть в Вашингтоне и ряде столиц европейских государств, дающие ей возможность вступать в непосредственные контакты с правительствами этих стран и международными организациями системы ООН. В 1989 г. миссия ЛАГ на уровне посольства была учреждена и в Москве.

Более чем за полвека своей истории, ЛАГ, при всех перипетиях и кризисах, доказала свою жизнеспособность. А это значит, как считают реалистически мыслящие арабские аналитики, что эта межарабская организация в ее нынешней форме является единственной действующей оптимальной структурой в арабском мире. Устав ЛАГ был и остается выражением принципа сотрудничества, которое соответствует интересам абсолютного большинства государств-членов Лиги. Путь к укреплению общеарабского сотрудничества лежит через расширение двусторонних и многосторонних взаимовыгодных отношений арабских стран. Идеи арабского единства, стремление к установлению более тесного взаимодействия во всех сферах общественной жизни не сходят с повестки дня арабских стран на протяжении второй половины XX в. За прошедшие десятилетия не раз предпринимались попытки реализовать в той или иной форме столь популярную в 50—60-е годы идею арабского единства.

Ст. IX Устава Лиги арабских государств предусматривает возможность установления более прочных связей членов этой организации между собой или с другими государствами на двусторонней или многосторонней основе.

В 50—70-е годы в арабском мире один за другим появлялись альянсы, многие из которых выделялись парадоксальным составом их участников. Союзы эти порождались сложными внутривнутриполитическими процессами, развивавшимися в независимых арабских странах, а также влиянием внешних факторов. Эксплуатируя идею арабского единства, инициаторы создания того или иного союза арабских государств пытались в его рамках решить собственные политические задачи, чаще всего расправиться с оппозицией (преимущественно с левой), упрочить свое место в арабском сообществе или в более широком контексте международных отношений.

Самым значительным событием в движении за арабское единство было объединение Египта и Сирии в 1958 г. в унитарное государство Объединенную Арабскую Республику,

просуществовавшее до сентября 1961 г. Возникшая на волне тяги к арабскому единству, ОАР воспринималась как шаг в направлении создания египетско-сирийского объединенного демократического государства, способного отразить все угрозы и нападки империалистических держав, создать условия для развития экономики и культуры обоих народов и тем самым подготовить возможности для реализации в будущем лозунга арабского единства.

Скоропалительное появление нового арабского государства, его формирование без учета и должной оценки положения в каждой из объединявшихся сторон, без необходимой в таком случае подготовительной работы во многом объяснялось сложными политическими процессами, развивавшимися в обеих странах. Но большую инициативу проявила Сирия, а самой активной силой, настаивавшей на создании именно унитарного египетско-сирийского государства, была сирийская Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или Баас), как раз в это время вышедшая на политическую арену и заявившая о своих притязаниях на лидирующее положение не только в Сирии, но и во всем арабском мире, рассчитывая в качестве общеарабской (как она себя называет) партии стать самой значительной и влиятельной силой на арабской политической арене. Короткая история египетско-сирийского объединения отчетливо продемонстрировала несостоятельность идеи образования унитарного государства, в которое вошли страны с глубокими различиями по всем важнейшим показателям. В итоге более сильная египетская буржуазия прибрала к рукам сирийский рынок, были ущемлены права сирийцев в государственной сфере и, что особенно существенно, в армии. В итоге — военный переворот в Дамаске и отделение Сирии от Египта.

Египетско-сирийский союз оказался заразительным примером для других арабских стран и в том или ином сочетании повторялся далее не раз.

Вслед за созданием ОАР 14 февраля 1958 г. в противовес египетско-сирийскому объединению по инициативе Англии и США была создана Арабская Федерация, в которую вошли Ирак и Иордания, во главе с представителями Хашимитской династии королями Фейсалом 11 и Хусейном. Ведущая роль в Федерации принадлежала Ираку. Его попытки расширить состав участников нового государства успеха не имели. Да и сама Федерация просуществовала только до 14 июля 1958 г. и была ликвидирована республиканским режимом Ирака, пришедшим на смену хашимитской монархии.

После прихода в феврале-марте 1963 г. к власти в Ираке и Сирии руководства партии Баас баасисты в соответствии с одним из важнейших принципов своей идеологии — принципа единства арабской нации — провозгласили как первостепенную задачу объединение прогрессивных арабских сил, призванное стать основой движения к единству всех арабских народов. В свои планы баасистам удалось вовлечь и Египет. В итоге 17 апреля 1963 г. была принята Хартия Федерации арабских республик в составе Египта, Сирии и Ирака. Однако разнонаправленность политических устремлений лидеров трех государств, несовпадение их позиций по важнейшим вопросам внутреннего развития каждой отдельной страны и межарабских отношений привели к тому, что в июле 1963 г. соглашение о создании федерации по инициативе Египта было аннулировано.

Поражение арабов в шестидневной войне 1967 г. с Израилем поставило перед арабским миром сложные задачи выхода из вызванного этой войной глубокого экономического и социально-политического кризиса. В конце 60—70-е годы активизировались усилия, направленные на достижение политического объединения арабских стран. Однако шаги, предпринимавшиеся арабскими лидерами по созданию того или иного союза в 70-е годы, не только не способствовали упрочению межарабских связей, но, напротив, вели к резкому обострению двусторонних отношений, вплоть до вооруженных столкновений (между Ливией и Египтом в 1973 и 1977 г.), к разрыву экономических и дипломатических отношений (в 1976 г. Ливия выслала из страны 50 тыс. тунисских рабочих, а в 1985 г. разорвала дипотношения с Тунисом). Не раз вспыхивали острые инциденты между арабскими странами по пограничным вопросам. В целом в 70 — начале 80-х годов в арабском мире превалировала центробежная Тенденция. Объясняется это большей вовлеченностью арабских режимов в решение существенно усложнившихся собственных внутренних политических и социально-экономических проблем, а также обострением ситуации на межарабской арене вследствие возникновения новых при сохранении старых конфликтных зон.

Рубеж 70—80-х годов отмечен резким всплеском исламизма, оказавшего очень

серьезное воздействие на политическое положение в отдельных арабских странах и в регионе в целом.

Деструктивно сказалась на ситуации на арабском Востоке происшедшая в нем в 70-е годы перегруппировка сил. Сепаратные действия Египта, его отход от общеарабской линии силового решения арабо-израильского конфликта и подписание в 1979 г. мирного договора с Израилем привели к исключению Египта из ЛАГ, к изоляции этой самой значимой во всех отношениях страны от остальных государств арабского мира, существенно усложнив при этом общее положение вокруг ближневосточного конфликта и палестинской проблемы. Произошел фактический раскол Лиги арабских государств, ее штаб-квартира была переведена из Каира в Тунис.

Свою лепту в обострение межарабских отношений внесли внутриливанский конфликт, проблема Западной Сахары и особенно начавшаяся в сентябре 1980 г. ирано-иракская война, отодвинувшая на задний план общеарабские интересы и превратившаяся в катализатор дальнейшей поляризации сил на Арабском Востоке. «Война в Заливе» повлекла за собой расширение масштабов вмешательства в дела региона внешних сил, возросло американское присутствие на Ближнем Востоке, усилилось давление Израиля на арабские страны.

Межарабские противоречия в это время достигли наивысшего предела, чем и определялась вялая реакция арабов на военные акции Израиля против отдельных арабских государств в первой половине 80-х годов: 7 июля 1981 г. Израиль разбомбил ядерный центр близ Багдада; неадекватный характер носила позиция, занятая арабскими странами в отношении израильской агрессии против Ливана летом 1982 г. и вторжения тогда же в эту страну американских войск. Разрозненными протестами ответили арабские государства на бомбовые удары израильских ВВС по штаб-квартире ООП в Тунисе 1 октября 1985 г. и американские бомбежки резиденций М. Ка.в.дафи в Триполи и Бенгази в апреле 1986 г. Не было созвано ни одного чрезвычайного совещания на уровне глав государств или министров иностранных дел.

Объективно центробежная и центростремительная тенденции сосуществуют на Арабском Востоке. Преобладание той или другой из них на различных исторических этапах во многом (хотя далеко не во всем) зависит от расстановки политических сил в отдельных арабских странах, от политической воли их лидеров. И все они исходят из признания того, что успех решения собственных проблем каждой арабской страны во многом зависит от возможности координировать свои усилия в политической, экономической, культурной и прочих областях с другими арабскими странами. Накопленный опыт был тому свидетелем.

Примером совместных действий арабских стран явилось введение ими эмбарго на поставки нефти странам, поддержавшим Израиль в очередной арабо-израильской войне в октябре 1973 г. Потребность в укреплении межарабского сотрудничества была очевидной. Вместе с тем формы, в которых проявлялись в 70-е годы интеграционные тенденции, отражали ярко- выраженные амбиции отдельных арабских политических лидеров, отсутствие у них готовности к компромиссам и согласию, что не могло привести к сколько-нибудь значимым практическим результатам в объединительном движении. Но при этом внутренние проблемы арабских стран и многие внешние факторы субрегионального, регионального и вне- регионального порядка вызывали к жизни потребность в их более тесном взаимодействии. Фактором, способствовавшим преодолению острых межарабских и региональных противоречий 70—80-х годов, стало изменение подходов руководства арабских государств к урегулированию арабо-израильского конфликта, в чем большую роль сыграла ЛАГ. Суть этих изменений заключалась в утверждении среди членов Лиги более реалистичного подхода к урегулированию ближневосточного конфликта, к признанию невозможности его решения лишь военным путем и необходимости поиска политических и дипломатических средств. Тенденция к преодолению кризиса в межарабских отношениях и разногласий в подходах отдельных арабских стран-членов Лиги к решению ближневосточного конфликта и достижению общеарабского консенсуса в отношении его политического урегулирования обозначилась в деятельности ЛАГ в 80-е годы.

Общая позиция арабских стран-членов ЛАГ, выработанная на встрече в верхах в Фесе, Аммане и Алжире, стала отправной точкой для подготовки в начале 90-х годов диалога и прямых переговоров арабских стран с Израилем на мирной конференции по Ближнему

Востоку, начавшей свою работу в октябре 1991 г. в Мадриде под сопредседательством США и России. Началу переговорного процесса способствовали как перемены глобального характера, так и сдвиги в пользу умеренных арабских режимов после иракско-кувейтского кризиса и операции многонациональных сил против Ирака в 1990—1991 годах. Успехи на главном палестинско-израильском направлении процесса ближневосточного урегулирования, выражающиеся в намерении руководства Израиля и Палестинской Национальной Автономии достичь окончательного определения двусторонних отношений в 2000 г., подписание в 1994 г. мирного договора между Иорданией и Израилем, возобновление прерванных в 1996 г. сирийско-израильских переговоров, открывающих путь достижения мира одновременно между Израилем и Сирией и Израилем и Ливаном, позитивно оцениваются членами Лиги арабских государств (за исключением Ирака и Ливии). Перспективы всеобъемлющего мирного урегулирования арабо-израильского конфликта по-прежнему продолжают занимать приоритетное место в деятельности Лиги.

Интеграционные процессы на субрегиональном уровне.
Совет сотрудничества арабских государств
Персидского залива

В 70-е годы тенденции к интеграции получили определенное развитие и организационное оформление в зоне Персидского залива, где произошли большие политические изменения: на месте британских протекторатов появились независимые государства — монархии Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман. - Концепция создания единой региональной организации государств Персидского залива имеет свою историю. Она возникла на рубеже 50—60-х годов и была привнесена в этот район английской дипломатией, которая после потери Суэцкого канала предпринимала усилия по сколачиванию под своей эгидой союза малых арабских княжеств, расположенных в Персидском заливе. Однако разногласия между странами помешали налаживанию регионального сотрудничества между ними. Одним из главных препятствий было наличие региональных держав — Ирана, Ирака и Саудовской Аравии и соперничество между ними.

Англия и СЛИА предложили тогда много усилий по сближению Ирана и Саудовской Аравии. Их расчет строился на основе сходства между более консервативными, прозападными режимами в Тегеране и Эр-Рияде, с большим подозрением относившимися к иракским баасистам и разделявшими тревогу по поводу радикальных тенденций в этом регионе.

Однако на пути реализации англо-американских планов было много препятствий. Главным из них оставался сложный исторический конфликт между арабским и персидским национализмом который был основой многих арабо-иранских разногласий в кризисов. По мнению саудовцев, шах угрожал их стремлениям к превосходству в этом регионе. Именно так восприняли в Эр-Рияде, в частности, оккупацию Ираном в 1971 г. трех небольших островов в Ормузском проливе — Абу-Муса, Большой и Малый Томб, на которые претендовали ОАЭ. Преграду создавали также связи Тегерана с «извечным врагом арабов» Израилем и исповедуемый в Иране ислам шиитского толка, неприемлемый для ваххабитов Саудовской Аравии.

Ситуация осложнялась еще и тем, что у государств зоны Залива не было единого подхода к определению основной идеи и формы их взаимодействия.

В 1975 г. Иран официально предложил подписать пакт о взаимной безопасности стран Персидского залива. На встрече восьми государств в ноябре 1976 г. в Маскате были обсуждены различные проекты обеспечения безопасности стран Залива. Однако встреча закончилась безрезультатно, главным образом потому, что Саудовская Аравия и почти все малые монархические государства Аравийского полуострова опасались претензий как Ирана, так и Ирака на господство в регионе. Единственной арабской страной, которая поддержала в то время предложения шаха, был Оман. Арабские государства Персидского залива также не смогли договориться о более узкой организации, не включающей Иран, из-за существовавшей напряженности в межарабских отношениях. Предметом межарабских споров был и территориальные, политические и экономические проблемы.

В 1961 г. территориальные требования Ирака к Кувейту чуть не поставили этот район на

грань войны. Множество аналогичных споров в прошлом существовало между Саудовской Аравией, с одной стороны, и Кувейтом, Бахрейном, Оманом и Абу-Даби — с другой. Происходили они также между Катаром и Бахрейном, между Оманом и ОАЭ. Только в апреле 1981 года Оман и ОАЭ договорились об основных принципах пересмотра их границы.

Существовало и сохраняется до сих пор соперничество между различными режимами, правящими семействами и руководителями в этом районе. Консервативные правители Персидского залива относятся с недоверием к баасистам в Ираке. Арабские княжества, которые использовали ислам, чтобы узаконить свою власть, обнаружили, что революция в Иране превращает коран в потенциальную опасность стабильности их режимов. Разногласия между государствами Персидского залива коренятся и в их структуре. Многочисленные племенные, религиозные факторы и соображения престижа разделяют мини- государства этого района. Хотя на Аравийском полуострове преобладает мусульманское население, большинство местных жителей принадлежат к различным исламским группировкам. Катар это ваххабитско-суннитское государство, такое же, как Саудовская Аравия, но отличное от Кувейта и Омана. Кувейтцы считают себя наиболее развитыми в культурной и политической жизни. По их мнению, более либеральный подход к политическим проблемам в долгосрочном плане лучше обеспечивает внутреннюю безопасность. Оманцы в силу своего географического положения и своеобразия исторического развития всегда были заметно изолированы от арабского мира и в обеспечении национальной безопасности, как правило, ориентировались на военную поддержку извне. Что касается саудовцев, то они, располагая обширными богатствами и являясь хранителями главных исламских святынь, претендуют на роль лидера арабского и мусульманского мира.

Весьма существенны экономические и демографические различия между государствами Персидского залива, где такие страны, как Оман и Бахрейн имеют ограниченные запасы нефти, но располагают квалифицированной рабочей силой. Неравномерное распределение богатств ставит в неравное положение страны этого района.

Зона Персидского залива как крупный нефтяной и финансовый центр, узел морских коммуникаций, полюс исламского мира, где переплетаются интересы многих государств, всегда был притягателен для США. Особую активность американцы проявили здесь после ухода Англии. Они выдвинули идею обеспечения контроля над энергетическими ресурсами региона и защиты расположенных на его территории нефтяных месторождений и предложили создание оборонительных пактов или военных союзов при непосредственном участии западных государств или под их негласным контролем. Очевидная неготовность Запада устанавливать с молодыми независимыми арабскими государствами партнерские отношения, попытки оказывать на них политическое давление, отчетливо проявившееся во время арабо-израильской войны 1973 г. в связи с введенным нефтедобывающими странами Залива эмбарго на поставки нефти в США и другие страны-союзники Израиля, подводили арабские государства к пониманию важности установления более тесного взаимодействия между ними. Складывавшаяся на тот момент ситуация в зоне Залива порождала развитие интеграционных тенденций в этом субрегионе. В координации усилий при решении национально-государственных задач, в выработке согласованной политики в отношении нефтяного фактора, а также действий в условиях обострения положения в регионе арабские страны видели средство повышения своего престижа в арабском и мусульманском мире.

Несмотря на существующие различия, начиная с 50-х годов, в районе Персидского залива постепенно появлялись ростки функционального сотрудничества между государствами. В 1968 г. была создана Организация арабских стран-экспортеров нефти, в основном ориентирующаяся на район Персидского залива. Несколько позднее возникли такие совместные органы, как «Галф ньюз», «Галф телевижн», профсоюзная организация Арабского залива, Организация по промышленному консультированию, Фонд для финансирования военной промышленности, совместная авиакомпания стран залива. Арабский фонд страхования от военного риска и т.д. Созывались совещания министров для обсуждения проблем промышленности, сельского хозяйства, торговли, здравоохранения, информации и др.

Однако не естественное стремление к экономической координации и интеграции стало определяющим мотивом для поиска путей более тесного сближения умеренных арабских

государств Персидского залива. Катализатором процесса их объединения послужило опасное развитие обстановки в ближневосточном регионе в 70-е годы, угрожавшее безопасности и стабильности умеренных монархических режимов.

Обострение межарабских разногласий, вызванное подписанием Египтом мирного договора с Израилем, и крах монархии в Иране поставили под сомнение не только стабильность монархических режимов, но и способность Запада поддерживать ее.

Приход к власти в Тегеране шиитского духовенства усилил тревоги в связи с возможностью экспорта исламской революции на Аравийский полуостров.

Вспыхнувший вооруженный конфликт между Ираном и Ираком еще больше обнажил уязвимость малых государств Персидского залива, т.к. военные действия могли в любой момент распространиться и на другие страны региона. Вместе с тем он связал руки двум региональным центрам силы и заметно ослаблял их. В этих условиях Саудовская Аравия предприняла шаги, призванные укрепить ее лидирующие позиции среди аравийских монархий.

В конце 1980 г. Саудовская Аравия выступила со своим планом коллективной безопасности. Исходя из признания взаимосвязанности коллективной безопасности стран Залива с внутренней безопасностью и стабильностью каждого государства, Саудовская Аравия предлагала установить широкое сотрудничество между полицией и силами внутренней безопасности всех заинтересованных стран. Это сотрудничество должно было заменять совместный военный пакт, предусматривающий при - влечение регулярных войск. Саудовцы рекомендовали каждой стране добиваться самообеспечения в военном отношении путем укрепления и оснащения национальных армий, повышения их боеготовности, поощрения их деятельности. Отвергалась идея заключения военных союзов и оборонительных пактов между государствами этого региона и иностранными державами; ответственность за безопасность возлагалась исключительно на страны, окружающие Залив. Саудовская Аравия выражала готовность оказать любую помощь остальным арабским государствам и сотрудничать с ними в борьбе с преступностью в любых проявлениях. Главную задачу в области обеспечения безопасности Эр-Рияд видел в противодействии любым социально-политическим изменениям в регионе.

Практически Саудовская Аравия выражала готовность взять на себя ответственность за принятие коллективных мер по обеспечению внутренней безопасности и стабильности монархических режимов нефтедобывающих стран Аравийского полуострова.

Ирак и Иран выступили против саудовского плана. Нарастание напряженности в зоне Персидского залива поставило перед малыми государствами Аравийского полуострова задачу принятия неотложных мер по обеспечению своей безопасности. На встрече в конце января 1981 г. в Эт-Таифе главы Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Бахрейна и Катара приняли решение о создании специального Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Образование Совета сотрудничества явилось закономерным отражением как требований современного этапа развития мировой экономики, так и особенностей конкретной политической обстановки, складывавшейся в 70-ые— начале 80-х годов в зоне Персидского залива и арабском мире в целом.

Формирование этой организации продемонстрировало стремление ее членов к большей самостоятельности, к отстаиванию коллективными усилиями собственных национальных интересов, к участию на равных с Ираном и Ираком в решении дел, касающихся зоны Персидского залива.

В документах высших форумов Совета сотрудничества указывается на независимый характер Совета, его равноудаленность от международных полюсов силы и особо подчеркивается способность государств Залива самим, без вмешательства извне обеспечить свою безопасность. Однако последующее развитие событий выявило полное отсутствие у аравийских монархий возможностей для самозащиты от внешней угрозы. Заявление о создании ССАГПЗ было принято 4 февраля 1981 г. на первом совещании министров иностранных дел Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Катара и Бахрена в Эр-Рияде. В нем отмечались общие, объединяющие всех членов организации черты, к числу которых были отнесены «особый характер связывающих их уз, ... схожесть политических режимов, ощущение ими единства судьбы и цели, а также важности координации их действий в различных областях и, в частности, в социально-экономической сфере». Эти общие черты и служат основой для широкого

взаимодействия и интеграции в рамках созданной организации.

Устав и организационная структура Совета сотрудничества были разработаны и утверждены министрами иностранных дел государств-участников Совета 10 марта 1981 г. в г. Маскате (Оман) и ратифицированы главами государств 25 мая 1981 г. на встрече в верхах в г. Абу-Даби (ОАЭ). Эта дата официально отмечается как день создания Совета. Основными органами Совета сотрудничества являются:

Высший совет на уровне глав государств, Министерский совет в составе министров иностранных дел или других министров, имеющих соответствующие полномочия, Генеральный секретариат, а также находящаяся в ведении Высшего совета комиссия во разрешению споров.

Штаб-квартира ССАГПЗ находится в столице Саудовской Аравии г. Эр-Рияде.

В Уставе Совета особо подчеркивается соответствие целей ССАГПЗ целям арабской нации, изложенным в Уставе ЛАГ, ее основополагающим установкам на осуществление более тесно сближения и более прочных связей между арабскими странами.

В Уставе подтверждается решимость членов Совета сотрудничества защищать свою независимость и территориальную целостность, но без конкретизации тех средств, с помощью которых они намерены решать эти задачи.

Особо подчеркивается приоритет экономических и социальных целей Совета сотрудничества, его стремление коллективными усилиями решать такие задачи, как развитие экономики в повышение жизненного уровня населения. При этом в документах Совета старательно обходятся формулировки, позволяющие считать ССАГПЗ военной организацией.

Основу объединения шести аравийских монархий, на что в документах делается особый упор, составляют общность исторического прошлого, языка, культуры, религии, сходство общетвенно-политических структур стран Совета. Однако главным связующим звеном организации является тождество социальных систем объединившихся государств, и в отличие от всех прочих международных и региональных союзов и организаций члены Совета сотрудничества имеют одну и ту же форму государственного правления. Принцип однотипности структур государственного устройства, заложенный в основу объединения вести аравийских монархий, делает невозможным увеличение числа членов Совета. По оценкам экспертов, ССАГПЗ и впредь останется «закрытым клубом аравийских автократий». Приоритет при создании ССАГПЗ отводился сотрудничеству членов этой организации в экономической, торгово-финансовой и социальной сферах. В течение первых десяти лет участники Совета предполагали координировать свою политику в области экономики, финансов, торговли, таможенного и налогового законодательства, создавать совместные предприятия. В перспективе планировалось превратить Совет в подобие европейского общего рынка. Но сам момент объединения аравийских монархий был ускорен ирано-иракской войной, и деятельность Совета сотрудничества в первую декаду его существования определили два крайне острых и тяжелейших по своим последствиям вооруженных конфликта: восьмилетняя разрушительная ирано-иракская война и кувейтский кризис, превратившие зону Персидского залива в один из самых напряженных в политическом, социальном и военном отношениях регионов мира. Здесь развернулась усиленная гонка вооружений, произошло широкомасштабное вмешательство внерегиональных сил, прежде всего СПИА, превратившихся фактически в единственный внешний фактор влияния на военно-политическую ситуацию в зоне Залива. В этих условиях очевидный приоритет в деятельности аравийской «шестерки» был отдан вопросам координации и интеграции в области обеспечения коллективной безопасности и обороны.

Концепция коллективной безопасности ССАГПЗ основывается на следующих принципах: агрессия или угроза ее применения против одного члена организации означает агрессию или угрозу ее применения против всех ее членов; за обеспечение безопасности региона несут ответственность его народы и расположенные там государства. Волю этих государств и их права на самозащиту выражает Совет сотрудничества.

В целях обеспечения безопасности каждая страна-член Совета должна развивать собственные вооруженные силы и укреплять сотрудничество в военной области как в рамках организации, так и с внешними, внерегиональными союзниками.

Достижение единства взглядов по проблемам безопасности и координации действий в военной области оказалось делом достаточно сложным для членов ССАГПЗ, поскольку

их подходы к данному вопросу имеют весьма существенные отличия.

Так, Оман выступал за тесное сотрудничество с западными странами, особенно с США и Великобританией.

Саудовская Аравия поддерживала идею интеграции членов ССАГПЗ в военной области, признавая при этом необходимость помощи со стороны США прежде всего поставками современного вооружения.

Позицию опоры членов организации на собственные силы наиболее последовательно отстаивал Кувейт. Эта страна пошла на диверсификацию своих военно-политических связей, развивая отношения в военной области не только с США, но и с более широким кругом стран Западной Европы и даже СССР.

В 80-е годы принцип опоры на собственные силы и необходимость максимальной диверсификации военных связей получил одобрение всех членов ССАГПЗ как наиболее полно соответствующий, по их оценкам, национальным интересам и провозглашенным принципам защиты региона Персидского залива от проникновения иностранных держав. Совет сотрудничества не разработал всеобъемлющую доктрину обеспечения безопасности. Концептуальные положения вырабатывались параллельно с принятием конкретных шагов в деле развития военных связей между членами организации. Была создана специальная военная комиссия, регулярно проводились совещания министров обороны, начальников штабов, консультации и встречи между представителями вооруженных сил государств ССАГПЗ.

По ряду обсуждавшихся вопросов между участниками встреч возникали серьезные расхождения. Одним из главных был вопрос о темпах интеграции в военной области. За ускорение этого процесса выступала Саудовская Аравия, предлагавшая создание единых вооруженных сил и командования, унификацию вооружения и скорейшее подписание соглашения о коллективной безопасности. Это был план полной военной интеграции государств, входящих в Совет сотрудничества. Малые аравийские страны, справедливо опасавшиеся перспективы оказаться в полном подчинении у Саудовского королевства как наиболее сильного в военном отношении члена организации, выдвинули принцип поэтапности в осуществлении сотрудничества в военной области. Такой подход был одобрен на совещании Высшего совета в ноябре 1982 г. в Манаме. При этом было признано необходимым поддерживать усилия каждого члена ССАГПЗ, направленные на укрепление своих вооруженных сил.

В 1984 г. на совещании в верхах в Кувейте было принято соглашение о единой оборонной стратегии «шестерки» в качестве долговременной программы действий в военной области, не связанной, как подчеркивали руководители Совета сотрудничества, с «региональной политической конъюнктурой». Было решено создать совместные вооруженные силы ССАГПЗ под названием «Щит полуострова», передававшиеся в подчинение Генеральному секретариату ССАГПЗ. Командование поручалось представителю вооруженных сил Саудовской Аравии, его заместителями назначались представители вооруженных сил других стран-членов. Каждая страна-участница должна была вносить в бюджет взнос, покрывающий расходы на собственный воинский контингент данной страны, включенный в состав этих сил. Предусматривалось развертывание соединений различных родов войск — сухопутных, авиации, бронетанковых, сил ПВО и т.д.

По имеющимся данным, численность вооруженных сил «Щит полуострова» в 1988 г. не превышала 7 тыс. человек. Они были укомплектованы в основном представителями вооруженных сил Саудовской Аравии и ОАЭ.

Представители малых государств-членов организации поначалу не уделяли значительного внимания этому формированию, что отражало их нежелание отказаться от национального контроля над различными аспектами оборонной политики, а также опасения в связи с военным превосходством Саудовской Аравии.

Коррективы в оборонную, как и в региональную политику аравийских монархий в целом, внесла «война за Кувейт».

С началом иракской акции против Кувейта руководство Саудовской Аравии, Кувейта и всех членов ССАГПЗ обратилось в ООН, к правительствам США, держав Западной Европы, к другим членам мирового сообщества за военной и политической помощью с целью вернуть статус-кво в регионе. Совладение позиций аравийских правящих кругов и членов НАТО, признающих необходимость любыми средствами бескомпромиссно и

безотлагательно решать вопросы, подобные иракско-кувейтскому, привело к беспрецедентному вмешательству международных сил в кризис в зоне Персидского залива в 1990—1991 гг. В регионе был сосредоточен значительный военный контингент из войск США и членов блока НАТО под руководством Пентагона.

В операции «Буря в пустыне» в январе-феврале 1991 г. участвовали объединенные войска и ССАГПЗ. Правда, их военная роль была чисто символической, и участие в боевых действиях имело прежде всего политическое значение. Но при этом на членов Совета сотрудничества легло тяжелое бремя финансового обеспечения военной акции против Республики Ирак. Король Саудовской Аравии и эмир Кувейта гарантировали оплату всех затрат и премиальные участникам «Бури в пустыне» за счет текущих и будущих нефтедолларовых поступлений Саудовской Аравии и Кувейта.

Обязательство оплачивать в течение многих лет после войны свои долги по военным счетам странам и компаниям-участникам антииракской коалиции привело к ухудшению финансового положения и Кувейта, и Саудовской Аравии. Кувейт в послевоенные годы имел ежегодный дефицит государственного бюджета на уровне 5—6 млрд долл. В результате и Кувейт, и Саудовская Аравия вновь стали прибегать к внешним займам. Потребность в них подстегивалась также резковозросшей гонкой вооружений. Так, уже в 1992 г. страны региона (без Ирака и Ирана) потратили на закупку вооружений 157 млрд долл.

Кувейтский кризис значительно укрепил военно-политические позиции Запада в зоне Персидского залива. Здесь полностью утвердился лозунг «Единственным спасителем местных миролюбивых стран является Запад, и прежде всего США». Действия Запада оправдываются тем, что он имеет в регионе коренные интересы в нефти во имя поддержания стабильности мировой экономики. И в силу этого Запад, мол, отстаивает статус-кво и мир в зоне Залива, как и в остальных частях земного шара.

Существенно возросло американское присутствие в Заливе, в том числе и военное. Проводятся — с согласия руководителей Кувейта и Саудовской Аравии — широкомасштабные военные маневры с участием большого числа американских кораблей, морской пехоты и десантников. В целом ССАГПЗ и особенно его лидеры — Саудовская Аравия и Кувейт — вступили в открытое политическое сотрудничество с Западом, обеспечивая США и НАТО право стать неоспоримыми гарантами неизменности положения в регионе, незыблемости власти аравийских монархических кланов, свободного вывоза нефти из Залива на мировые рынки. Эти страны заняли позицию нейтралитета, а по сути поддержки в отношении всех форм санкций Запада, прежде всего США, против Ирака и Ирана.

Ослабление этих двух региональных центров силы, в том числе и в результате действия против них международных санкций, послужило достаточно серьезным стимулом для развития потенциалов аравийских государств в экономической, военной и прочих сферах. В 90-е годы страны ССАГПЗ стали уделять больше внимания проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. В 1996 г. численность сил «Щит полуострова» была увеличена до 25 тыс. человек. А общая численность кадровых военнослужащих государств ССАГПЗ на тот же год равнялась 251600 человек.

По военным затратам на душу населения большинство членов Совета сотрудничества занимает ведущие места в мире. Общие расходы на военные нужды в 1995 г. достигли почти 22 млрд долл., что составило примерно половину военных оборонных расходов государств Ближнего Востока и Северной Африки. Самые большие военные расходы у Саудовской Аравии:

на середину 90-х годов они составляли 1/3 всех бюджетных ассигнований на военные нужды государств Ближнего Востока и Северной Африки. По численности вооруженных сил Саудовская Аравия также превосходит своих партнеров. В 1996 г. ее вооруженные силы насчитывали 105500 чел., не считая Национальной гвардии в 57000 чел. Затем следуют ОАЭ и Оман, имеющие достаточно многочисленные армии: 64500 и 43500 чел. соответственно.

В реализации единой оборонной стратегии Совета сотрудничества упор делается на развитие военно-морских и военновоздушных сил, значимость которых выявилась особенно наглядно во время ирано-иракской войны. Создана эффективная совместная система ПВО, оснащенная современным вооружением и оборудованием. Ее основу

составила система ПВО Саудовской Аравии.

В 90-е годы шло постоянное наращивание закупок вооружения странами ССАГПЗ, при этом они стремились диверсифицировать источники его получения, в первую очередь, за счет западноевропейских стран. Но одновременно возникают сложности в вопросах стандартизации вооружения и военной техники в рамках Совета сотрудничества.

Преодоление этих трудностей и ослабление зависимости от иностранных поставщиков члены ССАГПЗ видят в создании своей собственной военной промышленности.

Препятствием в достижении этой цели является отсутствие у государств-членов Совета соответствующей технической базы. Однако, по мнению экспертов, имеющиеся у «шестерки» огромные финансовые возможности позволяют им привлечь для военного сотрудничества страны, обладающие необходимой технологией и опытом. Конечно, развитие местной военной индустрии — дело многих лет.

Весьма остро стоит также вопрос с подготовкой достаточного количества высококвалифицированных военных специалистов, способных обслуживать и эффективно использовать покупаемую сверхсовременную технику. Решение этой задачи на основе разработки единых программ осуществляют военная академия имени короля Абд аль-Азиза в Саудовской Аравии, военная академия Зайеда в ОАЭ и кувейтская военная академия.

Усилия, которые ССАГПЗ предпринимает для укрепления безопасности в военной сфере, вовсе не снимают с повестки дня потребность в обеспечении международных гарантий региональной безопасности.

На современном этапе для участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива весьма актуальна международно-правовая защита существующих государственных границ в регионе. Усилиями международного сообщества удается урегулировать наиболее сложные вопросы двусторонних отношений арабских государств.

Примером тому может служить деятельность специально созданной международной комиссии и ряда проявленных Россией инициатив, благодаря которым в 1993—1994 гг. СБ ООН принял Резолюции P4 833 и I 949 о демаркации иракско-кувейтской границы и о мирном решении противоречий между этими странами. В итоге в ноябре 1994 г. Ирак признал существование Кувейта как суверенного государства в его нынешних границах. Члены ССАГПЗ подписали оборонные соглашения с большинством постоянных членов Совета безопасности ООН. Как правило, эти соглашения предусматривают расширение поставок вооружения, а также проведение регулярных совместных маневров. Но одновременно эти соглашения создают более солидную основу для всестороннего участия в процессе обеспечения региональной безопасности.

Государства ССАГПЗ заинтересованы в развитии военно-технических связей с Россией и КНР — постоянными членами Совета безопасности ООН. В 1993 г. Россия и Кувейт заключили Соглашение о широком военном сотрудничестве сроком на десять лет. Однако реализация этого документа фактически приостановлена как из-за отсутствия у России достаточных финансовых средств, так и по политическим мотивам: Россия выступает за восстановление полномасштабных отношений с Ираком и имеет тесные связи в военной области с Ираном, что, естественно, препятствует расширению российского участия в деле обеспечения безопасности государств ССАГПЗ. Те же причины ограничивают контакты Совета сотрудничества с КНР: основным импортером китайского вооружения является Иран. К тому же КНР активно выступает за снятие международных санкций с Ирака.

В подходе ССАГПЗ к проблеме региональной безопасности прослеживается стремление создать некий баланс между индустриально развитыми государствами и арабскими и мусульманскими странами в той роли, которую они могут играть в этом процессе. Основы военного сотрудничества государств ССАГПЗ с Египтом и Сирией были заложены в 80-е годы, а в марте 1991 г. была подписана дамаская декларация, предусматривавшая подключение Египта и Сирии к оборонным мероприятиям Совета сотрудничества. далее оба этих государства приняли участие в антииракской коалиции 1991 г. После окончания войны в Заливе не произошло сколь-нибудь заметного расширения контактов между этими арабскими странами, главным образом, по соображениям участников ССАГПЗ. Но военно-политические связи арабских государств с Египтом и Сирией сохраняются: они призваны уравновешивать их отношения с Западом. Государства ССАГПЗ признают

значимость дамасской декларации, в которой они видят «основу для примирения и диалога» и «центральное звено» в становлении «нового арабского порядка в рамках Лиги арабских государств».

Кризисная ситуация, сложившаяся в зоне Персидского залива в 80—90-е годы, естественно выдвинула в число приоритетных задач в деятельности появившейся тогда региональной организации ССАГПЗ вопросы обеспечения безопасности стран, объединившихся в рамках этого Совета, но при этом ССАГПЗ никогда не упускал из поля своего видения и прочие аспекты как субрегиональных, так и общеарабских проблем и интересов, стремясь согласовывать свои подходы к их решению с другими арабскими организациями и, прежде всего, с Лигой арабских государств. Тесное сотрудничество между ССАГПЗ и ЛАГ было заложено в 1982 г. С этого времени между Генеральными секретариатами обеих организаций проходят постоянные встречи и консультации по вопросам, затрагивающим интересы арабского мира, а так же по широкому кругу международных проблем. Представитель ЛАГ принимает участие в работе совещаний в верхах ССАГПЗ.

Проблемы арабского мира находятся в центре внимания ОСАГПЗ. В 1989 г. в принятой Советом Маскатской Декларации подчеркивалась общность усилий Совета сотрудничества и Лиги арабских государств в достижении таких целей, как стабильность и развитие арабской нации, «протягивающей руку дружбы и сотрудничества всем нациям, стремящимся к процветанию, справедливости и миру».

Среди общеарабских проблем приоритетное место в деятельности Совета сотрудничества принадлежит ближневосточному конфликту, в урегулировании которого страны-члены ССАГПЗ играют заметную роль. Заинтересованность аравийских государств в разрешении это застарелого конфликта, в достижении регионального мира и стабильности во многом определяется уязвимостью их позиций на мировом рынке поставщиков углеводородного сырья и крупных инвесторов капиталов. Их собственная безопасность есть прямая производная безопасности всего ближневосточного региона, и любое обострение ситуации оказывает негативное влияние на их экономическое развитие.

В момент создания и на первом этапе своей деятельности ССАГПЗ нуждался в признании со стороны арабского и мусульманского мира, на что и были направлены усилия Совета и занятая им позиция по всему комплексу арабо-израильского конфликта. Свой подход к ближневосточному урегулированию Совет сотрудничества выразил в первых принятых им документах. Исходя из признания палестинской проблемы центральной составляющей арабо-израильского конфликта, ССАГПЗ выступает за освобождение всех оккупированных Израилем в 1967 г. палестинских территорий, включая священный Иерусалим, за признание законных прав палестинского народа на создание собственного государства. Для Совета, в целом, и для Саудовской Аравии как его лидера эта позиция имеет принципиальное значение: именно Саудовская Аравия — хранительница мусульманских святынь была призвана отстаивать возвращение Восточного Иерусалима, являющегося одним из святых мест ислама.

В своих заявлениях по Ближнему Востоку ССАГПЗ выступал с резкой критикой агрессивной политики Израиля в отношении арабской нации, что отражает стремление лидеров Совета сотрудничества дистанцироваться от политики западных держав, прежде всего США, поддерживавших Израиль, и тем самым снять обвинения в прозападной ориентации их организации, выдвигаемые прессой Ирака, Сирии и ряда других арабских государств.

Лидеры ССАГПЗ стремились выступать защитниками интересов всех арабских государств и выражали свою солидарность с теми странами, которые становились объектами репрессивных акций со стороны Израиля.

ССАГПЗ занял конструктивную позицию в деле урегулирования ближневосточного конфликта. Его усилия были направлены на сближение подходов конфликтующих сторон и поиск взаимоприемлемых решений. План короля Саудовской Аравии Фахда, выдвинутый им в 1981 г., стал основой для общеарабской позиции по политическому урегулированию конфликта. В 90-е годы государства ССАГПЗ внесли свой позитивный вклад и в ход ближневосточного мирного процесса, способствуя его успешному продвижению на всех последующих этапах. Выступая на состоявшейся в декабре 1998 г. в Абу-Даби встрече в верхах глав государств ССАГПЗ, наследный принц Саудовской

Аравии эмир Абдалла бен Абдель Азиз вновь подчеркнул важность всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке, называя его «общеарабской и стратегической целью, в направлении реализации которой страны Залива вместе с остальными арабскими братьями будут действовать и в будущем, поддерживая право палестинцев на создание собственного независимого государства, столицей которого станет священный Иерусалим».

Совет сотрудничества играет заметную роль в урегулировании возникающих в арабском мире противоречий, острых разногласий и конфликтов. Своей активной деятельностью он способствовал преодолению кризиса в рядах Организации освобождения Палестины в 1983 г., поддержав ее председателя Ясира Арафата и призвав всех палестинцев сплотиться вокруг ООП. Занятая тогда членами Совета сотрудничества позиция определялась во многом тем, что в противостоянии представителей различных палестинских организаций, принявших характер вооруженных столкновений, они усматривали реальную угрозу стабильности внутривосточной обстановки в аравийских монархиях, на территориях которых в 80-х годах проживало около полумиллиона палестинцев и действовали их различные политические группировки. ССАГПЗ способствовал проведению переговоров между лидерами Сирии и палестинцев, преодолению возникших между ними разногласий и прекращению кровопролитных столкновений между палестинцами в Ливане.

Совет сотрудничества выступил в поддержку интифады «войны камней», начавшейся в декабре 1987 г., как формы борьбы палестинцев, а Саудовская Аравия оказывала им ежемесячную помощь в размере 6 млн долл. За прошедшие со времени создания ССАГПЗ годы эта организация проделала большой путь в направлении укрепления экономического сотрудничества стран Аравийского полуострова, реально приблизившись к созданию таможенного союза между государствами-членами объединения и постепенно продвигаясь к формированию единого регионального рынка.

Углубление интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ нашло свое отражение в таких сферах ее деятельности, как образование, здравоохранение, информация и коммуникации, охрана окружающей среды, борьба с организованной преступностью и наркотиками.

Совет сотрудничества способствовал дальнейшей политической консолидации стран-участниц. Они координируют свою политику на рынке нефти, выступая с единых позиций в рамках ОПЕК. Важной сферой их совместных действий является борьба с экстремистскими исламистскими организациями и деятельность, направленная на усиление влияния государственных исламских институтов.

ССАГПЗ выступает как единый субъект во взаимоотношениях с мусульманскими и арабскими странами. Коллективный подход к решению возникающих в этих сообществах проблем способствует усилению влияния и престижа ССАГПЗ.

Создание и деятельность Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива были отражением тех новых тенденций, которые наметились в арабском мире в 80-е годы. Они заключались в определенном ослаблении центробежных сил, в утверждении политического реализма, пробивавшего себе дорогу сквозь многочисленные наслоения нетерпимости и конфронтационности, в нормализации отношений между рядом арабских стран, а также между всем арабским миром и Египтом, «прощенным» арабской семьей за его «сепаратный сговор» с Израилем.

Вышедший из изоляции в арабском мире Египет развернул активную деятельность по созданию своего рода противовеса ССАГПЗ, в рамках которого произошло существенное укрепление позиций традиционного соперника Египта — Саудовской Аравии. Нужна была такая субрегиональная организация, в которой АРЕ принадлежало бы лидирующее место. Усилия привели к успеху.

16 февраля 1989 г. на конференции в Багдаде главы четырех государств — Египта, Ирака, Иордании и Иеменской Арабской Республики — заявили о создании Совета арабского сотрудничества (САС). В совместном заявлении Совета подчеркивалось, что новое объединение не подменяет собой Лигу арабских государств, а действует исключительно в ее рамках. Целью новой организации провозглашалось повышение уровня социально-экономического развития входящих в Совет стран, активизация сотрудничества между ними, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга.

Руководители четырех государств делали особый упор на экономическом характере САС, его направленности на координацию экономических планов, объединение внутренних рынков. В Уставе говорилось и о необходимости укрепления «объединенной безопасности в свете существующих ныне или будущих угроз». Руководители стран-участниц САС заявляли о своем намерении ускорить экономическую интеграцию четырех объединившихся стран, включая сферу военной промышленности, а также активизировать координацию своих действий в политической и в военной областях. Но при этом подчеркивалось, что Совет не является блоком, направленным против кого-либо.

Появление САС оказалось в известной мере неожиданностью. Однако его образование было подготовлено развивавшимся в предшествующие годы экономическим сотрудничеством между странами-участницами Совета, а так же их политическим сближением на основе координации действий в ближневосточном конфликте и безоговорочной поддержки Египтом, Иорданией и Йеменской Арабской Республикой Ирака в войне с Ираном. Успеху создания союза способствовало также и определенное сходство существовавших в странах-участницах экономических и социальных условий, отсутствие (в тот период) между ними серьезных противоречий.

Как и многие другие возникавшие в арабском мире объединения, САС просуществовал недолго: кувейтский кризис 1990 г. качественно изменил расстановку сил в регионе: Египет принял участие в военных действиях против Ирака на стороне многонациональных сил. Иордания и ИАР поддержали Ирак. Наложённые на Ирак в 1990—1991 гг. международные санкции ввергли эту страну в глубокую изоляцию, в условиях которой об участии Ирака в деятельности какой-либо арабской организации не может быть и речи.

Союз арабского Магриба

Объединительные движения в Магрике оказали свое позитивное воздействие и на развитие ситуации в североафриканских арабских странах, в которых в предшествующие десятилетия преобладающей была идея создания Великого Арабского Магриба, имеющая давние, уходящие в эпохи античности и средневековья исторические корни.

На развитие интеграционных тенденций в арабских странах Северной Африки влияет ряд общих специфических особенностей, присущих данному региону: страны Магриба занимают обширный район на севере и северо-западе Африканского континента, что обуславливает их принадлежность одновременно и к арабскому, и к африканскому сообществам, правда, с преобладанием более тесных связей с арабскими государствами.

Страны Магриба, за исключением Ливии, являются бывшими французскими владениями, что определяет их зависимость от прежней метрополии и привязанность к Европе.

Общность стоявших перед магрибинцами исторических задач на этапе борьбы за национальное освобождение, а в дальнейшем — в процессе становления суверенных государств и выработки программ развития, объективно подталкивала политических лидеров этих стран к поиску форм их солидарных действий.

Стремление к интеграции получило свое первое воплощение еще до освобождения магрибинских стран от колониальной зависимости. В январе 1948 г. в Каире был создан Комитет освобождения арабского Магриба как первый шаг на пути к союзу народов Магриба. Создатели Комитета, представлявшие националистические политические силы Алжира, Туниса, Марокко в изгнании, ставили своей целью выработку общей линии магрибинских стран в борьбе за достижение независимости, сплочение всех прогрессивных сил внутри каждой страны и разработку плана объединения стран Северной Африки после обретения ими государственного суверенитета. Комитет заявил о принадлежности Магриба к арабскому миру и выразил готовность сотрудничать на принципах полного равноправия с членами Лиги арабских государств. В силу разных причин Комитету не суждено было превратиться в реальное воплощение магрибинского единения, однако сама идея получила

Магриб — обширный район на северо-западе Африканского континента. По принятой в науке терминологии основные три государства этого региона — Алжир, Марокко и Тунис

— именуется собственно, или малым Магрибом, а группу стран, состоящую из трех указанных государств вместе с Ливией, Мавританией и Западной Сахарой (САДР). принято называть арабским, или Великим Магрибом. свое дальнейшее развитие в 50-е годы, после обретения в 1956 г. независимости Тунисом и Марокко.

В апреле 1958 г. в Марокко состоялась конференция представителей независимых магрибинских стран и алжирского освободительного движения, на которой было предложено образовать консультативную ассамблею арабского Магриба и постоянный секретариат для организации практической работы.

На рубеже 50—60-х годов планы создания Великого Магриба стали объектом межгосударственных переговоров магрибинских стран на самом высоком уровне. делались заявления о скором завершении работы по созданию союза магрибинских стран. Однако реалии того времени оказались далеки от словесных деклараций. После победы алжирской национальной революции в 1962 г. сотрудничество между странами Магриба сменилось соперничеством.

Различия в государственно-политическом устройстве стран Магриба, в выборе ими путей социально-экономического развития, трудности в решении насущных жизненных проблем населения при сохранении многих нерешенных вопросов колониального наследия — все это обуславливало обстановку острого соперничества в Северной Африке.

На этапе становления и упрочения национальной государственности стран Магриба (конец 50—60-е годы) межмагрибинские отношения усугублялись неурегулированностью пограничных споров и территориальных проблем, нередко перераставших в открытые вооруженные столкновения и политические кризисы. С 1956 по 1969 г. продолжился мавритано-марокканский конфликт, вызванный притязаниями Марокко на территорию Мавритании.

Одним из наиболее острых межгосударственных конфликтов в Северной Африке стал пограничный спор между Алжиром и Марокко, вылившийся осенью 1963 г. в ожесточенное вооруженное противостояние с участием регулярных войск. Окончательное урегулирование алжиро-марокканских отношений произошло только в 1972 г.

С 1959 по 1968 г. сохранялась напряженность в алжиро-тунисских отношениях, также вызванная погранично-территориальным спором. Очевидно, что все эти конфликтные ситуации не способствовали развитию интеграционных процессов в Магрибе, однако даже в самые напряженные моменты в отношениях между магрибинскими государствами ни один из их политических лидеров не выступал против арабского единства в той или иной форме, против идеи создания Великого Магриба. Активными участниками обще магрибинских процессов, кроме трех основных, становились также получившая в 1960 г. независимость Мавритания и особенно Ливия после происшедшей в этой стране в 1969 г. антимонархической революции. Тенденция к упрочению межмагрибинских политических связей наметилась с момента обретения независимости северо-африканскими арабскими странами. Ее развитию в определенной степени способствовала деятельность руководства стран Магриба по налаживанию и расширению экономического сотрудничества между ними. В 60-е годы страны Магриба заключили ряд соглашений, направленных на развитие хозяйственных связей на двух- и трехсторонней основе. В становлении этих связей важную роль сыграла прошедшая в сентябре 1964 г. конференция министров экономики Алжира, Ливии, Марокко и Туниса, на которой была выработана доктрина экономической политики стран Магриба, определившая основные направления развития их экономического сотрудничества: взаимодействие в сфере торговли; координация промышленной деятельности; выработка совместной политики по отношению к странам Европы, в частности к Общему рынку; координация экономических связей Магриба с международными экономическими организациями.

На конференции было принято решение о создании Постоянного консультативного комитета стран Магриба (ПККМ), что явилось важным шагом на пути региональной экономической интеграции. Созываемые с этого времени конференции министров экономики четырех стран стали высшей инстанцией, призванной содействовать их экономическому сближению.

Во второй половине 60-х годов конференции министров экономики стран Магриба приняли много решений по координации развития основополагающих отраслей индустрии, согласования ценовой и таможенной политики, сотрудничества в области

транспорта, связи, туризма, в вопросах подготовки кадров и развития системы образования.

Однако на пути экономической интеграции стран Магриба, так же как и в области политических отношений, возникали многочисленные препятствия, связанные, главным образом, с несовместимостью социальных программ магрибинских стран, их различной экономической ориентацией на внешних рынках товаров сельскохозяйственного производства. В результате практическое воплощение декларированных программ было очень далеко от достижения целей экономической интеграции.

Определяющим фактором в таком развитии ситуации является привязанность североафриканских арабских стран к Западной Европе, что оказывает самое непосредственное воздействие на межмагрибинские отношения: на Европу приходится 2/3 внешнеторгового оборота Магриба, 60—70% экспортируемой нефти (Ливия — до 90%) и нефтепродуктов, 80% фосфоритов и продуктов их переработки, а также различных видов промышленного сырья и продукции сельского хозяйства. Из Европы в страны Магриба поступает 65—70% импортируемого промышленного оборудования и полуфабрикатов, готовых изделий, продовольственных товаров. Постоянно возрастает технологическая зависимость стран Северной Африки от западноевропейских государств. Фактор зависимости проявляется двояко: стремление ослабить вертикальные связи с Западной Европой подталкивает страны Магриба к взаимному хозяйственному сближению. Однако степень зависимости создает труднопреодолимые препятствия. Торгово-экономические связи Алжира, Туниса и Марокко сориентированы — при их известной неустойчивости — на Францию, а через нее — на Западную Европу в целом, и связи эти, по оценкам специалистов, имеют долговременную и безальтернативную перспективу. Парижский и Лондонский клубы являются давними и постоянными кредиторами Марокко, Туниса и Алжира. А это определяет не только экономические, но и политические рычаги воздействия Европы на Магриб, используемые для продвижения и закрепления европейских интересов в регионе.

Эти исторически сложившиеся объективные препятствия на пути развития межмагрибинского сотрудничества дополняются факторами субъективного порядка, политическими, амбициозными притязаниями на лидерство в регионе. Наиболее острый характер на протяжении практически всего периода независимого развития носили алжиро-марокканские и ливийско-тунисские отношения. Разного рода противоречия существовали и между остальными магрибинскими странами.

Так, в 1970 г. после свержения монархии в Ливии новое руководство страны пересмотрело свою межарабскую политику и выступило против региональных объединений внутри арабского мира, поскольку, как полагал «лидер ливийской революции»

М. Ка.цдафи, они могли «стать препятствием на пути более широкого объединения всех арабов от Атлантики до Арабского Залива». Центром и одной из главных организующих сил при создании будущего единого арабского государства естественно должна была стать Ливия. И уже в декабре 1969 г. началась серия последовательных встреч лидеров Ливии с главами арабских государств.

Первой была встреча в Триполи лидеров Ливии, Египта и Судана. Последний был вскоре заменен Сирией.

В ходе взаимных контактов была достигнута договоренность о создании Федерации арабских республик — Египта, Ливии и Сирии — с очень широкими полномочиями. 1 сентября 1971 г. одновременно в Каире, Триполи и Дамаске был проведен референдум, а 2 января 1972 г. в Каире с большой помпой прошли торжества по случаю провозглашения нового государственного объединения в составе Египта, Ливии и Сирии. Творцам Федерации представилось, что выработанная ими формула объединения имеет достаточно оснований, чтобы стать жизнеспособной. В центр деятельности нового государства ставилась задача достижения экономической интеграции на основе взаимодополняемости ресурсных возможностей каждого из участников Федерации: Египет обладает в избытке рабочей силой, высокоразвитой промышленностью и квалифицированными инженерно-техническими кадрами, Сирия развитым сельским хозяйством, а Ливия — большими запасами нефти.

Однако вся проделанная работа оказалась впустую. Слишком значительны были противоречия между лидерами образованного союза, что не сулило перспектив его

развития на ближайшее будущее.

Неудача с созданием Федерации не помешала ливийскому руководству продолжать свою линию на создание союзов арабских государств. С тем же результатом завершилась инициатива М. Каддафи по объединению Ливии и Египта в 1972 г. Провалились идеи образовать Арабскую исламскую республику в составе Ливии и Туниса (1974—1977 гг.), союз Ливии и Алжира (1975 г.), союз Ливии, Туниса и Алжира (1978 г.). Не стал действенным средством консолидации прогрессивных арабских сил провозглашенный в декабре 1977 г. на совещании в Триполи Национальный фронт стойкости и противодействия в составе Ливии, Сирии, Алжира, Народной Демократической республики Йемен (НДРИ) и Организации освобождения Палестины (ООП). Целью Фронта было противостояние политике египетского президента А. Садата, взявшего курс на заключение мира с Израилем.

Свою лепту в изменение концепции Великого Магриба вносил и Алжир. В 1976 г., когда произошло резкое обострение противоречий между магрибинскими государствами по вопросу Западной Сахары* алжирское руководство выдвинуло идею создания Магриба народов, подразумевая под этим необходимость «участия народных масс, прежде всего трудящихся — крестьян, молодежи и всех последовательных патриотических элементов», в образовании будущего союза стран Магриба. При этом имелось в виду становление «единого, сильного, процветающего, прогрессивного Магриба», в котором народные массы были бы освобождены от «капиталистической эксплуатации», что подразумевало неизбежную замену существовавших на тот момент политических режимов в соседних арабских странах.

В начале 70-х годов Алжир выступил инициатором создания региональной организации, в которую вошли бы государства сахарской зоны: Алжир, Ливия, Мавритания, Мали, Нигер и Чад, т.е. все магрибинские страны (без Марокко) и три центрально-африканских государства.

Однако попытка подменить идею создания Единого арабского Магриба образованием более широкого арабо-африканского союза успеха не имела. Усилия, прилагавшиеся на этом направлении прежде всего Алжиром в 1973—1982 гг., свелись лишь к декларативным заявлениям относительно дальнейшего развития политического и экономического регионального сотрудничества.

Характеризуя отношения стран Магриба того периода, известный марокканский экономист Ф. Уалулу отмечал: «Магриб может существовать лишь при условии реального согласия и сотрудничества между Марокко и Алжиром — двумя странами, являющимися собой два полюса Магриба. Конечно, Тунис будет играть свою роль; Мавритания послужит связующим звеном между Африкой и Магрибом. Ливия будет выполнять те же функции в отношениях между Магрибом и Машриком. Но, в конечном счете, процесс объединения должен опираться на Марокко и Алжир, на интеграцию и кооперацию экономики этих стран как необходимую основу для создания более емкого регионального рынка».

В 70-е годы условия для укрепления сотрудничества двух самых больших государств Магриба — Алжира и Марокко — практически отсутствовали. Отношения между обеими странами характеризовались в это время обострением напряженности, отражавшей различия в их политической и экономической ориентации и сохранение спорных вопросов. Не отличались стабильностью и отношения между другими магрибинскими государствами. Распался Постоянный консультативный комитет Магриба. Деятельность по выработке взаимоприемлемого соглашения о сотрудничестве была заблокирована. Но одновременно, как это происходит на протяжении всей истории независимого развития арабских стран, наряду с центробежными действуют и центростремительные тенденции. В 80-е годы в Магрибе они находили свое проявление в поиске Район Западной, или испанской, Сахары с 1885 г. находился под колониальным управлением Испании. С 50-х годов XX в. население этого района поднялось на борьбу за свою независимость. С притязаниями на западносахарскую территорию выступили Марокко и Мавритания. Вопрос о ликвидации испанского колониального управления неоднократно ставился в ООН и в итоге был передан на рассмотрение Международного суда в Гааге, признавшего право сахарцев на самоопределение. В декабре уход испанцев сопровождался вводом на территорию Западной Сахары войск Марокко и Мавритании. В борьбе за независимость Западной Сахары вступил созданный в мае 1973 г. Народный

фронт за освобождение Сегиет эль-Хамра и Рио-де-Оро (территорий, составляющих Западную Сахару) — фронт ПОЛИСАРИО, поддержанный Алжиром. Главное соперничество в углублявшемся западносахарском конфликте в 80-е годы происходило между Марокко (претендует на полное присоединение Западной Сахары) и Алжиром (не имеющим территориальных притязаний). По решению ООН в Западной Сахаре должен пройти референдум по определению воли ее населения. Однако не раз назначавшиеся даты его проведения откладывались, последний раз — в 2000 г. на три года.

новых подходов к проблеме внутрирегионального хозяйственного взаимодействия, принятие более прагматичных решений с учетом социально-экономических реалий в регионе. Наибольшее развитие в те годы получили двусторонние связи между странами Магриба. Экономическое сближение произошло между Алжиром и Тунисом, Алжиром и Ливией, Алжиром и Мавританией, Тунисом и Ливией, Тунисом и Марокко, Марокко и Ливией. Особое значение имело налаживание хозяйственного взаимодействия между Марокко и Алжиром, хотя решение проблемы сотрудничества между ними из-за политических разногласий затянулось на долгое время. Нормализация алжиро-марокканских отношений произошла только в 1988 г. после восстановления прерванных в середине 70-х годов дипломатических отношений в связи с разногласиями по Западной Сахаре и осуществления проекта строительства газопровода от алжирского месторождения Хасси-Рмель в Западную Европу по территории Марокко.

Развитие двусторонних экономических связей подготовило возможности для перехода к многостороннему сотрудничеству, тем более, что определенный опыт в этой области страны Магриба уже накопили. Но интеграционной тенденции приходилось прокладывать себе путь через очень серьезные препятствия.

В 80-е годы в Магрибе образовались две группировки, каждая из которых на словах отстаивала интересы обеспечения коллективной безопасности, а на деле ослабляла усилия другой стороны по выработке совместных мер в столь жизненно важной для всех магрибинских стран сфере.

Начало первой группировки было заложено подписанием в октябре 1983 г. Договора о дружбе и согласии (сроком на 20 лет) между Алжиром и Тунисом, к которому в декабре того же года присоединилась Мавритания. В документе отмечалось, что его участников объединяет «стремление к созданию Единого Великого арабского Магриба».

В августе 1984 г. Договор о государственном афро-арабском союзе заключили Ливия и Марокко. Альянс этих двух стран с учетом социальной природы правящих режимов был воспринят как парадоксальный.

Отношения между двумя возникшими группировками характеризовались конфронтационностью, каждая стремилась ослабить позиции другой стороны, рассматриваемой в качестве соперника или даже врага. Их противостояние усилило гонку вооружений в регионе и вмешательство внешних сил с целью создания дополнительных помех на пути процессов интеграции стран Магриба, укрепления их национальной и региональной безопасности. Мароккано-ливийский государственный союз не выдержал проверки временем и распался в 1986 г. Позитивные изменения во взаимоотношениях магрибинских стран наметились в конце 80-х годов. В определенной мере это было результатом посреднических усилий арабских стран, а также воздействия настоятельно проявлявшейся международной тенденции к мирному урегулированию региональных конфликтов.

Мощным импульсом, ускорившим движение стран Магриба к более прочному объединению, стали значительные социально-политические и экономические перемены, которые затронули практически все магрибинские государства в конце 80-х годов.

Глубокий всесторонний кризис, разразившийся в Алжире в октябре 1988 г., имел своим следствием демократизацию внутривластной жизни этой страны, закрепленную в принятой в 1989 г. новой конституции.

7 ноября 1987 г. к власти в Тунисе пришел новый президент Зин аль-Абидин бен Али, провозгласивший курс на демократизацию общественно-политической жизни и сразу приступивший к его проведению.

На путь исправления допущенных ранее ошибок в 1987 г. вступила и Ливия, уделив первоочередное внимание проведению реформ в сфере экономики, направленных на

восстановление частного сектора и нормализацию рыночных отношений.

Перемены демократической направленности затронули и Марокко, где они были вызваны прежде всего озабоченностью правящей династии судьбой монархии. Король Хасан II отчетливо осознавал неразрывность проблемы сохранения монархии, обеспечения прочности и стабильности существующего режима и осуществления последовательной модернизации политической системы страны, придавая ей характер конституционной монархии.

Что касается Мавритании, этой самой отсталой в экономическом отношении страны Магриба, то здесь усилия правительства направлялись на стабилизацию политического положения и преодоление кризиса в экономике. Первостепенное значение для нее имели получение помощи от арабских и западных государств, урегулирование западносахарской проблемы, проведение мер по либерализации экономики.

В сложившихся в 80-е годы условиях причины внешне- и внутривосточного, а также экономического характера постепенно вплотную подвели руководство стран региона к новому пониманию необходимости совместного практического решения сложного комплекса стоящих перед ними социально-экономических проблем.

Стремление каждой страны Магриба усилить свое влияние и авторитет в международных делах служило политическим стимулом процесса интеграции: в региональной группировке они рассчитывали получить надежную политическую поддержку. На интеграцию возлагались надежды как на средство решения важнейших экономических и социальных проблем: повышение уровня самообеспечения продовольствием, уменьшение безработицы, обеспечение условий для возрастания валового национального продукта и соответственно повышения жизненного уровня населения.

Объединение должно было способствовать ускорению развития стран Магриба и облегчить внешнеэкономические отношения с европейскими партнерами, которые готовились выступать единым фронтом в рамках объединенной Западной Европы.

Практическим шагом в реализации идеи политико-экономической интеграции пяти стран Северной Африки стало образование в феврале 1989 г. Союза арабского Магриба (САМ). Вступая в Союз, каждая из пяти стран рассчитывала на достижение в рамках объединенной организации собственных политических или экономических целей. Вместе с тем создание САМ явилось стабилизирующим фактором, снизившим остроту напряженности в отношениях между странами региона и позволившим перейти от открытой конфронтации между некоторыми участниками Союза к поиску компромиссных решений.

Цели Союза и направления его деятельности изложены в «Договоре о создании Союза арабского Магриба»

В преамбуле Договора говорится о том, что сложившиеся между народами Магриба на основе общности истории, религии и языка прочные узы подвели эти народы к пониманию необходимости создания союза, который призван укрепить связывающие их отношения и создать соответствующие возможности для постепенного достижения ими более полной интеграции. В будущем САМ призван «обрести такой вес, который позволит ему активно содействовать поддержанию равновесия в мире, укреплению мирных отношений в международном сообществе и обеспечению безопасности и стабильности в мире». Создатели Союза арабского Магриба рассматривали его как «инструмент укрепления все арабского единства и отправной пункт в формировании более широкого союза, объединяющего другие арабские и африканские государства».

Ст. 11 Договора провозгласила общими целями создаваемого Союза следующее:

укрепление братских уз, связывающих государства-участников и их народы;
обеспечение прогресса и процветания их обществ и защиты их прав;
содействие поддержанию мира, основанного на справедливости;
проведение общей политики во всех областях;
постепенное продвижение к достижению свободы передвижения людей, товаров, услуг и капитала между ними.

Ст. III Договора конкретизирует направленность общей политики государств-членов Союза в области международных отношений и дипломатии, в военной, экономической и культурной сферах.

Договор определил руководящие органы САМ. Его высшим органом является

Президентский совет, состоящий из пяти членов-глав государств, которые попеременно в течение года возглавляют его. Первым председателем Совета был король Марокко Хасан II.

К числу центральных органов САМ относятся также Совет министров иностранных дел, Генеральный секретариат, Консультативный совет — т.н. магрибинский парламент с совещательными функциями (по 30 депутатов от каждой страны), Трибунал — орган, занимающийся рассмотрением спорных вопросов, возникающих при толковании и выполнении договоров, заключенных в рамках САМ.

Создание САМ привлекло внимание мирового сообщества. Однако арабские страны, в основном, скептически отнеслись к новой организации. Несхожесть политических режимов пяти объединившихся государств не создавали предпосылок, как считали лидеры большинства арабских стран, для реализации заявленных Союзом целей. Действительно, трудно было ожидать прочного согласия от государств со столь несхожими политическими системами: Марокко — монархия, Алжир — долго претендовавший на роль одной из самых революционных стран «социалистической ориентации», Тунис — республика, ориентирующаяся на западноевропейскую модель, Ливия объявившая себя «джамахирией» (государством «прямого народовластия»), Мавритания — у власти в которой находился Временный комитет национального спасения. Неудачи всех предшествующих попыток объединения магрибинских государств были тому наглядным свидетельством. К тому же, ко многим сохранявшимся противоречиям добавлялась еще одна проблема — западносахарская, ставшая серьезной преградой на пути достижения единства североафриканских арабских стран.

И тем не менее, несмотря на все трудности и препятствия, САМ был провозглашен. Его появлению и организационному оформлению большую помощь оказал своим личным содействием король Саудовской Аравии Фахд.

Внимательно следили за появлением нового арабского объединения и на Западе. США, заинтересованные в укреплении своих позиций в Северной Африке, рассчитывали использовать Союз в своих целях. Франция усматривала в создании САМ возможность дальнейшего расширения ее финансово-экономического и политического влияния в регионе. Именно Франция стала связующим звеном в расширении контактов между САМ и ЕС, в чем магрибинские страны были особо

заинтересованы. При ее посредничестве стали регулярно проводиться встречи министров иностранных дел Европейского сообщества и Союза. Налаживались связи между средиземноморскими странами в составе пяти государств Магриба и Франции, Италии, Испании, Португалии и Мальты. Значительный интерес Франция проявила к совместным проектам стран САМ, особенно к строительству газопровода «Магриб — Западная Европа», участие в котором усиливало политический вес Франции в Магрибе. Появление в Средиземноморье нового арабского политико-экономического союза привлекло внимание Великобритании и других европейских государств, естественно, при далеко неоднозначных к нему подходах. У Испании, в частности, САМ вызвал серьезную озабоченность в силу сохраняющихся у нее противоречий с Марокко, позиции которого в рамках Союза, естественно, укреплялись, что, по оценке Испании, могло лишь осложнить и без того непростые отношения между обеими странами.

Что касается СССР, то образование САМ встретило здесь позитивную оценку и рассматривалось как фактор укрепления самостоятельности стран Магриба и обеспечения стабильности в регионе, в средиземноморском бассейне и на Африканском континенте в целом.

На начальном этапе деятельности Союза главное внимание в экономической деятельности уделялось перспективным программам -

В октябре 1990 г. в Алжире на сессии совместной комиссии по экономике и финансам был рассмотрен проект создания Экономического союза стран Магриба, который предполагалось осуществить в течение 10 лет путем поэтапного развития взаимного сотрудничества в равных сферах экономики. На первом этапе (до конца 1992 г.) намечалось создание зон свободной торговли в целях свободного обмена товарами и услугами между членами САМ. Второй этап (1993 — 1994 гг.) должен был привести к единому таможенному союзу стран Магриба и введению единых таможенных тарифов для экспортно-импортных операций. Третий этап предусматривал свободное

перемещение рабочей силы, товаров и услуг, создавая тем самым условия для четвертого этапа — полной экономической интеграции стран САМ к 2000 г. В течение первых лет после создания Союза была проделана большая работа по формированию организационных структур и юридической базы сотрудничества в рамках САМ и на двусторонней основе.

Приоритетное место в деятельности руководящих органов САМ было отведено в эти годы наиболее болезненным, общим для всех стран-членов Союза проблемам продовольственного обеспечения, безработицы и внешней задолженности.

Укреплялось сотрудничество стран Магриба в различных областях экономики. Наибольшие успехи были достигнуты в сфере транспорта и энергетики. Разрабатывались и реализовывались общерегиональные проекты.

Была введена в эксплуатацию трансмагрибинская железная дорога Тунис — Алжир — Касабланка протяженностью 2262 км. Завершилось строительство трансмагрибинского газопровода с участием Алжира, Туниса и Ливии протяженностью 400 км и пропускной способностью 3 млрд м³ газа в год от алжирского города Уэд Саф-Саф через Гафсу и Зарзие в Тунисе до города Зуара в Ливии. Были установлены льготные тарифы на телексную, телеграфную и телефонную связь, на наземный и морской транспорт.

Параллельно активизировалось двух- и трехстороннее сотрудничество стран Магриба в области промышленности, энергетики и транспорта, газоснабжения, строительства и финансов, работы таможенных служб, а также по таким проблемам, как подготовка кадров, развитие туризма, информации, культуры, здравоохранения, юстиции и борьба с наркоманией. Было подписано много соответствующих соглашений и создавались смешанные компании для их реализации.

Наибольшая активность в деятельности САМ была достигнута в 1993—1994 гг., когда председателем Президентского совета Союза был президент Туниса Зейд бен Али, считавший своей главной задачей укрепление САМ путем реализации уже заключенных соглашений в различных отраслях экономики. Тунис представил свою программу действий Союза на период до 2000 г., которая исходила из ранее намеченных главных направлений, рассчитанных на образование магрибинского общего рынка. Конечной целью программы ставилось достижение взаимодополняемости национальных экономик стран-участниц как основы будущей интеграции в финансово-экономической и ресурсной областях, унификации социально-культурной сферы, создания единой системы связи и обмена информацией. Задачей первостепенной важности программа определяла достижение продовольственного самообеспечения в зоне Союза. Итогом реализации программы должен был сложиться Магриб без границ.

Предложенная Тунисом программа была одобрена членами Союза, но Ливия при этом настаивала еще и на укреплении военно-политического единства стран САМ.

В 1993 г. в целях претворения принятой программы в жизнь были определены приоритетные проблемы стран региона, к числу которых были отнесены создание транспортной сети САМ и строительство трансмагрибинской автомагистрали, сооружение газопровода Магриб — Западная Европа, борьба с опустыниванием, уничтожение сельскохозяйственных вредителей.

В апреле 1994 г. в Тунисе состоялась сессия глав государств Союза, где подводились итоги пятилетней деятельности организации, Участники саммита отметили определенные положительные результаты времени председательства президента Туниса Зейд бен Али. За эти годы заметно вырос международный авторитет Союза, повысился его престиж, что было результатом активной позиции, занятой САМ по таким важным международным проблемам, как ближневосточное урегулирование, дело Локкерби* и др.

Что касается результатов деятельности САМ в межмагрибинских делах, то главы государств Союза особо отметили успехи в деле организационного становления САМ, выразившегося в активизации функционирования большинства созданных межмагрибинских структур, в ратификации заключенных соглашений по вопросам экономики, культуры, обеспечения безопасности.

Вместе с тем сессия отметила и серьезные проблемы, затруднявшие реализацию намеченных Союзом программ. Среди факторов, существенно влиявших в первой половине 90-х годов на ситуацию в регионе и создававших здесь угрозу миру и стабильности, были действия исламистов и продолжение международных санкций против

Ливии, негативно влиявших не только на саму Ливию, но и на другие страны Магриба и на их отношения с Западной Европой, а также нерегулированность западносахарской проблемы.

Деятельность САМ серьезно осложнял и трудности экономического и социально-политического развития каждой из стран-участниц Союза, сохранявшиеся между ними противоречия.

И тем не менее Апсельская сессия САМ 1994 г. отразила общее стремление магрибинских стран активизировать усилия по созданию Единого арабского Магриба, их единый в целом подход к важнейшим международным проблемам, желание развивать отношения с европейскими странами по формуле «5+5» (САМ и южноевропейские страны) и «5+12» (САМ и страны ЕС).

дело Локкерби связано с взрывом самолета <Пан-Америкно>, произошедшим над шотландским городком с этим названием. В этом террористическом акте, унесшем жизни 270 человек, обвинили двух ливийцев, которых руководство Ливии отказывалось выдать правительству США вплоть до 6 апреля 1999 г. В результате в 1992 г. против Ливии были введены международные санкции, приостановленные сразу же после решения Ливии передать Международному суду в Гааге обвиняемых Абдель Басит аль-Миграхи и аль-Амин Халифа Фхима.

В 1994—1995 гг. председателем Президентского совета САМ был глава Алжира Ламин Зеруаль. Свою задачу он видел в укреплении экономических связей между членами Союза, что, по его оценке, и составляло важнейшую предпосылку для взаимодействия с другими организациями, главным образом с ЕС.

Для развития связей с ЕС у стран Магриба существовала весьма серьезная основа: кроме исторически сложившихся экономических контактов, в нынешних условиях ее составляют взаимное стремление сторон к углублению сотрудничества, а в отдаленной перспективе — полная экономическая интеграция. Первые соглашения о сотрудничестве между ЕС и отдельными странами региона были заключены еще в середине 70-х годов. В 90-е годы контакты и связи между ними активизировались, чему способствовало растущее осознание как огромных преимуществ, которые несет с собой углубление международного разделения труда, сотрудничество в политической и гуманитарной областях, так и заметное отставание стран Магриба от других динамично развивающихся крупных интеграционных сообществ. ЕС в 90-е годы выделил юг Средиземноморья в качестве одного из приоритетных направлений своей интеграционной политики, которая предполагает не только стимулирование партнерских связей в области экономики, политики и культуры, но и поддержку формирования рыночной экономики, политической демократии, а также содействие урегулированию конфликтных ситуаций в регионе и налаживанию экономического и политического межарабского сотрудничества. На практике это означает длительный и сложный путь выработки и адаптации взаимных интересов, путь с весьма неопределенными временными рамками и перспективами. Арабские страны были заинтересованы прежде всего в развитии экономических связей, в получении экономической помощи, кредитов по каналам ЕС, в доступе к новейшим технологиям, рынкам труда, а главное — в снятии барьеров на пути экспорта своих товаров на рынки государств-членов ЕС.

До 90-х годов Европейское сообщество строило свои отношения с североафриканскими арабскими государствами на двусторонней основе. После создания Союза арабского Магриба больший акцент делался на стимулировании многостороннего сотрудничества по линиям ЕС — САМ, ЕС — Средиземноморское сообщество, включающее и страны Магриба.

Еще в 1977 г. в рамках евро-арабского диалога было подписано соглашение о кооперации со странами Магриба. В его развитие Тунис первым из стран арабского Магриба подписал 17 июля 1995 г. соглашение с ЕС об ассоциации. С 1 января

1997 г. аналогичный документ подписало и Марокко. Ассоциированное членство означает более тесное экономическое сотрудничество с ЕС. Однако, как показывает имеющийся опыт, путь от ассоциированного до полноправного члена ЕС может занять не один десяток лет. Вхождение Туниса и Марокко как ассоциированных членов в зону свободной торговли и в единый таможенный союз будет осуществляться постепенно — в течение 12 лет после подписания соответствующих протоколов и означать снятие последних ограничений на их импорт странами ЕС, за исключением текстиля и оливкового масла,

т.е. главные статьи экспорта арабских стран.

Взаимодействие САМ и ЕС развивалось очень медленно, и к середине 90-х годов не были реализованы согласованные ранее проекты. Во многом это объясняется тем, что Западная Европа предпочитает диалог САМ — ЕС двусторонние контакты с членами Союза, а это в свою очередь негативно влияет на процесс сближения магрибинских стран.

Однако в сохранении и дальнейшем развитии экономического сотрудничества с ЕС заинтересованы сами страны САМ. Определяющими моментами здесь являются преобладание в их экономике товаров, ориентированных на Запад, а не на арабский рынок (в начале 90-х годов взаимная торговля в странах Магриба составляла 1,6% их внешней торговли), наличие такой острой проблемы, как нахождение в Европе более 4,5 млн выходцев из Северной Африки и необходимость защиты их интересов, а также проблема обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом, исламским экстремизмом и наркобизнесом.

С 90-х годов экономические отношения между странами САМ и ЕС регулируются в соответствии с т.н. обновленной средиземноморской политикой Европейского союза, определившей развитие связей со странами бассейна Средиземного моря.

Суть нового типа отношений заключается в переходе от политики помощи к политике партнерства, предусматривающего предоставление этим странам значительных льгот в финансовом, экономическом и техническом взаимодействии.

В углублении интеграции между ЕС и странами Северной Африки заинтересованы все участники этого процесса, однако темпы продвижения по этому пути, равно как и подходы партнеров к конкретным задачам и конечным целям интеграции существенно отличаются. К числу наиболее сложных относятся вопросы взаимодействия в политической и военно-политической областях, которые ЕС в 90-е годы тесно увязывает с прочими аспектами интеграции, рассматривая их как единое целое одного процесса. Арабы же стараются отодвинуть вопросы военно-политического сотрудничества с Западной Европой, тем более что к этому направлению большой интерес проявляют США и НАТО. Усиление военного аспекта в отношениях ЕС со странами Магриба с неизбежностью повлечет за собой усиление гонки вооружений в регионе, а это, в свою очередь, повысит уровень политических рисков для инвестиций, в которых так нуждаются арабские страны.

Страны Магриба обречены на тесное взаимодействие ЕС, однако на пути к нему сохраняется множество препятствий, создаваемых обеими сторонами. ЕС предъявляет к своим партнерам высокие требования и в экономической, и особенно в политической областях, которые на современном этапе не могут быть осуществлены государствами САМ. В их экономике сохраняется большая доля централизации и экономического протекционизма, медленно развиваются рыночные отношения, не получает должной поддержки частный сектор. В политической области интеграционные процессы требуют отказа от какой-то части суверенитета в пользу наднациональных организаций, к чему сегодня страны САМ не готовы.

На ближайшую и, видимо, отдаленную перспективу отношения между магрибинскими странами и ЕС будут развиваться по формуле ЕС и отдельно государства САМ. При этом приоритетным направлением останется экономика.

С середины 90-х годов в деятельности САМ наметились тенденции к ее свертыванию. К этому времени отчетливо выявилась слабость этой организации, неспособность ее членов выработать единый подход к экономической стратегии Союза, проанализировать и дать реальную оценку тем причинам, которые мешают претворению в жизнь утвержденных программ, препятствуют переводу деклараций в практические дела, не приближают провозглашенную цель достижение экономической интеграции к 2000 г. Причины эти многоплановы, они включают факторы внутреннего и внешнего порядка. За годы своего существования САМ не оказал заметного влияния на экономическую жизнь входящих в него стран, что обусловлено наличием глубоких объективных причин: однотипностью экономик, схожестью промышленной и сельскохозяйственной продукции, производимой государствами Магриба. Ситуация осложняется также и факторами политического характера: неустранимым грузом прежних разногласий, амбициозными притязаниями на лидерство, отсутствием должной политической воли в разработке механизма практического воплощения принятых решений.

К числу внешних факторов, негативно влияющих на процесс экономической интеграции в

рамках САМ, следует отнести долго сохранявшиеся экономические санкции против Ливии и неурегулированность западносахарского вопроса, различия в подходах к его разрешению членов САМ и прежде всего Марокко и Алжира, что повлекло за собой фактическую приостановку деятельности Союза. Марокко, взявшее с 70-х годов курс на присоединение территории Западной Сахары к королевству, за истекшие четверть века предпринимало меры силового и мирного характера, направленные на достижение намеченной цели. И, надо отметить, добилось в этом вопросе положительных для себя результатов.

Вовлеченность в западносахарскую проблему региональных государств с их разнонаправленными интересами не раз вызывала резкое обострение здесь ситуации, создавая угрозу перерастания ее в широкомасштабный конфликт. Прогресс в деле решения проблемы Западной Сахары наметился в конце 80-х годов на фоне тенденции к интеграции стран Магриба.

Но в конце 1995 г. произошло резкое обострение ситуации вокруг Западной Сахары, ответственность за которое Марокко возложило на Алжир. Марокканское руководство предложило Алжиру, председательствовавшему тогда в Президентском Совете САМ, «приостановить деятельность его исполнительных органов ввиду их неэффективности». Алжирское руководство вполне обоснованно расценило этот шаг Марокко как попытку оказать политическое давление на Алжир с целью заставить его отказаться от активной позиции в решении западносахарской проблемы.

В январе 1996 г. президент Туниса З. бен Али и ливийский лидер М. Каддафи высказались за сохранение САМ. У этих стран были конкретные мотивы в поддержку Союза: Тунис, не обладающий значительным военным потенциалом, рассматривает его как организацию, способную сглаживать возникающие региональные противоречия, а Ливия заинтересована в поддержании видимости арабского единства и смягчения при поддержке соседей международных санкций.

Руководство Ливии предприняло в рамках САМ интенсивные посреднические усилия по урегулированию резко обострившихся тогда марокканско-алжирских отношений. В устранении противоречий между Марокко и Алжиром ливийское руководство видит основную предпосылку для предотвращения распада САМ.

В результате контактов с лидерами всех стран-участниц САМ Ливия предложила временно прекратить деятельность исполнительных структур организации, но при этом резко активизировать переговоры между руководством стран Союза в целях оперативного поиска решений по существующим в рамках САМ разногласиям и прежде всего по проблеме Западной Сахары. Это предложение было одобрено королем Марокко Хасаном II. Отложена была тогда и запланированная на февраль 1996 г. встреча в верхах руководителей стран арабского Магриба. С тех пор деятельность САМ остается замороженной. Не созываются и саммиты.

Проблема Западной Сахары не получила своего разрешения, несмотря на предпринимаемые мировым сообществом усилия. Сегодня обстановка в регионе спокойная, в ее обострении не заинтересованы ни Марокко, ни Алжир, но это вовсе не означает, что при определенных условиях эта проблема не окажется на авансцене магрибинской политики и не перерастет в конфликт, который скажется на межгосударственных отношениях стран Северной Африки.

В 1999 г. исполнилось десять лет Союзу арабского Магриба. С какими итогами встречала эта организация свой юбилей? Насколько продвинулось практическое воплощение идей, заложенных при создании данного Союза? Вряд ли ответ на этот вопрос может быть однозначным.

Сам факт создания организации, объединившей североафриканские арабские страны, есть отражение объективно развивающихся мировых интеграционных процессов. Но образование региональной организации и развитие в ее рамках сотрудничества стало возможным благодаря воле руководителей магрибинских стран и их готовности пойти на определенные уступки партнерам.

Сотрудничество магрибинских стран получило развитие в тех сферах, где их интересы переплетены наиболее тесно. В экономике это транспорт и связь. В политике — координация действий в противостоянии росту исламского экстремизма. Решены некоторые вопросы унификации сферы образования.

Создание в Северной Африке политико-экономического объединения способствовало

снижению напряженности в отношениях между странами региона и переходу в ряде случаев от политики конфронтации к поиску компромиссных решений. САМ сыграл определенную позитивную роль в развитии и активизации региональных связей. Вместе с тем государствам Магриба не удалось решить практически ни одной серьезной региональной проблемы политического характера, а совместные проекты в экономической сфере ограничивались, в основном, декларативными решениями. Причины низкой эффективности САМ кроются в различиях политических систем входящих в Союз стран, в серьезных противоречиях на уровне объединения и в двусторонних отношениях, в борьбе за лидерство, отсутствие взаимопонимания по многим вопросам, стремление каждой магрибинской страны добиваться для себя максимальных выгод в одностороннем порядке. Особенно это относится к экономическим связям с Францией и другими странами ЕС.

Во второй половине 90-х годов все отчетливее проявлялись признаки распада САМ, хотя одновременно действует стремление его членов сохранить сложившиеся структуры этой организации. Успех на этом направлении будет зависеть от способности лидеров стран Союза найти приемлемые компромиссы в решении внутрирегиональных проблем, прежде всего в межгосударственных отношениях.

САМ не привел входящие в него страны к «полной интеграции» в 2000 г., как это было намечено в принятой программе его деятельности. Он и не мог этого сделать, т.к. была нереальной сама поставленная задача, не получившая должной проработки, научной оценки ее исходных позиций, имеющихся ресурсов и возможных сроков достижения намеченной цели.

Интеграция — процесс долгий и сложный, а путь к нему лежит через расширение межмагрибинского сотрудничества прежде всего по тем направлениям, в которых уже сегодня есть определенные наработки, где накоплен позитивный опыт. Успех интеграционного процесса во многом будет зависеть от способности лидеров стран Магриба установить тесные политико-экономические связи с другими подобными системами в Средиземноморье или других прилегающих регионов, а также от их готовности урегулировать сохраняющиеся конфликты и достигать компромиссов в межмагрибинских отношениях.

Глобализация мировых экономических процессов дала в конце 90-х годов новый импульс интеграционным тенденциям в арабском мире. Потребность в расширении взаимного сотрудничества арабских стран диктуется сегодня реалиями, действующими в системе международных экономических отношений. Доминирование здесь промышленно-развитых стран, с ное - го рода «центров силъ», включающих США, ЕС и Японию, таит в себе реальную угрозу для стран со слаборазвитой экономикой навсегда остаться на обочине столбовой дороги поступательного мирового развития. Озабоченность наступлением «глобализм», который арабы воспринимают как процветание экономических «гигантов», превращающих развивающиеся страны в объект «экономической оккупации», проявляют лидеры всех арабских государств.

Противостоять столь незавидной исторической перспективе, считают арабы, можно лишь укреплением региональной экономической интеграции, которая должна способствовать включению арабских стран в процесс глобализации и одновременно быть средством обеспечения выживаемости арабского единства. Наибольшую активность в развитии процесса экономической интеграции арабских стран проявляют сегодня Сирия и Египет. К этому их во многом подтолкнула политика ЕС и США, направленная на объединение Средиземноморья, а также действия США по созданию Нового Ближнего Востока в составе Турции, Израиля с подключением к ним арабских стран после окончательного урегулирования арабо-израильского конфликта, что в Сирии оценивается как попытки внешних сил расколоть арабский мир, поставить его в еще большую экономическую и финансовую зависимость от Запада.

Сирийское руководство рассматривает арабскую экономическую интеграцию как «прогрессивное средство отстаивания арабских интересов, способствующее развитию арабского мира» и призванное помочь им успешнее адаптироваться к «вызовам глобализации».

По оценке сирийских политиков, арабская интеграция способна укрепить позиции арабов на мирных переговорах с Израилем, придать большую эффективности их диалогу с мировыми экономическими центрами силы, прежде всего с ЕС, а также реально

способствовать урегулированию межарабских разногласий во всех областях. Экономический блок арабских стран, полагают сирийцы, должен быть одним из крупнейших в мире, ибо для этого существуют все необходимые предпосылки: территориальные (10% Земли на двух континентах), демографические, природноресурсные (здесь сосредоточено 64% мировых запасов нефти и 22% природного газа), финансовые (на Западе размещено, по экспертным оценкам, свыше 700 млрд ам. долл.). К тому же Ближний Восток является стратегически важным в природногеографическом и в военно-политическом отношении.

К настоящему моменту определились в основных чертах концептуальные основы экономического сближения и интеграции арабских стран, а также конкретные цели на краткосрочную, средне- и долгосрочную перспективы. Эти цели арабской экономической интеграции сформулировал, выступая на 64-й сессии Экономического совета ЛАГ в сентябре 1999 г., министр экономики и внешней торговли Сирии М. Имади. Главными из них были названы повышение производительного уровня и расширение технологической базы национальных экономик при оптимальном использовании трудовых ресурсов; создание благоприятных условий, гарантирующих финансовую стабилизацию, непрерывное и прогрессивное развитие рыночных отношений, повышение конкурентоспособности арабских товаров на мировых рынках; продвижение идеи межарабского экономического сотрудничества в направлении создания единого арабского экономического пространства.

Приоритетное место отводится налаживанию межарабских потоков капиталовложений, развитию финансовых рынков, нацеленных на привлечение инвестиций, и обеспечению стабильного курса национальных валют.

Средством адаптации национальных экономик к достижениям научно-технического прогресса служит свобода торговли, что должно создать условия для рационального финансирования торговли, строительства объектов в сфере промышленности, сельского хозяйства, реализации проектов в области транспорта и услуг.

Экономическое сближение арабских стран возможно лишь при обязательном обновлении на национальном уровне нормативно-законодательной базы хозяйственной деятельности и снятия физических, технических и фискальных барьеров.

Важнейшим двигателем арабской экономической интеграции арабские руководители считают торговлю между арабскими странами (в настоящее время доля межарабской торговли во внешней торговле арабских стран не превышает 8%, что означает сохранение практически неизменным этого уровня на протяжении второй половины XX в.). Арабские эксперты прогнозируют развитие межарабской торговли по схеме: двусторонние зоны свободной торговли — Большая арабская зона свободной торговли — Арабский общий рынок — Арабский экономический блок.

Определенных результатов в реализации первого этапа данной схемы удалось достичь Сирии. Постепенно развивается ее сотрудничество с Иорданией в создании не только двусторонней зоны свободной торговли, но и приграничной промышленной зоны. Сирией подписаны соглашения о полной или частичной отмене таможенных пошлин с Саудовской Аравией, Египтом, Кувейтом, Катаром, Бахрейном, Тунисом, Суданом и Ливией.

В отношении второго этапа членами ЛАГ принята Исполнительная программа формирования Большой арабской зоны свободной торговли, которая рассчитана на 10 лет, начиная с 1999 г. Сегодня программа объединяет Египет, Иорданию, Ирак, Йемен, Ливию, Мавританию и Сирию. О своей готовности присоединиться к ней заявили Алжир, Ливан, Марокко, ПИЛ, Судан и Тунис.

Что касается третьего этапа развития межарабской торговли, то здесь Совет арабского экономического единства утвердил в 1999 г. Исполнительную программу по выработке правил Арабского общего рынка, наметившую некоторые возможные рамки его будущего функционирования. Очевидно, что пока в этом вопросе речь может идти лишь о перспективном планировании.

О создании арабского Общего рынка ЛАГ заявила еще в 1964 г. С тех пор идея не получила практического воплощения, хотя на конец XX в. под нее подведена определенная база. Ее формируют региональные экономические и торговые организации, действующие в рамках или под эгидой ЛАГ. Общий рынок арабские страны рассматривают как одну из самых ярких форм арабской солидарности и связывают с ним

возможность с позиции сильного противостоять реализации проекта Ближневосточного рынка, нацеленного на экономическое доминирование в регионе США и Израиля после достижениярабо-израильского мирного урегулирования, а также Америка- 10-израильским планам по созданию регионального военно-стратегического блока на базе оси Анкара — Тель-Авив с возможным привлечением к нему Иордании.

В Общем рынке арабские государства видят средство защиты арабского мира от негативных последствий глобализации.

Руководство арабских стран отдает себе отчет в том, что продвижение к Общему рынку требует больших усилий в преодолении многочисленных преград, стоящих на этом пути. На нынешнем этапе приоритетное место они отводят ускорению процесса приватизации в госсекторе и повышению активности частного сектора, либерализации валютно-финансовой политики, реанимированию рынка ценных бумаг в привлечении арабских и зарубежных капиталовложений, совершенствованию баи-иковской деятельности.

Но при этом арабские руководители признают, что переход к рыночным отношениям должен быть взвешенным и постепенным, ибо резкая замена командно-административной экономики на рыночную способна привести к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в арабских странах, крайне негативно отразиться на инвестиционном климате и конкурентоспособности национальных экономик и в конечном итоге затормозить процесс экономического сближения и интеграции.

Важную роль в экономическом развитии арабских стран их руководители отводят активизации торговых связей соответствующих структур ЛАГ с аналогичными органами различных региональных объединений. Постоянные рабочие контакты налажены с Организацией Исламская конференция (ОИК), движением неприсоединения, с международными финансовыми организациями. Значительное внимание уделяется также диалогу с ЕС. Особую привлекательность для арабов представляет накопленный этой организацией опыт в области экономической интеграции.

В арабских странах укреплению межарабских торговых связей как важному средству, способствующему более тесному сплочению арабов, придается очень большое значение. Наряду с торговлей в последние годы получают развитие совместные проекты в сфере электроэнергетики, транспорта, производства сельскохозяйственной продукции, вносящие свой вклад в развитие арабской экономической интеграции.

Так, в завершающую стадию вступила реализация энергетического проекта по строительству Единой трансрегиональной электросети между Египтом, Иорданией, Ираком, Сирией и Турцией. Его конечная цель — связать энергосети арабских стран Магриба через Египет с Машриком, затем через Иорданию и Сирию — с Турцией и в итоге — с Европой. Общая стоимость проекта оценивается в 500 Млн ам. долл. Уже произведена стыковка электросетей Сирии и Иордании. Турция завершила сооружение линии электропередач на своей территории к сирийской границе, сирийцы ведут встречную линию к турецкой границе. В марте 1999 г. объединены электросети Египта и Иордании. Принято решение о присоединении к Единой трансрегиональной электросети Ливана.

Важное место в развитии межарабского сотрудничества придается транспортному строительству. В этом плане особый интерес представляет восстановление совместными усилиями Сирии, Иордании и Саудовской Аравии Хиджазской железной дороги. Уже осуществляются регулярные пассажирские и грузовые перевозки между Дамаском и Амманом. На восстановление этой транспортной магистрали возлагаются очень большие надежды: ее введение в строй даст мощный импульс развитию товарообмена и оживлению хозяйственной активности в Машрике.

В 1999 г. в Дамаске на международном симпозиуме была принята Общеарабская стратегия сельскохозяйственного развития на 2001—2002 гг. Она включает в себя ряд программ по охране окружающей среды, рациональному использованию природных и людских ресурсов, обеспечению «продовольственной безопасности».

Центростремительные тенденции, наметившиеся в арабском мире в конце 90-х годов, находят свое проявление в формирующихся региональных экономических объединениях в составе .Сирии, Ливана и Иордании либо Египта, Палестинской Национальной Администрации (ПНА) и Иордании. В этих не получивших еще четкого оформления союзах доминирующими силами выступают Сирия и Египет.

Сирийский проект субрегионального экономического треугольника Дамаск — Амман — Бейрут является фактически возвратом к плану создания «Великой Сирии» как федерации современной Сирии, Ливана и Иордании при политическом лидерстве дамаска. В рамках такого тройственного союза Сирия, не имея реальных возможностей для экономического доминирования, рассчитывает на равное партнерство с Иорданией, но одновременно претендует на особые отношения с Ливаном, с которым Сирия осуществляет координацию по широкому кругу проблем. Двустороннее экономическое сотрудничество с Ливаном и Иорданией Сирия представляет как пример для подражания, как показатель успеха в создании арабского экономического блока.

Традиционным претендентом на лидирующую роль в арабском мире является Египет. Активная деятельность Сирии по созданию своего интеграционного объединения вызывает опасение Египта: в перспективе, как полагают в Каире, этот экономический союз может превратиться в политический, что повлечет за собой осложнение межарабских отношений. Правда, к таким же последствиям может привести и египетский план субрегиональной организации в составе Египет — Иордания — ПНА.

В XXI в. арабский мир вступил с весьма непростым багажом. Действие объективных закономерностей поступательного развития, глобализация мировых процессов подталкивают арабские страны к объединению, порождают интеграционные тенденции. В настоящее время они получили свое воплощение в созданных региональных и субрегиональных организациях — Лиге арабских государств, Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союзе арабского Магриба, Совете арабского сотрудничества, охватывающих подавляющую часть населения арабских государств. Однако интеграция не пустила глубоких корней и продолжает действовать скорее как тенденция. Многочисленные планы, программы, соглашения продолжают сохранять декларативный характер, медленно воплощаясь в конкретные дела. Происходит это потому, что центростремительные силы здесь уравниваются центробежными. Арабский мир по-прежнему отягощен грузом не получивших разрешения проблем, сохраняется резкий разрыв в уровне экономического развития, его разделяют политические противоречия, борьба за лидерство, амбициозные притязания политических руководителей. Все это мешает развитию интеграционных процессов и тормозит инкорпорирование арабских стран в мировую экономику. Пока здесь еще превалируют национальные интересы над общеарабскими, двустороннее сотрудничество над многосторонним.

Тормозом, создающим огромные препятствия на пути углубления межарабского сотрудничества, трансформации его в прочноинтегрированное экономико-политическое сообщество является глубоко укоренившаяся конфликтность ближневосточного региона, неурегулированность ряда сохраняющихся здесь конфликтов и прежде всего главного — арабо-израильского, имеющего тенденцию к периодическим обострениям. Без обеспечения прочного всеобъемлющего мира и стабильности, укрепления мер доверия между арабскими государствами, а также между ними и их соседями трудно ожидать изменения баланса между центробежными и центростремительными силами в пользу последних. Глобализация мировых экономических процессов неизмеримо ускоряет темпы общественной эволюции всех народов мира. Арабский Восток с его богатейшим природным и человеческим потенциалом обладает большими возможностями для экономического и социального развития. Соединенный с политической волей, этот потенциал может стать мощным импульсом коренного переустройства арабского мира, что позволит ему занять достойное место в интегрирующемся мировом сообществе.

Литература

- Александров И.А. Монархии Персидского залива: Этап модернизации. М., 2000.
Араслы Э. Г. Межарабские экономические отношения 60—70-е годы. М., 1985.
Бакланов А. Ближний Восток: региональная безопасность и интересы России. М., 1999.
Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба. М., 1998.
Ленин З.И. Развитие арабской общественной мысли 1917—1945. М., 1979.
Ленин ЗИ. Развитие арабской общественной мысли (после Второй мировой войны). М., 1984.
Мальцев Ю. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994.
Мджавлих Махмуд Салем. Исторические и политические условия в период процесса

создания Лиги арабских государств / Ближний Восток: история и современность. М., 1997.
Мджавлих Махмуд Салем. Некоторые историко-правовые аспекты деятельности Лиги арабских государств на международной арене / Ближний Восток: история и современность. М., 1997.

Мелкумян Е.С. Конфликтные ситуации в зоне Персидского залива и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) / Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М., 1997.

Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М., 1999.

Мелкумян Е.С. Роль Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в обеспечении региональной безопасности / Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. М., 2000.

Хасан Абу Хамда Валид Абдуллатиф. Лига арабских государств в региональных международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке (1945—1965). Автореферат канд. дисс. М., 1995.

Глава 5.

Проблемы и перспективы регионального сотрудничества в Южной Азии

Возникновение организации сотрудничества стран Южной Азии относится ко второму крупному этапу в геополитическом развитии региона, наступившему после индо-пакистанской войны 1971 г. и образования Бангладеш. Это вовсе не означает, что в первую четверть века после ликвидации Британской империи в Индии в отношениях между новыми независимыми государствами, образовавшимися на ее месте, не содержались элементы взаимодействия. Без них не было бы возможно разрешение и предупреждение конфликтов. Но отличием первого периода нужно считать то, что кооперация осуществлялась лишь на двусторонней основе.

Главными для Южной Азии в тот период были взаимоотношения двух государств-наследников Британской Индии — Индийского Союза и Пакистана. Наряду с вооруженными конфликтами 1947—1948, 1965 и 1971 гг. (в 1965 г. произошли два столкновения — по поводу принадлежности Качского Ранна и Кашмира) стороны заключали важные соглашения: о разделе финансовых и материальных ресурсов, уточнении границ и разрешении спорных пограничных вопросов, о собственности беженцев и судьбе покинутой ими недвижимости, возвращении и реабилитации насильственно удерживаемых (касалось главным образом женщин и детей), распределении воды для орошения между разделенными частями Пенджаба и т.п. (см. хронику переговоров и соглашений между Индией и Пакистаном с августа 1947 г. по май 1964 г.). На фоне многочисленных документов, согласованных и подписанных представителями двух государств в 1948—1964 гг. выделяются два договора, заключенные на высшем уровне. Первый из них — это т.н. Пакт Неру Лиакат. Он был подписан в апреле 1950 г. в Дели премьер-министрами Дж. Неру и Лиакат Али-ханом в целях решения проблемы статуса религиозных меньшинств. Второй, Договор о разделе вод бассейна р.Инд (сентябрь 1960 г.) положил начало осуществлению международного проекта полномасштабного разделения ирригационных систем двух государств. К этому списку важнейших договоров, разумеется, надо добавить два двусторонних соглашения, заключенные после военных столкновений 1965 и 1971 г. Ташкентское (1966 г.) и Симлское (1972 г.).

Помимо индо-пакистанских на первом этапе подписывались и иные по составу участников двусторонние договоры. Их заключала Индия со своими пригималайскими соседями — королевствами Непал (1950 г.) и Бутан (1949 г.) и княжеством Сикким (1949 г.) Цель и смысл всех трех соглашений состояли в подтверждении установившегося при англичанах особо тесного характера отношений между властями дели и этих государственных образований. Договоры о дружбе и мире с Непалом и «о вечной дружбе» с Бутаном (последний устанавливал протекторат Индии во внешних сношениях), с первым раньше, а со вторым — позже, привели к утверждению их самостоятельности как субъектов международного права. действие договора с Сиккимом прекратилось в 1975 г. с присоединением его к Индии в качестве штата.

Необходимость в двусторонних соглашениях между Индией и Цейлоном (с 1972 г. — Шри-Ланкой) вытекала из проблем пребывания сотен тысяч индийцев на острове и пресечения нелегальной эмиграции. Вывезенные для работы на плантациях рабочие-тамилы по цейлонским законам, принятым в 1948 и 1949 г. не получали прав гражданства и подлежали репатриации. В 1954 и 1964 г. главами правительств двух стран подписывались соглашения, предусматривавшие механизм решения проблем натурализации части индийцев, репатриации остальных и недопущении дальнейшей иммиграции.

Усложнение геополитической структуры региона после 1971 г., ее преобразование из биполярной в многополярную, хотя и с сохранением ведущей линии противостояния по оси Индия — Пакистан, рано или поздно должно было привести к появлению многосторонних связей в рамках Южной Азии. С учреждением в 1985 г. Ассоциации регионального сотрудничества семи государств региона (Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, Непала, Бутана и Мальдивской республики), двустороннее сотрудничество дополнилось межгосударственным многосторонним взаимодействием.

Наибольшую заинтересованность в нем проявили руководители малых и средних государств. Они тяготились односторонней зависимостью от Индии, отчасти сложившейся вполне объективно вследствие несопоставимости людского потенциала, географических реалий, экономических и геополитических масштабов. Частично же неравномерность в отношениях образовалась по субъективным причинам, особенно в течение длительного периода, когда индийское правительство возглавляла И. Ганди. Впервые, в 1977 г., о желательности региональных консультаций и взаимодействия заговорил король Непала Бирендра. Заметим, что его предложение 1975 г. о провозглашении Непала «зоной мира» Дели встретил в штыки и расценил как попытку по сути дезавуировать договор с Индией 1950 г., установив не менее тесные связи с КНР. Потерпев неудачу в стремлении утвердить независимость своего королевства с выходом за рамки Южно-Азиатского региона, Бирендра попробовал уравновесить силу Индии на региональной арене. Этот шаг не имел последствий, но в 1979 г. с похожей инициативой выступил президент Бангладеш генерал З. Рахман. Именно его считают «крестным отцом» Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии, известной под названием СААРК (South Asia Association for Regional Cooperation).

Разосланное в 1980 г. письменное послание З. Рахмана главам государств и правительств стран региона, а также рабочие документы, разработанные МИД Бангладеш, положили начало конкретной дипломатической практике многосторонних контактов. Хотя Индия и Пакистан поначалу отнеслись настороженно к инициативе «младших» по рангу государств, они не имели оснований для уклонения от участия в развернувшемся процессе. Более того, вскоре выявились позитивные для обоих региональных лидеров аспекты многостороннего взаимодействия. Индия заняла в нем положение естественного лидера, а Пакистан получил возможность играть роль второй скрипки, балансируя ее превосходство в двусторонних отношениях мобилизацией поддержки других стран региона, имевших, как и он, свои счеты с могущественным соседом.

В апреле 1981 г. в столице Шри-Ланки Коломбо состоялась первая встреча секретарей по иностранным делам (т.е. первых заместителей министра) государств «семерки». На ней были согласованы области сотрудничества, главным образом экономического, и утвержден принцип консенсуса (согласия всех) при принятии решений. В 1981—1983 гг. прошли еще три подобные встречи в Катманду (Непал), Исламабаде (Пакистан) и Дакке (Бангладеш). В августе 1983 г. в Дели состоялась первая встреча на уровне министров иностранных дел. На ней страны-участницы объявили о начале деятельности организации Регионального сотрудничества государств Южной Азии, или СААРК (South Asia Regional Cooperation), были приняты декларация и программа действий, создан постоянный комитет.

Потребовалось еще два года работы и две встречи министров иностранных дел, прежде чем в Дакке в декабре 1985 г. удалось провести первую конференцию на высшем уровне. Столица Бангладеш не случайно оказалась местом ее проведения — этим подчеркивались заслуги руководства республики в процессе налаживания регионального сотрудничества. К тому же, эта крупная по населению мусульманская страна оказалась удачным третьим, уравнивающим первые два, центром влияния в регионе. Участники Даккской встречи провозгласили создание Ассоциации регионального

сотрудничества (аббревиатура СААРК уступила место СААРК, см. выше), приняли Декларацию и Хартию. Число областей для сотрудничества и соответствующих комитетов по его развитию было увеличено с пяти до семи. Речь шла прежде всего об обмене информацией и опытом в осуществлении проектов в сельскохозяйственной сфере, образовании и здравоохранении, науке и технике, а также о принятии конкретных мер по установлению гуманитарных контактов, развитию почтовой и телекоммуникационной связи. Было утверждено создание Совета министров и Секретариата СААРК, определялась периодичность встреч: на высшем уровне — раз в год, а министерского Совета — даже два раза в год.

Последующую деятельность СААРК можно условно разделить на три периода: 1985—1988, 1989—1992 и 1993—1999 гг. (с осени 1999 г. начался новый кризисный этап, об этом см. ниже). В течение первого периода удавалось в основном выполнять намеченную в Дакке программу действий и достаточно строго соблюдать регламент встреч и консультаций. Встречи на высшем уровне состоялись в 1986 г. — в Катманду, в 1987 г. в Бангалоре (в Индии), а в 1988 г. — в Исламабаде.

Четвертый саммит в столице Пакистана, казалось, должен был стать началом нового этапа сотрудничества в регионе, учитывая, что он проходил в атмосфере ожиданий существенных положительных сдвигов в индо-пакистанских отношениях. Дело в том, что накануне встречи к власти в Исламабаде пришло новое правительство во главе с Б. Бхутто. Впервые на такого рода форумах Пакистан был представлен не военно-бюрократическим режимом, а гражданским правительством, выбранным после проведенных в ноябре всеобщих выборов на партийной основе (третьих за всю историю страны). К тому же обе ведущие региональные державы возглавляли молодые политики нового поколения, которых объединяло известное сходство происхождения и судьбы. Р. Гат-иди и Б. Бхутто были представителями характерных для политической культуры Южной Азии династий политических руководителей; он пережил гибель матери — премьер-министра, а она — казнь отца, свергнутого премьера. Еще одним, как представлялось, благоприятным обстоятельством служила международная обстановка в мире и в Азии — атмосфера окончания «холодной войны», вывод регулярных частей СССР из Афганистана, улучшение отношений между Москвой и Пекином. В этой обстановке в том же декабре 1988 г. Р. Ганди посещает КНР и достигает прорыва к лучшим индийско-китайским отношениям.

Надеждам на новый качественный сдвиг в развитии Южноазиатского регионального сотрудничества, однако, не суждено было сбыться, хотя в течение примерно года отношения между Индией и Пакистаном развивались в целом благоприятно. К концу 1989 г. обстановка в Индии претерпела изменения — Индийский национальный конгресс во главе с Р. Ганди потерпел поражение на выборах, а в штате Джамму и Кашмир (главным образом в Кашмирской долине) внутренняя ситуация обострилась из-за действий экстремистов и оппозиционных политических сил и недовольства населения. Это не могло не сказаться на индо-пакистанских отношениях, достигших, как отмечалось, критической точки в конце весны 1990 г. В Пакистане к тому же произошло ослабление позиций правительства Б. Бхутто, делившего контроль за деятельностью властных структур с президентом и руководством вооруженными силами. В августе 1990 г. президент страны Г. Исхак-хан отправил правительство в отставку и назначил новые выборы в парламент.

Подвижки в индийско-ланкийских связях также негативно отразились на деятельности СААРК в течение выделенного нами второго периода ее существования. К 1989 г. правительство Шри-Ланки убедилось в бесперспективности дальнейшего пребывания индийских войск на своей территории (они были введены туда для урегулирования вопроса с тамильскими экстремистами по соглашению 1987 г.) Задержки с выполнением требования Коломбо об эвакуации регулярных частей индийских ВС обострили двусторонние отношения и привели к переносу запланированного пятого саммита СААРК из Коломбо в Мале (столицу Мальдивской Республики) и проведению лишь формальной однодневной встречи в Коломбо в июле 1991 г.

Наступившая пауза в деятельности СААРК продолжалась и дальше, несмотря на некоторую стабилизацию обстановки в Индии, установившуюся вслед за приходом к власти по итогам выборов июня 1991 г. правительства ИНК во главе с П.В. Нарасимха Рао. В 1992 г. в Индии вновь возросла внутривнутриполитическая напряженность вследствие

роста влияния и активности коммуналистских сил. Это, а также сохранявшаяся острая ситуация в Кашмире не позволили улучшить обстановку для скоординированной межгосударственной деятельности в регионе. Имевшие место в конце 1992 — начале 1993 г. беспорядки и индусско-мусульманские погромы в связи с разрушением мечети Бабура в г. Айодхья заставили отложить намеченную на декабрь очередную конференцию СААРК в Дакке. Обострение межрелигиозной ситуации в Индии отрицательно сказалось более всего как раз на индийско-бангладешских связях, т.к. оно вызвало в Бангладеш протесты и столкновения на межобщинной почве. Лишь в апреле 1993 г. саммит в Дакке все же состоялся. Хотя сам по себе он не принес существенных результатов, им открылся третий период более ритмичной и продуктивной работы организации.

На его протяжении незапланированных перебоев с созывами встреч на высшем уровне не наблюдалось. Проводились регулярные встречи на уровне министров иностранных дел (общее их число к 1999 г. достигло 21). В то же время общий климат для многостороннего сотрудничества оставался далеко не самым благоприятным. Характерно, что на восьмой встрече на высшем уровне в Дели в мае 1995 г. Пакистан представляла не премьер-министра Б. Бхугго (к тому времени вновь возглавлявшая правительство), а президент Ф. Легхари. Натянутыми оставались в 1993—1996 гг. отношения у Индии с правительством Бангладеш во главе с другим лидером-женщиной Бегум Халидой Зия.

В 1996—1997 гг. атмосфера улучшилась. Правительство ИНК в Дели сменило коалиционное во главе с Деве Говда. После сложной политической борьбы и парламентских выборов к власти в Бангладеш в июне 1996 г. пришел кабинет во главе с дочерью Шейха Муджибур Рахмана (в свое время известного проиндийскими симпатиями) Хасиной Вазед. В декабре 1996 г. двум новым правительствам удалось разрешить водную проблему, возникшую в связи с сооружением Индией плотины Фаракка на одном из главных рукавов в дельте Ганга.

Разрешение долгое время осложнявшего индо-бангладешские отношения спора позволило Дели развернуть свою региональную дипломатию в сторону восточных и южных соседей по региону. В этом состояла одна из неявных целей провозглашенной осенью 1996 г. доктрины Гуджрала, названной так по имени инициатора, тогдашнего министра иностранных дел, а с апреля 1997 г. — премьер-министра.

Доктрина официально предусматривала усилия по укреплению отношений со всеми странами региона, включая Пакистан, и уделяла большое внимание многосторонним связям в рамках СААРК. Однако некоторые ее особенности, такие как упор на взаимодействие в более узком составе четырех государств (Индия—Бангладеш—Непал—Бутан) заставляли предполагать намерения до некоторой степени изолировать Пакистан и отстраниться от него, поскольку на пути расширения сотрудничества с его участием стояла нерешенная проблема Кашмира (речь шла о проектах межтерриториального сотрудничества, ориентированных на развитие индийского северо-востока и прилегающих к нему географически государств, вместе образующих т.н. четырехугольник роста).

Индийская дипломатия в тот период особое внимание уделяла налаживанию контактов со странами АСЕАН, всей ЮгоВосточной Азии и бассейна Индийского океана в рамках новой политики «смотри на восток». Особый интерес Дели привлекала внешнеполитическая ориентация Мьянмы (Бирмы), поскольку эта страна служит, в определенной мере, геополитическим буфером между ней и Китаем. По традиционным геополитическим соображениям Дели проявлял заинтересованность в событиях в Афганистане. Показательным с точки зрения только что отмеченных обстоятельств представляется его предложение расширить рамки СААРК за счет включения в нее Мьянмы и Афганистана. Важным торгово-экономическим партнером для Индии среди стран АСЕАЯ, помимо Сингапура, стал Таиланд. В середине 90-х годов он вышел на 6-е место среди государств, инвестирующих капитал в индийскую экономику. Индия превратилась в полноправного партнера АСЕАН, была принята в члены его Регионального форума. Характерно также стремление Индии и некоторых других стран региона, прежде всего расположенных в его восточном и южном сегментах, войти в торговые блоки со странами к востоку от субконтинента. В 1995 г. было заключено т.н. Бангкокское соглашение.

Полное его название — Первое соглашение о торговых переговорах между развивающимися странам-членами Экономической и социальной комиссии по Азии и Тихому океану (штаб-квартира ЭСКАТО находится в столице Таиланда). Его подписали Индия, Бангладеш и Шри-Ланка, а также Республика Корея и Лаос. В конце 1998 г. в Дакке было объявлено о создании организации по экономическому сотрудничеству, состоящей из пяти стран — Бангладеш, Индии, Мьянмы, Шри-Ланки и Таиланда (БИМСТЭК).

«Дрейф» региона в сторону ЮВА и Тихого океана не остался незамеченным в Пакистане. Приход к власти там правительства Мусульманской лиги во главе с Наваз Шарифом в феврале 1997 г. создал условия для улучшения пакистано-индийских отношений ввиду того, что под такими лозунгами проходила предвыборная кампания победившей партии. Первая после длительного перерыва встреча дипломатов двух государств (на уровне первых заместителей министров иностранных дел) состоялась уже в марте того же года. Для улучшения связей была использована также возможность, предоставленная очередной встречей лидеров СААРК в Мале в мае 1997 г. Состоявшиеся в ее ходе контакты между премьер-министрами Индер Кумаром Гуджралом и Наваз Шарифом носили подчеркнуто дружественный характер. Стороны договорились о возобновлении двусторонних переговоров по спорным проблемам, и летом — ранней осенью 1997 г. состоялось три тура консультаций на уровне секретарей по иностранным делам (первых заместителей министров). Затем они были прерваны в связи с отсутствием прогресса в кашмирском вопросе и обострившейся в августе-сентябре обстановкой на линии контроля в Кашмире (перестрелками и артиллерийскими дуэлями в северном секторе Каргил). В начале 1998 г. в Индии состоялись внеочередные выборы в центральный парламент, завершившиеся победой коалиции во главе с Бхаратия джаната парти (БДП). Последняя с конца 80-х годов превратилась в альтернативную Конгрессу общенациональную политическую силу, которая опирается на идеологию религиозно-культурного единства и имеет тесные связи с коммуналистскими организациями. Одним из предвыборных обещаний БДП было превращение Индии в ядерную державу. Санкционированные Дели испытания пяти ядерных устройств в мае 1998 г. были выполнены в соответствии с заверениями избирателям.

Десятая встреча глав государств и правительств стран-членов СААРК проходила в Коломбо в июле 1998 г. уже после проведения атомных взрывов Индией, а вслед за ней (в конце мая) и Пакистаном. Личная встреча премьер-министров Индии и Пакистана Атул Бихари Ваджапайи и Н. Шарифа не принесла заметных позитивных результатов и была использована руководством обеих стран в пропагандистских целях. Саммит в Коломбо показал, что, несмотря на проведенные незадолго до того ядерные испытания, у обоих государств есть желание не прерывать диалога. Участники встречи в Коломбо подписали развернутую Декларацию, где выражали стремление поддерживать курс на региональную кооперацию.

Таким образом, одним из важных результатов создания и функционирования Южно-азиатской региональной организации нужно считать то, что она служит форумом для обсуждения и поиска средств разрешения проблем, возникающих между государствами-участниками, прежде всего ведущими в военно-техническом отношении региональными державами. Нет сомнения, что без СААРК такого рода контакты были бы более затруднительными.

Но и в других отношениях деятельность региональной организации внесла определенный позитивный вклад. Число технических комитетов СААРК по сотрудничеству в различных областях достигло 14. Более, чем за десять лет их существования стороны провели обмен разнообразной информацией и накопленным опытом. В центре многостороннего сотрудничества оказался комплекс вопросов, связанных с повышением уровня и качества жизни населения, развитием сельского хозяйства и сельских районов, а также телекоммуникаций и транспорта, науки и техники, культуры, туризма и спорта. Ориентация на борьбу с социальными язвами и трудноразрешимыми проблемами неизменно оставалась в фокусе внимания. В 1993 г. по инициативе Пакистана был проведен год «помощи инвалидам, нуждающейся молодежи и женщинам», а в 1995 г. по предложению Индии — «год СААРК по борьбе с нищетой».

Все эти проблемы до некоторой степени периферийны для государств и в то же время крайне существенны с общественной точки зрения. Естественно поэтому, что контакты

между представителями ведомств (бюрократии) дополняются встречами специалистов и профессионалов (интеллигенции), что в целом способствует улучшению обстановки, в которой формируется основной поток межгосударственных решений.

Помимо, можно сказать, бумажных и эмоциональных результатов в рамках СААРК удалось добиться некоторых, правда, весьма скромных, материальных результатов. Так, в ее рамках действует одно медицинское учреждение (туберкулезный институт), имеется фонд региональных проектов с уставным капиталом в 5 млн долл., проведена работа по подготовке кадров в сфере здравоохранения и сельского хозяйства и тп.

Наиболее широковещательной из программ сотрудничества является проект создания общего регионального рынка, предусматривающий принятие мер по увеличению взаимной торговли. В апреле 1993 г. на саммите в Дакке было одобрено рамочное Соглашение стран Южной Азии о торговых преференциях (САПТА). Представленное общественности как шаг в направлении формирования южно-азиатского общего рынка, оно на деле мало что меняло в торговых взаимоотношениях государств региона. Длительный процесс ратификации этого соглашения странами-участницами, а также узость сектора торговли, на который оно реально воздействует, привели к переключению внимания на другой, более амбициозный план образования в Южной Азии Зоны свободной торговли (САФТА). К 1998 г. были определены даже сроки ее «инаугурации» — 2001 г. Однако реальность выполнения проекта вызвала большие сомнения.

Для развития торговли между странами региона имеются серьезные объективные ограничители. Главный из них низкая взаимодополнительность экономик, их базовая однотипность с преобладанием сельского хозяйства и промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье. Модель импорт замещающей индустриализации, по которой шло развитие по-существу всех крупных народнохозяйственных комплексов региона, обусловила воспроизводство их однородности и изолированности друг от друга. Сходство набора природных ресурсов, в том числе полезных ископаемых, также не создает условий для широкого товарообмена. Отсутствие свободных капиталов и условий для их выгодного применения из-за малой разницы в цене и эффективности рабочей силы, в свою очередь, сужает базу экономического взаимодействия. В том же направлении действует и техническая однородность.

Впрочем, за последние десятилетия сложился определенный перепад в уровне технико-экономической развитости Индии и соседних с ней государств. Благодаря технологическим заимствованиям в ряде базовых отраслей промышленности и инфраструктуры Индия сумела наладить высокоэффективные производства в военно-промышленной сфере, а также обслуживающей ее «большой науке». Заметных успехов в 90-х годах она добилась также в серийном изготовлении программного обеспечения компьютеров, в электронике и некоторых других отраслях. Увеличение разности потенциалов может со временем привести к формированию экономических условий для органичной региональной кооперации.

Но в конце XX в. еще мало благоприятных для этого объективных обстоятельств. Региональный торговый обмен на протяжении первых послеколониальных десятилетий имел тенденцию к снижению. В 1970 г. он составил 3,2% от общего экспорта, в 1980 и 1985 г. соответственно 4,8 и 4,5, а в начале 90-х годов 3,2—3,8%. В середине 90-х годов произошло некоторое увеличение удельного веса официально регистрируемого вывоза товаров странами Южной Азии своим соседям по региону (4,3—4,4%). При этом надо иметь в виду, что 60—70% торговли такого государства как Непал и 80—90% товарооборота Бутана замыкается на Индию. Непал, Бутан и Мальдивы пользуются режимом свободной торговли с Индией. В 90-х годах Шри-Ланка приступила к либерализации импорта, намереваясь договориться с Индией о режиме свободной торговли. Отсутствие тарифных и количественных ограничений на торговлю выгодно как более сильной индийской экономике, так и экспортерам (и государственным ведомствам) малых стран. Иначе обстоит дело с Бангладеш и Пакистаном. В обоих государствах имеются отрасли, производящие потребительские товары одного типа с теми, что в неизмеримо большем количестве изготавливают в Индии. Экономия затрат вследствие крупных масштабов производства делает индийские товары относительно более конкурентоспособными. Власти Пакистана и Бангладеш опасаются тяжелых последствий беспрепятственного ввоза индийской продукции для своих производителей. Чреватым

для них представляется и замена прямых ограничений на индийский импорт льготными, преференциальными тарифами. Показательно в связи с этим, что Индия в 1995 г. предоставила Пакистану статус наибольшего благоприятствования в торговле, а тот в ответ не сделал аналогичного шага, продолжая изучать его возможность.

Определенным уроком для Пакистана служит опыт 1976 г., когда он «приоткрыл дверь» для ввоза индийских товаров. Решение тогдашнего правительства страны было в штыки встречено представителями бизнеса, особенно в провинции Панджаб, где появление индийских товаров (мотоциклов-скутеров, электробытовых изделий, механического и электрооборудования) вызвало обостренную конкуренцию. Правительству З.А. Бхутто пришлось в скором времени отступить, вернувшись к практике торговли между двумя странами через посредничество государственных торговых компаний.

Ограничение взаимной торговли в основном государственными каналами способствует росту нелегального, контрабандного товаропотока. По оценкам, «черный» товарооборот между Индией и Пакистаном в 20—30 раз превосходит легальный: 2—3 млрд против 100—150 млн долл. Список товаров, обмениваемых «поверх границы» достаточно велик — здесь и местная, прежде всего, индийская продукция — кинофильмы и видеофильмы, музыкальные кассеты и привезенная из «третьих стран», прежде всего Сянган (Гонконга), бытовая техника, фото- и киноаппаратура, часы и т.п. Из Пакистана в Индию на протяжении десятилетий в значительных количествах ввозились мясо и другие продукты животноводства. С конца 70-х годов резко выросли масштабы перевоза наркотиков. Через Индию проходит один из основных каналов вывоза производимого в Афганистане и Пакистане гашиша и опиума.

Таким образом, данные об официальном, регистрируемом таможей, товарообороте многократно преуменьшают подлинные размеры индийско-пакистанской торговли.

Однако существо «подпольного» товарооборота таково, что оно вряд ли может свидетельствовать о перспективах возможного легального торгового бизнеса.

Сохранение и увеличение контрабандной торговли скорее говорит об обратном — и в той, и в другой стране существуют лоббистские фракции (группы интересов), стремящиеся помешать нормализации двусторонних связей в торговой области.

Расширение каналов легальной торговли способно помешать извлечению частным капиталом «черной» прибыли. Бьет это и по интересам коррумпированных чиновников. Общий вывод, который можно сделать о перспективах регионального экономического и культурного сотрудничества сводится к тому, что при наличии определенных возможностей оно наталкивается на ряд объективных и субъективных ограничителей. К вышеперечисленным следует добавить общий социально-психологический климат в странах региона.

В Индии тревогу вызывает усиление исламского характера пакистанского общества и антидемократические авторитарные тенденции, проявляющиеся во властной сфере. Там с открытым неодобрением восприняли приход к управлению страной военных в октябре 1999 г. В Дели не скрывали, что считают ставшего главой исполнительной власти генерала П. Мушаррафа одним из главных виновников вооруженного конфликта в Каргиле (май—июль 1999 г.). На этом основании и по причине «незаконности» новой администрации в соседней стране Индия вплоть до конца 2000 г. отказывалась вступать с ней в какие-либо переговоры. Более того, ее неприятие со стороны Дели прямо отразилось на деятельности СААРК. Намеченная на декабрь 1999 г. очередная встреча глав государств и правительств стран-членов этой организации в Катманду была по инициативе Индии отменена. Таким образом, СААРК вступила в полосу нового кризиса. Хотя спад со временем, скорее всего, будет преодолен, он безусловно отразится на масштабах и эффективности регионального сотрудничества в Южной Азии.

Следует также иметь в виду, что в соседних с Индией странах проявляется беспокойство по поводу усиления в ней коммуналистских и националистических сил. Тревогу порождает не столько деятельность правительства А.Б. Ваджаи, принятое решение о «нуклеаризации» субконтинента, но способного занять трезвую и примирительную позицию по вопросам региональной политики (примером таких действий стала поездка индийского премьер-министра в феврале 1999 г. на автобусе в пакистанский город Лахор и подписание там совместной декларации), сколько тенденции превращения Индии в государство, руководимое силами индусского национализма. Страхи и опасения в Пакистане и других соседних с Индией странах вызывает также продолжающаяся

программа модернизации ее вооруженных сил, равно как и растущий отрыв от соседей по ряду показателей в сфере «большой науки» и передовой технологии. Ее превращение в националистическое, мощное в военно-экономическом плане государство способно изменить ситуацию в регионе. Противостоять этим тенденциям в одиночку или даже сообща на региональном уровне страны-соседи не могут и поэтому не исключено, что в Южно-Азиатском регионе усилятся центробежные тенденции и под вопрос будет поставлено само существование сколько-нибудь реального регионального единства. В то же время, победа светских и демократических сил в Индии или укрепление умеренно-националистических тенденций в политике ныне правящей коалиции существенно разрядит обстановку в Южной Азии и создаст условия для укрепления регионального взаимодействия. На базе последнего вероятно постепенное формирование объединения стран вокруг Индии при сохранении определенной дистанции в отношениях с ней и противовесов в виде ориентации на внерегиональные державы и различные по составу участников торговые блоки и сообщества государств.

Литература

Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. М., 1995.

Насенко Ю.П. Дж. Неру и внешняя политика Индии. М., 1975.

Празаускас А.А. Сикким: 22-й штат Индии. М., 1980.

Страны мира. Справочник. М., 1999.

Супрунович Б.П. Индийские тамилы на Цейлоне 1/ Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1972.

Ярковая С.С. Проблема раздела вод Инда между Индией и Пакистаном // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1970.

Яковлев Ю.Д. Особенности экономического развития и внешнеэкономические связи Пакистана в 90-е годы / Канд. дисс. М., 1998.

Глава 6.

Юго-Восточная Азия и интеграция

Анализ участия Юго-Восточной Азии (ЮВА) в мировых интеграционных процессах полагаем необходимым предварить терминологическим и методологическим комментарием.

Первое, что нуждается, на наш взгляд, в уточнении это определение того, что понимается под Юго-Восточной Азией. Интерес к ЮВА, вновь пробужденный в немалой степени финансовым кризисом 1997—1998 гг., не способствовал, к сожалению, достижению ясности в определении термина ЮВА, которую часто именуют регионом и значительно реже — субрегионом. Отчасти такое положение сложилось из-за неопределенности самого понятия регион.

Коль скоро в общей теории региональной интеграции и в соответствующих прикладных исследованиях международных экономических отношений регионы принято определять по географическому принципу как наиболее бесспорному, целесообразно обратиться к терминологической традиции географии как научной дисциплины.

Известный отечественный специалист по терминологии в области социально-экономической географии Э.Б. Алаев отмечал многозначность, эластичность термина регион и предлагал из ряда значений этого термина оставить только одно, синонимичное термину район (он считал, что эта синонимичность особенно ощущается в производном термине региональный).

«Район, по Э.Б. Алаеву, — это территория (геотория)**, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории (курсив

ант). Это определение района/региона представляется достаточно полным, тем более, что его автор не исключил его использование контекстуально и в других значениях. Одно из них — для обозначения «любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального -

На синонимичность терминов район и регион указывали и другие авторы, например, специалист в области физической географии Ф.Н. Мельков.

** Обобщающее родовое понятие, в котором объединяются содержания понятий территория, акватория и аэротория, членения и не позволяющих обозначить их другими терминами» — встречается очень часто. В нашем контексте самый яркий пример — это Азиатско- Тихоокеанский регион, термин, исполненный многообразия, вызывающего иногда острейшую полемику, но обычно употребляющийся без особых раздумий относительно его содержания, по привычке.

Г.А. Аванесова справедливо полагает, что «понятие регион остается исключительно гибким, порой до неопределенности». Многозначность этого понятия она связывает с тем, что выделение конкретного региона разными специалистами осуществляют, руководствуясь разными критериями. Однако мы считаем, что чаще всего такого рода неопределенность вызвана просто отсутствием упоминания об этих критериях, тогда как именно «гибкость» термина регион как раз и требует его жесткой лимитации применительно к конкретному исследованию.

Кроме того, нелишне, на наш взгляд, вслед за уточнением вышеназванных критериев определять состав региона и доминирующий аспект в его исследовании, что в еще большей степени снизит уровень неопределенности.

Для целей нашего исследования термин регион в определении Э.Б. Алаева представляется достаточно удачным, ибо он наделен некоторыми существенными признаками, позволяющими более или менее точно проанализировать процесс участия ЮВА в мировых интеграционных процессах.

К имманентным признакам следует отнести, во-первых, наличие специфики изучаемой территории, то есть того, что отличает ее по совокупности насыщающих ее объектов от других территорий. Во-вторых, существование определенного единства между объектами, что придает данной территории в той или иной степени выраженную целостность в качестве ее нового качества. Имеющиеся исследования весьма аргументировано подтверждают наличие у ЮВА этих свойств.

Главный же методологический признак определения Э.Б. Алаева выражается в том, что вследствие взаимосвязанности насыщающих территорию региона элементов изучение процессов его образования и развития возможно лишь тогда, когда все элементы рассматриваются не изолированно, а в их единстве, что созвучно нашим представлениям о методологии анализа процесса участия ЮВА в мировых интеграционных процессах. Итак, под регионом можно понимать группу из десяти стран, расположенных в ЮВА в традиционном географическом смысле (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины). Ныне, в отличие от предшествующих трех десятилетий, эту группу государств удобно обозначать и синонимом страны АСЕАН, так как все они ныне являются полноправными членами этой международной организации.

И все же предпочтительнее, на наш взгляд, использовать термин субрегион, ибо очевидно, что ЮВА в географическом смысле является частью двух более крупных таксонов*: Азии и Восточной Азии, по отношению к которым она в иерархическом смысле — их неотъемлемая часть, субрегион. Учитывая крайнюю неопределенность, размытость термина Азиатско-Тихоокеанский регион, хотелось бы избежать ставшего обычным позиционирования ЮВА как части АТР (то есть части весьма неопределенного общего, спор о составе и сути которого выходит за рамки наших рассуждений).

Определив состав исследуемого субрегиона, считаем необходимым указать на доминирующий аспект — экономический. И поскольку, исходя из замысла настоящего исследования, мы должны обратиться к рассмотрению участия субрегиона ЮВА в мировых интеграционных процессах, то полагаем целесообразным уточнить, что понимается нами под региональной (субрегиональной) экономической интеграцией. Одновременно считаем возможным выдвинуть и нашу гипотезу относительно степени ее

развития в ЮВА.

К сожалению, как отмечают специалисты, даже по наиболее ярко проявляющейся, результативной и динамичной европейской модели региональной интеграции, общая теория региональной интеграции находится на начальном этапе разработки, и ее заведомо трудно построить на основании одного только западноевропейского опыта, исходя из предположения, что этот опыт уникален и ни с чем не сравним. Думается, что сравнения все же возможны, ибо уникально не все, и в европейском и в неевропейских вариантах интеграции — есть особенное, но есть и общее.

Основываясь на собственном опыте изучения процесса региональной экономической интеграции в мире на протяжении последних трех десятилетий, мы придерживаемся следующей точки зрения относительно существа этого процесса.

Региональная экономическая интеграция (синоним — регионализация) — это глубинный, динамичный процесс увеличения объемов, частоты и многообразия экономических связей между хозяйствующими субъектами всех форм собственности, а также государствами в рамках одного определенного региона

* Таксон — территориальная (экваториальная, геотериальная) единица в географическом исследовании, обладающая специфическими квалификационными признаками.

непрерывно сопровождающийся нарастанием количества и качества совместно образуемых и реализуемых элементов их экономической политики и практики.

При этом представляется правомерным принятое некоторыми исследователями при рассмотрении региональной экономической интеграции различие между реальным интеграционным процессом, протекающим независимо от степени его институциональной оформленности, и процессом формирования торгово-политических группировок в различных регионах мира.

Первый процесс часто называют реальной или рыночной региональной интеграцией (уточнение рыночная, по нашему мнению, излишне, ибо иной экономической интеграции просто не существует). Продуктивное и, как правило, длительное развитие реальной интеграции позволяет применять в отношении нее и понятие глубокая интеграция, когда интенсифицируются множественные связи участников интеграционного процесса в таких сферах, как услуги, движение капитала и рабочей силы, ускоряется процесс унификации регулирования вплоть до формирования единой экономической политики.

Второй процесс — это по сути дела институционально-правовое явление, в основе которого часто (особенно на начальных стадиях) лежат политические мотивы, а не экономические факторы.

Упомянутые процессы все чаще терминологически разграничивают, используя соответственно термины регионализация и регионализм. Оба процесса могут быть взаимосвязаны и оказывать взаимное стимулирующее влияние. Однако чаще всего темпы их развития не совпадают, причем асинхронность может быть значительной. Более того, второй процесс нередко развивается сам по себе, весьма слабо корреспондируясь с реальной интеграцией и не принося никаких сколько-нибудь заметных экономических результатов. Напротив, как показывает практика, если реальная интеграция ускоряется, заметно ускоряется и развитие институционально-правовой базы интеграции, в том числе и ее политических и идеологических составляющих. Мы глубоко уверены, что делать решительные выводы о степени развития интеграционного процесса в том или ином регионе неправомерно без глубокого анализа всей совокупности экономических связей стран, составляющих рассматриваемый регион, равно как и всей системы аналогичных связей тех же стран с внешним миром вне региона.

Попытки целостного описания этого процесса (теоретизирование), минуя эмпирический уровень, приводили лишь к созданию чрезвычайно живучих мифов, базирующихся, как правило, на тех или иных чисто пропагандистских, политизированных построениях наподобие интеграции развивающихся стран, социалистической интеграции или интеграции СНГ.

Малопродуктивными, на наш взгляд, были и многочисленные попытки анализа только институциональных форм, оболочек, организационных структур интеграции вне анализа сути, реальных проявлений интеграционного процесса. Вывод об интеграционном характере тех или иных региональных группировок иногда делался просто ввиду

«комплексности проводимых ими мероприятий» и даже исходя из соответствующих «побуждений их руководителей»**.

Наибольшие сомнения вызывает развитие интеграционного процесса в развивающихся странах. Еще сравнительно недавно наиболее объективные исследователи отрицали наличие интеграционного процесса на периферии современного мира. Так Л.В. Виноградова справедливо полагала, что «в Третьем мире практически нет интеграции», а экономическое сотрудничество развивающихся стран — это «лишь подготовительная ступень интеграционного процесса». По мнению В.В. Шишкова, «в подавляющем большинстве случаев региональные экономические организации развивающихся стран по характеру и содержанию своей деятельности не отвечают критериям региональной интеграции. Взаимодействие входящих в них стран, как правило, находится на доинтеграционном уровне. И потому, на наш взгляд, правильно говорить о ней лишь как о региональном сотрудничестве».

Большинство же исследователей региональной экономической интеграции в Третьем мире вообще не проводило различия между интеграцией и региональным экономическим сотрудничеством, именуя интеграцией любые формы регионального экономического взаимодействия вне зависимости от его масштабов и глубины.

К сожалению, крайне недостаточный объем эмпирических исследований такого рода взаимодействия даже в отношении таких относительно продвинутых региональных объединений,

* В этих построениях интеграционными именовались любые экономические связи в рамках поля, весьма удачно, на наш взгляд, названного С.д. Валентеем общим экономическим пространством советского типа (Российский экономический журнал. 1993. 1 7. С. 6). В свое время Я. Фолтынъ пытался объединить эти искусственные построения — социалистическую интеграцию и интеграцию развивающихся стран — термином координационно-кооперационная модель интеграции. (1o1ip 3. \$oiaigace goГУo]oУc11 geitii 5УёoУё e)'opoitiice. Praiza, 1979. 8. 68).

** Комплексный характер мероприятий, проводимых в ряде региональных группировок, оправдывает наименование «интеграционные».

Термин интеграционные следует понимать как оценку рассчитанных на длительную перспективу намерений и стремлений руководящих деятелей региональных группировок. (Страны Африки в системе экономических отношений Юг—Юг. М., 1991. С. 29).

как АСЕАН и МЕРКОСУР, не позволял вплоть до второй половине 90-х годов обнаружить в нем сколько-нибудь заметные черты перехода от проявлений прединтеграционного этапа к собственно интеграционному.

Но уже в середине 90-х годов исследователи стали признавать не только принципиальную возможность развития в Третьем мире подлинно интеграционных процессов, но и их специфику, а также немалый масштаб. Так, Н.А. Симония подчеркнул, что это — «интеграция своего рода «островного типа на региональных и субрегиональных островах, составляющих обширный архипелаг мирового хозяйства».

К концу XX в. была признана возможность дальнейшего развития и углубления реального процесса интеграции в рамках лишь двух региональных экономических группировок развивающихся стран — АСЕАН и МЕРКОСУР, причем наиболее перспективным в этом плане регионом чаще всего называется именно Юго-Восточная Азия.

Мы также полагаем, что применительно к ЮВА на рубеже веков уже можно говорить не только об объективном процессе сближения национальных экономик образующих субрегион стран, но и об их интеграции, находящейся, несомненно, в начальной стадии. Это сложный и, очевидно, достаточно длительный, постоянно усложняющийся процесс. Его начальная, наиболее простая фаза — накопление интерационных признаков — датируется 70—80-ми годами, когда стали стремительно возрастать объемы и расширяться сферы взаимного экономического сотрудничества между странами ЮВА. В соответствии с законами интеграции такого рода накопление ничего существенно не меняет в состоянии его составляющих. Простое накопление не могло приводить к образованию интеграционной системы, а прежняя самостоятельность этих составляющих и их свойства в основном сохранялись. Поэтому совершенно правы исследователи, которые не считают ускоренное развитие двустороннего и даже многостороннего экономического сотрудничества между странами ЮВА в упомянутый период достаточным

подтверждением того, что в субрегионе имела место интеграция. Однако уже с конца 80-х годов в ЮВА наблюдается постепенный переход количественных изменений в качественные, и к концу века возникло нечто новое, которое прежде не было свойственно ни одному из интегрирующихся элементов, и ранее не существовало в ЮВА — появляются первые признаки подлинной интеграции. Разумеется, такого рода наблюдения нуждаются в основательных эмпирических доказательствах, которые ввиду трудоемкости их получения, увы, пока немногочисленны. И все же Мы склонны выдвинуть гипотезу о том, что в ЮВА имеет место начальная фаза длительного и, несомненно, весьма специфического в своих проявлениях, но действительно интеграционного процесса в масштабах этого субрегиона или, говоря иными словами, регионализации в рамках субрегиона. Полагаем, что здесь сформировалась и успешно функционирует субрегиональная экономическая система (экономическая система ЮВА — ЭС ЮВА). Но прежде, чем обратиться к обоснованию выдвинутой гипотезы, представляется целесообразным напомнить, что одновременно страны ЮВА — активные участники интеграционного процесса в масштабах всей мировой экономики, процесса глобализации.

Прав, по-видимому, Ш. Оман, заметивший, что «глобализация и регионализация это термины, используемые многими, но определяемые единицами», К сожалению, у нас нет возможности обосновать здесь свое суждение по поводу содержания упомянутых терминов. Заметим лишь, что наша трактовка глобализации достаточно традиционна это наивысшая на данный исторический момент стадия интернационализации, на которой в мировом хозяйстве возникают признаки целостности и системности, позволяющие именовать его мировой хозяйственной системой (МХС)*.

Для стран ЮВА глобализация естественна, ведь именно широкое и разнообразное участие в ней, ускоренное развитие внешнеэкономической сферы, тяга к большей открытости внешнему миру в значительной мере обеспечили экономические успехи большинства из этих стран, а некоторым, например, Индонезии, помогли пережить тяжелейшие периоды их новейшей истории.

Стремление к ускоренному повышению уровня функциональной и торгово-политической открытости национальных экономик лежит в основе экономической стратегии всех стран субрегиона, а также субрегиональной экономической организации — АСЕАН.

Одновременно это и существенный элемент концепции «догоняющего развития», осуществление которой в странах субрегиона оказалось весьма результативным. Глобализация рассматривается в ЮВА как некий стратегический вызов, отношение к которому в целом близко подходу

Т. Фридмана, который он сформулировал на страницах осеннего номера «Foreign Policy » за 1999 г., возражая своему оппоненту — И. Рамонэ. «Рамонэ полагает, глобализация — это возможность некоего выбора. Я же рассматриваю глобализацию

* Странников такого подхода немало в России и за рубежом. См., напр., работы Юн. Шишкова, Г.К. Широкова, Дж. Даннинга (Tραππαίωνα1 Κορογαίου. Уοι. 4. 3. Ηεεεπίβηг 1995. P. 168) и др.

как реальность. Я хотел бы, чтобы мы прежде всего постигли эту реальность и осознали, как мы можем извлечь лучшее из этого процесса и смягчить последствия худшего»*.

Для стран ЮВА глобализация — это действительно реальность, которая создает для них множество проблем разного уровня: от согласования мер по укреплению АСЕАН с программой действий в рамках ВТО до принципов определения страны происхождения товара в зоне действия АСЕАН**.

При этом для позиции стран ЮВА по отношению к процессу глобализации не свойственно противопоставление его регионализации. Они, подобно Ш. Омону, полагают, что «регионализация отнюдь не противоречит глобализации. Более того, глобализация и регионализация, развиваясь параллельно, взаимодействуют и даже укрепляют друг друга».

Столь сбалансированный подход стран ЮВА к глобализации и регионализации объясняется, на наш взгляд, двумя причинами.

Во-первых, они давно и активно участвуют в обоих процессах одновременно, причем на практике провести четкий водораздел между элементами глобализации и регионализации

весьма непросто. Как оценить, например, провозглашенный АСЕАН в июне 1999 г. и энергично реализуемый комплекс мер по либерализации и унификации инвестиционных режимов стран субрегиона с целью создания Единой инвестиционной зоны АСЕАН (ЕИЗ АСЕАН)?

С одной стороны, ставится вопрос о формировании странами субрегиона единой, согласованной экономической политики в одной из наиболее существенных сфер — инвестиционной, что, несомненно, можно считать явным проявлением регионализации. С другой — налицо стремление упомянутых стран путем объединения и согласования своих усилий ускорить вхождение в мировые инвестиционные потоки с целью отвлечь на себя более значительную их часть в условиях жесткой конкуренции с другими регионами и субрегионами мира, то есть преуспеть в деле глобализации. И число такого рода ситуаций в последнем десятилетии XX нарастало лавинообразно.

Во-вторых, процесс регионализации в ЮВА обладает определенной спецификой. Страны субрегиона изначально не ста-

** В условиях глобализации производственных процессов в субрегионе сделать это весьма непросто. Например, филиал французской компании T1от1оп в Сингапуре выпускает цветные телевизоры из частей, поставляющихся из Индонезии, Малайзии, Японии, Южной Кореи и Тайваня. Удельный вес самого Сингапура в добавленной стоимости готового изделия составляет лишь 40%, при этом 85% выпускаемой продукции экспортируется в Европу. (Сопейт1рогагу \$опи1зеаи Аиа. Уол. 16. 1Ч 1. 1пе 1994. Р. 6).

вили своей целью обособление субрегиона путем создания интеграционной группировки закрытого типа, создания некой «крепости ЮВА». Эти страны, равно как и созданная ими субрегиональная экономическая организация, АСЕАН, никогда не придерживались концепции «дискриминирующего» регионализма, характерной для латиноамериканских интеграционных группировок и Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА).

Регионализм, который практикуется в ЮВА, можно назвать скорее «открытым». Термин ОТКРЫТЫЙ регионализм, введенный в научный оборот Драйздейлом и Гарно, трактуется ими как «процесс интеграции нескольких стран, не содержащий каких бы то ни было ограничений, либо дискриминации в отношении стран, не участвующих в нем». Эти авторы полагают, что открытому регионализму свойственно наличие двух постулатов: признания рыночных сил в качестве основных в развитии торгового и инвестиционного обмена между участниками интеграционного процесса и закрепления за государствами-инициаторами этого процесса роли максимально содействующего фактора. Это положение является практической основой субрегионального интеграционного процесса в ЮВА, и его развитие в перспективе все больше связывается с безусловным предоставлением странам, не входящим в АСЕАН, режима наиболее благоприятствуемой нации.

Правда, в АСЕАН нередко высказываются сомнения в жизненности концепции ОТКРЫТОГ регионализма, отмечается его противоречивость и условность. Но данная концепция представляет для стран субрегиона отнюдь не академический интерес. Прежде всего ввиду того, что, судя по проведенным нами расчетам, они интегрируются главным образом с определенным сегментом мировой хозяйственной системы — Азиатско-Тихоокеанской экономической системой (ЭС АТР), формирующейся под эгидой довольно аморфной международной организации — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Однако в состав ЭС АТР мы включаем не всех участников АТЭС, а только тех из них, экономические отношения с которыми наиболее существенны для функционирования ЭС ЮВА (США, Япония, Тайвань, Южная Корея, КНР Гонконг, Австралия). Главный критерий включения — степень участия во внешнеторговом обороте и инвестиционном обмене.

АТЭС как международная организация пока носит характер форума, в основном пока политического, однако там постепенно кристаллизуются первые общие представления о том, на каких принципах, возможно, будет функционировать в перспективе АТЭС как некая интеграционная «симбиотическая единица».

Именно в АТЭС, где при активном участии АСЕАН активно обсуждалась концепция открытого регионализма, предлагались различные трактовки данного термина, от более

узких («внешняя» либерализация, проводимая региональной торговой группировкой в отношении стран, не входящих в их состав», причем, возможно, в меньших масштабах по сравнению с либерализацией «внутренней, в рамках самой группировки») до развернутых, содержащих, например, такие критерии, как «открытое членство для всех стран, право любой страны-участницы самостоятельно предоставлять режим группировки любому партнеру вне ее, проводить выборочную либерализацию своего торгового режима и др.».

Однако согласия относительно его основных признаков в АТЭС пока не достигнуто. Страны АСЕАН практически единодушно выступают в пользу концепции открытого регионализма в самом широком толковании, утверждая, что она позволяет им ускорять интеграционный процесс в ЮВА, погружаясь одновременно в мощные потоки глобализации.

Нередко жизненность концепции «открытого» регионализма подвергают сомнению, чаще всего обращая внимание на то, что она не служит должным образом интересам интегрирующихся стран. Так, по мнению Ямазава, «слабый регионализм, который не проводит политику дискриминации по отношению к аугсайдерам, не в состоянии активизировать региональные экономики». Однако успешная практика нескольких десятилетий «догоняющего развития» ключевых стран ЮВА, которое характеризуется бурным развитием экономических отношений в рамках и ЭС АТР, и ЭС ЮВА, не подтверждает упомянутых опасений.

Представляется, что оптимистическая оценка концепции открытого регионализма в ЮВА предпочтительнее еще и потому, что она не противоречит интересам (сейчас, по крайней мере, основным — торговым) и стран, не входящих в АСЕАН. Как известно, в соответствии с известным положением общей теории интеграции (Кэмп и Ван Макмиллан), любое новое региональное соглашение не наносит ущерба экономике стран, не входящих в его состав, до тех пор, пока оборот их торговли со странами новой группировки не сокращается (удельный вес в обороте группировки может и падать).

Проведенный нами анализ торговых операций ЭС ЮВА со странами вне ее показал, что ситуация в этом плане вполне благоприятна — их объем с 1985 г. по 1997 г. возрос в 3,9 раза, а между странами ЭС ЮВА — в 4,4 раза. Такая тенденция, по мнению Андерсона и Норхейма, достаточно благополучна и для интегрирующихся государств

Думается, что реалии ЮВА подтверждают все чаще высказываемое мнение о том, что эффективные, не номинальные региональные и субрегиональные интеграционные объединения будут служить строительными элементами в глобальной интегрированной МХС. Региональная интеграция не только не будет сдерживать усилия по либерализации мировой торговли в целом, но, наоборот будет способствовать их ускорению. Эти реалии свидетельствуют о том, что «национальное, региональное и глобальное взаимосвязаны и не обязательно противоречат друг другу».

Реалии ЮВА конца XX в. уже не позволяют рассматривать свойственные субрегиону проявления регионализации и глобализации отдельно. Эмпирические наблюдения дают возможность предположить, что в субрегионе формируется определенная полисистема, совокупность внутренних и внешних отношений которой еще предстоит исследовать (на фоне огромного объема литературы о формальной деятельности АСЕАН, преимущественно чисто описательной, поражает практически полное отсутствие аналитических работ о «реальной интеграции» в ЮВА — все более усложняющейся, динамичной совокупности экономических связей как между странами субрегиона, так и с другими партнерами по МХС).

Коль скоро мы предполагаем наличие в ЮВА упомянутой полисистемы, уместно прибегнуть к использованию и соответствующей методологии — системному подходу, который, как нам представляется, может помочь, во-первых, уточнить сам объект нашего исследования и во-вторых, соотношение между собой упомянутыми выше субрегиональной экономической системой (ЭС ЮВА) и Азиатско-Тихоокеанской экономической системой (ЭС АТР) как наиболее существенной для ЮВА частью мировой хозяйственной системы. Мы попытались сделать это уточнение в простой модели на основе диаграммы Венна (см. схему), которая, как нам кажется, достаточно наглядна. Эта модель с известными ограничениями и в первом приближении может служить «единой моделью объекта как целого», которая пока в основном «выполняет функцию

средства организации исследования», В ее состав входят три основных компонента, относительно которых следует сделать краткий комментарий в терминах системного подхода.

Мировая хозяйственная система (МХС) рассматривается нами как открытая (то есть имеющая интенсивные связи с другими системами) система, относящаяся к классу больших сложных систем. Она характеризуется наличием элементов, которые, в свою очередь, сами представляют собой системы, которые являются подсистемами к заданной большой системе. Ей свойственны вероятностные характеристики высокой степени и внезапно возникающие свойства, благодаря которым данная система способна обретать новые структуры, которые невозможно предвидеть. Она является элементом МХС и, в свою очередь, имеет собственные элементы-подсистемы. Эти подсистемы объединяются закономерными связями между собой, прочность и интенсивность которых варьирует в широком диапазоне и в целом возрастает.

Субрегиональная экономическая система Юго-Восточной Азии (ЭС ЮВА) входит в состав ЭС АТР и, разумеется, также является элементом МХС. Она трактуется нами как открытая система переходного типа — в отличие от простой системы, где связи между составляющими их элементами носят в значительной мере случайный, нерегулярный характер и не переходят с необходимостью из внутренней закономерности ее элементов к системе сложной. Эмпирические данные позволяют предположить, что развитие ЭС ЮВА уже приблизилось к тому уровню, который позволяет определять ее как комплекс, ибо между элементами, составляющими ЭС ЮВА, достигнута достаточно высокая степень как сопряжения по многим параметрам, так и их внутренней взаимосвязи. ЭС ЮВА и ЭС АТР — перекрещивающиеся понятия, содержание которых различно, но объемы частично совпадают. Область совпадения С в схеме обозначает понятие, наиболее точно отражающее объект исследования — процесс участия стран ЮВА в мировых интеграционных процессах.

При исследованиях такого рода основное внимание следует уделять, по нашему мнению, анализу наиболее существенных связей этого объекта, в которых, в первую очередь, отражается участие ЮВА в мировых процессах глобализации и регионализации, их динамики и объема — то есть реальной интеграции в субрегионе.

При этом исследователи, к сожалению, ограничены следующими обстоятельствами. Как правило, эмпирический материал позволяет оценить динамику связей субрегиона только в двух, хотя и основных, областях — в торговле и инвестиционной сфере. На практике же число связей, отражающих участие ЮВА в процессах регионализации и глобализации значительно больше.

Исследование значительной их части затруднено и требует специального анализа — это относится, в первую очередь, к сетям местного китайского капитала, кооперационным сетям национальных и транснациональных корпораций, субрегиональным и региональным сетям сферы услуг. Однако, нередко именно связи такого рода играют решающую роль в успехе как глобализации, так и регионализации в субрегионе, а их участники являются ведущими акторами интеграционного процесса.

Литература

Аванесова Г. А. Региональное развитие в условиях модернизации // Восток. 1999. ! 2.
Алаев Э. Б. Социально-экономическая география (понятийно-терминологический словарь). М., 1983.

Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. Ч. I.
Виноградова Л. В. Экономическая интеграция в СНГ и опыт Третьего мира // Мировая экономика и международные отношения. 1995. 14 9.

Зайцев Н. Г. Региональное экономическое сотрудничество на переломе // Латинская Америка. 1988. Г 2.

Интегративные тенденции в современном мире и социальный прогресс. М., 1989.

Процессы региональной интеграции в капиталистическом мире (материалы международного симпозиума в ИМЭМО АН СССР). М., 1986.

Глава 7.

Взаимодействие субрегиональных подсистем международных отношений: новые реальности Восточной и Юго-Восточной Азии

Сегодня все чаще высказывается точка зрения о том, что многообразные процессы в Юго-Восточной (ЮВА) и Восточной Азии (ВА) развиваются таким образом, что все более вырисовывается перспектива постепенного экономического и культурно-политического сближения этих двух регионов. Определенным подтверждением такого рода суждений могут служить и последние решения, принятые на ноябрьском 2000 г. саммите 2000 г. глав государств АСЕАН в Сингапуре. Лидеры стран ЮВА совместно с руководством Китая, Японии и Южной Кореи заявили о решимости создать зону свободной торговли уже не в масштабах ЮВА (АФТА), а в масштабах всей так называемой Большой Восточной Азии с включением в нее Токио, Пекина и Сеула. Решение о создании зоны свободной торговли в ВА, по словам инициаторов интеграции, связано как с необходимостью противостоять международным экономическим блокам типа ЕС и НАФТА, так и для того, чтобы страны ВА заняли достойное место в мировом сообществе. Очевидно, что если этот проект станет реальностью, то это приведет к кардинальным переменам во всей азиатской и мировой геополитике и геоэкономике, так или иначе затронет интересы России.

В связи с этим целесообразно проанализировать насколько решения, принятые в Сингапуре, соответствуют реальной ситуации и интересам планируемых к участию в этом проекте стран, а также характеру и направлению социально-экономических и культурно-политических процессов в регионах ЮВА и ВА. Цель анализа — определить насколько может быть реален новый проект глобальной интеграции в регионе и как относиться к нему России.

Анализ этой проблемы был проведен следующим образом:

весь комплекс довольно хаотичных и многообразных процессов, происходящих в Восточной и Юго-Восточной Азии, был структурирован в рамках четырех подуровней: страновом — то есть внутри стран региона, региональном — в границах ЮВА и ВА, межрегиональном — отношения стран ЮВА и ВА и внерегиональном — влияние внерегиональных держав, прежде всего США, на весь ход событий в ВА и ЮВА. Внутривосточные процессы

Практически во всех странах Восточной и Юго-Восточной Азии постепенно складываются (за исключением, пожалуй, лишь Северной Кореи) объединяющие их основные или, как их еще называют, базовые институты современного общества. Это рыночная экономика, частная собственность, свободное предпринимательство. В отдельных странах ЮВА (Сингапур, Таиланд или Малайзия) эти институты уже давно существуют. В других

странах (Вьетнам и Лаос) они постепенно формируются, И, пожалуй, лишь в Бирме ситуация близка к стагнации.

В политической сфере в большинстве стран ЮВА и ВА созданы вполне совместимые друг с другом и достаточно устойчивые политические системы авторитарного или полуавторитарного типа, способные гарантировать политическую стабильность и неизменность основных элементов экономической модели и обеспечивать экономический рост.

Политика в сфере культуры и идеологии также практически однотипна. В большинстве стран ВА и ЮВА упор делается на национальные ценности, всегда подчеркивается национальная особенность с очевидным антизападным подтекстом.

Несмотря на то, что в последнее время в политической ситуации ряда стран региона происходят негативные процессы, реально угрожающие политической стабильности (это, в первую очередь, неутихающие национальные и религиозные конфликты в Индонезии, угроза импичмента в связи с обвинениями в коррупции филиппинского президента Эстрады, напряженность и неопределенность политической ситуации в Таиланде накануне предстоящих выборов), можно сделать вполне определенный вывод, что на внутривосточном уровне большинство стран региона развиваются в рамках единой экономико-политической макро модели, что может служить одной из важных предпосылок для процесса интеграции.

Региональный уровень

При переходе на региональный уровень первое, что необходимо отметить — это заметно окрепшие среди государств Юго-Восточной Азии тенденции к интеграции. Связано это с процессами на страновом уровне и с явлениями иного порядка: атмосферой взаимного доверия, особенно окрепшей после финансового кризиса 1998 г. МС. Абад — помощник директора секретариата АСЕАН, выступая перед высшими представителями индонезийской армии объяснял этот новый феномен тем, что «(В самый разгар регионального финансового и экономического кризиса в 1997—1998 г. ни одно государство региона не воспользовалось уязвимостью отдельных стран, наиболее от кризиса пострадавших. Отношения все время оставались конструктивными и доверительными, что позволило упрочить сотрудничество, особенно в сфере экономики». После окончания кризиса политико-экономическая интеграция в рамках АСЕАН и экономико-политические связи по линии стран Восточной и Юго-Восточной Азии заметно активизировались.

Сегодня очевидно, что первый этап формирования зоны свободной торговли (АФТА) — создание общего рынка шести наиболее развитых стран АСЕАН — близок к завершению. Планируется, что в течение двух лет тарифы на все товары стран АСЕАН будут на уровне 0—5%. При этом товары, произведенные в кооперации двух или более стран АСЕАН, уже сегодня могут свободно пересекать границы, облагаясь налогом не более 5% или вообще не облагаясь никаким налогом. То, что до кризиса казалось далекой перспективой, ныне обретает реальные очертания. Речь идет о предстоящем в течение нескольких лет появлении в Азии огромного общего рынка с населением более, чем полмиллиарда человек и с ежегодным объемом внутреннего продукта порядка 800 млрд долл. Если к соглашению о зоне свободной торговли добавить договоренности по свободному движению капитала и притоку инвестиций в страны АСЕАН, начавшиеся переговоры о единой валюте для АСЕАН, непрерывному росту взаимного товарообмена, то финансовый кризис 1998 г. подстегнул страны АСЕАН к еще более тесному сотрудничеству.

В культурном плане в рамках АСЕАН тенденция к большей интеграции также просматривается вполне ощутимо. При этом упор делается на культурные аспекты единства: проводятся семинары по культурной идентичности народов ЮВА, конкурсы по Рамаяне как общему культурному наследию, по народным промыслам, традиционному балету и т. д. При этом антизападный акцент проступает вполне заметно.

Процесс интеграции на региональном уровне протекает не бесконфликтно. Он постоянно сопровождается крупными противоречиями и разногласиями. Это и скандал вокруг Анвара Ибрагима, и связанные с ним взаимные обвинения Эстрады и Мохатхира, и заявления Сурина Питсувана с его идеей ограниченного вмешательства, и бесконечные

споры вроде последних битв относительно тарифов на ввоз тайских автомобилей в Малайзию и малайзийских в Таиланд. Но переоценивать значение этих разногласий не стоит, ибо жизнь показывает, что все эти конфликты и противоречия удастся постепенно снимать, ибо заинтересованность в продвижении процесса интеграции в глазах политических элит стран АСЕАН представляется намного более значимой ценностью, чем раздувание конфликтов, построенных на личных амбициях и не до конца урегулированных экономических интересах.

Таким образом, на региональном уровне и в сфере политики экономики и идеологии тенденции к интеграции, несмотря на возникающие отдельные проблемы, прослеживается в ЮВА довольно четко.

Что касается Восточной Азии, то по сравнению с ЮВА здесь совершенно противоположная ситуация. В этом регионе процессы интеграции находятся на крайне низком уровне. Несмотря на свою неизмеримо большую финансово-экономическую и политическую мощь страны Восточной Азии обременены большим количеством региональных и идеологических конфликтов, амбициями и соперничеством наиболее развитых региональных держав, отсутствием признанных внутрирегиональных механизмов их урегулирования. Из-за огромного объема взаимной торговли и инвестиций, особенно между Японией и Китаем, очевидное культурное и историческое сходство, наследие прошлых войн и исторических обид все еще не преодолено, а взаимное недоверие препятствует даже самым осторожным попыткам к каким-либо формам региональной интеграции. Может быть, поэтому решение о регулярных встречах на высшем уровне лидеров Китая, Японии и Южной Кореи, которое они приняли в Сингапуре, было встречено в прессе с нескрываемым пессимизмом.

Тенденции к интеграции в ЮВА и сохраняющаяся дезинтеграция в ВА уравнивают друг друга, поэтому без реальных изменений в политическом ландшафте и ценностных ориентациях политических элит стран Восточной Азии трудно представить себе как они смогут интегрироваться в какие-либо дееспособные структуры со странами ЮВА. Но этот процесс может пойти нестандартным путем по линии укрепления двусторонних отношений стран АСЕАН с Японией, Китаем, Южной Кореей. О том, что такой путь вполне вероятен можно судить, если обратиться к анализу процессов на межрегиональном уровне.

Межрегиональный уровень

Анализ отношений на этом уровне сегодня вызывает особенно пристальное внимание, ибо от того как будут развиваться процессы зависит пойдет ли сотрудничество по оптимальной для стран ЮВА формуле 10 плюс три, где асеановская десятка будет выступать как единый партнер в четырехугольнике с Китаем—Японией—Южной Кореей, или даже с объединенной Кореей. Ведь процессы могут пойти не только по пути такой относительно равноправной интеграции. Не исключены варианты, когда какие-то отдельные страны АСЕАН будут самостоятельно, как это планирует сделать, к примеру, Сингапур, вступать в отношения со странами Восточной Азии. Если учесть реально существующее уже сейчас соперничество Токио и Пекина относительно преобладающего влияния на страны ЮВА, то в таком случае скорее всего Большая Восточная Азия, если она все-таки появится на свет, окажется разбитой на несколько региональных группировок во главе с Японией и Китаем. Такой поворот может создать реальную угрозу самому существованию АСЕАЯ или же превратит ее в ничего не значущую региональную организацию.

Вышеназванный сценарий является главной угрозой единству стран АСЕАН.

Разноуровневая интеграция, когда наиболее развитые страны региона предпочитают выгоды двусторонних связей с экономическими гигантами Восточной Азии многостороннему региональному сотрудничеству, вполне реальна. Их заинтересованность в финансовых ресурсах, новых технологиях, открытых рынках очевидна. Но сам факт существования АСЕАН рассматривается в странах ЮВА как огромная ценность, отказываться от которой не желает никто. Кроме этого политические элиты ведущих стран ЮВА прекрасно осознают и то, что пока страны АСЕАН едины, они представляют собой пусть младшего, но достаточно самостоятельного партнера. Если же они будут выступать по отдельности, то в этом случае господство великих держав

Восточной Азии будет неоспоримо и может угрожать их реальной независимости, что в странах ЮВА также считается ценностью (так называемый принцип региональной стойкости). Так что развитие интеграции через усиление межрегионального диалога отдельных стран АСЕАН в ущерб их региональным интересам представляется маловероятным. Они скорее отложат или даже откажутся от сингапурских решений, чем поставят под угрозу единство АСЕЛЯ. Если в странах ЮВА прекрасно помнят репрессии и высокомерие японцев в период оккупации, их пренебрежительное отношение к своим азиатским младшим братьям, а с другой стороны, не питают особых иллюзий относительно миролюбия Пекина и постоянно опасаются оказаться в какой-то момент не частью Большой Восточной Азии, а частью Большого Китая, то можно предположить, что при малейшей угрозе единству и независимости всякое движение к интеграции будет прекращено. Это произойдет и в случае нового всплеска противостояния вокруг островов Парасельские и Спратли.

Не меньшие проблемы и на стороне восточноазиатских партнеров стран АСЕАН — уже упоминавшееся соперничество за преобладающее влияние между Японией и Китаем, их территориальные споры вокруг островов Сэнкаку. Серьезны и угрозы крупного регионального конфликта в случае войны на Корейском полуострове, постоянное балансирование на грани военного конфликта КНР и Тайваня. да и с экономической точки зрения невероятно, чтобы страны Восточной Азии даже в обозримой перспективе согласились бы на вхождение в замкнутое экономическое пространство. Их экономики слишком завязаны на мировые рынки, прежде всего американский и европейский, чтобы ограждать себя тарифными барьерами. для Китая к тому же более актуальным выглядит предстоящее вступление в ВТО, чем в региональный общий рынок. Вряд ли кто-нибудь из стран ВА согласится открыть свои внутренние рынки для сельскохозяйственной продукции из стран ЮВА.

Но вывод о том, что на межрегиональном уровне интеграция невозможна был бы неправомерен. Это процесс длительный и многообразный. И после азиатского финансового кризиса в его перспективах произошли некоторые перемены.

Связаны они с тем, что в последние годы доверие стран ВА к ЮВА заметно окрепло. действительно, в самый критический момент финансового кризиса Китай не допустил девальвации юаня, ибо это могло бы окончательно обрушить экономики стран ЮНА. Китай также оказал значительную финансовую помощь для стабилизации экономической ситуации. Япония же вообще только за период 1995—1999 гг. обеспечила более 20% всех прямых инвестиций в регион, а в период кризиса японская помощь всех видов странам АСЕАН составила почти 50 млрд долл.

Заинтересованность в большем сближении в самых разных сферах просматривается и в Восточной и в Юго-Восточной Азии. В экономике — это принципиальная договоренность о создании региональной сети валютной безопасности (так называемая Чиангмайская инициатива), планы по строительству трансконтинентального железнодорожного пути от Сингапура до Пекина; в политике — все более частые и откровенные взаимные консультации и переговоры; в идеологии и культуре — поиски фундаментальной общности (формирование так называемой Восточно-азиатской наблюдательной группы с участием в ней видных политиков и интеллектуалов стран Восточной и Юго-Восточной Азии). Цель создания этого нового неформального форума, а появился он только после ханойского саммита 1998 г., не только в том, чтобы учредить еще один механизм неформального общения и консультаций, но и для выработки идеологических и культурно-исторических основ интеграции стран ВА и ЮВА в духе последних новаций Хантинтона, то есть в утверждении восточноазиатского единства через противопоставление культурных стереотипов Восточной и Юго-Восточной Азии и Западного мира.

Все это подтверждает мысль о том, что решение, принятое на саммите глав АСЕАН, не такое уж бесперспективное. По крайней мере, если подняться на более высокий уровень абстракции, то с точки зрения мировой геополитики восточноазиатское сообщество ищет и может найти такие формы самоорганизации, которые отражали бы близость культурных стереотипов.

США и их политика в регионе

Единый уровень, где наиболее выражена тенденция противодействия процессам образования большой Восточной Азии — это уровень внерегиональный. Главный противник такого развития событий — США. Еще десять лет назад, когда Мохатхир Мохаммад выдвинул идею создания Восточноазиатского экономического сообщества по формуле ЮВА плюс три, именно Вашингтон сделал все, чтобы похоронить этот проект. Этот проект американские дипломаты назвали расистским, они оказали сильнейшее давление на Японию, чтобы Токио, где этот проект был принят вполне благосклонно, немедленно от него отказался.

Официальной реакции Вашингтона на решение азиатских лидеров пока нет, но можно не сомневаться, что несмотря на высказывания Го Чок Тонга о том, что «в Сингапуре мы ясно заявили, что нуждаемся в американском присутствии в Восточной Азии, и что сейчас не время, я повторяю не время выбрасывать Вашингтон из Азии», поддержки этого проекта как чисто восточноазиатского объединения со стороны других стран, скорее всего, не будет. Дело в том, что такое объединение Восточной Азии под экономическим патронажем Китая и Японии, но без участия США идет вразрез с целями американской политики в регионе. И для Японии, и для Китая, и для стран АСЕА<I> США выступают важнейшим торговым партнером, влияние которого на ситуацию в регионе чрезвычайно велико. А в Вашингтоне считают, что если и заниматься интеграцией, то только с участием США через так называемую концепцию создания сообществ безопасности, то есть придания двусторонним военным учениям и отношениям стран Восточной и Юго-Восточной Азии с США многостороннего формата. Цель такого подхода сначала разъединить страны в регионах, а потом объединить их, но уже под патронажем США. Не менее существенно и то, что продленный несколько лет назад Договор о взаимном обеспечении безопасности между США и Японией с зоной совместной ответственности, включающей и Тайвань, может быть использован против Китая, что служит преградой для укрепления атмосферы доверия между Токио и Пекином. То же самое можно сказать и о японо-американских планах создания системы противоракетной обороны (ПРО) театра военных действий, против которых активно выступают Китай и Россия. Если прибавить к этому сохраняющийся американский потенциал в Японии (только на Окинаве находится 47 тыс. американских солдат) и в Южной Корее, то очевидно, что без американского участия решения, принятые в Сингапуре, вряд ли будут реализованы.

Россия и межрегиональные и региональные процессы

При самых разнообразных сценариях интеграции в Восточной Азии никто не говорит о возможном включении России в зону свободной торговли в регионе. Про Россию в качестве партнера в Сингапуре даже не упоминали. Про АСТЭС, в котором состоит Россия, говорилось, главным образом, как о слабоконсолидированной и малоэффективной экономической организации, оказавшейся совершенно бесполезной в период финансового кризиса. Очевидно, что Большая Восточная Азия задумана и будет развиваться как некий противовес рыхлому АТЭС, соответственно России нет смысла пробиваться в новое региональное объединение. Ведь если в основе этого проекта лежит идея объединения на основе цивилизационной общности как противопоставление ЕС и НАФТА, то все эти попытки успеха не принесут. Если страны АСЕАН только что отказались от предложения австралийцев объединить австрало-новозеландскую зону свободной торговли с асеановской АФТА, то ответ нам будет такой же однозначный. Поэтому России перед тем, как стучаться в очередную азиатскую дверь, необходимо учесть, что:

1. Очевидная культурная отчужденность России, которая при всем нашем евразийстве, реально существует в представлениях о нас простых людей и политических элит стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В этом регионе России никогда не стать своей.
2. Соответственно и для российского общественного мнения, ориентированного при всем антизападничестве отдельных политиков, на Европу, откуда в Россию всегда приходили новые идеи, технологии и даже культурные стереотипы, ценность существования в рамках европейского культурно-политического пространства намного более предпочтительна, чем в каком-либо сообществе такого же типа в Азии.
3. После распада СССР и резкого неожиданного «ухода» Москвы из региона сохраняется определенный уровень политического недоверия к России, с одной стороны, и

недооценка (особенно сегодня) нашей роли в регионе, с другой.

4. Очевидная экономическая слабость дальнего Востока, его неспособность в обозримом будущем превратиться в крупный и развитый регион Восточной Азии.

В связи с этим вполне очевидно, что при любых, кроме самых фантастических, раскладах Россия окажется на периферии интеграционных процессов. Причем произойти это может даже в том случае, если удастся реализовать масштабные инвестиционные проекты типа строительства энергетического «моста» Сахалин-Япония или газопроводов в Китай и Южную Корею

Поэтому намного более предпочтительным для Москвы представляется интеграция не на многосторонней (как это

было сделано с АСТЭС), а на двусторонней основе с упором на развитие торгово-экономических связей и защиту наших экономических интересов (рыболовство в экономических зонах стран Восточной и Юго-Восточной Азии, продвижение проектов в атомной и гидроэнергетике, добычи и переработки нефти, продажи военной техники и вооружения и многое другое). Решение этих проблем вкупе с военно-политическими аспектами

национальной безопасности должно стать ядром всех российских усилий по расширению присутствия в регионе.

Более того, «несвязанность» в многосторонней интеграции позволит в региональных и межрегиональных конфликтах выступать как нейтральная сила, что в перспективе приведет к повышению уровня доверия к России и российской политике в регионе. Так что торопиться с реакцией на решения Сингапурского саммита, как это сделали европейцы, резко понизившие уровень прошедшей во Вьентьяне встречи министров иностранных дел асеановской десятки и стран ЕС (на этой встрече только Германию и Бельгию представляли министры иностранных дел, другие же европейские страны, к неудовольствию асеановцев, ограничились уровнем зам. министров или даже послов), вряд ли стоит. Для реализации принятого в Сингапуре плана его участникам и инициаторам предстоит решить столько проблем и потратить столько времени и денег, что российская дипломатия еще много раз успеет скорректировать свою позицию.

Литература

Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии, реальность. М., 1997.

Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1998.

Малетин Н.П. АСЕА}1 — три десятилетия (1967.—1997) — три политики. М., 1999.

Раздел IV

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глава 1.

Сравнительный анализ восприятия безопасности

Современное восприятие безопасности представляется чрезвычайно эклектичным, имеющим значительный спектр вариаций в зависимости от субъекта восприятия, от его региональной, страновой, политико-культурной принадлежности.

Собственно понятие безопасность имеет два аспекта: безопасность как состояние защищенности (объективно существующее или несуществующее, но воспринимаемое как таковое) или как система мер по обеспечению подобного состояния.

Восприятие безопасности неразрывно связано с восприятием интересов, как системы приоритетов, а также с восприятием угроз, которые способны нанести ущерб этим интересам. Именно через рассмотрение эволюции интересов и угроз возможно выйти на восприятие безопасности в политико-правовой культуре.

Говоря о защищенности интересов далее будем подразумевать существование триединства интересов индивида, общества и государства. Далеко не во всех регионах и странах все компоненты триединства были очевидными и признаваемыми. Современная эпоха подобное понимание безопасности также еще не сделала всеобщим достоянием.

Рассмотрим субъекты восприятия безопасности: Запад и Россию. Под термином Запад понимают страны Западной Европы, а так же США и Канада. Что касается анализа российского восприятия, то исходят из общероссийского усредненного восприятия. Единство этого восприятия базируется на восточнославянской способности к абсорбции других этносов, на долгосрочном совместном проживании в рамках единого государства, на историческом опыте коммунистического строительства, подразумевавшего и воплощавшего идею советского народа как новой исторической общности.

Отметим уникальность Запада с точки зрения восприятия безопасности. Западные страны развивались таким образом, что восприятие всего триединства стало органической составляющей менталитета, политической и правовой нормой существования обществ. Ныне существующее триединство стало результатом культивирования в различные исторические периоды того или иного компонента триединства.

В Европе формирование государства началось задолго до появления его аналогов у восточных славян, при этом историческая память народов сохраняла огромное количество его модификаций от греческих городов-полисов до Римской империи, от мелких германских княжеств, которые можно было проиграть в карты до великолепной Французской империи. Формы правления, организация внутреннего устройства, степень и формы контроля над гражданами также сильно варьировались. Варьировались геополитические характеристики, численный, национальный и конфессиональный составы государств. Роль и значение государств в международных отношениях также изменялись — от вознесения к вершинам неоспоримого могущества до низведения на роль марионетки в руках чужеземного властителя. Все это, с одной стороны, формировало представление о непреходимом значении государства вообще, но о бренности его конкретного воплощения. Люди понимали, что конец государства вовсе не будет концом света. Да, возможно, предстоят определенные неудобства, про истекаемые из необходимости привыкнуть к другому правителю, к другим законам, но это можно пережить. Пережить, сохраняя конвенциональные нормы поведения на повседневном уровне, сохраняя традиционный для данной местности уклад и характер хозяйствования. Ярким примером территории, которая постоянно являлась предметом споров и обладания различных властителей является тот же Тироль, расположенный на стыке Германии, Австрии и Италии. Процветание жителей данного региона никогда кардинально не определялось наличием того или иного властителя. Многообразие форм государственности давало возможность оценить преимущества и недостатки той или иной формы. Неслучайно, в европейской политико-правовой мысли столь значительное место занимают произведения, посвященные проблеме государства. Стоит вспомнить хотя бы Платона или Маккиавели. Анализ проблемы государства в трудах западных мыслителей свободен от пиетета и элементов сакральности, что коренным образом отличает их от отечественных мыслителей и ученых. Этому есть логичные объяснения. За всю историю Западной Европы народам никогда не угрожали силы внесистемного характера, то есть настолько чужие, что не смогли бы понять и принять хотя бы элементарные нормы и закономерности функционирования угрожаемых общностей.

Конфликты, разворачивавшиеся на территории Западной Европы, носили «внутрицивилизационный» характер. Не приходилось Европе сражаться с татаро-монгольскими ордами, несшими свой абсолютно непонятный образ жизни в столь же чуждую им самим славянскую Русь. Не приходилось Европе сохранять свою идентичность под натиском иноязычной и инокультурной общности. Кто-то может возразить, что было падение Римской империи под натиском варваров. Однако этому натиску предшествовало долгосрочное полуконфликтно сожительствo с теми же варварами, а также исторический опыт Римской империи по взаимодействию с другими культурами, опыт внешней открытости и осознанного понимания многомерности, полиэтничности и поликультурности мира. Причем это понимание в силу внутреннего развития Римской империи было характерно не только для элиты, но и для простого народа, представители которого прошагали в военных колоннах через всю необъятную империю и прослужили в самых отдаленных ее уголках. Роль государственной безопасности в российском менталитете была всегда значительно выше роли других компонентов безопасности. В силу постоянного враждебного окружения, в котором жила страна, роль государства как защитника традиционного образа жизни, конвенциональных норм и обычаев была чрезвычайно велика. При этом враждебное окружение было, как правило, гораздо более чуждым и враждебным, чем то, с которым сталкивались европейские страны. Если европейцы воевали преимущественно между собой, то российскому государству приходилось противостоять и инокультурному вмешательству, что определяло гораздо более жестокий характер военных действий, вызывало к жизни философию народных, отечественных войн. Подобной философии, в которой роль государства сводилась к предельно идеализированной мифологеме всеобщего заступника от врагов, был просто органически чужд критический подход к государству. Предметом анализа и критики могли быть только конкретные персонажи и отдельные неудачи при сохранении генеральной линии пафоса всеобщего, перманентного и сакрализованного противостояния иноземной угрозе, реальной или мнимой — неважно. Русское государство к тому же было весьма консервативно в своей внутренней эволюции, как по форме, так и по содержанию отправляемых полномочий. Именно поэтому менталитет народа воспринимал государство как богоданную константу, такое восприятие подпитывалось отсутствием знаний об организации власти в других странах. А рациональное знание о предмете можно получить или глубоким изучением самого предмета или его сравнением с другим, сходным с ним. Отсутствие такой возможности приводит к возникновению иррационального восприятия той или иной данности, что и произошло при восприятии роли и значения государства в России. Иррациональное восприятие (вера) не допускает мысли о бренности не только самого предмета поклонения, страха и священного трепета, но и не допускает мысли о бренности тех или иных его атрибутов. Даже смерть царя или вождя, в принципе событие весьма логичное, в России сопровождалось возгласом «на кого же ты нас покинул!?!», а вовсе не «король умер, да здравствует король!» Теперь посмотрим как же обстояло дело с безопасностью личности на Западе и в России.

Уклад жизни и природа хозяйствования значительно выше ставили роль индивида на Западе, чем в России. В Европе не было тех огромных и малоурожайных сельхозугодий, как на землях исконного проживания восточнославянских народов. Чтобы получить равный европейскому урожай зерновых, российскому крестьянину надо было засеять гораздо большее поле. Возделывать такие площади под силу только в рамках общины, где роль отдельной личности фактически сводилась к легко заменяемой трудоединице. Осознанию ценности личности в России противостояло крепостное рабство, помноженное на закоренелые традиции общины, чью суеверную тоталитарность дополняло нудное церковное отупление. Индивид на Западе был включен в гораздо более широкое поле коммуникаций. Вызовов и угроз его безопасности возникало больше, при этом если в России угрозы и вызовы были строго конвенциональны, т.е. «переходили в наследство» от отца к сыну, то в силу большей динамичности процессов в странах Западной Европы большая динамичность имела и система. Личностный компонент безопасности в наиболее развитых странах Западной Европы и Северной Америки имел историческое преимущество, этому способствовали Реформация, положившая начало современному пониманию роли человека; эпоха Возрождения, вернувшая к жизни идеалы гуманистической культуры. Свою роль сыграли европейские революции и американская

война за независимость, которые, помимо общественно-революционного компонента, несли в себе и освободительно-гуманистические составляющие. При этом, как это не обидно для России, все эти события, возвращавшие фактор личности в западной политической и правовой культуре, происходили гораздо раньше своих российских аналогов. Аналогов, кстати, весьма отдаленных. Несомненно, что форум в развитии личностного компонента безопасности западный мир получил в двадцатом веке, прежде всего во второй его половине. Произошло это в силу специфического характера развития России в этот период. Говоря о специфичности советского периода нельзя умалить его поистине грандиозных и, зачастую, беспрецедентных достижений.

Анализ философских и идеологических основ советского периода выявляет чрезвычайный парадокс. Марксистская концепция в результате акцентирования ее общественно-революционного компонента, в ущерб личностно-гуманистическому, превратилась в основу для общинно-тоталитарной реальности. Советская политическая и правовая культура была построена на презумпции угрозы обществу, исходящей от отдельной личности, презумпции угрозы общества для личности просто не допускалось. Хорошее общество не может кому-либо угрожать

(сомневаться в том, что советское общество хорошее было просто неуместно), аппарат управления этого общества и выразитель его интересов, другими словами, государство, плохим не может быть по определению. Плохой может быть только личность, отдельная личность. Таким образом, вопрос об угрозе личности и ее защищенности просто отсутствовал, отсутствовал и компонент безопасности личности в понимании безопасности. Что-либо угрожать личности могло только как составной части общества и всенародного государства, прежде всего «любимое» враждебное окружение.

Третий компонент — безопасность общества, этот компонент является как бы связующим звеном между безопасностью государства и личности. В исторический период, когда между словами общество и община можно было ставить знак равенства, вряд ли стоит углубляться и искать отличия между русской, по преимуществу, сельской общиной и западными общинами, нашедшими свое проявление как в сельских, так и в цеховых формах. Закономерности развития общин, развития весьма гатичного и даже стагнирующего, в принципе, одинаковы везде. Это жестко-иерархическая, глубоко традиционная и малоподвижная, а в силу этого, склонная к тоталитарности, система социальных и хозяйственных связей. функционирование общины в рамках той или иной идеолого-религиозной концепции может несколько увеличить или уменьшить тоталитарный характер общины, но не отменить его. Различия между Западом и Россией в организации социальной жизни граждан начинают наблюдаться с того момента, когда достоянием цивилизации становится так называемое «гражданское общество».

Обладателем этого достояния Запад становится гораздо ранее, чем наша страна. Вряд ли кто станет оспаривать, что появление таких атрибутов как пресса, парламенты, партии были западным изобретением, а именно наличие подобного инструментария позволяет функционировать обществу как самостоятельному механизму, а не быть просто конгломератом отдельных личностей. Самостоятельно функционирующий организм постепенно обретает свои собственные интересы, которые нетождественны интересам государства или отдельной личности, а представляют собой новую реальность. Преимущества гражданского общества, смягчавшего взаимодействия личности и государства, делавшего государство подконтрольным гражданам, были оценены на Западе достаточно быстро. Влияние гражданского общества все более и более увеличивалось и достигло своего апогея в таких проявлениях, как международные неправительственные организации, например, Красный Крест, или Международная Амнистия.

Теперь рассмотрим безопасность не как состояние защищенности, а как систему мер по обеспечению этого состояния, обеспечению государственной безопасности, и, прежде всего, ее внешнеполитического компонента.

Если обеспечение безопасности личности и общества достигается путем выработки внутреннего законодательства и путем создания условий для его исполнения, не говоря уже о таких базовых предпосылках как наличие должного уровня экономического развития, отсутствие каких-либо форс-мажорных обстоятельств и тп., то обеспечение государственной безопасности, тем более ее внешнеполитической составляющей,

требует гораздо большего спектра мер и условий.

Внешнесполитическая составляющая государственной безопасности несет в себе функции защиты не только государства, но и общества и отдельных личностей от угрозы извне. Это вполне понятно, так как угрозы внешнего характера преимущественно угрозы широкомасштабные, и весьма редко угроза извне может быть угрозой для конкретного человека. Хотя и такое бывает, вспомним всем известные случаи преследования граждан одного государства спецслужбами другого государства. Но в любом случае, именно государству приходится принимать меры по снижению напряженности в угрожаемой ситуации, когда фактором, ее породившим, является внешний фактор. То есть государство в такой ситуации исполняет одну из своих базовых функций, ради которой оно собственно и возникло — организация обороны от внешней опасности, консолидации граждан и мобилизации ресурсов.

Конкретные меры, предпринимаемые государством в угрожаемой ситуации и для предотвращения таковой, могут быть чрезвычайно разнообразными. Какие из них наиболее характерны для западной и российской политико-правовой культур? Характер мер напрямую зависит от характера угрозы. История показывает, что угрозы, которым подвергалась Россия извне, всегда носили широкомасштабный характер. Причины этого разные: с одной стороны, против России, как страны всегда достаточно сильной в военном отношении, мог выступить только сильный противник, с другой стороны, внешнеполитические амбиции России всегда носили великодержавный характер, что также обуславливало столкновение со значительным числом чужих внешнеполитических интересов, которые были интересами той или иной великой державы или группы держав. Значительный (однако трудно мобилизуемый) потенциал, в отдельные периоды превосходивший потенциал любой другой державы континента, подвигал Россию на единоличные действия на международной арене. Определенная отстраненность от собственно европейской дипломатической кухни и редкое совпадение интересов с другими великими державами отвращали Россию от обращения к союзам или коалициям для решения своих долгосрочных интересов. Заключаемые союзы, как прошло, носили характер оперативно-тактического блокирования для решения задач той или иной военной кампании. Подобно-чу поведению способствовал и тогдашний уровень развития международных отношений, а речь идет о периоде до начала XIX в., до создания Венской системы отношений, которая в значительной степени близка к современным международным отношениям. Недостаточная экономическая взаимозависимость государств и почти отсутствие таковой в отношениях с Россией порождали весьма непрочные политические союзы, объединительным и моментами которых служили зачастую весьма субъективные факторы. Однако по мере развития внешних связей России с Европой, роста ее потенциала и влияния на европейские дела, а так же с усилением взаимозависимости в системе международных отношений менялось и отношение России к союзам.

Понимание того, что Россия может играть не просто роль пассивного, хотя и весьма мощного фактора международных отношений, но активную системообразующую роль, приходило к российским руководителям не сразу. Его зрелым проявлением можно считать усилия России по установлению Венского порядка по завершении наполеоновских войн. Россия выходила на сцену как режиссер нового порядка в Европе, она сама становилась той внешней силой, которая определяла функционирование соседнего региона. А скорее, общего региона «большой» Европы. Путем активного вовлечения в европейскую политику Россия инкорпорировала свою безопасность в безопасность более широкого масштаба.

Именно с этого периода в российском подходе к внешней безопасности отчетливо господствует двуединая тенденция. Ее проявлениями являются, с одной стороны, недоверие к союзам и объективная необходимость опоры на собственные силы и, с другой стороны, стремление стать системообразующей державой через создание всеобъемлющей коалиции (Священный союз) или организации (ООН, ОБСЕ), которая бы играла роль регулятора международной системы, естественно, при наличии ведущей роли России в подобном «регуляторе». При создании подобных организаций Россия всегда исходила из необходимости оговорить и закрепить все свои базовые интересы и сложившийся на тот момент миропорядок в документе, оформляющем создание того или иного механизма регуляции. Подобное стремление к статической стабильности, весьма

походящее на создание неких виртуальных бастионов, легко объясняется с психологической точки зрения. Российская элита постоянно мыслила категориями осажденной крепости и враждебного окружения, в некоторые периоды это мышление было вполне осознанным, в некоторые подсознательным, но в любом случае являлось фактором нашей внешней безопасности. «Бастионостроительство», в принципе, чрезвычайно статичный метод оперирования во внешней политике государства, который снижает динамичность реагирования на новые вызовы и требует значительных мер по перестройке всей системы внешней безопасности, когда она окончательно перестает соответствовать изменившейся ситуации. Косность — вот, наверное, одна из главных характеристик негативной стороны российской внешней безопасности. Преодолеть подобную косность случалось России только в исключительные периоды социальных перемен или под воздействием чрезвычайной угрозы. Примерами могут служить начало петровской эпохи, когда Россия прочертила совершенно новый вектор своей внешней политики — Европейский вектор и резко обновила содержание и форму своих действий по обеспечению безопасности на южных рубежах. Еще более кардинальным стало обновление схемы внешней безопасности государства после Октябрьской революции. События произошедшие в нашей стране на рубеже 1990-х годов также стоят в этом ряду. Однако все изменения, следовавшие после того или иного социального переворота, имели тенденцию к угасанию и к вырождению во внешние атрибуты того или иного режима. Насколько и в чем события 1990-х годов и их последствия отличаются от своих аналогов прошлого, в плане воздействия на характер восприятия внешней безопасности и мер по ее обеспечению?

В 1991 г. произошло событие, геополитический вектор которого чрезвычайно нехарактерен для российской истории:

резкое уменьшение территории 'страны без перспектив ее восстановления в обозримом будущем, без реальной возможности восстановить потерянное военным путем, что обычно делала Россия в прошлом. Но главное, распад империи произошел в результате самоопределения ее окраин, чего элита империи не переживала дотоле. Правда, если не считать самоопределения Польши и Финляндии после Октябрьской революции, частей всегда слабоассоциированных в российском сознании как интегральных России.

В результате распада СССР вокруг России образовался пояс государств, отношение к которым не было выработано в результате исторической эволюции. Элита почти не имела привычки жить в окружении столь странных лимитрофов. Государства, окружавшие Россию в прошлом, или четко подпадали под категорию «враждебного окружения» или, как это случилось в послевоенный период, являлись лояльным социалистическим содружеством. Отношение к новым государствам весь-
Изначально термин лимитрофы применялся для обозначения окраинных провинций Римской империи, в 1920—1940-е годы этот термин закрепился за малыми европейскими странами, граничившими с СССР.

Мы трудно выстроить, даже если отрешиться от чисто эмоциональной стороны. Эмоции диктуют или позицию безудержного братства или презрения к предателям, которых «мы кормили, а они... Это только две крайних точки зрения, подобных крайних и замещающих пространство между ними умеренных, однако диктуемых эмоциями, точек зрения весьма значительное число. Выработка политики безопасности, а тем более мер по ее реализации с учетом указанного фактора и разнородности государств постсоветского пространства и их отношения к России, происходит чрезвычайно болезненно. И здесь в силу великодержавной привычки (хороша она или плоха это другой вопрос) возобладал широкомасштабный подход. Россия организовала союз — СНГ, организацию, где по всем признакам РФ имела и имеет возможность господствовать, быть системообразующей силой.

Однако создание российскоцентричного союза не явилось исчерпывающей мерой для обеспечения безопасности, вызовы, исходящие из нового «подбрюшья», оказались столь разнообразными, что для адекватных ответов на подобные вызовы «большого» СНГ было недостаточно. Закрыть его слабые места Россия снова попыталась через построение российскоцентричных союзов, для прикрытия был применен удачный европейский термин разноскоростной и многоформатной интеграции.

Что касается ближайшего окружения, то Россия старыми методами осваивает новый опыт постимперского существования. Это будет весьма полезным для восприятия

безопасности и, что возможно, снимет то одномерное представление о мире, которое господствует и ныне в российской элите. Эти надежды витают исторические примеры Великобритании и Франции. Эти страны, прошедшие через болезненный и трагический процесс прощания с колониями, выработали чрезвычайную гибкость своего внешнеполитического мышления, чрезвычайно широкое представление о безопасности. Благодаря именно этому опыту бывшие империи сохраняют свое значительное положение в мировой политике, в системе международной безопасности. Изменения 1990-х годов коснулись не только СССР. Процессы, набравшие силы с середины 1980-х годов, стали объективной реальностью с кончиной Советского государства.

Это было весьма новым явлением для нашей страны. Как правило, или окружавший нас мир менялся скорее, чем наша страна, либо наоборот — мы были впереди всех.

Синхронность наблюдалась только в 1917—1918 гг. Новая эпоха для мира наступила одновременно с новой эпохой для России. Поэтому синхронность 1990-х годов можно рассматривать как синхронность закономерную: Россия меняется вместе с миром и делает это уже во второй раз. Однако если изменения 1917—1918 гг.

сохраняли возможность новой советской элите оперировать привычным представлением «враждебного окружения» и делать это в наиболее развернутой форме, то ситуация начала 1990-х годов такую весьма удобную возможность практически отобрала. Врагов не было. По крайней мере, чисто психологически. Россия дружила по всем азимутам и со всеми. Однако сверхнеразумное решение о расширении НАТО подоспело и сломало весьма непривычное для России «безвраждебное» существование, бомбардировки Югославии еще больше усугубили ситуацию. Снова появилась угроза и угрожаемая ситуация как нормальное состояние для функционирования системы внешней безопасности российского государства. При этом в отличие от времен СССР, чисто психологически, осознание уязвимости извне сейчас гораздо сильнее. «Нормальной» нынешнюю «угрожаемую ситуацию» можно назвать весьма условно. Российская элита не может определиться какой же в принципе должен быть ответ на подобный вызов. С одной стороны, Запад остается нашим партнером, а с другой — его конкретные действия несут (реально или нет) очевидную угрозу. Ясность отсутствует. Отсутствие же ясности чрезвычайно нехарактерно для российского мышления в области безопасности. В такой ситуации возникает кризис действия, психологический тупик возникает из-за того, что в российской политической культуре, а прежде всего в ее внешней составляющей отсутствуют схемы функционирования в рамках динамической стабильности. Система внешней безопасности начинает давать сбои когда нельзя задействовать механизм определения «свой—чужой», а этот механизм абсолютно неприменим при множестве потенциальных вызовов.

Неадекватность современным вызовам заложена в нынешней системе безопасности исторически. Величие России, в реальном отображении на международные отношения, прежде всего, основывалось на военной мощи. Перекокс в соотношении военного и невоенного потенциалов страны резко усилился после распада СССР, когда долго единственным фактором глобального воздействия и атрибутом великодержавности оставался и, наверное, остается ядерный фактор. Невключенность в мирохозяйственные связи, искусственно сдерживаемый обмен с внешним миром в политическом, культурном, гуманитарном плане привели к тому, что, помимо схемы обеспечения военной безопасности, страна имеет только зачаточные инструменты реагирования на новые для нас, но ставшими традиционными для всего мира, вызовы. К сожалению, военная сфера безопасности продолжает доминировать. Этот процесс подпитывается весьма поверхностным анализом происходящих событий, который был характерен для ельцинского руководства, и которой превалирует и сейчас. Внешнеполитический анализ (и последующие решения) основывается только на «ярких» фактах конфликтов ставших достоянием постсоветской эры, при этом возникает соблазн разрубить конфликтный узел военным путем. Единственным отрадным фактом является то, что по инерции противостояния Россия не позволяет, когда может, делать подобного Западным державам.

Итак, в российском восприятии безопасности мы наблюдаем причудливую эклектику новых лозунгов и старых подходов, которые представляются весьма мало продуктивными в современной ситуации. Выработка новых методов безопасности тормозится, прежде

всего, именно этим.

А насколько нынешние условия привычны для систем безопасности западных стран, для западного восприятия? Как уже отмечалось, Запад привык жить в гораздо более динамичной системе где, может быть, отсутствовали (до появления СССР) широкомасштабные угрозы, но где количество вызовов всегда было большим, где система вызовов была много подвижнее и, соответственно, система приоритетов и мер внешней безопасности была тоже более гибкой.

«Отсутствие» СССР наиболее тяжело, с психологической точки зрения, восприняли США, т.к. современная американская система безопасности в отличие от их европейских коллег, имеющих более обширный исторически опыт, выстраивалась во второй половине XX в. и выстраивалась презюмируя наличие противостояния Советского Союза. Однако США в силу их глобальной активности, которая не ограничивалась военной сферой, «ознакомились» с достаточно широким кругом проблем внешней безопасности. Но психологический шок внешнеполитической элиты США был весьма силен в 1991 г. Последующее развитие событий, — война в Заливе, позволили переключить внимание американской элиты на решение конкретных вопросов и вывести систему безопасности из возможного состояния депрессии и рефлексии, состояния, которое, увы, характерно для России.

Европейцы всегда, помимо противостояния с СССР, имели чем «заняться». Гораздо более близки им были процессы европейской интеграции, вступившие в 1990-е годы в новую фазу своего развития. С распадом социалистического лагеря западноевропейцы занялись весьма привычным для них делом: обратили свои взоры на Центральную и Восточную Европу, вспомнили свои интересы и амбиции в регионе и начали их реализовывать. Европейцам не пришлось менять практически ничего в системе внешней безопасности. Российская угроза для них никогда не была делом первостепенной важности, это, по сложившейся традиции, было заботой американцев. По сути дела, Западной Европе пришлось только восстановить систему взаимодействия с Центральной и Восточной Европой. С учетом того, что бывшие соцстраны хотели этого, что определенные заделы взаимодействия были созданы еще в социалистические времена, а также наличия довоенного опыта «проживания» Центральной и Восточной Европы в капиталистическом лагере, поставленная задача оказалась легко-решаемой.

Единственным трудноразрешимым моментом для Западной Европы остается конфликт в Югославии. Реагирование на подобные события не было заложено в исторической памяти элит, а если и было заложено то, способы прошлых времен для этого не подходили. Фактически югославские кризисы были единственной неконвенциональной задачей для Европы. Первый югославский кризис, который собственно и позволил оформиться новым государствам на развалинах титовской СФРЮ, стал задачей с которой справились... американцы и русские, но справились не путем поиска новых решений, а путем хорошо знакомой им практики давления на подконтрольные стороны конфликта. Это явилось весьма полезным рецидивом практики периода конфронтации, но вряд ли будет полезным в дальнейшем.

Второй кризис, развернувшийся вокруг Косово, на данный момент можно считать только легко притушенным, но не ликвидированным. Его дальнейшее разрешение останется задачей европейской безопасности на весьма длительную перспективу. Как и любой другой вызов безопасности долгосрочного характера, конфликт в Косово окажет свое воздействие на западное восприятие безопасности в целом.

Так сблизилось ли представление о безопасности в России и на Западе за последние годы? Пока весьма незначительно и только на уровне официальных документов. Это объясняется тем, что разрушенная в 1991 г. система международных отношений оставила после себя слишком большое и беспорядочное наследство, которое требуется рассортировать и пересмотреть. Прежде всего, это задача России, России, ослабленной процессом перехода от одного общественного строя к другому. Нашей стране досталась самая сложная часть этого наследства, наследства в виде осколков империи, отсутствия действовавшей ранее системы союзов и двухсторонних связей с дружественными государствами, прежде все го стран «социалистического содружества». Вместе с тем, в период 1990-х годов нами был наработан совершенно новый объем отношений с Западом, бывшим потенциальным противником. Количественное измерение этих связей переросло в качественное, превратилось в несущее звено нашего взаимодействия с

миром в целом, что предполагает начало конвергенции взаимовосприятия России и Запада, в том числе взаимовосприятия подходов к безопасности. При сохранении принципиального курса на долгосрочные отношения тесного сотрудничества эта задача становится императивной. Императивность сближения в понимании безопасности объясняется тем, что в отличие от периода когда непонимание сторонами друг друга вело к охлаждению политических отношений, но стороны при этом не теряли своих принципиальных позиций в международных отношениях, сейчас непонимание может результироваться в обрыв установившихся связей России с мировой экономической и политической системами. Этот обрыв будет означать отказ от правил игры установившихся в постконфронтационных отношениях по линии Россия—Запад и как следствие переформулирование всей идеологии и практики евразийского миропорядка. И это, не говоря о внутрироссийских последствиях подобного события.

Между сближением восприятия безопасности и российскозападным экономическим и политическим взаимодействием имеется и обратная связь. Это взаимодействие оказывает значительное влияние на политико-правовую культуру России как через элементы естественного взаимовлияния, так и через институционализированное влияние Запада на Россию, прежде всего, через участие в общих для обеих сторон международных институтах. Спектр этих институтов чрезвычайно широк от «большой восьмерки» до Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Адекватное понимание ее внешнеполитического аспекта возможно только при четком видении места и роли России на международной арене, объективно отличных от тех, которое были характерны для бывшего СССР.

Нынешняя весовая категория и потенциал России делают ее державой регионального масштаба с наличием ряда характеристик (географическое положение, военные и институциональные ресурсы), позволяющих оперировать как ведущая держава мирового уровня. Как это не парадоксально, подобное положение делает Россию (в отличие от СССР) вполне соотносимой с целым рядом европейских государств, что служит предпосылкой к сближению восприятия безопасности.

Литература

- Военная доктрина России (Официальный сайт МИД России — [1зцр://ччч.йзicl.gii](http://www.mid.ru)).
- Воскресенский А. Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях / Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматин. М., 2000.
- * Речь идет о периоде «институционализированной конфронтации, те., начиная с середины 1960-х годов, когда в модели противостояния СССР и Запада были наработаны механизмы недопущения перерастания политических проблем в ядерный конфликт.
- Концепция внешней политики России (Официальный сайт МИД России — [1ппр://чу.шic1.gц](http://www.mid.ru)).
- Концепция национальной безопасности РФ (Официальный сайт МИД России — [1шр://ччч.шic1.gц](http://www.mid.ru)).
- Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. М., 1998.
- Мальгин А.В. и др. Культура поведения в вооруженных конфликтах / Сопротивление материала. Международные нормативы на российской почве. М., 1999.
- Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли / Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия. М., 2000.
- Юрьева Т.В. Проблемы национальной безопасности / Внешняя политика Российской Федерации. 1992—1999. М., 2000.

Глава 2. Безопасность в Европе после войны в Косово Уроки косовской войны

Война в Косово оказала огромное влияние на структуру европейской безопасности. Она явилась репетицией и экспериментом новой стратегии НАТО в XXI в., важным шагом глобальной стратегии США в стремлении установить гегемонию над всем миром. Замыслы США состояли в том, чтобы значительно усилить традиционное влияние НАТО на Балканах, тем самым устранить препятствия на пути дальнейшего расширения НАТО на Восток, продвижения в район Средиземного моря, на Ближний Восток и в Северную Африку. В то же время это была попытка США заложить фундамент дальнейшего вытеснения России из стратегического пространства бывшего СССР, чтобы покончить с ее влиянием на Ближнем Востоке. А если смотреть глубже, то можно даже сказать, что США теперь могут под предлогом защиты «прав человека» и «гуманизма» вмешиваться во внутренние дела других стран, проводить политику гегемонизма с позиций силы. Не подлежит сомнению, что развязанная НАТО во главе с США косовская война имела серьезные последствия и оказала отрицательное влияние на дело мира во всем мире, на процесс строительства многополярного мира, на действующее ныне международное право и нормы международных отношений. Косовская война преподнесла международному сообществу чрезвычайно поучительный урок.

Эта война является результатом того, что за последние десять лет после окончания холодной войны совокупная мощь США еще больше выросла, в то время как Евросоюз, Япония, Россия и Китай оказались относительно ослаблены, т.е. был утрачен баланс сил великих держав. Последние годы США усиливают свое стратегическое присутствие на европейском и азиатском континентах, на Востоке и на Западе.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе США укрепляют отношения с Японией. США решили совместно разработать систему противоракетной обороны театра военных действий и распространить сферу действия этой системы на территорию Китая — о. Тайвань, а также восстановить и укрепить двусторонние военные союзы с другими странами-союзниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Европа является центром американской глобальной стратегии. После того, как НАТО реализовала первый этап расширения на Восток. Америка продолжает продвигаться в традиционные сферы влияния России, преследуя цель превратить НАТО в главную опору системы безопасности в Европе. Кроме того, США выступили с требованием, чтобы все страны-участницы НАТО сотрудничали с ними во всех регионах мира при американском вмешательстве в дела других стран, стремясь, тем самым, превратить НАТО в орудие реализации своих глобальных стратегических планов. В Европе Америка пытается сделать так, чтобы НАТО подчинила себе ОБСЕ, и, игнорируя авторитет ООН, стремится создать такую основополагающую структуру европейской и мировой безопасности, главной руководящей силой которой были бы США, а главной опорой — НАТО. Во-первых, НАТО во главе с США в обход ООН, не получив от Совета безопасности соответствующих полномочий, вели косовскую войну, открыто бросив вызов авторитету

ООН. К тому же, НАТО, не подвергшись никакому нападению извне, предприняла военные действия против государства, не входящего в зону защиты этого блока. Она, тем самым, превратилась из региональной оборонной организации в ничем не ограниченный агрессивный военный блок, раскрыв устремления США, стремящихся проводить стратегию экспансии и в Европе, и в Азии, и на Востоке, и на Западе. Эта война положила начало опасному прецеденту, когда используемые в качестве предлога вопросы «прав человека» и «национальные» вопросы, т.е. внутренние проблемы одного национального государства, становятся объектом международного разбирательства. Она показала западных стран, говорящих о «демократии» и «свободе» и одновременно ведущих военные действия сомнительного характера. Война в Косово затормозила процесс международного контроля над вооружениями и над разоружением. Соответственно, возросла роль военного фактора в безопасности. Этот фактор теперь может стать причиной новой гонки вооружений в некоторых государствах и регионах и, что особенно важно, привести к увеличению в некоторых странах капиталовложений в разработку, изготовление и закупку высокотехнологичного оружия, способствовать разработке и производству видов оружия массового поражения, включая ядерное. Такая политика может привести, в свою очередь, к пересмотру военной стратегии этих стран.

В то же время косовская война показала, что США еще не стали сильны до такой степени, чтобы творить все, что им захочется. В проведении своей политики с позиции силы США не могут обойтись без опоры на НАТО. После окончания косовской войны НАТО во главе с США направили на голосование и утверждение в ООН соглашение восьми стран, что свидетельствует о том, что США не в силах самостоятельно решить такую острую проблему, как поддержание мира. Они были вынуждены вновь обратиться в ООН. Западные страны, в свою очередь, провели переоценку результатов косовской войны. Некоторые политические силы в США теперь считают, что, посылая куда-либо войска, им необходимо больше учитывать то, какая от этого будет выгода им самим. Они выступают против военного вмешательства в регионах, находящихся в отдалении от собственно территории США. Страны Запада остро почувствовали нависшие над ними новые опасности — конфликт в одном регионе мог быстро повлечь за собой войну во всей Европе. Европа осознала, что она не в силах сама, в одиночку, разрешить конфликт, угрожающей ее безопасности. Ясно, что безопасность Европы неразрывно связана с НАТО. Внутри же НАТО серьезно нарушен баланс между составляющими ее силами. Перед Евросоюзом остро встала проблема ускорения создания европейских вооруженных сил, в этом залог успеха общеевропейской политики безопасности. Руководители НАТО полагают, что при возникновении таких новых опасных явлений, как появление массовых потоков беженцев, необходимо основываться на специальных постановлениях Евросоюза и ООН, используя главным образом экономические рычаги. Однако такие проблемы, как распространение оружия массового поражения и международный терроризм, необходимо по-прежнему решать, опираясь на вооруженные силы НАТО.

Многие политики высказывают пожелания ускорения реформы ООН, особенно действующей ныне системы принятия решений пяти постоянными членами Совета безопасности. Вместе с тем, предлагается ускорить реформы политических, экономических механизмов единой Европы и системы европейской безопасности, продолжать проводить расширение Евросоюза и НАТО на восток. Одновременно европейские политики понимают, что при этом необходимо не допускать создания прямой угрозы России. Но политические круги стран Запада серьезно не задумываются над тем, почему они выиграли войну, после которой не наступил мир. Совершенно очевидно, что некоторые западные концепции чрезвычайно опасны и не будут способствовать достижению стабильности в Европе.

Война в Косово не привела к изменению базовой структуры отношений между великими державами, не изменила тенденций в ее развитии. Мечты США о создании однополярного мира вряд ли могут стать реальностью, тенденции к многополярности и однополярности будут развиваться параллельно в течение длительного времени, находясь в противоречии и испытывая столкновения. В дальнейшем США будут в еще большей степени прибегать к методам политического давления, экономических санкций, военной угрозы, а в отдельных случаях для достижения своих стратегических целей использовать военные удары с воздуха. США будут постоянно корректировать свою

политику, попеременно используя методы давления и налаживания контактов. Они будут препятствовать слишком большому сближению каких-либо двух великих держав мира или возникновению какого-либо антиамериканского блока. Недавние события свидетельствуют о том, что великие державы уже начали корректировку своих отношений. США в этом процессе занимают самую активную позицию. 1 сентября 2000 г. президент Клинтон заявил, что он временно не дает согласия на реализацию плана Н ПРО, щекотливую трудную проблему Клинтон оставляет для решения будущему американскому правительству.

Новые опасности в Европе

После того, как осталась позади опасность противостояния в Европе военных блоков и возникновения крупномасштабных военных конфликтов, стали проявляться национальные, религиозные и территориальные конфликты, которые скрывались и подавлялись в ходе противоборства двух больших военных блоков: НАТО и Организации стран Варшавского договора. Стали происходить даже настоящие войны, которых не было в Европе со времен Второй мировой войны. Среди них наиболее значительными были войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине и в Косово, разразившиеся в процессе распада бывшей Югославии.

Эти войны продолжались на протяжении нескольких лет. Жертвами косовской войны стали более 8 тыс. раненых и убитых, количество беженцев превышало 1 млн человек, огромное количество сел и деревень были сравнены с землей, потери от войны составили более 200 млрд ам. долл. Наносимые по Косово воздушные удары усилили вражду между косовцами и сербами, после вступления войск в НАТО на территорию Косово многие мирные жители-сербы были убиты, более 100 тыс. сербов бежали. Возникла настоящая гуманитарная катастрофа, она оказала огромное негативное воздействие на безопасность и стабильность в Европе. Стоящие сегодня перед Европой опасности многообразны и труднопредсказуемы, особенно большое влияние они могут оказать на регионы Европы и Азии, как то:

Регион Балкан. Здесь существуют факторы, свидетельствующие о том, что конфликт может разразиться в Черногории; не исключена возможность вмешательства в него Албании и Македонии. НАТО продолжает усиливать свое давление на Восток. Кроме того, экономика почти всего Балканского региона находится на краю пропасти. Так, в Черногории безработица достигает 80%. Если же говорить об огромных потерях, причиненных войной Косово, то планы восстановления силами Западной Европы ничего собой, кроме пустого обещания, не представляют.

Регион Северного Кавказа. Инцидент, возникший в Чечне, таит в себе угрозу распространения на территорию Грузии, Азербайджана и других стран. Грузия в настоящее время испытывает давление разваливающейся экономики и межнациональных отношений, она находится на краю социального и экономического кризиса. США и Англия вынашивают планы подрыва стабильности в России, используя конфликты на Кавказе. После принятия в свой состав Польши, Венгрии и Чехии, НАТО продолжает планировать вовлечение в свои структуры пяти стран: Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы. Азербайджан уже разрешил НАТО создавать на своей территории военные объекты. Грузия, Туркменистан и Кыргызстан потребовали от России вывода всех своих пограничных войск. Появились признаки распада СНГ.

Регион Прибалтики. Блок НАТО полон решимости в кратчайшие сроки принять в свой состав три прибалтийских государства, Латвию, Литву и Эстонию, которые оказывали ей значительную помощь в косовской войне, тем самым распространив свое влияние к границам России.

Бывшие члены Варшавского блока хотят примкнуть к Западу, однако у большинства из них имеются серьезные внутренние политические проблемы или же территориальные и национальные споры с соседними странами, а в этом кроются истоки возникновения будущих кризисных ситуаций. Положение в бывших союзных республиках СССР еще более сложно.

Эти факторы нестабильности таят в себе скрытую угрозу безопасности Европы.

Влияние новой стратегии НАТО

на архитектуру системы безопасности в Европе

На протяжении десятилетий после окончания холодной войны НАТО ищет для себя новые точки опоры, она неоднократно проводила реорганизацию и пополняла свои ряды, укрепляет и повышает свои позиции в деле укрепления безопасности Европы и всего мира.

25 апреля 1999 г. на проходившей в Вашингтоне встрече глав НАТО была принята новая «стратегическая концепция». НАТО официально перешла из разряда военных организаций, основной целью которых является оборона, в организацию, основной целью которой является наступление. Она резко поднялась с уровня регионального оборонительного военного блока до уровня главного руководящего звена и центральной силы, обеспечивающей безопасность всей Европы. В качестве стратегической цели НАТО определено сохранение «дипломатической, мирной, единой Европы». Изменение функций и характера НАТО является одним из главных факторов, который влияет на стабильность в Европе. Развитие НАТО после «холодной войны» отрицательно сказалось на международной безопасности. Главные особенности изменений в характере НАТО выразились в экспансионистских чертах этого блока. Особенно достойно внимания то, что роль НАТО как орудия холодной войны не изменилась, ее цели и масштабы даже расширились, возможность применения НАТО военной силы увечилась. Некоторые видные политические деятели выдвинули предложение о «глобализации» НАТО. Свойственная блоку политика решения вопросов с позиции силы стала проявляться еще ярче.

В военном плане НАТО является сегодня самым мощным военным блоком. Используя военное превосходство, она стала более решительно действовать в области политического объединения Европы. Что касается своих функций, то в целях успешного реагирования на новые быстроменяющиеся ситуации, когда наряду с общим укреплением безопасности может существовать и попытка ее подрыва, НАТО дополнительно взяла на себя новую функцию поддержания мира. Особенно много внимания она уделяет усилению способности войск НАТО вести боевые действия быстрого реагирования в регионах, не входящих в зону ее защиты. Наряду с этим она расширила свои политические функции, ставя на первый план идеологический фактор, усилила вмешательство во внутренние дела других стран, проводит линию на внедрение единых ценностей и на полное политическое объединение Европы.

Недавно НАТО, не испытывая на себе агрессии и угрозы извне, не получив полномочий со стороны ООН, развязала войну против суверенного государства, используя в качестве предлога необходимость предотвращения гуманитарной катастрофы. Это свидетельствует о том, что НАТО уже превратилась в орудие достижения политических целей путем военного вмешательства.

Расширение на Восток является важным шагом в реализации НАТО своих стратегических целей. Расширение НАТО на Восток вызвало самые большие последствия в мире после окончания «холодной войны», в результате чего возникла угроза поворота вспять тенденции разрядки напряженности в Европе. В 1994 г. НАТО начала планомерно продвигаться на Восток. В настоящее время она уже разместилась на территориях, традиционно входящих в сферу влияния России, границы ее влияния продвинулись на Восток на 800 км, на европейском пространстве ее сухопутные и военно-воздушные силы возросли на 15%. Тем самым, в военном отношении, Европа стала занимать положение гегемона на континенте. Расширение на Восток также стало основным противоречием между возглавляемым США блоком НАТО и Россией. В настоящее время НАТО решила предпринять меры для дальнейшего расширения на Восток, что неизбежно приведет к новым политическим конфликтам и противостоянию с Россией. Это является серьезной проблемой, влияющей на безопасность и стабильность в Европе.

Проведение в жизнь новой стратегии НАТО подорвало развитие нормальных отношений с Россией. Россия и НАТО являются главными действующими лицами европейской системы безопасности. В каком направлении будут развиваться отношения между НАТО и Россией — решающая проблема в деле создания новой архитектуры европейской безопасности.

27 мая 1997 г. НАТО и Россия подписали «Основополагающий Акт о взаимоотношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Российской федерацией». Этот документ

определил основы нормализации действий сторон, исключил возникновение прямых конфликтов. В дальнейшем НАТО и Россия учредили постоянную совместную комиссию, которая является главным каналом консультаций НАТО и России по таким важным вопросам, как предупреждение и решение кризисных ситуаций, совместное поддержание мира, стратегия сторон, политика в области обороны, обмен информацией из области военной теории, по вопросам разоружения и контроля за вооружениями. Цель этой комиссии — находить способы решения вопросов европейской безопасности и политики, укреплял взаимное доверие, обеспечить безопасность в Европе и в Атлантике в целом. Стороны в основном документе взяли на себя обязательства информировать друг друга по вопросам разработки и реализации оборонной политики и военной теории. НАТО подтвердила, что не будет размещать ядерное оружие на территории ее новых членов, не будет направлять туда военные подкрепления, она будет обеспечивать безопасность, исключительно опираясь на инфраструктуру вооруженных сил НАТО. Учитывая то, что в НАТО перейдут члены бывшего Варшавского пакта, НАТО соглашается дать России возможность в соответствующих районах увеличить квоты численности расположенных там вооруженных сил. В то же время документ ограничивает право России чинить препятствия процессу расширения НАТО на Восток.

Создание механизма консультаций и сотрудничества НАТО с Россией является важным звеном нового механизма европейской безопасности. То, что бывшие противники установили между собой отношения партнерства и сотрудничества, имеет положительное значение для создания новой структуры европейской безопасности. Однако в течение трех с лишним лет после подписания «Основополагающего акта», возглавляемая США НАТО, прибегая к методам угроз и посулов, успокаивая Россию в политическом плане, увязывая решение проблем с разоружением, увеличивая свои вложения в экономику России, продолжала проводить в жизнь план сдерживания России, причиняла ущерб ее интересам, ослабляла право решающего голоса России в делах европейской безопасности.

В 1998 г. и 1999 г. США и Англия нанесли бомбовые удары по Ирану, а НАТО применила военную силу против Югославии. Это было равносильно аннулированию Основополагающего акта.

Когда блок НАТО во главе с США, не взирая на предостережение России, применил против Югославии силу оружия, стало очевидно, что «обещания» НАТО проводить с Россией консультации по вопросам безопасности Европы представляют собой не что иное, как пустой клочок бумажки. После принятия в свой состав Польши, Чехии и Венгрии НАТО продолжает подступать к границам России, что является предпосылкой дальнейшего ухудшения взаимоотношений и даже возникновения кризисных ситуаций. В 1999 г. президент Ельцин заявил о прекращении с НАТО отношений сотрудничества, осудил НАТО за открытую агрессию. В российско-американских отношениях возникла небывалая до сих пор напряженность.

НАТО, проявив вероломство, стала проводить в жизнь свою новую стратегию, что серьезно повлияло на нормальное развитие отношений с Россией. НАТО несет всю полноту ответственности за ухудшение ситуации в области европейской безопасности.

Развитие политики «совместной» дипломатии и безопасность Евросоюза

В 1998 г. на встрече глав правительств Франции и Англии было положено начало совместной обороны Европы. В 1999 г. на состоявшейся в Вашингтоне встрече глав правительств членов НАТО было вновь заявлено о необходимости создания независимых сил обороны Европы, что стало решительным шагом в деле строительства единой Европы.

Вслед за этим Франция и Германия решили реорганизовать Европейскую армию в Европейские силы реагирования. На состоявшейся в том же году в Кельне встрече глав правительств было внесено предложение о включении Западноевропейского союза в Евросоюз. Кроме того, на встрече бывший секретарь НАТО Солана был утвержден в должности первого «лица, курирующего общую дипломатию и безопасность Европы». Ему было поручено руководить проведением политики «совместной» дипломатии и безопасности Евросоюза (ПЕС). Это свидетельствовало о том, что работа по созданию

Евросоюза вступила в новый этап — из валютно-экономического союз начал превращаться в союз политический.

На состоявшейся в декабре того же года в Хельсинки встрече глав правительств было принято решение в 2003 г. создать европейское войсковое соединение быстрого реагирования в составе 50—60 тыс. человек, развертывание которого можно было бы закончить в течение 60 дней и которое должно обладать способностью находиться в состоянии боевой готовности более одного года, чтобы иметь возможность разрешать кризисные ситуации. В качестве руководящих органов Евросоюз создал постоянный комитет по вопросам политики и безопасности и постоянный военный комитет. В последующие годы процесс реализации «совместной» дипломатии и политики Евросоюза будет продолжаться.

Причины ускорения создания независимой оборонительной системы Евросоюза состоят в следующем:

После окончания холодной войны, по мере непрерывного углубления и усиления процесса интеграции Евросоюза, его возможности играть на международной арене полноправную роль все время возрастали. Западная Европа больше не довольствовалась в области дипломатии и безопасности «ролью жалкого кролика», она настоятельно стремилась повысить свои возможности самостоятельно решать проблемы европейской безопасности, стремилась расширить стратегическое пространство, разработать стратегию безопасности XXI столетия, создать выгодную для Западной Европы структуру безопасности будущего, не довольствоваться исполнением пассивной роли под контролем США. Она стремится получить ведущую роль в области решения проблем европейской безопасности и играть большую роль на международной арене. Тем самым Западная Европа стремится реализовать свою стратегическую цель: стать в XXI в. «одним из полюсов», равным СИГА.

Косовская война сыграла стимулирующую роль в ускорении создания независимой системы обороны Евросоюза. Она показала, что Евросоюз не обладает достаточными силами для разрешения региональных конфликтов, что в его армии много недостатков, что он сильно отстает от СГ[IA в техническом и военном отношении. Так, во время воздушных ударов НАТО по Югославии все рейды были выполнены американскими самолетами. В Западной Европе усилилось чувство беспокойства и озабоченности, она осознала необходимость и актуальность обладания независимыми вооруженными силами, чтобы самим решать кризисные ситуации; осознала, что, только ускорив процесс интеграции вооруженных сил, можно обеспечить свои интересы в обеспечении безопасности Европы.

Стратегические интересы США и Европы все более и более расходятся. США реализуют глобальную стратегию, их колоссальные военные планы не отвечают интересам и стратегическим замыслам европейских государств. Интересы Европы ориентированы на поддержание безопасности своего региона, этим же заняты большинство граничащих с Балканами, но не входящих в НАТО стран. Только стратегические интересы и интересы поддержания безопасности Англии и Франции распространяются на регионы за пределами Европы: на Средний Восток, район Персидского залива и Африку. Франция и Германия, выступающие в роли авангардных государств НАТО, активно ратуют за создание независимых вооруженных сил Европы. Англия решительно отказалась от своей двойственной позиции и дала официальное согласие на создание европейских вооруженных сил. Это решение стало одним из важных факторов ускорения процесса создания системы обеспечения европейской безопасности.

Ускорение создания независимой оборонительной системы Евросоюза является важной стратегической перестройкой, взявшей начало в конце XX в., когда мировой экономический и политический порядок стоит перед серьезной реорганизацией и обостряется борьба между сторонниками однополярной и многополярной системы. Эта стратегическая перестройка имеет большое значение в деле ускорения тенденции создания многополярного мира и играет также важную роль в деле стабилизации мира в Европе.

Если говорить о положительной стороне, то создаваемая независимая оборонительная система в Западной Европе будет отличаться от чисто оборонительного сообщества времен «холодной войны». Она даст возможность с помощью своих собственных вооруженных сил самостоятельно разрешать кризисные ситуации, поддерживать и

устанавливать мир, оказывать гуманитарную помощь. Эта система будет способствовать поискам разнообразных форм предотвращения и разрешения кризисов. Уйдет в прошлое ситуация, когда нужно было ждать, что скажет США. Военное вмешательство в дела других стран должно осуществляться в соответствии с международным правом и уставом ООН, оно не должно проходить в обход ООН и ОБСЕ.

Развитие независимой системы обороны Европы способствует ограничению американо-центристского мира, сдерживает США в их стремлении использовать НАТО в интересах своей глобальной стратегии, особенно при вмешательстве в дела стран за пределами своего региона, что никак не совместимо с интересами и желаниями Европы.

Однако между США и Европой в стратегическом отношении существуют союзнические дружеские отношения, и они зависят друг от друга, РЕС и НАТО дополняют друг друга. НАТО оказывает на Евросоюз огромное влияние, в свою очередь, она может существовать лишь следуя в фарватере Западной Европы. Мессианство США или их тенденция к изоляционизму — все это не отвечает интересам Западной Европы.

Единственно правильным выходом для Европы является создание политического и экономического Евросоюза. Хотя между Европой и США существуют разногласия по поводу стратегической концепции, однако сотрудничество между ними все же очень широкое, особенно много общего между ними в вопросах ценностных понятий и в достижении целей создания единой Европы. После окончания «холодной войны» ряд совместных военных действий в районе Персидского залива и на Балканах, особенно косовская война, являются полным тому подтверждением. На протяжении значительного периода времени координация и сотрудничество в осуществлении совместных военных действий будут главной тенденцией развития отношений между ними. Это будет основополагающим фактором при принятии НАТО решений как в настоящее время, так и в будущем.

Евросоюз предпринял практические меры по созданию европейских вооруженных сил, однако создание оборонительных сил Европы проходит в обстановке сохранения Атлантического пакта и при наличии его руководящего положения. Совершенно очевидно, что проблемы безопасности затрагивают государственный суверенитет. В позициях Германии, Франции, Англии и нейтральных стран по вопросу создания сил европейской обороны имеются расхождения, геополитические стратегические интересы стран-участниц в краткие сроки трудно скоординировать, всем странам Евросоюза предстоит преодолеть трудности, связанные с расходами на оборону. Помимо этого, создание независимой оборонительной системы Евросоюза испытывает на себе влияние отношений, сложившихся в треугольнике США-Европа-Россия, ограничение поставленных перед Европой в деле создания объединения сил обороны со стороны США также не могут быть проигнорировано.

Зависимость Евросоюза от НАТО при создании собственных сил обороны трудно устранить в короткие сроки. В этом деле Евросоюзу предстоит пройти нелегкий путь. В настоящее время мир переживает переходный период и движется в направлении создания многополярной архитектоники. В целом дело мира и развития сегодня стоит перед серьезными вызовами и испытаниями.

Война в Косово дала возможность людям понять, что процесс перехода к многополярности не может проходить гладко. Однако многополярность в конечном итоге является главной тенденцией развития в мире. И хотя США, опираясь на свои превосходящие силы, могут задержать на какое-то время процесс перехода к многополярности, однако они не в состоянии остановить этот процесс.

Стремление к миру и развитию это общая задача, стоящая в XXI столетии перед всеми странами мира.

Литература

Ежегодник СИПРИ за 2001 г. М., 2001.

Козин В. Кремль и НАТО: перспективы взаимодействия // Международная жизнь. 2000. № 4.

Россия и Китай в новом миропорядке XXI века. М., 2001.

Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 1999.

Шелепин М. Равная безопасность для стран ОБСЕ // Международная жизнь. 2000. № 4.

Глава 3.

Эволюция концепции безопасности на Среднем Востоке (Иран, Афганистан, Турция)

Иран, Афганистан и Турция всегда, по крайней мере, начиная с XIX в., являлись объектом международной, в том числе силовой, политики. Существовало множество тайных и открытых договоров между великими державами о разделе сфер влияния или предполагаемой аннексии территорий стран Среднего Востока. В качестве примеров можно привести англо-российский договор 1907 г. о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете; англо-российско-французское соглашение 1915 г. о передаче Черноморских проливов России после окончания Первой мировой войны; Севрский договор 1920 г. между державами Антанты, согласно которому Турция, как государство, должна была прекратить свое существование; признание великими державами раздела Афганистана по итогам второй англо-афганской войны и тп. В последующие годы мало что изменилось. После победы кемалистов в Турции и аннулирования Севрского договора Франция отказывалась, вплоть до 1939 г., передать Турции Алексацтретскую область, а Англия сделала все, чтобы ей не достался богатый нефтью Мосульский район, ныне «де юре» принадлежащий Ираку. В 1941 г. СССР совместно с Англией вторгся на территорию Ирана и до 1946 г. оккупировал его северные районы. Советский Союз находился на грани войны с Турцией в 1945 г., и Турция смогла избежать вторжения только благодаря тому, что вовремя заявила США о готовности следовать в фарватере их политики и таким образом обрела могущественного союзника.

О советском вторжении в Афганистан написано много, и оценка этому событию дана давно. До наших дней остается неразрешимым кризис во взаимоотношениях США с Ираном, начало которому положила антишахская революция в этой стране. да и между собой страны Среднего Востока не всегда уживались мирно. Пограничные и территориальные проблемы, религиозная нетерпимость, борьба за водные ресурсы и т.п. довольно часто приводили эти страны к вооруженным столкновениям и военно-политическим кризисам. Отсюда понятно, что проблема национальной безопасности всегда занимала ведущее место во внешней политике стран Среднего Востока. Вместе с тем подход к проблеме безопасности в этих странах существенно менялся вместе с меняющимся миром и развитием международных отношений. В целом же страны Среднего Востока не отличаются от других государств и в своей внешней политике учитывают три уровня безопасности: глобальную, региональную и двустороннюю, или межстрановую. При этом приоритетность в подходах к каждому из указанных уровней безопасности менялась на протяжении XIX—XX столетий. до Первой мировой войны на первое место выступали вопросы глобальной безопасности, так как европейские державы отказывались рассматривать слаборазвитые страны, в том числе страны Среднего Востока, в качестве субъектов международных отношений, и, в основном, применяли в отношении них силу для решения тех или иных мировых или двусторонних проблем. В том случае, когда одной из влиятельных европейских держав удавалось навязать той или иной независимой восточной стране (в тот период, в отличие от большинства восточных государств, Иран, Афганистан и Османская Турция являлись формально независимыми) кабальный договор, другие, как правило, проявляли солидарность, а по возможности сами пытались распространить на себя положения такого договора, шла ли речь об

установлении капитуляционного режима, предоставлении концессий или о разделе сфер влияния. При этом страны Среднего Востока мало что могли противопоставить европейскому натиску, не имея необходимых финансовых, технических и военных возможностей.

После Первой мировой войны ситуация в мире существенно меняется. В России происходит революция, которая декларирует новые принципы международных отношений, в частности, отказ от тайной дипломатии и аннексии чужих территорий. В США президент Вудро Вильсон публикует свои известные «14 пунктов», в которых давалась схема послевоенного устройства мира и, в частности, содержался призыв к отказу от колониальной экспансии великих держав, декларировалось право на самоопределение малых народов и создание ими своих государств, предлагалось создать «общество свободных наций» в целях предоставления «взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности большим и малым государствам». В 1919 г. создается первая в истории организация по поддержанию мира — Лига Наций и все независимые государства Востока становятся ее членами. Ст. 10 Устава Лиги предусматривала коллективный отпор агрессору. Еще в большей степени сдерживающие коллективную агрессию, в том числе против малых стран, инструменты появились в Уставе и практической деятельности Организации Объединенных Наций после Второй мировой войны. Таким образом, в межвоенный период возможности для коллективной агрессии крупных держав против малых независимых восточных стран стали значительно более ограниченными. Известно, то между двумя мировыми войнами противостоящие альянсы крупнейших европейских держав не только не ставили задачу завоевания независимых стран Среднего Востока, но и пытались втянуть их в военные действия на своей стороне, гарантируя помощь в военное время, и решение их социально-экономических проблем после окончания мировой войны. Так, гитлеровская Германия создавала мусульманские батальоны из добровольцев, прибывавших из Турции, Ирана, Индии и других стран, а сам А. Гитлер в своей книге «Майн Кампф» заявил о едином происхождении немецких арийцев и персов, отнеся таким образом последних к высшей расе. С другой стороны, на конференции глав союзных государств в Тегеране в 1943 г. была принята специальная декларация, гарантирующая Ирану помощь и поддержку союзников. Аналогичные действия и заявления предпринимались в этот период великими державами также в отношении Турции и Афганистана.

Вместе с тем в данный период усилилась опасность вторжения на территорию стран Среднего Востока со стороны соседних пограничных государств и отдельных мировых держав по причине нерешенности территориальных проблем или как результат крена той или иной средневосточной страны в сторону одного из противоборствующих альянсов. Примерами такого рода могут быть столкновения между Ираном и Афганистаном по рекам Гильменд и Герируд из-за неурегулированности водной проблемы, споры вокруг территорий, примыкающих к Герату (до сих пор ирано-афганская граница практически не демаркирована и обозначают ее в считанных местах лишь несколько пограничных и таможенных постов), ирано-иракские споры по поводу принадлежности реки Шагг-эль Араб и примыкающих к ней территорий, турецко-иракские споры по вопросу о принадлежности Мосульского района и тп. Что касается угрозы со стороны отдельных великих держав, то попытки оказывать давление на страны Среднего Востока предпринимались в межвоенный период как Германией, так и СССР и Англией. Германия шантажировала страны Среднего Востока действительной или мнимой угрозой, которая исходила от Советского Союза и Англии и добивалась для себя всяческих экономических и политических льгот в этих странах. Англия в эти годы проявляла особую заботу о своих нефтяных интересах и, по сути, вела дело к аннексии нефтеносных районов на территории Ирана. СССР, озабоченный дрейфом средневосточных государств в направлении стран «оси», заявляя о невыполнении ими заключенных в двадцатые годы договоров о дружбе с СССР, постоянно накалял обстановку, направляя ноты протеста правительствам этих стран и готовя варианты вторжения на их территорию. Учитывая сложившуюся накануне Второй мировой войны обстановку, страны Среднего Востока сделали единственно правильный выбор — объявили о своем полном в ней нейтралитете. Это позволило им минимизировать потери от мировой бойни и на последних этапах войны плавно перейти на сторону победителей. В то же время можно

отметить один очень интересный момент во взаимоотношениях самих государств Среднего Востока накануне Второй мировой войны. В 1937 г., видя приближение военной угрозы, они впервые в истории восточных государств предприняли попытку создать региональный политический блок, получивший название Саадабадский пакт, не включив туда представителей ни одной из европейских держав.

Саадабадский пакт предусматривал ненападение, уважение существующих границ и взаимные консультации в случае внешней угрозы. Создание такой независимой региональной организации не устраивало заинтересованные великие державы, и Англия с СССР предприняли официальные демарши против деятельности такой организации. Организационная, финансовая и военная слабость Пакта была очевидна, а недовольство великих держав могло вылиться в новую угрозу безопасности средневосточных стран, поэтому, просуществовав несколько месяцев, эта региональная организация свернула свою деятельность, по сути, так и не приняв ни одного официального решения. Однако факт осознания уже в то время странами Среднего Востока возможности создания коллективной безопасности в регионе представляется достаточно знаменательным. После Второй мировой войны США и их европейские союзники переиграли Советский Союз на средневосточном поле, заявив о полном уважении суверенитета и независимости этих стран и о готовности оказать всю возможную материальную и финансовую помощь для восстановления и развития их экономик.

США и Англия немедленно после капитуляции Германии вывели свои войска из Ирана. США выселили Ирану ряд кредитов и направили в эту страну экономическую миссию, возглавляемую известным специалистом в области экономики слаборазвитых стран А. Мильспо. Еще ранее для реорганизации иранской армии прибыла миссия генерала Шварцкопфа.

Турция, как известно, получила финансовую помощь в размере нескольких сотен миллионов долларов по 4 пункту доктрины Трумена и плану Маршала.

С Афганистаном США подписали соглашение о создании т.н. Гильмендского проекта, который должен был обеспечить орошение засушливых земель юго-западного Афганистана и резко повысить продуктивность сельского хозяйства в этом районе. В свою очередь СССР, впавший в эйфорию от своих военных побед во Второй мировой войне, продолжал оказывать, в основном силовое давление и даже шантаж в отношении своих южных соседей. Так, в 1945 г. газета «Правда» опубликовала статью двух грузинских ученых, в которой Турции фактически предъявлялся ультиматум. Накануне советское правительство в одностороннем порядке аннулировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. Угроза вторжения была снята лишь после того как в 1951 г. советское правительство заявило о том, что отказывается от каких-либо территориальных или иных претензий к Турции.

После окончания войны СССР задерживал вывод своих войск из Северного Ирана, одновременно поддерживая сепаратистские движения в Иранском Азербайджане и Курдистане, что создавало угрозу целостности и суверенитету этой страны.

В свою очередь Англия в момент провозглашения независимости Индии и Пакистана инспирировала референдум среди пуштунов, проживавших на территории бывшей колониальной Индии, об их самоопределении на территории одного из новых государственных образований, проигнорировав то, что пуштуны исконные жители Афганистана и их отрыв от исторической родины был осуществлен англичанами искусственно в конце XIX в. Таким образом, несколько миллионов пуштунов оказались за пределами своего государства.

Все это не могло не вызвать ответной реакции со стороны стран Среднего Востока, в результате чего Турция заявила о своем отходе от дружественной политики в отношении СССР и сближении с Западом, прежде всего с США, что чуть позже привело к участию Турции в Корейской войне на стороне США и Южной Кореи, а затем к вступлению в НАТО. Иран на первой же сессии Генеральной Ассамблеи ООН поставил вопрос о вмешательстве СССР во внутренние дела Ирана, а затем перенес этот вопрос на рассмотрение в международный суд в Гааге и в конечном счете настоял на объявлении СССР точного графика вывода своих войск с иранской территории. Вскоре Иран заявил о готовности вступить в военный блок

СЕНТО.

Таким образом, как Иран, так и Турция изменили свое отношение к вопросу об

обеспечении своей безопасности через политику полного нейтралитета и сочли за лучшее перейти под защиту ядерного «зонтика» США и их союзников, вступив в военно-политические блоки капиталистических стран. Афгани - стан отказался от этого после провала Гильмендского проекта и обнаружения фактов шпионажа сотрудников строительной компании «Мориссон Надсен» в пользу США, а также в связи с заявлением советского правительства о готовности оказать Афганистану финансовую и техническую помощь для завершения Гильмендского проекта и создания ряда других промышленных и технических объектов. Однако, несмотря на это, в Афганистане всегда сильны были настроения, особенно среди военной верхушки, пойти на сближение с западными блоками и гарантировать таким образом свою безопасность. Не исключено, что со временем эта группировка взяла бы верх и вошла бы на сближение с США, которые неоднократно заявляли, что любая широкомасштабная и, в особенности, военная помощь может быть предоставлена Афганистану лишь при условии вступления этой страны в СЕНТО, но помешал скандал, разразившийся в начале 60-х годов, когда из объединенного штаба СЕНТО произошла утечка информации, ставшая достоянием советских спецслужб, а затем и международной общественности, о том, что планами СЕНТО на случай начала Третьей мировой войны предусматривается превращение территорий по обе стороны советской южной границы в мертвую зону в результате применения оружия массового поражения, то есть упреждающие удары должны были быть нанесены в том числе во Территориям северного Ирана, Афганистана и южной Турции. Сложность ситуации состояла в том, что о наличии таких планов не были осведомлены главы государств, входящих в СЕНТО, что вызвало резкую реакцию, в частности, иранского шаха Мухаммеда Резы Пехлеви, который заявил, что никогда ракетно-ядерное оружие не появится на территории Ирана.

Реакция Турции была более сдержанной: поскольку к этому времени на ее территории уже были размещены американские оперативно-Тактические ядерные ракеты, нацеленные на СССР, а находившаяся у власти Демократическая партия, во имя дальнейшего сближения с США, готова была пойти на известные политические жертвы и уступки. Однако в 1960 г. в Турции происходит государственный военный переворот, в результате которого Демократическая партия отстраняется от власти. С этим событием совпадает подписание соглашения между СССР и США о разрешении Карибского кризиса, в соответствии с которым последние обязались в обмен на вывод советских ракет с Кубы вывести свои из Турции, что и произошло без постановки об этом в известность турецкого руководства. Такое отношение вызвало недовольство турецкого правительства, которое считало, что будучи членом НАТО может рассчитывать на большую доверительность. В последующем Турция пошла на известное сближение с СССР, а в конце 70-х годов не стала участвовать в переговорах о размещении ракет среднего радиуса действия в Европе.

В результате всех этих событий Афганистан окончательно утвердился в нежелании присоединяться к каким-либо блокам.

Постепенно у руководителей всех трех стран Среднего Востока начала укрепляться мысль о необходимости обеспечения региональной безопасности и создании региональных союзов. Начиная с 70-х годов особую настойчивость в этом отношении проявил иранский монарх. Поводом стало решение Великобритании вывести свои вооруженные силы из зоны Персидского залива. По предварительной договоренности ее место должны были занять американские войска, но против этого неожиданно резко выступил шах, который заявил, что у стран Персидского залива достаточно сил для того, чтобы выполнить эту задачу самим. Поскольку соседние арабские страны, хотя и не возражали, но и не проявляли никакой активности, шах взял курс на резкое усиление иранских вооруженных сил, закупая у США, в какой-то степени и у СССР, новейшее оружие и готовя свою армию к роли «жандарма» Персидского залива. Вскоре для этого предоставилась и первая возможность. В Договорном Омане началась вооруженная борьба оппозиции против режима султана Кабуса и шах принимает решение направить туда свои войска. Этот шаг укрепил позиции Ирана среди консервативных арабских режимов, хотя и не привел к созданию какого-либо регионального союза.

Активная военная политика шаха в регионе обеспечила ему лидерство среди других государств этого района и позволила решить в свою пользу некоторые территориальные проблемы. Так, Иран присоединил к себе спорные острова Большой и Малый Томб и Абу

Мусса, контролирующие выход из Персидского залива в Аравийское море. В 1975 г. он вынудил Ирак подписать договор о территориальном разграничении в районе реки Шатт-эль Араб, что позднее стало одной из причин девятилетней войны между Ираном и Ираком. В этот период происходили определенные подвижки в вопросе создания региональных союзов между тремя странами Среднего Востока. Так, в 1965 г. была создана Организация регионального сотрудничества ради развития, в которую вошли Иран, Пакистан и Турция. Данная организация не имела военной направленности, но предусматривала консультации руководителей трех стран по всем вопросам, представляющим взаимный интерес.

В 1977 г. иранский шах во время встречи с афганским президентом М. Даудом заявил о готовности предоставить Афганистану льготный кредит в размере 2 млрд долл., в том числе и на цели модернизации афганской армии. дальнейшее развитие этого процесса прервала исламская революция в Иране. Однако в последующем некоторые направления регионального сотрудничества были восстановлены и даже расширены. Так, в 1990 г. вместо распущенной Организации регионального сотрудничества ради развития создается Организация экономического сотрудничества, куда наряду с ее учредителями в последующем вошли Азербайджан и среднеазиатские республики, образовавшиеся после распада СССР. Нынешнее иранское руководство предпринимает также усилия по укреплению исламской солидарности трех средневосточных стран, хотя в последние годы это становится все более проблематичным, так как Турция отказывается вести об этом официальные переговоры, а Афганистан после прихода к власти талибов резко сократил контакты с иранским правительством.

Таким образом, несмотря на все предпринимаемые усилия, проблема безопасности стран Среднего Востока остается сегодня под вопросом, и хотя Турция является членом НАТО и имеет от этой организации соответствующие гарантии, ее отношения с европейским миром становятся все более напряженными, а стремление стать полноправным членом Европейского союза достаточно эфемерным. Иран и Афганистан вообще оказались в серьезной политической изоляции, что в ближайшие годы грозит им новыми проблемами в области обеспечения своей безопасности.

Литература

Афганистан. Война и проблемы мира. М., 1996.

Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.

Исламская революция в Иране: Прошлое, настоящее, будущее. М., 1999.

Исламская республика Иран в 90-е годы. М., 1999.

Турция между Европой и Азией. М., 2001.

Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир. М., 1999.

Глава 4.

Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии

Южная Азия — геополитический регион, состоящий из семи государств: Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шриланка, Бутан и Мальдивы. Это весьма компактный в географическом отношении ареал, состоящий из южной полуостровной части Евразийского материка с прилегающими к ней островами Индийского океана. На севере его естественными границами служат высочайшие горные цепи мира — Гималаи и Гиндукуш, а также пустынное Иранское нагорье. Известная географическая изолированность южной оконечности Евразии отразилась на ее исторической судьбе. На протяжении трех тысячелетий она являлась местом распространения своеобразной, в определенной степени оторванной от других очагов цивилизации, индоарийской культуры. Ее обособленность периодически нарушалась вторжениями людских масс с севера и северо-запада. Именно оттуда, главным образом, в начале прошлого тысячелетия проникло на субконтинент влияние сложившейся в пустынях Аравии иной религиозно-культурной системы — ислама. Нарушенная в результате этого однородность

отразилась на политических судьбах региона в XX в. Она оказалась подоплекой его геополитического раскола на две части — главную, индуистскую в своей основе, и периферийную, мусульманскую.

Более чем полувековое существование региона в политически разобщенном виде было отмечено значительной напряженностью в отношениях между двумя наиболее крупными государствами, олицетворяющими геополитический раскол — Индией и Пакистаном. Четыре раза, в 1947—1948, и дважды, в 1965 и в 1971 г., между ними происходили вооруженные конфликты. Последний из них завершился новым разделом на субконтиненте — образованием на месте восточной провинции Пакистана независимого государства Бангладеш. 80-е годы отличались неровными отношениями, взаимными обвинениями в поддержке и поощрении экстремистских и сепаратистских сил и контробвинениями в нарушении прав человека и подавлении движений за национальное самоопределение. Кроме того, возникали пограничные столкновения и кризисные ситуации, когда стороны, казалось, стояли на грани полномасштабной войны. Наряду с этим страны проявляли значительную дипломатическую активность, направленную на разрешение сложных проблем в двусторонних контактах и создание системы многостороннего сотрудничества в рамках Южно-Азиатского региона.

Десятилетие 90-х годов отличалось сохранением элементов конфликтности и компромисса в индийско-пакистанских отношениях. На передний план в этот период вышла перспектива обретения обоими государствами ядерного оружия и средств его доставки. В 1998 г. Индия и Пакистан превратились в ядерные державы: сначала Индия, а за ней Пакистан в мае провели серии подземных испытаний боевых ядерных устройств. Они также продвинулись в области производства ракет средней и меньшей дальности. Перспектива ядерного конфликта обеспокоила общественность как в самих южно-азиатских странах, так и за их пределами. Проблема региональной безопасности приобрела новые ракурсы и размеры. Из коллизии локального масштаба она превратилась в глобальную.

В чем суть разделяющих две страны споров и разногласий? Насколько реальна угроза военного и ядерного противостояния? Ответы на эти ключевые вопросы отличаются сложностью и многоплановостью. Они выводят на проблемы внутривосточной борьбы в обоих государствах, психологии масс и правящих элит. Огромен к тому же объем накопившейся литературы и многообразие высказанных точек зрения. Здесь мы коснемся лишь двух аспектов обширной темы: спора вокруг Каш-мира и конфликта интересов в ядерной области, не претендуя при этом на полноту и исчерпывающий анализ.

Кашмирский конфликт

Его возникновение относится к 1947 г., когда происходил поспешный уход английских колонизаторов из Индии. План предоставления ей независимости после продолжительного и трудного политического торга приобрел форму образования в Индостане двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана. Создание последнего как страны, где мусульмане составляли большинство населения, было осуществлено в основном путем отделения от Индии трех провинций (Синда, Северо-Западной пограничной и Белуджистана) и раздела, по решению английского судьи С. Редклиффа, Пенджаба и Бенгалии на индийскую и пакистанскую части.

Две трети территории колониального Индостана, где проживала пятая часть жителей, принадлежали т.н. индийским княжествам, признававшим верховную власть английской короны, чьим представителем был вице-король Индии. В соответствии с Актом об индийской независимости, принятым английским парламентом 18 июля 1947 г., княжествам предоставлялась полная свобода, т.е. корона снимала с себя всякую ответственность за них. Опираясь на принятое Палатой князей еще в мае 1946 г. решение, последний вице-король лорд Маунтбегген призвал правителей княжеств воспользоваться предоставленной свободой только с одной целью — добровольно присоединиться к одному из двух учреждаемых Актом о независимости доминионов. При этом он просил их учесть интересы своих подданных и географический фактор, с тем чтобы их решение не нарушило территориальной компактности новых государственных образований.

Одним из крупнейших по территории (более 200 тыс. км²) и значительных по населению

(4 млн человек) было самое северное княжество Джамму и Кашмир. Оно появилось в 1846 г. по окончании первой англо-сикхской войны в результате сделки, заключенной англичанами с индусом из касты раджпутовдогра Гулаб Сингхом, наместником сикхских правителей в северопенджабской области Джамму. Получив за 7,5 млн руггий в придачу к Джамму Кашмир, Г. Сингх стал первым владельцем княжества, в состав которого к тому времени уже входил буддистско-тибетский район Ладакха (Малый Тибет) и мусульманотибетский Балтистан, а впоследствии был включен, на правах вассальной зависимости, ряд наследственных владений (княжеств) области Гилгит. В формальной зависимости от правителя Джамму и Кашмира с конца XIX в. находилось и пограничное с Афганистаном пуштунское княжество Читрал.

Судьба княжества Джамму и Кашмир решалась в сложной борьбе, развернувшейся после принятого 3 июня 1947 г. плана раздела Индии на два доминиона. Владелец княжества махараджа Хари Сингх (правнук Гулаб Сингха) не пользовался популярностью в княжестве. Еще в начале 30-х годов он столкнулся с оппозицией и прибег к репрессиям. В 1947 г. лидер наиболее влиятельной партии — Национальная конференция — Шейх Абдулла находился в тюрьме. Пытаясь удержать власть и зная о тесных контактах между Национальной конференцией и Индийским национальным конгрессом и личной симпатии Дж. Неру к Ш. Абдулле, махараджа не торопился с принятием решения о присоединении к Индии. Несмотря на то, что свыше трех четвертей жителей княжества были мусульманами и в принципе должны были тяготеть к Пакистану, такое решение было возможным вследствие тесных связей Национальной конференции и лично Абдуллы с Дели. Другое условие Маунтбепена, территориальная общность, была обеспечена решением Редклиффа о разделе Пенджаба таким образом, что к Индии отходила часть округа Гурдаспур, прилегающая к княжеству.

Махараджа воспользовался предоставленным правом отложить на год решение вопроса о присоединении к одному из доминионов и заключил в середине августа 1947 г. соглашение

о сохранении на год статус-кво с правительством Пакистана. Индийское правительство отказалось подписать с ним такое же соглашение, хотя и не препятствовало его желанию выиграть время. Оно в то же время добилось от махараджи освобождения из тюрьмы Шейха Абдуллы и замены премьер-министра княжества.

Между тем, волна межобщинных столкновений, прокатившаяся по Пенджабу в августе-сентябре, докатилась и до южной части княжества. Беженцы индусы и сикхи — устремились с ее по-преимуществу мусульманских территорий (к западу от р. Джелам) в район Джамму (к востоку от нее). Власть махараджи оказалась слишком слабой для того, чтобы удержать контроль над разделенными горными хребтами и реками областями. В сентябре произошло успешное восстание против полицейских сил княжества в области Пунч и контроль перешел к проафганским силам Азад (свободного) Кашмира. Этим было положено начало расколу княжества на территории, подконтрольные Пакистану и Индии. В конце октября с пакистанской стороны в долину Кашмира вторглись ополчения пуштунских племен. Их быстрое продвижение в сторону столицы, города Сринагар, заставило Хари Сингха искать помощи у Дели и согласиться на присоединение княжества к Индии. Правительство доминиона совершило первую в истории субконтинента удачную операцию по переброске регулярных частей по воздуху. Высадившиеся в аэропорту Сринагара индийские (сикхские) подразделения остановили пуштунов и заставили их отступить. Почти вся область Кашмира осталась в руках Индии, но в расположенном к северу от нее агентстве Гилгит (с 1936 по лето 1947 г. оно находилось «в аренде» у англо-индийского правительства и управлялось политическим агентом) местные вооруженные силы (гилгитские скауты) и политически активные группы населения отказались подчиниться решению правителя княжества и объявили о намерении присоединиться к Пакистану. Тогда же правитель (мехтар) Читрала объявил о разрыве с отношений с махараджей и присоединении к Пакистану.

С конца октября 1947 г. начинается отсчет времени межгосударственного конфликта. Правительство Индийского Союза, возглавляемое Дж. Неру, в начале следующего месяца заявило о готовности провести в бывшем княжестве плебисцит — всенародное голосование по поводу его присоединения к Индии или Пакистану. 1 января 1948 г. Дели обратился в Совет безопасности ООН с жалобой на вооруженное вмешательство Пакистана в Кашмире. Это позволило образовать в том же месяце Комиссию ООН по

Индии и Пакистану, а затем назначить и специального представителя Генерального секретаря этой организации в качестве посредника с целью проведения плебисцида. Столкновения между индийскими и пакистанскими регулярными войсками, а также местными полицейскими и полувоенными формированиями участились весной (апрель-май) 1948 г., и несмотря на резолюции ООН (от 21 апреля и 13 августа) и призывы мировой общественности продолжались вплоть до самого конца года. 1 января 1949 г. Индия и Пакистан согласились на прекращение огня при контроле со стороны ООН. Резолюция последней от 5 января устанавливала необходимые для проведения плебисцита условия, а двустороннее соглашение, подписанное в июле 1949 г. в тогдашней столице Пакистана, Карачи, уточняло линию прекращения огня. Проведение плебисцита, между тем, откладывалось из-за невыполнения условий отвода войск (всех пакистанских и большей части индийских). Попытка международного посредника австралийского юриста О. Диксона найти выход из тупика с помощью предложения о проведении плебисцитов по регионам бывшего княжества или только в Кашмирской долине натолкнулась на нежелание властей как Дели, так и Карачи. Власть в индийской части джамму и Кашмира к тому времени перешла в руки Шейха Абдуллы, который питал надежды добиться максимума независимости для Кашмира, оставаясь в рамках индийской федерации.

В 1952—1954 гг. процесс интеграции индийской части бывшего княжества в состав Республики Индия был в основном завершен. Образованный штат джамму и Кашмир в соответствии со статьей 370 индийской конституции получил особый статус. Попытки Пакистана оспорить принятые решения не могли принести успех и были рассчитаны, главным образом, на пропагандистский эффект.

Разногласия Индии и Пакистана по глобальным вопросам, ставшие заметными с того же времени (нейтралитет дели и прозападная ориентация Карачи), превратили кашмирскую проблему в повод для противостояния не только двух стран, но и двух блоков во главе с СССР и США на международных форумах, прежде всего в ООН. В то же время Индия и Пакистан стремились укрепить свой контроль над отошедшими к ним территориями бывшего княжества. Основная часть населения (примерно три четверти) осталась в Индии, что привело к образованию в ней единственного штата с преобладанием мусульман. Впрочем, ислам в долине Кашмира носил по преимуществу синкретический характер и существенную роль для ее жителей играло осознание принадлежности к кашмирской культуре (кашмирият). Под контролем Пакистана оказалось около двух пятых территории бывшего княжества, имеющей стратегически важное значение (на стыке Афганистана, Памира и Синьцзяна). Находящиеся под юрисдикцией Пакистана районы в политико-административном отношении с самого начала состояли из Азад Кашмира, обладающего значительной внутренней автономией, и северных областей с центром в Гилгите, управляемых из федерального центра при признании временного, с международно-правовой точки зрения, окончательно не установленного статуса обеих областей, как и всего Джамму и Кашмира.

В 1965 г., спустя 12 лет после окончания первой, происходит вторая индийско-пакистанская война из-за Кашмира. Ей предшествовали провал переговоров между двумя государствами по Кашмиру, массовые беспорядки в индийской его части, распространение на штат статей 356 и 357 индийской конституции, позволяющих без одобрения местных законодателей вводить в нем президентское правление. Непосредственным инициатором обострения ситуации был Пакистан, чье руководство надеялось на восстание кашмирцев, которому должны были помочь переправленные через линию прекращения огня группы диверсантов. Конфликт в Кашмире, начавшийся в первые числа августа, Индия в начале сентября перенесла за его пределы, атаковав пакистанские силы на их территории и нарушив тем самым международно признанную границу. Спустя три недели боевые действия прекратились, не выявив существенного преимущества ни одной из сторон.

Попытка решить кашмирскую проблему силовым путем Пакистану не удалась, а через шесть лет, в декабре 1971 г., он уже оборонялся от наступающих индийских частей и уступил в Кашмире участки площадью около 750 км². Мирное соглашение, подписанное Индией и Пакистаном в Симле в июле 1972 г., закрепляло новую линию контроля. Другой уступкой, на которую пошел Пакистан при его подписании, было согласие на решение спорных вопросов на двусторонней основе, что, по мнению индийской стороны,

перечеркивало принятые в свое время резолюции ООН о проведении под международным контролем плебисцита в Кашмире.

Пакистан, впрочем, оставил для себя лазейку в тексте соглашения в виде оговорки о решении споров любыми иными способами по взаимному согласию, но вплоть до начала 80-х годов не будировал обсуждение на международной арене кашмирской темы. К этому не располагало и внутреннее положение в индийском штате, где с 1975 по 1982 г. у власти находилось правительство во главе с признанным лидером Шейхом Абдуллой. В 1977 г. там состоялись, по мнению многих наблюдателей, единственные в истории штата выборы, результаты которых не были подтасованы. Смерть Ш. Абдуллы в 1982 г. открыла новый этап политической нестабильности в штате. К этому с 1983 г. добавилась проблема контроля за ледником Сиачин, расположенном к северу от линии контроля в Кашмире. Отсутствие там демаркации вызвало споры о принадлежности подступов к леднику и периодические стычки между индийскими и пакистанскими частями.

Политический кризис в штате Джамму и Кашмир усилился после проведенных с грубыми нарушениями местных выборов 1987 г. Общеиндийские выборы 1989 г. принесли значительный успех силам индуистского коммунизма и осложнили межобщинные отношения в Кашмире. Охватившие долину Кашмира с конца 1989 г. массовые оппозиционные выступления были жестко подавлены властями штата и введенными в него регулярными войсками.

Осложнение ситуации в штате Джамму и Кашмир, прежде всего в центральной для него Кашмирской долине, отрицательно сказалось на отношениях между Индией и Пакистаном. Дели обвинил Исламабад в засылке диверсантов и террористов, а тот, в свою очередь, выступил с заявлениями о попрании прав человека и ограничении гражданских свобод. Пропагандистская война могла, вероятно, перерасти в вооруженный конфликт весной 1990 г., но опасность такого развития событий удалось отвести.

В целом, на протяжении двенадцати последних лет, на территории и штата продолжается вооруженное противостояние, которое принято ныне относить к конфликтам низкой интенсивности. За десятилетие с 1989 по 1999 г. там, согласно официальным индийским данным, погибло свыше 3 тыс, гражданских лиц и 6 тыс, было ранено. Введенные в штат армейские подразделения (раштрия райфлз — национальная пехота) потеряли убитыми около 1,5 тыс, человек, в то время как в ходе первой кашмирской войны 1947—1948 гг. было убито лишь чуть более тысячи индийских солдат. Противник, которым индийская сторона считает подготовленных пакистанской военной разведкой террористов, потерял убитыми почти 8 тыс, человек, а, по другим данным, к концу 1998 г. было убито более 10 тыс. мусульманских экстремистов и свыше 35 тыс, заключено под стражу.

Затяжной период индийско-пакистанского военно-политического противостояния в Кашмире периодически (особенно в летний сезон, с апреля по октябрь) принимает формы перестрелок и артиллерийских дуэлей на линии контроля, упорной борьбы регулярных индийских частей с проникшими на индийскую территорию отрядами диверсантов, которых, по убеждению индийской стороны, подготовили пакистанские спецслужбы, усилившие их своими солдатами и офицерами. Обострение обстановки происходило неоднократно — оно наблюдалось в августе-сентябре 1997 и, особенно сильное, в мае-июне 1999 г.

Последний кризис получил название Каргильского конфликта и приобрел черты прямой и жесткой конфронтации между вооруженными силами двух государств. В начале мая 1999 г. индийские пограничные части неожиданно обнаружили группировку противника на своей стороне линии контроля в Кашмире на северном отрезке, примыкающем к населенному пункту Каргил. Начались бои с применением авиации и артиллерии.

Пакистан, как и обычно, утверждал, что он лишь поддерживал действия проникших на индийскую территорию кашмирских «борцов за свободу», но вовлеченность в бои его регулярных частей несомненна. Несмотря на потерю нескольких боевых самолетов, индийским войскам удалось отгеснить группировку противника и восстановить контроль над стратегическими высотами. В начале июля Исламабад объявил о признании линии контроля неприкосновенной и отказе от поддержки перешедших ее муджахедов. К середине июля индийским частям удалось с боями восстановить полное господство над всеми участками своей территории в Кашмире и правительство Индии объявило о победоносном завершении военной кампании.

Характеризуя весь, более чем десятилетний, период кризиса, надо отметить, что в 1989—1992 гг. центр массовых выступлений находился в долине Кашмира и инициатива принадлежала оппозиционным силам, выступавшим с требованиями независимости от Индии. Ожесточенная борьба индийской армии и спецподразделений с вооруженными радикалами накалила межобщинную обстановку, вызван отток немусульманского населения из долины на юг, в район джамму. В 1993—1995 гг. властям с помощью армии, а также сил министерства внутренних дел и полиции удалось навести порядок в центральных районах штата. Массовая борьба оппозиции сходит на нет. Летом 1996 г. состоялись выборы в Законодательное собрание, после чего было образовано правительство во главе с сыном Шейха Абдуллы Фаруком (он уже возглавлял исполнительную власть в штате в 80-е годы). Антииндийская кампания принимает главным образом характер террористической активности и перемещается на окраины штата. Вместе с тем в долине Кашмира и столице штата Сринагаре функционируют оппозиционные партии и группы, объединившиеся в 1993 г. во Все-партийную конференцию свободы (хурриет). Власти неоднократно пытались добиться прогресса на переговорах с ними, но это ни к чему не приводило.

После Каргильского кризиса ситуация в Кашмире продолжала оставаться крайне напряженной: почти каждый день там совершались теракты, гибли люди. По наиболее распространенным оценкам, общее число жертв «кошмара в Кашмире», включая погибших мирных жителей, за 1989—2000 гг. составило 34 тыс. человек, увеличившись за два последних года почти на

5 тыс. В ходе борьбы с индийскими войсками и силами безопасности на передний план выдвинулись группы, сочетающие лозунги кашмирской независимости с идеологией исламского радикализма. В последние годы наиболее крупными отрядами боевиков располагают организации «Хмзбул-муджахедин», «Лашкар-и-тоиба» и «Харкат-ул-муджахедин». Все они принадлежат к числу экстремистски настроенных групп, пользующихся прямой поддержкой исламо-радикалистских партий Пакистана.

Индийские аналитики и некоторые официальные лица, впрочем, не отрицают того, что как бы велика ни была роль внешнего фактора, вызвать кризис без наличия внутренних причин невозможно. Поэтому они справедливо полагают, что необходимо коренное улучшение социально-экономической и политико-правовой обстановки в штате, чтобы укрепить доверие население и устранить причины его недовольства, служащего основанием для сепаратистских настроений.

В 2000 г. предпринимались усилия по нормализации обстановки в штате джамму и Кашмир и делались попытки приблизиться к разрешению спорной проблемы. Так, в апреле правительство Индии освободило из-под полугодичного заключения лидеров Всепартийной конференции свободы и вступило с ними в новые переговоры. В июле часть действующих в Каш-мире экстремистов объявило об одностороннем прекращении борьбы, но перемирие было вскоре нарушено. В конце ноября делегация заявила, что на время священного для мусульман месяца рамазан она прекращает антитеррористические операции.

Важной составляющей успеха является укрепление мер доверия в отношениях между Индией и Пакистаном. Индийская позиция традиционно заключалась в акценте на необходимость добиться общего потепления отношений и уже на этой базе решать спорные вопросы, включая кашмирский. Пакистан же ставил на первое место Кашмир и в зависимость от него дальнейшее развитие двусторонних связей.

Индийско-пакистанские контакты с середины 60-х годов стал осложнять еще один конфликт интересов — соревнование в сфере ядерного вооружения, разные подходы к этой проблеме и связанный с ней вопрос региональной безопасности.

Ядерное оружие

Известно, что появление атомного оружия было с тревогой и осуждением воспринято лидерами национально-освободительного движения в Индии. Махатма Ганди был потрясен взрывами над Хиросимой и Нагасаки и заявил о решимости бороться за международный запрет применения атомных бомб. Дж. Неру в качестве первого премьер-министра независимой Индии продолжил линию Ганди и выступил с инициативой всеобщего ядерного разоружения, запрета испытаний и приостановки производства расщепляющихся материалов. В 1957 г. он выразил уверенность, что Индия в будущем

ни при каких обстоятельствах не использует атомную энергию в разрушительных целях. В 1965 г. Индия предложила заключить Договор о запрете на распространение ядерного вооружения, в 1982 г. она представила на специальной сессии ООН Программу по разоружению, а в 1988 г. — План действий по созданию мирового порядка свободного от ядерного оружия и насилия. Наконец, в 1993 г. Индия наряду с другими странами вынесла на рассмотрение ООН резолюцию, призывающую к скорейшему полному запрету на производство материалов для боевых ядерных устройств. При этом она во всех случаях исходила из желательности только мирного использования атомной энергии и подчеркивала необходимость полного равноправия всех членов мирового сообщества в вопросах, касающихся процессов ядерного вооружения.

Именно этот последний принцип придал оттенок двойственности ядерной политике Дели. Индия отказалась присоединиться к Договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия на том основании, что он носит дискриминационный характер в отношении не имеющих его стран и устанавливает, тем самым, международный режим, закрепляющий деление на ядерные и неядерные государства. Хотя представители Дели активно участвовали в работе по выработке Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Индия в 1996 г. отказалась присоединиться к нему, настаивая на принятии ядерными державами обязательств ликвидировать оружие в определенные согласованные сроки.

Такая позиция Дели вызвала за пределами Индии непонимание и разочарование. Тем более, что речь шла об отношении к запрету на ядерные испытания страны, уже долго относившейся к категории <пороговых>, т.е. способных производить атомное оружие и перешагнуть через «ядерный порог».

Развитие атомной энергетики в Индии началось в 1948 г. с создания соответствующей государственной комиссии и научно-исследовательского центра в Тромбее. В 1963 г. вошла в строй действующих сооруженная с помощью США первая атомная электростанция в Тарапуре. Проведенное в 1964 г. Китаем ядерное испытание, воспринятое в Индии особенно болезненно после поражения в войне с ним в 1962 г., судя по всему, подтолкнуло ее руководство к поиску контрмер и в 1974 г. Дели провел свое испытание ядерного устройства, как было объявлено, «в мирных целях». В конце того десятилетия правительство Индии заявило об отказе развивать военную ядерную программу, но эффект от взрыва 1974 г. оказался не- устраним.

По закону цепной реакции в ядерную гонку в 70-х годах вступает Пакистан. Работы по использованию ядерной энергии

в мирных целях начались там в начале 50-х годов при содействии США. К концу 60-х годов завершается осуществленное с помощью Канады строительство первой и до сих пор единственной атомной электростанции близ Карачи. «Прорыв к бомбе» происходит в Пакистане на значительно более узкой, по сравнению с индийской, научно-технической базе, путем контрабандного заимствования технологий. Но уже в начале 80-х годов Пакистан становится обладателем потенциала ядерного оружия. В конце десятилетия его официальные представители открыто заявляют, что необходимо лишь «политическое решение», чтобы собрать и испытать бомбу. По одной из оценок, Пакистан уже тогда имел возможность произвести от 6 до 15 боезарядов.

Цепная реакция продолжала действовать. Индия, опираясь на свои силы, начинает форсировать ядерные разработки и накопление оружейного плутония. К середине 90-х годов, по оценкам ряда международных экспертов, она располагала 425 кг плутония, достаточного для производства 85 ядерных боезарядов. На тот момент Пакистан имел возможность, по тем же сведениям, сделать 15—25 ядерных устройств.

Пакистанская ядерная программа с первых шагов находилась под пристальным вниманием США. В 70—х годах их главным образом беспокоила вероятность появления в Пакистане «исламской бомбы», которая могла бы быть использована про- тив Израиля. В дальнейшем акцент озабоченности сместился на ситуацию в регионе. Индия к тому времени в значительной степени избавилась от прямой экономической зависимости от США (благодаря решению продовольственной проблемы) и возможности Вашингтона воздействовать на нее были ограниченными. С Пакистаном у США в 80-е годы установились отношения взаимозависимости из-за войны в Афганистане и американцам пришлось длительное время мириться с тем, что военное правительство в Исламабаде продолжало работы по созданию бомбы. Конгресс США в 1985 г. принял поправку

сенатора Пресслера к закону о предоставлении помощи иностранным государствам, требующую от президента подтверждать, что Пакистан не проводит работ в ядерной области. Пока в Афганистане сохранялось советское военное присутствие, президент давал такие заверения. Осенью 1990 г. его отказ сделать это привел к приостановлению военноэкономической помощи Исламабаду. В течение почти всего десятилетия Пакистан был лишен возможности закупать боевую технику в США и на Западе. Замороженными оказались, в частности, поставки 60 самолетов 1-16, способных нести ядерное оружие. Однако все это не остановило усилий Пакистана по его созданию. Решение США, кроме того, способствовало повышенному вниманию пакистанских военных к ракетам как носителям ядерных боезарядов. Первых успехов в ракетной области Пакистан добился в середине 90-х годов, когда успешно испытал ракету типа «Хатф» с радиусом действия до 200—300 км. В апреле 1998 г. Исламабад объявил о новом крупном успехе — испытании ракеты «Гхори среднего радиуса действия (до 1500 км).

Между тем, ситуация в Индии складывалась в 90-е годы благоприятно для сторонников решительных действий по превращению страны в признанную всеми мировую державу, обладающую в том числе и ядерным потенциалом. Еще в конце 1995 г. правительство П.В. Нарасимха Рао отдало распоряжение о подготовке к проведению ядерных испытаний, но в связи с тем, что сведения об этом просочились в печать и вызвали негативную реакцию в мире, оно в последний момент отказалось от такого намерения. В то же время, общественное мнение поддерживало элиту в стремлении продемонстрировать ядерные возможности страны. Это позволило влиятельной Бхаратия джаната парти (БДП) выдвинуть в ходе предвыборной кампании 1998 г. лозунг превращения Индии в ядерную державу. Возглавив в марте 1998 г. коалиционное правительство, руководство БДП уже в мае выполнило обещание, проведя пять подземных взрывов ядерных устройств. Индия, таким образом, фактически стала ядерной державой. К этому надо добавить ее сильно возросший военный потенциал. По численности вооруженных сил она находится на 4-м месте в мире, уступая лишь США, России и Китаю. За два последних десятилетия существенно возросла ее бронетанковая, военно-морская и военно-воздушная мощь. Индия превосходит Пакистан по этим показателям в два с половиной — три раза, имея перед ним естественные военно-тактические преимущества (большую глубину обороны). Закупки ею обычных вооружений современного типа продолжались и она вышла по этому показателю (около 5 млрд долл. за 1992—1996 гг.) на 9-е место в мире.

Немалых успехов добилась Индия в научно-технической области. Одна ее составляющая — это ядерная энергетика, созданная и создаваемая не без участия ряда иностранных партнеров, среди которых видное место занимает Россия, а другая — ракетно-космическая сфера. Выход в космос с помощью СССР индийского космонавта в 1984 г., запуски спутников земли в исследовательских и коммерческих целях осуществлялись наряду с непрекращавшимися усилиями сконструировать свои баллистические ракеты. Первые, правда, не слишком удачные, испытания ракеты средней дальности «Агни» прошли еще в 1994 г. Более успешно развивалась программа строительства тактических ракет «Притхви» (радиусом до 200—250 км). К 1997 г. они были поставлены на боевое дежурство вдоль границ с Пакистаном. Наконец, в марте 1999 г. Индия осуществила вполне удачный запуск ракеты «Агни».

На индийские ядерные испытания Пакистан после двухнедельной паузы ответил серией из шести подземных ядерных взрывов. Он также де-факто стал ядерной державой. Проигрывая Индии по всем другим военно-тактическим показателям, Пакистан сохраняет определенный паритет в ракетно-ядерной области. В подтверждение этого Исламабад вскоре после запуска «Агни» в 1999 г. провел еще одно успешное испытание ракеты «Гхори».

Гонка вооружений на субконтиненте, отягощенная эскалацией ракетно-ядерных военных технологий, представляет собой, безусловно, один из факторов угрожающих региональной, да и глобальной безопасности.

Итак, Индия и Пакистан походят друг на друга, несмотря на известные различия в социокультурной сфере. Долгое время многие наблюдатели считали их одной нацией, искусственно разделенной игрой политических сил. Действительно, этнический и культурный субстраты обоих государств в существенной степени совпадают. Этнолингвистические границы не определяют рубежи между ними, а пролегают по их

территории. Индия в этом плане распадается на индо-арийский север, дравидский юг и бетобирманский северо-восток, а Пакистан — на индо-арийский восток и иранский запад. Однако язык повседневного общения на южно-азиатском субконтиненте явно не играет главной роли в процессах национальной консолидации. Решающее значение имеют религия (с ее литературно-языковой формой) и история, тесно связанная с борьбой сил, олицетворяющих индуизм и ислам.

Происходившая на этой основе во второй половине XX в. национальная интеграция в рамках Индии и Пакистана привела к возникновению в Южной Азии регионального комплекса, который характеризуется взаимным отталкиванием и притяжением, тем, что английский политолог Б. Базен назвал отношениями «любви-ненависти», притяжения и неприятия. Сохранение или изменение баланса в этих отношениях будет зависеть от многих факторов, в частности, от того, насколько успешным окажется социальное и экономическое развитие обеих стран, в какую сторону станет эволюционировать их государственная система, какое место в ней займет военно-силовой блок.

Литература

Белокреницкий В. Исламский радикализм в Пакистане — эволюция и региональная роль // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм,

2000. 16.

Южная Азия: Конфликты и геополитика. М., 1999.

Глава 5.

Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного ряда»
(Центральная Азия)

В современных условиях, когда вероятность прямой военной агрессии против России объективно снижается, предотвращение или отражение нетрадиционных угроз занимают все более важное место в обеспечении безопасности государства. Помимо внутренних вызовов, способных привести к дестабилизации обстановки — кризисные явления в экономике, рост научно-технического отставания РФ от ведущих мировых держав, социальные проблемы, ухудшение состояния окружающей среды, конфликтные ситуации и сепаратистские настроения — реализация национальных интересов Российской Федерации непосредственно связана и с ситуацией в СНГ. Несмотря на то, что процессы интеграции в Содружестве идут медленно и крайне сложно (некоторые наблюдатели вообще склонны ставить их под вопрос), не вызывает сомнений факт сохраняющейся взаимозависимости республик бывшего СССР. Географическая близость, прозрачность

границ, специфика этно-национального состава, использование водных ресурсов все это увеличивает уязвимость России в случае развития негативных тенденций в СНГ, в частности в Центральной Азии (ЦА). Взрывы насилия, потоки наркотиков и оружия, терроризм, массовая миграция, экологическая деградация непосредственно затрагивают российскую национальную безопасность, вне зависимости от того, где возникают и зарождаются эти явления.

Безопасность России в регионе сталкивается с проблемами «нетрадиционного» ряда, для классификации которых представляется целесообразным использовать следующие определения:

Угрозы, т.е. явления в наибольшей степени опасные для РФ и способные нанести ей существенный урон. Они реализуются непосредственно в сфере безопасности и требуют немедленных активных действий по их нейтрализации, в том числе и силовых. К ним относятся терроризм, наркобизнес, рост организованной преступности.

Вызовы, под которыми понимаются явления, оказывающие воздействие на ситуацию в России, но главным образом обладающие дестабилизирующим потенциалом. Для ответа на них необходим, как правило, комплекс мер долгосрочного характера, включая экономические, политические, гуманитарные мероприятия. В данном контексте к категории вызовов можно отнести массовый приток иммигрантов, проблему беженцев.

Риски, т.е. побочные негативные результаты хозяйственной деятельности (нарушение экологического баланса, ухудшение ситуации в акватории морей, распространение различного рода заболеваний и т.п), для преодоления которых зачастую требуется внесение поправок в политическую и экономическую стратегию.

В целом, принимая во внимание угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда нельзя не отметить, что Россия сталкивается с довольно существенным ухудшением среды безопасности, обусловленным воздействием факторов глобального, регионального и местного характера, действовавших в течение 90-х годов на фоне общего ослабления российского государства, снижения уровня его возможностей и способности влиять на ситуацию.

Трудности, испытываемые Россией в нейтрализации угроз и вызовов «нетрадиционного» ряда, усугубляются ее тесной взаимозависимостью от других независимых государств ЦА, которым еще труднее найти нужные решения.

Угрозы

Наркобизнес. Одной из наиболее серьезных, если не самой серьезной угрозой для России в «нетрадиционном» ряду, является резкий рост потребления наркотиков, их незаконного производства и сбыта. Согласно данным МВД РФ, к началу 1996 г. число регулярных потребителей наркотиков в России, по сравнению с 1985 г., увеличилось на 100% более, чем вдвое и превысило 2 млн человек. По этим же данным, в 1996 г. в России пробовали наркотики 22—24 млн человек (т.е. шестая часть всего населения страны), 7—8 млн человек употребляли их эпизодически, а 2,1—2,3 млн человек — не менее раза в неделю. Особо тревожным является то, что большую часть потребителей наркотиков составляют подростки и молодежь. Только за первое полугодие 1996 г. число наркоманов этой возрастной категории, состоящих на учете, возросло с 90 до 130 тыс. человек, причем число несовершеннолетних среди них достигло 11,5 тыс. человек. Специалисты прогнозируют дальнейший рост незаконного оборота наркотиков в России, если только не будут приняты радикальные меры, для обеспечения эффективности которых требуется объединение усилий России и соседних государств и выделение на эти дела немалых средств. Можно с уверенностью предположить, что и то, и другое весьма проблематично. Каковы же причины столь резкого ухудшения ситуации, и какие факторы ему способствуют? Их можно, хотя и с немалой долей условности, разделить на внешние и внутренние.

Если начать с внешней сферы, то прежде всего следует отметить общий рост наркобизнеса в мире, близость России к мировым, центрам производства наркотических веществ и ее привлекательность не только как рынка их сбыта, но и как удобного транзитного пути для переправки наркотиков из этих центров в Европу. Россия, после распада СССР либерализовавшая и резко усилившая свои контакты с внешним миром и ослабившая контроль за своими границами (чему способствует и полупрозрачность

границ внутри СНГ), не может устоять перед мощным натиском на нее со стороны наркобизнеса.

Основных направлений этого натиска два: 1) из района «золотого треугольника» в Юго-Восточной Азии (Бирма, Лаос, Таиланд, а также и другие страны этого региона) через Дальний Восток; 2) из района Среднего Востока (Афганистан, Пакистан) через Центральную Азию и Закавказье. К традиционным производителям и перевозчикам наркотических веществ постоянно добавляются новые. В наркобизнес, к примеру, активно включились Вьетнам, в прибрежных водах которого перевозкой наркотиков занимается немалое число судов, и Камбоджа, столица которой Пном-Пень превратилась в один из мировых центров по «отмывке» денег, вырученных от продажи опиума, производимого в «золотом треугольнике». Через Вьетнам и Камбоджу проходит один из главных путей транзита героина. Наличие мощной вьетнамской диаспоры в различных странах мира (в США — более 1,5 млн), включая и Россию, облегчает наркодельцам из этой страны проведение операций по транзиту и сбыту наркотиков. Тайвань в 90-е годы резко увеличил потребление и транзит наркотических веществ, в этой стране началось нелегальное производство синтетических наркотиков. С 1993 г. там было обнаружено и ликвидировано более 30 подпольных фабрик.

В КНР, ранее практически не участвовавшей в мировом наркобизнесе и не потреблявшей значительного объема наркотических средств, в последние годы растет наркомания. Эта страна все больше вовлекается в преступный бизнес, в котором участвует и китайская диаспора в российских районах Дальнего Востока и Восточной Сибири. Стало известно, что в южных районах Китая растет число маковых плантаций, и появляются лаборатории по переработке опиума в героин.

Некоторая часть наркотиков из ЮВА идет в Россию не через Дальний Восток, а поступает сначала в Индию, а затем в ЦА, где границы с Россией более проницаемы, чем на Дальнем Востоке.

Для того чтобы приостановить поток наркотиков в Россию с южного и восточного направлений, недостаточно поставить заслон на ее границах, поскольку сделать их полностью непроницаемыми в силу целого ряда причин просто невозможно. Ожидать же падения производства наркотических веществ в азиатских государствах нереально, учитывая то, что оно сконцентрировано в странах, где имеются внутренние вооруженные конфликты и нестабильность (Бирма, Афганистан), где государство не способно контролировать ситуацию или слишком коррумпировано. Кроме того, наркобизнес является одним из наиболее прибыльных видов деятельности.

В нелегальном производстве и транзите наркотиков все больше участвуют государства ЦА. В этих странах государственные органы также не способны эффективно контролировать ситуацию, особенно в тех из них, где ведутся конфликты или сложилась нестабильная ситуация (к примеру, в Таджикистане). Мехман Гафарлы, обозреватель «Независимой газеты», писал, что в наркобизнес втянуты «и представители правоохранительных органов, и пограничники, в том числе российские, и руководители местных администраций и, конечно, значительная часть населения». Дело осложняется тем, что сам наркобизнес активно используется в политических целях, в том числе для получения средств, необходимых для финансирования тех или иных видов деятельности (например, для закупок оружия), включая и дестабилизацию внутривосточной обстановки. По словам авторов одной из опубликованных в России работ по этому вопросу, «наркобизнес в странах СНГ теснейшим образом связан, с одной стороны, с преступным миром и организованными криминальными группировками, а с другой - с сепаратистскими экстремистскими движениями и их лидерами».

Таджикистан является одним из центров производства и транзита наркотиков (из Афганистана) в ЦА. Здесь выращивается опиумный мак и индийская конопля: причем районы, где расположены эти плантации, правительство не может контролировать. Естественно, что конфликт в этой республике и иммиграция тысяч таджиков в Афганистан способствовали росту наркобизнеса. По данным МВД РФ, ежегодно через территорию Таджикистана транспортировалось около 200 т различных наркотических веществ, что эквивалентно примерно 40% от всего объема их незаконного оборота в России. При этом органами правопорядка задерживается лишь небольшая часть из них. Весьма невысока эффективность в борьбе с транзитом наркотиков погранвойск РФ и Таджикистана. Так, по сообщению председателя Комитета по охране государственной

границы при правительстве Республики Таджикистан генерала Саиданнара Камолова, в первом полугодии 1997 г. на границе было перехвачено 700 кг наркотиков. Для сравнения можно указать, что в самой России в 1996 г. органами МВД, ФПС и таможенной службы было изъято около 50 т наркотических веществ.

Поток наркотиков из Таджикистана идет в Кыргызстан, где правительство не способно наладить контроль за путями их транспортировки. Кроме того, в самом Кыргызстане находятся огромные плантации индийской КОНОПЛИ И ОПИЙ1-иОГО мака. Кстати, еще в советское время здесь существовали хозяйства по выращиванию опийного мака для медицинских нужд, многие годы из кыргызского сырья производилось 16% морфина в мире. В Кыргызстане произрастает также дикорастущая эфедр, из которой в подпольных лабораториях изготавливают эфедрин.

Из Кыргызстана наркотические вещества как в виде сырья, так и в виде готовой продукции отправляются в государства ЦА, а также в Россию и другие государства СНГ. Не уступает Кыргызстану и Туркменистан, где существует давняя традиция потребления наркотиков как местного производства, так и ввезенных с территории Афганистана и Ирана. Здесь отмечается бурный рост площадей плантаций опийного мака на орошаемых землях в Каракумах. Вплоть до последнего времени из Туркменистана вывозилось лишь наркотическое сырье, сейчас растет объем переработки сырья на месте.

Крупной базой по производству, переработке и транспортировке наркотиков является и Казахстан. Здесь опийный мак произрастает на значительных территориях в естественных условиях (в основном в Южном Казахстане), растут и индийская конопля, эфедр. Через Казахстан, так же как и через российский Дальний Восток, идет поток наркотических средств из Китая. По сведениям МВД РФ, 93% марихуаны на российский наркотический рынок поступает из Казахстана, а 5% гашиша и 7% опия имеют либо казахстанское происхождение, либо достаются через территорию Казахстана. Почти 7 тыс. км казахстанско-российской границы остаются почти полностью прозрачными, и проблем с перевозкой на этом участке у наркодельцов нет.

Что же касается внутренних причин и факторов роста потребления и сбыта наркотиков в России, то здесь помимо универсальных для всех стран явлений следует назвать острый финансово-экономический, социальный и духовный кризис, переживаемый населением страны, безработицу. Отмеченные кризисные явления во многом связаны со сложными и противоречивыми процессами распада тоталитарной системы и свойственной ей экономики и становлением новой, во многом непривычной для массового сознания системы общественных отношений.

К внутренним причинам можно также отнести слабость государственного аппарата и, в частности, правоохранительных органов, коррупцию и организованную преступность, благоприятные природногеографические условия, наличие некон трюлируемых территорий или зон конфликтов. Распространению наркотиков в России вообще способствовали войны и межэтнические конфликты. Первая мощная наркотическая волна обрушилась на Россию во время войны в Афганистане, вторая — во время и после гражданской войны в Таджикистане, третья — во время чеченской войны.

У российских властей не хватает возможностей для того, чтобы обуздать рост наркобизнеса и наркомании. В 1995— 1997 гг. в РФ действовала принятая правительством федеральная программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 1995— 1997 гг.». Однако ни один ее пункт не был выполнен, так как из 85,4 млрд рублей, которые предполагалось выделить на ее выполнение, не нашлось ни одного. Программа на 1998— 2000 гг. требовала уже 500 млн рублей. Вместе с тем в результате мер по противодействию наркобизнесу за 1997 г. в России было пресечено на 90% больше правонарушений, чем в 1996 г., что в абсолютном выражении составляет более 180 тыс. преступлений по хранению, сбыту, принуждению к употреблению наркотических препаратов и контрабанде наркотиков. Россия также активизирует двустороннее и многостороннее сотрудничество с зарубежными государствами, в том числе в рамках СНГ, а также с международными организациями в борьбе с наркобизнесом, надеясь при этом на оказание ей международного содействия. Все три основных пути транспортировки наркотиков в Россию — дальневосточный, центрально-азиатский и транскавказский — одновременно являются и путями, по которым наркотики начинают свое движение в Европу и Северную Америку. Поэтому проблема имеет и международный аспект.

В ближайшем будущем проблема наркомании и наркобизнеса грозит стать для России подлинной национальной бедой.

Терроризм и организованная преступность. В ЦА обострение ситуации в этой сфере связано с множеством причин, среди которых можно, в первую очередь, назвать общий социально-экономический кризис, конфликты, острую внутривнутриполитическую борьбу групп за передел собственности, резкое ослабление контроля государства, кризис в армии и других силовых структурах и тд. Важную роль играет и афганский фактор — фактический распад государства в Афганистане, усиление талибов, действующих под знаменами исламского экстремизма, способствовали тому, что в Афганистане возникли многочисленные базы боевиков. Осенью 1999 г. исламские боевики просочились на территории Кыргызстана и Узбекистана из Афганистана через Таджикистан. В Таджикистане, как известно, некоторые радикально настроенные полевые командиры отвергли политику национального примирения и сохранили свои позиции и влияние в горных укрытиях в Каратегине, Тавильдаре, джиргатале. С 1996 г. в этих районах, контролируемых таджикскими «непримиримыми», находили приют члены Исламского движения Узбекистана. Джума Намангани и Тахир Юлдашев в 1999 г. действовали, по мнению международных наблюдателей, из укрытий в Таджикистане. После боев их отряды отступили в Таджикистан и были прегтровождены таюкикскими властями в Афганистан, где они находят поддержку у руководства Северного альянса. После проведенной в Афганистане зимы боевики осенью 2000 г. вновь просочились в Таджикистан, а оттуда вновь двинулись в Кыргызстан и Узбекистан.

Нападения исламских экстремистов в августе—сентябре 2000 г. осуществлялись по схеме, опробованной осенью 1999 г., но с использованием новой тактики. Так, в Кыргызстане в прошлом году места боев и вооруженных столкновений находились на значительном удалении от таджикско-киргизской границы, а в этом году вооруженные действия велись почти на всем протяжении государственной границы, не выходя в целом за пределы пограничной полосы. Специалисты полагают, что операция на киргизском направлении была скорее отвлекающим маневром в условиях, когда основной целью боевиков стал Узбекистан. Они вторглись на территорию Узбекистана с трех основных направлений — Сурхандарьинская область (где велись основные бои), район Босталык к востоку от Ташкента и Андижанская область. Судя по всему, боевики пытались закрепиться на территориях и сохранить свое присутствие в Узбекистане и Кыргызстане, одновременно поддерживая связь со своими единомышленниками в Таджикистане и Афганистане.

Исламская оппозиция, радикальная и непримиримая, связанная тесными узами с международными исламистскими организациями и отдельными правительствами, сама принимающая все более интернациональный характер (среди боевиков Намангани воюют и чеченские экстремисты и арабы) представляет собой опасный дестабилизирующий фактор в ЦА.

Учитывая связь центрально-азиатских исламистов с боевиками в Чечне и роль Афганистана, терроризм, использующий исламские лозунги, представляет собой особую угрозу и для безопасности России.

Вызовы

Вынужденная миграция и беженцы. В иерархии вызовов безопасности России миграция из государств СНГ, в том числе из ЦА, может стать весьма существенным фактором. Рассматривать миграцию как негативное явление, особенно с учетом сравнительно быстрого сокращения населения РФ, нет оснований. Ощущается все большая потребность в притоке трудоспо собного населения, а иммигранты из стран СНГ отличаются, как правило, большим трудолюбием, отсутствием вредных привычек. Вместе с тем нельзя не учитывать болезненн и затяжную адаптацию вновь прибывших, перспективы избыточного давления на отдельные регионы РФ, где возможна наибольшая концентрация мигрантов, фрустрацию беженцев, рост кри ми - ногенной обстановки, конкуренцию с местным населением, появление дополнительных каналов для ввоза оружия и наркотиков.

В Федеральной миграционной программе на 1998—2000 гг. отмечалось: «Действующая в Российской Федерации законодательная база не дает в полной мере правового

обеспечения регулирования миграционных процессов, защиты прав мигрантов». Массовый отток специалистов, главным образом, из ряда республик ЦА чреват для них появлением дополнительных социально-экономических проблем, что косвенным образом может негативно сказаться и на ситуации в России. И, наконец, потеря русских в республиках региона — это неизбежное сужение сферы влияния России, дальнейшее сжатие единого информационно-культурного пространства.

Сценарии массового отъезда русских и русскоязычных в известной мере относились к странам ЦА, где складывается неблагоприятная ситуация для их дальнейшего пребывания. Образование на постсоветской территории этих новых независимых государств привело к резкому изменению положения данной группы населения. Одной из ее принципиальных особенностей является неинтегрированность в местное общество. Повсеместное незнание языка и обычаев в советские времена вовсе не являлось препятствием для сохранения особого статуса русского населения: (В дальнейшем мы будем использовать термин русское население, русские для обозначения мигрантов в Россию. В данном контексте он не имеет этнической коннотации).

Положение русских в республиках обеспечивалось прежде всего тем, что они занимали свою нишу в административной и производственной сфере, где местные кадры в то время, когда осуществлялась массовая миграция в республики ЦА, не могли конкурировать с мигрантами из России. Выравнивание социально-экономических показателей на всей территории СССР за счет ускоренного индустриального развития национальных окраин, строительство крупных предприятий, общая ускоренная модернизация требовали притока квалифицированных управленцев, производственников, врачей, учителей.

Для самих мигрантов из России Центральная Азия представляла весьма притягательное поле деятельности, исходя, прежде всего, из социально-экономических соображений. При более низком, чем в России, уровне потребления и цен их зарплаты по покупательной способности выглядели гораздо внушительней, чем на родине. Вновь прибывшие могли рассчитывать на хорошее жилье, на более престижный социальный статус, а также на весьма комфортные межэтнические отношения.

Самый большой приток русскоязычных в регион был в 50-е годы на волне индустриализации, когда высокая миграционная мобильность жителей России, Белоруссии и Украины объяснялась последствиями войны, обнищанием, стремлением в теплые края, где жизнь была неизмеримо дешевле и сытнее.

Ускоренная модернизация способствовала появлению местных квалифицированных кадров, но все же до середины 70-х годов русские сохраняли в экономике среднеазиатских стран свою нишу, не испытывая серьезного давления. Особое положение в местном обществе не только не создавало у них стремления к большей интеграции в него, но воспринималось как нечто само собой разумеющееся, как более высокая социально- культурная планка, до которой должно будет в будущем подтянуться местное население, находящееся под грузом местных традиций и отсталых представлений о жизни.

Такие настроения были характерны прежде всего для мигрантов, прибывших в НА на волне индустриализации (50—60-е годы). Они резко отличались от поселенцев, которые с конца XIX в. начали селиться на просторах Туркестанского края и которые, сохранив свою особость, не отделяли своей судьбы от судьбы местных народов.

Отсутствие у русских мигрантов побудительных мотивов приобщения к национальной культуре было связано не только с характером самой иммиграции и сферой их занятости, но и объяснялось более глубинными причинами: спецификой распределения населения ЦА в доиндустриальной и индустриальной цивилизациях. Российский специалист по проблемам региона С. Панарин писал: «Ареал первой цивилизации — это пространство модернизации: в нем получили развитие свободноустанавливаемые социальные связи, либеральные ценности, индивидуализм, светское мировосприятие, космополитические образцы культуры. Ареал второй — пространство традиции: в нем сильны наследственные социальные связи, патриархальные ценности, коллективизм, религиозное мировосприятие, этнические и субэтнические образцы культуры».

Русские мигранты, естественно, попадали в первый ареал, тяготевший к России, и в силу этого не ощущали серьезного этнокультурного дискомфорта.

Суверенизация республик региона сопровождалась поисками самоидентификации, в

рамках которых национальное руководство апеллировало к ценностям второго ареала, тем самым вольно или невольно изолируя русское население. Возрождение этничности, во всяком случае на первоначальном этапе, увязывалось с независимым развитием и приводило к подмене понятия национальное государство реальностью государства титульной нации. Поспешно принятые законы о национальном языке и гражданстве без учета полиэтничного состава этих государств наносили особенно чувствительный удар по инациональным гражданам, которые в новой ситуации уже не видели будущего для себя и своих детей.

Кроме того, в рамках независимых государств все отчетливее проявляются попытки господствующих группировок титульной нации обрести лидирующие позиции при разделе собственности и в ходе приватизации получить в свои руки основные рычаги власти и доходов. Для них серьезными конкурентами являются руководители крупных промышленных предприятий и технические специалисты — выходцы из России. Важнейшим побудительным мотивом к массовому отъезду русских, помимо этнического дискомфорта, стали конфликтные ситуации в отдельных государствах ЦА. Прямая угроза личной безопасности, перспектива утраты имущества и средств к существованию выталкивали массы беженцев за границы республик, в которых они жили долгие годы, вынуждая их искать пристанище в России.

Вместе с тем динамика эмиграции из ЦА свидетельствует о том, что события постсоветских лет при их несомненно мощном воздействии на масштабы миграции в Россию вовсе не являются единственными причинами нарастания ее положительного сальдо.

На самом деле тенденция к оттоку пришлого населения начала набирать обороты в 70-е годы. Это было связано с глубинными процессами развития региона. Среди них важное место занимают земельный вопрос и проблемы обеспечения водой.

Напряженное положение в сельском хозяйстве автоматически сокращало число занятых в нем, вело к росту цен на сельскохозяйственную продукцию, выталкивало свободное трудо- способное население в города, где оно размывало «ареал первой цивилизации», в котором русские привыкли чувствовать себя комфортно. Отток избыточного сельского населения в города (при нехватке плодородной земли, пастбищ и воды этот процесс набирает темпы) привел к тому, что города начали переполняться лицами трудоспособного возраста, которые не имели достаточной квалификации и не могли отыскать для себя работы. Это вело к появлению криминогенной ситуации, к росту националистических настроений, к попыткам найти виновных за сложившееся положение в среде чужаков, занявших все рабочие места.

Аналогичные для русских последствия вызывал демографический фактор. С 1959 г. население Узбекистана, Таджикистана

и Туркмении почти угроилось, а Киргизии увеличилось в

2,2 раза. Почти в той же мере увеличилась и его трудоспособная

часть. Резкий рост населения произошел не за счет увеличения рождаемости (она всегда была очень высокой в ЦА), а, главным образом, за счет снижения смертности. В результате возросло давление на рынок труда, ускорились процессы урбанизации, принявшие порой уродливый характер.

Социально-психологический дискомфорт, экономическая неопределенность, которые начали ощущать представители инационального населения в ЦА с середины 70-х годов, привели к его существенному оттоку, причем, что показательно, не связанному с конфликтами и постсоветскими потрясениями.

Эта тенденция, существенно ускорившаяся в последние годы, свидетельствует о том, что процесс оттока инационального населения из ЦА, прежде всего русских, является необратимым. Разумеется, потребность в высококвалифицированных кадрах по мере индустриального развития государств региона будет ощущаться всегда и вряд ли центральноазиатские государства смогут решить ее только за счет собственных ресурсов. Однако это будет означать скорее контрактную работу, на которую будут приглашаться отдельные специалисты (не обязательно из России и СНГ), чем новую массовую иммиграцию.

Динамика миграции из государств ЦА в Россию с середины 70-х годов, а также анализ общей ситуации в этих государствах заставляет многих исследователей прийти к выводу, что у русских нет будущего в центральноазиатских республиках, и что подавляющее

большинство уедет в Россию. К концу 1996 г. в Россию выехало 2,4 млн человек, из которых почти 70% из Центральной Азии (табл. 1).

Таблица 1

При наличии общих факторов, определяющих высокий уровень миграции из Центральной Азии в РФ, в каждой из центральноазиатских стран имеются свои особенности, влияющие на эмиграцию русских.

Миграция в Россию из Центральной Азии в 1989—1996 гг., Тыс. чел.

1990 г. 1991г. 1992 г. 1993 г. 1994 г. 1995 г. 1996 г.

Кыргызстан	5,4	21,2	17,7	49,8	86,7	56,5	18,2	10,4
Таджикистан	6,7	40,3	17,6	66,7	62,9	41,9	38,5	29,9
Туркменистан	4,6	5,1	4,5	12,0	6,8	17,4	17,2	21,5
Узбекистан	41,6	65,9	35,9	86,4	70,6	135,4	97,1	36,6
Казахстан	43,9	54,5	29,6	96,6	126,9	304,5		134,5

Главной причиной массового опока населения из Таджикистана (в основном представителей инонационального населения, но также и таджиков) стала гражданская война 1991—1992 гг. Структурный кризис в сочетании с традиционным межрегиональным соперничеством и с неподготовленностью страны к независимому развитию привели к острому межтаджикскому противостоянию. Первым серьезным сигналом к тому, что русские, являвшиеся наиболее многочисленной группой некоренного населения Таджикистана, доля которых в промышленности составляла 63% и была очень велика в сфере культуры, образования, здравоохранения, будут вынуждены покинуть Таджикистан стали погромы 1990 г. До этого антирусские настроения на бытовом уровне практически не проявлялись открыто (хотя трения во взаимоотношениях имелись с обеих сторон), но в целом, по оценке многих представителей русской диаспоры, межэтнические отношения в Таджикистане отличались большей терпимостью, чем в других среднеазиатских республиках. Выход на политическую арену националистических и исламистских партий и движений накануне войны резко изменил межэтнические отношения. По данным Федеральной миграционной службы России, из 388 тыс. славян, живших в Таджикистане в 1989 г., страну покинуло к концу апреля 1993 г. 300 тыс. человек.

Оггкок населения, не принадлежащего к титульной нации, а также многих представителей таджикской интеллигенции, воспитанных на русской культуре, линшл республику важного стабилизирующего фактора, имеющего особое значение в фрагментированном таджикском обществе, с характерной для него слабой национальной самоидентификацией и в условиях обострения отношений с местными узбеками, составляющими до 25% населения. Русские не были включены в межрегиональное и клановое соперничество, что отводило им роль своего рода баланса в сложных переплетениях взаимных претензий и меж- таджикского соперничества.

В Туркменистане русское население немногочисленно оно составляло всего 9,5 %, но при этом в силу своей занятости в промышленности на предприятиях нефтегазовой отрасли обеспечивало 95% республиканского бюджета. Их попытки выехать из Туркменистана обусловлены главным образом тяжелым социально-экономическим положением. Карточная система, недостаток продовольствия, низкая зарплата и отсутствие связей с селом, откуда можно было бы получать дополнительные продукты, ставили русских в тяжелое и неравное, по сравнению с туркменами, положение. Жесткий авторитарный режим решительно пресекает попытки политической самоорганизации русских. Власти всячески препятствовали выезду русских специалистов, все еще доминирующих в наукоемких отраслях. Были введены запрещения на продажу жилья, ограничения на вывоз имущества. Принудительный завышенный курс обмена маната на рубли порой не давал возможности даже приобрести билет на самолет.

В Узбекистане, несмотря на поддерживаемую президентом Каримовым стабильность, активизировался отток русского населения. В узбекском обществе, наиболее традиционном в ЦА и относительно этнически гомогенном, русские острее, чем в других республиках, почувствовали себя чужаками после обретения независимости. Одним из ведущих факторов отъезда из страны стало незнание узбекского языка, особенно в условиях, когда правительство Узбекистана содействует продвижению этнических

узбеков на руководящие посты. Трения в государственных отношениях Узбекистана с Россией также негативно отражаются на положении русских. Можно полагать, что активный рост местных квалифицированных кадров, курс на подготовку специалистов за границей станет дополнительным фактором их отъезда.

Основные причины массового отъезда русских из Кыргызстана мало отличались от общих для ЦА — введение киргизского языка в качестве единственного государственного давление на рынок рабочей силы со стороны растущего местного населения, активное вытеснение сельских жителей в города и их быстрая и опасная маргинализация. Вместе с тем важными факторами послужили антирусские выступления киргизской молодежи в 1991 г., не получившие соответствующего отпора правительства. Негативный демонстрационный эффект имел и кровавый конфликт в Оше между киргизами и узбеками, продемонстрировавший неспособность руководства предотвратить дестабилизацию обстановки и обеспечить безопасность людей. Массовый отъезд инационального населения и, прежде всего, славянского в 1993 г. едва не привел к катастрофе в экономике. С 1989 по 1993 г. страну покинуло более 460 тыс. человек: русские, татары, узбеки и таджики. Только в 1993 г. от 100 до 120 тыс. русскоязычных эмигрировали из республики.

Постепенно развеялись ультранационалистические настроения первых лет обретения независимости. Правительство приняло ряд мер по прекращению форсированного внедрения киргизского языка, был открыт Славянский университет. Иммиграция из Кыргызстана пошла на спад.

Пример Кыргызстана показал со всей очевидностью, что далеко не все республики могут позволить себе массовый отъезд русских, что экономическая необходимость будет в течение некоторого времени диктовать политику правительства по удержанию кадров, однако ее долгосрочность напрямую зависит от темпов подготовки собственных специалистов. Казахстан занимает особое место в системе российских геополитических интересов в СНГ. Он имеет самую протяженную границу с Россией (7 тыс. км) и самое большое русское население после Украины. По данным переписи 1989 г., русские составляли 37,8 % общего населения Казахстана, а русскоговорящие (украинцы, белорусы, немцы) еще 12,3%. Специфика ситуации заключалась в том, что казахи были в этом полиэтничном государстве в меньшинстве — 39,7%.

Наряду с дисперсным распределением русского населения в Казахстане, в отличие от остальных республик ЦА, имеется и его компактное поселение: территории нынешних северных, восточных и западных областей, где русские составляли подавляющее большинство.

В Казахстане русские, в отличие от других республик региона, не ощущали себя пришельцами. Этому способствовали следующие факторы: компактное поселение и исторические связи с «северными территориями»; пестрый этно-национальный состав населения; быстрое приобщение значительного числа казахов к русской культуре; слаборазвитая исламская традиция.

Поэтому именно русские в Казахстане наиболее остро восприняли изменение межэтнической ситуации после развала СССР. Оно нашло свое выражение в Конституции и законодательской базе РК, в практической политике его руководства, вынужденного учитывать националистические подходы, особенно характерные для населения южных областей. Отсюда

установление только за казахским языком статуса государственного (к моменту распада СССР им владело только 1% русскоязычного населения), провозглашение Казахстана государством «самоопределившейся казахской нации» и т.д. Для Казахстана вопрос об изменении этнического состава республики в пользу титульной нации стал одним из приоритетных. С ним казахстанское руководство связывало перспективу существования РК как унитарного государства, опасаясь роста сепаратистских настроений в населенных русскими областях. Более быстрый естественный прирост казахов и русская эмиграция привели к тому, что уже в 1994 г. казахи составляли 44,3%, а доля русских снизилась до 35,8% (табл. 2). «Казахизация» русских областей идет быстрыми темпами, включая назначения казахов на административные и хозяйственные посты, переименования городов с исконно русскими именами: Петропавловск — Кзылжар, Гурьев — Актау. Отмечая активное «наступление» казахстанских властей на территории с компактным русским населением, российский исследователь, занимавшийся проблемами российской

диаспоры, А.А. Языкова писала: «...в последние годы активно пошел процесс репатриации этнических казахов из Монголии и Китая, которых расселяют именно в северных областях, предоставляя им жилье за выездом русских или немцев, большими квотами (200 тыс, ежегодно) выезжающих в ФРГ или Россию. Как попытка «рассечения» русскоговорящих территорий и их дальнейшей ассимиляции была воспринята и инициатива Н. Назарбаева о переносе столицы Казахстана из Алма-Аты в Акмолу (бывший Акмолинск, а с 1961 г. целиноград)».

Анализ социально-экономической и политической обстановки в республике Казахстан в 1994 году. Информационно-аналитический бюллетень. 1995. I 7. Москва, ФМС РФ. С. 55. В условиях Казахстана политика нынешних властей по оттеснению русских на периферию социально-экономической сферы в принципе может стать источником серьезнейшего межэтнического противостояния. Привязка значительной части русского этноса в республике к определенным территориям создает особую ситуацию, когда дискриминация не может стать фактором простого выталкивания русских за пределы РК. Происходит радикализация требований русского населения, среди которых все определеннее ставится вопрос о федерализации Казахстана. Существенно накаляют обстановку в Казахстане выступления казачества. Надо отметить, что радикализм русских в этой республике находил поддержку у националистических сил в России. С точки зрения безопасности России дестабилизация ситуации в Казахстане явилась бы серьезнейшим вызовом. Внутренняя дестабилизация в Казахстане могла бы вызвать межэтнические конфликты этнических казахов и русских и стать серьезным вызовом для российского правительства в сфере политики, безопасности и экономики. У него вряд ли будет какой-либо выбор помимо вмешательства как в целях защиты проживающих там русских, так и предотвращения потенциального регионального конфликта у своего порога, на землях, которые многие в России считают традиционно русскими, — так считают многие аналитики. даже если межэтнический конфликт в Казахстане и не перерастет в кризисную стадию, тем не менее массовый отъезд русских из этой республики также создаст нежелательные последствия для России. Русские в Казахстане в силу своей многочисленности, специфики расселения и уровня политической самоорганизации являются важным элементом межгосударственных отношений, усиливают взаимозависимость Казахстана и России, обеспечивают особое место Казахстана в системе российских приоритетов в СНГ. Федеральной миг-рационной программой предусматривается увязывание «вопросов осуществления экономической, кредитно-финансовой и внешней политики в отношении государств — бывших республик СССР с защитой прав и интересов соотечественников, проживающих в этих государствах». В этом контексте «русский вопрос» может стать причиной трений в отношениях между Россией и Казахстаном.

Риски

Ухудшение ситуации в акватории морей. Резкое ухудшение среды безопасности произошло за годы, истекшие со времени распада СССР, в акватории морей, в которые имеет выход Россия. Этот процесс особенно остро ощущался на фоне утраты Россией (в сопоставлении с Советским Союзом) значительной части выходов во внешний мир. От Европы Россия теперь отделена поясом новых независимых государств (ННГ) (Украина, Беларусь, страны Балтии, Молдова), который по мере нарастания внутри СНГ центробежных тенденций все больше ощущается как препятствие, хотя в немалой мере должен рассматриваться и как полезный в плане безопасности буфер. Таким же поясом Россия отгорожена от бывших южных соседей СССР (Иран, Турция, Афганистан), и столь же неоднозначно значение этого фактора для безопасности РФ. В центрально-азиатском регионе можно говорить о двойном кордоне: из республик ЦА в целом, отделяющих Россию от «дальнего зарубежья» юга, и о Казахстане, отделяющем от нее другие республики ЦА.

При транзите товаров и, в особенности, нефти и газа в Европу Россия вынуждена использовать территорию ННГ, что сопряжено с рисками и потерями. Попытки России вписаться в новую сеть нефти и газопроводов, создаваемую в прикаспийско-закавказском регионе, сталкиваются с конкуренцией со стороны других государств, а оттеснение России от этой новой инфраструктуры может усилить ее изолированность. Этому же

может способствовать созданию всякого рода новых транспортных коридоров в обход России к югу и юго-западу от нее границ, что, однако, представляется неизбежным ввиду стремления ННГ этого региона преодолеть свою, гораздо более сильную, чем у России, замкнутость и избежать усиления зависимости от Москвы, в чем им охотно помогают многие новые партнеры.

Ощущаемая Россией геостратегическая замкнутость обостряет ее тревогу по поводу процессов, происходящих в ее морском пространстве. К области «нетрадиционных» угроз (рисков) здесь можно отнести: браконьерство и нарушение правил рыболовства (в том числе как со стороны граждан иностранных государств, зачастую незаконно ведущих ловлю в российских территориальных водах, так и российских браконьеров); загрязнение среды в результате хозяйственной деятельности как иностранных государств, так и российских субъектов хозяйствования; уменьшение рыбных запасов (в результате ухудшения экологической обстановки, нарушения норм вылова, браконьерства и т.д.); нехватку судов и трудности со снабжением горючим; организованную преступность в сфере рыболовства (прежде всего, неконтролируемый вылов российскими и нероссийскими судами рыбы и морепродуктов с их последующим сбытом, минуя легальные каналы); нехватку транспортных возможностей и недостаток пропускной способности портов, пиратство и т.п.

В соответствии с действующим законодательством охрану морских живых ресурсов осуществляют органы и войска ФПС, органы рыбоохраны и специализированные морские инспекции Госкомэкологии России. ФПС добилась передачи ей функций по координации деятельности всех российских служб, занимающихся охраной и контролем, на шельфе. Российское правительство пытается нейтрализовать рассмотренные выше риски с помощью целого ряда мер. В начале 1998 г. экспертный совет при правительстве РФ одобрил проект федеральной целевой программы «Мировой океан». Он включает в себя ряд государственных научно-технических программ, касающихся морской деятельности. Намечено сближение трех ее основных объектов — военно-морского флота, морского транспорта, рыболовного флота. Предложено, в частности, объединить морской и речной флоты, транспортные суда рыбной промышленности и судостроение, т.е. создать транспортно-промышленный комплекс.

Россия предпринимает также активные попытки добиться решения проблемы правового статуса Каспийского моря пятью прикаспийскими государствами, так чтобы в максимальной мере гарантировать экологическую безопасность этого бассейна и сохранение его биоресурсов и, прежде всего, запасов осетровых рыб.

По имеющимся данным, резко уменьшается число осетровых, пригодных для коммерческого использования. Так, если в 1970 г. в Каспии вылавливали 530 тыс. т рыбы, то в 1992—1996 гг. общий объем колебался от 190 до 250 тыс. т и при этом вес вылавливаемых осетров катастрофически падает (от 23 тыс. т в 1970 г. до 11—6 тыс. т в 1992—1996 гг.). Оптовая цена 1 т черной икры в зависимости от вида осетра составляет на мировом рынке от 180 тыс. до 600 тыс. американских долларов, а цена нефти от 80 до 110 американских долларов. Уникальную экосистему Каспия разрушает и сброс сточных вод и загрязняющих веществ: в 1996 г. их сброс в Каспийское море составил 1993 млн м³. Совместных усилий прикаспийских стран требует и поднятие уровня Каспия. Уже сейчас затоплено более 650 тыс. гектаров земли на территории Казахстана, примыкающей к Каспию. Предполагаемый подъем воды до отметки 25 метров затопит три миллиона гектаров пашни, поселки и города, индустриальные комплексы. В Азербайджане под угрозой находятся семь городов и 35 поселков с населением около 700 тыс. человек. Прямые потери от поднятия уровня воды в Каспии, по оценкам, составят 2 млрд долл. При этом разлившаяся вода несет с собой опасные для жизнедеятельности отходы. Правовой статус Каспия все еще остается предметом споров между прикаспийскими государствами. По признанию командующего морскими силами ФПС РФ И. Налетова, пока ФПС России «приходится исходить из того, что сегодня национальная юрисдикция каждого из прикаспийских государств ограничена береговой чертой. Следовательно, меры по пресечению браконьерства, контрабанды наркотиков и оружия на море могут предприниматься только в отношении собственных судов и граждан».

Все проблемы использования морей и находящихся в них ресурсов непосредственно связаны с отношениями России с другими государствами, в том числе и бывшими советскими республиками. даже в рамках СНГ еще не решена проблема разграничения и

на других морях. По словам одного из руководителей ФПС, большую тревогу вызывает в этом плане ситуация на Каспийском, Черном и Азовском морях.

Экологическая деградация. Проблемы, связанные с ухудшением окружающей среды в ЦА приобретают все более острый характер, тем более что государства этих регионов не располагают средствами для радикального улучшения обстановки. Вместе с тем круг рассматриваемых здесь вопросов имеет

лишь косвенное и опосредованное отношение к безопасности России. Проблемы нехватки питьевой воды, выброса отравляющих веществ, радиационного загрязнения и проч., действительно, составляют длинный ряд «нетрадиционных» рисков. Однако подобные риски прежде всего являются негативными побочными эффектами хозяйственной деятельности внутри самой России. Аналогичные процессы в ЦА пока не достигли таких масштабов, когда Россия может стать пострадавшей стороной. Краткое рассмотрение элементов экологической деградации в данном разделе обусловлено как допустимой возможностью их потенциального негативного влияния на экологическую ситуацию в Российской Федерации, так и перспективой дестабилизирующего воздействия на положение в государствах ЦА. Одной из наиболее болезненных проблем в рассматриваемых регионах является недостаток питьевой чистой ВОДЫ. Государства, переживающие тяжелый переходный период в экономике, вынуждены довольствоваться старым оборудованием для очистки воды, которое не способно удалить из нее все загрязнения и улучшить качество.

Тяжелое положение в этом плане сложилось в Таджикистане, где стали регулярными эпидемии тифа. Главной причиной является то, что правительство, не имея достаточных средств для очистки воды, было вынуждено отказаться от ее хлорирования. Жертвой сразу стали и дети и взрослые, не привыкшие соблюдать элементарные правила кипячения. Изношенное оборудование на водонасосных станциях, старые трубы также способствуют тому, что вода, поступающая в дома, фактически не пригодна к употреблению.

В Казахстане Министерство здравоохранения даже проводило специальные исследования влияния качества воды на заболеваемость населения. По его данным, каждый четвертый в Казахстане страдал респираторным заболеванием, поскольку потреблял некачественную питьевую воду.

для Казахстана самой болезненной экологической проблемой стал Арал: высыхание Аральского моря, засоление почв, возникновение мертвой зоны, к тому же отравленной в свое время пестицидами. Ожидаемая продолжительность жизни в прилегающих к Аральскому морю районах, где проживает около 10% населения Казахстана, составляет в настоящее не более 60 лет. Хотя экологическая катастрофа в зоне Арала является одной из самых серьезных экологических катастроф в мире и привлекает международное внимание, тем не менее предпринимаемые меры пока не привели к позитивным сдвигам. Захоронения радиационных отходов также чреваты высокой степенью риска. Например, в Кыргызстане имеются такого рода захоронения недалеко от границы с Узбекистаном. Помимо того, что они представляют угрозу здоровью населения самого Кыргызстана, узбекские эксперты неоднократно высказывали опасения, что весной во время паводка разлившиеся воды могут принести эти отходы в Узбекистан. Опасная радиационная обстановка сложилась и в Казахстане в зоне бывшего ядерного полигона под Семипалатинском.

В настоящее время в связи с сокращением промышленного производства в ЦА, закрытием ряда заводов уменьшились выбросы отравляющих веществ в атмосферу, однако это явление временное, ни в коем случае не продиктованное успешными действиями экологических ведомств.

Специфика экологических рисков состоит в том, что для их сдерживания требуются не только дорогостоящие мероприятия, но и внесение коррективов в стратегию хозяйственной деятельности, отказ от многих вредных производств или привычных способов ведения сельского хозяйства на основе большого количества пестицидов, выход на новые виды энергетического сырья, что представляет одну из серьезнейших мировых проблем. Учитывая очевидную неспособность пост-советских республик сдержать экологическую деградацию, МОУНО прийти к выводу о том, что в обозримой перспективе неизбежно возрастание роли и удельного веса экологических нетрадиционных рисков.

4так, анализ основных «нетрадиционных» угроз, вызовов и исков, с которыми сталкивается Россия в Центральной Азии показывает не только их серьезный прогрессирующий характер в настоящее время, но и весьма существенный потенциал. Противодействие как прямым, так и косвенным угрозам безопасности России предусматривает принятие мер на национальном уровне, в рамках СНГ, региональном и международном уровнях.

Для России это предполагает разработку комплексной стратегии, охватывающей практически все стороны жизни государства. Решение данной задачи достаточно сложно, учитывая характерное для Российской Федерации на современном этапе формирование групп интересов, лоббирующих группировок, ведомственных устремлений, оказывающих противоречивое воздействие на выработку политического курса. При этом процесс принятия решений остается негибким и затяжным.

И, наконец, сдерживание вызовов, угроз и рисков «нетрадиционного» ряда является высокочрезвычайным, а реальные ресурсы Российской Федерации остаются весьма ограниченными.

Еще более проблематичен вопрос о координации усилий по сдерживанию вызовов и угроз с государствами Центральной Азии. Как известно, они нередко воспринимают соответствующие предложения России как попытку ущемления их национального суверенитета. Даже силовые ведомства не всегда находят общий язык, несмотря на всеми признаваемую опасность терроризма и наркобизнеса. Вместе с тем сами государства региона часто не обладают возможностями для решения возникающих проблем собственными силами.

На региональном уровне имеются примеры и позитивного сотрудничества, например, Россия — Иран в урегулировании таджикского конфликта. В то же время в некоторых государствах региона имеются силы (не всегда контролируемые правительством), которые ведут деструктивную линию, осуществляя поддержку террористов, исламских экстремистов, что осложняет попытки совместного противодействия угрозам безопасности России.

На международном уровне Россия не всегда встречает понимание в осуществлении мероприятий, нацеленных на сдерживание «нетрадиционных» угроз. Например, не оправдались ее надежды на получение помощи международных организаций в борьбе с наркобизнесом и наркоманией.

В целом повышение значимости и удельного веса угроз, вызовов и рисков «нетрадиционного» ряда ставит перед российским правительством новые проблемы в сфере обеспечения безопасности страны. В перспективе это будет оказывать влияние на формирование и структуру ее вооруженных сил, на функции и состав других силовых ведомств, равно как и на разработку долгосрочной политики в отношении республик бывшего СССР, в частности, ЦА, где российские подходы до последнего времени отличались запоздалой реакцией на события, импульсивностью и противоречивостью.

Литература

Анализ социально-экономической и политической обстановки в республике Казахстан в 1994 году // Информационно-аналитический бюллетень. 1995. № 7. Москва, ФМС РФ.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1997 / Под общей редакцией проф. Ю. Федорова. М., 1997.

Миграции русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Вятковской. М., 1996.

Миграция и безопасность в России. М., 2000.

Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1996.

Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000.

Наркобизнес на юге России: политические аспекты. М., 1997.

Наркобизнес: новая угроза России с Востока. М., 1996.

Панарин С. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под редакцией Г. Вятковской. Научные доклады. Выпуск 11. М., 1996.

Постсоветская Центральная Азия — потери и приобретения. М.

1998.

Субботвна И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция. Русские в новом зарубежье. Киргизия. М., 1995.

Центральная Азия — новые тенденции в экономике. М., 1998.

Язькова А.А.. Российская диаспора в странах нового зарубежья (Казахстан, Латвия, Грузия). Проблемы и возможные пути их решения. М., 1996.

Глава 6.

АСЕАН и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в состав которой первоначально входили Индонезия, Малайзия, Сиапур, Таиланд и Филиппины, была основана в 1967 г. в Бангкоке.

Первый документ — декларация АСЕАН, или Бангкокская декларация, зафиксировавший появление на международной арене новой региональной социально-экономической организации, — был принят 8 августа 1967 г. на учредительной встрече министров иностранных дел ЮВА. Сингапурский исследователь Ли Шенг прямо подчеркивал, что рождение АСЕАН произошло... в результате желания пяти стран иметь и «коллективную безопасность».

Анализируя деятельность АСЕАН по обеспечению как внутри-асеановской, так и внешней безопасности ее можно условно разделить на три этапа:

1. С момента создания до официального придания ей политического характера в 1976 г.
2. От возникновения камбоджийской проблемы во второй половине 70-х годов до окончания холодной войны и распада социалистического содружества и СССР.
3. Постконфронтационный период 90-х годов в условиях однополярного мира.

На первом этапе уставными целями этой социально-экономической организации в области безопасности были заявлены:

укрепление мира и региональной стабильности, соблюдение принципа справедливости в международных отношениях и Устава ООН.

Подчеркивалось, что «иностранцы базы носят временный характер и сохраняются только с согласия заинтересованных стран и не должны быть использованы в ущерб национальной независимости и свободы государств региона или угрожать поступательному процессу их национального развития».

Основным стимулом для налаживания сотрудничества между странами субрегиона являлась проблема обеспечения политической стабильности и безопасности существовавших в них режимов. При этом она рассматривалась в двух аспектах — внутрирегиональном и внерегиональном. Регионализм был призван способствовать преодолению отчужденности между странами субрегиона, обусловленной

противоречиями и конфликтами, защитить от угроз как внутреннего, так и внешнего характера. Поэтому создание АСЕАН было попыткой сознательного преодоления сложившихся негативных стереотипов поведения стран ЮВА, поиском механизмов перехода от конфронтации к диалогу. Именно в данном контексте исследователь Л. Бузинский называет АСЕАН «продуктом внутрирегионального конфликта».

Жизнеспособность Ассоциации была подтверждена в ходе очередной вспышки филиппино-малазийского конфликта вокруг Сабаха в 1968 г., приведшего к временному разрыву дипотношений между Филиппинами и Малайзией, кровавым межэтническим столкновениям в Малайзии в 1969 г., что, в свою очередь, вызвало напряженность в сингапуро-малазийских отношениях, а также обострение территориальных споров между Малайзией и Таиландом.

Однако факторы, воздействовавшие на группировку извне — состояние «политического климата» в Азиатско-Тихоокеанском регионе тех лет и уровень напряженности в международных отношениях, оказались более значимыми, чем внутренние конфликты и противоречия. В самой идее асеановского регионализма отразилось прежде всего традиционное восприятие внешней среды как изначально враждебной интересам стран ЮВА, постоянного источника угрозы их стабильности и безопасности.

По мнению посла Малайзии в России Датунга Яхья Баба, АСЕАН образовалась в результате совпадения политических интересов и интересов безопасности стран-членов. Поэтому неудивительно, что с самого начала этим вопросам придавалось основное внимание.

Политика регионализма была направлена также и на выработку политической линии поведения, которая препятствовала бы втягиванию членов Ассоциации в конфликты внерегиональных государств, в сферы противоборства внешних сил и стала своеобразной формой изоляционизма в целях консолидации организации. Неслучайно АСЕАН была первой в Азии жизнеспособной региональной организацией, свободной от участия империалистических держав, создавшей такой механизм урегулирования противоречий, который бы снимал угрозу распада еще неокрепшей организации.

Антикоммунизм и отказ от участия в глобальном противоборстве двух систем стали основными идеологическими установками группировки. Премьер Сингапура Ли Куан Ю заявил:

«Наша солидарность объясняется общностью наших долгосрочных целей, которые сводятся к тому, чтобы ограничить наш район от проникновения коммунистов и соперничества великих держав». В этих условиях политическое сотрудничество в рамках Ассоциации началось с подавления пользовавшихся поддержкой Пекина партизанских движений в Индонезии, Малайзии, Таиланде. Вторым его ведущим направлением было коллективное противодействие внешней угрозе. Иначе говоря, уже в момент создания АСЕАН ее основатели рассматривали организацию не только как инструмент внутреннего экономического, культурного и социального сотрудничества, но и наделяли ее вполне определенными политическими функциями по обеспечению безопасности. Объективно АСЕАН заполнила вакуум безопасности, который образовался с уходом британских войск из ЮВА в рамках политики «к востоку от Суэца» и потерей американцами Индокитая в начале 70-х годов. Весь комплекс внутренних и внешних аспектов безопасности поставил страны АСЕАН перед необходимостью их осмысления и выработки на этой основе согласованных политических решений.

В поисках оптимального баланса в региональной и глобальной системах международных отношений, во взаимоотношениях с ведущими мировыми державами, определения степени сближения или дистанцирования от них АСЕАН на совещании министров иностранных дел в Куала-Лумпуре 27 ноября 1971 г. принимает Декларацию о зоне мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН) в ЮНА.

Хотя это еще нельзя назвать окончательно оформленной внешнеполитической концепцией Ассоциации, Декларация стала документом, принципиально отличающим АСЕАН от старых военно-политических блоков начала «холодной войны». Концепция ЗОПФАН, например, предусматривала создание системы отношений на трех уровнях: субрегиональном, региональном, глобально-региональном. Идея зоны мира предполагала установление такого регионального порядка, при котором стало бы возможным мирное сосуществование всех государств ЮВА, независимо от их политико-

экономических систем. Она нацеливала страны-участницы на избавление ЮВА от международной напряженности и достижение там прочного мира при обеспечении за каждой из них права на «существование, свободное от вмешательства извне». Государства Ассоциации обязались предпринимать усилия к признанию ЗОПФАН мировым сообществом.

Концепция предусматривала необходимость гарантий нейтрализации ЮВА со стороны великих держав — США, СССР, Китая; обязательность для всех расположенных здесь государств придерживаться политики невмешательства в соперничество великих держав и исключения самого такого соперничества из региона.

В ЗОПФАН страны АСЕАН выразили стремление самим решать свою судьбу, противостоять интервенции внешних сил в регионе и способствовать развитию между государствами ЮВА разностороннего Сотрудничества. Однако, в этом документе не упоминалось ни о путях и методах Создания, ни о механизме действия ЗОПФАН. Поскольку судьба самой малазийской идеи напрямую зависела от втянутых в «холодную войну» позиций великих держав, обрекая тем самым страны АСЕАН на «пассивность» Индонезия предложила свою собственную «активную» концепцию национальной и региональной сопротивляемости», смысл которой заключался в опоре на силы участников группировки.

Национальная сопротивляемость, согласно трактовке ее авторов, складывалась из идеологической неуязвимости, предполагающей успешное противодействие любой враждебной пропаганде; политической мощи, опирающейся на внутреннюю стабильность и активную внешнюю политику; экономического потенциала, обеспечиваемого высоким жизненным уровнем и наличием крупной культурной мощи, тождественной национальной самобытности и военной силы, достаточной для отражения внешних и внутренних угроз. Основные принципы «национальной сопротивляемости» Индонезия проецировала на региональный уровень («региональная сопротивляемость») отводя АСЕАН роль механизма по созданию геостратегической среды, благоприятной для укрепления безопасности и стабильности в каждом из государств АСЕАН. По мнению индонезийских идеологов, достижение национальной сопротивляемости в каждой из стран АСЕАН создаст «региональную сопротивляемость» которая выгодно отличается от нейтрализации ЮВА, так как не зависит от обязательств других государств и будет, Следовательно, автоматически способствовать обеспечению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, В Джакарте сделали акцент на использовании тактики «равной удаленности от великих держав», что в сочетании с коллективными усилиями членов АСЕАН по обеспечению безопасности в регионе, по их мнению, в большей степени, чем Ориентация на американскую поддержку, способно гарантировать национальную безопасность.

Итак, политические проблемы и вопросы безопасности оттеснили потенциально наиболее слабый экономический аспект интеграции в деятельности АСЕАН на второй план. С самого начала она возникла как субрегиональная организация, объединившая страны-участницы на базе проблемы национальной безопасности, несмотря на официальные декларации о первостепенном значении экономического и социально-культурного сотрудничества.

К середине 70-х годов ситуация в регионе ЮВА резко изменилась. В 1973 г. закончилась война в Индокитае, сократилось Военное присутствие США в ЮВА (переход к политике «низкого уровня»), начался процесс объединения Вьетнама; в Лаосе и Камбодже в 1975 г. к власти пришли левые режимы. Такие перемены однозначно воспринимались как изменение баланса сил в пользу СССР или Китая. В этих условиях в конце февраля 1976 г. на о. Бали (Индонезия) состоялось первое совещание глав государств и правительств Ассоциации.

Проведение первой встречи на высшем уровне диктовалось необходимостью дать оценку новой ситуации в ЮНА, подвести итоги начального развития Ассоциации, выработать новую стратегию и тактику. Были приняты «Декларация согласия» и «Договор о дружбе. и сотрудничестве» в Юго-Восточной Азии, которые стали договорно-правовой базой Ассоциации.

«Декларация согласия» содержала программу действий в различных сферах сотрудничества: политической, экономической, социальной, культурной и в деле обеспечения безопасности. В ней подчеркивалось, что:

1. Стабильность в каждой стране АСЕАН является гарантом международной стабильности и безопасности. Каждая страна региона должна исключить угрозу своей стабильности, укрепляя, тем самым, как свои национальные позиции, так и позиции АСЕАН в целом.

2. Страны-участницы, индивидуально и сообща, должны предпринимать активные шаги для учреждения зоны мира, свободы и нейтралитета.

3. Страны-участницы в духе асеановской солидарности должны опираться исключительно на мирные пути решения внутрорегиональных конфликтов.

В «Договоре о дружбе и сотрудничестве» большой акцент делался на внутрорегиональном сотрудничестве и принципах, определяющих взаимоотношения стран региона, а также процедурах мирного урегулирования спорных проблем:

1. Взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности каждой страны.

2. Невмешательство во внутренние дела друг друга.

3. Урегулирование разногласий и споров только мирным путем.

4. Отказ от применения силы или угрозы ее использования.

5. Эффективное сотрудничество друг с другом.

Договор отличается преимущественным вниманием к внешнеполитической стороне деятельности Ассоциации. Он объявлялся открытым для подписания любым государством ЮВА. АСЕАН заняла прагматическую, неконфронтационную позицию в отношении Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи, вставших на путь социалистических преобразований.

В условиях внешнеполитических реалий середины 70-х годов обстоятельства принуждали страны Ассоциации

заявить о расширении между ними политического сотрудничества.

В «Декларации согласия» наряду с утверждением приверженности АСЕАН идее ЗОПФАН выдвигался принцип укрепления национальной и региональной сопротивляемости, который в практическом плане стал основополагающим в асеановской концепции безопасности. В ней, в частности, подчеркивалось, что стабильность в отдельных странах АСЕАН и регионе вносит «существенный вклад в обеспечение международного мира и безопасности». Каждая страна-член Ассоциации, принимая меры по ликвидации внутренних угроз, «укрепляет национальную и региональную сопротивляемость».

В «Договоре о дружбе и сотрудничестве» в Юго-Восточной Азии кратко сформулированы сущность и цели региональной сопротивляемости. Он ориентировал членов Ассоциации на разностороннее сотрудничество для содействия региональной сопротивляемости, основанной на принципах опоры на собственные силы, взаимного уважения, взаимодействия и солидарности, образующих фундамент сильного и жизнеспособного сообщества государств в Юго-Восточной Азии.

Общность подходов ко многим аспектам национальной безопасности, несомненно, способствовала признанию индонезийской доктрины в качестве официальной концепции АСЕАН в ходе Балийской встречи в верхах.

Специальное положение Декларации выводило сотрудничество между странами-членами Ассоциации в военной области за рамки АСЕАН, подтверждая, тем самым, ее роль как политико-экономической региональной организации, лишенной какой бы то ни было милитаристской направленности. Кроме того, принятая формулировка оставляла возможность поиска новых организационных форм военного сотрудничества. Оно осуществлялось по линии обмена разведывательной и военной информацией, стандартизации вооружений, кооперации строительства военных предприятий, проведения совместных учений и боевых операций против повстанцев, совместного пограничного патрулирования территориальных вод и т.п. Ограниченный уровень военных связей на двусторонней основе в целом устраивал асеановцев.

Таким образом, первое десятилетие свидетельствовало о том, что в момент создания АСЕАН и в первые годы ее функционирования основной акцент делался на преодоление противоречий и урегулирование конфликтов между партнерами по Ассоциации ради выживания самой группировки.

Как отмечает российский исследователь Г. Чуфрин, нарушить хрупкий мир между пятью членами АСЕАН могли и многочисленные взаимные претензии и противоречия территориального, экономического, этнического, конфессионального

и иного характера. Поэтому не случайно, что на первом этапе политическая деятельность АСЕАН была сконцентрирована главным образом на максимальном понижении уровня конфликтности в регионе и выработке взаимоприемлемых механизмов по предотвращению возникновения новых взрывоопасных ситуаций.

В политическом плане, пережив за годы своего существования многочисленные кризисы, Ассоциация помогла своим участникам избежать или выйти из затяжных военных конфликтов, сотрясавших ЮВА в послевоенные годы. В оценке внешних угроз наблюдалось единство: на первый план выдвигалась угроза со стороны китайского коммунизма и поддерживаемых Пекином антиправительственных сил. Большое влияние на такую их позицию оказали объединение Вьетнама, развал СЕАТО и ярко проявившаяся ограниченность военно-политических возможностей США.

Специфика развития АСЕАН в первое 10-летие заключалась не столько в ее экономической интеграции, сколько в смещении акцентов в ее деятельности с социально-экономического на политический и проблемы безопасности.

АСЕАН постепенно превращалась в весомый элемент обеспечения стабильности и безопасности в ЮВА, однако сложно не согласиться с утверждением английского исследователя

Э. Груве, что специфической особенностью Ассоциации являлось то, что она была нацелена не на решение проблем как таковых, а скорее на создание такой региональной обстановки, в которой бы эти проблемы или не возникали, или же их можно было бы легко избегать либо справляться с ними.

Второй этап — меры по обеспечению безопасности как реакция Ассоциации на события в Индокитае и камбоджийскую проблему.

На рубеже 70—80-х годов основную консолидирующую роль играл внешний фактор — кризисная ситуация в регионе, сложившаяся вокруг камбоджийской проблемы, которая приобрела характер долгосрочного конфликта. Страны АСЕАН в ходе визита премьер-министра Фам Ван Донга отказались подписать предложенные вьетнамской стороной договоры о мире и дружбе, продемонстрирован единый подход к СРВ.

Внешнеполитические сдвиги конца 70-х годов — принятие СРВ в СЭВ, подписание договора с СССР осенью 1978 г. и последовавший за этим ввод вьетнамских войск в Камбоджу, расценивались в странах АСЕАН как нарушение стратегического баланса сил в регионе.

События в Кампучии, приведшие к свержению диктатуры Пол Пота асеановцы восприняли крайне болезненно. Тесные связи Ассоциации с Западом, и прежде всего с США, которые поддержали китайское руководство, привели к тому, что страны АСЕАН официально не выступили с осуждением КНР за развязанную в феврале 1979 г. агрессию против Вьетнама. Заявления о «строгом нейтралитете» фактически сводились к тому, что агрессора и его жертву оценивали одинаково, что реально означало молчаливое потворство пекинским лидерам.

После ввода вьетнамских войск в Камбоджу и свержения режима Пол Пота в ЮВА появились две субрегиональные группировки. С одной стороны, оформился союз социалистических государств Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. С другой — в АСЕАН еще больше укрепилось политическое сотрудничество государств. В обще-асеановском подходе произошло смещение акцента с китайской угрозы на советскую и вьетнамскую. Прямое советское военное присутствие в ЮВА (на военной базе СРВ — Камрань), как фактор, укрепляющий военно-стратегические позиции СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и усиливающий военную мощь Вьетнама, безусловно, беспокоило АСЕАН. Основным акцент в советской угрозе делался на военном аспекте, поскольку СССР не имел в регионе серьезных экономических позиций.

С точки зрения АСЕАН, установление и развитие союзнических связей СССР с индокитайскими государствами, во-первых, вело к превращению региона в арену взрывоопасного противоборства между США и СССР, а, во-вторых, увеличивало возможности не менее опасной конфронтации «двух коммунистических гигантов» — СССР и Китая. Взаимодействие составляющих основных стратегических треугольников США — СССР и КНР, с одной стороны, и СРВ — СССР — КНР — с другой, сформировало комплекс именно тех внешних факторов, реакция на которые концентрировалась в асеановских усилиях в сфере безопасности. Тем не менее в новых условиях в начале 80-х годов трактовка основных положений концепции ЗОПФАН не подвергалась

значительным изменениям по сравнению с началом 70-х годов. Идея ЗОПФАН была направлена на достижение трех главных целей: формирование структуры отношений между государствами-членами АСЕАН в соответствии с заключенным ими в 1976 г. «договором о дружбе и сотрудничестве»; налаживание отношений между Ассоциацией и тремя индокитайскими государствами в соответствии с принципами мирного сосуществования; создание структуры отношений региональных государств с великими державами — США, СССР, КНР и Японией, допускающей их сбалансированное присутствие в ЮВА и исключающей вмешательство в дела стран региона.

Однако реализация концепции сдерживалась наличием противоречий между Ассоциацией и тремя индокитайскими государствами: СРВ, Кампучией и ЛНДР, без участия которых претворение в жизнь идеи «зоны мира» было практически нереальным. Поэтому идея ЗОПАН отодвинулась на второй план, а концепция «национальной и региональной сопротивляемости» стала доминирующей в усилиях по обеспечению безопасности в ЮВА.

Внутри АСЕАН существовали различные точки зрения по вопросам, касающимся внешней политики и региональной безопасности, начали складываться элементы общей инфраструктуры региона. Формально вне рамок, а фактически под эгидой АСЕАН усиливалось военное взаимодействие членов Ассоциации. В этой связи профессор Мичиганского университета Р.Файфилд писал, что «АСЕАН косвенно способствует развитию военных связей, что делает партнеров в некоторых отношениях союзниками де-факто». В свою очередь, президент Филиппин Маркос признавал, что «объединенная система обороны» неофициально существует в форме «координации оборонных усилий». Несмотря на нажим Вашингтона, подталкивавшего асеановцев к превращению Ассоциации в военный блок, они исходили из того, что образование военного союза в зоне АСЕАН неизбежно привело бы к углублению конфронтации со странами Восточного Индокитая, созданию взрывоопасной ситуации в регионе, дискредитировало бы идею нейтрализации ЮВА. Однако лидерами АСЕАН цель сотрудничества в области безопасности представлялась как установление такого регионального порядка, который способствовал бы минимизации или полному устранению возможной угрозы безопасности в отдельных странах и регионе в целом, как определенная пассивность в «холодной войне». Президент Сингапура Ли Куан Ю заявлял, что с «коммунистическим влиянием» целесообразнее бороться экономическим, политическим и социальным путем, поднимая уровень жизни народов стран АСЕАН, а не создавая новые военные блоки». В результате в условиях острой напряженности в ЮВА лидеры АСЕАН придерживались принципа автономизации субрегиона с целью дальнейшей консолидации Ассоциации. Концепция «национальной и региональной сопротивляемости» предполагала всемерное укрепление военно-оборонных потенциалов отдельных стран, позволяла им развивать военное сотрудничество между ассоциированными государствами и не только на двусторонней основе, однако без заключения формального военного пакта, то есть превращения АСЕАН в военный союз. Лидеры стран АСЕАН пришли к выводу, что «ведущей оборонной проблемой является не создание регионального военного союза, а укрепление вооруженных сил каждой из стран АСЕАН».

По подсчетам Лоцдонского международного института стратегических исследований, на цели обороны стран АСЕАН уже в 1983 г. было выделено 8 млрд ДОЛЛ. США по сравнению с 5,5 МЛРД ДОЛЛ. в 1977—1980 гг.

Таким образом, АСЕАН, оставаясь политико-экономической организацией, проявила ярко выраженную тенденцию к военному сотрудничеству в достаточно ограниченной форме. Более того, сотрудничество асеановской «шестерки»* По камбоджийской проблеме стало ЯДРОМ политической консолидации АСЕАН. Внешняя политика АСЕАН осуществлялась и осуществляется в условиях сложной международной обстановки в Азии, которая характеризуется активной деятельностью различных по своим целям и направленности сил. Геополитический фактор на протяжении 70-х и 80-х гг. оказывал фактически решающее влияние на политические мотивы поведения АСЕАН.

В условиях продолжавшейся холодной войны АСЕАН умело использовала ее отрицательный заряд и набирала очки в своих отношениях с Западом. В период же разрядки и потепления международного климата в конце 80-х годов она не менее умело использовала их положительный заряд, взяв в свои руки инициативу камбоджийского урегулирования.

Со времени возникновения камбоджийской проблемы и в течение последующего десятилетия АСЕАН полностью исключала возможность силовых методов ее разрешения, выступая за мирное политическое урегулирование, а с конца 80-х годов стала одним из инициаторов и активным участником этого процесса на базе концепции ЗОПФАН. Возврат к концепции ЗОПФАН в определенной мере был связан и с новыми позитивными тенденциями в международных отношениях, наметившихся к концу 80-х годов, в частности улучшением советско-китайских отношений, а также сближением позиции США и СССР в ходе советско-американских контактов на высшем уровне. По мере прогресса в урегулировании камбоджийского вопроса вырисовывался и все более комплексный подход АСЕАН к проблемам безопасности. На третьей встрече в верхах по случаю 20-летия АСЕАН в Маниле в декабре 1987 г. впервые была сформулирована позиция Ассоциации по глобальным проблемам, а идея ЗОПФАН заняла в повестке дня место стратегической задачи. При этом упор был сделан на продвижении идеи создания в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия (ЭСЯО), которая объявлялась составным элементом концепции «зоны мира». В Манильскую декларацию был включен специальный параграф, который гласит, что «АСЕАН интенсифицирует усилия

* В 1984 г. в АСЕАН был принят Бруней.

по скорейшему созданию в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия, включая продолжение рассмотрения всех аспектов, относящихся к созданию такой зоны и соответствующего инструмента ее осуществления».

Малайзия, выступившая инициатором, взяла на себя обязательство разработать проект договора, руководствуясь образцом заключенного в 1986 г. «договора о безъядерной зоне в южной части Тихого океана», известного как договор Раротонга.

В Маниле также был подписан Протокол поправок к «Договору о дружбе и сотрудничестве» в Юго-Восточной Азии, согласно которому странам за пределами АСЕАН также предоставлялась возможность присоединиться к Договору. Тем самым был сделан важный шаг в направлении признания важности взаимодействия с внеасеановскими силами для поддержания стабильности в субрегионе. Прежде всего это был жест в сторону стран Восточного Индокитая, открывший новые возможности для асеановских антагонистов — СРВ, НРК и НДРЛ, после урегулирования камбоджийской проблемы ставших участниками процесса региональной интеграции.

Конфликт между АСЕАН и тремя государствами Индокитая, если убрать его глобальный межсистемный аспект, не был по настоящему глубок. В 80-х годах не существовало больших различий в трактовке этими двумя группами государств региона концепции «зоны мира» в ЮВА. Оба предложения базировались на принципах Устава ООН и других известных международных документах. Однако в отличие от асеановцев, руководители Вьетнама, Лаоса и Кампучии постоянно заявляли о своей поддержке стремления государств ЮВА не только к миру, свободе и нейтралитету, но и к независимости (ЗОПФАН и ЗОП ИФАН), что, однако, не препятствовало сближению позиций сторон. Новой формой решения проблем безопасности в ЮВА в ходе окончания «холодной войны» стали так называемые джакартские конференции по Камбодже. АСЕАН и негласно лидировавшая в ней Индонезия не хотели упускать инициативу в установлении субрегионального мира. Основания для таких намерений имелись — великие державы традиционно не доверяли друг другу, а попытка Парижа взять на себя функции миротворца не встретила у них особой поддержки. Правда, Вашингтон, а вслед за ним и Китай прямо заявили, что будут следовать за АСЕАН в поисках выхода из камбоджийского кризиса. Инициативы АСЕАН были поддержаны и СССР.

В конце 80-х — начале 90-х годов встречи в Джакарте с участием всех заинтересованных сторон позволили достичь взаимоприемлемого решения, реализация которого позволила снять камбоджийский вопрос с международной повестки дня, в ходе двух этапов Парижской конференции по Камбодже 1989 и 1991 г. в условиях завершившейся холодной войны.

Третий этап — период обеспечения региональной, в масштабах всей ЮВА, безопасности и превращения АСЕАН в иницирующей фактор создания системы безопасности в АТР. К началу 90-х годов Ассоциация представляла собой в геополитическом плане особую подсистему региона Юго-Восточной Азии. В тот период новые подходы к проблеме

обеспечения безопасности и стабильности зоны АСЕАН формировались, с одной стороны, в процессе социально-экономического развития этих стран по пути капиталистической модернизации, порождавшего множество сложных и нелегко решаемых проблем, с другой стороны, под воздействием изменившихся международно-политических условий как на региональном, так и на глобальном уровнях, вызванных прекращением холодной войны, урегулированием камбоджийской проблемы и распадом СССР.

В январе 1992 г., в год 25-летия Ассоциации, в Сингапуре состоялась четвертая встреча в верхах. Накануне конференции некоторые наблюдатели и аналитики высказывали мнение, что в свете изменений, происшедших на мировой арене в последние годы, проблема внешней угрозы для ассоциированных стран в значительной мере снимается. В условиях, когда камбоджийская проблема, которая консолидировала АСЕАН, утратила международное и региональное значения, Ассоциация, действовавшая прежде всего как политическая организация, может оказаться не у дел. Однако АСЕАН спокойно восприняла окончание холодной войны и крах двухполюсного мира потому, что ей удалось дистанцироваться от борьбы двух систем и, играть «свою игру».

Асеановцы считали, что присутствие в ЮВА внерегиональных государств неизбежно, взаимодействие с ними необходимо, при этом они всемерно стремились избегать втягивания в конфликты и, желая оставаться политико-экономической региональной организацией, не зависимой ни от одной из противоборствующих сторон, уже в 80-е годы избрали неординарную форму регулярных контактов с ними в форме диалоговой системы.

Что же касается внешней угрозы, обычно консолидирующей позиции стран АСЕАН, то она, по мнению лидеров Ассоциации, не исчезла, а лишь видоизменилась. Несмотря на то, что Россия в число потенциальных источников нестабильности в АТР уже не включалась и с учетом изменений в американских региональных приоритетах, выразившихся на практике в ликвидации баз на Филиппинах, считалось, что на авансцену в регионе вышел Китай.

В странах АСЕАН краткосрочные и среднесрочные перспективы сохранения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии оценивались в целом как достаточно благоприятные, за исключением района Южно-Китайского моря, что связывалось с позицией КНР.

Китай начал предъявлять все большие претензии на роль великой державы и лидера АТР, «скрывая это под маской поддержания конструктивного диалога», возлагая на себя особую ответственность за безопасность в Южно-Китайском море, как постоянный член Совета безопасности ООН.

В целом же, по мнению асеановских аналитиков, в ЮВА не существует прямой угрозы со стороны крупных региональных и внерегиональных держав. На более низком уровне конфликтности проблемы военно-политической безопасности касаются сферы двусторонних отношений между самими странами ЮНА. К таковым можно отнести взаимные территориальные претензии, проблемы неурегулированности границ и их неудовлетворительной демаркации — контроля и охраны границ и связанная с ними контрабанда и незаконная разработка полезных ископаемых или природных ресурсов и т.п. Большинство перечисленных проблем ныне находится в латентном состоянии и непосредственной угрозы для региональной безопасности, по мнению асеановских аналитиков, не представляет.

Главы государств и правительств стран-членов АСЕАН урегулирование существующих и предотвращение новых конфликтов в регионе как и более общую задачу — обеспечение стабильности, мира и безопасности в ЮВА, изначально предлагали обеспечить на региональном уровне преимущественно политическим путем. С этой целью лидеры АСЕАН заявили о том, что они приветствуют присоединение всех стран ЮВА к «Договору о дружбе и сотрудничестве» (Бали, 1976 г.), имея в виду вступление стран Восточного Индокитая и Бирмы в АСЕАН. В Сингапурской декларации содержался призыв расширить Ассоциацию за счет новых членов из ЮНА, создать безъядерную зону в регионе и приглушить конфликт вокруг архипелага Спратли.

Однако в результате изменения общего баланса сил в АТР, резкого сокращения политической и военной роли Вьетнама в Индокитае и ЮНА, а также быстрого усиления военно-стратегических позиций Китая в этом регионе изменилась и сущность концепции ЗОПФАН. Эта концепция серьезно транс-формировалась. Если раньше она была

направлена внутрь самой организации, то в 90-е годы она приобретает все более региональный и суперрегиональный характер, охватывая всю ЮВА и весь АТР в целом. Новый подход, по мнению российского востоковеда В.Ф. Урляпова, строится на идеях так называемого открытого регионализма, которые предполагают участие асеановских стран во всех важнейших экономических и политических инициативах в АТР, направленных на обеспечение безопасности. Это, в частности, выразилось в том, что если такие крупнейшие представители АСЕАН, как Индонезия и Малайзия, ранее достаточно негативно относились к вовлеченности великих держав в решения субрегиональных проблем, то сейчас участие четырех ведущих стран АТР — США, Японии, Китая и России — в решение проблем безопасности ЮВА активно приветствуется.

Концепции, которые были созданы для решения проблем, возникших во время «холодной войны», были переориентированы на новый этап в развитии международных отношений, и главной проблемой для АСЕАН стало не то, как избежать вовлеченности в конфликты держав, а поддержание стабильного баланса между державами в АТР. Приобрело популярность мнение о том, что чем больше асеановские страны будут открыты в сфере безопасности для внешнего мира, тем полнее она будет обеспечиваться.

Учитывалось и возрастание значения невоенных факторов нестабильности. На первый план выходят «новые вызовы»:

экономическая безопасность (решение проблем экономического роста, неравномерности развития, борьбы за источники сырья), экологическая безопасность, а также решение демографических, продовольственных проблем, борьба с наркобизнесом, транснациональной преступностью, проблема морского пиратства.

Неизменная установка АСЕА+1 как организации — избавление ЮВА от доминирования внерегиональных держав — делала для Ассоциации неприемлемой такое развитие событий, которое вело бы к установлению в мире монополярной модели.

Многополюсность — естественная цель асеановского подхода к преобразованию международных отношений. Поэтому «открытый регионализм» предполагал подключение к взаимодействию по вопросам обеспечения региональной безопасности всех государств АТР, включая США, Россию, Китай и Японию, что отразило стремление стран-членов АСЕАН обеспечивать безопасность в регионе не столько на основе «баланса сил, сколько на основе «баланса интересов».

Экономический подъем в Японии, успехи Китая в проведение экономических реформ обозначили превращение этих стран в новые центры силы, в важный фактор мировой экономики и политики. Налицо также возрастание и без того значительного потенциала Индии. Ломка биполярной системы открывала КНР, Японии и Индии перспективы для укрепления и расширения сфер их геополитического влияния.

Требовались согласованные усилия всех заинтересованных держав в создании новой модели поддержания стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основе многостороннего диалога и сотрудничества. Инициативу подготовки такого многостороннего диалога взяла на себя АСЕАН, объединявшая к тому времени наиболее динамично развивающиеся страны АТР. Ход событий в регионе реально ставил на повестку дня вопрос о создании такого форума. В конце 80-х — начале 90-х годов в политических кругах государств АТР дискуссии фокусировались вокруг нескольких основных инициатив по созданию региональной структуры безопасности. Предлагавшаяся Австралией азиатская версия СБСЕ предусматривала механизм взаимодействия в форме многосторонней министерской конференции; американцы выступили с инициативой расширения формата АТЭС* за счет включения военно-политических вопросов; параллельно США продвигали идею формирования нового тихоокеанского сообщества; фигурировало и российское предложение о создании в регионе системы совместной безопасности. Появились идеи о том, чтобы обсуждать вопросы безопасности на встречах военных руководителей стран региона, проводившихся на базе организуемых американцами семинаров по линии Главкомандования сил США на Тихом океане.

Угроза того, что эта важнейшая тематика окажется под патронажем одной из великих держав, да еще и в ограниченном, а не в широком — с участием всех политических сил в регионе — составе (в АТЭС не входили Индия и Россия, на военные семинары не приглашался кроме них и Китай), означала, что инициатива в решения вопросов

стабильности уйдет от асеановцев, и им придется безоговорочно ориентироваться только на Вашингтон и его союзников.

Не вызвала там сочувствия и российская инициатива о проведении в 1993 г. встречи министра иностранных дел всех стран АТР. Страны АСЕАН считали, что подобные форумы едва ли смогут способствовать укреплению их безопасности, а скорее, наоборот, приведут к дополнительному вовлечению внерегиональных держав в дела ЮВА.

Асеановская дипломатия отвергла все вышеуказанные инициативы, исходя из того, что предлагавшиеся ими региональ Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества

была образована в 1989 г. в связи с растущей взаимозависимостью, в экономическом плане, стран региона. Первоначально в АТЭС входили: Австралии, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Флиппины, Сингапур, Таиланд и США. Китай и Гонконг были приняты в 1991 г., Мексика и Папуа Новая Гвинея — в ноябре 1993 г.. Чили — в ноябре 1994 г., Перу, Вьетнам и РФ — в 1998 г. Первоначально эта организация была неформальной диалоговой группой с ограниченным числом стран-участниц, но затем она стала региональным проводником открытой торговли и экономического сотрудничества. механизмы неизбежно оказались бы под контролем региональных лидеров — великих держав.

Это ставило перед Ассоциацией вопрос о дальнейших действиях — оказаться на обочине новых процессов в регионе или найти другое, пусть и нетрадиционное решение. В 1991 г. Асеановцы впервые выступили с инициативой обсуждения проблем безопасности в АТР, включив в повестку дня постминистерской встречи АСЕАН с партнерами по диалогу вопросы региональной безопасности (обычно на ПМК обсуждались сугубо экономические проблемы).

Главным страны АСЕАН считали создание регионального механизма, способного на ранних стадиях гасить конфликты и содействовать мирному разрешению противоречий. Основа такого механизма была заложена на IV встрече на высшем уровне 1992 г. в Сингапуре, в декларации которой подчеркивалась необходимость проведения с партнерами по диалогу консультаций по вопросам обеспечения безопасности в регионе в форме конференций после встреч министров иностранных дел АСЕАН.

Однако, если в годы «холодной войны» рост влияния тех или иных держав тут же «компенсировался» странами АСЕАН приглашением в регион других держав, то в 90-е годы интенсивное развитие внешнеполитического диалога АСЕАН с ведущими мировыми державами и центрами силы и становление его механизмов поднялось на качественно новый уровень.

Путем повышения роли диалоговой системы с ведущими державами АТР лидеры АСЕАН стремились не только оказывать влияние на их политику в регионе, но и побудить их принять асеановские правила игры.

Впервые была официально озвучена идея о необходимости создания под эгидой АСЕАН организации широкого состава, но без властных полномочий для рассмотрения вопросов стабильности и безопасности не только в рамках ЮВА, но и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Через два года эта идея вылилась в создание Асеановского регионального форума АРФ.

Важным составным элементом регионального взаимодействия по вопросам безопасности, своего рода генератором идей для АРФ стала созданная в 1993 г. неформальная диалоговая структура Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по вопросам безопасности (АТССБ), объединивший ученых и специалистов-международников различных стран региона, в рамках которого происходит обкатка идей и предложений.

25 июля 1994 г. в Бангкоке состоялось заседание первого Форума АСЕАН по проблемам региональной безопасности. В его работе приняли участие министры иностранных дел стран АСЕАН, партнеров Ассоциации по диалогу (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, ЕС) и по консультациям (Россия, Китай, Вьетнам, Лаос), наблюдатели — Новая Гвинея всего из 18 государств.

Создание подобной структуры безопасности в регионе — абсолютно новая и по своему уникальная страница в истории международных отношений, где ранее отсутствовали как

традиции, так и опыт многосторонней дипломатии.

Появление такого Форума имело особое значение, поскольку ознаменовало начало переломного этапа в политическом мышлении лидеров региона, продемонстрировало растущее осознание необходимости налаживания широкой дискуссии по наиболее актуальным проблемам безопасности.

Внерегиональные державы устраивало то, что Ассоциация выступила в качестве равноудаленной от основных мировых центров «площадки» для проведения регулярных встреч, а сложившиеся в Ассоциации механизм согласования решений и процедуры, основанные на учете интересов каждого партнера, гарантируют, что ни одна страна или группа стран не сможет в многостороннем формате навязывать какие-либо неприемлемые решения. Помимо этого, его созданием еще раз подтверждалась роль АСЕАН как ядра структуры безопасности в ЮВА и АТР в целом.

Министры иностранных дел АСЕАН отмечали, что окончание «холодной войны» и распад Советского Союза привнесли качественно новый элемент в развитие обстановки в Азии. Во многих выступлениях звучала тревога по поводу того, что мир в регионе не только не стал крепче и прочнее, а обстановка зачастую представляется более непредсказуемой, чем во времена «холодной войны». Представители АСЕАН, отметив, что теперь на первый план в качестве главной угрозы их безопасности и экономическому процветанию выдвигаются неурегулированные территориальные споры и этнические конфликты, подчеркивали особую опасность спора вокруг островов Спратли в Южно Китайском море, на которые претендуют многие страны ЮВА. Они призвали все стороны «воздерживаться от действий, способных дестабилизировать регион, подорвать свободу навигации, воздушного сообщения, решать проблемы путем двусторонних и многосторонних переговоров.

Кроме того, государства-члены АСЕАН считают Форум новым средством, позволяющим им укрепиться в качестве региональной силы и создать новую систему региональной безопасности, поскольку Ассоциации «не понравилась» Хельсинская модель с ее институциональным подходом и упором на соблюдение прав человека.

АРФ предоставил возможность и ведущим державам взаимодействовать друг с другом. В условиях, когда отношения между США, Китаем и Японией стали определяющим фактором стабильности в АТР, но этот треугольник еще не достиг взаимопонимания по вопросам безопасности, АРФ является единственным форумом, где страны могут встретиться для такого диалога.

Участники АРФ одобрили цели и принципы асеановского <Договора о дружбе и сотрудничестве> в качестве кодекса международных отношений и уникального дипломатического инструмента международного сотрудничества и асеановский принцип консенсуса. Таким образом, мировое сообщество не только признало, но и позаимствовало асеановский дипломатический механизм.

Было выработано решение о том, что три основных момента являются базой для сотрудничества между странами-участницами, а именно достижение доверительных отношений, развитие превентивной дипломатии и рассмотрение причин конфликтов.

Участники договорились созывать сессии Форума ежегодно вслед за совещаниями министров иностранных дел стран АСЕАН (АММ). Председательство на АРФ принадлежит стране, возглавляющей проведение министерских встреч АСЕАН.

Ежегодным встречам Форума предшествует одно заседание старших должностных лиц в мае, которое готовит повестку дня и доклады. Сами АРФ проходят поочередно в столицах только стран-членов АСЕАН.

Как справедливо отмечает российский ученый В.Е. Петровский, созыв Форума явился по сути первым шагом, направленным на создание формальных структур обеспечения безопасности в АТР.

Создание механизма безопасности в АТР шло параллельно упрочению безопасности в зоне самой АСЕАН.

В июле 1995 г. в Брунее на очередной конференции министров иностранных дел стран-членов (АММ) Ассоциации государств Юго-Восточной Азии было объявлено о принятии в группировку Вьетнама. Превращение «шестерки» в «семерку» открыло новую страницу в ее истории, на иной более высокий уровень подняло ее роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В ЮВА была окончательно похоронена построенная на идеологическом и военно-

политическом противостоянии «холодная война» и разрушена своего рода региональная «берлинская стена». АСЕАН доказала, что идеология и политические режимы не могут служить препятствием, если страны региона действительно стремятся к сотрудничеству. Тем самым был преодолен прежний раскол стран ЮВА на «капиталистическую» АСЕАН и «социалистический» Индокитай. Вслед за Вьетнамом выразили желание войти в Ассоциацию и другие индокитайские государства: Камбоджа, Лаос и Мьянма. Присоединение к АСЕАН Вьетнама, страны, второй в регионе после Индонезии по численности населения, обладающей значительным потенциалом, существенным образом меняло баланс сил в регионе, в частности в Южно-Китайском море, где идет спор вокруг принадлежности архипелага Спратли. К тому же АСЕАН с помощью нового союзника — Вьетнама — вышла к южным границам своего главного «визави» в Азии — континентального Китая.

Вслед за АММ 1 августа 1995 г. состоялся второй Асеановский региональный форум с участием 19 министров иностранных дел стран АСЕАН и партнеров по диалогу. В Брунее были приняты «концептуальные основы» деятельности АРФ. Основной целью АРФ провозглашено содействие миру, безопасности, стабильности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Важным моментом явилось признание участниками АРФ того, что концепция всеобъемлющей безопасности включает в себя не только военные, но и политические, экономические, социальные и другие аспекты.

В Документе особый упор был сделан на поэтапный подход и достижение консенсуса, столь импонирующие азиатскому менталитету. Постоянно подчеркивалось, что АРФ — это «развивающийся процесс», при котором продолжение движения не менее важно, чем конечный результат, а неформальность ключ к успеху. Было намечено, что АРФ будет идти к поставленной цели в три этапа:

на первом этапе Форум будет содействовать становлению мер доверия в АТР;

на втором — развитию механизмов превентивной дипломатии,

на третьем — налаживанию механизмов урегулирования конфликтов в регионе.

Подобный порядок продвижения к осуществлению поставленных целей обусловлен тем, что без достижения высокого уровня доверия между участниками АРФ маловероятно, что и м удастся выработать согласованный механизм превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов в регионе.

Вопросы, оставшиеся за рамками предварительного согласования, составляли наиболее жесткий узел противоречий. Речь шла о потенциально взрывоопасном споре вокруг островов Спратли. Китай выступал категорически против любого упоминания в тексте документа вопроса о Спратли. Страны АСЕАН были весьма обеспокоены возможностью китайско-вьетнамского конфликта и китайско-филиппинского конфликта из-за островов. Главной причиной новой угрозы безопасности государства Ассоциации также считалось сокращение американского военного присутствия до 100 тыс. человек в АТР и заявление американской администрации о том, что США не намерены поддерживать какую-либо сторону в территориальных спорах, включая конфликт вокруг Спратли.

В ответ на предложение Китая о совместном освоении морского шельфа страны АСЕАН выступили с проектом всеобъемлющего кодекса поведения, который подразумевал отказ от применения силы, сдерживание и пресечение экспансии без ущерба для двусторонних отношений. Это предложение было принято как наиболее разумное и детализированное. Позиция АСЕАН была сформулирована в заключительном документе следующим образом: «Такие государства, как США, Китай, Япония и Россия, могут способствовать региональной безопасности путем поддержания стабильных отношений и проведения позитивной политики по отношению к данному региону».

Основными методами решения спорных вопросов страны АСЕАН считали включение в Ассоциацию новых членов, повышение роли АРФ, замораживание споров вокруг Южно-Китайского моря, совершенствование переговорного механизма.

Создаваемый механизм был призван, в первую очередь, не допустить перерастания спора вокруг Спратли в «горячий» конфликт в этой части земного шара.

Были определены и организационные вопросы работы АРФ. В основу правил и процедур, в основном, положены асеановские нормы. Решения принимаются консенсусом на основе консультаций без голосования и не носят юридически обязывающего характера.

Ежегодные министерские сессии являются высшим органом Форума, в ходе которых

обсуждается весь комплекс проблем, затрагивающих безопасность стран-членов и региона в целом, определяются дальнейшие направления и формы сотрудничества в этой сфере. Сессии проводятся в столице одного из асеановских государств (в порядке ротации) сразу после завершения очередного совещания министров иностранных дел членов АСЕАН. Вступающий в должность на следующий срок председатель Постоянного комитета АСЕАН возглавляет также и деятельность АРФ. В межсессионный период созываются совещания старших должностных лиц на уровне заместителей министров иностранных дел, на которых также обсуждаются наиболее актуальные проблемы АТР, подводятся итоги сотрудничества за год и готовятся рекомендации для доклада министрам на очередной сессии.

Обсуждение вопросов на сессиях ведется в узком составе (от каждой страны — министр и два эксперта). Повестка дня

с недавнего времени формируется заранее, однако носит скорее индикативный, нежели жестко фиксированный характер. Свободный ход дискуссии предполагает постановку любых тем относительно региональной безопасности.

Учитывая деликатный характер многих вопросов, рассматриваемых участниками АРФ, было решено, что деятельность Форума между сессиями будет осуществляться по двум направлениям: мероприятия, проводимые по официальной, межправительственной линии (так называемая «первая дорожка» — *Tracl Oiiie*), и мероприятия на неофициальном уровне (семинары, «круглые столы» и г.д.), в работе которых будут принимать участие представители научных, общественных и других неправительственных кругов, а также выступающие в качестве частных официальные лица (так называемая «вторая дорожка» — *Tracl Two*). Взаимные усилия «первой» и «второй дорожек», по мнению идеологов А1Ф, внесут огромный вклад в становление мер доверия в регионе. На форуме было решено создать две межправительственные рабочие группы. Первая, как сформулировано в докладе председателя второго Форума, для разработки мер доверия, в частности, достижения прозрачности военных доктрин. Вторая миротворческая, связанная с мерами по поддержанию мира и координации поисковых и спасательных работ.

На втором Форуме АРФ все участники согласились с тем, что «АСЕАН берет на себя обязательство быть основной движущей силой» в АРФ.

14—15 декабря 1995 г. в Бангкоке проходила 5-я встреча в верхах. В ходе ее работы страны Ассоциации подтвердили свое стремление активизировать переговорный процесс в рамках регионального Форума по проблемам безопасности при сохранении в нем центральной роли АСЕАН, приверженность «семерки» мирному решению спора вокруг островов Южно Китайского моря, верность идее превращения ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета. В Декларацию впервые был включен призыв к «>нерегionalным» государствам присоединиться к «Договору 1967 г. о дружбе и сотрудничестве» в ЮВА. Важным итогом встречи стало подписание десятию странами субрегиона Договора о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия, что рассматривалось как важный и неотъемлемый шаг на пути реализации идеи ЗОПФАН. Он накладывает запрет на разработку, испытание, производство, размещение, использование и захоронение ядерного оружия в географическом ареале его действия.

Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, распространяется на территории всех государств ЮВА и их континентальный шельф и исключительные экономические ЗОНЫ. Вопрос о проходе судов третьих стран с ядерным оружием на борту участники вправе решать самостоятельно в каждом конкретном случае. После вступления документа в силу ядерные державы могли присоединиться к нему в качестве гарантов безъядерного статуса ЮВА путем подписания дополнительного протокола. Страны-участницы договора вправе использовать ядерную энергию в мирных целях для экономического и социального развития. Было решено создать Комиссию по зоне, свободной от ядерного оружия, с целью осуществления контроля за соблюдением положений договора. О сотрудничестве в области политики и безопасности в своем интервью журналистам Генеральный секретарь АСЕАН господин Сингх сказал: «Тот факт, что все 10 государств ЮВА не имеют ядерного оружия, поможет сделать первый шаг к осуществлению асеановской концепции ЗОПФАН, реализации идеи создания мирной, стабильной и развитой Юго-Восточной Азии». Поскольку 10 государств Юго-Восточной Азии уже

подписали договор о зоне, свободной от ядерного оружия в ЮВА, это свидетельствует, с нашей точки зрения, о начале их сотрудничества в области политики и безопасности в регионе. На Форуме было решено расширить сферу деятельности АРФ в области обеспечения безопасности, включив в нее такие проблемы, как корейский вопрос, обстановка в районе Южно-Китайского моря, Южной Азии и др.

Новые шаги по укреплению безопасности и сотрудничества в АТР обсуждались на третьем региональном Форуме АСЕАН, который состоялся в Джакарте (июль 1996 г.). В работе совещания принимали участие делегации уже 21 государства. Новыми странами-участниками стали Камбоджа, Мьянма и Индия.

Учитывая важность сохранения мира и безопасности на Корейском полуострове на встрече была подчеркнута необходимость создания механизма мирного разрешения проблем, а до тех пор стороны должны придерживаться заключенного в 1953 г.

Соглашения о возобновлении диалога между Республикой Корея и Корейской Народной Демократической Республикой, а также работы Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО) и содержался призыв к участникам рассмотреть дальнейшее финансирование и политическую поддержку этой организации.

Участники Форума признали, что АРФ является своего рода уникальным переговорным механизмом в АТР, позволяющим сопоставлять и согласовывать позиции участвующих в нем стран, подводить их к компромиссным решениям, выработке мер доверия и принципов межгосударственного общения; высказались за продолжение диалога по проблемам безопасности в регионе, в частности, за счет достижения большей прозрачности оборонной деятельности как одного из звеньев процесса повышения мер доверия.

В условиях, когда ядерные испытания остаются актуальной проблемой в регионе, подавляющее большинство участников АРФ выступили за скорейшее подписание Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) как ядерными, так и «пороговыми» державами.

При обсуждении ситуации в Южно-Китайском море все страны, выдвигающие претензии на территории расположенных там островов и участки акватории, выразили поддержку продолжению неофициальных консультаций по этой проблеме и выработке «кодекса поведения» в Южно-Китайском море в русле мер доверия в АТР.

В подтверждение концепции «двух форматов» решением еще второй сессии АРФ в рамках «первой дорожки» были образованы три постоянно действующие на рабочем уровне в межсессионный период экспертные группы: «группа поддержки» по мерам доверия, совещание по миротворческим операциям и совещание по «кооперативной деятельности» в области поиска и спасения людей, а на третьей встрече АРФ в июле 1996 г. была образована еще одна группа — совещание по оказанию помощи при стихийных бедствиях.

Во время выступления Председателя на третьей встрече АРФ в Джакарте 23 июля 1996 г. им были выдвинуты следующие критерии отбора участников АРФ:

1. Все новые участники — только независимые государства должны действовать сообща и способствовать достижению целей АРФ. До вступления все они обязаны выразить верность и уважение заявлениям, ранее принятым АРФ. Все члены АСЕАН автоматически становятся членами АРФ.
2. Новый участник может быть принят только при условии, что он сможет продемонстрировать свое влияние на мир и безопасность на «географическом ареале» основной деятельности АРФ (т.е. Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, равно как и Океании).
3. Необходимо контролировать количество участников с целью обеспечения эффективности АРФ
4. Все заявки на вступление в АРФ ДОЛЖНЫ быть переданы председателю, который проведет консультации с остальными членами АРФ и убедится в наличии консенсуса ПО вопросам принятия НОВЫХ членов.

30-я юбилейная конференция министров иностранных дел стран АСЕАН, состоявшаяся в июле 1997 г. в Малайзии, могла бы стать завершающей процесс региональной интеграции в ЮВА. В ходе ее работы членами Ассоциации стали Лаос и Мьянма, но вопрос о вступлении Камбоджи был отложен в связи с резко обострившейся там Внутривнутриполитической обстановкой, вызванной отстранением от власти первого премьер-

министра страны Н. Ранарита. Было решено создать группу из трех стран, которая выступала бы посредником во внутри камбоджийском урегулировании. Отмечалось, что некоторые ядерные державы еще не готовы подписать Протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия в ЮВА. Однако, несмотря на это, АСЕАН, с одной стороны, будет идти вперед, выполняя свои обязательства, с другой, делать все от нее зависящее, для того чтобы убедить все ядерные государства одобрить Договор. Миротворческие усилия АСЕАН нашли поддержку и на традиционном региональном Форуме АСЕАН в Малайзии в июле 1997 г., последовавшем уже в 4-й раз вслед за конференцией. Министры иностранных дел подчеркнули, что АРФ превращается в важный фактор многостороннего диалога по вопросу безопасности и сотрудничества в регионе. Он играет большую роль в развитии взаимопонимания и доверия, способствует созданию большей прозрачности и наращиванию усилий участников по укреплению мира и стабильности в регионе.

Немаловажным событием на этой встрече стала поддержка и принятие ее участниками, включая США и Европейский союз, позиции АСЕАН по выборам в Камбодже в 1998 г., которые, по мнению Ассоциации, должны были быть свободными и справедливыми при участии в них всех политических партий. Была одобрена и политика АСЕАН в отношении Мьянмы. Участникам удалось достичь консенсуса в вопросе о том, что АСЕАН следует выступать в роли лидера в отношениях с Камбоджей и Мьянмой, хотя ранее западные страны призывали АСЕАН не допускать членства Мьянмы в АСЕАН.

Отказ от приема Камбоджи в члены АСЕАН, безусловно носивший временный характеру можно рассматривать как стремление «не впустить внутрикамбоджийский конфликт в асеановский дом, обезопасить его, сохранить стабильность.

В ходе дискуссии впервые получили импульс идеи перехода к многополюсному миру, укрепления «кооперативной безопасности», то есть строительства мира и безопасности на основах сотрудничества и взаимодействия.

С большим интересом на заседании была воспринята информация о заключенных в 1996—1997 гг. соглашениях России и трех стран СНГ с Китаем о мерах доверия и о сокращении вооруженных сил и вооружений в районе их общей границы. Ряд участников сессии АРФ воспринял эти документы как возможный пример или модель действий по осуществлению мер доверия между государствами региона.

Разразившийся в странах Восточной Азии осенью 1997 г. валютно-финансовый кризис нарушил планомерное экономическое и политическое развитие АТР. В сложившейся ситуации доминирующей темой У сессии АРФ (июль 1998 г., Манила) стал совместный поиск путей преодоления последствий финансовых потрясении.

Участники констатировали, что экономическая составляющая все более становится неразрывной частью национальной региональной безопасности. При этом развитые страны Запада предпочли уйти от конкретных обязательств об оказании действенной помощи государствам региона, пострадавшим от кризиса. Последним дали понять, что от них ожидают встречных шагов: восстановления надежного инвестиционного климата, открытия рынков, либерализации финансового сектора, демократизации политической системы.

Другой проблемой, вызвавшей на сессии острую дискуссию, стал вопрос о ядерных испытаниях в Южной Азии. В результате активной работы с участниками встречи, включая индийскую делегацию, в итоговом заявлении председателя в довольно мягкой форме было выражено «глубокое сожаление». АРФ также обсудил обстановку вокруг Восточного Тимора, бывшей португальской колонии, присоединенной к Индонезии в середине 70-х годов, в которой активизировалось движение за независимость, а также положение в Южно-Китайском море.

После принятия Лаоса и Бирмы в члены Ассоциации и сохранения за Камбоджей статуса наблюдателя возникла возможность для реального создания регионального поля безопасности в ЮВА и «содружества безопасности» в составе всех десяти стран Юго-Восточной Азии.

Президент Филиппин Рамос указал, что объединение Юго-Восточной Азии было 30-летней мечтой основателей АСЕАЯ, т.к. оно может стать гарантией политической и экономической независимости и будет препятствовать превращению Юго-Восточной Азии в арену стратегической конкуренции великих держав. После объединения в составе

АСЕАН в 1999 г. всех десяти государств ЮВА некоторые политики и ученые вновь вернулись к теме ЗОНФАН, подчеркивая, что завершение формирования единого субрегионального политического пространства дало новый импульс реализации концепции «зоны мира, свободы и нейтралитета».

АСЕАН выступила за присоединение к договору о безъядерной зоне в ЮВА пяти ядерных держав (США, КНР, Англии, Франции и России) и выразила готовность к консультациям с ними во избежание сомнений относительно толкования обязательств участников договора, распространения их на континентальный шельф и исключительную 200-мильную экономическую зону.

На шестой сессии Форума в 1999 г. в Сингапуре в широком концептуальном плане была рассмотрена ситуация в мире и АТР. Состоялся обмен мнениями по наиболее значительным угрозам и вызовам безопасности в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Обсуждены перспективы выхода региона из экономического кризиса и задачи в сфере экономической безопасности, взаимоотношения в четырехугольнике Россия США — Китай — Япония как ключевом факторе обеспечения стабильности и устойчивого развития обстановки в АТР. В центре внимания были также проблематика Корейского полуострова и территориальных споров в Южно-Китайском море.

Филиппинская дипломатия пыталась зафиксировать в итоговых документах подготовленный Манилой «кодекс поведения» в Южно-Китайском море. Китайцы, в свою очередь, сделали акцент на то, что речь идет о достижении взаимопонимания, а не о выработке международно-правового документа. Пекин дал понять, что он против вынесения вопроса о «кодексе» на АРФ и по-прежнему рассматривает Форум не как механизм разрешения международных споров, а всего лишь как политическую арену для обмена мнениями. Было решено предложить филиппинцам доработать документ и вынести его на обсуждение сначала в рамках Ассоциации.

У большинства участников сформировалось мнение о целесообразности начала перехода от первого ко второму этапу де-

* Протокол к договору, вступивший в силу в 1997 г., предусматривал согласие ядерных держав (традиционной «пятерки») уважать его положения. до настоящего времени Протокол остается неподписанным из-за возражений, высказанных ядерной «пятеркой» по ряду положений, касающихся как нечеткого определения границ ЗОНЫ (во многом это связано с территориальными спорами ряда стран АСЕАН и Китая вокруг архипелага Спратли), так и масштабами обязательств ядерных держав, выходящих за пределы, зафиксированные в общепринятых документах ООН. В настоящее время заинтересованные государства проводят регулярные консультации о внесении необходимых изменений в Протокол, которые позволят окончательно оформить этот документ.

деятельности Форума, го есть от выработки мер доверия к превентивной дипломатии. В этом смысле сессия в Сингапуре положила начало новому этапу всей деятельности АРФ. На реализацию этой задачи было решено направить основные усилия предстоящих встреч Форума. Одновременно сохранялась последовательность и эволюционный характер развития АРФ, подтверждалась приверженность его движению вперед темпами, приемлемыми для всех участников. Это, в частности, означает, что параллельно с выработкой основ превентивной дипломатии будет продолжена работа над реализацией согласованных и разработкой новых мер доверия.

Были определены меры доверия, «находящиеся на стыке» со вторым этапом деятельности Форума — этапом превентивной дипломатии, а именно: повышение роли председателя АРФ и, в частности, наделение его посредническими функциями, проведение на добровольной основе брифингов и подготовка ежегодных обзоров по региональной безопасности.

Было официально объявлено, что Монголия стала 22-м членом Форума. То, что Монголия не имеет никаких официальных связей с АСЕАН как с организацией означал, что АСЕАН не считает официальные отношения с ней необходимым условием вступления в АРФ. Вопрос о членстве в АРФ особо обсуждался на следующей встрече участников Форума. Седьмая встреча АРФ состоялась 27 июля 2000 г. в Бангкоке под председательством министра иностранных дел Таиланда Сурица Питсувана. В работе совещания, помимо Генерального секретаря АСЕАН, приняли участие министры иностранных дел всех стран Форума яли их представители, а также делегация КНДР. Участники встречи

приветствовали вступление в АРФ КНДР, отметив, что ее участие в Форуме не только будет способствовать укреплению в качестве полноформатного регионального механизма диалога по безопасности, но и внесет вклад в улучшение обстановки на Корейском полуострове, упрочение мира и стабильности в регионе в целом. Министры установили мораторий на прием новых членов и согласились, что необходимо сосредоточить внимание на процессе диалога и сотрудничества только среди 23 государств-участников Форума.

Было отмечено значительное количество позитивных моментов в регионе, в том числе и продолжающееся оздоровление после экономического и финансового кризиса, поразившего Юго-Восточную Азию в 1997—1998 гг., а также рост взаимопонимания между странами региона. Министры подчеркнули необходимость уделить внимание экономической, социальной и общечеловеческой составляющим региональной безопасности как необходимым элементам регионального сотрудничества. Страны-участницы Форума выразили мнение о необходимости отвечать на вызовы глобализации как индивидуально, так и совместно.

Особый акцент был сделан на важности укрепления режимов ракетного и ядерного нераспространения, поддержания усилий по сохранению стратегической стабильности. Представителями России, а также ряда других государств, в частности Китая, было подчеркнуто, что создание в Азии замкнутых узкоблоковых систем противоракетной обороны было бы чревато дестабилизацией военно-политической ситуации в регионе. Форум призвал все страны мира подписать и ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договор о нераспространении ядерного оружия. На асеановских мероприятиях в Бангкоке в июле 2000 г. филиппинской дипломатии все-таки удалось внести в заключительные документы встречи министров АСЕАН и АРФ тезис о значимости «кодекса поведения» в Южно-Китайском море. Это решение в определенной степени отразило качественно новое явление в деятельности АРФ — фактор конструктивного вмешательства во взаимоотношения членов Форума, толчок к чему также дала АСЕАН, хотя со дня основания ее базисным принципом был принцип невмешательства во внутренние дела. Еще в начале 1997 г. явная беспомощность АСЕАН перед лицом ухудшавшейся политической ситуации в Камбодже привела к спорам по вопросу о невмешательстве.

Тогдашний премьер-министр Малайзии Анвар Ибрагим писал, что «невовлеченность» АСЕАН в процесс реконструкции в Камбодже может привести к краху идеи национального примирения, так как в условиях взаимозависимости государств ЮВА угроза внутренних переворотов может серьезно подорвать стабильность всего региона. Он призвал к «конструктивному вмешательству, что и осуществила «асеановская Тройка» в составе Таиланда, Филиппин, Индонезии, помогая в качестве посредника урегулировать острый политический кризис в Камбодже 1997—1998 годов.

Затем летом 1998 г. министр иностранных дел Таиланда Сурин Питсуван призвал к пересмотру принципа невмешательства и замене его «гибкой вовлеченностью» в форме критики и совета любому члену Ассоциации.

Линия, разделяющая внутренние дела, с одной стороны, и внешние, или транснациональные проблемы — с другой, в асеановской практике начала стираться. Это в конечном итоге привело к тому, что уже на седьмом Форуме некоторые страны согласились обсуждать даже те проблемы, которые ранее считались ими не подлежащими рассмотрению (США вопрос о своем военном присутствии в Азии; КНР — ядерная проблематика и ситуация в Южно-Китайском море; Индонезия — проблема Восточного Тимора и сепаратизма). Было решено, что на будущей встрече Межсессионная группа представит разработанную концепцию и уточненные принципы превентивной дипломатии (ПД), активизировать работу над которыми ее призвали министры иностранных дел.

Еще во время шестой встречи АРФ в Сингапуре 26 июля 1999 г. было принято решение о том, что АСЕАН подготовит черновой вариант документа о концепции и принципах ПД для обсуждения его с другими участниками АРФ. Этот проект предусматривает следующее:

1. ПД касается только сферы дипломатии и полагается на дипломатические и мирные методы, такие, как переговоры, расследования, посредничество и примирение.
2. ПД представляет собой ни в коем случае не военную и не принудительную

деятельность, ситуации урегулирования которой требуют военных действий или использования силы, находятся вне компетенции ПД. Принудительные меры, такие, как санкции, также находятся вне сферы ПД.

3. Деятельность ПД основывается на уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств и касается только межгосударственных проблем. Это включает в себя принципы суверенного равенства и территориальной целостности государств.

4. ПД действует методом консультаций и достижения консенсуса. Любые шаги ПД могут предприниматься на основе консенсуса после внимательных и длительных консультаций между всеми членами АРФ.

5. ПД реализуется на добровольной основе и может быть использована только по просьбе сторон, непосредственно вовлеченных в спор или с их согласия.

6. ПД может реализовываться только на основе доверия и эффективно действовать только в тех случаях, когда оно достигнуто между всеми заинтересованными сторонами.

7. ПД основывается на международном праве, поэтому любое действие должно соответствовать его основным принципам.

8. ПД требует своевременности. Действия должны быть скорее превентивными, нежели карательными. Методы ПД реализуются наиболее эффективно на ранних стадиях споров или кризисов.

Министры иностранных дел отметили, что меры по укреплению доверия находятся в главном фокусе внимания АРФ, а сам форум смог продвинуться в своем развитии к превентивной дипломатии: сначала в отношении тех вопросов, которые находятся как бы на стыке этих двух элементов.

Поощряется проведение членами АРФ брифингов по вопросам, затрагивающим региональную безопасность. Такие брифинги должны проводиться на добровольной основе и в подходящее время, как во время встреч АРФ, так и в промежутках между ними в соответствующих столицах стран-участниц АРФ.

Особо была отмечена важность участия в развитии процесса АРФ военных, представляющих государства-участники, сотрудничество и взаимодействие которых призвано содействовать взаимопониманию, доверию и открытости среди членов Форума. К сфере их деятельности относится: диалог по безопасности, публикация документа об оборонной политике, составление ежегодного отчета по безопасности, обмена между главами коллегий по безопасности и морское сотрудничество.

Было отмечено повышение роли Председателя АРФ (согласно решению, принятому на шестом Форуме) как в развитии связей с внешним миром, так и во взаимодействии в рамках официальной и неофициальной дипломатий с предварительными консультациями и с согласия всех членов АРФ. В соответствии с расширенными полномочиями Председатель АРФ имеет право созывать чрезвычайные сессии и издавать заявления Председателя после консультаций и с согласия всех остальных участников АРФ. Председатель должен содействовать свободному обмену информацией в перерывах между встречами АРФ.

Генеральный секретарь АСЕАН, посещающий все ежегодные встречи АРФ и специальные встречи АРФ также призван оказывать поддержку председателю АРФ в процессе усиления роли АСЕАН как лидера и движущей силы АРФ.

Таким образом, страны-участницы приняли решение об усилении роли руководящих органов Форума, чтобы подчеркнуть политическое значение его дипломатической деятельности

Седьмой Форум подтвердил общее политическое направление развития данного механизма мировой политики, который приобретает все большее значение в глобализирующемся и регионализирующемся мире. Оставаясь главной движущей силой этого процесса, АСЕАН приблизилась к созданию содружества по безопасности в ЮВА в целом, сформировав элементы его механизма и договорную базу.

Содружество по безопасности характеризуется как специальная группа государств, участники которой поставили своей целью перестроить существующие между ними отношения, исключив использование военной силы из методов разрешения спорных вопросов.

Важным элементом этого содружества по безопасности является и военное

сотрудничество в рамках АСЕАН, координация военных мероприятий. Хотя конфронтация между СССР и США, которая была характерна для биполярного мира, закончилась, а экономическое развитие получило общепризнанный приоритет над военно-стратегическими вопросами, военные расходы всех стран АСЕАН быстро увеличивались.

Во-первых, фактором, способствующим увеличению военного бюджета стран-участниц АСЕАН стало сокращение численности войск России и США в регионе, что создало определенный вакуум силы. Вывод американских военно-морских сил с баз на Филиппинах произошел быстрее, чем это ожидалось ранее. Страны АСЕАН опасались, что уход великих держав оставляет в регионе вакуум, который может быть заполнен другими державами, потенциально представляющими даже большую угрозу стабильности, чем их предшественники.

Их настораживает прежде всего то, что Китай энергично модернизирует свои вооруженные силы — в основном воздушные и военно-морские, и нынешний потенциал китайской армии уже превышает уровень, необходимый для обороноспособности страны. В АСЕАН стала популярна точка зрения индонезийского генерала Три Сутрисно, который разработал теорию паутины двусторонних и трехсторонних соглашений этого содружества по безопасности, а сама идея создания содружества по безопасности получила преимущество над идеей формирования военного блока. Несмотря на то, что процесс формирования сети внутриасеановского военного сотрудничества завершается, по своей структуре, оснащению, состоянию оборонной промышленности и военным доктринам вооруженные силы стран АСЕАН еще не готовы к переводу его на многосторонний уровень. По мнению специалистов, военные связи между странами АСЕАН только формируются и не вышли еще за рамки первого этапа военно-политической интеграции. Для перевода на многосторонний уровень, очевидно, потребуется значительное время и наличие соответствующих экономических и политических условий.

На фоне деидеологизации политики и экономизации межгосударственных отношений вполне возможны поиски эффективных путей к экономии средств каждой страны-члена АСЕАН по линии укрепления военного сотрудничества вплоть до военного союза. Создание подобного союза даст возможность разделения военного труда между членами АСЕАН и значительно уменьшит расходы каждого государства при сохранении эффективной обороны и безопасности. Вполне очевидно, что военные расходы стран Европы и США в рамках НАТО меньше, чем они могли быть в случае реализации индивидуальной концепции обороны.

Создание военного союза необходимо не столько для отражения внешней угрозы, которая остается гипотетической, сколько для укрепления мер доверия в отношениях между членами самой Ассоциации. Поэтому не исключено, что логика событий потребует более тесной координации оборонных усилий членов Ассоциации вплоть до военного союза. В условиях перехода мира от однополюсного к многополюсному было бы вполне логичным допустить и существование наряду с военно-политическим блоком НАТО и других аналогичных группировок в ряде других регионов, что могло бы стать реальным выражением многополюсности мира. Пока же страны АСЕА}1 выступают за военное присутствие США, так как регион АТР не имеет коллективного механизма урегулирования конфликтов. При этом, как известно, Филиппины и Таиланд связаны с США военными соглашениями, в то время как другие страны лишь разрешили американским судам заходить в их порты после американо-филиппинского соглашения в 1992 году.

По мнению филиппинского политолога В. Бельо, региональная безопасность в начале 90-х годов по-прежнему основывалась на трех ключевых элементах: гонке вооружений, балансе сил основных держав и американском военном присутствии. Очевидно, в обозримом будущем АРФ не заменит американского военного присутствия в АТР, как и ОБСЕ не заменит НАТО в Европе.

Можно констатировать, что если «пятерка» в 1967 г. стала ядром АСЕАН, то в третьем десятилетии сама АСЕАН стала ядром структуры безопасности в АТР, инициировав создание Асеановского регионального Форума. Это ознаменовало собой принципиально новый этап в истории региона, никогда прежде не имевшего единого форума с участием широкого круга великих и малых государств. -

Институционализация Форума в каких-либо формах, особенно на начальных этапах его

деятельности, пока не предполагается. Оставаясь консультативным по форме, Форум, тем не менее, продемонстрировал, что он постепенно начинает играть роль единственного и своего рода уникального переговорного механизма по вопросам безопасности, позволяющего сопоставлять и согласовывать позиции стран, подводить их к компромиссным решениям в сфере мер доверия, принципов межгосударственных отношений.

Таким образом, страны АТР совершили качественный переход от создания субрегиональных структур по поддержанию безопасности, в частности АСЕАН, к формированию общерегиональных межправительственных институтов, каким является АРФ, в рамках которого разрабатывается безопасность на основе сотрудничества. Процесс ее создания, очевидно, будет происходить как последовательный эволюционный процесс, протекающий на базе уже существующей инфраструктуры двустороннего и многостороннего сотрудничества, без резкой ломки взаимных военно-политических обязательств отдельных стран или групп государств. Приоритетную роль в формировании этой системы, очевидно, будут играть взаимоотношения между ключевыми «игроками» — США, КНР, Японией, АСЕАН и Россией.

При этом поступательному развитию процесса АРФ во многом способствует принятый за основу деятельности принцип консенсуса, а также декларированная форумом поэтапность продвижения вперед: от согласования мер доверия на нынешнем этапе к практическому взаимодействию в области превентивной дипломатии и совместному урегулированию конфликтных ситуаций на последующих фазах.

Россия и АРФ

Статус России как ведущей ядерной и крупнейшей евроазиатской державы, постоянного члена Совета безопасности ООН, а также защита и продвижение национальных интересов РФ в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском направлении требуют безусловного участия страны в поддержании региональной безопасности в АТР.

С момента образования АРФ Россия принимает деятельное участие в работе Форума, рассматривая его ведущий механизм м многостороннего политического взаимодействия государств как носящий ярковыраженный кооперативный характер.

Россия активно участвует в мероприятиях АРФ как в рамках первой, так и второй «дорожек». Многие российские предложения в области безопасности в АТР нашли поддержку у других участников АРФ.

Россия была приглашена в качестве члена регионального Форума АСЕАН во время его организации в 1994 г., что означало признание важности стратегических позиций России в регионе и возможностей ее влияния на происходящие в нем процессы. Деятельность России в АРФ показала, что его участникам близка заявленная Москвой цель — создание сообществ безопасности в Азии и на Тихом океане. В итоге участники Форума заявили, что не «представляют себе продвижения к безопасности в АТР, а тем более ее достижения без участия Российской Федерации».

На Форуме в августе 1995 г. Москва разработала и представила проект декларации «О принципах безопасности и стабильности в АТР», часть положений которого были использованы в документах АРФ. Одновременно с этим обсуждался и вопрос о создании совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству.

Тогдашний министр иностранных дел РФ А.В. Козырев заявил на 26-й встрече министров стран АСЕАН, что РФ представляет собой великолепный механизм для совместного поиска новой модели безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, — механизм, который отражает характерные черты региона и сможет достойно противостоять угрозам региональной безопасности.

Россия выдвинула тогда, в частности, предложение создать:

1. Азиатско-Тихоокеанский центр по предотвращению конфликтов. Задачей центра должна быть разработка поэтапного создания механизмов межправительственного контроля за Ситуацией и предотвращения конфликтов.
2. Совместный центр стратегических исследований и изучения вопросов торговли оружием в Азиатско-Тихоокеанском регионе.
3. Комитет Россия-АСЕАН для координации отношений между сторонами. Моделью для создания этого комитета могли бы послужить уже существовавшие механизмы, регулирующие отношения АСЕАН с другими странами.

Из этих предложений было принято предложение Российской Федерации провести

весной 1996 г. в Москве совещание экспертов стран-членов АРФ по обсуждению российского проекта Декларации «О принципах безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в Брунее в свете спора вокруг островов Южно-Китайского моря был расценен как важный вклад в выработку кодекса поведения стран АТР.

Однако, несмотря на дипломатическую активность в АТР, регион до прихода к руководству МИД России Е.М. Примакова был скорее резервным в усилиях по обеспечению национальных интересов страны. Переход к активной политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе, зафиксированной в Концепции национальной безопасности России на 1996---2000 гг. и в ее новой редакции от 2000 г. был связан с пересмотром Россией своих внешнеполитических приоритетов.

Задачи обеспечения безопасности и стабильности российских дальневосточных границ, повышения геополитической РОЛИ России определили ее стремление к активному участию в делах региона, подключению к идущим там интеграционным процессам. В условиях меняющегося баланса сил Москва не заинтересована в допущении формирования здесь военно-блоковой модели интеграции и готова к совместному взаимодействию в решении ключевых проблем глобальной и региональной безопасности, противодействию кризисным явлениям, поиску общих адекватных ответов на новые трансграничные вызовы, включая финансово-экономические проблемы, наркобизнес, терроризм и организованную преступность. Приоритетной остается и задача создания максимально благоприятных условий для хозяйственного развития районов Сибири и Дальнего Востока, их гармоничного вхождения в азиатско-тихоокеанское экономическое пространство.

Учитывая, что большой объем работы по согласованию вопросов безопасности осуществляется в неофициальном формате (встречи «второй дорожки» АРФ), которые дают концептуальную почву дискуссиям по официальной линии, Россия организовала первый международный семинар по принципам безопасности и стабильности в АТР, прошедший в Москве в апреле 1996 г.

Признанием позитивного вклада России в региональное сотрудничество в АТР стало предоставление ей в 1996 г., накануне встречи Форума в Джакарте, статуса полномасштабно — го партнера АСЕАН по диалогу, что открыло дополнительные возможности, прежде всего, для развития взаимовыгодного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества со странами региона.

Россия привлекла внимание участников Форума к подписанному между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем в апреле 1996 г. в Шанхае Соглашению об укреплении доверия в военной области в районе границы — первого на азиатском континенте многостороннего документа такого типа. В нем Россия видела модель политического урегулирования, образец для разработки комплекса мер доверия, применительно к региону в целом.

Другая российская инициатива — международные семинары по принципам безопасности и стабильности в АТР — также была отмечена в позитивном плане участниками Форума, нашла воплощение в практике разработки <кодекса межгосударственного общения> стран АТР. Е.М. Примаков поддержал предложения о целесообразности участия в работе АРФ военных специалистов, подчеркнув, однако, что уровень представительства военных должен повышаться постепенно.

Крупной двусторонней мерой доверия, добровольно предпринятой Россией и Китаем, стала подписанная 23 апреля

1997 г. в Москве совместная Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Она явилась важным сигналом политической поддержки процессов

разоружения на глобальном и региональном уровнях.

Шанхайское соглашение и совместная Декларация объективно создают в Азии огромный район стабильности вдоль границы протяженностью в семь с лишним тысяч километров, обеспечивая предсказуемость и контролируемость там военной деятельности.

Проводя курс на активную дипломатию по всем азимутам, Россия выступила с целым рядом новых инициатив. Среди них: создание условий для поддержания ядерными державами договора о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия; присоединение к асеановскому Договору о дружбе и сотрудничестве; выработка кодекса

норм и принципов взаимоотношений в регионе на базе, в частности, российского документа «О принципах безопасности и стабильности в АТР». Российская делегация предложила принять меры по укреплению доверия в районах общих границ стран-членов АРФ, осуществить дополнительные стабилизационные меры (отказ от проведения военных учений, направленных против соседнего государства, ограничение учений, уведомление о крупномасштабной военной деятельности, взаимные приглашения наблюдателей на учения, установление прямой связи между местными штабами ВС). Было также предложено использовать позитивный опыт сотрудничества ряда стран АТР в области предотвращения инцидентов на море, закрепления в военных доктринах положения о готовности рассматривать друг друга в качестве партнеров по укреплению безопасности.

Россия предложила предоставлять в АРФ более подробные, чем в ООН, данные по отдельным видам вооружений, способным дестабилизировать ситуацию в АТР, высказалась за привлечение КИ-ИДР к участию в Форуме, что могло бы «способствовать обеспечению мира и стабильности на Корейском полуострове». Российские идеи и инициативы нашли отражение в итоговом документе сессии, где говорится о важности развития позитивных отношений между Российской Федерацией, США, КНР и Японией. Участники АРФ дали высокую оценку подписанной РФ и КНР в апреле 1997 г. Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Е.М.

Примаковым было предложено продолжить совместную работу стран-участниц Форума над выработкой Кодекса норм и принципов взаимоотношений и сотрудничества в АТР на базе имеющихся двух проектов (российского 1995 г. и асеановского 1996 г.) и с учетом возможных соображений и дополнений со стороны участников АРФ.

В 1998 г. в своем выступлении на пятой сессии Асеановского регионального форума Маниле Е.М. Примаков подчеркнул, что валютно-финансовый кризис, начавшийся в Восточной Азии, внес тревожные моменты в региональную обстановку. «К сожалению, наш прогноз относительно того, что наибольшую опасность для стабильности и дальнейшего прогресса региона представляют вызовы нового поколения, в том числе проблемы финансового и экономического характера, оправдался», — сказал он.

Москва расценила кризис как серьезное явление, выходящее за пределы региона и затрагивающее экономические интересы большинства стран мира. Россия изъявила готовность с учетом своих возможностей подключиться к коллективным усилиям по поиску путей выхода из сложившейся ситуации, принять конструктивное участие в их обсуждении.

Российская делегация заявила, что в регионе нужна система коллективной экономической безопасности, включающая обеспечение транспарентности финансовых механизмов, прогнозирование кризисных явлений и наработка способов раннего оповещения в подобных ситуациях.

Е.М. Примаков констатировал, что подземные ядерные испытания в Южной Азии серьезно дестабилизировали региональную и глобальную ситуацию, высказался за придание режиму нераспространения универсального характера за счет присоединения к нему всех без исключения государств, в том числе, разумеется, Индии и Пакистана. Выступая за постепенный переход к следующему этапу деятельности Форума - превентивной дипломатии, российский министр иностранных дел особо отметил ключевую роль АСЕАН в АРФ и вклад Ассоциации в развитие Форума, подчеркнул заинтересованность России в диалоге с АСЕАН как с самостоятельным полюсом силы и политического влияния в формирующемся многополярном мире. Россия заявила, что видит в АРФ основообразующее звено формирующейся в АТР многоярусной «сетки» кооперативной безопасности и стабильности, которая, хотя еще и не обрела законченного характера, но уже оказывает позитивное влияние на происходящие в регионе процессы.

Параллельно с согласованием мер доверия в военной области на многосторонней основе РФ призвала продолжить линию на укрепление мер доверия в двустороннем формате, в первую очередь между странами, имеющими общие границы. По аналогии с Ташкентскими договоренностями 1996 г., расширить сотрудничество членов АРФ на море, разработать меры доверия в этой области, обсудить вопрос о заключении многосторонних соглашений о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод.

Отметив, что у РФ, как и у других ядерных держав, есть ряд известных замечаний по Договору об учреждении зоны, подписанному в декабре 1995 г. в Бангкоке и вступившему в силу в марте 1997 г., а также по Протоколу о присоединении к нему других государств, Е.М. Примаков выразил готовность к консультациям с АСЕАН по тексту Протокола, с тем чтобы этот документ фиксировал реальные и учитывающие интересы всех сторон обязательства ядерных держав. Он сообщил участникам Форума, что Российской стороной подготовлен новый обобщенный проект декларации о руководящих принципах взаимоотношений в АТР «Тихоокеанское согласие».

В качестве своего вклада в развитие межсессионной деятельности АРФ Россия провела в апреле 1999 г. в Москве очередную встречу группы поддержки по одному из наиболее актуальных направлений сотрудничества по ликвидации последствий стихийных бедствий. А в апреле 1999 г. по инициативе России во Владивостоке состоялась международная конференция под девизом «к всеобъемлющей безопасности и сотрудничеству в АТР», на которой на обсуждение участников был вынесен обобщенный российско-асеановский проект Декларации о руководящих принципах взаимоотношений в АТР ПОД названием «Тихоокеанское согласие». Проект нацелен на то, чтобы с учетом общемирового опыта и специфики АТР вычленили главные руководящие принципы цивилизованных отношений государств в регионе, которые должны составить основу формирования здесь нового регионального порядка XXI века.

Применение силы со стороны НАТО в отношении Югославии, причем без санкции Совета безопасности ООН, поставило под вопрос позитив, нарабатанный в международных отношениях за последние годы, породило естественную обеспокоенность государств за свою безопасность, в том числе в АТР.

Тем не менее в своем выступлении на шестой сессии АРФ в Сингапуре в 1999 г. новый министр иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванов охарактеризовал положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом как стабильное. Он отметил, что несмотря на осложнение ситуации в мире и в АТР, можно считать, что позитивную динамику, обретенную за годы после окончания глобальной биполярной конфронтации, удалось сохранить.

В отношении экономических вопросов, И.С. Иванов высказал мысль о том, что АТР нуждается в эффективных механизмах наблюдения за финансово-экономической ситуацией в регионе, которые могли бы стать основой для поиска путей создания коллективных инструментов предотвращения валютно-финансовых кризисов, базой экономической безопасности в регионе.

Российский министр подтвердил, что Москва рассматривает АСЕАН как авторитетную международную силу, один из самостоятельных полюсов в формирующемся многополярном мире, который в нынешних непростых условиях демонстрирует жизнестойкость и способность вновь встать на путь динамичного развития.

В 1996 г. российской стороне был передан подготовленный малазийцами в сугубо предварительном плане асеановский проект аналогичного документа — Тихоокеанское согласие, положения которого во многом перекликались с российским проектом Декларации.

На шестой сессии регионального Форума АСЕАН Россия подтвердила свою позицию в отношении поэтапного и комплексного движения всех пяти ядерных держав к цели ядерного разоружения, «без искусственного торможения, но и без забега вперед». Она еще раз заявила о своей поддержке усилий стран АСЕАН по созданию безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии, отметив, что эта безъядерная зона — реальный вклад в нераспространение ядерного оружия и упрочения региональной стабильности.

Россия продолжает согласование условий, при которых она могла бы подписать соответствующий протокол и, таким образом, дать странам зоны соответствующие гарантии безопасности. Подтверждено намерение присоединиться к Балийскому договору 1976 г. о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии в удобной для его участников форме.

Российская делегация выразила озабоченность планами США и Японии по созданию систем противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) в Северо-Восточной Азии, указан, что их реализация узким составом участников и без учета интересов других стран региона может привести к подрыву сложившегося баланса сил, возрастанию напряженности в конфликтных точках АТР, новому витку региональной гонки

вооружений. И.С. Иванов отметил, что растущую поддержку в регионе получают идеи построения многополюсного мира, который отражал бы складывающиеся новые реалии, повышал степень сбалансированности международных отношений в целом. Россия неизменно выступает за то, чтобы на пространстве АРФ постепенно формировалось азиатско-тихоокеанское сообщество кооперативной безопасности и совместного процветания. В связи с этим еще раз был подтвержден конструктивный вклад в процесс АРФ представителей военных ведомств и необходимость дальнейшего расширения их участия во всех мероприятиях Форума.

Считая, что до начала перехода ко второму этапу участники АРФ должны четко уяснить концепцию и основные принципы превентивной дипломатии, российская сторона выразила готовность активно участвовать в разработке такой концепции.

Министр иностранных дел РФ, отметив, что проект Декларации о руководящих принципах взаимоотношений в АТР «Тихоокеанское согласие», обсужденный на Владивостокской конференции, признан участниками приемлемой основой для продолжения дискуссии, и выразил уверенность, что принятие такого «кодекса поведения» государств АТР отвечало бы интересам всех стран региона, способствовало бы укреплению стабильности и безопасности в этом районе мира.

На седьмом Форуме в 2000 г. в Таиланде российская сторона добивалась сохранения и наращивания позитива, накопленного за последние годы в региональных делах, в том числе путем дальнейшего повышения эффективности существующих в АТР структур диалога, прежде всего, самого АРФ. Россия проявила заинтересованность в активизации его деятельности, продолжении начатой работы над подходами к внедрению в АТР методов превентивной дипломатии.

Выход России из военного уравнения в АТР, вероятно, не может (по крайней мере в ближайшем будущем) быть компенсированным другого рода возможностями подключения к взаимодействию с членами сообщества, кроме как в рамках АРФ.

Сложные отношения России в Европе делает проблему военно-политических связей со странами АТР особенно актуальной. Хотя возможностей для этого не слишком много, их тем более необходимо использовать для «врастания» России в структуры региональной безопасности и обеспечения своих национальных интересов.

Литература

Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия — контуры безопасности / Под ред. А.Д. Воскресенского и Н.П. Малетина. М., 2002.

АСЕАН — итоги, проблемы, перспективы. М., 1998.

Заказникова Е.П. Юго-Восточная Азия — в поисках лучшего будущего. М., 1991.

Россия в АТЭС. Новые возможности в новых условиях. М., 2000.

Хазанов А.М., Заирбек В.А., Панкратьев В.П., Шарипов УЗ. Проблемы безопасности в Азии. М., 201.

Юго-Восточная Азия в 1999 г. Актуальные проблемы развития. М., 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Программа курса

«Региональные подсистемы современных международных отношений на Востоке»

Цели и задачи ДИСЦИПЛИНЫ — получение знаний о механизме функционирования региональных подсистем международных отношений (МО) на Востоке в контексте общих закономерностей международных отношений и всемирно-исторического процесса. Для достижения этой главной цели необходимо понимание основных положений системного подхода вообще и его преломления к международным отношениям в частности, а также цивилизационной специфики стран Азии и Африки. В ходе образовательного процесса также приобретаются знания о конкретных воплощениях общих закономерностей функционирования региональных подсистем международных отношений в странах Азии и Африки. Параллельно этому приобретаются знания об основной литературе по функционированию региональных подсистем в странах Востока. В связи с дискуссионностью многих вопросов, связанных с региональными подсистемами, особый упор делается на самостоятельную работу студента с литературой специализированного характера.

Тема 1. Проблематика курса и основные положения теории систем

Проблематика и задачи курса. Системный подход и теория систем. Противоречия и их роль в системе. Основные свойства систем и подсистем. Классификация систем. Качество систем и принципы управления ими. Безопасность как свойство системы. Общие принципы организации и механизмы обеспечения безопасности в системе.

Тема 2. Системный подход в международных и межгосударственных отношениях

Особенности и основные направления системного подхода в МО. Типы международных систем. Законы функционирования и трансформации международных систем. Системы и подсистемы в МО. Критерии вычленения региональных подсистем. Регионы и региональные подсистемы. Региональный и глобальный срез МО. Региональные подсистемы и комплексы двусторонних отношений. Региональные подсистемы и межрегиональные отношения и проблемы.

Теории «центра-периферии», «мир-системы», «первого», «второго», «третьего» и «четвертого» миров. Цивилизации и региональные подсистемы. Цивилизационные миры (исламский, индийский, конфуцианский, буддийский) и «культурные ареалы» как региональные подсистемы.

Понятие субрегиона в регионе. Критерии вычленения субрегиона: подчиненность общим тенденциям регионального развития, наличие субцивилизации или осуществление синтеза цивилизационного взаимодействия, высокая степень взаимозависимости стран субрегиона (геополитическое, экономическое, этно-демографическое, социальное, государственно-политическое притяжение отталкивание).

Особенности генезиса и развития субрегиональных группировок де-факто: наличие острой проблемы глобального звучания. Результат биполярной конфронтации прошлого, буферный статус государств, выгоды экономического сотрудничества, общие проблемы в

сфере внутривластического развития, стереотипы национального социального поведения.

Особенности становления и развития субрегиональных группировок де-юре: наличие субрегиональных институтов. Специализация региональных и субрегиональных институтов, пределы наднационального регулирования институтов.

Региональные подсистемы: критерии выделения.

Тема 3. Тенденции формирования общемировой (мировой) системы международных отношений и историческая специфика формирования региональных подсистем

Разобщенность древнего и средневекового мира. Локальные и региональные комплексы международных отношений (Восток/Запад). Появление системы современных государств в Западной Европе. Войны и перемирия европейского масштаба. Тенденции расширения ареала европейской политики. Роль Востока в международных отношениях в доколониальную и колониальную эпохи. История формирования «восточных под- систем» мировых отношений. Мировые войны XX в. и их влияние на формирование системы МО и региональные подсистемы МО на Востоке.

Международная (внешняя) политика современных государств. Взаимосвязь внешней и внутренней политики. Политическая система государства, идеология и внешняя политика. Внешняя политика: глобальный и региональные аспекты. Региональные аспекты внутренней политики. Проблема границ и государственной целостности. Межгосударственные отношения: их основные типы и подсистемы.

Тема 4. Восток в системе международных отношений и мировой политики

Восток и Запад во втором тысячелетии: основные тенденции развития в сравнительной перспективе.

Пик политического господства в мире стран Запада. Усиление роли стран Востока на первом пост-колониальном этапе и завершение первого этапа процесса деколонизации после Второй мировой войны. Рост значения стран Востока в противостоянии политико-идеологических систем в годы «холодной войны». Политико-идеологическое и военно-экономическое соперничество экономически развитого «северного Запада» и индустриально-коллективистского «северного Востока» в зоне авторитарно-общинного «южного Востока». Укрепление позиций нефтедобывающих мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока. Освобождение Африканского континента от прямой колониальной зависимости. Выход КНР на мировую политическую арену. Становление Японии как экономического и финансового игрока мировой системы. Роль «новых индустриальных стран» (НИС).

Ослабление и распад социалистической системы и СССР. Геополитическое отступление «северного Востока».

Сдвиги в геодемографической структуре мира во второй половине XX в.

Демографический бум в странах Востока. динамика душевых и валовых доходов.

Экономическое «чудо» в Японии и НИС. Хозяйственные успехи Китая и Индии.

Увеличение военно-технических возможностей азиатско-африканских государств.

Распространение ядерных технологий в ареале стран Азии и Африки.

Дискуссия о путях модернизации в странах Востока и поиски национальной идентичности.

Тема 4. Ближний Восток как региональная подсистема МО

Географическое очертание, состав и структура ближневосточной подсистемы МО.

Обоснование региональных конфигураций. Анализ исторических фактов по критериям субрегиона. Факторы, формирующие общерегиональные тенденции на Ближнем Востоке (территориально-природные, культурно-цивилизационные, исторические, этнические).

Общность интересов в процессах модернизации.

Ближний Восток в глобальной системе МО. Геополитическая роль региона. Влияние нефтяного фактора на характер взаимоотношений Ближнего Востока с внешним миром.

Особенности Ближнего Востока как региональной подсистемы МО: отсутствие общерегиональных органов, наличие центростремительных и центробежных тенденций, повышенная конфликтность в регионе.

Лига арабских государств и ее роль в регионе.

Тема 5. Субрегиональные подсистемы на Ближнем Востоке

Основные тенденции в региональной подсистеме МО на Ближнем Востоке. Ближний Восток и Северная Африка как субрегиональные подсистемы: критерии вычленения, проблемы и перспективы.

Интеграционные процессы в регионе. Особенности функционирования Лиги арабских государств как интеграционного объединения.

Субрегиональная подсистема стран Персидского залива. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Социально-политические особенности, цели, роль и перспективы ССАГПЗ.

Союз Арабского Магриба (САМ) — субрегиональное политико-экономическое объединение. Интеграционные процессы в странах Магриба в 80—90-х годах XX в. САМ как политико-экономическая структура. Взаимоотношения стран Магриба. Отношения САМ с ЕС, США, СССР/Россией. Общая позиция САМ по важнейшим региональным проблемам. САМ: проблемы и перспективы.

Тема 6. Типология региональных и межрегиональных конфликтов на примере арабо-израильского конфликта

Ближневосточный конфликт как хрестоматийный пример затяжного многоуровневого противостояния. Столкновение арабских государств и Израиля как фактор, определяющий межгосударственный характер конфликта. Основа конфликта — палестинская проблема (конфликт между Израилем и палестинцами) как этно-политическое и этно-территориальное противостояние. Широкий международный контекст конфликта — конфликт как часть глобальных международных отношений. Противоречия между ведущими мировыми державами как фактор, определяющий структурную динамику ближневосточного конфликта и характер вовлеченных в него сил. Арабо-израильский конфликт как механизм реализации глобального соперничества. Эволюция конфликта. Корни арабо-израильского конфликта (исторические, социально-политические, идеологические, психологические и др.). Роль внешнего фактора в конфликте. Мирные договоры Израиля с Египтом и Иорданией, соглашения Израиля с палестинцами. Конфликт как арена американосоветского соперничества. Современное состояние — включенность конфликта в международные отношения глобального уровня. Значение этно-политической и этно-территориальной составляющей конфликта в современных условиях. Причины особой сложности урегулирования. Конфликт между арабскими государствами и Израилем как конфликт интересов. Палестинская проблема как конфликт интересов и конфликт ценностей. Подход России к ближневосточному урегулированию.

Специфика ближневосточного конфликта — сосуществование конфликтов разных поколений. Конфронтация между Израилем и отдельными арабскими государствами как классический пример регионального конфликта, характерного для периода холодной войны. Противостояние с палестинцами как конфликт современного типа, в котором межэтнические противоречия определяют динамику конфликтных взаимоотношений. Результаты ближневосточного урегулирования (позитивные и негативные) как особый региональный опыт и как путь к поиску универсальных подходов к разрешению затяжных конфликтов современности.

Тема 7. Средний Восток как региональная подсистема МО

Географическое очертание, состав и структура средневосточной подсистемы МО. Обоснование региональных конфигураций.

Анализ исторических фактов по критериям субрегиона. Подчиненное положение стран Среднего Востока до Первой мировой войны. Альянсы европейских государств в период Лиги Наций и их попытки втянуть государства Ближнего Востока в сферу своей политики в межвоенный период. Первая попытка создания региональной политической организации стран Среднего Востока (Саадабадский пакт). Попытки дистанцирования от стран «оси» с одной стороны, и от СССР и его союзников — с другой. Участие стран

Ближнего Востока (за исключением Афганистана) в блоковой политике стран Запада. Роль региональной организации — Багдадского пакта (СЕНТО) — в региональной подсистеме отношений. Создание собственных региональных организаций стран Среднего Востока в 60-е годы (Организация регионального сотрудничества ради развития, Организация экономического сотрудничества). Современное состояние и перспективы региональной под- системы МО на Ближнем Востоке: проблема Афганистана, попытки консолидации Ирана с соседями на основе исламских ценностей, Турция как член НАТО, но не член ЕС и др. Роль региона в современной мировой геополитической конфигурации.

Тема 8. Южная Азия как региональная подсистема МО Географические очертания, состав и структура южно-азиатской подсистемы МО.

Индия — историко-культурная основа и геополитический центр региона. Основы доминирующего положения Индии в Юго-Восточной Азии. Сотрудничество стран подсистемы — достижения, ограничители и перспективы. Антагонизм Индии и Пакистана как один из структурообразующих элементов подсистемы. Значение Пакистана как государства на стыке исламского и индийского цивилизационных ареалов. Пакистан и геополитическая ситуация в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Роль Индии в Индоокеанском и Тихоокеанском ареалах экономического взаимодействия. Южно-азиатская подсистема и Китай. Конфликтный потенциал региона. Проблема ядерного оружия и устранения угрозы военного противостояния. Нынешний этап и перспективы развития отношений России с Индией и другими государствами региональной подсистемы.

Тема 9. Центральная Азия: проблемы и перспективы как «особой» субрегиональной подсистемы МО

Центральная Азия как относительно самостоятельная субрегиональная (под)система международных отношений. Системообразующие функции специфических характеристик Центральной Азии: общность исторической судьбы, культурное сходство, доминирование тюркского этноса. Унификация процессов общественного развития в регионе (включая выбор единой модели модернизации) из-за длительного существования в рамках Российской империи, а затем советского унитарного государства в качестве союзных республик. доминирующая роль двусторонних межгосударственных отношений, малоуспешность попыток внутрорегиональной интеграции. Слабые экономические связи между государствами Центральной Азии, отсутствие экономической взаимозависимости, политическое соперничество между ведущими местными акторами и т.п. Ограничители региональной системы безопасности: различие для государств региона реальных и потенциальных угроз, различие представлений о том, каким образом лучше противостоять угрозам. Поиски национальной самоидентификации центрально-азиатскими государствами не только как естественное стремление к возрождению собственной культуры и традиций, но и как элемент политической конструкции, подчиненный задаче поиска новых партнеров и диверсификации связей. Занимающая выгодное геостратегическое положение, представляющая собой важный транзитный коридор и обладающая естественными ресурсами Центральная Азия как объект притяжения для различных региональных и глобальных сил: государств Ближнего и Среднего Востока (прежде всего мусульманских), Китая, государств Южной и Юго-Восточной Азии, европейских стран и США). Центральная Азия как зона жизненно важных интересов России и влияние этого фактора на специфику структуры и системы субрегиональных отношений.

Тема 10. АТР (Восточная Азия) как региональная подсистема международных отношений

Границы АТР и Восточной Азии. Обоснование географической конфигурации.

АТР в глобальной системе международных отношений.
Конфигурация взаимоотношений государств в АТР. Внешнеполитическая стратегия США. Региональные приоритеты США в АТР. Внешнеполитическая стратегия КНР. Внешнеполитическая стратегия Японии. Внешнеполитическая стратегия России. Современная геополитическая расстановка сил в АТР.
Критерии порога применения силы и критерий взаимозависимости в АТР. Критерий взаимоотталкивания государств АТР и факторы, определяющие конфигурацию региональных взаимодействий. Типовые разновидности региональных конфигураций взаимодействия: биполярная, полицентрическая, интегративная.
Принципы и правила взаимодействия государств АТР. Параметры межгосударственных взаимодействий в АТР. Региональная система ценностей. Специфика развития «синтетической цивилизации АТР». Региональная подсистема в АТР и проблема «культурного синтеза» в регионе. Развитие субрегиональных структур в АТР. Понятие субрегиона. Критерии вычленения субрегионов. Особенности генезиса и развития субрегиональных группировок. Особенности генезиса и развития субрегиональных структур и институтов. Сценарии взаимодействия и прогнозы региональных и субрегиональных структур и институтов.

Тема 11. История формирования региональной подсистемы МО в АТР

Становление новой системы международных отношений в АТР после Второй мировой войны (1945—1955). Эволюция региональной системы МО в АТР в 1955—1975. Постепенное размывание биполярной структуры: советско-китайский конфликт и война США во Вьетнаме. Трансформация региональной подсистемы в 1975—1991. Международные отношения в АТР и распад Советского Союза. Международные отношения и АТР в 1990-е годы: основные тенденции развития. Региональные конфликты: корейская и тайваньская проблемы. Конфликтный потенциал региональной подсистемы: история и современность. Тихоокеанская экономическая интеграция в АТР в 1990-е годы: проблемы и достижения. Ядерный фактор и региональные МО (корейская проблема). Тихоокеанская политика Российской Федерации: приоритеты и проблемы. Россия и интеграционные проблемы в АТР.

Тема 12. Северо-Восточная Азия как субрегиональная подсистема МО

Границы Северо-Восточной Азии (США). Обоснование географической конфигурации. СВА в глобальной системе международных отношений. Основные тенденции развития экономики и внешнеэкономических связей в СВА. Военно-политическая ситуация в регионе (субрегионе). Интеграционные процессы в СВА.

Конфигурация взаимоотношений государств в СВА. Внешнеполитическая стратегия и региональные приоритеты США в СВА. Внешнеполитическая стратегия КНР и Японии в СВА, внешнеполитическая стратегия России в СВА. Современная геополитическая расстановка сил в субрегионе.

Проблема российского Дальнего Востока. Проекты века: Туманганский проект, Транссиб, ТРАСЕКА. Проблема «треугольников роста». Концептуальные идеи включения российского Дальнего Востока в мировой рынок.

Тема 13. Юго-Восточная Азия как (суб) региональная подсистема МО

Критерии выделения региона Юго-Восточной Азии (ЮВА). ЮВА как географический и «цивилизационный» ареал. Общность социальных структур и религиозных традиций ЮВА. Концепции «мандалы» и «негары» в современном востоковедении. Анализ

исторических фактов по критериям субрегиона.

История формирования межгосударственных отношений в ЮВА: от отношений между государствами к региональной под- системе. Специфика взаимоотношений «восток/запад» в ЮВА.

Специфика интеграционных процессов в ЮВА. Разработка политической модели «азиатской демократии» и специфика ее воплощения в разных странах. Политическая интеграция и безопасность в ЮВА. Процессы экономической интеграции в ЮВА. АСЕАН в АТР и ЮВА. Соотношение АТР—ЮВА.

Особенности становления и развития субрегиональных структур в ЮВА. Стереотипы социального поведения, взаимодействие с внерегиональными гуманитарными влияниями. Дихотомия «региональная однородность—региональная гетерогенность» в ЮВА. Уровень внутререгиональной конфликтности и стереотипы конфликтного поведения. Эволюция общерегиональных экономических и политических структур и институтов. Уровень автономности и взаимозависимость внутререгиональных центров силы (Китай, Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Индонезия).

ЮВА как (суб) региональная подсистема МО: общие особенности внешних политик, восприятия глобальных угроз и отношения к миру.

Тема 14. Африка как региональная подсистема МО

Африка как региональная подсистема МО: правомерность постановки вопроса.

Подсистемы МО в Африке: исторический, культурный и географический критерии.

Превращение Тропической и Южной Африки из объекта в субъект международных отношений в первой половине 60-х годов XX в. Создание Организации Африканского единства

(ОАЕ), основные цели и задачи ОАЕ. Участие африканских государств в ООН, движении неприсоединения и других международных организациях (60-е — середина 80-х годов XX в.). Причины относительно самостоятельной роли африканских государств на международной арене в этот период.

Геополитические изменения во второй половине 80—х годов и африканский континент. Причины экономического, политического кризиса большинства африканских государств, их не- способность решать свои внутренние проблемы. Причины и последствия ослабления интереса промышленно развитых государств к Африке. Появление региональных центров силы — Нигерия и ЮАР. Современная роль ОАЕ и субрегиональных организаций. Отношений африканских государств с промышленно развитыми странами мира. Межафриканские отношения на современном этапе.

Тема 15. Восток в мировой и региональных системах (подсистемах) международных отношений в XXI в.

Перспективы эволюции системы международных отношений и мировой политики: роль национальных государств, над- национальных объединений, цивилизационных общностей. Циклы и ритмы истории и будущее мирового развития.

Запад и Восток — тенденции культурно-политического противостояния. Конфликты на стыках культурных ареалов и региональных подсистем.

Перспективы «исламского фактора в региональной подсистеме Ближнего и Среднего Востока. Роль индийской цивилизации и государственности в (суб) региональной подсистеме Южной Азии. Роль китайского «государства-цивилизации» в АТР. Дискуссия о лидирующей роли Японии.

Геодемографический потенциал и социально-экологические проблемы в странах Азии и Африки. Пессимистические концепции. Концепции ослабления гегемонии Запада.

Концепции сохранения гегемонии Запада в универсальной мировой цивилизации.

Концепции усиления роли Востока: мировые и региональные аспекты.

Перспективы восточных региональных подсистем в мировой системе отношений.

Основные тенденции внутреннего и глобального развития, определяющие будущее региональных подсистем: количественная динамика экономического роста, качественные компоненты развития экономической структуры в регионе, эволюция социальных характеристик региона, развитие гуманитарных характеристик региона (правовые

принципы и нормы, статус личности и национально-религиозных меньшинств, культура, информационное пространство, стереотипы социального поведения, взаимодействие с внерегиональными влияниями).

СЕМИНАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Тема 1. Системный подход в международных и межгосударственных отношениях. Система МО и региональные подсистемы. Подходы: системный и системно-цивилизационный

Вопросы для обсуждения:

1. Основные положения системного подхода.
2. Особенности и основные направления системного подхода в МО.
3. Типы международных систем. Системы и подсистемы МО.
4. Регионы и региональные подсистемы: критерии вычленения.
5. Теории «центра-периферии», «мир-системы», «трех миров».
6. Цивилизации и региональные подсистемы.

Литература.

См. список общей обязательной литературы по курсу.

Тема 2. Восток и региональные подсистемы МО на Востоке в системе международных отношений и мировой политике

Вопросы для обсуждения:

1. Включение стран Азии и Африки в общемировую систему отношений.
2. Место Востока в представлениях о мировом обществе и мировой политике.
3. Перспективы региональных подсистем МО на Востоке.
4. Россия и Восток: дискуссии и тенденции.

Литература:

Белокреницкий В.Я. Восток через призму мировых демографических прогнозов (к вопросу о геодемографии и геополитике будущего века) // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность.

М., 1999.

Кеннеди П. Вступая в XXI век. М., 1997.

Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история, современность. М., 1997.

Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998.

Политическая история государств Азии и северной Африки. М., 1996. Т. 1—2.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999.

Тема 3. Ближний Восток как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения.

1. Ближний Восток как региональная подсистема МО: история и современность, особенности.
2. Субрегиональные подсистемы МО на Ближнем Востоке и специфика их функционирования.
3. Тийология современных конфликтов и конфликтов периода «холодной ВОЙНЫ».
4. Многоуровневый характер ближневосточного конфликта, его эволюция и структура.

5. Перспективы урегулирования ближневосточного конфликта.

Литература

Александров И.А. Монархии Персидского залива. М., 2000.

Арабский мир в конце XX века. М., 1996.

Ближневосточное урегулирование проблемы и перспективы. М., 1998.

Ковтунов А.[. Проблемы интеграции стран Магриба. М., 1998.

Лебедева М. м. Политическое урегулирование конфликтов. м., 1997.

Мальцев Ю. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994.

Мелкумин ЕС. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М., 1999.

Дополнительная литература:

Киселев В.И. Палестинская проблема в международных отношениях. региональный аспект, М., 1988.

Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.

Примаков Е.М. История одного сговора м.. 1985.

Тема 4. Средний Восток как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения:

1 формирование региональной подсистемы МО на Ближнем Востоке. Анализ исторических фактов по критериям субрегиона.

2. Региональные военнополитические и экономические организации (Саадабадский пакт, Багдадский пакт, Организация регионального сотрудничества ради развития, Организация экономического сотрудничества): история образования, механизм(ы) функционирования значение.

3. Современное состояние и перспективы региональной подсистемы МО на Ближнем Востоке.

4. Роль региона в современной мировой геополитической конфигурации.

Литература:

Агаев С.Л. Иранская революция, США и Международная безопасность. М., 1986.

Дружиловский СБ. Исламская республика Иран на рубеже 80— 90-х годов. М., 1992.

История Афганистана. М., 1982.

Мирский Г. Багдадский пакт — орудие колониализма. М., 1956.

Орлов Е.А. Внешняя политика Ирана после Второй мировой войны. М., 1975.

Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений 1919— 1987. М., 1986.

Тюрккая Атаев. США, НАТО и Турция. М., 1973.

Тема 5. Южная Азия как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения:

Происхождение и этапы формирования Южной Азии как региональной подсистемы.

2. Доминирующая роль республики Индии в региональной подсистеме МО.

3. Причины соперничества между Индией и Пакистаном. Спор вокруг Кашмира.

Экономические, военно-технические, в том числе ядерные, потенциалы двух государств.

4. Перспективы сохранения мира в регионе и его внутреннего единства.

5. Место южно-азиатской подсистемы в мировой системе отношений. Особенности отношений Индии и Пакистана со странами-соседями, а также ведущими государствами мира.

Литература:

Южная Азия: Конфликты и геополитика. М., 1999.

Юрлов Ф.Н. Россия и Индия в меняющемся мире. М., 1998.

Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998.

Тема б. Центральная Азия как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения:

1. Основные особенности центрально-азиатского региона, позволяющие рассматривать его как субрегиональную систему (подсистему) международных отношений.

2. Система двусторонних отношений в Центральной Азии и причины ее доминирования.
3. Основные вызовы безопасности в регионе Центральной Азии.
4. Роль внешних сил в Центральной Азии.
5. Россия и государства Центральной Азии.

Литература:

Лунев С. И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.

Многомерные границы Центральной Азии / Ред. М. Олкотг, А. Малашенко. М., 2000.

Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии — внешние факторы // Центральная Азия и Кавказ.

2000. Г 1(7).

Центральная Азия: Новые тенденции в экономике / Отв. ред. А.И. Цинкевич. М., 1998.

Тема 7. АТР (Восточная Азия), Северо-Восточная Азия как региональные (субрегиональные) подсистемы МО

Вопросы для обсуждения:

1. АТР и Восточная Азия как региональные подсистемы МО.
2. СВА как субрегиональная подсистема МО.
3. Специфика АТР и СВА как региональной и субрегиональной подсистемы МО.
4. Региональные и межрегиональные конфликты и проблемы безопасности на примере АТР и СНА.
5. Интеграционные процессы в регионе.

Литература:

См. список общей обязательной литературы и обязательной литературы по региону.

Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии и реальность. М., 1997.

АСЕАН в системе международных политических отношений. М., 1993.

АСЕАН в системе международных экономических отношений. М., 1993.

Бурый А. Межрегиональная ассоциация Дальний Восток и Забайкалье' и интеграция российского дальнего Востока в АТР /1 Проблемы дальнего Востока. 1998. Б 5.

Гончаренко С. Форум «Азиатско-тихоокеанское сотрудничество», Торгово-экономические группировки в регионе АТЭС /1 Проблемы дальнего Востока. 1999. I 3.

Кистанов В. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу «азиатским путем»? // Проблемы дальнего Востока. 1998. 1 1.

Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998. Постиндустриальный мир: Центр, периферия, Россия / Глобализация и периферия. М., 1999. Ч. 2.

Российский дальний Восток и Северо-Восточная Азия. М., 1998.

Семин А. Японо-китайские отношения в современном мире /1 Проблемы Дальнего Востока. 1998. I 3.

Стратегия развития России в АТР в 21 веке. Аналитический доклад. М., 2000.

Хонг ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М., 1998

Хон Ван Сук. Динамика соотношения сил и особенности механизмов международных отношений в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. I 3.

Чэн Дж.И.С. Политика Китая в отношении АСЕАН в 1990-х гг.: Подталкивание к многополярности /1 Проблемы Дальнего Востока. 1999. Р 4.

Широков Г.К. Мировые центры и периферия: Пути социально-экономического развития 1/ Восток. 1998. 1994

Тема 8. Юго-Восточная Азия как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения:

1. Критерии выделения субрегиона ЮВА. ЮВА и АТР.
2. Анализ исторических фактов по критериям субрегиона.
3. Специфика интеграционных' отношений и внутрирегиональных конфликтов в ЮНА.
4. Специфика внутрирегиональных «центров силы» в ЮВА (Китай, Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Индонезия).

Тема 9. Африка как региональная подсистема МО

Вопросы для обсуждения.

1. Африка — региональная подсистема или конгломерат субрегиональных подсистем? Критерии анализа.
2. Африканские государства в международных организациях.
3. Возникновение субрегиональных африканских организаций и их роль на континенте в настоящее время.
4. Отношения африканских государств с промышленно развитыми странами мира.
5. Межафриканские отношения на современном этапе.
6. Причины изменения политической роли африканского континента в 60—90 годах XX в.

Литература:

Обязательная

Африка. Особенности политической культуры. Труды Института Африки. М., 1999. Т. 12. Журнал «Азия и Африка сегодня» — текущие публикации. Журнал «Восток текущие публикации».

История Тропической и Южной Африки в новейшее время. М., 1989.

Дополнительная

Африка: Многовариантность развития. М., 1997.

Демократия в Африке: 1980—1990 гг. (предварительные итоги). М., 1997.

Некоторые аспекты политики Западных держав в Африке. М., 1998.

Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1999.

Сумбатьян Ю.Г. Африка на пороге XXI в.: Политические проблемы и перспективы. М., 1997.

Тропическая Африка: От авторитаризма к политическому плюрализму. М., 1996.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Обязательная литература общего характера:

Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., 1999.

Международные отношения: Социологические подходы. М., 1998.

Могмлевский В.Д. Методология систем. М., 1999.

Системная история международных отношений / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1—2.

Современные международные отношения / Под редакцией А.В. Торкунова. М., 2000.

Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996.

дополнительная литература общего характера:

Парсонс Т. Система современных обществ М., 1997.

Обязательная литература по региональным подсистемам:

Ближний и Средний Восток

Арабский мир в конце XX века. М., 1996.

Васильев А.Г. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.

Омар А.А. США, исламский Ближний Восток и Россия. М., 1995. Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999.

Азиатско-Тихоокеанский регион

Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.

Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1998.

Воскресенский Ад. Россия и Китай: Теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

Малетин Н.П. АСЕАН: Три десятилетия (1967—1997) — три политики. М., 1997.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.

Торкунов А. В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: Новый взгляд. М., 1995.

Хон Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М., 1998.

Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии. М.,

1998.

Южная Азия

Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. М., 1997.

Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы). М., 1994.

Южная Азия: Конфликты и геополитика. М., 1999.

Центральная Азия

Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000.

Постсоветская Центральная Азия: потери и приобретения. М., 1998.

Центральная Азия: Новые тенденции в экономике М., 1998.

Африка

Африка. Региональные аспекты глобальных проблем / Отв. ред. С.А. Бессонов. М., 1996.

Бельский В. Континент конфликтов // Международная жизнь.

1997. 1 8.

Егоров В.В., Рыбаков Ю.В., Фокеев Г.В. Африка на пороге 80-х годов. М., 1980.

Некlessа А. Перспективы глобального развития и место Африки в новом мире // Мировая экономика и международные отношения.

1995. 1 8.

Приложение 2

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Программа курса

«Региональные аспекты современных международных отношений на Востоке»

Цели и задачи дисциплины — получение знаний о региональных аспектах современных международных отношений в странах Азии и Африки (Восток) в контексте всемирно-исторического процесса. Для достижения этой главной цели необходимо понимание механизма функционирования и основной проблематики современных проблем международных отношений в региональном разрезе, соотношения факторов внутреннего развития и внешних влияний, политики России в региональном внешнеполитическом разрезе. Параллельно студентами приобретаются знания об основных источниках и литературе по региональным проблемам современных международных отношений. Курс рассчитан на 6—8 занятий, представляющих собой коллоквиумы, посвященные региональным проблемам современных международных отношений. Первое занятие представляет из себя обзорную лекцию преподавателя, посвященную задачам курса и основной проблематике. К коллоквиуму 1 рекомендована общая обязательная литература по курсу. Обязательная литература по регионам прилагается в конце программы. Проблематика курса, в которой должен ориентироваться студент на зачете, представлена в описаниях коллоквиумов. Темы для обсуждения на коллоквиумах предложены в качестве ориентиров, одновременно они являются темами для повторения при подготовке к зачету. Ведущий семинара и студенты выбирают для обсуждения пять—шесть тем из предложенного списка, модифицируют их или формулируют темы в соответствии с конкретными интересами в рамках обсуждаемой общей темы. Приветствуется самостоятельный поиск дополнительных материалов в энциклопедиях, любых отечественных и зарубежных учебниках и учебных пособиях, отечественных и зарубежных научных и массовых журналах. Знаком « * » отмечена литература для первоочередного чтения. Перед очередным семинаром преподаватель дополнительно комментирует список литературы для подготовки.

Коллоквиум 1

Глобальные, национальные и региональные измерения международных отношений.

Основная проблематика курса

Национальная, региональная и глобальная экономика. Понятие региональных подсистем международных отношений. Регионы и региональные подсистемы. Региональные структуры и проблема структурированности региональных отношений. Типы

региональных структур. Регионоведение и регионалистика. Определение понятий и разграничение субдисциплин. Регионоведение и региональная политика. Единицы социально-экономического пространства, структурно-функциональная организация региона и структурные характеристики регионов. Объективная обусловленность региональных процессов. Комплексное регионоведение и комплексное страноведение. Структура и опорные элементы комплексных регионоведческих характеристик. Место региона в системе международных отношений, его экономические, геополитические, цивилизационные характеристики.

Глобальные и региональные конфликты. Глобальные и региональные кризисы. Регионы и комплексы двусторонних отношений. Многосторонние соглашения, региональный и глобальный срез международных отношений. Политическая составляющая региональных отношений. Экономическая составляющая региональных отношений. Региональные экономические организации интеграционного типа. Глобальная система и дискуссия о государстве-доминанте. Проблема многополярности и доминант региональной подсистемы международных отношений. Региональные территориальные споры и глобальная безопасность. Региональные режимы безопасности. Региональные геостратегические и геоэкономические треугольники. Соотношение сил в регионе. Национальная, региональная и глобальная безопасность.

Вопросы для обсуждения.

1. Соотношение между национальными, региональными и глобальными проблемами.
2. Регионы и региональные подсистемы.
3. Глобальные и региональные конфликты и кризисы.
4. Регионы и комплексы региональных и двусторонних отношений.

Учебники и хрестоматии:

* Богатуров Ад. Великие державы на Тихом океане, М., 1997. Гл. 2: Региональная специфика структур стабильности.

Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. М., 1999. Т. 2: Региональные и страновые направления внешней политики России. Т. 3: документы.

* Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1998.

* Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.

* Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика.

М., 1998.

Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Под ред. МВ. Ильина. М., 1999.

* Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 1998. Раздел 2. Гл. 3—7.

* Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / Под ред. А.Ю. Мельвяля. М., 1999.

Коллоквиум 2

Новые тенденции постиндустриального мира

и региональные проблемы международных отношений

Крах биполярности. Активизация периферийных зон. Проблема национально-культурной идентичности. Новые тенденции постиндустриального мира и региональные проблемы международных отношений. Гегемоны и лидеры в международных отношениях.

Специфика Востока. Евразийство и региональные проблемы международных отношений. Восток — Запад: конфликт или взаимодействие. Региональные геостратегические треугольники. Многополярность и региональные подсистемы международных отношений.

дихотомии: центр — периферия, Запад — Восток, Север — Юг. Реформирование ООН и проблема регламентации миротворческой деятельности (взгляд с Востока).

Вопросы для обсуждения.

1. Основные закономерности превращения мира в целостность.
2. Ядро (центр) и периферия в современном мире.
3. Смысл утраты государственного суверенитета.
4. Проблема активизация периферийных зон.

5. Модернизация eгi.i ориентализация.
6. Причины появления страны-лидера.
7. Лидеры и гегемоны в мировой и региональной системе международных отношений.
8. Что такое страна-соперник и какова ее роль.
9. Понятие лидерства.
10. Лидерство и региональные системы (Япония, АТР, Китай).
11. Требования к экономике страны-лидера в мировом и региональном разрезе (концепция «стаи летящих гусей»).
12. Современный системный кризис мирового капитализма и его воздействие на общество периферии (Латинская Америка).
13. Проблема Китая: региональный или глобальный соперник государства-доминанты?
14. Индия — от догоняющего развития к устойчивому росту.
15. Тропическая Африка на пороге XXI века.
16. Исламский фундаментализм в современном мире.
17. дихотомии: Восток—Запад, Север—Юг, центр — периферия.
18. Проблема появления региональных геостратегических треугольников.

Литература:

- * Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. Ч. 1, 2.
- * Воскресенская Ад. Сбалансированное многомерное партнерство — оптимальная стратегия для России /1 Восток. 1998. 1.
- * Гончаренко С. форум «Азиатско-тихоокеанское сотрудничество». Торгово-экономические группировки в регионе АТЭС // Проблемы дальнего Востока. 1999. №3.
- * Кистанов В. АТР на пороге XXI века: К тихоокеанскому сообществу «азиатским путем»? // Проблемы дальнего Востока. 1998. № 1.
- * Ларин В.Л. Китай и дальний Восток России. Владивосток, 1998. Гл. 1.
- * Малышева д. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // Международная экономика и международные отношения. 1999. 7.
- * Панарин А.С. двуполушарная структура мира: Переосмысление дихотомии «Восток—Запад» // Восток. 1998. 2.
- * Подцероб А. Конфликт двух цивилизаций или их взаимодействие? // Международная жизнь. 1998. № 3.
- * Постиндустриальный мир: Центр, периферия, Россия. М., 1999. Ч. 2: Глобализация и периферия.
- * Семенов А., Михеев В. Новое евразийство: Парадигма российского обновления // Международная экономика и международные отношения. 1999. № 7.
- * Семин А. Японо-китайские отношения в современном мире // Проблемы Дальнего Востока. 1998. ! 3.
- * Татю М. Треугольник Вашингтон - Москва — Пекин в новой геометрии // Международная жизнь. 1999. I 2.
- * Хонг ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М., 1998. Гл. 1.
- * Хон Ван Сук. Динамика соотношения сил и особенности механизмов международных отношений в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. ! 3.
- * Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.
- * Чэн Д.И.С. Политика Китая в отношении АСЕАН в 1990-х гг.: Подталкивание к многополярности // Проблемы Дальнего Востока. 1999. 1 4.
- * Чуфрин Г.И. К вопросу о новом мировом порядке: смена парадигмы развития международных отношений /1 Восток. 1998. I 1.
- * Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998.
- * Широков Г.К. Мировые центры и периферия: Пути социальноэкономического развития // Восток. 1998. № 3.

Коллоквиум 3 -

Глобализация “versus” регионализация на Востоке

Глобализация и регионализация. Интеграция и дезинтеграция. Гипотетическая схема хозяйственных пространств при мультиполярной модели развития экономики. Интеграция

и регионализм. Экономическая глобализация: концепции и подходы. Концепции азиатского регионализма. Открытый и закрытый регионализм. Проблемы китайской экономики в свете глобализации и азиатского регионализма. Вызовы Китая для региональной и глобальной системы международных отношений. Вызовы для России.

Вопросы для обсуждения:

1. Глобализация и регионализация на Востоке.
2. Регионализация и регионализм на Востоке (на примере стран и субрегионов).
3. Региональные аспекты внешней политики: правомерность постановки вопроса и ограничения.
4. Интеграция, дезинтеграция и региональные проблемы. Урбанистические субзоны или торговые блоки.
5. Каким образом происходят интеграция и дезинтеграция в современном мире?
6. Что такое Великий шелковый путь, по территории каких стран он пролегал, какую роль он сыграл в истории народов мира и каково отношение наших современников к нему?
7. Интеграционные процессы в странах Востока (по регионам).
8. Региональные интеграционные организации в странах Востока.

Литература:

- * Абазов Р. Глобальные перемены и геополитика в XXI веке /1 Международная экономика и международные отношения. 1999. Г 2.
- * Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) 1/ Восток. 1999. Г 2.
- АСЕАН в системе международных политических отношений. М., 1993.
- АСЕАН в системе международных экономических отношений. М., 1993.
- * Бобровников А.В. Интегративные тенденции и эпицентры развития в XXI веке /1 Латинская Америка. 1997. I 7.
- * Бурый А. Межрегиональная ассоциация <Дальний Восток и Забайкалье> и интеграция российского Дальнего Востока в АТР /1 Проблемы Дальнего Востока. 1998. I 5.
- * Виглаі-ід В.К. Глобализация мировой экономики и мир ислама 1/ Восток. 1999. I 2.
- * Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М.. 1999.
- * Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. М., 1995.
- * Михеев В. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм: Вызовы для России? /1 Проблемы Дальнего Востока. 1999. 2.
- * Михеев В. Китай и азиатский регионализм // Международные отношения. 1999. I 9.
- * Постиндустриальный мир: Центр, периферия, Россия. Ч. 1: Общие проблемы постиндустриальной эпохи. М., 1999. Ч. 2: Глобализация и периферія.
- * Титаренко М. Трансконтинентальный мост и перспективы российско-китайского сотрудничества 1/ Проблемы Дальнего Востока. 1999. I 1.
- * Хачатуров К. Новое партнерство: Латинская Америка — АТР 1/ Международные отношения. 1999. Г4 8.
- * Чернявский С. «Великий шелковый вугь'» и интересы России 1/ Международная экономика и международные отношения. 1999. I б.
- * Чешков М. О видении глобализирующегося мира 1/ Международная экономика и международные отношения. 1999. Уд б.

Коллоквиум 4

Глобализация, регионализм и региональные
финансовые КРИЗИСЫ

Причины финансового кризиса в Азии: объективные экономические противоречия и субъективные ошибки правительств. Кризис финансовый или региональный? Геополитическая версия финансового кризиса. Финансовый кризис и динамика региональных отношений. Хронология кризиса: Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Южная Корея, далее везде. Финансовый кризис: конец «азиатского экономического чуда»? Программы МВФ по преодолению кризиса: Южная Корея, Индонезия, Таиланд, Малайзия. МВФ и региональные экономические кризисы. Влияние кризиса на региональную и мировую экономику. Влияние кризиса на региональные подсистемы международных отношений. Региональные и глобальные внешнеполитические последствия кризиса для стран Востока. Выводы и вызовы для России.

Вопросы для обсуждения:

1. Причины финансового кризиса в Азии.
2. Геополитические версии финансового кризиса.
3. Хронология кризиса.
4. Роль МВФ в региональной политике и региональных подсистемах международных отношений. Смысл программ МВФ по преодолению кризиса.
5. Влияние кризиса на региональную и мировую экономику, на региональную и мировую политику.
6. Региональные внешнеполитические последствия кризиса для стран Юго-Востока.
7. Выводы для России.

Литература:

- * Борох О. Восточно-азиатский кризис и его влияние на развитие китайской экономической науки // Проблемы Дальнего Востока. 1999. Г 2.
 - * Михеев В.В. Азиатский финансовый кризис и его последствия // Международная жизнь. 1999. Г 3.
 - * Михеев В.. Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия // Проблемы Дальнего Востока. 1998. 1Ч 2—3.
- Международная экономика и международные отношения. 1999. I 4 (тематический), Статьи И. Дорониной, А. Аникиной, М. Ершова, Е. Леонтьева, Т. Ворожейкиной, Г. Матюхина, Л.Р. Клейн по темам:
- финансовый кризис и Япония, Латинская Америка, страны Азии.
 - * Нестеренко А. Южная Корея: Кризис и преодоление // Проблемы Дальнего Востока. 1999. I 4.
 - * Потапов М. К вопросу о причинах и уроках азиатского финансового кризиса // Проблемы Дальнего Востока. 1998. I 5.
 - * Современный финансово-экономический кризис. Реакция нарождающихся рынков и центров мировой экономики. М., 1999.
 - * Сумский В. Кризис в Индонезии: Экономика в интерьере меж- этнических отношений // Международная экономика и международные отношения. 1999. I 7.

Коллоквиум 5

Региональные конфликты и региональная безопасность
Международная и региональная безопасность. Безопасность и региональные конфликты.
Основы международных режимов безопасности. Эволюция концепций региональной безопасности. Субрегиональное и региональное многостороннее сотрудничество.
Структурно-функциональные особенности региональных режимов безопасности.
Региональные режимы нераспространения. Региональные режимы ядерного нераспространения. Региональные системы режимов нераспространения и экспортного контроля. Региональные конфликты. Региональные споры. Региональные пограничные проблемы и проблемы безопасности. Проблема гегемона и лидера в мировой и региональной системе международных отношений.

Вопросы для обсуждения:

1. Региональные конфликты в АТР.
2. Региональные конфликты в Южной Азии.

3. Региональные конфликты на Ближнем Востоке.
4. Региональные конфликты в Африке.
5. Международные и региональные режимы безопасности.
6. Проблема региональных режимов безопасности.
7. Эволюция региональных режимов безопасности.
8. Пограничные конфликты и территориальные споры в регионах.

Литература:

- * Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. ч. 3.
- * Бакланов А. драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь. 1999. № 1.
- Гарнет Ш.У. Ограниченное партнерство: Российско-китайские отношения в изменяющейся Азии. М., 1999.
- * Горелый И.О. Корея. Концепции объединения. М., 1997.
- * Кяреев Г. 4200 километров границы с Китаем // Международная жизнь. 1999. № 2.
- * Курилы: Острова в океане проблем. М., 1998.
- * Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 1990-х гг.: Проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. Гл. 6.

- Ли Дон Хюн. Политика СССР и Российской Федерации по отношению к Северо-Восточной Азии и двум корейским государствам (1985—1998 гг.). М., 1999.
- * Михайлова В. Тайвань в современных международных отношениях и российско-тайваньские связи // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1.
- * Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996.
- * Пак Ду Бок. Политика КНДР на Корейском полуострове и отношения между Китаем и Республикой Корея // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2.
- * Петровский В. Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны». М., 1998.
- Петровскій В. Режимы нераспространения и экспортного контроля в АТР: Проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2.
- * Поликанов Д.В.. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М., 1999.
- * Посувалюк В. Мир и безопасность на Ближнем Востоке — достижима ли цель? // Международная жизнь. 1998, осень.
- * Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М., 1997.
- * Россия и международные режимы безопасности. М., 1998.
- * Сергунин А. США, Россия и международная безопасность в АТР в постконфронтационную эпоху // Проблемы Дальнего Востока. 1998.
- * Сергунин А. США, Россия и международная безопасность в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4.
- Скоробатюк И. О воззрениях корейцев на объединение // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2.
- Степанов Е.Д. Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море. М., 1997.
- * Тайваньский пролив в тихоокеанском стратегическом контексте. М., 1998.
- * Ткаченко В. Проблемы российско-корейского сотрудничества в интересах сохранения мира на Корейском полуострове // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2.
- * Толорая Г., Яковлев П. Как развязать «корейский узел» // Международная жизнь. 1999. № 3.
- * Цыганов Ю. Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М., 1999.
- Чуфрин Г.И., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Ядерный фактор как источник новых конфликтных ситуаций и угроз национальной безопасности России на южном направлении. М., 1994.
- * Южная Азия: Конфликты и геополитика / Отв. ред. В.Я. Белокреневский. М., 1999.

Япония и проблемы безопасности в АТР. М., 1996.

Коллоквиум 6

Политика России на Востоке

и региональные проблемы международных отношений

Исторические корни политики России на Востоке. Специфика Востока. Расширение российской территории в Азии. Традиционные взгляды России на Восток и на Азию. Культурно-историческое наследие и проблема «восточного азимута» в российской внешней политике. Политика России на Востоке и региональные проблемы международных отношений.

Российская внешняя политика в отношении Китая, Японии, АТР, Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Африки. Россия и Юг. Россия и Центральная Азия. Региональные аспекты внешней и внутренней политики России.

Вопросы для обсуждения:

1. Исторические корни политики России на Востоке.
2. Традиционные взгляды России на Восток и Азию.
3. Проблема «восточного азимута» российской внешней политики.
4. Российская политика в отношении Китая, Японии, АТР и региональные проблемы международных отношений.
5. Российская политика в отношении Южной Азии и региональные проблемы международных отношений.
6. Российская политика в отношении Ближнего и Среднего Востока и региональные проблемы международных отношений.
7. Российская политика в отношении стран Латинской Америки и региональные проблемы международных отношений.
8. Российская политика в отношении стран Африки и региональные проблемы международных отношений.
9. Российская политика в отношении Центральной Азии и региональные проблемы международных отношений.
10. Регионалистика и региональные аспекты внешней политики.
11. Региональные аспекты внешней политики России и региональные проблемы международных отношений.
12. Региональные аспекты внешней политики стран Востока и региональные проблемы международных отношений.

Литература:

* Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: От мессианства к прагматизму. М., 1993.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: Теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

Воскресенский А.Д. «Третий путь». Российская внешняя политика на распутье II Свободная мысль. 1999. ! 5.

* Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. СПб., 1998. Гл. 20, § 126. Гл. 21, § 127—133.

* Ларин В.Л. Китай и дальний Восток Россия. Владивосток, 1998. Гл. 7.

* Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.

Петрова С.Н. Культурно-историческое наследие как ресурс внешней политики Республики Узбекистан /1 Восток. 1998. ! 3.

* Постсоветская Центральная Азия: Потери и приобретения. М., 1998. Гл. 1: Россия и Центральная Азия.

* Россия и Латинская Америка: К новому партнерству / Отв. ред. ВВ. Вольский. М., 1992.

* Россия и Юг: Возможности и пределы взаимодействия. М., 1996. Раздел 2: Новая Россия. Раздел 3: Эволюция развивающегося мира. Раздел 4: Потенциал и перспективы общения России со странами Юга.

* Сударев В.П. Латинская Америка в активе российской внешней политики // Международная жизнь. 1997. У 1.

* Хонг Ван Сук. Геостратегия России и Северо-Восточная Азия. М., 1998. Гл. 2, 3, 4.

Хон Ван Сук. Влияние исторических традиций на внешнюю политику России в Азии //

Восток. 1999. № 2.

* Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии. М., 1998.

Чуфрин Г.И., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Ядерный фактор как источник новых конфликтных ситуаций и угроз национальной безопасности России на южном направлении. М., 1994.

Юрлов Ф.И. Россия и Индия в меняющемся мире. М., 1998. Яскина Г. Российско-монгольские отношения: Реальность и перспектива // Проблемы дальнего Востока. 1998. № 5.

Общая литература по регионам:

Азиатско-Тихоокеанский регион

Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности / Отв. ред. А.Д. Воскресенская и Н.П. Малетин. М., 2002.

АСЕАН в системе международных экономических отношений. М., 1994.

АСЕАН в системе международных политических отношений. М., 1993.

Богатров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.

Китай в мировой политике / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.

Листопадов Н.А. Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы): История и геополитика. М., 1998.

Малетин Н.П. АСЕАН: Три десятилетия (1967—1997 гг.) — три политики. М., 1997.

Россия, Китай и новый миропорядок XXI в. / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М., 2001.

Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: Новый взгляд. М., 1995.

Южная Азия

Южная Азия: Конфликты и геополитика. М., 1999.

Лунев С.И. дипломатия в Южной Азии. М., 1997.

Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы). М., 1994.

Мукиджанова Р.М. Пакистан и империалистические державы. М., 1984.

Ближний и Средний Восток

Арабский мир в конце XX века. М., 1996.

Вавялов А.И. Политическая история американо-арабских отношений (80-е — начало 90-х гг.): Опыт критического осмысления. М., 1994.

Васильев А.Г. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: От мессианства к прагматизму. М., 1993.

Дружяловский С.Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80—90-х гг. М., 1992.

Дружиловский С.Б. Турецкая Республика в 80—90-е гг. М., 1998.

Омар А.А. США, исламский Ближний Восток и Россия. М., 1995.

Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция): Традиции и демократизация. М., 1999.

Центральная Азия

Постсоветская Центральная Азия: Потери и приобретения. М., 1998.

Латинская Америка

Латинская Америка в международных отношениях. XX век / Отв. ред. А.А. Глинкин. М., 1998.

Центральноамериканский конфликт: От противоборства к урегулированию / Отв. ред. А.Н. Глинкин, В.П. Сударев. М., 1992.

Африка

Африка. Региональные аспекты глобальных проблем / Отв. ред. С.А. Бессонов. М., 1996.

Бельский В. Континент конфликтов /1 Международная жизнь. 1997. № 8.

Егоров В.В., Рыбаков Ю.В., Фокеев Г.В. Африка на пороге 80-х годов. М., 1980.

Мартышин О. Привьется ли в Африке западная демократия? /1 Азия и Африка сегодня. 1996. № 8.

Неклесса А. Перспективы глобального развития и место Африки в новом мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 8.

ПРИМЕРНЫЙ ОБРАЗЕЦ ПРОВЕРОЧНОГО ТЕСТА ПО КУРСУ

Назовите государства и территории, расположенные в регионе Центральная и Восточная Азия (выбрать верную строку):

- а) КНДР, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Тайвань
- б) Монголия, Китай, Таиланд, Вьетнам, КНДР, Япония
- в) Республика Корея, Тайвань, Китай, Монголия, Япония.

Отметьте государства, составляющие регион Южная Азия:

- а) Индия, Мальдивская Республика, Бруней, Бутан, Пакистан, Бангладеш, Мьянма;
- б) Шри-Ланка, Индия, Непал, Пакистан, Бутан, Бангладеш, Мальдивская Республика;
- в) Мьянма, Шри-Ланка, Индонезия, Индия, Бангладеш, Бутан, Пакистан.

Назовите из перечисленных ниже африканские государства, которые обычно относят к Ближневосточному региону:

- а) Алжир; б) Тунис; в) Ливия; г) Египет; д) Марокко; е) Судан; ж) Мавритания; з) Сомали.

Перечислите страны, относящиеся к региону Северная Африка:

- а) Мали, Мавритания, Ливия, Нигерия, Марокко;
- б) Алжир, Судан, Нигер, Буркина-Фасо, Египет;
- в) Египет, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко.

Верно ли следующее утверждение:

Членами ОПЕК являются все перечисленные ниже страны:

Алжир, Венесуэла, Габон, Индонезия, Иран, Ирак, Катар, Кувейт, Ливан, Мексика, Нигерия, ОАЭ?

- а) верно; б) неверно.

Верно ли Утверждение:

Членами АСЕАН являются все перечисленные ниже государства:

Индия, Бангладеш, Непал, Бутан, Пакистан, Шри-Ланка, Мальдивская Республика?

- а) верно; б) неверно.

Верно ли утверждение:

В азиатском регионе находятся крупнейшие поставщики нефти на мировой рынок?

- а) верно; б) неверно.

Закончите фразу:

К числу крупнейших народов мира, проживающих в Азии, кроме китайцев, относятся: а) корейцы; б) хиндустанцы (хиндустани); в) турки; г) пуштунты; д) бенгальцы; е) пенджабцы; ж) вьетцы; з) мьянма; и) тай.

Верно ли утверждение:

Юго-Восточная Азия включает страны, расположенные на полуострове Индокитай и островах Малайского архипелага?

- а) верно; б) неверно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предмет и задачи изучения региональных подсистем междуна
родных отношений. А.Д. Воскресенский

Раздел I.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ

Глава 1. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые
индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай. В.В. Михеев

Глава 2. Глобализация и процесс изменения границ
в международных отношениях. Р. Харше

Глава 3. Глобализация, регионализация и региональная
интеграция. В.В. Михеев

Раздел II.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ: ОТ ГЕНЕЗИСА К ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Глава 1. Россия в современной мировой системе и региональных подсистемах
международных отношений. Е.П. Бажанов.

Глава 2. Генезис и эволюция межамериканской (панамериканской) системы во второй
половине XX века. В.П. Сударев

Глава 3. Эволюция наднациональных институтов Европейского союза в региональной
подсистеме международных отношений. М.В. Стрежнева

Глава 4. Азиатско-Тихоокеанский регион на раннем этапе становления региональной
подсистемы международных отношений (1900—1920-е годы XX в.). А.Д. Воскресенский

Глава 5. Центральная Азия как региональная подсистема
международных отношений. К.П. Боришполец

Раздел III.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Глава 1. Европа и Средиземноморье: проблема единого пространства, безопасности и
межрегионального взаимодействия А.В. Мальгин 213

Глава 2. Социокультурный анализ институциональной структур СНГ. М.В. С,врежнева 239

Глава 3. Интеграция на основе религии: Организация исламской
конференции. Л.М. Ефимова 257

Глава 4. Интеграционные процессы в арабском мире.
Н.В. Степанова 283

Глава 5. Проблемы и перспективы регионального сотрудничеств в Южной Азии. В.Я.
Белокреницкий 343

Глава 6. Юго-Восточная Азия и интеграция. А.А. Рогожин 356

Глава 7. Взаимодействие субрегиональных подсистем междунароудны отношений: новые
реальности Восточной и Юго-Востоchno Азии. д.В. Мосяков 370

Раздел IV.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глава 1. Сравнительный анализ восприятия безопасности
в России и на Западе. А.В. Мальгин 381

Глава 2. Безопасность в Европе после войны в Косово.
Лю Цзяньшэн 395

Глава 3. Эволюция концепции безопасности на Среднем
Востоке (Иран, Афганистан, Турция). С.Б. Дружиловский 407

Глава 4. Межгосударственные конфликты и региональная
безопасность в Южной Азии. В.Я. Белокреницкий 415

Глава 5. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда
(Центральная Азия). И.Л. Звягельская, В.В. Наумкин 429

Глава 6. АСЕАН и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.П.
Малетин, Ю.А. Райков 451

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. А.Д. Воскресенский 493

Приложение 2. АД, Воскресенский . - 510

Приложение .3 523

ВОСТОК/ЗАПАД

Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений

Художественное оформление А. Сорокин

Техническое редактирование

и компьютерная верстка Н. Галанчева

ЛР 1'. 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.01.2002.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная 1і 1. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 33,0. Уч.-изд.л. 34,4. Тираж 3000 экз. Заказ X' 5535

Издательство <Российская политическая энциклопедия'>

(РОССНЭН)

129256. Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция),

Тел/Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография *Наука»

121099, Москва. Пубинский Пер., б